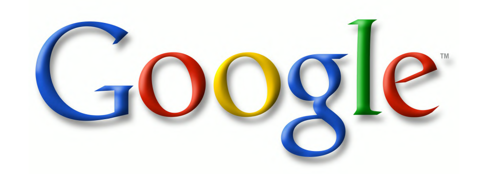


Tiander

К. ТІАНДЕРЪ.

ПОѢЗДКИ СКАНДИНАВОВЪ

ВЪ

БѢЛОЕ МОРЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1906.

1. White Sea
2. Sagas – Collections.
3. Denmark – Hist., to 13th cent.
4. Saxo Grammaticus.

К. ТІАНДЕРЪ.

ПОѢЗДКИ СКАНДИНАВОВЪ

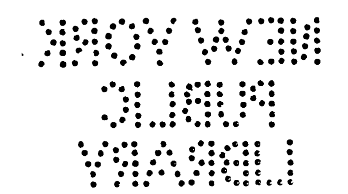
ВЪ

БѢЛОЕ МОРЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1906.

Печатается по постановленію Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. 22-го апрѣля 1906 года.

Деканъ *Θ. Браунъ*.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Изъ Исторіи Саксона Грамматика:

Изъ лѣтописи Норвегіи:

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ни въ одной дѣятельности человѣкъ не нуждается въ столь сильной нравственной поддержкѣ, какъ въ области отвлеченной научной работы. Заботы о насущномъ хлѣбѣ, текущіе интересы жизни, потрясающіе вопросы дня—отвлекаютъ вниманіе отъ занятія давно минувшими дѣлами, расшатываютъ вѣру въ цѣлесообразность такого рода труда. Но если, я все-таки довелъ до конца начатое еще на университетской скамьѣ изслѣдованіе, то этимъ обязанъ я всецѣло той помощи извнѣ, признаться въ которой я считаю своей священной и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятной обязанностью.

Уваженіе и любовь къ наукѣ вселилъ въ меня примѣръ моего почитаемаго учителя, академика Александра Николаевича Веселовскаго. Его лекціи и его бесѣды показали мнѣ впервые, что знаніе—сила. Когда я сталъ разбираться въ многочисленныхъ трудахъ моего учителя, тогда только я понялъ, какая громадная затрата силъ и времени требуется для установленія даже самой мелкой истины, тогда только я проникся благоговѣніемъ передъ наукой—тѣмъ нерукотворнымъ святилищемъ, которое воздвигъ себѣ мощный геній человѣка. Прибавить хотя бы одинъ камень къ этому строенію стало сокровеннѣйшимъ моимъ желаніемъ.

Можетъ быть, этой моей мечтѣ никогда не суждено было бы осуществиться, если бы мои научные замыслы не встрѣтили самаго горячаго сочувствія со

стороны профессора Өедора Александровича Брауна, въ лицѣ котораго я нашелъ непосредственнаго руководителя. Өедору Александровичу я обязанъ безчисленными указаніями и совѣтами; большинство затронутыхъ мною вопросовъ служило предметомъ нашихъ совмѣстныхъ обсужденій; когда собственное мое одушевленіе падало, то неослабѣвающій интересъ его къ моей работѣ подбодрялъ меня.

Историко-филологическій Факультетъ дважды коммандировалъ меня заграницу и согласился принять мое изслѣдованіе къ печатанію въ своихъ Запискахъ. Такимъ образомъ, я получилъ возможность заниматься въ богатыхъ книгохранилищахъ Стокгольма, Копенгагена и Лейпцига, получилъ средства на изданіе своего труда. Всѣми, находящимися въ моемъ распоряженіи силами, я старался оправдать это щедрое ко мнѣ довѣріе Факультета.

Благодаря пособію, выданному мнѣ Литературнымъ Фондомъ, я, наконецъ, могъ сложить съ себя часть уроковъ и такимъ образомъ приступить къ печатанію моего изслѣдованія. При чтеніи корректуръ любезно приняли на себя трудъ помогать мнѣ Е. П. Бернаскони и А. Р. Кулишеръ. И многіе, многіе еще содѣйствовали успѣшному окончанію моей работы.

Сознаюсь откровенно, что безъ этой разносторонней и обильной поддержки мое изслѣдованіе никогда не увидѣло бы свѣта. За недостатки моего труда извиняюсь передъ уважаемыми учителями и благожелателями, и передъ всѣми, кто способствовалъ моей работѣ; за достоинства же ея, если таковыя вообще имѣются, приношу свою искреннюю благодарность всѣмъ своимъ прямымъ и косвеннымъ сотрудникамъ.

Петербургъ,
апрѣль 1906 г.

К. Тіандеръ.

Открытіе морского пути въ Бѣлое море.

I.

Царство мертвыхъ.

Когда передъ неустанно безпокойнымъ умомъ человѣка раскрываются новыя познанія, то отжившія истины могутъ быть выброшены за бортъ, безъ особаго для насъ ущерба. Но, въ повѣрьяхъ менѣе подвижныхъ слоевъ народной массы, заблужденія прежнихъ временъ продолжаютъ свое существованіе въ неясныхъ, полупонятыхъ намекахъ. Для ученаго эти смутныя переживанія представляютъ собой несомнѣнную важность: разбираясь въ нихъ, онъ возстановляетъ тѣ ступени, по которымъ поднимались предыдущія поколѣнія въ своихъ догадкахъ и сомнѣніяхъ.—Такимъ же путемъ попытаемся и мы выяснить себѣ, какъ германскія племена знакомились съ негостепріимными краями сѣвера.

Уже древніе мыслители предполагали, что всѣ народы вѣруютъ въ безсмертіе души. Во всякомъ случаѣ, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что даже самыя отсталыя дикія племена убѣждены во временномъ продолженіи жизни человѣка и послѣ гибели его тѣла [1]). Это убѣжденіе под-

[1]) Для всѣхъ общихъ соображеній о народныхъ представленіяхъ о человѣческой душѣ, которыя будутъ высказаны въ этой главѣ, можно подыскать безчисленныя доказательства въ любой антропологіи или этнографіи. Въ частности же, этотъ вопросъ всесторонне освѣщенъ въ слѣдующихъ трудахъ Бастіана: Der Mensch in der Geschichte, II т. 1860 г.; Die Vorstellungen von der Seele, 1875 г.; Allerlei aus Volks-und Menschenkunde, 1888 г.; Die Verbleibsorte der abgeschiedenen Seele, 1893 г.

державалось въ дикарѣ сновидѣніями, галлюцинаціями и всѣми явленіями природы, которымъ онъ придавалъ антропоморѳическое толкованіе. Существованіе человѣческой души послѣ смерти тѣла у разныхъ народовъ представлялось различно, въ общемъ, правда, менѣе матеріально, чѣмъ земная жизнь, но все же эти представленія о душахъ и тѣняхъ не выходятъ изъ круга понятій и признаковъ вещественнаго міра. Вначалѣ мертвые находились въ непосредственной близости къ живымъ, то и дѣло принимая участіе въ самыхъ разнообразныхъ происшествіяхъ; они давали совѣты своему потомству и оказывали ему помощь, живые же заботились о томъ, чтобы постоянно угождать своимъ предкамъ. Только на болѣе развитой ступени культуры человѣкъ сталъ отводить душамъ своихъ предковъ особыя мѣстопребыванія—такъ называемыя царства мертвыхъ. Края, обитаемые живыми людьми, понятно не годились для этихъ таинственныхъ гостей. Естественно было думать, что мертвый живетъ тамъ, куда еще не проникъ живой. Наиболѣе опредѣленной границей земель, заселенныхъ какимъ-нибудь племенемъ, могло служить море. Поэтому почти у всѣхъ народовъ мы застаемъ такое представленіе о царствѣ мертвыхъ: оно находится на островѣ и отдѣлено отъ остального міра моремъ или рѣкой. Это общее представленіе получилось изъ первоначальной вѣры въ то, что извѣстная рѣка, опредѣленное море дѣйствительно создавали грань между міромъ живыхъ и царствомъ мертвыхъ.

Въ потвержденіе послѣдняго наблюденія можно было бы привести примѣры изъ фольклора всѣхъ народовъ, начиная съ трогательнаго разсказа Зендъ-Авесты о томъ, какъ рѣка мертвыхъ наполняется слезами, пролитыми по дорогимъ умершимъ, и кончая нашей просто народной поговоркой, составляющей такой рѣжущій контрастъ съ приведеннымъ только-что сказаніемъ: «чтобъ тебѣ на томъ свѣту—провалиться на мосту!»—Между прочимъ, упомянемъ еще, что въ Китаѣ, въ праздникъ спасенія, ежегодно совершается ритуалъ прохожденія духовъ по мосту: по особо заготовленному мосту проходятъ священники и переодѣтые люди,

изображающіе собой духовъ умершихъ [1]). Но для нашей цѣли намъ только необходимо показать наличность этихъ представленій въ скандинавской миѳологіи.

Въ скандинавскихъ языкахъ образовывается рядъ словъ съ приставкой «ut», гдѣ эта приставка еще сохранила свое первоначальное значеніе въ смыслѣ пространственной отдаленности. Такъ шведъ употребляетъ слѣд. выраженія:

utegor—владѣнія, находящіяся внѣ связи съ главнымъ имѣніемъ,
utkant—крайная полоса,
utmark—крайнія области имѣнія,
utnäs—крайній мысъ,
utholme, utö—крайній островъ,
utskär—крайнія шхеры,
utpost—передовой постъ и т. д.

Въ скандинавскихъ миѳахъ еще сохранилось воспоминаніе о какой-то мѣстности U'tgarđr, въ которой царствуетъ U'tgarđaloki; по Саксону,—Ugarthilocus. Локи чуть ли не самое загадачное лицо скандинавскаго олимпа. Элардъ Мейеръ не считаетъ его даже божествомъ, а лишь демономъ высшаго порядка [2]). Имя его ставили въ связь и съ Вулканомъ и Луциферомъ и со славянскимъ корнемъ *w̥lk, но вѣроятнѣе всего, что Локи относится къ кругу тѣхъ миѳическихъ представленій, въ которыхъ скандинавы первоначально олицетворяли разрушительное дѣйствіе огня. При дальнѣйшемъ очеловѣченіи Локи получилъ извѣстный нравственный обликъ, рисующій его какъ enfant terrible, даже какъ предателя и врага остальныхъ боговъ. Поэтому естественно было помѣщать его подальше отъ людей и отъ свѣтлыхъ боговъ. Но миѳы объ Утгардалоки кажутся такими поздними образованіями, что вліяніе христіанскихъ понятій становится болѣе чѣмъ вѣроятнымъ. Поэтому основное понятіе Утгарда отчасти затемнено. Во всякомъ случаѣ, Утгардъ расположенъ на краю свѣта и переправляться

---

[1]) Bastian, Allerlei II т., стр. 134.
[2]) Mythologie der Germanen, стр. 275.

туда приходится моремъ [1]). Здѣсь живутъ уже не люди, а великаны [2]). По Саксону, Торкиль отправляется въ Утгардъ, чтобы разрѣшить сомнѣнія престарѣлаго короля Горма, что случится съ его душой послѣ смерти, куда попадетъ его душа, послѣ того какъ она разстанется съ тѣломъ, и какую награду онъ обрѣтетъ за ревностное поклоненіе богамъ [3]). Мнѣ кажется, что уже эта одна цѣль путешествія вполнѣ насъ можетъ убѣдить въ томъ, что Утгардъ—страна мертвыхъ. Тогда для насъ пріобрѣтаетъ особое значеніе названіе «Утгардъ». Этимъ было бы доказано наше первое предположеніе о мѣстопребываніи мертвыхъ на краю свѣта, за предѣлами обитаемаго міра. Скандинавская миѳологія въ первоначальной своей простотѣ различала, можетъ быть, именно только три міра: miđgarđr—мѣстожительство людского рода, ásgarđr—сѣдалище боговъ и ùtgarđr—царство мертвыхъ.

Перейдемъ теперь ко второму нашему положенію о томъ, что страна мертвыхъ отдѣлялась отъ обитаемой земли рѣкой или моремъ.

Сперва слѣдуетъ упомянуть объ особомъ погребальномъ обычаѣ скандинавовъ, который чередуется или сочетается съ обычнымъ у всѣхъ арійцевъ сожженіемъ труповъ. Мертваго клали въ корабль въ полномъ вооруженіи, вмѣстѣ съ убитымъ конемъ, съ собаками, иногда и другими домашними животными; сюда же вносили разныя необходимыя мертвому вещи, драгоцѣнности, можетъ быть, и съѣстные припасы. Затѣмъ корабль выталкивали въ море, предоставивъ его игрѣ волнъ.

Въ англосаксонскомъ эпосѣ «Беовульфъ» похороны Скильда, родоначальника датскихъ королей, описываются слѣдующимъ образомъ: «мужи положили любимаго госпо-

---

[1]) byrjađi ferđina austr í Jǫtunheima ok allt til hafsins ok þá fór hann út yfir hafit þat it djupa... Sn. Edda, стр. 58

[2]) sá þar marga menn a tvá bekki ok flesta œrit stóra... Sn. Edda, стр. 62.

[3]) quasnam sedes esset exuto membris spiritu petiturus aut quid præmii propensa numinum veneratio mereretur, cogitatione secum varia disquirebat.—Saxo, стр. 429.

дина, дарователя колецъ, въ трюмъ корабля возлѣ самой мачты... Туда же было положено множество драгоцѣнностей, которыя, вмѣстѣ съ нимъ, должны были отправиться въ далекое путешествіе по морю... Высоко надъ его головой подняли золотое знамя и предоставили корабль теченію, предали его морю. Всѣ были озабочены, всѣ были въ грустномъ настроеніи: никто изъ живущихъ подъ небомъ людей вѣдь не могъ бы съ увѣренностью сказать, кто приметъ грузъ этого корабля [1]).

Описанный только-что обычай не исключалъ примѣненія и болѣе стариннаго сожженія. Иногда отталкивали корабль отъ берега только послѣ того, какъ зажигали его. Примѣръ такихъ похоронъ имѣется въ прозаической Эддѣ. Боги хотѣли положить трупъ Бальдера на самый большой корабль въ мірѣ, но не могли его сдвинуть съ мѣста; тогда они послали за великаншей Hyrrokin, которая, ставъ у носовой части корабля, съ перваго же удара толкнула его впередъ, такъ что огонь заискрился изъ-подъ роликовъ. Послѣ этого развели огонь въ кораблѣ и положили туда не только трупъ Бальдера, но и его жену, умершую тутъ же во время похоронъ, и коня его въ полной сбруѣ. Одинъ бросилъ въ огонь чудесное кольцо, а Торъ шнырявшаго у него подъ ногами карлика—дверга [2]). Рядомъ съ миѳическимъ преданіемъ приведу историческое воспоминаніе. Послѣ битвы при Fýrisvǫllr смертельно раненый король Гаки велѣлъ нести себя на большой корабль. Когда онъ скончался, то зажгли корабль, направили руль, подняли паруса и судно понеслось въ море [3]). Для такого рода похоронъ даже имѣется особое слово: þálfǫr, составленное изъ þál=костеръ для сжиганія трупа и fǫr=поѣздка.

Наконецъ, похороны могли принять еще болѣе сложный характеръ. Кромѣ отправленія мертваго по морю на кораблѣ и кромѣ сожженія трупа, издревле было принято

[1]) Беовульфъ, стихи 34—52.

[2]) Sn. Edda, стр. 75—76.

[3]) lét þá flytja út til hafs ok leggja stýri í lag ok draga upp segl, en leggja eld í tyrvið ok gera bál á skipinu.... Sigldi skipit síðan loganda út í haf... Нкг. стр. 21.

зарывать умершихъ въ землю. Этотъ послѣднiй обычай даже гораздо болѣе распространенъ нежели сожженiе; отправка на кораблѣ же, понятно, могла возникнуть только у народа, живущаго на берегу моря. Вотъ эти то три способа обращенiя съ мертвыми могли быть соединены въ такомъ видѣ: мертваго клали на корабль и сожигали его; затѣмъ останки и пепелъ покрывались курганомъ. Такъ побѣдитель Рингъ хоронитъ своего противника, знаменитаго короля Гаральда Гильдетандъ, убитаго въ Бровальскомъ побоищѣ. Послѣ того какъ развели огонь, Рингъ приказываетъ датчанамъ ввести въ него обитый золотомъ корабль короля. Пока горитъ костеръ, Рингъ уговариваетъ своихъ воиновъ бросать въ огонь оружiе, золото и разныя драгоцѣнности, чтобы такими жертвами доказать свое уваженiе къ покойному. Пепелъ же его послѣ сожженiя былъ собранъ въ особую урну, и вмѣстѣ съ конемъ и вооруженiемъ короля, преданъ землѣ [1]).

Въ такомъ же родѣ и арабскiй лѣтописецъ Ибнъ Фадланъ описываетъ похороны въ древней Руси. Правда Котляревскiй [2]) полагаетъ, что Ибнъ Фадланъ познакомился съ чисто славянскимъ обычаемъ. Между тѣмъ, самъ же Котляревскiй, разсмотрѣвъ всевозможныя свидѣтельства о славянскихъ похоронахъ, не нашелъ нигдѣ, кромѣ какъ у Фадлана, упоминанiя о суднѣ. Только одна Лаврентьевская лѣтопись разсказываетъ о радимичахъ, вятичахъ и сѣверянахъ: «творяху кладу велику и въжложахуть и на кладу мертвеца сожьжаху, а посемъ собравше кости, вложаху въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ» [3]). Но дѣло въ томъ, что

---

[1]) Deinde rogum extruit, Danis inauratam regis sui puppim in flammæ fomentum conjicere jussis. Cumque superjectum ignis cadaver absumeret, mœrentes circuire proceres impensiusque cunctos hortari cœpit, uti arma, aurum, et quodcunqne opimum esset, liberaliter in nutrimentum rogi sub tanti taliterque apud omnes meriti regis veneratione transmitterent. Cineres quoque perusti corporis urnæ contraditos Lethram perferri ibique cum equo et armis regio more funerari præcepit. Saxo, стр. 391.

[2]) О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. 1868 г.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I т., стр. 12.

тутъ далеко не говорится объ обычаяхъ, подобныхъ тѣмъ, которые описывались въ древнесѣверной литературѣ. По лѣтописному извѣстію, судно замѣняетъ гробъ. Гробъ, однако, въ доисторическія времена вовсе не имѣлъ такого вида, какъ нынѣ; онъ просто представлялъ собой выдолбленную колоду. На такія колоды я особенно обратилъ вниманіе въ музеѣ древностей въ Копенгагенѣ. Да и самое слово «гробъ» связано съ корнемъ, означающимъ—рыть; ср. нѣмецкое graben и греческое γράφειν. Мое замѣчаніе сводится къ тому, что доисторическіе гробы очень мало отличались отъ первоначальнаго вида лодокъ, которыя тоже выдалбливались изъ одного дерева. Такимъ образомъ, лѣтописецъ или тотъ, который сообщилъ ему о погребальномъ обычаѣ, легко могъ принять настоящій гробъ за «судину малу». Я увѣренъ, что у славянъ такихъ погребальныхъ обычаевъ, какъ отправленіе мертваго на кораблѣ въ море или какъ сжиганіе трупа вмѣстѣ съ кораблемъ, уже потому не могло быть, что они не были мореплавателями. Поэтому я и считаю болѣе правильнымъ то предположеніе, что Ибнъ Фадланъ присутствовалъ на похоронахъ скандинава.

Интересующія насъ подробности этихъ похоронъ слѣдующія: Судно было вытащено на берегъ и для него сдѣлали четыре подпоры, а вокругъ поставили деревянныя изображенія, подобныя великанамъ. Затѣмъ принесли скамью, поставили ее на судно и покрыли ее вышитыми коврами. На убранную такимъ образомъ скамью посадили мертваго. Принесли горячій напитокъ, плоды, благовонныя растенія, хлѣбъ, мясо и лукъ. Затѣмъ разсѣкли собаку на двѣ части и бросили въ судно. Также поступили и съ двумя лошадьми и двумя быками. Наконецъ, зарѣзали пѣтуха и курицу. Слѣдуетъ подробный разсказъ о томъ, какъ поступили съ дѣвушкой, которая должна была умереть со своимъ господиномъ. Послѣ всѣхъ этихъ жертвъ «подошелъ ближайшій родственникъ этого мертвеца, взялъ кусокъ дерева и зажегъ его, пошелъ задомъ вспять къ судну, держа въ одной рукѣ кусокъ дерева, а другую руку на открытомъ задѣ, пока не зажегъ того дерева, которое они

расположили подъ судномъ... Послѣ того подошли (остальные) люди съ деревомъ и дровами, каждый имѣлъ зажженный кусокъ дерева, который онъ бросилъ въ эти дрова, и огонь охватилъ дрова, затѣмъ судно, потомъ палатку съ мужчиной (мертвецомъ), дѣвушкой и всѣмъ въ ней находящимся... Не прошло и часа, какъ судно, дрова, умершій мужчина и дѣвушка совершенно превратились въ пепелъ» [1]).

Мы разсмотрѣли самые разнообразные разсказы о древне-скандинавскихъ похоронахъ и повсюду встрѣчались съ примѣненіемъ корабля, на которомъ, очевидно, мертвый долженъ былъ отправиться черезъ тѣ моря, которыя отдѣляли обитаемыя земли отъ царства мертвыхъ. Этотъ корабль удержался въ погребальныхъ обычаяхъ даже дольше, чѣмъ сожженіе. Когда послѣднее вышло изъ моды, тогда стали зарывать въ землю цѣлый корабль или часть корабля, который, такимъ образомъ, служилъ гробомъ для умершаго викинга. И вотъ въ наши дни было найдено нѣсколько такихъ зарытыхъ въ землю кораблей, какъ въ Швеціи такъ и въ Норвегіи. Подобныя находки показываютъ, что вышеприведенные разсказы основаны на дѣйствительно примѣнимыхъ обычаяхъ. Наконецъ, корабль сталъ какъ бы символомъ смерти; на могилахъ раскладывались камни въ такомъ порядкѣ, что они образовывали контуры корабля [2]).

Король Фротонъ, великій законодатель земли датской, давалъ и точныя предписанія для похоронъ. Такъ трупъ сотника или намѣстника слѣдовало сжигать на кострѣ, сооруженномъ изъ его корабля. Для десяти рулевыхъ достаточно было сжечь одинъ корабль; вождя или короля слѣдовало положить на его корабль и такимъ образомъ сжигать его [3]). Вѣроятно, уже до этихъ законовъ похороны

---

[1]) Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ. 1870 г., стр. 97—101.

[2]) ZfdA. IX т., стр. 574.

[3]) Centurionis vero vel satrapæ corpus rogo propria nave constructo funerandum constituit. Dena autem gubernatorum corpora unius puppis igne consumi præcepit; ducem quempiam aut regem interfectum proprio injectum navigio concremari. Saxo, стр. 235.

совершались различно въ зависимости отъ общественнаго положенія умершаго, потому что уже Ибнъ Фадланъ замѣчаетъ, что бѣдному человѣку дѣлаютъ небольшое судно [1]).

Въ связи съ предыдущими свидѣтельствами мнѣ кажется безусловно правдоподобнымъ толкованіе А. Н. Веселовскимъ [2]) таинственнаго корабля Naglfar, который упоминается въ Волуспо [3]) при описаніи свѣтопредставленія— какъ корабля мертвецовъ. На немъ находятся всѣ чудища ада, а Локи самъ правитъ у кормы.

Въ X главѣ саги о Вёльсунгахъ находится разсказъ о томъ, какъ Сигмундъ хочетъ хоронить трупъ своего сына Синфіотли. Онъ несетъ его въ лѣсъ и приходитъ къ какому-то фіорду. У берега стоитъ человѣкъ въ небольшой лодкѣ. Перевозчикъ предлагаетъ Сигмунду переправиться черезъ фіордъ, но лодка оказывается столь малой, что можетъ нести на себѣ только трупъ. Перевозчикъ отъѣхалъ съ трупомъ, а Сигмундъ хотѣлъ пойти вдоль берега, какъ вдругъ и перевозчикъ и лодка исчезли. Полагаютъ, что этотъ перевозчикъ былъ самъ Одинъ, принимавшій столь дѣятельное участіе въ судьбѣ Вёльсунговъ [4]). И тутъ, значитъ, самымъ нагляднымъ образомъ описывается, что царство мертвыхъ находится за моремъ.

Въ эддической миѳологіи, въ которой однако мы никогда не гарантированы отъ вліянія христіанскихъ представленій, «дорога въ царство мертвыхъ»—helvegr ведетъ черезъ рѣку Gjǫll [5]); названіе это получилось отъ глагола gjalla=пѣть, шумѣть. Черезъ эту рѣку ведетъ мостъ Gjallarbrú, вымощенный блестящимъ золотомъ [6]). Въ Волуспо [7]) вѣщунья видитъ «людей, бредущихъ въ тяжелыхъ волнахъ, клятвопреступниковъ и убійцъ и того, кто совратилъ жену другого».

---

[1]) Гаркави, Op. cit., стр. 96.

[2]) Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, XVIII, стр. 61.

[3]) Строфа 47.

[4]) Sn. Edda. стр. 167.

[5]) Grimnismál, строфа 28.

[6]) Sn. Edda, стр. 16—17.

[7]) Строфа 38.

Мы ограничимся приведенными доказательствами; ихъ число можно было бы умножить [1]). Они въ достаточной мѣрѣ выяснили намъ, какъ скандинавы представляли себѣ царство мертвыхъ; они помѣщали его вдали отъ занимаемыхъ ими земель и обязательно по ту сторону моря. Станемъ же теперь искать эту страну мертвыхъ на картѣ.

Весьма вѣроятно, что главная рѣка Германіи, которая къ тому же образовала границу заселенныхъ германскими племенами областей, въ народныхъ повѣрьяхъ слыла рѣкой мертвыхъ. Трудно, однако, провѣрить, что собственно означало въ разныхъ пѣсняхъ и восклицаніяхъ выраженіе «über den Rein», такъ какъ слово «Rein», теперешнее «Rain», въ смыслѣ «рубежа, межи», также укладывается въ рамки этого выраженія. Въ однихъ стихахъ просятъ Петра запереть небесныя ворота и бросить ключь—über den Rein, въ другихъ обращаются къ солнцу съ предложеніемъ: «flieg über den Rein!» [2]). Болѣе убѣдителенъ уже разсказъ Цесарія Гейстербахскаго о томъ, какъ у нихъ въ монастырѣ являлся во снѣ разнымъ братьямъ давно умершій погребщикъ и звалъ ихъ къ Рейну: «ibimus ad Rhenum». Одинъ изъ нихъ, наиболѣе старый, послѣдовалъ за нимъ и на другой день заболѣлъ и вскорѣ умеръ [3]). Характерно въ этомъ разсказѣ какъ бы техническое выраженіе: ire ad Rhenum. Другія сказанія, приведенныя у Мангардта [4]), съ интересующей насъ стороны страдаютъ неясностью и неопредѣленностью. Зато у нѣмецкихъ поэтовъ вплоть до сего дня живетъ память о Рейнѣ, какъ о рѣкѣ мертвыхъ. Что Вагнеръ [5]) приписываетъ Рейну такое значеніе, въ томъ мало удивительнаго. Вотанъ и Логе собираются въ погоню за великанами, уведшими Фрейю. Рѣчь идетъ о дорогѣ въ Nibelheim, что, какъ извѣстно, условное названіе царства мертвыхъ.

---

[1]) Сл. напримѣръ E. Meyer, Germ. Mythologie, стр. 134—5.
[2]) Mannhardt, Germ. Mythen. стр. 390—4.
[3]) 33 гл. XI книги; по изданію Strange стр. 296.
[4]) Germ. Mythen, стр. 361 сл.
[5]) „Rheingold“, стр. 38—9.

Вотанъ говоритъ: Nach Nibelheim fahren wir nieder...
Логе отвѣчаетъ: Wie du befiehlst
führ' ich dich gern:
steil hinab
steigen wir denn durch den Rhein?

Если у Вагнера такое пониманіе Рейна подготовлено его интересомъ къ древнегерманской миѳологіи, то у другихъ поэтовъ оно объясняется уже живучестью стариннаго повѣрья. Даже у Буша [1]) мы находимъ слѣдующее наглядное описаніе:

Der Fährmann lag in seinem Schiff
Beim Schein des Mondenlichts,
Als etwas kam und rief und pfiff,
Doch sehen tat er nichts.
Ihm war, als stiegen hundert ein,
Das Schifflein wurde schwer.
«Flink, Fährmann, fahr' uns übern Rhein,
Die Zahlung folgt nachher».

Гораздо больше свидѣтельствъ мы можемъ привести въ пользу мѣстонахожденія царства мертвыхъ въ Британіи. Латинскій поэтъ Claudius Claudianus, родившійся, вѣроятно, около 375 года въ Александріи и умершій уже въ 404 году, въ своемъ обличительномъ стихотвореніи «In Rufinum» — противъ Руфина, который былъ политическимъ врагомъ Стилихона, покровителя поэта, допустилъ слѣдующее отступленіе отъ темы: «Есть край, лежащій у отдаленнѣйшихъ границъ Галліи, край, омываемый волнами океана, гдѣ, какъ говорятъ, Одиссей жертвенной кровью оживилъ молчащую толпу. Тамъ слышны плачевныя жалобы летучихъ тѣней, ихъ пронзительные крики; предъ туземцами же появляются блѣдныя видѣнія и странствующіе образы умершихъ». Изъ дальнѣйшаго описанія явствуетъ, что этотъ таинственный край расположенъ недалеко отъ Рейна

---

[1]) Сборникъ „Zu guter Letzt", стр. 4.

и Британіи [1]). Клавдіанъ намекаетъ на поѣздку Одиссея въ царство мертвыхъ. И у Гомера говорится, что Одиссей прибылъ на самый край океана. Вся страна была окутана туманомъ и мракомъ; никогда тамъ не свѣтило солнце, и вѣчная ночь давила несчастныхъ людей [2]). Что бы мы ни думали о загадочныхъ киммерійцахъ [3]), ясно одно, что картина царства мертвыхъ позаимствована изъ природы сѣвера. Такимъ образомъ, и въ гомеровскихъ стихахъ просвѣчиваетъ стремленіе отодвинуть непривлекательное царство мертвыхъ подальше къ сѣверу, къ предѣламъ обитаемой земли. Но Клавдіанъ передавалъ не личную догадку, не повѣрье римлянъ, а мѣстное представленіе; у него вѣдь прямая ссылка на туземцевъ—coloni. Если бы свидѣтельство Клавдіана не подтверждалось другими источниками, то можно было бы считать его поэтическимъ вымысломъ, но у византійскаго лѣтописца Прокопія, жившаго въ VI вѣкѣ, мы находимъ подробный разсказъ о тѣхъ же самыхъ явленіяхъ.

---

[1]) (Monumenta Germaniae historica, т. X, стр. 23, стихи 123—133).

Est locus extremum pandit qua Gallia litus
Oceani praetentus aquis, ubi fertur Ulixes
Sanguine libato populum movisse silentem.
Illic umbrarum tenui stridore volantum
Flebilis auditur questus; simulacra coloni
Pallida defunctasque vident migrare figuras.
Hinc dea prosiluit Phoebique egressa serenos
Infecit radios ululatuque aethera rupit
Terrifico: sensit ferale Britannia murmur
Et Senonum quatit arva fragor revolutaque Thetys
Substitit et Rhenus proiecta torpuit urna.

[2]) (Od. Λ, стихи 12—19).

δύσετό τ' ἠέλιος σκιόωντό τε πᾶσαι ἀγυιαί,
ἡ δ'ἐς πείραθ' ἵκανε βαθυρρόου 'Ωκεανοῖο.
ἔνθα δὲ Κιμμερίων ἀνδρῶν δῆμός τε πόλις τε,
ἠέρι καὶ νεφέλῃ κεκαλυμμένοι· οὐδέ ποτ' αὐτοὺς
ἠέλιος φαέθων καταδέρκεται ἀκτίνεσσιν,
οὔθ' ὁπότ' ἂν στείχῃσι πρὸς οὐρανὸν ἀστερόεντα,
οὔθ' ὅτ' ἂν ἂψ ἐπὶ γαῖαν ἀπ' οὐρανόθεν προτράπηται,
ἀλλ' ἐπὶ νὺξ ὀλοὴ τέταται δειλοῖσι βροτοῖσιν.

[3]) Вопросомъ объ отождествленіи киммерійцевъ съ позднѣйшими кимврами занимается Мюлленгофъ во II томѣ DA.

«Вдоль берега океана противъ британскаго острова расположено много деревень. Жители занимаются рыболовствомъ, земледѣліемъ и торговлей съ островомъ. Во всемъ они подчинены Франціи, но только не платятъ ей пошлины, отъ которой они освобождены за слѣдующую услугу, какъ они говорятъ. Они утверждаютъ, что на нихъ возложена обязанность перевозить души умершихъ [1]). Это ихъ занятіе описывается такимъ образомъ: Ночью они слышатъ стукъ въ двери и голоса, зовущіе ихъ на работу. Тотчасъ же они вскакиваютъ съ постелей и идутъ къ берегу... Тамъ они находятъ готовыя лодки по виду пустыя, не свои собственныя, а чужія, входятъ въ нихъ и садятся на весла. Они чувствуютъ, что лодки отягчены безчисленнымъ множествомъ людей, постепенно ихъ наполняющихъ, отчего лодки погружаются въ воду до самыхъ краевъ настолько, что онѣ поднимаются надъ поверхностью воды лишь на палецъ. Гребцы же никого не видятъ. Уже черезъ часъ они достигаютъ противоположнаго берега Британіи, въ то время какъ они на своихъ собственныхъ лодкахъ на веслахъ, но безъ паруса, совершаютъ этотъ путь въ теченіе одного дня и одной ночи. Когда они достигаютъ острова, то они сразу же чувствуютъ, что лодки пустѣютъ... [2]). Прокопій, равно какъ и Клавдіанъ, ссылается на

---

[1]) παρὰ τὴν ἀκτὴν τοῦ κατὰ τὴν Βριττίαν νῆσον ὠκεανοῦ κώμας παμπληθεῖς ξυμβαίνει εἶναι. οἰκοῦσι δὲ αὐτὰς ἄνθρωποι σαγηνεύοντές τε καὶ γῆν γεωργοῦντες καὶ ἐπ' ἐμπορίαν ναυτιλλόμενοι ἐς τήνδε τὴν νῆσον, τὰ μὲν ἄλλα Φράγγων κατήκοοι ὄντες, φόρου μέντοι ἀπαγωγὴν οὐδεπώποτε παρασχόμενοι.... λέγουσιν οἱ ταύτῃ ἄνθρωποι ἐκ περιτροπῆς ἐπικεῖσθαι τὰς τῶν ψυχῶν παραπομπὰς σφίσιν. (Fonti per la storia d'Italia—Comparetti, La guerra gotica di Procopio di Cesarea т. III, стр. 157)

[2]) ἀωρὶ δὲ νύκτωρ τῶν μὲν θυρῶν σφίσιν ἀρασσομένων αἰσθάνονται, φωνῆς δὲ τινος ἀφανοῦς ἐπαΐουσιν ἐπὶ τὸ ἔργον αὐτοὺς ξυγκαλούσης.... ἐνταῦθα δὲ ἀκάτους παρεσκευασμένας ὁρῶσιν ἐρήμους τὸ παράπαν ἀνθρώπων, οὐ τὰς σφετέρας μέντοι, ἀλλ' ἑτέρας τινάς, ἐς ἃς δὴ ἐσβάντες τῶν κωπῶν ἅπτονται. καὶ τῶν βάρεων αἰσθάνονται ἀχθομένων μὲν ἐπιβατῶν πλήθει, ἄχρι δὲ ἐς σανίδος τε ἄκρας καὶ τῶν κωπῶν τὴν χώραν τῷ ῥοθίῳ βεβαπτισμένων, ἀποδεουσῶν τε τοῦ ὕδατος ὅσον οὐδὲ δάκτυλον ἕνα, αὐτοὶ μέντοι οὐδένα θεῶνται, ἀλλὰ καὶ μίαν ἐρέσσοντες ὥραν ἐς τὴν Βριττίαν καταίρουσι, καίτοι ταῖς ἀκάτοις ἡνίκα ταῖς αὐτῶν ἰδίαις ναυτίλλονται, οὐχ ἱστίοις χρώμενοι, ἀλλ' ἐρέσσοντες ἐς νύκτα τε καὶ ἡμέραν, μόλις ἐνταῦθα διαπορθμεύονται... (Тамъ же, стр. 158—9).

разсказы туземцевъ, хотя самъ не увѣренъ въ дѣйствительности описываемыхъ происшествій и склоненъ приписать подобныя повѣрья галлюцинаціямъ [1]).

Такъ какъ въ предыдущихъ свидѣтельствахъ передаются мѣстныя повѣрья, то мы въ правѣ ожидать, что хотя бы осколки этихъ сказаній сохранились и въ болѣе позднихъ извѣстіяхъ. Дѣйствительно, Ваккернагель отыскалъ въ Гейдельбергѣ рукопись XIII вѣка, содержащую разсказъ о томъ, какъ рыцарь узнаетъ свою давно умершую мать въ женщинѣ, которая предназначается ему по приговору императора. Онъ, понятно, выражаетъ свое удивленіе тому, какъ могла она ожить послѣ многолѣтняго пребыванія въ царствѣ мертвыхъ, и проситъ ее разсказать ему о состояніи того свѣта.

wol her, liebiu muoter mîn!
ir sult mir willekomen sîn.
doch envriesch ich solcher maere nie
daz alsô lange ein vrouwe ie
hin en Priten sî gewesen
und alsus manec jâr genesen.
si sol uns dennoch sagen mê
wie ez in jener werlde stê [2]).

Какъ мы видимъ, царство мертвыхъ опредѣляется просто: hin en Priten.

Въ нѣмецкихъ народныхъ дѣтскихъ стихахъ часто упоминается страна Engelland. Мангардтъ [3]) замѣчаетъ, что подъ этой страной вѣроятнѣе всего слѣдуетъ понимать страну ангеловъ, свѣтлыхъ духовъ, вообще небо, а отнюдь не Англію. Но не произошло ли впослѣдствіи такое же сліяніе двусмысленнаго Engelland, какъ въ вышеприведенномъ выраженіи о Рейнѣ? Познакомившись съ сказаніями, не допускающими никакого сомнѣнія, мы можемъ думать,

[1]) σπουδαιότατα μὲν ἀπαγγελλόντων ἀκηκοὼς πολλάκις τῶν τῇδε ἀνθρώπων, ἐς ὀνείρων δή τινα δύναμιν ἀποκεκρίσθαι νενομικὼς τὰ θρυλούμενα. (Тамъ же, стр. 156—7).

[2]) ZfdA. VI т., стр. 191.

[3]) Germ. Mythen, стр. 347.

что переходъ значенія отъ «rein=рубежа» къ Рейну и отъ «Engelland=страны ангеловъ» къ Англіи былъ подготовленъ народными повѣрьями въ томъ смыслѣ, что Рейнъ былъ рѣкой мертвыхъ, а Британія—страной мертвыхъ. Въ нѣкоторыхъ стихахъ Engelland даже упоминается въ связи съ другими обозначеніями, которыя не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Engelland—Англія. Напримѣръ:

Die Himmelstür wird offengehn,
Maria Gottes Amme
Kommt mit dem weissen Lamme,
Weist die Wolken über Land
(Von Brabant) nach Engelland,
(Von Engelland nach Spanien
Mit Aepfeln und Kastanien) [1]).

На островѣ Walchern, лежащемъ у южнаго берега Сѣвернаго моря, найдено много жертвенниковъ, посвященныхъ богинѣ Nehalennia. Гольцманъ [2]) производитъ это названіе отъ основы nehal=nifl и думаетъ, что Nehalennia была царицей въ царствѣ мертвыхъ. Но, во-первыхъ, Nehalennia можетъ быть и кельтскимъ божествомъ, во-вторыхъ, ея атрибуты—колосья и корзины съ плодами, скорѣе указывающіе на богиню плодородія, такъ что толкованіе Гольцмана врядъ ли заслуживаетъ вниманія, равно какъ и нѣкоторыя другія его догадки.

Такой же загадочной страной, какъ Британія, одно время должна была казаться и Норвегія, раньше чѣмъ германскія племена окончательно переселились туда. Такимъ образомъ, средненѣмецкій эпосъ еще пріурочиваетъ къ Норвегіи царство нибелунговъ:

Si kômen in drin wochen geriten in daz lant,
ze Nibelunges bürge, dar wären si gesant,
ze Norwaege in der marke dâ funden si den degen.
diu ros den boten wâren müede von den langen wegen [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 401, сл. стр. 397.

[2]) Holtzman, Deutsche Mythologie, стр. 122 сл.

[3]) Bartsch, Der Nibelunge Nôt I т., стр. 120, строфа 739; въ варіантѣ А, вмѣсто Norwaege, написано Hornwege, въ другихъ оно вовсе отсутствуетъ

За той областью Норвегіи, которая лежала ближе всего къ Даніи, за областью около рѣки Гётаэльфа такъ и упрочилось названіе Alfheimar=страны альфовъ, духовъ. Еще у Снорри находимъ опредѣленіе: Alfheimar váru þá kalladir millum Raumelfar u Gautelfar [1]). Это повѣрье живетъ еще понынѣ въ народныхъ сказкахъ [2]).

Наконецъ, какъ Британія, такъ и Норвегія были заселены германскими племенами, и страну мертвыхъ пришлось отодвинуть еще дальше на сѣверъ, ближе къ краю свѣта. Подобно тому, какъ дѣтямъ въ темномъ помѣщеніи становится жутко, и гдѣ ихъ воображеніе созидаетъ небывалые страхи, такъ и первое знакомство съ крайнимъ сѣверомъ не могло обойтись безъ преувеличенныхъ представленій объ особенностяхъ арктической природы. Вѣчный мракъ, казалось, могъ служить только для пребыванія тѣней и привидѣній; леденящій морозъ сталъ признакомъ застоя и смерти. Исландская поговорка гласитъ, что дорога въ адъ ведетъ внизъ подъ землю и къ сѣверу: nidr ok nordr liggr helvegr. Желая отправить кого-нибудь къ чорту, шведъ отсылаетъ его на сѣверъ въ горы: önskar honom långt nordan till fjälls.

Когда складывалась скандинавская миѳологія, то Скандинавскій полуостровъ уже хорошо былъ извѣстенъ и нельзя было въ этихъ общеизвѣстныхъ мѣстахъ помѣщать пресловутое царство мертвыхъ. И вотъ оно очутилось гдѣ-то на сѣверѣ у Ледовитаго океана, около Бѣлаго моря. Бѣлое море представляло собой ту крайнюю цѣль на сѣверовостокѣ, куда скандинавскіе мореплаватели направляли свои корабли. Объ этихъ миѳахъ, пріуроченныхъ къ бѣломорскому краю и связанныхъ съ представленіями о царствѣ мертвыхъ, будетъ рѣчь впереди.

---

[1]) Hkr, стр. 40.
[2]) Weinhold, Polargegenden, стр. 804.

II.

Названіе сѣвера.

Въ то время какъ названія у германцевъ трехъ странъ свѣта безъ затрудненія объясняются, какъ опредѣленія мѣстонахожденія солнца, обозначеніе сѣвера является прямо загадкой. Древнесѣверное austan, англосаксонское éast, древненѣмецкое ôstan несомнѣнно связано съ латинскимъ aurora, греческимъ ἠώς и литовскимъ auszra, и этотъ корень въ германскихъ языкахъ первоначально вѣроятно также означалъ утреннюю зарю, а затѣмъ уже сталъ употребляться въ смыслѣ того направленія, откуда восходитъ солнце. Древнесѣверное vestan, англосаксонское west, древненѣмецкое westan, можно сопоставить съ латинскимъ vesper и греческимъ ἑσπέρα. Въ германскихъ языкахъ этотъ корень перетерпѣлъ, очевидно, тотъ же перебой значенія, какъ и названіе востока. Югъ же для германца ни больше ни меньше какъ путь къ солнцу; несомнѣнно древнесѣверное sunnan, англосаксонское súþ, древненѣмецкое sundan произведено отъ названія солнца—прагерманскаго sunnô(n). Такимъ образомъ, названія востока, запада и юга у германцевъ первоначально обозначались по солнцу, на подобіе того, какъ современный нѣмецъ употребляетъ слова: Morgen, Mittag и Abend въ переносномъ смыслѣ для обозначенія странъ свѣта, или какъ береговые жители Бѣлаго моря называютъ юговосточный вѣтеръ—обѣденникомъ, сѣверовосточный—полунощникомъ, югозападный—шалонникомъ, сѣверозападный—побережникомъ [1]). Относительно германскаго названія сѣвера такое толкованіе на первый взглядъ кажется невозможнымъ. Но для насъ уже важно то наблюденіе, что остальныя страны свѣта названы словами, которыя первоначально имѣли совсѣмъ другое значеніе.

Вообще мнѣ думается, что понятія о странахъ свѣта развиваются главнымъ образомъ на морѣ. На сушѣ, въ

[1]) Озерецковскій, Плаваніе по Бѣлому морю, стр. 7.

особенности въ лѣсу, не только совершенно безразлично, но даже прямо невозможно во всякое время опредѣлить, гдѣ востокъ, гдѣ западъ. Народъ, живущій внутри страны, рѣдко и задается подобными вопросами; тамъ для обозначенія направленія легче всего пользоваться какими-нибудь бросающимися въ глаза признаками данной мѣстности. Мнѣ приходилось это наблюдать на себѣ лично: находясь въ городѣ, я постоянно путалъ направленія странъ свѣта и никогда не могъ бы достовѣрно сказать, откуда дулъ вѣтеръ; живя на берегу моря и идя подъ парусомъ даже въ неизвѣстныхъ водахъ, я инстинктивно представлялъ себѣ всю карту данной мѣстности и внимательно слѣдилъ за каждымъ уклоненіемъ вѣтра въ другую сторону. Слѣдуетъ думать, что обозначенія странъ свѣта созданы народомъ, живущимъ на морскомъ берегу и занимающимся мореплаваніемъ.

Ту вѣтвь германской расы, которая преимущественно подвизалась на морѣ, составляли англосаксы и скандинавы. Ихъ первымъ большимъ морскимъ подвигомъ было, понятно, постепенное ихъ переселеніе съ одной стороны въ Британію, съ другой на Скандинавскій полуостровъ. Но чтобы совершать такіе переѣзды, нужно уже быть опытнымъ морякомъ, нужно пройти извѣстную школу. Гдѣ же учились наши германцы? Сѣверное море слишкомъ опасное поле для первыхъ упражненій; а Балтійское море непосредственно у южнаго берега представляло большія затрудненія въ виду открытаго его положенія. Остаются воды около Даніи, узкіе проливы между островами и шведскимъ берегомъ. Съ послѣдняго легко достичь Борнгольма, а отсюда вскорѣ становится виденъ и островъ Эландъ, оттуда же опять виденъ Готландъ. Еще въ очень позднее время ѣздили въ Эстляндію не прямо черезъ Балтійское море, а шли изъ Даніи вдоль шведскихъ береговъ и затѣмъ перебирались отъ острова къ острову черезъ широкое водное пространство [1]). Борнгольмъ—Эландъ—Готландъ—Упландъ, вотъ крайніе пункты древнѣйшей германской культуры въ Скандинавіи.

---

[1]) Петерсенъ, стр. 129.

Если плаваніе на востокъ ограничивалось приблизительно такими предѣлами, то на сѣверъ и западъ отъ датскихъ острововъ большой просторъ представлялъ морской заливъ. Такъ его и прозвали Заливомъ—Vik, потому что другихъ такихъ заливовъ тогда еще не знали. Мореплаватели, ѣздящіе по Вику, были прозваны викингами (víkingr) въ отличіе отъ тѣхъ, которые еще плавали вдоль береговъ или по узкимъ проливамъ, которые, другими словами, еще не отваживались на болѣе смѣлое плаваніе. Поэтому съ названіемъ викинга связано понятіе объ удальствѣ, отвагѣ, неустрашимости. Впослѣдствіе, когда Викъ перестадъ быть единственнымъ въ своемъ родѣ заливомъ, то и слово «викингъ» стало общимъ понятіемъ.

Воспоминаніе объ этой первоначальной, болѣе ограниченной роли викинговъ я вижу въ аскоманнахъ Адама Бременскаго. Упоминая о богатствѣ Селанда, Адамъ Бременскій считаетъ нужнымъ объяснить его происхожденіе. Морскіе разбойники, которые у нихъ называются викингами, у насъ же аскоманнами, платятъ датскому королю налогъ за право взимать дань съ чужестранцевъ, которые въ этомъ морѣ плаваютъ въ большомъ количествѣ [1]). Далѣе, Адамъ Бременскій поясняетъ, что эти аскоманны нападали и на своихъ земляковъ и по своей вѣроломности способны были продать другъ друга. Мнѣ кажется, что въ этомъ мѣстѣ мы имѣемъ самое раннее указаніе на ту подать, которую датскіе короли стали взимать съ чужихъ кораблей, проѣзжающихъ черезъ Сундъ. Эта подать извѣстна въ исторіи скандинавскихъ государствъ подъ названіемъ Öresundstullen и послужила поводомъ къ постояннымъ раздорамъ и даже войнамъ; только въ 1857 году Данія отказалась отъ этой подати, получивъ отъ различныхъ европейскихъ государствъ компенсацію въ 60 милліоновъ кронъ. Но названіе какъ викинговъ, такъ и аскоманновъ возникло еще

---

[1]) Aurum ibi plurimum, quod raptu congeritur pyratico. Ipsi enim pyratae, quos illi Wichingos appellant, nostri Ascomannos, regi Danico tributum solvunt, ut liceat eis praedam exercere a barbaris, qui circa hoc mare plurimi habundant. Книга IV, глава VI, стр. 158.

до возможности введенія подобнаго налога. Такъ какъ древнесѣверное askr=не только «ясень», но имѣетъ и другія значенія, напримѣръ, «корабль», то аскоманнами назывались моряки, плавающіе на такихъ корабляхъ. Askr означало вѣроятно корабль большаго размѣра; Мюлленгофъ [1]) думаетъ, что askr даже больше латинскаго navis. Теперь для насъ связь аскоманновъ съ викингами вполнѣ ясна: викинги первые пустились въ плаваніе по большому заливу, поэтому имъ и нужны были большіе корабли. Впослѣдствіе названіе аскоманновъ сохранилось болѣе на югѣ и перешло къ нѣмцамъ, между тѣмъ, какъ названіе викинговъ распространилось по сѣверу, получивъ болѣе общее значеніе.

Какая же страна теперь должна была встрѣтиться «викингамъ», уплывшимъ отъ датскихъ береговъ? Разумѣется, Норвегія. Такъ и у Саксона Norvagia означаетъ только южную часть современной Норвегіи отъ Трондгейма до Линдеснеса, далѣе къ сѣверу у Саксона слѣдуетъ Halogia. При плаваніи отъ Даніи къ Швеціи и дальше преобладало направленіе отъ запада къ востоку, между тѣмъ какъ по Вику приходилось ѣхать прямо на сѣверъ. Такимъ образомъ, въ образованіяхъ norvegr, norland, normađr первая часть «nor» пріобрѣло значеніе «сѣвера». Первоначально «nor», какъ и названія другихъ странъ свѣта, имѣло какое-нибудь другое значеніе, относительно котораго существуютъ самыя разнообразныя толкованія.

Изъ предыдущихъ этимологій видно, что названія странъ свѣта образованы съ суффиксомъ «dan», по смыслу равносильнымъ нашему предлогу «съ», ср. нѣмецкое von dannen. На ряду съ этимъ суффиксомъ мы имѣемъ еще суффиксъ «dar», отвѣчающій нашему «къ». Отсюда слѣдуетъ, norđan=съ сѣвера, norđr, возникшее изъ norđar=къ сѣверу, и что искомый корень—nor. Согласно съ этимъ эпонимъ Норвегіи называется Norr [2]), а въ области Согнедаля еще до сего дня сохранилось названіе Norafjord. Неправильное толкованіе norđ-an вмѣсто nor-đan рано вошло

[1]) DA. т. IV, стр. 500.
[2]) Fas. II т., стр. 3 сл.

въ обиходъ и давало поводъ къ новообразованіямъ norđvegr, norđland, norđmađr, которыя все же не могли вытѣснить первоначальныя формы: до сихъ поръ мы еще говоримъ о Норвегіи и норманахъ.

Вейнгольдъ [1]) искалъ нашъ корень въ названіяхъ морскаго божества Niördr и норновъ и въ именахъ, образованныхъ съ формой Neri. По его мнѣнію, санскритское nîra = «вода» опредѣляетъ смыслъ этихъ образованій, и norđr означало бы—направленіе къ морю, «meerwärts». Толкованіе Вейнгольда вполнѣ оправдывается нашими общими соображеніями, но противъ его этимологіи Мюлленгофъ [2]) представилъ вполнѣ убѣдительныя замѣчанія. Съ пріуроченіемъ къ крайнему сѣверу царства мертвыхъ вполнѣ сходилось бы сопоставленіе norđr съ греческимъ ἔνεροι, νέρτεροι = «подземные боги, подземные жители», къ которому въ послѣднее время примкнулъ и Норенъ [3]). Тогда norvegr былъ бы синонимомъ къ выраженію helvegr, и norđr приходилось бы толковать какъ направленіе къ подземному царству. Такое толкованіе, правда, съ другой этимологіей, принималъ уже Торфеусъ [4]): quis maluerit nord a voce naar, quae cadaver significat, derivare... nequaquam refragabor. Но отчего тогда названіе norvegr (= helvegr) пріурочилось къ Норвегіи, а не къ Британіи, которая гораздо раньше и, можетъ быть, опредѣленнѣе слыла страной мертвыхъ?—Уже въ виду краткости основной гласной въ «nor» совершенно недопустимы сопоставленія названія сѣвера съ греческимъ ναρός, νηρός, Νηρεύς, или съ нѣмецкимъ nehrung, или скандинавскимъ nōr, не говоря о томъ, что nehrung = «узкій перешеекъ» или nōr = «проливъ» по смыслу не подходилъ бы. Наиболѣе подходящей по общему смыслу и наименѣе натянутой съ этимологической стороны я считаю высказанную недавно гипотезу Херренберга [5]).

---

[1]) ZfdA. VI т., стр. 460—1.
[2]) DA. IV т., стр. 658.
[3]) Urgerm. Lautlehre, стр. 209.
[4]) I т., стр. 14.
[5]) Globus LXXVII т., 1900 г., стр. 371 сл.

Онъ указываетъ на мѣстности Германіи: Norrberg, Norrenberg, Nürnberg и др., названія которыхъ образованы изъ слова nürn, norn=«скала». Die Nürre—мѣстность, гдѣ ничего не растетъ, nörriger Boden—каменистая почва, nörr, norr—безплодное пятно на полѣ. Къ сожалѣнію не удалось подыскать сѣверныхъ параллелей къ этимъ областнымъ нѣмецкимъ словамъ. Но нѣтъ основанія думать, что такой корень былъ вовсе неизвѣстенъ сѣвернымъ германцамъ [1]). Когда «викинги» стали пріѣзжать въ Норвегію, ихъ поразили высокія норвежскія горы, тѣмъ болѣе, что ихъ собственная страна была низменной, а потому они прозвали ее «скалистой, гористой страной»—norland, а путь туда «путешествіемъ къ горамъ»—norvegr, туземцевъ же «жителями горъ»—normađr. Адамъ Бременскій прямо говоритъ, что Норвегія начинается съ выдающихся надъ моремъ скалъ [2]); относительно ея природы онъ отмѣчаетъ прежде всего суровость горъ [3]). При расширеніи географическаго кругозора германскіе народы передавали наши слова другъ другу, и, выхваченные изъ родной своей почвы они потеряли и специфическое свое значеніе, земляной привкусъ: norvegr стало Норвегіей, normađr—норманомъ, а norđr—обозначеніемъ страны свѣта, противоположной солнцу—югу.

Но старое названіе не исчезло совсѣмъ безъ слѣда. Исконные обитатели Норвегіи—лапландцы еще у Торфеуса называются fjaldfinni=горными финами. Шведъ еще понынѣ говоритъ о горныхъ жителяхъ: fjällmann, fjällfolk; отсюда получилось, вѣроятно, финское обозначеніе: vuorenväki. Путешественникъ Мартиніеръ [4]) называетъ загадочный народъ: Kiloppes; можетъ быть, слѣдуетъ читать: *Kiviloppes= «горные лапландцы» отъ финскаго kivi=скала. Наше обозначеніе оставило слѣды, между прочимъ, также въ скандинавской миѳологіи: великаны стали горными жителями.

---

[1]) См. ходъ мысли у Мюлленгофа DA. IV т., стр. 660.

[2]) Incipit autem ex prominentibus scopulis huius freti, quod Balticum appellari solet. Кн. IV, гл. XXX, стр. 178.

[3]) Nortmannia propter asperitatem montium sive propter frigus intemperatum sterilissima est omnium regionum. Тамъ же.

[4]) De la Martinière былъ на сѣверѣ въ 1653 году.

Они называются—bergrisar, fjallgautr, bergdolgr, hraunbúi, bergbúi, bergdanir, bergsaxar, hellirstrǫll, и т. д. Весьма замѣчателенъ въ этомъ отношеніи стихъ изъ заклинаній Буслы [1]): hamra hetjur og hellirs gýgjur=«удальцы горъ и великанши скалъ»; очевидно, скандинавъ представлялъ себѣ великановъ всегда живущими въ горахъ. Тамъ они укрываются въ темныхъ пещерахъ, гдѣ они грѣются у костра. Эти подробности несомнѣнно выхвачены изъ жизни, такъ какъ на сѣверѣ дѣйствительно жили въ пещерахъ. Въ этомъ краѣ, пишетъ Лербергъ [2]), много пещеръ, которыя когда-то служили жилищами; въ нихъ находятъ остатки очаговъ, желѣзную и мѣдную утварь и человѣческія кости. Итакъ, жителями горъ считались и лапландцы, и великаны. Легко было смѣшать эти два представленія и приписать лапландцамъ различныя чудесныя качества или же, наоборотъ, перенести на великановъ характерныя для лапландцевъ черты. Можетъ быть, изъ такой контаминаціи и слѣдуетъ вывести образъ Калевы финскаго эпоса, имя котораго такъ ясно отражаетъ финское kallio=«скала, гора». Калева является отцомъ Вейнемейнена и Лемминкейнена и родоначальникомъ цѣлаго народа; это же слово употребляется и въ собирательномъ смыслѣ для жителей Калевалы вообще. Герой эстонскаго эпоса прямо называется сыномъ Калевы—Kallewepoeg. Очевидно, Калева сталъ идеаломъ и началомъ богатырской доблести, а первоначальный смыслъ его названія стушевался.

Норвежское преданіе знаетъ въ Эстляндіи мѣстность at Steini [3]). Въ одномъ мѣстѣ говорится, что тамъ, у этого большаго города находилась скала величиною въ большой домъ [4]). Прежде Ревель по русски назывался Колывань, что очевидно получилось изъ финскаго Kalevan. Къ этому родительному падежу принадлежало, можетъ быть, слово

---

1) Bósasaga стр. 102.

2) Lehrberg, стр. 65.

3) Объ Ингварѣ говорится: fór til Eistlands ok herjadi þar um sumarit, sem heitir at Steini. Hkr. стр. 29.

4) Ok i austanverdri Sviþjód heitir boer mikill at Steini, par er steinn svá mikill sem stór hús. Hkr. стр. 12.

linna=городъ; Kalevan linna=городъ Калевы. Когда датчане владѣли городомъ, мѣстные жители называли его Tanni linna=датскимъ городомъ. Но до занятія Ревеля датчанами, городъ естественно могъ считаться владѣніемъ народнаго героя—Kalevan linna, откуда русское Колывань. Можетъ быть, въ то время еще помнили первоначальное значеніе слова Kaleva, и поэтому скандинавы прозвали эту мѣстность—at Steini.

Укажу еще на другую возможную связь. Скандинавы называли своихъ боговъ асами отъ слова áss, происхожденіе котораго загадочно. Но то же слово могло означать и «горный хребетъ», теперешнее норвежское aas, шведское ås. Такимъ образомъ, скандинавскія божества явились бы олицетвореніями горъ вновь заселенной страны.

III.

Свидѣтельства древнихъ писателей.

Если германскія племена только постепенно знакомились съ краями сѣвера, то тѣмъ дольше народы, живущіе у Средиземнаго моря, должны были оставаться въ невѣдѣніи относительно этой части земли. Геродотъ, который ко всѣмъ сообщеннымъ ему свѣдѣніямъ относится строго критически, чистосердечно признается, что о сѣверѣ Европы въ его время ничего не знали да и знать не могли [1]). Главной причиной того, что не удается проникнуть далеко на сѣверъ, Геродотъ считаетъ паденіе снѣга, который подобно перьямъ наполняетъ воздухъ и лишаетъ человѣка возможности не только видѣть что нибудь, но и прямо жить въ этихъ странахъ. По мнѣнію Геродота, снѣгъ падаетъ тамъ зимой и лѣтомъ; главнымъ же образомъ, изъ за суровой зимы вся эта часть свѣта необитаема [2]).

---

[1]) Ἡ δὲ Εὐρώπη πρὸς οὐδαμῶν φανερή ἐστι γινωσκομένη... Немного дальше, въ той же главѣ: ἡ δὲ δὴ Εὐρώπη οὔτε εἰ περίρρυτός ἐστι γινώσκεται πρὸς οὐδαμῶν ἀνθρώπων οὔτε ὁκόθεν τὸ οὔνομα ἔλαβε τοῦτο... Кн. IV, гл. XLV, стр. 196.

[2]) Περὶ δὲ τῶν πτερῶν τῶν Σκύθαι λέγουσι ἀνάπλεον εἶναι τὸν ἠέρα καὶ τούτων εἵνεκεν οὐκ οἷά τε εἶναι οὔτε ἰδέειν τὸ πρόσω τῆς ἠπείρου οὔτε διεξιέναι, τήνδε ἔχω

Кромѣ этихъ объясненій Геродота, мы во всей его исторіи стали бы напрасно искать какихъ бы то ни было достовѣрныхъ свѣдѣній о сѣверной Европѣ. Правда, Геродотъ знаетъ, что оттуда добывается янтарь; онъ слыхалъ о какихъ то островахъ, откуда привозится олово, но ни одинъ очевидецъ не могъ ему описать, какого вида море въ этихъ краяхъ Европы [1]). Такъ какъ Геродотъ не могъ ничего достовѣрнаго узнать о сѣверныхъ странахъ, то ему приходится довольствоваться болѣе или менѣе фантастическими разсказами. Такъ эллины въ неизвѣстныхъ имъ частяхъ свѣта помѣщали разныя сказочныя страны, обладающія всѣмъ, что имъ казалось самымъ красивымъ и рѣдкимъ въ мірѣ. Слѣдуя этой народной географіи, Геродотъ убѣдился, что на сѣверѣ безусловно много золота, но какъ его добываютъ, онъ опять не могъ сообщить. Затѣмъ онъ приводитъ разсказъ о грифахъ, стерегущихъ золото, и объ одноглазыхъ аримаспахъ; но Геродотъ, понятно, не придаетъ никакого значенія этимъ страннымъ вымысламъ [2]).

Сознавшій всю важность критической оцѣнки свидѣтельствъ, Геродотъ отвергаетъ все, что не можетъ провѣрить собственными глазами или глазами заслуживающихъ полнаго довѣрія очевидцевъ. Даже общепринятая космологическая теорія объ океанѣ, окружающемъ всю землю, не была пощажена имъ. «Я прямо долженъ смѣяться, пишетъ Геродотъ, когда я вижу, какъ нелѣпо многіе изображаютъ окружность земли». Итакъ, представленія о круглости земли и объ океанѣ, текущемъ вокругъ нея, вызываютъ неодобреніе Геродота [3]). Этотъ міровой океанъ Ге-

περὶ αὐτῶν γνώμην· τὰ κατύπερθε ταύτης τῆς χώρης αἰεὶ νίφεται, ἐλάσσονι δὲ τοῦ θέρεος ἢ τοῦ χειμῶνος, ὥσπερ καὶ οἰκός· ἤδη ὦν ὅστις ἀγχόθεν χιόνα ἁδρὴν πίπτουσαν εἶδε οἶδε τὸ λέγω· οἶκε γὰρ ἡ χιὼν πτεροῖσι· καὶ διὰ τὸν χειμῶνα τοῦτον ἐόντα τοιοῦτον ἀνοίκητα τὰ πρὸς βορέην ἐστὶ τῆς ἠπείρου ταύτης. Кн. IV, гл. XXXI, стр. 192. Ср. также въ той же книгѣ гл. VII, стр. 186.

[1]) τοῦτο δὲ οὐδενὸς αὐτόπτεω γενομένου δύναμαι ἀκοῦσαι τοῦτο μελετέων ὄκως θάλαττά ἐστι τὰ ἐπέκεινα τῆς Εὐρώπης. Кн. Ш, гл. CXV, стр. 169.

[2]) Кн. Ш, гл. CXVI, стр. 169--170.

[3]) Γελῶ δὲ ὁρέων γῆς περιόδους γράψαντας πολλοὺς ἤδη, καὶ οὐδένα νόον ἐχόντως ἐξηγησάμενον· οἳ Ὠκεανόν τε ῥέοντα γράφουσι πέριξ τὴν γῆν ἐοῦσαν κυκλοτερέα ὡς ἀπὸ τόρνου... Кн. IV, гл. XXXVI, стр. 194.

родотъ положительно относитъ въ область поэтическихъ вымысловъ. «Я, по крайней мѣрѣ, никакого океана не знаю, пишетъ Геродотъ, но Гомеръ или, можетъ быть, кто другой изъ болѣе раннихъ поэтовъ придумали это названіе и ввели его въ поэзію» [1]). Несмотря на такое непримиримое осужденіе Геродота, теорія міроваго океана такъ глубоко укоренилась въ географическихъ представленіяхъ народа, что даже послѣдующіе писатели, для своего времени весьма ученые люди, не могли уклониться отъ выводовъ изъ этой гипотезы. Когда путешественники при болѣе смѣлыхъ поѣздкахъ видѣли море и море безъ конца, то міровой океанъ казался уже не нелѣпой легендой, а становился почти доказаннымъ фактомъ. Впрочемъ, всѣ греческіе писатели, не исключая и самого Аристотеля, имѣли даже о сѣверозападной части Европы весьма смутныя понятія. Вообще, до нихъ доходили объ этихъ краяхъ только отрывочные слухи, въ которыхъ они лишь съ трудомъ могли разобраться.

Въ IV вѣкѣ до Р. Хр. купецъ изъ Марселя, по имени Пиѳей—Πυθέας ὁ Μασσαλιώτης-, предпринялъ путешествіе съ цѣлью изслѣдовать моря, лежащія къ западу отъ Европы. Результаты своихъ наблюденій онъ изложилъ въ особомъ сочиненіи, которому далъ знаменательное заглавіе: περὶ ὠκεανοῦ. Мы же объ открытіяхъ Пиѳея можемъ судить лишь по отзывамъ послѣдующихъ историковъ. Понятно, Пиѳей пустился въ плаваніе не безъ предварительнаго ознакомленія съ предстоящей задачей, а пошелъ по слѣдамъ финикійскихъ купцовъ. Тѣ уже давно направлялись въ самую Британію и привозили оттуда олово. Грекамъ же Пиѳей сообщилъ первое болѣе подробное описаніе Британскихъ острововъ. Онъ былъ, по выраженію Мюлленгофа, первымъ ихъ научнымъ изслѣдователемъ. Однако, Пиѳей проникъ еще дальше на сѣверъ и посѣтилъ островъ, который онъ называетъ Θούλη, или, во всякомъ случаѣ, со-

[1]) οὐ γάρ τινα ἔγωγε οἶδα ποταμὸν Ὠκεανὸν ἐόντα, Ὅμηρον δὲ ἤ τινα τῶν πρότερον γενομένων ποιητέων δοκέω τὸ οὔνομα εὑρόντα ἐς τὴν ποίησιν ἐσενείκασθαι. Кн II, гл. XXIII, стр. 79.

бралъ рядъ свѣдѣній объ этомъ островѣ. Чтобы представить этимологическое толкованіе названія Θулы, ученые прибѣгали ко всевозможнымъ словамъ кельтскаго происхожденія, но всѣ ихъ попытки оказались тщетными.

Уже въ древности существовали самыя разнообразныя мнѣнія о Θулѣ. По Эратосѳену [1]) Θула крайній островъ на сѣверѣ отъ Британіи. Исходя изъ этого предположенія, уже средневѣковые писатели отождествляли Θулу съ Исландіей. Птолемей [2]) же полагаетъ, что Θула находилась недалеко отъ Оркадскихъ острововъ. Такое показаніе заставляетъ искать Θулу среди Шетландскихъ острововъ, и Мюлленгофъ [3]) только колеблется, какой именно островъ этого архипелага слѣдуетъ признать Θулой. Наконецъ, третья группа ученыхъ, среди которыхъ выдается Гейеръ [4]), обращаетъ вниманіе на то, что Страбонъ [5]), говоря о Θулѣ, замѣчаетъ, что никто, кромѣ Пиѳея, не высказывался, что Θула была именно островомъ, и поэтому считаетъ возможнымъ, что Пиѳей уже познакомился съ югозападной частью Норвегіи. Относительно каждаго изъ этихъ предположеній можно привести доводы pro и contra, и споръ этотъ еще понынѣ не можетъ считаться рѣшеннымъ, такъ какъ всѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія о Θулѣ не даютъ намъ ни одного неопровержимаго указанія къ его рѣшенію. Правда, мы узнаемъ, что до Θулы шесть дней ѣзды къ сѣверу отъ Британіи [6]), но всѣ цифровыя данныя Пиѳея до того

---

[1]) Ὁ μὲν οὖν Μασσαλιώτης Πυθέας τὰ περὶ Θούλην τὴν βορειοτάτην τῶν Βρεττανίδων ὕστατα λέγει... Ср. у Солина: multae et aliae circum Brittanniam insulae, e quibus Thyle ultima... Eratosthenes, стр. 144—5.

[2]) καὶ ἔτι ὑπὲρ αὐτὰς (i. e. Ὀρκάδας) ἡ Θούλη νῆσος... Кн. II, гл. III, стр. 105.

[3]) DA. I, стр. 408.

[4]) Svea rikes häfder, стр. 44 сл.

[5]) παρὰ δὲ τῶν ἄλλων οὐδὲν ἱστορῶ, οὔθ᾽ὅτι Θούλη νῆσος ἐστί τις. Strabo, кн. II, гл. VIII, стр. 94.

[6]) ἣν φησι Πυθέας ἀπὸ μὲν τῆς Βρεττανικῆς ἓξ ἡμερῶν πλοῦν ἀπέχειν πρὸς ἄρκτον... Страбонъ, кн. I, гл. IV, стр. 52. Ср. у Плинія (кн. II, § 187, стр. 111): in insula Thyle Pytheas Massaliensis scribit sex dierum navigatione in septentrionem a Brittannia distante...

преувеличины и ненадежны, что не заслуживаютъ особеннаго довѣрія. На пути въ Өулу лежали острова Scandias, Dumnam, Bergos или Vergos, а самый большой изъ нихъ Berricen [1]), но эти острова для насъ столь же загадочны, какъ и сама Өула. Наблюденія о свѣтлости лѣтнихъ ночей и о темнотѣ зимнихъ дней не представляютъ твердой опоры. Столь же общаго характера и подробности описанія самой природы Өулы. По мѣрѣ того, какъ приближались къ болѣе холоднымъ краямъ свѣта, наблюдалось полное отсутствіе нѣкоторыхъ домашнихъ растеній и животныхъ, другія же, хотя и попадались, но значительно рѣже, чѣмъ на югѣ. Жители питались тамъ просомъ, дикими [2]) растеніями, плодами и кореньями. У кого имѣется пшеница и медъ, тотъ готовитъ изъ нихъ питье. Такъ какъ нѣтъ ясныхъ дней, то они собираютъ пшеницу въ большихъ домахъ и тамъ молотятъ ее. иначе колосья испортились бы изъ за безсолнечныхъ дней и частыхъ дождей [3]). Какъ видимъ, вся эта характеристика можетъ быть примѣнена къ любой странѣ умѣреннаго пояса и вовсе не указываетъ на особенно холодный климатъ [4]).

Современники Пиөея вынесли впечатлѣніе, что онъ объѣздилъ часть того великаго океана, который окаймляетъ весь материкъ. Во-первыхъ, туземцы показывали ему, куда солнце уходитъ на покой [5]), и естественно, что тамъ уже

---

[1]) Sunt qui et alias prodant, Scandias, Dumnam, Bergos maximamque omnium Berricen, ex qua in Thylen navigetur. Плиній, кн. IV, § 104, стр. 189.

[2]) Мюлленгофъ вмѣсто ἄλλοις читаетъ ἀγρίοις.

[3]) τοῖς τῇ κατεψυγμένῃ ζώνῃ πλησιάζουσι λέγων καρπῶν εἶναι τῶν ἡμέρων καὶ ζῴων τῶν μὲν ἀφορίαν παντελῆ, τῶν δὲ σπάνιν, κέγχρῳ δὲ καὶ ἄλλοις λαχάνοις καὶ καρποῖς καὶ ῥίζαις τρέφεσθαι· παρ' οἷς δὲ σῖτος καὶ μέλι γίγνεταί, καὶ τὸ πόμα ἐντεῦθεν ἔχειν· τὸν δὲ σῖτον, ἐπειδὴ τοὺς ἡλίους οὐκ ἔχουσι καθαρούς, ἐν οἴκοις μεγάλοις κόπτουσι, συγκομισθέντων δεῦρο τῶν σταχύων· αἱ γὰρ ἄλως ἄχρηστοι γίνονται διὰ τὸ ἀνήλιον καὶ τοὺς ὄμβρους. Страбонъ, кн. IV. гл. V, стр. 167.

[4]) Если довѣриться астрономическимъ пріуроченіямъ, которыя, понятно, явились результатомъ ученыхъ вычисленій, то Өула расположена была подъ самымъ полярнымъ кругомъ; но и объ этомъ опредѣленіи авторы высказываются не вполнѣ увѣренно. Сл. DA. I, стр. 399 сл.

[5]) 'Εδείκνυον ἡμῖν οἱ βάρβαροι ὅπου ὁ ἥλιος κοιμᾶται Ср. DA. т. I, стр. 402.

обитаемыхъ земель не можетъ быть. Во-вторыхъ, непосредственно за Θулой море становится настолько густымъ, что нельзя было больше ѣхать по немъ [1]). Съ этимъ повѣрьемъ слѣдуетъ сопоставить извѣстіе, что за Θулой нѣтъ земли, воды и воздуха, все это смѣшано въ одно вещество, которое напоминаетъ собою морскія медузы, и охватываетъ все какъ бы прочной нитью [2]). Несомнѣнно, описанное такимъ страннымъ образомъ явленіе восходитъ къ тѣмъ климатическимъ особенностямъ, которыя вызываются наступленіемъ мороза, замерзаніемъ поверхности водъ, пригономъ плавучаго льда, позднеосенними туманами и пр. Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній южане стали приписывать морю такія качества, которыя свойственны скорѣе одушевленнымъ предметамъ, и этимъ давали поводъ къ новымъ баснямъ. Пиθей помѣщаетъ Θулу—ἐγγὺς τῆς πεπηγυίας θαλάττης; этому выраженію соотвѣтствуетъ у латинскихъ писателей—mare concretum. Тацитъ говоритъ уже о морѣ—prope immotum и pigrum. Въ томъ же духѣ слѣдуетъ понимать и выраженіе—adversus. Комментаторы думали, что adversus—противоположный; но Лео Мейеръ доказывалъ, что adversus никоимъ образомъ не можетъ быть равнозначущимъ—oppositum, и что adversus слѣдуетъ понимать только въ смыслѣ—«враждебный». Такимъ образомъ, океанъ на крайнемъ сѣверѣ не только лѣнивъ—piger, но и враждебенъ—adversus—по отношенію къ мореплавателямъ.

Вѣроятно Пиθей занесъ кельтское названіе сѣверныхъ морей къ себѣ на родину. Ирландское muir croinn значитъ «застывшее море»; отсюда получилось прилагательное κρόνιος, Cronius, которое, понятно, ничего общаго съ Кро-

---

[1]) У Солина: Ultra Thylen accepimus pigrum esse et concretum mare. У Плинія (Кн. IV, § 104, стр. 189): A Thyle unius diei navigatione mare concretum a nonnullis Cronium appellatur. Eratosthenes, стр. 145—6.

[2]) προσιστορήσαντος (scil. Πυθέου) δέ καὶ τὰ περὶ Θούλης καὶ τῶν τόπων ἐκείνων ἐν οἷς οὔτε γῆ κατ' αὐτὸν ὑπῆρχεν ἔτι οὔτε θάλαττα οὔτ' ἀήρ, ἀλλὰ σύγκριμά τι ἐκ τούτων πλεύμονι θαλαττίῳ ἐοικός ἐν ᾧ φησὶ τὴν γῆν καὶ τὴν θάλατταν αἰωρεῖσθαι καὶ τὰ σύμπαντα καὶ τούτον ὡς ἂν δεσμὸν εἶναι τῶν ὅλων μήτε πορευτὸν μήτε πλωτὸν ὑπάρχοντα. Страбонъ, кн. II, гл. I, стр. 85—6.

носомъ не имѣетъ. Отъ неподвижности только одинъ шагъ къ безжизненности, застывшее состояніе не отличается уже отъ смерти. Кажется, что и тутъ кельты дали поводъ къ новому обозначенію. Такъ, по крайней мѣрѣ, я понимаю объясненіе Плинія [1]), что сѣверное море у кимбровъ носитъ названіе Morimarusam, что означаетъ «мертвое море». Но дѣло въ томъ, что кимбры такъ обозначали опредѣленное море до мыса Rubeas и отличали это море отъ Cronium mare. У греческихъ писателей оба эти названія слились въ одно понятіе, при чемъ «мертвое море» совершенно утратило свое спеціальное значеніе, которое оно носило у кимбровъ. Нерѣдко всѣ эти эпитеты сѣвернаго океана перечисляются подъ рядъ, такъ, напримѣръ, у Птолемея [2]): ὠκεανὸς Ὑπερβόρειος ὃς καὶ Πεπηγὼς ἢ Κρόνιος ἢ Νεκρὸς ὠκεανὸς καλεῖται.

Эти представленія о сѣверныхъ моряхъ продолжали жить до среднихъ вѣковъ. Британское море, разсказываетъ схоліастъ Адама Бременскаго [3]), которое омываетъ и Данію и Норвегію, около Оркадскихъ острововъ уже становится густымъ и до того пропитаннымъ солью, что корабли двигаются только благодаря сильнымъ тамошнимъ бурямъ; вслѣдствіе чего море это въ народѣ называется Libersee. Въ этой замѣткѣ соединилось три элемента: 1) классическій источникъ, который сказывается въ выраженіи mare concretum и въ пріурочeніи къ Британіи, къ кельтамъ; 2) личная попытка автора дать отмѣченному факту раціональное объясненіе; 3) нѣмецкое народное сказаніе о lebermer, libermere, mere geliberot, которое особенно извѣстно

---

[1]) Philemon Morimarusam a Cimbris vocari hoc est mortuum mare usque ad promuntorium Rubeas; ultra deinde Cronium. Кн. IV, § 95, стр. 186.

[2]) Заглавіе II гл., II кн., только по нѣкоторымъ рукописямъ, стр. 74 примѣчаніе.

[3]) de oceano Britannico, qui Daniam tangit et Nordmanniam, magna recitantur a nautis miracula, quod circa Orchadas mare sit concretum et ita spissum a sale, ut vix moveri possint naves nisi tempestatis auxilio; unde etiam vulgariter idem salum lingua nostra libersee vocatur. Кн. IV, гл. XXXIV, стр. 182.

въ литературѣ благодаря соотвѣтствующему эпизоду въ средневѣковой поэмѣ о герцогѣ Эрнстѣ. Повѣрье это знакомо не только нѣмецкому народу; у французовъ мы встрѣчаемъ—la mer betée, провансальское la mar betada. Libersee [1]) образовано какъ Leber=печень отъ глагола liberen, leberen=«застывать» и по значенію совершенно подходитъ къ классическому mare Cronium. Тѣмъ не менѣе, я думаю, что Libersee никогда не имѣло опредѣленнаго географическаго значенія. Въ поэмѣ о герцогѣ Эрнстѣ оно пріурочивается къ востоку, вѣроятно, не безъ воздѣйствія восточныхъ сказокъ. Въ другой разъ оно находится на западѣ:

Ein mere ist giliberot
in demo wentilmere westerot...

Даже Красное море, въ которомъ погибаетъ Фараонъ и все его войско, удостоивается названія libermer [2]). Наконецъ, наше слово стало употребляться въ переносномъ смыслѣ, какъ обозначеніе жизненнаго моря, въ которомъ можно нравственно завязть: ûf der sunden lebermer, ûf dem wilden lebermer der grundlôsen werlde [3]).

Представленіе, что Пиѳей достигъ крайнихъ предѣловъ океана на сѣверѣ, отразилось въ послѣдующей литературѣ въ томъ смыслѣ, что подъ Ѳулой стали понимать отдаленнѣйшія сѣверныя страны вообще, на подобіе того, какъ съ легкой руки Геродота Скиѳія пріобрѣла какія то фантастически безпредѣльные размѣры. Съ теченіемъ времени Ѳула стала поэтическимъ терминомъ; Thule—Grajis et nostris celebrata carminibus, замѣчаетъ уже латинскій историкъ. Ѳула извѣстна и намъ не изъ уроковъ географіи,

[1]) Ср. также libberig=липкій и Libbe=средство для приведенія молока къ стоянію.

[2]) Urdhs Brunnen 1881 года, вып. III.

[3]) Ср. DA., I т., стр. 410 сл. и статью Гофмана въ запискахъ Баварской академіи 1865 года, т. II. Гофманъ выводитъ представленіе о застывшемъ морѣ изъ той части Атлантическаго океана, которая называется Саргассо и гдѣ постоянно плаваютъ цѣлые острова морской травы.

но изъ пѣсни Маргариты у прялки. Когда послѣдовало открытіе Исландіи, лѣтописцы безъ всякаго колебанія поспѣшили отождествить ее съ Ѳулой. Такъ Адамъ Бременскій, процитировавъ нѣсколько свидѣтельствъ латинскихъ писателей о Ѳулѣ, прибавляетъ: «эта Ѳула теперь зовется Исландіей благодаря льду, покрывающему море» [1]). И Саксонъ называетъ Исландію не иначе, какъ Thyle, а самихъ исландцевъ—Thylenses.

Путешествіе Пиѳея осталось единственной намъ извѣстной попыткой въ этомъ родѣ. Вѣроятнѣе всего, что торговыя связи за Геркулесовыми столбами цѣликомъ находились въ рукахъ у финикійцевъ, которые въ западной части Средиземнаго моря опирались на могущество Карѳагена. Поэтому Массалія и другія колоніи грековъ не могли завязать прочныхъ сношеній съ болѣе отдаленными краями сѣверозападной Европы. Римляне же, сломившіе разъ навсегда финикійское владычество, не были мореплавателями, и поэтому имъ пришлось столкнуться съ сѣверными народами Европы лишь тогда, когда ихъ сухопутныя границы отодвинулись далеко впередъ по этому направленію. Изъ біографіи Юлія Агриколы, который большую часть своей служебной карьеры провелъ въ Британіи, мы узнаемъ, что только въ первомъ вѣкѣ по Р. Хр. римскій флотъ объѣхалъ всю Британію, и убѣдившись, что эта страна дѣйствительно островъ, достигъ берега крайняго моря (т. е. мірового океана), открылъ и покорилъ неизвѣстные до тѣхъ поръ Оркадскіе острова и видѣлъ даже Ѳулу, которая вслѣдствіе снѣга и зимы скрывалась отъ ихъ глазъ. Далѣе уже слѣдуетъ океанъ, неподвижный и неблагопріятный мореплавателямъ [2]). Тацитъ пытается объяснить непонятное

---

[1]) Haec itaque Thyle nunc Island appellatur, a glacie quae oceanum astringit. Кн. IV, гл. 35, стр. 184.

[2]) Hanc oram novissimi maris tunc primum romana classis circumvecta insulam esse Britanniam affirmavit: ac simul incognitas ad id tempus insulas, quas Orcadas vocant, invenit domuitque: dispecta est et Thule, quam hactenus nix et hiems abdebat. Sed mare pigrum et grave remigantibus perhibent... Гл. X, стр. 325.

ему явленіе и думаетъ, что застой моря происходитъ изъ за отсутствія земли и горъ, порождающихъ вѣтры, и вслѣдствіе большого объема непрерывной водяной массы.

Хотя римляне, такимъ образомъ, въ знакомствѣ съ сѣверозападомъ Европы ушли ничуть не дальше Пиѳея, однако, черезъ германцевъ къ нимъ уже проникали слухи съ береговъ Балтійскаго моря. Такъ Тацитъ знаетъ уже шведовъ, Suiones, но помѣщаетъ ихъ, очевидно, на островѣ [1]). За ними уже разстилается океанъ, который окружаетъ землю: туда заходитъ солнце: тамъ раздается какой то таинственный шумъ, тамъ можно видѣть образы боговъ и сіяніе ихъ головъ. Но здѣсь уже,—и это свидѣтельство вполнѣ правильно,—прекращается собственно природа [2]). Рядомъ съ свіонами Тацитъ помѣщаетъ ситоновъ [3]). Мюлленгофъ [4]) сопоставляетъ это названіе съ готскимъ sitans, древненѣмецкимъ sezzon и т. д, Можетъ быть, также возможно толкованіе въ связи съ древнесѣвернымъ síða, древненѣмецкимъ sîta; ситоны были бы тогда «сосѣди», Seitenbewohner. Во всякомъ случаѣ, тутъ мы имѣемъ дѣло съ явнымъ недоразумѣніемъ. У Іордана тоже встрѣчаются двѣ народности: Suehans и Suetidi, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ названіямъ у Тацита Suiones и Sithones=*Suithones. Обѣ формы несомнѣнно образованы изъ одного и того же корня; первая совпадаетъ съ исландскимъ Svíar, англосаксонскимъ Swéon; вторая уже произведена при помощи суффикса, отраженіе котораго еще чувствуется въ нѣмецкомъ наименованіи Schweden и латинской формѣ Suecia=*Suetia. Но важно то, что Тацитъ сообщаетъ объ этихъ ситонахъ, а именно, что ими управляетъ женщи-

---

[1]) Suionum hinc civitates, ipso in Oceano, prœter, viros armaque, classibus valent. Germania, гл. XLIV, стр. 315.

[2]) Trans Suionas aliud mare, pigrum ac prope immotum, quo cingi cludique terrarum orbem hinc fides, quod extremus cadentis jam solis fulgor in ortus edurat, adeo clarus ut sidera hebetet. Sonum insuper emergentis audiri, formasque deorum et radios capitis adspici, persuasio adjicit. Illuc usque (et fama vera) tantum natura. Гл. XLV, стр. 315.

[3]) Suionibus Sitonum gentes continuantur. Гл. XLV, стр. 316.

[4]) DA., II т., стр. 9.

на [1]). Древнесѣверное Kvenir или Kvænir было произведено отъ древненѣмецкаго quena, готскаго quens, древнесѣвернаго Kvân, Kvæn и т. д., что означало «женщина», но также и «царица» [2]). Въ этомъ упоминанiи Тацитомъ ситоновъ, которые управляются женщиной, мы имѣемъ первое извѣстiе о населенiи Финляндiи. Послѣдняя называлась мѣстными жителями kainu=болото или suomi съ тѣмъ же значенiемъ. Первое—западное, второе—восточное названiе. Поэтому послѣднее и перешло къ русскимъ и дало Сумь, по аналогiи съ переходомъ Ruotsi въ Русь. Kainu перешло въ литературу. Дифтонгъ ai, чаще всего встрѣчаемый въ греческомъ языкѣ, передавался на латинскомъ черезъ ae. Въ одномъ позднемъ дипломѣ я нашелъ еще Coen mare=Ботническiй заливъ. Въ мѣстныхъ названiяхъ [3]) слышимъ еще основную гласную: Kainus, Koinalax, Käenoja (писалось—Kæghen oija); также и въ фамилiяхъ [4]): Kainu, Kainila, Kainonen. Но подъ влiянiемъ вышеприведенной народной этимологiи, вскорѣ привыкли писать Kvenland и даже Gueneland [5]). У короля Альфреда находимъ Cvenaland, Cvensæ и Cvenas. Такъ какъ квены жили по обѣимъ сторонамъ Ботническаго залива, то Тацитъ ничуть не ошибается, помѣщая квеновъ-ситоновъ рядомъ со шведами.

Такъ какъ лапландцы еще до сего дня у норвежцевъ и въ сѣверной Швецiи слывутъ финами, то нужно думать, что и fenni Тацита—лапландцы. Тѣ ученые, которые отождествляли ихъ съ жителями Финляндiи, считали возможнымъ произвести fenni отъ древнесѣвернаго fēn=болото въ зависимости отъ Kainu=suomi=болото. Фонетически это уже невозможно, такъ какъ fēn=болото имѣетъ долгiй гласный, а fenni—finni предполагаетъ короткiй. Новѣйшую этимологiю представилъ Норенъ [6]). Онъ лишаетъ это на-

---

1) Cetera similes, uno differunt, quod femina dominatur. Гл. XLV, стр. 316.

2) Ср. DA., II т., стр. 10—1.

3) Arwidsson, III т., стр. 321; IV т., стр. 60 и 40.

4) Тамъ же, IV т., стр. 2 и V т.

5) Maurer, Bekehrung, I т., стр. 7.

6) Spridda studier, II т., стр. 147.

званіе опредѣленнаго историческаго значенія, производя его отъ глагола: finna (нѣмецкое finden) въ смыслѣ «ходить и разыскивать», и предполагаетъ, что финомъ могъ называться каждый, кто не имѣлъ постояннаго жилища, словомъ, кочевникъ, искатель. Когда впослѣдствіе стали называть финами жителей на восточномъ берегу Финляндіи, то, во избѣжаніе недоразумѣній, вмѣсто Финмаркъ, придумали другія обозначенія: Vildfinland, а потомъ и Lappmark [1]). Образовалось также сочетаніе: Lappefinni; finnlapp уже новѣйшая перестановка. Lapp = «лопарь», вѣроятно, первоначально и не былъ вовсе этническимъ названіемъ; я думаю, что этотъ корень означалъ — «крайній». Такъ существуетъ финское слово: loppu = «конецъ», къ которому, очевидно, примыкаетъ русское обозначеніе Лопь. Возлѣ Нордкапа расположенъ островъ — Loppen [2]). На Шпицбергенѣ проливъ, который теперь извѣстенъ какъ «правый проѣздъ» = waaigat, назывался раньше hin-lop [3]). Кастренъ [4]) упоминаетъ мѣстность Lapki, которую онъ толкуетъ, какъ мысъ, оконечность полуострова — Landspitze. Петерсенъ [5]) объясняетъ названіе Lappegunda такъ: вторая часть = «область», а первая = «крайній, extremitas, finis». Мункъ [6]) думаетъ, что названіе «лапландецъ» не древнѣе XII вѣка.

Итакъ, во времена Тацита до римлянъ уже доходили слухи о Скандинавскомъ полуостровѣ, его жителяхъ, ихъ образѣ жизни; но Тацитъ не называетъ этотъ «островъ» еще по имени. Названіе Скандинавскаго полуострова встрѣчается впервые у Плинія [7]). По его мнѣнію, Скандинавія

---

1) Торфеусъ, 1 т., стр. 105—6.

2) Тамъ же, стр. 106.

3) Forster, стр. 476 примѣч.

4) II т., стр. 111.

5) Стр. 218.

6) Det norske Folks historie, I т., стр. 69. Ср. также Петерсенъ, стр. 307.

7) Mons Saevo... efficit sinum, qui Codanus vocatur refertus insulis quarum clarissima est Scatinavia inconpertae magnitudinis... Кн. IV, § 96, стр. 187.

неизвѣстной величины островъ, расположенный среди многихъ другихъ острововъ въ заливѣ Codanus. Такъ какъ имя Скандинавіи у Плинія пишется различно, чаще всего Scadinavia, но и Scatinavia, то Мюлленгофъ [1]) считаетъ себя въ правѣ сопоставить это имя съ лапландскимъ названіемъ Skadesi suolo, выводя, такимъ образомъ, имя Скандинавскаго полуострова изъ лапландскаго языка. Но противъ этой гипотезы высказался Мухъ [2]), производя названіе Скандинавскихъ острововъ непосредственно изъ древнесѣвернаго языка. Во всякомъ случаѣ, Скандинавія или Скадинавія слово сложное, во второй части котораго несомнѣнно слѣдуетъ признать германскій корень, обозначающій островъ; ср. древненѣмецкое ouwa. Это для насъ болѣе чѣмъ любопытно. Оказывается не латинскіе писатели и не германцы, доставляющіе имъ свѣдѣнія о крайнемъ сѣверѣ, предполагали, что Скандинавія—островъ, но сами скандинавы, а можетъ быть и лапландцы [3]) сперва были увѣрены, что обитаемая ими страна—островъ. Это предположеніе казалось латинскимъ ученымъ неоспоримымъ въ виду ихъ представленія о міровомъ океанѣ. Но когда южные германцы стали знакомиться со скандинавскими землями, то они вынесли впечатлѣніе, что на сѣверѣ находится цѣлое множество острововъ. Кромѣ вышеупомянутой Скандинавіи, Плиній называетъ и другіе острова. Въ одномъ изъ нихъ—Nerigon [4]), Гейеръ [5]) усматриваетъ первое въ исторіи упоминаніе имени Норвегіи. Основаніемъ къ такому ошибочному представленію служило вѣроятно то обстоятельство, что подъѣзжая къ скандинавскимъ землямъ съ юга, германцы наталкивались то на Датскіе острова, то на южную часть Норвегіи, то на шведскую провинцію Сконе (Skáney).

---

[1]) DA., т. II, стр. 55 сл. и 358 сл.

[2]) ZfdA., т. XXXVI, стр. 126 и 130.

[3]) suolo=островъ.

[4]) Nerigon встрѣчается только въ нѣкоторыхъ рукописяхъ. Кн. IV, § 104, стр. 189 примѣчаніе.

[5]) Стр. 48.

Еще у Птолемея [1]) Скандинавскій полуостровъ остается островомъ, который расположенъ противъ устьевъ Вислы. На ряду со Скандинавіей Плиній называетъ острова Scandiae=Σκανδίαι. По мнѣнію Птолемея такихъ островов существуетъ четыре, изъ которыхъ самый большой очевидно Скандинавскій полуостровъ. На этомъ островѣ живетъ по перечисленію Птолемея шесть народовъ, но всѣ попытки разобраться въ ихъ названіяхъ едва ли увѣнчались успѣхомъ. Вѣроятно, не только форма этихъ именъ сильно испорчена, но мы даже не имѣемъ подъ руками настоящаго списка Птолемея. По мнѣнію Гейера [2]) ясны только два названія: Γοῦται=готы и Δαυκίωνες=датчане.

Послѣ Птолемея классическіе писатели не сообщаютъ ничего новаго о скандинавскомъ сѣверѣ. Наступили безпокойныя времена, когда легіонамъ римской имперіи приходилось отражать набѣги германскихъ племенъ. Началось великое переселеніе народовъ, прекратившее на столѣтія мирныя сношенія, дружественный обмѣнъ мысли и развитіе научнаго знанія. Въ первые вѣка послѣ Р. Хр. знакомство съ сѣверными краями Европы быстро стало двигаться впередъ. Но главныя географическія задачи все же остались неразрѣшенными: Скандинавія продолжала считаться островомъ; весь сѣверъ и востокъ Балтійскаго моря вовсе не входилъ въ кругъ сообщаемыхъ наблюденій, а еще дальше на сѣверъ неподвижный океанъ неприступнымъ поясомъ окружалъ землю.

Но за многолѣтними кровопролитіями послѣдовалъ мирный посѣвъ культуры. Новыя силы унаслѣдовали прерванную работу классическихъ изслѣдователей. И тогда то сбылось предсказаніе Сенеки [3]), сбылось въ полномъ смыслѣ слова: наступили, наконецъ, времена, когда океанъ распустилъ цѣпи вселенной, когда вся необъятная земля

---

1) 'Απ' ἀνατολῶν δὲ τῆς Κιμβρικῆς Χερσονήσου τέσσαρες νῆσοι αἱ καλούμεναι Σκανδίαι, τρεῖς μὲν μικραὶ... μία δὲ μεγίστη καὶ ἀνατολικωτάτη κατὰ τὰς ἐκβολὰς τοῦ Οὐιστούλα ποταμοῦ. Кн. II, гл. XI, стр. 276.

2) Стр. 51.

3) Трагедія Медея, дѣйствіе II, стихи 375—379.

оказалась доступной, когда мореплаватель открывалъ новыя земли, и Ѳула не считалась уже больше крайнимъ предѣломъ міра:

Venient annis saecula seris,
Quibus Oceanus vincula rerum
Laxet, et ingens pateat tellus,
Tiphysque novos detegat orbes,
Nec sit terris ultima Thule.

IV.

Традиціи готовъ.

Скандинавы сами не принимали участія въ переселеніи народовъ, поэтому средневѣковые лѣтописцы врядъ ли имѣли бы основанія включать ихъ въ свои разсказы. Но дѣло въ томъ, что нѣкоторые другіе германскіе народы стали выводить свое происхожденіе изъ Скандинавскаго полуострова и тѣмъ давали поводъ своимъ историкамъ касаться этой своей мнимой прародины. Названіе острова Готланда и готландскихъ провинцій въ самой Швеціи наводятъ на мысль, что на Скандинавскомъ полуостровѣ дѣйствительно жили готы. Въ своемъ интересномъ разборѣ гутскаго языка профессоръ Ѳ. А. Браунъ [1]) доказалъ несомнѣнную его близость къ готскому языку. Но разъ островъ Готландъ и вѣроятно и противоположный ему берегъ Швеціи были населены съ юга готами и близкими ихъ сородичами, то ясно, что они поддерживали и сношенія съ главнымъ племенемъ готовъ. Кромѣ того, изъ Скандинавскаго полуострова совершались и другія переселенія. Вспомнимъ, что еще въ доисторическія времена всѣ шхеры и берега Финляндіи были заняты выходцами изъ Швеціи. Такія то событія запечатлѣлись въ народной памяти и вызвали сказанія о массовомъ выселеніи изъ Швеціи. До сихъ поръ народонаселеніе въ Финляндіи помнитъ, хотя смутно, объ этомъ фактѣ [2]).

---

[1]) Разысканія, стр. 277 сл.

[2]) Сборникъ Nyland, т. VI, стр. 252 сл.

Историческое свидѣтельство въ этомъ родѣ приводится сперва у Іордана, который въ серединѣ VI вѣка составилъ исторію своего народа. Онъ прямо называетъ «островъ» Скандцу мѣстомъ производства племенъ и матерью народовъ—quasi officina gentium aut certe velut vagina nationum [1]). Съ этого острова и готы, какъ рой пчелъ, налетѣли на материкъ Европы [2]). Скандца, по мнѣнію Іордана огромной величины островъ [3]); къ востоку отъ него находится большое озеро, откуда, какъ изъ чрева, вытекаетъ многоводная рѣка Vagi; на западѣ—море, на сѣверѣ—тотъ же недоступный океанъ, отъ котораго какъ вытянутая рука, выходитъ большой заливъ такъ называемое Германское море [4]). Названіе Vagi образовано отъ слова vágr=волна, заливъ, часть моря. Передъ нами три неизвѣстныхъ величины: озеро на востокѣ отъ Скандинавіи, рѣка Ваги и Германское море. По мнѣнію Гейера [5]) послѣднее—Балтійское море; тогда, разумѣется, озеро должно быть Ладожскимъ, а рѣка—Невой. Исходя изъ этого предположенія, Гейеръ заключаетъ, что въ воображеніи Іордана Скандинавія и Скиѳія (т. е. европейская Россія), слились въ одно понятіе. Эта путаница потомъ выразилась въ названіи Россіи у исландцевъ—Sviþjóð hin mikla или hin kalda. Я думаю, что немалую роль въ этомъ отождествленіи Россіи со Швеціей играло и созвучіе названій; вспомнимъ чередованіе у Тацита—Sviones и Sithones, у Іордана—Suehans и Suetidi, и намъ станетъ яснымъ, что и Sithia=Скиѳія не особенно строго отличалось отъ Svidia, Svitia=

---

1) Гл. IV, стр. 60.

2) ab huius insulae gremio velut examen apium erumpens in terram Europae advinit. Гл. I, стр. 56.

3) amplam insulam nomine Scandzam. Гл. I, стр. 55.

4) Haec ergo habet ab oriente vastissimum lacum in orbis terrae gremio, unde Vagi fluvius velut quodam ventrae generatus in Oceanum undosus evolvitur. ab occidente namque inmensu pelago circumdatur, a septentrione quoque innavigabili eodem vastissimo concluditur Oceano, ex quo quasi quodam brachio exiente, sinu distento, Germanicum mare efficitur. Гл. III, стр. 58.

5) Стр. 58 сл.

Швеціи, какъ писали въ старинныхъ хроникахъ. Вторымъ поводомъ къ прозванію Россіи—Великой или Холодной Швеціей могло служить водвореніе «русской» т. е. шведской династіи среди славянъ, другими словами, основаніе русскаго государства Рюрикомъ. Но вѣдь скандинавы гораздо раньше ѣздили и переселялись въ Россію. Среди нихъ были навѣрно и датчане, норвежцы и даже англосаксы. Вотъ этотъ то не шведскій элементъ, вѣроятно, и придумалъ названіе Великой Швеціи, которое впослѣдствіи получило какъ ученое (Scythia—Sithia—Svithia), такъ и оффиціальное (черезъ Рюриковичей) подтвержденіе.

Возвращаясь теперь къ картографическимъ представленіямъ Іордана, вѣрнѣе признать, что его Германское море—Сѣверное море, какъ часть или заливъ океана. Птолемей, который несомнѣнно служилъ источникомъ для Іордана, неоднократно называетъ Сѣверное море—Γερμανικὸς Ὠκεανός [1]). Тогда озеромъ, находящимся на востокѣ отъ Скандинавскаго полуострова, придется считать Балтійское море, а рѣка Ваги замѣняетъ собой узкіе проливы между датскими островами. Итакъ, передъ нами два возможныхъ толкованія. Какого бы мы ни придерживались, и въ томъ и въ другомъ случаѣ насъ поражаетъ слѣдующее противорѣчіе: Іорданъ называетъ Скандцу островомъ, а Балтійское море, по мнѣнію Гейера, заливомъ, по моему толкованію, озеромъ. Очевидно, тутъ столкнулись два противорѣчащихъ другъ другу представленія: традиція древнихъ (Іорданъ ссылается на Птолемея) объ «островѣ» Скандинавіи и результатъ новѣйшихъ, очевидно, скандинавскихъ открытій, что Балтійское море—заливъ или озеро и что оно не связано съ Ледовитымъ океаномъ. Отсюда слѣдовалъ выводъ, что Скандинавія только полуостровъ, но Іорданъ этого вывода не сдѣлалъ.

Іорданъ также перечисляетъ около тридцати разныхъ народностей якобы обитающихъ на островѣ Скандца, изъ которыхъ мы въ Screrefennae и Finnaithae безъ труда уз-

---

[1]) Ср. Птолемей, кн. II, гл. III, стр. 88 и гл. XI, стр. 247.

наемъ финовъ, въ Suehans и Suetidi—шведовъ, въ Vagoth, Gautigoth и Ostrogothae—готовъ, а затѣмъ и дановъ, геруловъ и ругіевъ, но другія названія до сего дня остались неразгаданными. Въ сѣверной части Скандинавіи Іорданъ помѣщаетъ народъ Adogit [1]), въ которомъ Мюлленгофъ [2]) видитъ упоминаніе галогаландцевъ, объясняя разногласіе въ наименованіи опиской. Отъ шведовъ, пишетъ Іорданъ [3]), еще римляне пріобрѣтали особенно драгоцѣнные мѣха, которые отличались своимъ замѣчательнымъ чернымъ отблескомъ. Можетъ быть, эти Sappherinae pelles были собольи мѣха,—safal, safali, safalaskinn; еще въ средневѣковой латыни этотъ мѣхъ назывался—sabellinus, старофранцузское sabelin. Все вышеприведенное свидѣтельствуетъ о томъ, что Іорданъ пользовался не только традиціями древнихъ о сѣверѣ, но присоединилъ къ даннымъ послѣднихъ много новыхъ свѣдѣній, которыя могли быть почерпнуты только изъ болѣе или менѣе непосредственныхъ, скандинавскихъ и готскихъ, источниковъ.

Обратимся теперь къ византійскому лѣтописцу Прокопію, который описалъ войны императора Юстиніана съ вандалами въ Африкѣ и съ готами въ Италіи. Такъ какъ онъ самъ находился въ свитѣ Велисарія, то не только описываетъ событія въ качествѣ очевидца, но также изъ собственнаго наблюденія знаетъ враговъ. О Скандинавіи ему приходится говорить по слѣдующему поводу. Будучи разбиты лонгобардами, герулы перешли Дунай, и часть ихъ поселилась въ Иллиріи, другая же направилась къ краю свѣта т. е. прошла черезъ славянскія земли, потомъ черезъ пустыню и, наконецъ, прибыла къ варнамъ [4]). Затѣмъ смѣлые герулы прошли черезъ Данію и прибывъ къ

---

[1]) In cuius parte arctoa gens Adogit consistit... Гл. III, стр. 58.

[2]) D. A. II, стр. 41.

[3]) Hi (i. e. Suehans) quoque sunt, qui in usibus Romanorum sappherinas pelles commercio interveniente per alias innumeras gentes transmittunt, famosi pellium decora nigridine. Гл. III, стр. 59.

[4]) Варны жили на берегу Балтійскаго моря, ср. рѣку Warne и городъ Warnemünde.

морю, переправились на корабляхъ въ Θулу [1]). Весь маршрутъ указываетъ на то, что Θула—Скандинавскій полуостровъ. Θула, по мнѣнію Прокопія, огромный островъ, въ десять разъ больше Британіи. Она расположена далеко на сѣверѣ отъ Британіи и бо́льшая часть ея пустынна, въ населенной же части живетъ 13 многолюдныхъ племенъ, имѣющихъ каждое своего короля [2]). Больше всего Прокопія поражаетъ то, что онъ узналъ о смѣнѣ дня и ночи на сѣверѣ. Во время лѣтняго солнцеворота день продолжается 40 сутокъ, зимой же ночь—столько же. Когда эта долгая ночь приближается къ концу, то высылаютъ людей на вершины горъ, откуда они должны наблюдать за солнцемъ. Какъ только они замѣтятъ первое появленіе солнца, то они даютъ объ этомъ знать тѣмъ, кто ждетъ въ долинѣ. Тогда, еще въ темнотѣ, весь народъ справляетъ большой праздникъ. Это, вообще, самое великое торжество у жителей Θулы [3]).

Прокопій не сообщаетъ намъ ничего важнаго о географіи сѣвера, но онъ для скандинависта цѣненъ тѣмъ, что первый разсказываетъ кое-что о нравахъ и повѣрьяхъ сѣверянъ, пользуясь при этомъ свидѣтельствомъ самихъ геруловъ, пріѣхавшихъ со Скандинавскаго полуострова. Вслѣдствіе этого его свѣдѣнія заслуживаютъ полнаго вниманія.

---

[1]) οὗτοι γοῦν πολλῶν ἐκ τοῦ βασιλείου αἵματος ἡγουμένων σφίσιν ἤμειψαν μεν τὰ Σκλαβηνῶν ἔθνη ἐφεξῆς ἅπαντα, ἔρημον δὲ χώραν διαβάντες ἐνθένδε πολλὴν ἐς τοὺς Οὐάρνους καλουμένους ἐχώρησαν. μεθ' οὓς δὴ καὶ Δανῶν τὰ ἔθνη παρέδραμον οὐ βιαζομένων σφᾶς τῶν τῇδε βαρβάρων. ἐνθένδε τε ἐς ὠκεανὸν ἀφικόμενοι ἐναυτίλλοντο, Θούλῃ τε προσχόντες τῇ νήσῳ αὐτοῦ ἔμειναν. Кн. II, гл. XV, стр. 96. (II томъ изданія Компаретти).

[2]) ἔστι δὲ ἡ Θούλη μεγίστη ἐς ἄγαν. Βρεττανίας γὰρ αὐτὴν πλέον ἢ δεκαπλασίαν ξυμβαίνει εἶναι. κεῖται δὲ αὐτῆς πολλῷ ἄποθεν πρὸς βορρᾶν ἄνεμον. ἐν ταύτῃ τῇ νήσῳ γῆ μὲν ἔρημος ἐκ τοῦ ἐπὶ πλεῖστον τυγχάνει οὖσα, ἐν χώρᾳ δὲ τῇ οἰκουμένῃ τρισκαίδεκα ἔθνη πολυανθρωπότατα ἵδρυται· βασιλεῖς τὲ εἰσι κατὰ ἔθνος ἕκαστον. Тамъ же, стр. 96—7.

[3]) ὁπηνίκα δὲ πέντε καὶ τριάκοντα ἡμερῶν χρόνος τῇ μακρᾷ ταύτῃ διαδράμοι νυκτὶ, στέλλονταί τινες ἐς τῶν ὀρῶν τὰς ὑπερβολὰς, εἰθισμένον αὐτοῖς τοῦτό γε, τόν τε ἥλιον ἀμηγέπῃ ἐνθένδε ὁρῶντες ἀπαγγέλλουσί τοῖς κάτω ἀνθρώποις, ὅτι δὴ πέντε ἡμερῶν ἥλιος αὐτοὺς καταλάμψει. οἱ δὲ πανδημεὶ πανηγυρίζουσιν εὐαγγέλια καὶ ταῦτα ἐν σκότῳ, αὕτη τε Θουλίταις ἡ μεγίστη τῶν εορτῶν ἐστι. Тамъ же, стр. 98—9.

Я подразумѣваю не только его яркую характеристику финовъ—Σκριθιφῖνοι, но и разныя мелкія черты. Такъ, говоря о жертвоприношеніяхъ скандинавовъ, Прокопій [1]) упоминаетъ, что они вѣшали военноплѣнныхъ на деревья; но вѣдь это было своего рода религіознымъ обрядомъ: повѣшенные приносились въ жертву богу войны Одину. Послѣдній поэтому носилъ и прозвища Hángagud, Hángadróttinn, Hángatýr, Gálgavaldr. Подобныя точныя свѣдѣнія Прокопія изъ скандинавскаго быта не позволяютъ намъ усомниться въ правдивости его разсказовъ о сношеніяхъ южныхъ геруловъ съ Скандинавіей.

Преданіе о выселеніи готовъ изъ Скандинавіи перешло и къ другимъ германскимъ племенамъ, прежде всего къ лонгобардамъ. Профессоръ Браунъ [2]) пытался доказать, какъ лонгобардское преданіе въ сущности передаетъ лишь такіе факты, которые присущи были исторіи переселенія готовъ. Golanda=голядь, Anthaib=страна антовъ, Vurgundaib=земля вуругундовъ и *Wantaib (Bantaib)=область вятичей—маршрутъ готовъ, когда они съ береговъ Вислы направились на югъ къ Приднѣпровью, но отнюдь не лонгобардовъ. Павелъ Дьяконъ, писавшій исторію своего народа, принялъ, однако, пріуроченное къ лонгобардамъ готское преданіе за чистую монету и, понятно, не преминулъ подѣлиться со своими читателями доступными ему свѣдѣніями о мнимой прародинѣ лонгобардовъ. Собственно его вниманіе остановилось только на варварскомъ образѣ жизни Скритобиновъ=финовъ. Изъ наблюденій природы мы встрѣчаемся опять съ разсужденіями о долготѣ лѣтнихъ дней. Вѣроятно, Павелъ не имѣлъ случая бесѣдовать съ какимъ нибудь посѣтителемъ или жителемъ Скандинавіи, такъ какъ лонгобарды никакихъ сношеній съ крайнимъ сѣверомъ не поддерживали. Отсюда вполнѣ понятна скудость его извѣстій о Скандинавіи.

При дальнѣйшей передачѣ преданіе о переселеніи гер-

---

1) ἱερῶνται δὲ τὸν αἰχμάλωτον οὐ θύοντες μόνον, ἀλλὰ καὶ ἀπὸ ξύλου κρεμῶντες... Тамъ же, стр. 101.

2) Разысканія, стр. 308 сл.

манскихъ народовъ изъ Скандинавіи утрачивало одну подробность за другой, такъ что подъ конецъ остался одинъ его остовъ. Писатели, приводившіе это преданіе, все болѣе ограничивались сухимъ упоминаніемъ даннаго событія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и побочная тема — описаніе Скандинавіи — исчезла изъ средневѣковой лѣтописи.

V.

Изъ исторіи Адама Бременскаго.

Всѣ вышеприведенныя свѣдѣнія о крайнемъ сѣверѣ записаны на югѣ, вдали отъ тѣхъ мѣстностей, о которыхъ они повѣствуютъ. На далекомъ пути отъ Скандинавіи въ Италію многое могло быть забыто, что хорошо было извѣстно мѣстнымъ жителямъ. Вотъ почему намъ особенно важно присмотрѣться къ болѣе близкому источнику.

Разсадникомъ просвѣщенія на сѣверѣ явилось христіанство. Первымъ шагомъ къ его распространенію въ этихъ краяхъ было основаніе Карломъ Великимъ города Гамбурга, который императоръ предназначалъ не столько для коммерческихъ цѣлей, но какъ своего рода исходной базой для миссіонерской дѣятельности своихъ пастырей. Уже черезъ сто лѣтъ вся Данія была подчинена христіанской церкви и большая часть прибалтійскихъ славянъ германизована и крещена. Архіепископъ гамбургскій сталъ пользоваться внушительной властью и не меньшимъ вліяніемъ на общеимперскія дѣла. Зорко слѣдилъ онъ и за каждой новой побѣдой своего ученія, которое неотразимой волной разливалось по берегамъ Балтійскаго моря. Естественно, въ рукахъ у архіепископа находились цѣнныя свѣдѣнія о всѣхъ краяхъ, куда заходили подвѣдомственные ему проповѣдники. Наконецъ, гамбургское архіепископство нашло себѣ и своего историка въ лицѣ бременскаго каноника Адама, котораго въ извѣстномъ смыслѣ можно было бы назвать Геродотомъ сѣвера. Въ 1068 году Адамъ прибылъ ко двору архіепископа Адальберта и сталъ его приближеннымъ. Онъ сопровождалъ его при важныхъ

миссіяхъ и получалъ возможность бесѣдовать со всѣми лицами, которые со всѣхъ концовъ пріѣзжали къ архіепископу. Между прочимъ, онъ нерѣдко видѣлся и съ датскимъ королемъ. Послѣ смерти Адальберта онъ остался при его преемникѣ, а затѣмъ удалился въ монастырь недалеко отъ Гамбурга, гдѣ и скончался. Адамъ предпринялъ собственно лишь дѣеписаніе гамбургскихъ епископовъ и поэтому озаглавилъ свой трудъ «Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum». Но, понятно, онъ не могъ обойти молчаніемъ миссіонерскую дѣятельность церкви, и его вниманіе было направлено на отдаленные края сѣвера. Отсюда возникла послѣдняя часть его исторіи—Descriptio insularum aquilonis.

Самое подробное и точное описаніе Даніи и датскихъ островов не должно удивлять насъ: ко времени Адама прошло уже болѣе ста лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ эти области получили свое церковное устройство и находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ архіепископомъ Гамбурга. Менѣе опредѣленны уже сообщенія Адама о Балтійскомъ морѣ. Что Балтійское море—заливъ, въ этомъ прибрежные жители убѣдились уже ко времени Іордана. Тѣмъ не менѣе у Адама еще сохранились ясныя воспоминанія о поѣздкахъ, предпринятыхъ съ цѣлью изслѣдовать это море. Адамъ называетъ двухъ такихъ путешественниковъ по имени: датскаго намѣстника Ganuz (?) Вольфа и норманскаго короля Гаральда [1]. Преодолѣвая большія трудности и подвергая своихъ людей неоднократной опасности, они хотѣли изслѣдовать величину Балтійскаго моря. Въ особенности имъ мѣшали противные вѣтры и морскіе разбойники. Изъ разсказа Адама получаешь впечатлѣніе, что они не закончили своей задачи: потерпѣвшіе неудачу и разбитые, они вернулись домой. Вѣроятно, эти путешествія, окончившіяся столь печально, предпринимались въ Финскій или Ботни-

[1]) Ganuz (Gamir, Ganur, Ganund, Gamund) Wolf, satrapae Danorum, sive Haroldi, regis Nordmannorum, qui magno viae labore multoque sociorum periculo quantitatem huius maris perscrutantes, ancipiti demum iactura ventorum ac pyratarum fracti victique redierunt. Кн. IV, гл. XI, стр. 162.

ческій заливы т. е. въ болѣе отдаленныя и малоизвѣстныя части Балтійскаго моря, потому что датчане тогда уже ѣздили въ Россію, хотя, очевидно, не часто [1]). Изслѣдованіе Балтійскаго моря стало насущной потребностью: весьма часто изслѣдовали длину этого моря, какъ увѣряли датчане [2]).

Теперь понятно, почему этнографія прибалтійскихъ береговъ у Адама не всегда отличается ясностью. Сперва Адамъ перечисляетъ народы, живущіе на южномъ берегу Балтійскаго моря: Wilzi, Leutīcii, Pomerani, Polani. Страна послѣднихъ граничитъ непосредственно съ Россіей. Затѣмъ Адамъ отъ Даніи направляется къ сѣверу и отмѣчаетъ: норманновъ, Сконе—Sconia, готовъ, шведовъ, страну женщинъ. Объ этой странѣ Адамъ въ другомъ мѣстѣ разсказываетъ разныя небылицы въ родѣ слѣдующей, что амазонки эти заберемениваютъ отъ воды, но мы знаемъ, что поводомъ къ этимъ баснямъ послужилъ народъ квеновъ=кайновъ. За ними же, продолжаетъ свое перечисленіе Адамъ, живутъ вплоть до самой Руси: Wizzi, Mirri, Lami, Scuti et Turci. Такъ какъ дальше Wizzi называются въ другой связи, то, можетъ быть, здѣсь слѣдуетъ отдать предпочтеніе варіантамъ: Wilzy, Wilzi, Vilci; это—народъ вильтовъ, вельтовъ, вильцовъ. Далѣе, въ варіантахъ читаемъ: Mirrilami и Murtilani. Я также думаю, что это—одно названіе и что вторая его часть lami описка, вмѣсто laini, которое впослѣдствіи было замѣнено болѣе обычнымъ латинскимъ суффиксомъ lani. Laini отвѣчало бы финскому образовательному суффиксу lainen ср. suomalainen. Остается первая часть mirri, которая можетъ быть истолкована, какъ mĕri=море. Merilainen могъ обозначать любой финскій народъ, достигшій моря, какъ эстляндецъ сталъ называться wirolainen=береговой житель отъ weer, wir=берегъ. Правда, merilainen—единственное число, но, во-первыхъ, оно

---

[1]) secundo flatu per mensem aliquos a Dania pervenisse in Ostrogard Ruzziae. Тамъ же.

[2]) Affirmant autem Dani, longitudinem huius ponti saepe a pluribus expertam. Тамъ же.

могло быть непонято тѣмъ, кто записалъ это имя, во-вторыхъ, оно поддерживалось латинскимъ суффиксомъ lani. Аналогичныя названія финскихъ народностей мы находимъ въ достаточномъ количествѣ; ср. Весь = wesilainen, Водь = watjalainen и др. Хотя Scuti, можетъ быть, и приноровлено къ Scythi = скиѳамъ, но тѣмъ не менѣе легко узнать въ нихъ Чудь. Turci образовано изъ финскаго слово turku = торговое мѣсто, которое представляетъ собой буквальное перенесеніе съ древнерусскаго търгъ. Теперь городъ Або называется по фински Turku. Вѣроятно, его тогда еще не было. Но могли существовать опредѣленныя мѣста у Финскаго залива, куда приходили торговать фины и которыя назывались turkut. Это легко могло прослыть за этническое названіе.

Относительно Россіи Адамъ, какъ роковой предшественникъ позднѣйшихъ и даже новѣйшихъ бытописателей, сообщаетъ самыя невѣроятныя вещи. Такъ, тамъ можно видѣть—Cynocephali, у которыхъ голова находится на груди, кромѣ того, они не говорятъ, а лаютъ [1]). Обратите вниманіе на лапландца, одѣтаго по зимнему: у него трудно различить шею, шляпа пришита къ остальной одеждѣ, и для непривычнаго глаза дѣйствительно могло получиться впечатлѣніе, что у него голова находится на груди. Плѣнныхъ лопарей, понятно, можно было видѣть на Руси, и поэтому Адамъ говоритъ о нихъ съ такою увѣренностью. Если Адамъ приписываетъ ихъ происхожденіе амазонкамъ, то и это согласно съ истиной: лопари дѣйствительно жили по сосѣдству съ кайнами [2]). Затѣмъ Адамъ называетъ народъ Alani или Albani (Albini), который на собственномъ языкѣ называется Wizzi. Комментаторы производятъ эту народность изъ Witland, области около Вислы. Но, можетъ быть, слѣдуетъ писать Wisi, какъ, напримѣръ, у Саксона — Wisinnus. Wisi = Wesi = Весь. Какъ бы тамъ ни было,

---

[1]) Cynocephali sunt, qui in pectore caput habent; in Ruzzia videntur saepe captivi, et cum verbis latrant in voce. Кн. IV, гл. XIX, стр. 167.

[2]) Cumque venerint ad partum, si quid masculini generis est, fiunt cynocephali. Тамъ же.

Адамъ связалъ названіе Wizzi съ нѣмецкимъ словомъ wîz=weiss=бѣлый и далъ латинскій переводъ Albani. Но откуда взялся варіантъ Alani? По свидѣтельству Страленберга [1]), область около Новгорода и Пскова у эстонцевъ называлась ulima=ylimaa=верхній край. Озеро Ильмень въ старину писалось Ильмеръ; не восходитъ ли это названіе къ какому нибудь финскому ylimeri? Гдѣ же теперь былъ «нижній» край? Очевидно, въ водянистой мѣстности, гдѣ жили wesiläiset=Wizzi=Albani. Нижній—по фински ala; ylinen=находящійся наверху; alanen=находящійся внизу. Можетъ быть, въ этой мѣстности слѣдуетъ искать также упоминаемое въ исландскихъ сагахъ Alaborg? Далѣе, Адамъ сообщаетъ, что эти албаны рождаются сѣдыми, и что ихъ страна защищается собаками [2]). Поводомъ къ первому недоразумѣнію могла служить наблюдаемая у лопарей ранняя старость и, вообще, ихъ старческій видъ; другая же подробность восходитъ къ слуху о ѣздѣ на собакахъ и, вообще, другихъ услугахъ, которыя собака оказывала сѣверянину. Наконецъ, Адамъ называетъ еще два загадочныхъ народа: блѣдныхъ, зеленыхъ, долголѣтнихъ Гусовъ или Бусовъ и людоѣдовъ [3]). По поводу Husos-Busos я вспоминаю народъ Ghuzii или Uzi, упоминаемый у арабскихъ географовъ. Эти Ghuzii были сосѣдями хозаръ, но ихъ границы простирались гораздо дальше на сѣверъ. Думаютъ, что они были истреблены при набѣгѣ татаръ или же поглощены послѣдними. У татаръ Днѣпръ назывался также Uzi [4]). Можетъ быть, «людоѣды» явились отраженіемъ русскаго народнаго осмысленія «самоѣда»=samojanda. Вообще же, Адамъ едва самъ вѣритъ этимъ бас-

---

[1]) Стр. 95. Тамъ же, стр. 162, я нашелъ и выраженіе surima=suuri maa=великая область. Невольно вспоминаешь Sviþjóð hinn mikla.

[2]) Cum canicie nascuntur... Eorum patriam canes defendunt. Тамъ же.

[3]) Ibi sunt homines pallidi, virides et macrobii, quos appellant Husos; postremo illi qui dicuntur Antropofagi et humanis vescuntur carnibus. Тамъ же, стр. 168.

[4]) Форстеръ (стр. 131) утверждаетъ, что нѣкоторые татары не произносятъ звука b въ началѣ слова. Busi тогда оказывается исконнымъ названіемъ, а Husi, Ghuzi, Usi—его татарскимъ переиначиваніемъ.

нямъ; поэтому и ограничивается вышеприведенными примѣрами, хотя слышалъ еще о многихъ другихъ чудовищахъ. Всѣ эти басни Адамъ узналъ отъ путешественниковъ, которые посѣщали эти края [1]).

Послѣ этого отступленія отъ главной темы, Адамъ возвращается къ Скандинавскому полуострову и замѣчаетъ: намъ эти страны почти еще совсѣмъ незнакомы [2]). Поэтому Адамъ съ видимымъ вниманіемъ останавливается, какъ на природѣ Скандинавіи, такъ и на обычаяхъ ея жителей. Особенно его занимаютъ религіозныя повѣрья послѣднихъ, и не безъ удовлетворенія онъ констатируетъ, что въ общемъ уже ими признается превосходство христіанскаго Бога надъ языческими [3]). Нѣсколько словъ Адамъ посвящаетъ и островамъ, лежащимъ въ океанѣ—Исландіи, Гренландіи и Винланду [4]). За послѣднимъ островомъ уже нѣтъ больше обитаемой земли, тамъ царство невыносимыхъ льдовъ и непроницаемаго мрака [5]). Но тутъ же Адамъ разсказываетъ о первыхъ попыткахъ прорваться на крайній сѣверъ океана.

Норманскій король Гаральдъ, намѣреваясь изслѣдовать ширину сѣвернаго океана, наконецъ, увидѣлъ передъ своими глазами мрачныя границы исчезающаго міра и съ большимъ трудомъ избѣгъ бездонной пропасти [6]). Вѣроятно этотъ Гаральдъ тотъ же самый, который ѣздилъ по Балтійскому морю [7]) и воевалъ съ Даніей [8]), т. е. Haraldr

---

[1]) Ibi sunt alia monstra plurima, quae recitantur a navigantibus sepe inspecta, quamvis hoc nostris vix credibile putetur. Тамъ же.

[2]) nostro orbi adhuc fere incognita. Кн. IV, гл. XXI, стр. 169.

[3]) Deum autem christianorum iam communi sentencia fortiorem clamant omnibus esse. Кн. IV, гл. XXII, стр. 171.

[4]) Берегъ Сѣверной Америки, открытый норманами.

[5]) Post quam insulam, ait, terra non invenitur habitabilis in illo occeano, sed omnia quae ultra sunt glacie intolerabili ac caligine inmensa plena sunt. Кн. IV, гл. XXXVIII, стр. 186.

[6]) Qui latitudinem septentrionalis occeani perscrutatus navibus, tandem caligantibus ante ora deficientis mundi finibus, inmane abyssi baratrum retroactis vestigiis pene vix salvus evasit. Кн. IV, гл. XXXVIII, стр. 186.

[7]) Кн. IV, гл. IX, стр. 162.

[8]) Кн. III, гл. XVI, стр. 106 сл. и др.

harđráđi. Послѣдніе два факта вполнѣ подтверждаются въ норвежской исторіи, но объ арктической поѣздкѣ его Снорри не знаетъ ни слова. Кромѣ того, этотъ разсказъ у Адама отсутствуетъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ. Но такое путешествіе Гаральда явилось бы вполнѣ въ его духѣ, какъ видно изъ всего, что мы знаемъ о немъ, вѣдь ѣздилъ же онъ и въ Россію и въ Грецію и скитался по Средиземному морю. Мнѣ кажется, что нѣтъ надобности сомнѣваться въ фактической сторонѣ замѣтки Адама. Гаральдъ безусловно когда нибудь совершилъ и поѣздку въ сѣверныя моря и очень легко при этомъ могъ потерпѣть неудачу. Но объясненіе Адама (или его интерполятора), что Гаральдъ «изслѣдовалъ» сѣверный океанъ, можно принять лишь съ той оговоркой, что въ то время норманы уже давно ѣздили въ Бѣлое море, о чемъ, очевидно, Адамъ ничего не зналъ.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе производитъ второй разсказъ Адама. Описываемая поѣздка относится къ временамъ Алебранда, предшественника архіепископа Адальберта: значитъ она состоялась около 1000 года. Нѣсколько знатныхъ мужей изъ Фрисланда клятвенно соединились, чтобы изслѣдовать сѣверный океанъ [1]). Они выѣхали съ фрисскаго прибрежья, можетъ быть, изъ устья рѣки Везера (Wirraha) и держась середины между Даніей и Британіей прибыли къ Оркадскимъ островамъ. Послѣдніе остались у нихъ по лѣвой рукѣ, Норвегія по правой; такъ они проѣхали мимо Исландіи [2]) и другихъ острововъ (Гренландіи и Винланда?). Продолжая свой путь на сѣверъ, они попали въ мрачную область застывшаго океана [3]). Тогда они почув-

---

[1]) Item nobis retulit beatae memoriae pontifex Adalbertus in diebus antedecessoris sui quosdam nobiles de Fresia viros causa pervagandi maris in boream vela tetendisse... Кн. IV, гл. XXXIX, стр. 187.

[2]) Cuius rei novitate pervestiganda coniurati sodales a litore Fresonum laeto celeumate progressi sunt. Deinde relinquentes hinc Daniam, inde Britanniam, pervenerunt ad Orchadas. Quibus a laeva dimissis, cum Nordmanniam in dextris haberent, longo traiectu glacialem Island collegerunt. Тамъ же.

[3]) subito collapsi sunt in illam tenebrosam rigentis occeani caliginem, quae vix oculis penetrari valeret. Тамъ же.

ствовали, что теченіе стало относить ихъ въ бездну, причемъ нѣсколько кораблей погибло. Другіе же были отброшены обратнымъ теченіемъ назадъ [1]). Хотя эта бездна на краю океана и находится въ связи съ тогдашней теоріей о возникновеніи прилива и отлива, но въ сѣверныхъ водахъ она становилась особенно вѣроятной въ виду господствовавшаго здѣсь сильнаго Мальштрома. Миновавъ эту опасность, наши путешественники пристали къ неизвѣстному острову, на которомъ находятъ много золота. Но къ этимъ фантастическимъ подробностямъ мы вернемся впослѣдствіи. Кажется, мореплаватели возвратились безъ дальнѣйшихъ приключеній въ Бременъ.

Несомнѣнно, Адамъ зналъ объ организованной и предусмотрѣнной поѣздкѣ въ Ледовитый океанъ. Что смѣлое предпріятіе не увѣнчалось успѣхомъ, въ этомъ виновато не столько усиленное теченіе моря, сколько то обстоятельство, что фрисы, какъ это явствуетъ изъ ихъ маршрута, шли прямо въ открытое море. Безъ компаса имъ невозможно стало бороться съ тѣми природными препятствіями, которыми изобилуетъ арктическій океанъ. При тогдашнемъ состояніи мореплаванія больше шансовъ для достиженія цѣли имѣлъ путешественникъ, который никогда не терялъ берега изъ виду. Такимъ образомъ сама природа приберегала честь открытія морского пути въ Ледовитый океанъ—норманамъ.

VI.

Путешествіе Отера.

Суровое обращеніе короля Гаральда Прекрасноволосаго съ норвежскими герсами-родоначальниками, которые ни за что не хотѣли покориться его власти, заставило ихъ искать себѣ новыхъ пристанищъ. Большое количество ихъ переселилось на Оркадскіе, Шетландскіе и Гебридскіе острова;

---

[1]) impetus ille recurrens pelagi quasdam sociorum naves abripuit, ceteras autem revomens excursio, longe ab alteris post terga reppulit. Тамъ же.

часть ихъ затѣмъ перешла въ Шотландію и Ирландію. Въ 860 году послѣдовало открытіе съ ихъ стороны Исландіи, а съ 874 года началось ея знаменитое заселеніе. Отсюда уже въ 877 году была открыта Гренландія. Не безъ повода же и наша лѣтопись относитъ пріѣздъ Рюрика къ 862 году. Въ томъ же году, по свидѣтельству арабскаго лѣтописца Якуби, норманы совершили набѣгъ на испанскіе берега и опустошили Севилью. Слѣдовательно, вся вторая половина IX вѣка ознаменована многочисленными движеніями покидавшихъ свою родину нормановъ и смѣлыми открытіями новыхъ земель. Не удивительно, что къ этому же времени относится и первая поѣздка нормановъ въ Бѣлое море.

Объ этой поѣздкѣ у насъ имѣется строго историческое свидѣтельство Оно находится въ англосаксонскомъ переводѣ всемірной исторіи Оросія, предпринятомъ королемъ Альфредомъ Великимъ. Это сочиненіе носитъ названіе «De miseria mundi» и написано Оросіемъ по внушенію блаженнаго Августина, его друга, съ цѣлью противодѣйствовать мнѣнію, будто христіанство причина всевозможныхъ бѣдствій и распрей. Заимствуя факты изъ Геродота, Полибія, Ливія, Тацита и другихъ историковъ, Оросій доказываетъ, что въ древнемъ языческомъ мірѣ человѣчеству жилось ничуть не лучше, чѣмъ послѣ распространенія христіанства. Его сочиненіе въ послѣдующіе вѣка пользовалось большой популярностью, которая и объясняетъ выборъ короля Альфреда. Но король увлекался, вѣроятно, не столько тенденціей Оросія, сколько желаніемъ дать своимъ соотечественникамъ, если можно такъ выразиться, удобное руководство по исторіи. Это намѣреніе выразилось и въ томъ, что король отъ себя вставилъ въ переводъ три самостоятельныхъ отрывка, касающихся географіи современной ему Европы. Они неоцѣнимы, какъ единственныя этнографическія записки, сознательно составленныя для поученія въ такую раннюю пору, какъ IX вѣкъ. Въ 887 году король впервые сталъ заниматься латинскимъ языкомъ; битва при Гастингсѣ въ 893 году нарушила миръ въ его странѣ на много лѣтъ, такъ что съ большой вѣроятностью можно полагать, что

его переводъ относится къ данному промежутку времени [1]).

Изъ вышеупомянутыхъ самостоятельныхъ статей одна трактуетъ о географіи средней Европы, другая—о прибрежьѣ Балтійскаго моря, а третья—о крайнемъ сѣверѣ. Послѣднія двѣ записаны со словъ отважныхъ въ то время мореплавателей: Wulfstán и Óhthere. Король называетъ ихъ прямо по именамъ, не распространяясь объ ихъ личности, изъ чего можно заключить, что они были извѣстны тѣмъ, для которыхъ предназначался трудъ короля. То и дѣло встрѣчаются выраженія: Óhthere sæde..., hé cwæđ..., hé sæde..., hé nÿste..., которыя указываютъ на то, что король лично бесѣдовалъ съ ними. Они, вѣроятно, гостили нѣкоторое время при его дворѣ. Это явствуетъ изъ словъ: dá hé þone cyninge sohte. Отеръ состоялъ даже на службѣ короля. Это можно заключить изъ того, что Альфредъ считалъ себя «его» королемъ: Ohthere sæde «his» hláforde, Ælfréde Kynincge... Понятно, сообщенія короля отличаются замѣчательной достовѣрностью. Его записка такъ и пеститъ цифрами. Финскій ученый Портанъ первый обратилъ вниманіе на важность этихъ свидѣтельствъ для исторіи сѣвера и напечаталъ ихъ отдѣльно въ запискахъ стокгольмской академіи [2]).

Мы позволимъ себѣ привести въ переводѣ отрывокъ, касающійся поѣздки Отера въ Біармаландъ:

«Отеръ разсказывалъ своему государю, королю Альфреду [3]), что онъ живетъ сѣвернѣе всѣхъ нормановъ [4]). Онъ прибавилъ, что живетъ въ странѣ, расположенной на сѣверѣ отъ Западнаго моря [5]). Онъ, однако, говорилъ, что

---

[1]) См. Bosworth, King Alfreds anglosaxon version of the compendious history of the world by Orosius.

[2]) Kongl. Vitterhetens Historie och Antikvitets Academiens Handlingar 1800 г., VI т.

[3]) Король говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

[4]) Впослѣдствіи норманы жили и далѣе на сѣверѣ, но въ то время колонизація ихъ очевидно не простиралась за 65° с. широты. Полагаютъ что Отеръ жилъ около острова Hindoe.

[5]) Westsæ=наше Сѣверное море.

эта страна оттуда еще простирается очень далеко на сѣверъ, но она вся пустынна, и только на немногихъ мѣстахъ поселились здѣсь и тамъ фины [1]), занимаясь зимой охотою, а лѣтомъ рыбнымъ промысломъ на морѣ.

«Онъ разсказывалъ, что однажды хотѣлъ испытать, далеко ли эта земля простирается на сѣверъ и живетъ ли кто на сѣверѣ отъ этой пустыни [2]). Тогда онъ поѣхалъ на сѣверъ вдоль берега: все время въ теченіе трехъ дней по правой сторонѣ у него оставалась пустынная страна, а открытое море по лѣвой. Тогда онъ достигъ сѣверной высоты, дальше которой китоловы никогда не ѣздятъ [3]). Онъ же продолжалъ путь на сѣверъ, на сколько еще могъ проѣхать въ другіе три дня [4]). Тутъ берегъ сворачивалъ на востокъ или же море врѣзывалось въ страну [5]); извѣстно ему было только то, что ему пришлось тамъ ждать попутнаго вѣтра съ запада и отчасти съ сѣвера [6]), а потомъ онъ поплылъ вдоль берега на востокъ, сколько могъ проѣхать въ четыре дня [7]).

---

[1]) Напомню, что и Отеръ подъ финами разумѣетъ лапландцевъ согласно сохранившейся и до нашихъ дней терминологіи норвежцевъ.

[2]) Отсюда видно, что Отеръ дѣйствительно первый открылъ морской путь въ Бѣлое море; какъ замѣтно изъ дальнѣйшаго изложенія, ему было совершенно ново все, что онъ видѣлъ и узнавалъ.

[3]) Около острововъ Лофодена, которые лежатъ около 69° т. е. на полъ пути отъ 65° до Нордкапа.

[4]) Отеръ достигъ Нордкапа (72°), совершивши путь въ 420 морскихъ миль или 70 миль въ сутки,—вполнѣ возможная скорость, тѣмъ болѣе, что Отеръ шелъ только подъ попутнымъ вѣтромъ. Петерсенъ (стр. 281), считая географическими милями, полагалъ, что Отеръ совершалъ 15 миль въ сутки. Высшая скорость скандинавскихъ судовъ по мнѣнію того же Петерсена (стр. 136) доходила до 24 и даже 30 миль.

[5]) Не Отеръ интересовался этой точностью въ географическомъ опредѣленіи, но ученый король; Отеръ же не могъ удовлетворить любопытству короля: hé nyste hweeþer. Вообще, король даетъ намъ не столько связный разсказъ, составленный на основаніи заранѣе добытыхъ матеріаловъ, сколько непосредственные отвѣты Отера на отдѣльные вопросы короля; отсюда и повтореніе типичнаго: „онъ говорилъ“.

[6]) Вѣроятно, недалеко отъ Варангерфіорда. Ср. Weinhold, Polargegenden, стр. 787.

[7]) Въ четыре дня Отеръ свободно могъ доѣхать до Святого мыса на Колѣ (на картѣ Олая Магнуса: Swentinoz=sacrum promontorium).

«Тогда онъ принужденъ былъ ждать прямого сѣвернаго вѣтра [1]), потому что берегъ здѣсь сворачивалъ на югъ или же море врѣзывалось въ страну,—этого онъ не зналъ [2]). Тогда онъ поплылъ отсюда къ югу вдоль берега, сколько могъ проѣхать въ пять дней [3]). Тамъ большая рѣка вела во внутрь страны. Тогда они уже въ самой рѣкѣ [4]) повернули обратно, потому что не смѣли подняться вверхъ по самой рѣкѣ, боясь враждебнаго нападенія; эта страна была заселена по одной сторонѣ рѣки [5]). Это была первая населенная страна, какую они нашли съ тѣхъ поръ, какъ оставили свои собственные дома. Все же время по правой рукѣ ихъ была пустынная страна, исключая поселеній рыбаковъ, птицелововъ и охотниковъ, которые всѣ были фины; по лѣвой же ихъ рукѣ было открытое море. Страна біармійцевъ [6]) была весьма хорошо населена,

---

[1]) Около Святого носа. Хотя я и склоненъ понимать это названіе такъ, что на этомъ носу находилось святилище или просто мѣсто для жертвоприношеній, тѣмъ не менѣе долженъ привести любопытное замѣчаніе Норденшельда (I т., стр. 380), что „Святой носъ“ назывался такой мысъ, который трудно было огибать.

[2]) См. примѣчаніе выше.

[3]) Этотъ путь требовалъ не больше 60 морскихъ миль въ сутки; все путешествіе продолжалось 15 дней, не считая остановокъ, и въ это время Отеръ проѣхалъ около 1000 миль.

[4]) Т. е. въ нѣкоторомъ разстояніи отъ устья. Такая же подробность встрѣтится и въ Орваръ-Оддсагѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что подразумѣвается рѣка Двина.

[5]) Мы съ большой вѣроятностью можемъ догадываться, что біармійцы жили на правомъ берегу Двины. Дѣло въ томъ, что переселеніе урало-алтайскихъ народовъ вообще шло съ востока на западъ, и та народность, которую норманы застали у низовьевъ Двины, пришла сюда съ востока или юго-востока, но отнюдь не съ запада. Слѣдовательно, она достигла раньше восточнаго берега Двины, нежели западнаго, и во время пріѣзда сюда Отера еще не заняла лѣваго берега рѣки. У русскихъ сибирскихъ рѣкъ правый берегъ такъ и называется горнымъ, а лѣвый луговымъ (Сл. Кастренъ, II т., стр. 47). Поэтому, такъ какъ лѣвый берегъ подверженъ опасности наводненія, то поселки и города чаще всего строятся на правомъ берегу. На Волгѣ по правой сторонѣ насчитываютъ свыше 30 городовъ, а на лѣвой всего четыре. Подробно объ этомъ явленіи писалъ академикъ Бэръ (Reden, II т., стр. 107—170).

[6]) Король вводитъ біармійцевъ безъ всякихъ объясненій, предпола-

но они не посмѣли поѣхать туда. Но земля терфиновъ [1]) была совсѣмъ пустынна, кромѣ отдѣльныхъ мѣстечекъ, гдѣ жили охотники, рыбаки и птицеловы [2]).

«Много вещей ему разсказывали біармійцы, какъ объ ихъ собственной странѣ, такъ и о странахъ, лежащихъ кругомъ; но онъ не могъ провѣрить ихъ достовѣрность, потому что самъ онъ ихъ не видалъ [3]). Фины, казалось ему, и біармійцы говорятъ почти на одномъ и томъ же языкѣ [4]). Вскорѣ онъ опять поѣхалъ туда, интересуясь природой этой страны, а также и изъ за моржей, потому что ихъ зубы представляли собою весьма драгоцѣнную кость—нѣсколько такихъ зубовъ онъ преподнесъ королю, а ихъ кожа была въ высшей степени пригодна для корабельныхъ канатовъ [5]). Киты же тамъ гораздо меньше обыкновенныхъ; они въ длину не больше семи локтей. Въ его собственной странѣ, правда, наилучшая ловля китовъ; тамъ они длиною въ 48 локтей, самые большіе же въ 50...» [6]).

гая это этническое названіе своимъ читателямъ извѣстнымъ; такъ быстро распространилась молва о Біармаландѣ.

[1]) Еще понынѣ восточный и юго-восточный берегъ Колы называется Терскимъ. Первая часть ter ставятъ въ связь со скандинавскимъ словомъ trä=дерево и отсюда понимаютъ наименованіе народа терфиновъ какъ „лѣсныхъ“ финовъ, но это толкованіе врядъ ли правильно.

[2]) Читая конецъ даннаго отрывка, получаешь впечатлѣніе, что король подвергалъ Отера перекрестному допросу: обстоятельства, которыя и такъ уже выяснились изъ предыдущаго изложенія, провѣряются, повторяются въ другой связи или же формулируются немного точнѣе.

[3]) Король требовалъ, чтобы Отеръ обо всемъ говорилъ лишь по собственному опыту, и оставлялъ безъ вниманія разсказы біармійцевъ на основаніи того, что Отеръ лично не могъ удостовѣриться относительно ихъ правдивости. Смѣло же король говоритъ о цѣнности моржовыхъ зубовъ, такъ какъ Отеръ привезъ ему нѣсколько экземпляровъ.

[4]) Отеръ, которому фины (т. е. лапландцы) платили дань, очевидно владѣлъ ихъ языкомъ и вѣроятно на немъ же объяснялся съ біармійцами, но при этомъ встрѣтились діалектическія разногласія, такъ что Отеръ не счелъ себя въ правѣ отождествить оба нарѣчія.

[5]) Такіе канаты видѣлъ еще Норденшельдъ въ 1878 году (I т., стр. 68).

[6]) Текстъ переведеннаго отрывка отпечатанъ и у Kluge, Angelsächsisches Lesebuch, стр. 20.

Что Отеръ дѣйствительно открылъ морской путь въ Бѣлое море, нѣтъ никакого сомнѣнія. Изъ норманов онъ былъ крайнимъ постояннымъ обитателемъ сѣвера. Только китоловы ѣздили еще до острововъ Лофодена. Отеру же хотѣлось узнать, что лежитъ дальше этихъ острововъ. И вотъ онъ первый изъ скандинавовъ огибаетъ Нордкапъ. Одно для него даже еще теперь осталось неяснымъ: попалъ ли онъ только въ обширный заливъ или достигъ крайняго предѣла земли, омываемаго міровымъ океаномъ.

Точно опредѣлить время поѣздки Отера невозможно. Во всякомъ случаѣ, онъ бесѣдовалъ съ королемъ послѣ побѣдъ Гаральда Прекрасноволосаго, потому что Галогаландъ для него только «shire»=провинція, что было бы нелѣпо при отсутствіи понятія общаго государства. Далѣе, слово nordvegr до установленія единовластія могло бы означать лишь «путь на сѣверъ»; Отеръ же употребляетъ выраженіе Nordvegr въ смыслѣ государства Норвегіи. Въ сообщеніи Отера, вѣроятно, также упоминалась Исландія, такъ что бесѣда съ королемъ, во всякомъ случаѣ, не происходила раньше 870 годовъ. Такими соображеніями Ессенъ [1]) пытался установить хронологію бесѣды a quo. Мнѣ кажется, что можно итти еще дальше. Изъ записки короля явствуетъ, что онъ форменно допрашивалъ Отера съ опредѣленнымъ уже намѣреніемъ воспользоваться его отвѣтами для научной статьи. Всѣ эти цифры и подробности не могли быть сохранены на память, а были записаны во время бесѣды. Слѣдовательно, бесѣда эта происходила тогда, когда уже король задумалъ свой переводческій трудъ, когда онъ уже зналъ, съ какой цѣлью разспрашивалъ Отера объ его поѣздкѣ. Въ 887 году Альфредъ только сталъ заниматься латинскимъ языкомъ. Поэтому не слишкомъ поздно будетъ отнести его бесѣду съ Отеромъ ко времени около 890 года [2]).

Бесѣда нисколько не опредѣляетъ года путешествія. Послѣднее несомнѣнно находится въ связи съ массовыми

---

[1]) Historische Zeitschrift Сибеля, т. XXVIII, стр. 79.

[2]) Сл. мнѣніе Петерсена, стр. 277.

выселеніями изъ Норвегіи подъ давленіемъ жестокой политики Гаральда. Вѣроятно, Отеру пришла мысль, что въ крайнемъ случаѣ можно будетъ переселиться и дальше на сѣверъ. Онъ вѣрно угадалъ: вскорѣ дѣйствительно норвежская колонизація двинулась много сѣвернѣе. Но такая предусмотрительность не могла явиться у Отера раньше 870 годовъ. Вотъ этими то годами обозначается тотъ промежутокъ времени, въ который Отеръ дважды успѣлъ съѣздить въ Біармаландъ.

VII.

Названіе Біармаланда.

Какое прозвище первые посѣтители двинскихъ береговъ могли дать вновь открытому краю? Такъ какъ они были норманами, то очевидно это названіе должно быть объясняемо изъ древнесѣвернаго языка. Уже у Альфреда жители этой страны называются Beormas. Въ сѣверной литературѣ самый двинскій край сталъ обозначаться Біармаландомъ. Единственная область на русскомъ сѣверѣ, названіе которой напоминаетъ намъ эти древнія обозначенія—Пермь.

Что Пермь тождественна съ древней Біарміей [1]) и что праисторія пермской народности кроется въ скандинавскихъ сагахъ, было предположеніемъ, имѣвшимъ долгое время чуть ли не силу научнаго догмата. Его возникновеніе объясняется нѣкоторымъ созвучіемъ обоихъ именъ и тѣмъ туманомъ, въ которомъ теряются этнографическія отношенія древнихъ обитателей крайняго сѣвера, такъ что каждый лучъ, могущій пролить нѣкоторый свѣтъ на ихъ темное прошлое, принимался съ восторженною радостью, безъ оговорокъ. Я не знаю, былъ ли Strahlenberg, плѣнный шведъ, издавшій въ 1730 году описаніе: Das Nord- und Oestliche Theil von Europa und Asia, вообще первымъ, высказавшимъ мнѣніе о тождествѣ Перми и Біарміи, но съ его словъ восхваленіе древней Перми—Біарміи перешло въ русскую науку, гдѣ однимъ изъ его первыхъ провозвѣстниковъ

[1]) Біармія—ученое названіе Біармаланда.

явился никто иной, какъ самъ Ломоносовъ. Знаменитые финскіе ученые, положившіе основаніе научному изслѣдованію этой области вопросовъ, Шегренъ, Кастренъ и Европеусъ, не преминули примкнуть къ гипотезѣ, открывавшей столь лестную славу о прошломъ пермскаго племени. Но по мѣрѣ систематической и болѣе разносторонней обработки относящихся сюда вопросовъ, догматъ о Перми-Біарміи расшатывался, и противъ него выступили скептики, отрицавшіе какую бы то ни было связь между Пермью и тѣмъ, что скандинавскія саги повѣствуютъ о Біармаландѣ. Когда, помимо общихъ историковъ, какъ С. М. Соловьевъ и Д. И. Иловайскій, такое отрицательное положеніе заняли и А. Дмитріевъ, издатель «Пермской Старины», и профессоръ И.Н. Смирновъ въ своемъ историко-этнографическомъ очеркѣ о пермякахъ [1]), то можно сказать, что гипотеза о нѣкогда славной Перми-Біарміи стала легендой, не вызывающей болѣе прежняго довѣрія. Доводы, которые приводились противъ отождествленія Перми съ Біарміей, сводятся къ отсутствію всякихъ находокъ, могущихъ послужить вещественнымъ доказательствомъ погибшей культуры, къ баснословности скандинавскихъ сагъ и къ недоказанности этимологической связи между именами Пермь и Біармія. Развитіе археологіи и лингвистики и болѣе близкое знакомство съ сагами вызвало, слѣдовательно, опроверженіе гипотезы о Перми-Біарміи. Слѣдуя тому же пути, мы доберемся, быть можетъ, и до положительныхъ выводовъ.

Необходимо сдѣлать слѣдующую оговорку. Вопросъ о тождествѣ Перми-Біарміи можетъ быть понятъ въ двоякомъ смыслѣ: въ этнографическомъ и лингвистическомъ. Въ этнографическомъ смыслѣ я формулирую вопросъ такъ: суть ли теперешніе пермійцы, пермяне или пермяки прямые потомки того (финскаго) племени, съ которымъ скандинавскіе викинги сталкивались у низовья Сѣверной Двины и страну котораго они прозвали Біармаландомъ? Съ лингвистической точки зрѣнія наша задача куда уже, а именно,

---

[1]) См. Извѣстія Общества Археологіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, т. IX, 1891 г.

слѣдуетъ показать, каково толкованіе именъ Пермь и Біармія, и устанавливается ли между ними какая нибудь связь, независимо отъ этнографіи и исторіи тѣхъ племенъ, къ которымъ примѣняются эти названія. Если будетъ доказано, что пермяки не родственны съ жителями прежняго Біармаланда, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что имена Пермь и Біармія восходятъ къ разнымъ корнямъ и даже разнымъ языкамъ. Оба вопроса не только могутъ, но даже должны быть разсмотрѣны независимо другъ отъ друга, при чемъ вопросъ о происхожденіи имени Пермь явится чисто лингвистическимъ экскурсомъ. Его то я и попытаюсь представить въ настоящей главѣ.

Скандинавское названіе нашей народности встрѣчается обыкновенно во множественномъ числѣ: Bjarmar=жители Біармаланда. Единственное число будетъ Bjarmir. Bjarmaland производное имя, содержащее родительный падежъ множественнаго числа отъ Bjarmir. Производится также прилагательное: bjarmskr. Въ англосаксонскомъ употребляется также множественное число: Beormas. Скандинавское Bjarmar и англосаксонское Beormas разнятся только на первый взглядъ. Это различіе легко устраняется, если принять во вниманіе звуковыя явленія германскихъ языковъ: я говорю о такъ называемомъ законѣ преломленія (Brechung). Согласно этому закону:

$$\text{прагерманское e} = \begin{cases} \text{*ea} = \text{ia — скандинавскій переходъ.} \\ \text{eo}(=\text{io})\text{—англосаксонскій переходъ.} \end{cases}$$

Это явленіе происходитъ непосредственно передъ r+consonans, о чемъ см. соотвѣтствующія главы въ англосаксонской грамматикѣ Сиверса и древнесѣверной Норена. Въ силу этого закона я на основаніи норвежской формы Bjarmir возстановляю *BearmiR и Bermiz, а равно и англосаксонское Beormas указываетъ на прежнее Bermas или вѣрнѣе *Bermioz. Отбросивъ падежный знакъ и суффиксъ основы, мы получимъ корень *berm—или, предполагая дѣйствіе перебоя (Lautverschiebung), *bherm. Этотъ корень вполнѣ уже напоминаетъ намъ русское и финское прозвище Perm.

Разбираясь въ соотношеніи этихъ названій, необходимо имѣть въ виду три случая: происхожденіе русское, финское или скандинавское. Англосаксонское происхожденіе почти немыслимо, такъ какъ англосаксы узнали о Біармаландѣ только отъ норвежцевъ.

Если предположить, что корень perm русскаго или финскаго происхожденія, то нельзя объяснить перехода его въ скандинавское berm-, такъ какъ при заимствованіи чужихъ словъ звукъ p въ скандинавскомъ сохраняется:

латинское	pavo	>	скандинавское	pál
»	Apulia	>	»	Púl
»	apostolus	>	»	postole
»	Petrus	>	»	Pettarr

Норенъ замѣчаетъ: anlautendes p kommt—so weit die etymologischen verhältnisse klar sind—nur in lehnwörtern vor [1]). Значитъ, если бы Perm перешло въ скандинавскій языкъ изъ какого нибудь иностраннаго, то непремѣнно сохранился бы первый звукъ p. Заимствованныя слова со скандинавскаго также указываютъ на полное тождество звука p въ русскомъ, финскомъ и древнесѣверномъ языкахъ:

Древнесѣв.	spánn	>	финск.	paanu	>	русск.	спѫдъ
»	penningr	>	»	penni	>	»	пѣнѧзь.

Съ другой стороны, скандинавское b никогда не восходитъ къ какому нибудь прагерманскому p [2]).

Если, такимъ образомъ, переходъ имени Perm изъ финскаго или русскаго въ скандинавскій языкъ встрѣчаетъ затрудненіе въ томъ смыслѣ, что не объясняетъ замѣну перваго согласнаго звука, то посмотримъ, не поддадутся ли другія возможности менѣе натянутой мотивировкѣ. Но также нѣтъ никакого основанія думать, чтобы скандинавское b, при переходѣ въ русскій языкъ, превратилось въ p. Такъ, при заимствованіяхъ съ готскаго языка, звукъ b въ русскомъ неизмѣнно сохранятеся:

---

[1]) Noreen, Altisländische Grammatik, стр. 148.

[2]) Тамъ же, стр. 150.

готское: ulbandus > русское: вельблюдъ
» brunjo > » бръня
» hlaibs > » хлѣбъ.

По аналогіи съ этими примѣрами мы въ правѣ заключить, что скандинавское berm- врядъ ли въ русскомъ дало бы perm. Поэтому мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ г. Теплоухова, высказаннымъ въ его статьѣ: «Древности Пермской чуди изъ серебра и золота и ея торговые пути» [1]). Соглашаемся, что корень Bjarm- и Beorm- нужно искать въ скандинавскихъ языкахъ. «Вообще, сомнительно, справедливо замѣчаетъ г. Теплоуховъ (стр. 282), чтобы какой нибудь народъ при встрѣчѣ съ другимъ, неизвѣстнымъ ему народомъ могъ воспользоваться для названія его корнями изъ языка послѣдняго, такъ какъ языкъ этотъ ему долженъ быть неизвѣстнымъ». Далѣе, г. Теплоуховъ полагаетъ, что норманы занесли на Русь это прозваніе, изъ котораго посредствомъ порчи (?) получилось Пермь. Такой порчи строгій изслѣдователь допустить не можетъ. Но г. Теплоуховъ увлекался тѣмъ, что такое отношеніе объясняло и пріуроченіе имени Пермь къ современнымъ пермякамъ. Зная по слухамъ о существованіи на востокѣ богатой Біарміи, новгородцы, думаетъ г. Теплоуховъ, могли принять за нее первую же страну, въ которой они нашли возможнымъ пріобрѣтать серебро, цѣнные мѣха и проч., и присвоили ей имя Біарміи, передѣлавъ его въ Пермь. Нечего и говорить, что эта догадка, весьма остроумная, лишена всякой доказательности.

Перейдемъ къ послѣднему возможному случаю, къ заимствованію скандинавскаго корня *berm- финами. Въ финскомъ языкѣ мы дѣйствительно встрѣтимъ отсутствіе звука b въ началѣ слова, и поэтому всѣ заимствованныя слова, имѣющія b, мѣняютъ его на p [2]). Напримѣръ:

древнесѣв.: bátr > финское: paatti
» barm > » parma

[1]) Пермскій Край, т. III, 1895 г.

[2]) Thomsen, Ueber den Einfluss d. german. Sprachen, стр. 159.

готское:	bansts	>	финское:	pahna
»	balgs	>	»	pale

То же происходитъ и съ мѣстными названіями въ Финляндіи [1]):

по	шведски:	Barkarila	>	по	фински:	Parkarila
»	»	Bennäs	>	»	»	Pännäinen
»	»	Bertula	>	»	»	Perttula
»	»	Bjernå	>	»	»	Perniö

Мнѣ могутъ возразить, что звуковые законы, наблюдаемые въ западно-финскихъ говорахъ, не имѣютъ значенія для нашего вопроса, а что важнѣе всего, какіе переходы существовали въ языкѣ самихъ біармійцевъ. Но о нарѣчіи послѣднихъ намъ, за исключеніемъ одного имени главнаго бога jomali, ничего неизвѣстно. Пермяки могутъ и не быть ихъ потомками. Въ спискахъ фамилій, прозвищъ и личныхъ именъ, относящихся къ современнымъ пермякамъ и приведенныхъ профессоромъ Смирновымъ [2]), дѣйствительно, попадается не мало словъ, начинающихся со звука b. Но это явленіе объясняется уже довольно сильнымъ русскимъ вліяніемъ. Болѣе характеренъ перечень названій рѣкъ и мелкихъ притоковъ [3]), гдѣ въ началѣ слова рѣшительно отсутствуетъ звукъ b. Какъ бы то ни было, безусловнаго значенія языкъ «біармійскій» для меня не имѣетъ. Если біармійцы не имѣли согласнаго b, то переходъ отъ скандинавскаго *berm- въ perm ясенъ безъ дальнѣйшихъ объясненій. Если же необходимо считаться съ обратнымъ случаемъ, а именно тѣмъ, что біармійцы знали звукъ b и что имъ при заимствованіи незачѣмъ было замѣнять его звукомъ p, то въ этомъ случаѣ біармійцы навѣрно и сохранили скандинавскую форму *berm- безъ измѣненія, но когда это названіе было усвоено другими финскими народностями, то состоялось пере-

---

[1]) Перечень мѣстныхъ названій въ Финляндіи, помѣщенный въ Svenska literatursällskapets i Finland skrifter, XXXIV.

[2]) Op. cit., стр. 84.

[3]) Тамъ же, стр. 101.

иначиванiе въ perm. Если въ этихъ передачахъ участвовали лапландцы, какъ, быть можетъ, нѣкоторые будутъ склонны думать, то у нихъ всегда господствуетъ только одинъ рядъ согласныхъ: tenues или mediae, и въ то время, какъ норвежскiе лапландцы знаютъ лишь медiальные звуки, восточнымъ говорамъ эти звуки недоступны [1]).

Результатомъ моихъ чисто лингвистическихъ разсужденiй явились слѣдующiе выводы: если, основываясь на строго фонетической почвѣ, мы пожелаемъ обосновать переходы имени Пермь отъ одной народности къ другой, то одно скандинавское происхожденiе этого имени можетъ доставить намъ удобную исходную точку. Скандинавское прозвище образовано изъ корня *berm-. Посредственно ли, черезъ самихъ бiармiйцевъ или, можетъ быть, лапландцевъ, или же непосредственно, но это имя было усвоено финскими племенами и впослѣдствiи прiурочено къ болѣе южному народу, прозывающему себя самого Коми, Коми-йасъ, или Коми-отиръ (Коми не имѣетъ ничего общаго съ именемъ Пермь). Если не лапландцы или сами бiармiйцы, то фины должны были измѣнить корень *berm- въ perm. Русскiе узнали о Перми не отъ скандинавовъ, но отъ финовъ, поэтому и у нихъ явилась форма Пермь, которая ими прiурочивается къ значительной части населенiя Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской губернiй.

Кромѣ фонетическаго доказательства, что корень *bjarm- нѣкогда дѣйствительно звучалъ *berm-, я могу указать еще на балладу, извѣстную подъ названiемъ Ormar Visen, въ которой противъ Ормара выступаетъ великанъ Bjarkmarr (такъ въ исландскихъ Rimur). Это имя встрѣчается еще подъ видомъ Bjartmarr (Hauksbok) и Bjarmarr (Codex Regius). Въ ферейской пѣснѣ говорится, что герой явился af Bjarna landi, вмѣсто Bjarmaland. Ясно, что произошла контаминацiя двухъ различныхъ именъ: собственнаго имени Bjarkmarr или Bjartmarr съ корнемъ *bjarm-, входящимъ въ Bjarmaland. Но въ датскомъ варiантѣ великанъ именуется Bermer, а въ шведскомъ Berneris. Berneris получи-

[1]) Томсенъ, Op. cit., стр. 39.

лось изъ Berner ris=Bermer ris=великанъ Бермеръ. Замѣну m черезъ n можно считать случайностью. Или Bjarnaland возникло подъ вліяніемъ Bjarnar, родительнаго падежа отъ собственнаго имени Bjǫrn? Важно для насъ то, что первоначальная форма *berm- сохранилась въ нѣкоторыхъ варіантахъ средневѣковой баллады [1]).

Можно было бы спросить, отчего въ балладѣ объ Ормарѣ форма Bermer осталась безъ перебоя? Во-первыхъ, законъ преломленія не проводился безъ исключенія; иногда западноскандинавская, иногда восточноскандинавская группа языковъ сохраняла первичныя формы словъ безъ измѣненій [2]). Кромѣ того, я думаю, что имена героевъ какой нибудь пѣсни могутъ отзываться большей архаичностью, въ то время какъ на ряду съ ними, въ обыденной рѣчи, та же основа подвергалась дѣйствію болѣе позднихъ звуковыхъ законовъ.

Въ англійской версіи той же пѣсни выступаетъ нѣкій король Испаніи Bremor. Справедливо, замѣчаетъ Бугге, что Bremor относится къ Bjarmarr, какъ англійское слово bright къ скандинавскому bjartr. Итакъ, если придавать значеніе этому свидѣтельству, то на ряду съ корнемъ *berm могла образоваться и варіація: *brem. Такое грамматическое явленіе, сохраняющее то первый, то второй гласный звукъ двухсложной основы, извѣстно подъ названіемъ Wurzelvariation. Среди такихъ основъ въ прагерманскомъ языкѣ Нооренъ [3]) приводитъ: *bherem- *bherm- *bhrem. Очевидно, мы здѣсь имѣемъ основу, изъ которой образовалось и названіе Пермь. Это предположеніе подтверждается самымъ убѣдительнымъ образомъ русскими и мѣстными свидѣтельствами. Имя Пермь попадается въ русскихъ документахъ не раньше XIV вѣка; въ самыхъ старыхъ новгородскихъ грамотахъ, относящихся къ XIII вѣку, постоянно пишется: Перемь. Далѣе, въ Писцовыхъ книгахъ за

---

[1]) Объ этой балладѣ см. Grundtvig, Danmarks gamle Folkwiser, 1869 г., VI т., стр. 705 слѣд.

[2]) См. статью Эдзарди въ P. B. B., IV т., стр. 133.

[3]) Urgerm. Lautlehre, стр. 90.

1707 и 1710 гг. называются двѣ деревни подъ именемъ Pereima. Въ хозяйственномъ описаніи Пермской губерніи называются деревеньки Perem или Parmi [1]). Названія деревень Perem и Pereima и русская форма Перемь вполнѣ поддерживаютъ наши выводы на основаніи скандинавскихъ данныхъ.

Попытаемся теперь изъ словъ различныхъ языковъ германской группы, восходящихъ къ основѣ *bherem, возстановить ея значеніе. Замѣтимъ, однако, что при другой ступени Ablaut'a гласный звукъ е замѣнялся звукомъ а.

Въ *англійскомъ* языкѣ [2]):

berm, berme, birm = узкое мѣсто вообще, тропинка.

bermbank = берегъ канала, противоположный бечевнику.

Въ *норвежскомъ* языкѣ [3]):

barmr = бортъ на шлемѣ; край посуды.

Въ *голландскомъ* языкѣ [4]):

barm, baerm, barem = береговая полоса, земляная насыпь вдоль берега, тропинка вдоль рѣки.

Въ *исландскомъ* языкѣ [5]):

barmr = берегъ; значеніе «лоно» пріурочивается лишь со временъ реформаціи.

eybramr = берегъ острова, если только «ey» не значитъ «рѣка», какъ это явствуетъ изъ нѣсколькихъ текстовъ; тогда eybarmr было бы—рѣчной берегъ.

víkrbármr = берегъ морской губы.

Въ *восточно-скандинавскихъ* языкахъ [6]):

bräm, bremm въ шведскомъ и bremme въ датскомъ языкѣ, по мнѣнію Тамма, вмѣстѣ съ bord = столъ, бортъ и bräde = бревно, восходятъ къ индо-европейскому корню *bher = поднимать и означаютъ собственно то, что выдается, что приподнято.

Въ *средне-нѣмецкомъ* языкѣ [7]):

---

[1]) Шегренъ, I т., стр. 294—5.

[2]) Murray, New english Dictionary.

[3]) Fritzner, Ordbog over det gamle norske Sprog.

[4]) Verwijs en Verdam, Middernederlandsch Woordenbock.

[5]) Cleasby. Icelandic—engl. Dictionary.

[6]) Tamm, Etymologisk svensk Ordbok.

[7]) Lexer, Mittelhochdeutsches Handwörterbuch.

barm=грудь; но употребляется и въ другомъ смыслѣ, какъ, напримѣръ, des saligen heimuote barm=берегъ святой родины.

brëm соотвѣтствуетъ современному слову Verbrämung. Ср. perm des schiltes=край щита.

Въ *ново-нѣмецкомъ* языкѣ [1]):

berme=узкій ходъ, узкая полоса земли за или передъ плотиной.

bräme=мѣховой бортъ; кустарникъ, окаймляющій лѣсъ. поле или лугъ.

brane=ora silvae.

Augenbrane=бровь.

bärme=насыпи, образовывающіяся при раскопкѣ плотинъ.

barm (у нижняго Рейна)=куча немолотой ржи.

barm, barmte=холмъ, куча земли, стогъ сѣна.

Очевидно, послѣднія ново-нѣмецкія значенія, относящіяся скорѣе къ діалектическому словарю, не должны быть приняты въ расчетъ при установленіи основнаго значенія общаго корня. Если также отклонить въ сторону barm=грудь, то окажется, что во всѣхъ языкахъ повторяется одно и то же объясненіе: *berm, *barm=край, бортъ, береговая полоса. Что же касается barm=грудь, то по моему мнѣнію гораздо правильнѣе,—и Гриммъ, кажется, склоненъ къ этому,—сопоставить это значеніе съ barme=дрожжи (ср. англійское: barm, латинское: fermentum). Во всякомъ случаѣ barm=грудь и barm=берегъ лишь впослѣдствіи смѣшались и были приняты составителями словарей за одно и то же слово.

Въ такомъ значеніи германскій корень *berm, *barm послужилъ географическимъ именемъ для обозначенія извѣстной береговой полосы. Названіе города Barmen въ Германіи объясняется тѣмъ, что первоначально онъ состоялъ изъ длиннаго ряда поселеній вдоль рѣки, такъ что и до днесь еще различаютъ Ober, Mittel и Unterbarmen. Относительно происхожденія имени города Bremen принято

[1]) Grimm, Deutsches Wörterbuch.

производство отъ brem=ежевика (ср. Brombeere). Такъ какъ это объясненіе лишено всякой болѣе или менѣе серьезной мотивировки, то я думаю, что толкованіе его въ связи съ *brem=береговая полоса гораздо естественнѣе. Когда Карлъ Великій въ 788 году назначилъ здѣсь мѣстопребываніе епископа, то на берегу Везера тянулись рыбачьи поселки, которые всѣ вмѣстѣ назывались Bremon или Bremum.

Отъ устьевъ Текселя до Эйдера тянутся островки, названіе которыхъ оканчивается на «oog», напримѣръ: Rottumoog, Borkumoog, Wangeroog. Эта послѣдняя часть «oog»=островъ. На наиболѣе выдающемся въ море мѣстѣ берега (einer der exponiertesten Orte des Geest) расположено—Berum; напротивъ находится островъ Bermeroog; встрѣчается и форма Bremeroog. Мнѣ думается, что прибрежную мѣстность первоначально называли *Bermum или *Bremum. Возстановленіе нѣмецкимъ ученымъ *Berheimer совершенно своевольно и къ тому же не вполнѣ ясно. Очевидно, и послѣднія мѣстныя названія образованы при помощи основы *berem [1]).

Познакомившись съ этими географическими обозначеніями въ самой Германіи, мы легко поймемъ происхожденіе имени Пермь. Викинги, а можетъ быть, уже и Отеръ, впервые посѣтившіе Сѣверную Двину и увидѣвшіе поселки неизвѣстнаго имъ народа, тянувшіеся вдоль берега, назвали эту мѣстность *Berema или *Berma. Туземцы усвоили себѣ оба варіанта. Деревня Pereima доказываетъ, что они знали полную форму съ скандинавскимъ окончаніемъ. Русское начертаніе Перемь уже отбросило его. Кромѣ того, русскіе переняли отъ финовъ также сокращенную форму Perm. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что фины однимъ и тѣмъ же именемъ обозначаютъ и мѣстность и народность. Поэтому фины стали употреблять имя Perm и по отношенію къ народу. Эту двойственность значенія переняли также русскіе. Скандинавы же изъ *Berma образовали особый

---

[1]) Am Urdhs Brunnen, 1882 г., вып. VI, стр. 12 слѣд.

nomen agentis: *Bermjiz >*Bermiz >*BermiR >*Bermir >*Bearmir >*Biarmir >Bjarmir.

Когда названіе Пермь уже стало этническимъ, вполнѣ понятно, что оно было перенесено и на тѣ мѣстности, куда заходили, если и не жили, біармійцы. Такимъ образомъ возникли мѣстныя названія, древность которыхъ можно узнать по формѣ. Такъ какъ полногласіе «ере» и окончаніе «а» были уже вскорѣ забыты, то имена съ данными примѣтами указываютъ на присутствіе здѣсь съ древнихъ временъ біармійцевъ. Такъ самымъ важнымъ городомъ внутри страны былъ теперешній Чердынь, но въ старину онъ назывался—Великая Перма [1]).

Прямое доказательство справедливости нашего толкованія имени Пермь я вижу въ слѣдующемъ: на западномъ берегу Двины находится волость Пермогорье, которая у Лепехина называется Каймогорьемъ. Шегренъ [2]) считаетъ это прозвище у Лепехина ошибкой или даже опечаткой, мнѣ же кажется, что Каймогорье просто переводъ полупонятнаго Пермогорья. Изъ этого перевода явствуетъ, что Пермь=кайма, и что значеніе имени Пермь, заимствованнаго съ древнесѣвернаго языка, еще долго было доступно мѣстному населенію.

Представляется ли это мое толкованіе имени Пермь менѣе натянутымъ, нежели прежнія объясненія?

Оставляемъ въ сторонѣ наивныя попытки объяснить имя Біармія изъ пермяцкихъ словъ: би=огонь, ар=рыба и му=земля. Толкованія, имѣющія въ наше время еще извѣстную вѣроятность за собой, принадлежатъ Шегрену и Лыткину. Они предполагаютъ происхожденіе мѣстное, т. е. пермское. Этимъ они загораживаютъ путь къ переходу этого имени къ норманамъ и, ссылаясь на эти этимологіи, русскіе ученые правы, когда они отрицаютъ связь между Біармаландомъ и Пермью. Шегренъ [3]) полагаетъ, что—норманы узнали о Біармаландѣ на Руси. Не говоря

---

[1]) Петерсенъ, стр. 116.
[2]) Ges. Schriften, I т., стр. 291.
[3]) Op. cit., I т., стр. 393.

уже о филологическихъ затрудненіяхъ, можно сомнѣваться въ томъ, чтобы викинги обладали такимъ правильнымъ представленіемъ о географіи, что, узнавъ на Руси о Перми, лежащей гдѣ то на сѣверѣ, поѣхали бы отыскивать ее по Ледовитому морю. Если финское толкованіе Перми вводитъ насъ въ затрудненіе уже относительно перехода этого имени къ норманамъ, то еще менѣе доказуемы предпосылки историческаго свойства. Для возможнаго пріуроченія своего толкованія Шегренъ предполагаетъ слѣдующее:

1) Что въ нашей области жили три разныхъ народа, другъ за другомъ: аборигенты сомнительнаго происхожденія, фины и, наконецъ, пермяки. которые сами, однако, называли себя другимъ именемъ.

2) Когда пермяки еще сосѣдили со вторымъ, финскимъ, народомъ, то они называли эту область Perjema, т. е., отнятую scil. у аборигентовъ. (Это уже тѣмъ невѣроятно, что предполагаетъ, что пермяки были свидѣтелями этого отниманія, иначе не могли же они прозвать страну отнятой).

3) Когда пермяки впослѣдствіи заняли эту самую область, то они какъ будто унаслѣдовали ее отъ прежнихъ обитателей. Perimä означаетъ наслѣдство.

4) Это названіе области (мы, впрочемъ, не знаемъ, на какомъ, наконецъ, останавливается самъ Шегренъ, на Perimä или Perjema) русскіе переносили на самихъ пермяковъ [1]).

Итакъ, мы прошли цѣлую цѣпь недоказанныхъ и даже ошибочныхъ предположеній. Кромѣ того, имена Perimä и Perjema въ звуковомъ отношеніи далеко не тождественны, переходъ ихъ въ Пермь почти невозможенъ.

Лыткинъ въ своемъ очеркѣ о Зырянскомъ краѣ 1889 года, выводитъ Пермь изъ зырянскаго слова parma=поросшая лѣсомъ возвышенность [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 296. Стр. 429, Шегренъ уже довольствуется двумя народами.

[2]) Eine mit Waldung bewachsene Anhöhe, die zur Bebauung (Rodung) benutzt werden kann. Шегренъ, I т, стр. 294.

Вывести изъ формы Parma скандинавское Bjarmir никто не возьмется, равнымъ образомъ и Пермь не безъ натяжекъ поставлена въ связь съ ней. Любопытно, что деревня Perem также называется Parmi и что есть еще другія мѣстечки того же названія. Такъ какъ зырянское слово parma стоитъ особнякомъ, то не устанавливается ли отношеніе между Perem и Parmi, съ одной стороны, и parma и Пермь, съ другой, въ такомъ видѣ, что зырянское слово parma также заимствовано съ древнесѣвернаго языка? Другая ступень Ablaut'а отъ корня *Berm—была *Barm, которая встрѣчалась чуть ли не чаще первой. *Barma понятно дало бы parma и въ названіяхъ мѣстности могло бы чередоваться съ *Berma—perma; такъ мы имѣемъ и Barmen и Bremen. Если, такимъ образомъ, между именемъ Пермь и словомъ parma и существуетъ извѣстная связь, то во всякомъ случаѣ не въ томъ порядкѣ, какъ то полагалъ Лыткинъ.

Теперь намъ дана и нѣкоторая точка опоры для хронологіи. Дѣло въ томъ, что названіе Perm перешло къ финамъ, очевидно, до появленія преломленія, такъ какъ Bjarm—врядъ ли дало бы Perm. Бугге [1]) относитъ этотъ законъ къ VIII вѣку, Норенъ же склоненъ считать его еще древнѣе. Далѣе, финскія формы Pereima и друг. указываютъ на скандинавское окончаніе a, въ то время какъ прасѣверное окончаніе было ō. *Berma въ болѣе древней эпохѣ было бы *Bermō. Это ō сохраняется въ финскомъ, напримѣръ:

Исландское sáta —финское saatto (стогъ сѣна)
» kelda— » kaltio (источникъ).

*Bermō при заимствованіи дало бы *Permo, а не *Perma. Окончаніе a въ Pereima восходитъ только къ *Berma, т. е. не къ праскандинавской формѣ. Во всякомъ случаѣ она образовалась не раньше VII вѣка, хотя, можетъ быть, и позже. Руническія надписи VI вѣка все еще имѣютъ ō вмѣсто a. Такимъ образомъ, мы получили нѣкоторое хро-

[1]) ZfdPh. VII т., стр. 394.

нологическое опредѣленіе того времени, когда норманы передали финамъ имя Пермь: не раньше VIII и не позже IX вѣка.

Изъ ученой литературы о нашемъ вопросѣ намъ приходится еще считаться съ одной конъектурой Мюлленгофа.

Въ томъ мѣстѣ (XXIII гл.), гдѣ Іорданъ перечисляетъ подвластные Эрманарику народы, встрѣчается также загадачное имя: Vasinabroncas. (Варіанты: uasinabīuncas и wasinaboroncas). Мюлленгофъ полагаетъ, что въ этомъ словѣ кроется названіе двухъ народностей: Веси и Перми,—«quos latine dicas *Bermos*» [1]). Такъ какъ это преданіе относится къ VI вѣку, то приходилось бы предполагать, что имя Пермь было въ то время уже общеизвѣстно какъ опредѣленное этническое обозначеніе. Передача этого имени отъ скандинавовъ къ финамъ произошло бы гораздо раньше, такъ какъ водвореніе чужого имени среди финскихъ племенъ требовало же времени. Но врядъ ли викинги уже въ V вѣкѣ направлялись къ низовьямъ Двины. Кромѣ того, если готы переняли названіе Пермь отъ финовъ,—единственная, какъ мнѣ кажется, возможность—то мы бы не встрѣтили согласнаго звука b, а p, о чемъ уже было говорено выше, въ началѣ этой главы. Это исправленіе Мюлленгофа загадочнаго Vasinabroncas во многомъ противорѣчитъ соображеніямъ, вызваннымъ нашей гипотезой о скандинавскомъ происхожденіи имени Пермь.

VIII.

Гандвикъ.

Въ предисловіи къ своей датской исторіи Саксонъ вполнѣ опредѣленно высказывается о мѣстоположеніи Гандвика. Какъ это явствуетъ изъ самаго названія, Гандвикъ прежде всего заливъ, и при томъ весьма большой заливъ. Начинается онъ тамъ, гдѣ берегъ сворачиваетъ на востокъ,

---

[1]) См. Index locorum къ изданію Момсеномъ (Mon. Germ. Hist., V т., I часть).

миновавъ сѣверную часть Норвегіи, значитъ, возлѣ Нордкапа. Затѣмъ этотъ заливъ расширяется въ значительной мѣрѣ и кончается у поворота материка. Между Гандвикомъ и Балтійскимъ моремъ весьма небольшое пространство земли, которая, такимъ образомъ, выходитъ къ обоимъ морямъ; если бы не было этой естественной преграды, то оба моря соединили бы свои волны и превратили бы Швецію и Норвегію въ одинъ островъ [1]). Въ этомъ опредѣленіи Саксона двѣ ошибки: первая заключается въ томъ, что Гандвикъ, по его мнѣнію,—заливъ; а вторая въ томъ, что Балтійское море едва отдѣлено отъ Ледовитаго океана.

Отрывокъ саги объ открытіи Норвегіи (Fundinn Noregr) говоритъ тоже самое: Финляндія и Квенландъ находятся на востокѣ отъ залива Helsíngjabottn (т. е. Ботническаго), который тянется на встрѣчу Гандвику [2]). Слѣдовательно, и здѣсь какъ будто подразумѣвается близость Гандвика къ Балтійскому морю. Кромѣ того ясно, что весь Ледовитый океанъ на сѣверъ отъ европейскнхъ береговъ былъ понятъ какъ заливъ—sinus septentrionale и названъ Гандвикомъ. Съ теченіемъ времени, однако, понятіе Гандвика стало суживаться. На картѣ, приложенной къ исторіи Олая Магнуса, Бѣлое море обозначено—Grandvicus sinus. Вѣроятно, Олай Магнусъ нарочно вставилъ «г», желая осмыслить непонятное уже тогда Гандвикъ и связывая это названіе съ прилагательнымъ grandis=«большой». Такая же ошибка вкралась и въ изданія Саксона, хотя одинъ изъ главныхъ издателей замѣчаетъ, что исландцы всегда пишутъ «Гандвикъ» [3]).

---

[1]) Cæterum oceani superior flexus, Daniam intersecando prætermeans, australem Gothiæ plagam sinu laxiori contingit; inferior vero meatus, ejus Norvagiæque latus septentrionale præteriens, ad ortum versus, magno cum latitudinis incremento, solido limitatur anfractu. Quem maris terminum gentis nostræ veteres Ganduicum dixere. Igitur inter Ganduicum et meridianum pelagus breve continentis spatium patet, maria utrinquesecus allapsa prospectans, quod nisi rerum natura limitis loco congressis pæne fluctibus objecisset, Sveciam Norvagiamque conflui fretorum æstus in insulam redegissent. Saxo, стр. 18.

[2]) er gengr fyri móts við Gandvik. Fas. II, стр. 17.

[3]) Saxo, стр. 18, примѣч. 5.

Нужно думать, что «Бѣлое море»—названіе мѣстное, русское. Путешественники, пріѣзжавшіе къ устьямъ Двины, уже застали это названіе на мѣстѣ и должны были перевести его на свой языкъ. На это указываетъ такое обозначеніе на картѣ Меркатора 1595 года: Bella more id est Album mare [1]). Это русское имя современемъ должно было вытѣснить скандинавское, по мѣрѣ того какъ торговля съ Бѣлымъ моремъ ускользала изъ рукъ нормановъ. На первыхъ порахъ картографы еще не знаютъ, что дѣлать съ этими двумя названіями. Обыкновенно они помѣщаютъ въ самомъ сосѣдствѣ Бѣлаго моря какое то озеро и приписываютъ ему названіе: lacus albus. Такъ поступили составители Carta marina 1539 года, Олай Магнусъ въ 1555 году и другіе; Бѣлое же море у нихъ еще называется Grandvicus sinus [2]). Къ концу XVII вѣка окончательно восторжествовало уже русское названіе Бѣлаго моря, и мы напрасно стали бы искать на картахъ послѣдующаго времени Гандвикъ. Самъ шведъ Пальмквистъ въ 1674 году знаетъ только Hwita siön, амстердамскія карты 1710 года—Mer Blanche и т. д. [3]). Но мнѣ кажется, что скандинавское «Гандвикъ» не совсѣмъ затерялось; западную часть Бѣлаго моря еще понынѣ называютъ Кандалакской губой. Итакъ, Гандвикъ первоначально означалъ весь Ледовитый океанъ къ сѣверу отъ европейскихъ береговъ; потомъ Бѣлое море одно время называлось Гандвикомъ; наконецъ, это имя пріурочилось къ теперешней Кандалакской губѣ.

Обратимся теперь къ разбору самаго названія. Въ то время, какъ вторая часть имени «Гандвикъ» означаетъ заливъ, первая довольно трудно поддается точному опредѣленію. Самостоятельно слово gandr встрѣчается всего одинъ разъ въ древнесѣверной литературѣ, а именно въ Волуспо (строфа 23):

Heiþi hana héto...
uitti hón ganda.

---

[1]) Аленіусъ, стр. 132.

[2]) Тамъ же, стр. 28 сл.

[3]) Норденшельдъ, Periplus, карта 36 сл.

Говорится о вѣщуньѣ: «ее звали Гейдой, чары она творила». Этотъ переводъ А. Н. Веселовскаго [1]), во всякомъ случаѣ правиленъ, будемъ ли мы подъ ganda понимать чудовища, какъ думаетъ Мюлленгофъ [2]), или же присоединимся къ Фрицнеру [3]), который въ этомъ загадочномъ словѣ видитъ палку, употребляемую при ворожбѣ. Въ сочетаніяхъ gandr попадается чаще: jǫrmungandr = міровой змѣй; vanargandr = волкъ Фенриръ; gandreiđr = ѣзда вѣдьмъ (верхомъ на шестѣ). Въ перечнѣ дверговъ, вставленномъ въ Волуспо, находимъ имя Gandálfr. Хотя это имя еще встрѣчается въ двухъ другихъ мѣстахъ [4]), но нигдѣ мы не узнаемъ ничего болѣе подробнаго объ его носителяхъ. Тѣмъ не менѣе, полагаю, что и въ этомъ имени первая часть «gand-» оправдываетъ свое значеніе чего то чудовищнаго.

Вспомнимъ также о нѣмецкомъ городѣ Gandersheim, лежащемъ у подошвы Гарца. Такъ какъ изъ мѣстнаго монастыря вышла знаменитая поэтесса Росвита, то я въ ея сочиненіяхъ и думалъ найти объясненія названія этой мѣстности. Правда, Gandersheim получило свое наименованіе отъ рѣки Gande, притока Лейне; но вѣдь и названіе рѣки могло имѣть свою естественную причину. И вотъ мое вниманіе остановилось на слѣдующихъ стихахъ изъ стихотворенія Росвиты Carmen de primordiis coenobii Gandersheimensis:

Silvestremque locum Faunis monstrisque repletum
Fecit mundatum divinus laudibus aptum [5]).

Рѣчь идетъ объ основаніи монастыря саксонскимъ герцогомъ Людольфомъ. Можетъ быть, эти лѣшіе и чудища находятся въ какой нибудь связи съ названіемъ рѣки

[1]) Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, статья XVIII, стр. 19.

[2]) D. A., V т., стр. 110.

[3]) Ordbog, подъ словомъ gandr.

[4]) a) Загадочный царь—Flateyjarbók, III, стр. 603; b) въ Sǫguþáttr af Nornagesti выступаютъ сыновья какого то Гандальфа—Sn. Edda, стр. 250; у Саксона они—editi Gandal sene (Saxo, стр. 380).

[5]) Pertz, Monumenta Germaniae historica, IV т., стр. 310, стихи 231—2.

Гандой? Во всякомъ случаѣ, этотъ корень сохранился и въ нѣмецкихъ языкахъ, такъ какъ мы у лонгобардовъ встрѣчаемъ такія собственныя имена: Gandertis=чудовище-великанъ; Gandulfus, Candolfus=чудовище-волкъ; Candosalus=черное чудовище и, наконецъ, просто—Cando [1]).

Сопоставляя названіе Гандвика съ вышеприведенными словами и именами, мы въ правѣ понимать Гандвикъ какъ заливъ чудовищъ по преимуществу. Такъ понималъ слово «gan» и Торфеусъ. Говоря о знахарскомъ искусствѣ финовъ, онъ называетъ ихъ Finnos magicos=Gandfinos и поясняетъ, кто они: a familiari illis diabolico spiritu «gan» dicto [2]). Петерсенъ [3]) понимаетъ Гандвикъ, какъ волчій заливъ по аналогіи съ Ulvevig, Ulvefos, Ulfsjö и друг. Въ народныхъ разсказахъ постоянно попадается море Tröllabottn и, мнѣ кажется, что это просто варіантъ къ нашему Гандвику. Во всякомъ случаѣ и то и другое названіе одинаково отвѣчаютъ упоминаемому у латинскихъ писателей—sinus magorum.

Представимъ себѣ теперь, что названіе «Гандвикъ» усваивается мѣстными жителями. Vík=«заливъ» будетъ по фински: lahti. Но мѣстнымъ названіямъ, образованнымъ при помощи слова «lahti», соотвѣтствуютъ параллельныя формы въ родѣ—Aholaks, Hammaslaks, Idenlaks, Kõrpilaks, Kesälaks, Savolaks и друг. [4]). Что касается первой части названія Гандвика, то начальное g должно было перейти въ k и изъ Gandvík могло получиться Kandlahti или Kandlaks. Но кромѣ того, между d и l развилась евфоническая гласная, какъ это видно на слѣдующихъ примѣрахъ.

Mentlaks	дало	Mendolaks,
Notsjö	»	Nuutajärvi,
Kervo	»	Kerava,
Sandhamn	»	Santalahti [5]).

[1]) Bruckner, Die Sprache der Longobarden (Quellen u. Forschungen, т. 75), стр. 253.

[2]) I т., стр. 33 и 106.

[3]) Стр. 237.

[4]) Fôrteckning ôfver svenska ortnamn.

[5]) Тамъ же.

Такъ и Kandlaht или Kandlaks въ концѣ концовъ дало Kandalahti или Kandalaks. Въ описаніи Лапландіи Салингена отъ 1591 года уже упоминается Candelax; на англійской картѣ 1599 года—Candalax [1]). Кастренъ постоянно пишетъ Candalax. Никто не будетъ отрицать того, что отсюда же получились современныя названія Кандалакской губы, Кандалакской рѣки, Кандалакскаго берега и, наконецъ, города Кандалакша.

Можно было бы спросить, отчего какъ разъ западную часть Бѣлаго моря прозвали Кандалакской губой? Не забудемъ, что это названіе скандинавскаго происхожденія и поэтому естественно должно было удержаться въ той части, которая еще поддерживала сношенія со скандинавами. Еще до настоящаго времени въ этихъ краяхъ принято называть финовъ т. е. людей, пріѣзжающихъ съ запада—«шведами». Но еще болѣе поучителенъ, можетъ быть, слѣдующій фактъ: Въ 1589 году, девяносто финовъ подъ предводительствомъ нѣкоего Весайнена, уроженца мѣстности Иіо въ Финляндіи, перешли русскую границу и напали на городъ Candalachti, какъ разъ послѣ празднованія дня св. Петра, и ограбили его. Въ слѣдующемъ году Весайненъ повторилъ свой набѣгъ, но былъ убитъ. Король Карлъ Іоганъ, который уже пригласилъ было къ себѣ Весайнена, узнавъ объ его смерти, послалъ подарки его женѣ [2]). Нечего и говорить, что Candalachti, очевидно, русскій городъ Кандалакша; съ другой стороны несомнѣнно набѣгъ Весайнена былъ не единственнымъ предпріятіемъ въ этомъ родѣ.

Я рѣшаюсь высказать еще то предположеніе, что названіе Канина полуострова получилось изъ болѣе древняго «Кандинъ носъ», которое вполнѣ отвѣчало бы какому нибудь скандинавскому «Gandnäs». Моя гипотеза является почти доказанной, если принять во вниманіе названія, встрѣчаемыя у мореплавателей XVI вѣка и на старыхъ картахъ: Burrow въ 1559 году плавалъ мимо Kanda-Noss,

---

[1]) Аленіусъ, стр. 59 и 91.

[2]) Arwidsson, Handlingar, VI т., стр. 354—5.

Гемскеркъ у Kandanœs въ 1596 году [1]); на картѣ Пальмквиста 1674 года читаемъ Kandin nos, на картѣ Страленберга 1730 года—Candnais insulaé, на амстердамской картѣ 1710 года—Candenose [2]).

IX.

Думбсгафъ и Вегестафъ.

Вотъ что разсказываетъ современный туристъ, объѣздившій Финмаркъ моремъ: Сквозь туманъ мы видѣли темныя очертанія одинокой скалы страннаго вида; она выдавалась надъ моремъ у самаго берега и равнялась высотѣ послѣдняго. Съ своей круглой, толстой головой, окутанная вся туманомъ, скала эта походила на тѣ громадныя грубыя изображенія, которыя создаютъ многіе народы востока, представляя себѣ свои божества. Правда, здѣсь на крайнемъ сѣверѣ она скорѣе напоминала о тѣхъ великанахъ, которые пугали исландцевъ, когда они въ ночной темнотѣ отыскивали себѣ въ морѣ стоянку. Чуть исчезла первая скала, какъ показалась вторая того же вида; вокругъ острова такихъ скалъ находилось цѣлое множество [3]). Еще до сего дня одинъ изъ этихъ острововъ носитъ названіе Troldholmen=«островъ чудовищъ»; этимъ именемъ онъ обязанъ формаціи скалъ, похожихъ на окаменѣлыя привидѣнія. Прибрежныя горы Финмарка называются jotunfjeldene=«горы великановъ». Вообще, моряки и рыбаки обозначаютъ болѣе опасныя или замѣтныя скалы именами великановъ и говорятъ о нихъ, какъ о живыхъ существахъ. Въ этой привычкѣ простонародья я имѣлъ случай лично убѣдиться на берегу Нюланда въ Финляндіи. Такимъ образомъ, могли возникнуть названія великаншъ: Nál=игла, Horn=рогъ, Hryga=шипъ, Hremsa=коготь, Angurboða=предвѣстница несчастья, Örboða=вѣроятно, то же. Согласно

---

[1]) Forster, стр. 317 и 485.

[2]) Норденшельдъ, Periplus.

[3]) Reusch, Reise nach Finmarken, стр. 157.

съ ихъ происхожденіемъ, эти великанши въ миѳологіи сдѣлались морскими духами [1]).

Море, которое начиналось за Нордкапомъ, носило названіе Dombshaf. На картахъ Олая Магнуса и Меркатора 1554 года встрѣчается это обозначеніе. Оно, понятно, не имѣло такого широкаго значенія, какъ первоначально Гандвикъ, а обозначало лишь извѣстную часть моря недалеко отъ берега, идущаго, какъ сказано, за Нордкапомъ. У Мюнстера 1544 года Domshaf соотвѣтствуетъ Варангерфіорду [2]). На Carta marina 1539 года Doms haf обозначено озеромъ и помѣщено рядомъ съ Варангерфіордомъ [3]). Иногда названіе Думбсгафа пріурочивается къ заливу между Вардегусомъ и Кегоромъ. Dumbr или Domen называется также мѣстность на юговостокѣ отъ Вардегуса [4]). Мы не ошибемся, если опредѣлимъ Думбсгафъ, какъ фіорды, лежащіе возлѣ теперешняго Варангера. Это имя, вѣроятно, раньше употреблялось въ болѣе широкомъ смыслѣ и означало все море, расположенное за Нордкапомъ; а потомъ его понятіе сузилось и осталось за однимъ Варангерфіордомъ. Аналогичное явленіе въ переходѣ первоначальнаго значенія мы отмѣтили и въ названіи Гандвика.

У арабскихъ географовъ находимъ mare Tumi. Если mare Tumi произошло изъ Думбсгафа, то посредниками при передачѣ этого названія служили сами же біармійцы. Какъ изъ Berma у нихъ получилось Perma, такъ изъ Dumen—Tumi.

«Dumbur назывался король, который господствовалъ надъ «морскимъ заливомъ», простирающимся до Рисаланда. На югѣ находится Думбсгафъ, который названъ по имени короля» [5]). Хотя этотъ текстъ и сравнительно поздняго

---

1) Weinhold, Riesen, стр. 253—4.

2) Аленіусъ, стр. 16.

3) Тамъ же, стр. 28.

4) Тамъ же, стр. 55.

5) Dumbur hefur Kongur heited, hann ried fyrir Hafsbotnum þeim er ganga af Risalandi i landsudur, enn fyri sunnan geingr þat haf sem nu er Kallad Dumbshaf og Kient var vid Dumb Konung. Торфеусъ, I т., стр. 167. Изъ Barđarsaga Dumbssonar.

происхожденія, но упоминаемый въ немъ Dumbur не принадлежитъ къ вымысламъ. Первоначально такъ могла называться какая нибудь скала; въ данной области въ нихъ недостатка не было. Великанъ такого названія встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ. Въ Швеціи (Östergötland, Ydrehärad) въ мѣстности, прозванной Tumbo, жилъ по преданію великанъ Tumme [1]). Затѣмъ существуетъ нѣмецкій заговоръ такого содержанія: tumbo saz in berke mit tumbemo kinde in arme, tumb hiez der berc, tumb hiez das kind, der heilego tumbo versegene tisa wunda! [2]). Въ Германіи недалеко отъ Hunteburg, находится озеро—Dümmer. Это названіе предлагается производить отъ tief—djup, но мнѣ кажется это неправильнымъ. Можетъ быть, и здѣсь жилъ какой нибудь tumber wiht? [3]).

Названіе нашего великана тождественно съ прилагательнымъ dumbr, готское dumbs, древненѣмецкое tumb; болѣе распространенное значеніе—«глупый», но встрѣчается и особый оттѣнокъ—«нѣмой» или «глухой». Хотя этимологическое родство этого слова еще не выяснено, но мнѣ кажется, что и извѣстное намъ значеніе подходило бы къ названію великана. Нѣкоторая ограниченность ума, отсутствіе смѣтливости—постоянно подчеркивается въ народныхъ сказкахъ при характеристикѣ великановъ.

Въ 1583 году на картѣ Waghenaer'а впервые названіе Варангера замѣнило прежнее Думбсгафъ [4]). Заманчиво было бы связать названіе Варангерфіорда съ варягами, что и попытались Шегренъ [5]) и Куникъ [6]). Такъ какъ это названіе возникаетъ очень поздно, не раньше XVI вѣка, то оно могло быть только отголоскомъ русскаго здѣсь вліянія. Такое вліяніе сказалось, вѣроятно, на лапландской формѣ warjagwuodn. Доказательство того, что сюда когда то ѣздили варяги, мы этимъ ничуть не пріобрѣтаемъ. Но Варан-

---

1) Grimm, Myth., I т., стр. 450.

2) Тамъ же, стр. 438.

3) Am Urdhs Brunnen 1881 г., 3 вып., стр. 11.

4) Аленіусъ, стр. 110.

5) Sjögren, Bericht, стр. 73 сл.

6) Berufung, I т., стр. 45.

герфіордъ не можетъ быть «варяжскимъ» уже потому, что «anger» значитъ «фіордъ, узкій заливъ». Поэтому собственно неправильно писать «Вар-ангер-фіордъ»; получается плеоназмъ, такъ какъ ангеръ и есть фіордъ. Это слово находится въ связи съ нѣмецкимъ eng=angustus=ѧзъкъ. Всѣ норвежскіе фіорды образуютъ такъ свои названія, какъ старинныя Stafangr и Harđangr такъ и болѣе новыя—Bremanger, Malanger, Kvenanger и друг. Первую часть var—я ставлю въ связь съ древнесѣвернымъ vör=пристань, мостикъ, стоянка [1]). Varanger—тотъ фіордъ, въ которомъ останавливались мореплаватели. Такія же названія встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ: въ Швеціи (Östgötland) мы имѣемъ Varaby, а въ Финляндіи у Ладожскаго озера—Jakimvara. Послѣдняя мѣстность называется по фински: Jakimmaa изъ *Jakin+maa; первая часть ведетъ свое начало отъ генерала Якобъ де-ла-Гарди, давшаго здѣсь сраженіе русскимъ.

Почти на всѣхъ картахъ XVI вѣка упоминается и названіе Вардегуса: Carta marina 1539 года—Waerdhuys [2]), у Мюнстера 1544 года—Warthūs [3]), у Burrough 1557 года—Wardhouse [4]). На венеціанской картѣ 1561 года [5]) читаемъ обозначеніе: Guardus insula; вѣроятно, оно возникло изъ *Guardhus или вѣрнѣе *Guarđey=Varđey. Вардегусъ легко поддается объясненію, такъ какъ, очевидно, произведено отъ основы глагола varđa=«сторожить». *Varđey=сторожевой островъ. На этомъ островѣ дѣйствительно видны слѣды какихъ то построекъ, оставшіеся отъ сторожевой башни. Отъ послѣдней, которая, вѣроятно, была причиной первыхъ поселеній на этомъ островѣ, получило названіе все мѣсто. Первоначально «hus» указывало только на сторожевую башню.

Отчего же мѣстность за Нордкапомъ удостоилась такого вниманія? Вѣроятно, не только по эстетическому впечатлѣ-

---

[1]) Fritzner, стр. 767.
[2]) Аленіусъ, стр. 28.
[3]) Тамъ же, стр. 15.
[4]) Тамъ же, стр. 48.
[5]) Тамъ же, стр. 71.

нію, произведенному множествомъ живописныхъ скалъ. Дѣло въ томъ, что объѣхавъ Нордкапъ, слѣдовало поворачивать на востокъ и приходилось ждать попутнаго вѣтра. Это случалось неминуемо: никогда вѣтеръ не былъ такъ удобенъ, чтобы достигнувъ Нордкапа, сразу можно было продолжать путь дальше. Недаромъ же англійскій путешественникъ Burrough недалеко отъ Нордкапа помѣстилъ мысъ Доброй Надежды—Cape good hope [1]). Хотя не подъ тѣмъ же настроеніемъ, но побуждаемый одинаковыми впечатлѣніями мѣстной природы, итальянскій мореплаватель Піетро Квирини находилъ, что Нордкапъ весьма отвратительное мѣсто и прозвалъ его Culo Mundi. Отеръ ждетъ у Нордкапа попутнаго вѣтра въ теченіе нѣсколькихъ дней. Въ Орваръ-Оддсагѣ буря начинается у Финмарка и выбрасываетъ корабли къ какому то острову. При экспедиціи датскаго короля Горма и Торкиля тоже буря уноситъ корабли, какъ только они миновали Галогаландъ, и всякій опредѣленный маршрутъ становится невозможнымъ; Гормъ попадаетъ опять на островъ, Торкиль пристаетъ къ неизвѣстной землѣ. Такія же приключенія случались и въ болѣе позднія времена. Въ 1553 году Willoughby, первый англичанинъ, предпринявшій путешествіе на сѣверовостокъ съ тремя кораблями отправился къ Нордкапу. Обогнуть этотъ мысъ оказывается весьма трудной задачей, и корабли теряютъ другъ друга изъ виду. Самъ адмиралъ былъ отброшенъ въ море и напрасно старался попасть въ Вардегусъ. Восемь дней его несло бурей, пока онъ не достигъ пустынной земли. По мнѣнію Норденшельда англійскій адмиралъ попалъ на Колгуевъ, по Сторму на Новую Землю. Отсюда уже путешественники переправились на Колу [2]). Въ этихъ повтореніяхъ—бурь, неизвѣстнаго острова и пр., я не могу видѣть простую случайность; они указываютъ на постоянство природныхъ явленій, въ данномъ случаѣ метеорологическихъ. Я не утверждаю, что корабли непремѣнно останавливались въ Варангерѣ. Напротивъ, было уже

---

[1]) Аленіусъ, стр. 55.
[2]) Аленіусъ, стр. 40—3.

указано, что Думбсгафъ имѣлъ сперва болѣе широкое значеніе, и къ нему могли быть причислены многіе фіорды. Но въ устной традиціи всѣ эти различныя стоянки слились въ одинъ фіордъ, къ которому исключительно и пріурочилось названіе Думбсгафа, а впослѣдствіи Варангера.

На пути въ Біармаландъ еще другой пунктъ представлялъ не мало затрудненія. Это крайній сѣверовосточный мысъ Колы, гдѣ опять необходимо было ждать перемѣны вѣтра, чтобы попасть въ Бѣлое море. По объясненію Норденшельда [1]), этотъ мысъ и былъ названъ Святымъ Носомъ, потому что трудно было огибать его. Впрочемъ, оконечность Канина полуострова также на нѣкоторыхъ картахъ называется Святымъ Носомъ. Это, можетъ быть, и простая описка, но ничто не мѣшаетъ думать, что данное названіе съ одинаковымъ правомъ могло пріурочиваться къ крайнему мысу, какъ полуострова Кола, такъ и Канина. Я хочу доказать, что Святой Носъ на полуостровѣ Кола былъ извѣстенъ и скандинавамъ, хотя подъ другимъ названіемъ.

Изъ норвежскаго сборника, находящагося въ Копенгагенѣ, Мункъ [2]) приводитъ маршрутъ плаванія отъ Вика до Вардегуса:

Отъ Гётаэльфа (Kalfsunde) до Линдеснеса (Lidhanznes)		24	м.
Далѣе до	Бергена (Bærwen)	24	»
» »	Трондгейма (Krakowaadh, som ær þrondeims minne)	48	»
» »	Лофодена (Wagha)	48	»
» »	Квенангера (Anznes)	48	»
» »	Вардегуса (Vargöhus).	48	»
» »	Вегестафа (Æghestaf).	72	»

По моимъ разсчетамъ, первыя два разстоянія равняются приблизительно 40 географическимъ милямъ, а путь отъ Бергена до Трондгейма 75 милямъ, но, вѣроятно, авторъ вышеприведеннаго маршрута имѣетъ въ виду норвежскую

[1]) См. выше, стр. 55.

[2]) Munch, Symbolae ad historiam antiquiorem rerum Norvegicarum, 1850 г.

милю, которая немного больше шведской и равняется приблизительно $^{2}/_{3}$ географической мили. Такъ какъ нашъ документъ отмѣчаетъ длину морскаго пути, то трудно провѣрить его опредѣленія по картѣ, въ особенности тамъ, гдѣ приходится пробираться между островами или объѣзжать ихъ. Путь вдоль берега отъ Трондгейма до Вардегуса кажется немногимъ длиннѣе разстоянія между Трондгеймомъ и Бергеномъ, но мы не знаемъ, съ какими трудностями долженъ былъ считаться мореплаватель.

Вѣроятно, всѣ эти опредѣленія явились отнюдь не результатомъ астрономическихъ вычисленій, но складывались на основаніи того времени, которое необходимо было для прохожденія извѣстнаго пути, и которое, конечно, зависѣло не только отъ географической отдаленности, но и отъ фарватера, отъ погоды, отъ извѣстности самихъ водъ и многихъ другихъ причинъ. И вотъ, запечатлѣлся тотъ фактъ, что отъ Вардегуса до Вегестафа путь въ три раза длиннѣе, чѣмъ отъ Гётаэльфа до Бергена. На самомъ же дѣлѣ плаваніе, очевидно, становилось труднѣе, чѣмъ больше путешественникъ поднимался къ сѣверу, и поэтому и движеніе его замедлялось. Разстоянія отъ Лофодена до Квенангера и до Вардегуса, во всякомъ случаѣ, значительно короче, чѣмъ путь отъ Бергена до Трондгейма и оттуда до Лофодена. Къ послѣднему разстоянію отъ Вардегуса до Вегестафа справедливо примѣнять уже повышенную оцѣнку: на самомъ дѣлѣ оно обнимаетъ не больше 70 географическихъ миль (46 норвежскихъ миль), но путь этотъ могъ казаться значительно длиннѣе по тѣмъ или другимъ причинамъ.

Если согласиться съ моими объясненіями, то Вегестафъ соотвѣтствовалъ бы Святому Носу на полуостровѣ Кола. Къ этому отождествленію меня привели не только общія соображенія, но и опредѣленіе Вегестафа, читаемое въ томъ же сборникѣ. Во-первыхъ, говорится, что Норвегія кончается у Вегестафа [1]). Затѣмъ, въ такъ называемой коротенькой норвежской хроникѣ—breve chronicon Norvegiæ, составленіе которой относятъ къ началу XIII вѣка, упоми-

---

[1]) Æghestaf som Norege lyktas. Munch, стр. 31.

нается мѣстность Wegestaf, которая отдѣляетъ Норвегію отъ Біармаланда [1]). Только на одной картѣ—Carta marina 1539 года—полуостровъ Кола приписывается Біарміи; но это явное недоразумѣніе. Я думаю, что весь сѣверный берегъ Колы, который еще сегодня называется Мурманскимъ [2]), могъ считаться якобы продолженіемъ Норвегіи. Съ другой стороны, Бѣлое море было естественной границей для норвежскихъ выходцевъ. Поэтому, Вегестафъ, крайній, пограничный пунктъ Норвегіи, слѣдуетъ искать какъ разъ при въѣздѣ въ Бѣлое море.

Что Вегестафъ очутился на границѣ Норвегіи, тому служило причиной и слово stafr, вторая часть этого названія, которая могла быть понята какъ «пограничный столбъ». Но я сомнѣваюсь, чтобы такое значеніе лежало въ основѣ этого наименованія. Вѣдь въ Норвегіи имѣются еще мѣстности Stafanes и Stafanger. Въ древненѣмецкомъ сохранился еще глаголъ staben=«стоять неподвижно»; послѣднее могло относиться не только къ столбу, но и къ скалѣ или горѣ. Первую часть нашего названія я произвожу отъ слова vegr=«дорога». Вегестафъ я объясняю какъ скалу, гору или мысъ, имѣющій значеніе для дороги, указывающій дальнѣйшій путь, мысъ, у котораго слѣдуетъ перемѣнить направленіе. Впослѣдствіи стали придумывать разныя умныя комбинаціи. Во-первыхъ, сдѣлали изъ Вегестафа какой то пограничный столбъ; во-вторыхъ, приплели къ нему морское божество Эгира и стали писать, какъ выше, Æghestaf.

Наши толкованія послѣднихъ мѣстныхъ названій намъ кажутся не лишенными нѣкотораго значенія уже потому, что такія названія должны выработываться самой практикой мореплавателя. На пути изъ Норвегіи въ Бѣлое море было два пункта, особенно опасныхъ и затруднительныхъ: Нордкапъ и Святой Носъ. Эти мѣстности не могли не получить особаго названія на родномъ языкѣ норѣмановъ, и ихъ мы открыли съ одной стороны въ Думбсгафѣ, съ другой—въ Вегестафѣ.

---

[1]) qui Biarmoniam ab ea dirimit. Munch, стр. 3.

[2]) Объ этомъ названіи рѣчь впереди.

X.

Страна великаиовъ.

Такъ какъ теперь вся земля до Бѣлаго моря стала хорошо извѣстной, то нельзя было, какъ въ свое время Адамъ Бременскій, безъ разбора перечислять всевозможныя народности. Явилась необходимость создать опредѣленную этнографическую карту. Раньше эти сѣверныя края могли простираться Богъ вѣсть куда на сѣверъ и вмѣщать не только обиліе народностей но и разныя чудовища—varia monstra; теперь знакомство съ берегомъ Ледовитаго океана поставило предѣлъ такой необузданной фантазіи. Тѣмъ не менѣе, съ представленіями о сѣверѣ все еще связывалась страна великановъ.

Правда Торъ совершаетъ свои поѣздки всегда на востокъ—austr í jǫtunheima, но это кажущееся противорѣчіе не должно смущать насъ. Люди, не обладающіе картографическими познаніями, смотрятъ на страны свѣта какъ на климатическія понятія, и тогда у скандинавовъ сѣверъ и востокъ, какъ одинаково негостепріимные края, должны были совпасть. Такую путаницу можно весьма часто прослѣдить въ географическихъ опредѣленіяхъ въ древнесѣверной литературѣ. Поэтому мы уже должны мириться съ тѣмъ, что страна великановъ, а равно и царство мертвыхъ помѣщаются различно: то на сѣверѣ, то на востокѣ.

Отрывокъ саги объ открытіи Норвегіи (Fundinn Noregr) начинается такъ: «Форніотъ назывался король; онъ властвовалъ надъ Іотландомъ, какъ называли тогда Финландъ (т. е. Финмаркъ) и Квенландъ» [1]). Король этотъ является прадѣдомъ Нора, эпонима Норвегіи, но другихъ подробностей мы о немъ не узнаемъ [2]). Когда писали вышеприведенныя строки, то хорошо знали о мѣстонахожденіи земли квеновъ на сѣверовостокѣ отъ Ботническаго залива; знали

---

¹) Fornjotr hefir Konúngr heitit; hann réð fyrir Jótlandi, er Kallat er Finnland ok Kvenland... Fas II, стр. 17.

²) Сл. Fas II, стр. 3 и 17.

также, что страна великановъ не имѣла самостоятельнаго существованія. Но, говоря объ отдаленнѣйшемъ доисторическомъ времени, когда ни Норвегія, ни Финмаркъ еще не были заселены, составитель отрывка безъ натяжки могъ предполагать, что вся сѣверная область занята была страной великановъ. Но кто же этотъ Форніотъ? Ученые никакъ не могли столковаться относительно этого имени. Оставимъ въ сторонѣ догадку Раска, который въ іотунахъ хотѣлъ видѣть готовъ и первыхъ жителей Ютланда [1]). Приходится считаться съ двумя объясненіями: одни раздѣляютъ это имя такъ: forn—jótr и толкуютъ какъ «великанъ прежнихъ временъ»; другіе раздѣляютъ: for—njótr, что можно понять, какъ «исконный владѣлецъ; тотъ который раньше другихъ пользовался данной, или, вообще, землей; primus occupans». О составныхъ частяхъ этого слова не можетъ, кажется мнѣ, быть спора: такъ какъ Форніотъ сталъ царемъ Іотланда, то, очевидно, составитель отрывка понималъ это имя какъ forn—jótr, а не иначе. Есть и косвенное доказательство: растеніе, которое теперь называется Teufelshand, извѣстно было раньше подъ названіемъ Forneotes folme [2]). Вѣроятно, это растеніе принадлежало къ орхидеямъ и получило свое названіе по формаціи корня. Англосаксонское eoten вполнѣ отвѣчало древнесѣверному jǫtunn, откуда получилось современное шведское jätte. Первую часть нашего имени я произвожу отъ основы глагола fórna = приносить жертву; ср. еще fórn = жертва, fórnfœring = жертвоприношеніе. Эта основа легко могла слиться съ другой: forn = древній, и изъ такой контаминаціи получилось значеніе словъ въ родѣ: fornfróđr = умѣющій колдовать; fornfrœđi = колдовство; forneskja = язычество, колдовство; forneskjumađr и друг. Основываясь на такихъ предположеніяхъ, я позволю себѣ предложить такое толкованіе: Fornjótr = великанъ-колдунъ.

Остается объяснить, почему толкованіе Forn—jótr = великанъ—колдунъ слѣдуетъ предпочесть другимъ. Вспом-

---

[1]) Rask, Saml. Afh., I т., стр. 78.
[2]) Grimm, Myth., I т., стр. 199.

нимъ, какъ скандинавамъ приходилось бороться съ бурями и противнымъ вѣтромъ на пути въ Бѣлое море. Суевѣрные мореплаватели были убѣждены, что эти бури вызываются колдовствомъ туземцевъ. Олай Магнусъ даетъ подробный разсказъ о томъ, какъ мѣстные жители задерживаютъ пріѣзжихъ купцовъ при помощи противныхъ вѣтровъ, съ другой же стороны за извѣстное вознагражденіе вручаютъ имъ три волшебныхъ узла: если развязать первый узелъ, то получается сносный вѣтеръ; если развязать другой—уже болѣе сильный; но если дотронуться до третьяго узла, то разразится такая буря, что не будетъ уже никакой возможности управлять кораблемъ [1]). Это повѣрье приводится почти во всѣхъ сочиненіяхъ о Лапландіи; нашлись даже такіе писатели, которые пытались нарисовать сплетеніе этихъ узловъ. Отсюда получилось и упоминаемое въ исландскихъ сагахъ повѣрье въ возможность постояннаго пользованія попутнымъ вѣтромъ; это счастье можно было передавать по наслѣдству и даже даровать всему своему роду. Мало того, еще въ прошломъ вѣкѣ финскому путешественнику Кастрену приходилось видѣть, какъ самоѣдская женщина заклинала бурю [2]).

Впрочемъ, не только Форніотъ, но любой великанъ могъ очутиться на крайнемъ сѣверѣ. Форніота сдѣлали отцомъ трехъ великановъ, отъ которыхъ потомъ произошло многочисленное потомство. Другимъ родоначальникомъ племени великановъ считался Имиръ. Понятно, и его мѣстожительство помѣщается на сѣверѣ. Въ началѣ Гервrарсаги говорится, что Jotunheimar находится въ Финмаркѣ, но на

---

[1]) Solebant aliquando Finni inter cæteros gentilitatis errores negotiatoribus in eorum littoribus contraria uentorum tempestate impeditis, uentum uenalem exhibere, mercedeque oblata tres nodos magicos non cassioticos loro constrictos eisdem reddere, eo feruato moderamine ut ubi primum dissoluerint, uentos haberent placidos; ubi alterum, uehementiores: at ubi tertium laxauerint, itá fæuas tempestates se passuros, ut nec ocula extra proram in euitandis scopulis nec pede in naui ad uela deprimenda aut in puppi pro clauo dirigendo integris uiribus potirentur. Historia Olai Magni 1596 г., стр. 114—5.

[2]) Nord. Reisen u. Forsch., I т., 260—1.

югѣ между нимъ и Галогаландомъ—Ymisland [1]). Imica regio упоминается и у Саксона, какъ страна лежащая на сѣверѣ; оттуда выходятъ сыновья Гандальфа—editi Gandal sene.

Слово risi появилось на сѣверѣ, вѣроятно, позже, равно какъ и hiuni>huni [2]). Послѣднее тогда уже успѣло слиться съ названіемъ историческихъ гуновъ, и поэтому никогда не могло обобщиться на сѣверѣ. Кромѣ того, локализація гуновъ уже совершилась на южномъ берегу Балтійскаго моря. Не таково было дѣло съ рисами. Ихъ направили сразу на сѣверъ и создали для нихъ особую область Risaland, которая иногда весьма опредѣленно отличается отъ Іотунгейма, какъ напримѣръ, въ Босасагѣ [3]).

Когда стали повторяться поѣздки въ Біармаландъ, и народъ разувѣрился въ существованіи на этомъ пути великановъ, то ихъ перевели на отдаленные острова. Такъ и Саксонъ упоминаетъ, что гиганты теперь удалились въ тѣ пустыни, которыя лежатъ по ту сторону Гандвика на сѣверъ отъ Норвегіи [4]). По мнѣнію финовъ на крайнемъ сѣверѣ живутъ jättilaiset или jatulin kansa; слѣдуетъ помнить, что послѣднія названія образованы отъ шведскаго слова jätte. Лопари знаютъ только людоѣдовъ—stalo, но и у нихъ сохранилась память о какомъ то переселеніи [5]).

Между тѣмъ, какъ всѣ разобранныя выше названія страны великановъ образованы при помощи имени какого нибудь одного лица или вообще великановъ, одно мѣстное обозначеніе стоитъ совсѣмъ особнякомъ, а именно—Grundir. Такъ какъ оно упоминается всегда въ связи со страной великановъ и другими краями сѣвера, то нѣтъ сомнѣнія, къ какому кругу понятій оно относится. Я полагаю, что

---

[1]) Sva er sagt, at i fyrndinni var Kallađ Jotvnheimar norđr i Finnmork, en Ymisland firir svnnan millim ok Halogalandz; þar bygđv þa risar viđa... Herv., стр. 203.

[2]) Weinhold, Riesen, стр. 300.

[3]) Стр. 124 и 131.

[4]) qui hodieque scrupeam inaccessamque solitudinem cuius supra mentionem fecimus incolere perhibentur. Стр. 20.

[5]) Кастренъ, I т., стр. 18 и 84.

Grundir первоначально означало «море, морской заливъ» и было синонимомъ съ botn, отъ котораго образовано названіе Ботническаго залива, sinus Boddicus, какъ мы читаемъ на Carta marina. Botn значитъ собственно «дно», а по отношенію къ заливу, самую внутреннюю часть его. Такъ, дѣйствительно, только сѣверная часть Ботническаго залива называется Botten, южная же—Аландскимъ моремъ, °Alands haf; ихъ соединяетъ узкая часть—Kvarken. На сѣверѣ помѣщали hafsbotn и подъ этимъ названіемъ, очевидно, понимали самую отдаленную часть Гандвика, лежащую на востокъ отъ Біармаланда. Синонимомъ къ этому botn могло явиться Grundir или grund, что также означаетъ «дно». Любопытно, что на картѣ Олая Магнуса Гренландія прозвана Gruntland [1]). И рыбаки, ѣздившіе на Шпицбергенъ, пріурочиваютъ къ послѣднимъ островамъ то же названіе.

Но, можетъ быть, вліяніе скандинавскаго botn и grund простиралось и дальше. Буквальный переводъ этихъ словъ на финскій языкъ будетъ—pohja. Этимъ словомъ финъ выражаетъ понятіе сѣвера вообще. Но, кромѣ того, онъ образуетъ и мѣстное названіе Pohjala, которое является главнымъ мѣстомъ дѣйствія въ Калевалѣ. Тамъ царитъ злая Луохи, которая такъ и напрашивается на отождествленіе съ Локи. Оттуда выходятъ всѣ бѣдствія и болѣзни. Луохіетаръ, дочь Луохи, можетъ навести на людей всевозможныя невзгоды, между прочимъ, и бурю и холодъ. Здѣсь же были заключены мѣсяцъ и солнце, когда на землѣ господствовалъ полный мракъ. Такимъ образомъ, Похіола финскаго эпоса вмѣщаетъ и ужасы царства мертвыхъ и страхи земли великановъ.

XI.

Открытіе Гренландіи и Америки.

Путешествіе въ Бѣлое море значительнымъ образомъ облегчалось тѣмъ, что можно было держаться все время

---

[1]) Аленіусъ, стр. 16.

вдоль берега. Тѣмъ не менѣе, бури часто относили мореплавателей въ открытое море, и тогда они попадали къ таинственнымъ островамъ, которые невозможно точно опредѣлить. Изъ бесѣдъ съ лицами, посѣтившими Бѣлое море, я вынесъ впечатлѣніе, что описанія исландскихъ сагъ, главнымъ образомъ, саги объ Орваръ-Оддѣ, ближе всего подходятъ къ Соловкамъ. Но этому противорѣчитъ то обстоятельство, что острова, къ которымъ пристаютъ норманы, лежатъ не въ Бѣломъ морѣ, а въ океанѣ, и ближайшая стоянка отъ нихъ находится въ Финмаркѣ. Отсюда явствуетъ, что норманы знали и посѣщали, хотя, можетъ быть, противъ своей воли, гонимые непогодой, и острова, лежащія въ Ледовитомъ океанѣ, Колгуевъ и, пожалуй, Новую Землю. Если такому то острову впослѣдствіи приписали природу, свойственную собственно болѣе южному берегу, то ошибка вполнѣ понятна при устной передачѣ нашихъ источниковъ.

Несомнѣнно поѣздки нормановъ на сѣверозападъ представляли собой гораздо бо́льшія опасности, такъ какъ въ этомъ направленіи отсутствовалъ материковый берегъ, вдоль котораго можно было плавать. Мы видимъ, какъ норманы передвигаются на западъ осторожно, отдѣльными этапами, перебираясь отъ острова къ острову. Еще до заселенія Исландіи они утвердились на Шетландскихъ, Оркадскихъ и Ферейскихъ островахъ. Одно время казалось, что это стремленіе на западъ такъ и ограничится Исландіей и дальше не пойдетъ. Но бурные вѣтры и тутъ сбивали путешественниковъ съ протореннаго пути. Въ 920 году нѣкій Гунбіорнъ былъ отнесенъ бурей на западъ и увидѣлъ неизвѣстные до тѣхъ поръ острова. Къ нашему удивленію и до сего дня не удалось найти эти острова на картѣ. Поэтому Могкъ думаетъ, что эти острова были окончательно разрушены вулканическими изверженіями [1]). Во всякомъ случаѣ, въ Исландіи распространилась молва о вновь открытой землѣ на западѣ. О ней вспомнилъ Эйрикъ Красный, когда его выслали изъ Исландіи за убійство. Ему

[1]) Ср. Fischer, Die Entdeckungen der Normannen in Amerika. стр. 6, примѣчаніе.

дѣйствительно удалось открыть новую страну. Три года онъ изслѣдовалъ ее и, наконецъ, рѣшилъ въ ней поселиться. Съ этой цѣлью онъ возвратился въ Исландію вербовать съ собой товарищей. Страну онъ назвалъ Гренландіей, какъ мнѣ кажется, въ противоположность Исландіи. Если отвергшая его родина слыла «страной льда», то какъ многообѣщающе звучало имя—«зеленой страны!» Это названіе подсказывало ему не только извѣстное чувство мести, но и желаніе завлечь съ собой какъ можно больше товарищей. Кромѣ того, на нѣкоторыхъ мѣстахъ гренландскаго прибрежья дѣйствительно виднѣются зеленыя пастбища. Эта колонизація Гренландіи относится приблизительно къ 985 году и шла довольно успѣшно, такъ что, насколько мы можемъ теперь судить, народонаселеніе нормановъ достигало до 5000 душъ.

Въ 999 году Лейфъ, сынъ Эйрика Краснаго, совершаетъ первое путешествіе изъ Гренландіи въ Норвегію. На обратномъ пути онъ долго блуждаетъ по морю и, наконецъ, пристаетъ къ неизвѣстному берегу. Здѣсь его поражаютъ три вещи: виноградныя лозы, дико растущая пшеница и большія кленовыя деревья. Отъ всѣхъ этихъ рѣдкостей онъ беретъ съ собою по образцу и отплываетъ на сѣверовостокъ, въ Гренландію. Понятно, извѣстіе о новомъ открытіи взволновало всѣхъ. Но какой то злой рокъ преслѣдовалъ дальнѣйшія предпріятія. Эйрикъ Красный самъ собирался въ путь, но по дорогѣ къ кораблю упалъ съ лошади, сломалъ себѣ ребро и повредилъ плечо. Вообще эта поѣздка была крайне неудачна: путешественники мѣсяцами носились по морю и, не достигши своей цѣли, усталые вернулись въ Гренландію. Среди нихъ находился и старшій братъ Лейфа, Торстейнъ; онъ вскорѣ послѣ этой поѣздки умеръ. Но въ 1002 году въ Гренландію прибываютъ два исландскихъ корабля. Торфинъ, одинъ изъ пріѣзжихъ купцовъ, женился на Гудридѣ, вдовѣ Торстейна. Вѣроятно, только теперь гренландцы выдали имъ тайну о своемъ открытіи. И тогда то снаряжается цѣлая экспедиція изъ многихъ кораблей. На своемъ пути они открываютъ три страны: первую изъ за обилія скалъ они

называютъ Helluland, вторую, гдѣ ихъ поражали густые лѣса,—Markland, и, наконецъ, Vinland hin goða=страну винограда. Съ большой вѣроятностью можно предположить, что Helluland—Лабрадоръ, Markland—Ньюфундлендъ, а Vinland—Новая Шотландія (или мѣстность около Нью-Іорка). Попытка нормановъ поселиться въ этой послѣдней странѣ не увѣнчалась успѣхомъ. Они подвергались упорнымъ нападеніямъ со стороны туземцевъ, а вскорѣ стали ссориться и между собой. Торфинъ благополучно достигъ Гренландіи, но другой исландскій корабль погибъ во время бури. Эта поѣздка продолжалась, вѣроятно, болѣе трехъ лѣтъ: на пути Гудрида рожаетъ сына, которому исполняется уже три года, когда они возвращаются на родину. До 140 человѣкъ участвовало въ этой экспедиціи. Но исходъ ея не особенно поощрялъ къ повторенію. Было слишкомъ рискованно плавать по открытому водному пространству. Такъ изъ 35 судовъ, отплывшихъ съ Эйрикомъ Краснымъ въ Гренландію, только 14 достигли своей новой родины. Такія несчастья въ достаточной мѣрѣ показываютъ намъ, какъ опасно было подобное плаваніе въ неизвѣстныхъ водахъ, безъ компаса, безъ берега.

Кромѣ саги объ Эйрикѣ Красномъ [1]), изъ которой мы и черпаемъ всѣ извѣстія объ открытіи норманами сѣверо-американскаго берега, до насъ дошли лишь отрывочныя упоминанія объ этихъ земляхъ. Есть замѣтка, что епископъ Эрикъ въ 1121 году отправился искать Винландъ, но достигъ ли онъ своей цѣли, возвратился ли, вообще, домой изъ этой поѣздки, этого мы такъ и не знаемъ [2]). Самое позднее указаніе на сношенія нормановъ съ Америкой относится къ 1347 году; исландскія лѣтописи отмѣчаютъ, что гренландскій корабль на обратномъ пути изъ Маркланда былъ заброшенъ бурей въ Исландію [3]). Тѣмъ не менѣе, норманы врядъ ли основали какую нибудь колонію въ этихъ краяхъ. Противъ такого предположенія говоритъ не только

---

[1]) Переводъ С. Сыромятникова 1890 г.

[2]) Фишеръ, стр. 40.

[3]) Тамъ же, стр. 46.

полное молчаніе норманскихъ источниковъ. Отъ погибшихъ колоній въ Гренландіи остались развалины, по которымъ мы можемъ возстановить, какъ мѣстожительство поселившихся здѣсь нормановъ, такъ и количество ихъ дворовъ. Въ Сѣверной Америкѣ никакихъ подобныхъ слѣдовъ не найдено. На скалахъ, правда, обнаружены таинственныя надписи; одно время они шли за руническія, но болѣе тщательное ихъ изслѣдованіе показало, что эти начертанія обязаны своимъ происхожденіемъ индѣйцамъ. Напрасно также обращались къ мексиканскимъ рукописямъ, надѣясь въ нихъ найти извѣстіе о первыхъ открывателяхъ Америки или даже вліяніе занесеннаго норманами сюда христіанства. Всѣ эти попытки оказались тщетными, и мы должны довольствоваться выводомъ, что норманы только изрѣдка наѣзжали къ американскимъ берегамъ съ цѣлью ли рыбной ловли или за другими продуктами страны.

Несмотря на непрочность сношеній, новыя открытія оставили свои слѣды въ картографическихъ представленіяхъ. Вернемся къ первоначальному значенію Гандвика. Убѣжденіе, что Ледовитый океанъ на сѣверѣ отъ Европы большой заливъ, сложилось оттого, что норманы при своихъ поѣздкахъ отъ Норвегіи, Финмарка или Біармаланда на сѣверъ, постоянно наталкивались на земли. Потомъ гренландцы занялись изслѣдованіемъ своей страны, болѣе сѣверныхъ ея частей и неприступнаго восточнаго берега. Наконецъ, они достигли острова Svalbarđr, который Стормъ нашелъ возможнымъ отождествить съ Шпицбергеномъ. Такимъ то образомъ они стали думать, что только на западъ и возможенъ проѣздъ, а то кругомъ— земля. Вѣдь долгое время потомъ думали, что и Карское море недоступно для плаванія, а потомъ опять полагали, что уже немного дальше Азія загибаетъ на крайній сѣверъ, пока Норденшельдъ не разрушилъ эту легенду. Вопросъ о сѣверовосточномъ проѣздѣ (Nordostpassage) собственно только счетъ со старымъ заблужденіемъ о Гандвикѣ. Адамъ Бременскій не зналъ пути мимо Нордкапа. Поэтому у него отсутствуетъ представленіе о сѣверномъ берегѣ Норвегіи, о Біармаландѣ и Гандвикѣ. Но остовъ картографическаго построенія у

него есть: Гренландія расположена противъ шведскихъ (то-есть норвежскихъ) или рифейскихъ горъ [1]). Значитъ въѣздъ въ Гандвикъ находился между Грендландіей и Нордкапомъ. Саксонъ помѣщаетъ на сѣверѣ отъ Гандвика большую пустыню, не называя ее по имени. Ни расположеніе ни названіе ея неизвѣстны; она совершенно изъята отъ человѣческаго поселенія, только дикіе необычайные звѣри находятся тамъ во множествѣ. Весьма немногіе посѣтили эти края [2]). Болѣе опредѣленныя указанія мы находимъ въ такъ называемомъ, Breve Chronicon, рукописи XV вѣка, хотя оригиналъ восходитъ, вѣроятно, къ XIII вѣку [3]). Авторъ хроники разсказываетъ такой случай, что корабли, направляющіеся отъ Исландіи въ Норвегію, встрѣтили противный вѣтеръ и были отнесены въ море, находящееся между Гренландіей и Біармаландомъ, и пристали къ берегу, гдѣ обитаютъ люди неимовѣрной величины (то-есть къ Рисаланду) и къ землѣ амазонокъ. Отъ ихъ края Гренландія отдѣлена только ледяными горами [4]). Понятно, разъ авторъ совершенно ясно представлялъ себѣ карту европейскаго сѣвера, то онъ не могъ помѣстить амазонокъ около Скандинавскаго полуострова, какъ это дѣлали его предшественники, Тацитъ, Адамъ Бременскій и др. Поэтому онъ перенесъ ихъ на сѣверъ отъ Гандвика, гдѣ находились одни великаны, но, въ общемъ, еще могли помѣститься—monstra varia. Гренландія, по представленію, автора лежитъ противъ

---

[1]) Gronland profundius in occeano sita contra montes (варіантъ: fines) Suediae vel Riphea iuga. Кн. IV, гл. 36, стр. 185.

[2]) Eadem (i. e. Norvagia) a septentrione regionem ignoti situs ac nominis intuetur humani cultus expertem sed monstrosae novitatis populantis abundantem quam ab adversis Norvagiae partibus interflua pelagi separavit immensitas. Quod cum incertae navigationis existat perpaucis eam ingredientibus salutarem reditum tribuit. Saxo, стр. 18.

[3]) См. у Іонсона, т. II, стр. 601 сл.

[4]) Quidem tamen naute cum de Glaciali insula ad Norwegiam remeare studuissent, a contrariis ventorum turbinibus in brumalem plagam propulsi inter Viridenses et Biarmones tandem applicuerunt ubi homines mire magnitudinis et Virginum terram que gustu aque concipere dicuntur se reperisse protestati sunt. Ab istis vero Viridis terra congelatis scopulis dirimitur. Munch, Symbolae, стр. 2.

Біармаланда и связана съ нимъ. Итакъ, всѣ полярныя земли, начиная отъ Гренландіи и кончая Норвегіей, составляютъ сплошной материковый берегъ безъ перерыва и образуютъ собой полукругъ, внутри котораго находится Гандвикъ.

Далѣе въ той же хроникѣ мы находимъ опредѣленіе крайняго запада. Это все та же Гренландія—Viridis terra, которая, такимъ образомъ, пріобрѣла чудовищные размѣры. Она находится недалеко отъ африканскихъ островов, тамъ гдѣ впадаютъ воды міроваго океана [1]). Атлантическій океанъ долженъ же какъ нибудь питаться водами міроваго океана. Но съ этимъ вопросомъ тѣсно было связано представленіе объ американскихъ земляхъ. Пока норманъ считался съ Америкой, необходимой для стеченія океановъ проливъ могъ быть помѣщенъ либо между Гренландіей и Америкой либо между Америкой и Африкой. Разъ Америка исчезаетъ изъ виду, остается только одно мѣсто для даннаго пролива между Гренландіей и Африкой. Это могло случиться тѣмъ легче, что норманы представляли себѣ Америку не въ видѣ большого материка, но какъ рядъ крупныхъ островов. Изъ нихъ самый южный—Винландъ, который считался даже связаннымъ съ Африкой [2]). Это представленіе о Винландѣ распространили на остальные «острова», и такимъ путемъ получились знаменитые «африканскіе острова». Они явились, какъ воспоминаніе объ американскихъ земляхъ, о которыхъ авторъ—для насъ въ высшей степени любопытно!—совсѣмъ не упоминаетъ. Значитъ, память объ ихъ существованіи еще сохранялась, въ то время какъ названія уже были забыты. Но дѣйствительно ли они были забыты?

---

[1]) Que patria a Telensibus (читай: Thylensibus) reperta et inhabitata ac fide catholica roborata terminus est ad occasum Europe fere contingens affricanas insulas ubi inundant oceani refluenta. Munch, Symbolae, стр. 2.

[2]) См. статью Сторма въ Afnf. т. VI, стр. 346 сл. Сюда относится слѣдующее мѣсто изъ исландской рукописи: Af Biarmalandi ganga lönd obygd of Nordrætt unz vidtekr Grœnland. Sudr fra Grœnlandi er Helluland, þa er Markland. þa er eigi langt til Vinlands hins goda er sumir menn ætla at gangi af Affrica ok ef svá er þa er uthaf infallanda á milli Vinlands ok Marklands. Werlauff, Symbolae, стр. 14.

Въ интерполяціи Орваръ-Оддсаги, которая, во всякомъ случаѣ, возникла не позже начала XV вѣка, описывается вражда Одда съ Огмундомъ. Долгое время Одду приходится отыскивать своего врага. Наконецъ, онъ узнаетъ, что Огмундъ удалился въ пустыню—í Hellulands úbygđum. Тамъ онъ остановился въ фіордѣ Skuggi. Послѣднее названіе означаетъ собственно—тѣнь, темнота, но употребляется и въ смыслѣ чорта или чудовища, привидѣнія, вообще. Согласно этому указанію, Оддъ ѣдетъ въ «гренландское море» и разыскиваетъ своего врага на югѣ и на западѣ вдоль берега [1]). Кромѣ различныхъ чудовищъ Оддъ никого не видитъ. Тогда Оддъ снова поднимаетъ паруса и уже только теперь достигаетъ Helluland [2]). Описанный маршрутъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эта страна расположена въ Америкѣ и соотвѣтствуетъ тѣмъ землямъ, которыя норманы открыли въ XI вѣкѣ.

Тщательныя изслѣдованія Фишера обнаружили, что Гренландія впервые была занесена на карту датскимъ ученымъ Claudius Clavus въ XV вѣкѣ, но американскія земли были имъ оставлены безъ вниманія. Такъ эти норманскія открытія никогда и не были зарегистрованы картографами. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя воспоминанія могли быть передаваемы устнымъ путемъ и затѣмъ случайно попасть на карту. Въ этомъ меня убѣждаетъ одно названіе на картахъ XV вѣка. На одной каталанской картѣ [3]) начертанъ длинноватый прямоугольникъ съ обозначеніемъ illa verde и рядомъ круглый островъ—illa de brazil. На картѣ 1507 года и на другихъ мы находимъ viridis insula. Очевидно, illa verde и viridis insula та же самая Гренландія. Но carta marina имѣетъ вмѣсто Гренландіи островъ подъ названіемъ Obrazill. Потомъ это названіе подъ разными варіантами, какъ то: Brazir или Brezir, повторяется на картахъ XV, XVI и даже XVII вѣковъ. На картѣ 1367 года находимъ

---

1) Siđan sigla þeir þar til er þeir kómu í Grœnlands haf, snúa þa sudr ok vestr fyrir landit. L стр. 131[18].

2) Síđan draga þeir upp segl ok sigla þar til, at þeir koma til Hellulands ok leggja inn á fjǫrđinn Skugga. L стр. 132[15].

3) Фишеръ, стр. 98—110.

такую приписку: novus cotus de Brazir. Въ 1498 году испанскій посолъ при англійскомъ дворѣ доноситъ о томъ, что жители города Бристоля стали снаряжать экспедиціи къ неизвѣстному острову Brazil. Наконецъ, уже послѣ Колумба, послѣдовало открытіе той земли, къ которой вплоть до нашихъ дней пріурочилось названіе Бразиліи. Стормъ доказывалъ, что испанскіе мореплаватели подъ Бразиліей вообще понимали мѣстность, поросшую богатымъ лѣсомъ. Но тогда Бразилія отвѣчала бы норманскому Markland, и таинственный островъ Бразиль явился бы прямымъ воспоминаніемъ объ открытіяхъ XI вѣка. Если Markland попалъ на испанскія карты подъ названіемъ illa de brazil, то въ этомъ ничего удивительнаго нѣтъ. Съ одной стороны сношенія съ Маркландомъ не совсѣмъ прерывались вплоть до середины XVI вѣка, съ другой, извѣстія даже о самыхъ отдаленныхъ краяхъ сѣвера несомнѣнно проникали и на югъ, какъ это указалъ на рядѣ примѣровъ Фишеръ [1]).

Въ то время, какъ память о Helluland'ѣ сохранилась въ нѣкоторыхъ сагахъ, а Маркландъ даже былъ занесенъ на испанскія карты, Винландъ исчезъ безъ слѣда изъ послѣдующей литературы. Но это забвеніе Винланда мы можемъ объяснить себѣ. Каждому, кому приходилось читать старинныя сочиненія и хроники, понятно бросилось въ глаза странная орѳографія Финляндіи—Vinland. Даже на картахъ мы иногда отчетливо разбираемъ Vinland тамъ, гдѣ мы ожидаемъ Finland. Уже Рудбекъ въ своей «Атлантидѣ» отмѣчаетъ это странное смѣшеніе: vocabulum Finlandiae provinciae ad regnum nostrum pertinentis pro quo apud Snorronem et in historia Regum non semel occurit Vinlandiae nomen [2]). При такомъ полномъ совпаденіи названій, дифференціація обѣихъ областей поддерживалась только до поры до времени. Разъ представленіе объ американскомъ Винландѣ стало блекнуть, то европейское (или даже скандинавское) Винландъ=Финландъ заслонило собой вполнѣ память о первомъ краѣ. Не забудемъ, что Винландъ лежалъ гораздо дальше другихъ американскихъ мѣстно-

---

1) Тамъ же, стр. 106 сл.
2) Кн. VII, гл. VIII, стр. 291.

стей, извѣстныхъ норманамъ; вспомнимъ, что какъ разъ въ Винландѣ норманы пострадали отъ нападенія эскимосовъ, и мы поймемъ, почему сношенія съ Винландомъ прекратились раньше всего.

Несмотря на то, что норманскія открытія пропали не совсѣмъ безъ слѣда, прочные результаты въ смыслѣ ознакомленія съ земнымъ шаромъ дало лишь заселеніе норманами Гренландіи Но странное представленіе о Гандвикѣ одно время мѣшало правильному начертанію Гренландіи на картѣ. Фишеръ въ приложеніяхъ V и VI къ своему сочиненію воспроизводитъ такія карты, на которыхъ Гренландія нарисована къ востоку отъ Исландіи и къ сѣверу отъ Скандинавскаго полуострова. На другихъ же картахъ Гренландія помѣщена правильно—къ западу отъ Исландіи. Но первое заблужденіе, думается мнѣ, должно было вызвать преувеличенное представленіе о величинѣ Гренландіи. Послѣдствіемъ такой ошибки явилось еще то обстоятельство, что мореплаватели принимали за гренландскій берегъ разныя земли, находящіяся по направленію къ сѣверу, но ничего общаго съ Гренландіей не имѣющія. Я отмѣтилъ вотъ какіе случаи:

Въ 1500 или 1501 году португальскій мореплаватель присталъ къ берегу Канады и прозвалъ его terra verde. Въ честь открывателя эта мѣстность теперь зовется terra de Cortereal [1]).

Въ 1611 году голландскій мореплаватель Майенъ открылъ островъ, который теперь носитъ имя своего открывателя Jan Mayen; онъ же прозвалъ его въ честь нассаускаго принца Морица—Mauritius Eiland in Grönland [2]).

Вѣроятно, англичанамъ принадлежитъ честь вторичнаго послѣ нормановъ открытія острововъ Шпицбергена. Но они называли ихъ «Гренландіей»; только голландцы придумали настоящее имя. По преданію, въ 1639 году нѣкій Gale Hamkens потерялъ свой корабль «Шпицбергенъ» возлѣ этихъ береговъ, и съ тѣхъ поръ установилось теперешнее прозвище [3]).

---

1) Форстеръ, стр. 527.

2) Тамъ же, стр. 485.

3) Тамъ же, стр. 491.

XII.

Саги въ русской наукѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ русскіе ученые начали критически разбираться въ первоисточникахъ, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, усвоили себѣ и отрицательное отношеніе къ исландской сагѣ. Во главѣ ихъ стоялъ Шлецеръ. Для него первый и главный законъ въ исторіи заключался въ томъ, чтобы не говорить ничего ложнаго. Поэтому Шлецеръ сравниваетъ исландцевъ съ трубадурами, и древности и «важности» Нестора противопоставляетъ ихъ молодость и легкомысліе. Для него саги—глупыя выдумки, бредни, сказки въ родѣ сказокъ о прекрасной Мелюзинѣ или о королѣ Дагобертѣ, которыя читаются дѣвушками на посѣдкахъ; а глупѣйшая изъ всѣхъ этихъ сказокъ—Орваръ-Оддсага [1]). Этимъ строгимъ приговоромъ Шлецеръ отвлекъ вниманіе русскихъ ученыхъ отъ исландскихъ сагъ. Между прочимъ и Карамзинъ «увѣровалъ его вѣрою».

Интересъ къ исландской литературѣ неожиданно проявилъ протоіерей при русскомъ посольствѣ въ Копенгагенѣ Стефанъ Сабининъ. Онъ не только въ 1849 году составилъ грамматику исландскаго языка, по недавно вышедшей тогда въ свѣтъ грамматикѣ Раска, но занимался и изученіемъ англосаксонскаго и готскаго языковъ. Онъ былъ увѣренъ, что изученіе всѣхъ этихъ нарѣчій прольетъ новый свѣтъ на бытъ русскаго народа и на русскій языкъ. Кромѣ

---

[1]) Шлецеръ, Несторъ, т. I, стр. иі, мд, 53, 76, 426; т. II, стр. 363, 766 и др.

того, Сабининъ работалъ надъ сочиненіемъ, въ которомъ хотѣлъ доказать сродство исландскаго языка и скандинавскихъ діалектовъ съ языкомъ русскимъ. «Многое еще собрано», пишетъ онъ, но такъ какъ онъ вскорѣ былъ переведенъ въ Веймаръ духовникомъ Маріи Павловны, то ему по всей вѣроятности пришлось оставить намѣченныя ученыя занятія. Въ печати появились еще его переводы изъ саги объ Олафѣ, сынѣ Триггви [1]). Сабининъ у насъ былъ первымъ знатокомъ древнесѣвернаго языка и въ этомъ смыслѣ и первымъ скандинавистомъ.

Другой защитникъ Исландіи воспрянулъ въ лицѣ Сенковскаго (барона Брамбеуса). Выступивъ противъ «грабителей невинныхъ потѣхъ рода человѣческаго», какъ онъ называлъ Нибура и Шлецера, Сенковскій мѣтко опредѣлилъ сагу, какъ «плодъ, принадлежность и клеймо того человѣка и общества, которые создали ее и вѣрили въ нее, какъ въ истину и, слѣдственно, важный матеріалъ для его исторіи. Старая критика гордо отвергла всѣ сомнительные матеріалы, тогда какъ новая старается совѣстливо воспользоваться всѣми ими, опредѣлить по достоинству и сущности приличное мѣсто и употребленіе для каждаго изъ нихъ въ особенности, и изъ всякаго памятника ума человѣческаго извлечь общественнаго человѣка и новую черту для картины общества, въ которомъ онъ дѣйствовалъ» [2]). Самъ Сенковскій напечаталъ переводъ саги объ Эймундѣ.

Такимъ образомъ, русская публика получила возможность познакомиться съ двумя исландскими сагами, въ которыхъ дѣйствіе происходитъ почти исключительно на русской почвѣ и гдѣ выступаютъ между прочими лицами и древнерусскіе князья.

Теперь уже трудно было закрыть глаза на очевидную

---

[1]) Русскій историческій сборникъ, IV т., 1840 г.

[2]) Собраніе сочиненій Сенковскаго, V, стр. 429 и 435. Статья Сенковскаго объ исландскихъ сагахъ появилась также въ переводѣ на датскій языкъ и напечатана въ журналѣ Annaler for oldnordisk Oldkyndighed за 1847 годъ.

важность исландскихъ сагъ для древнерусской исторіи. И вотъ, русское правительство высказалось въ пользу огромнаго предпріятія: собрать и издать все, что въ исландской литературѣ такъ или иначе имѣло отношеніе къ Россіи. Въ 1834 году Сенковскій обратился къ публикѣ съ небольшой запиской объ исландскихъ сагахъ и ихъ отношеніи къ россійской исторіи, предлагая открыть народную подписку и собранныя деньги передать копенгагенскому «Обществу для изученія древняго сѣвера» на такого рода изданіе. При содѣйствіи министра народнаго просвѣщенія графа Уварова и многихъ другихъ высокопоставленныхъ лицъ и любителей науки былъ собранъ необходимый капиталъ. Во главѣ предпріятія стоялъ предсѣдатель и основатель вышеназваннаго общества, извѣстный ученый Рафнъ (1795—1864). Главнымъ его сотрудникомъ былъ не менѣе знаменитый Финнъ Магнусенъ; но въ то время, какъ работа была въ полномъ ходу, онъ скончался (въ 1847 году). Его мѣсто занялъ достойный продолжатель начатаго дѣла, норвежскій историкъ Петеръ Мункъ. Первоначальный планъ былъ значительно расширенъ: съ одной стороны, рѣшили включить въ сборникъ всѣ разсказы и упоминанія, касающіеся Византіи и востока вообще, съ другой стороны, въ предполагаемый трудъ не могли не войти и финскія племена (лопари, собственно фины, эсты и ливы), судьбы которыхъ такъ тѣсно связаны съ первобытной исторіей русскаго народа. Въ 1852 году вышелъ въ свѣтъ первый громадный томъ Antiquités Russes, а черезъ два года послѣдовалъ и второй.

Однако, это капитальное изданіе совершенно не достигло своей цѣли: оно не вызвало ни одного новаго изслѣдованія; экземпляры въ библіотекахъ оставались украшеніями полокъ, до которыхъ никто не дотрогивался; отрицательное отношеніе Шлецера по прежнему продолжало господствовать въ русской наукѣ. Причина заключалась, главнымъ образомъ, въ нецѣлесообразности самого изданія. Мысль издать только тѣ отрывки сагъ, которые касаются однихъ русскихъ, слѣдуетъ признать вполнѣ неудачной. Можно цѣнить значеніе той или другой части саги только тогда,

когда мы уже составимъ себѣ вѣрное понятіе о всей ея совокупности. Но еще болѣе чувствительнымъ недочетомъ изданія является то, что тексты были напечатаны безъ критики. Современная палеографія требуетъ пересмотра всѣхъ сохранившихся рукописей, и старыхъ пергаментныхъ и болѣе новыхъ бумажныхъ, и затѣмъ устраненія всѣхъ случайныхъ описокъ, сознательныхъ измѣненій и позднѣйшихъ вставокъ. Наши издатели печатали свои отрывки часто по первой попавшейся рукописи и не только не исправляли текста критически, но еще сами вносили туда свои догадки. Историкъ могъ бы приступить къ своей задачѣ лишь послѣ предварительной работы надъ текстомъ. Но тутъ встрѣтилось новое препятствіе. При какихъ обстоятельствахъ слухи о Россіи доходили до Исландіи? Гдѣ собственно отдѣльныя воспоминанія начинали слагаться въ саги? Въ чемъ выражалось посредничество Швеціи, Даніи, Норвегіи? На рядъ такихъ вопросовъ русскій изслѣдователь не могъ найти удовлетворительнаго отвѣта. Мало того, чтобы вникнуть въ составъ саги требовались еще пріемы сравнительные съ мѣстнымъ фольклоромъ, съ средневѣковыми литературными и народно-эпическими мотивами. Словомъ, предъ историками предстали вопросы, совершенно чуждые ихъ основнымъ задачамъ, и чувствуя невозможность справиться съ ними, они стали, вообще, недовѣрчиво смотрѣть на исландскія саги.

Тотъ русскій ученый, который, казалось, могъ бы съ большимъ успѣхомъ подвинуть впередъ изученіе исландской саги, былъ увлеченъ въ сторону. Въ предисловіи къ своему фундаментальному изслѣдованію Куникъ заявляетъ: «Пора, наконецъ, приняться за болѣе высокую задачу науки, касающуюся не одной только формальной ея стороны, пора начать смотрѣть на вопросъ о варягахъ-руссахъ не только какъ на цѣль, но какъ на средство къ цѣли. Пора оставить пресловутую тему о томъ, были ли варяги славянами или финами, германцами или выходцами изъ Азіи; пора спросить, какое духовное наслѣдіе досталось на ихъ долю, какія силы дѣйствовали при основаніи русскаго государства, какимъ образомъ, вообще, состоялось это осно-

ваніе. Съ этой точки зрѣнія предметъ, о которомъ такъ долго спорили, превратится въ одинъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ всемірной исторіи» [1]). Между тѣмъ, выводы Куника встрѣтили рѣзкій отпоръ у многихъ ученыхъ, во главѣ которыхъ стояли Иловайскій и Гедеоновъ. Снова завязался споръ изъ за варяговъ, опять началось такъ называемое варягоборство. На этотъ споръ ушли всѣ силы Куника. Ему приходилось отстаивать основныя положенія норманской школы; ему было не до того, чтобы заняться разборомъ частныхъ ея вопросовъ. При болѣе благопріятныхъ условіяхъ, Куникъ, навѣрное, не оставилъ бы безъ вниманія исландскую сагу. Послѣ Куника же никто не рѣшался вновь поднять затронутые имъ вопросы.

Потерпѣвъ такую неудачу въ лагерѣ историковъ, исландская сага стала вскорѣ пріобрѣтать друзей среди любителей поэзіи. Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о переводѣ Фритіофсаги—студенческой работѣ Я. К. Грота. Она не обратила на себя вниманія. Болѣе замѣченъ былъ его переводъ поэмы Тегнера на тотъ же сюжетъ. Какъ вездѣ, поэма Тегнера распространила и въ Россіи среди болѣе широкой публики понятіе о существованіи исландскихъ сагъ. Кромѣ того, Гротъ предпослалъ своему переводу введеніе о древнескандинавскомъ бытѣ, необходимое для уразумѣнія самой поэмы.

Въ 1885 году Ѳ. Д. Батюшковъ напечаталъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» переводъ саги о Финбогѣ Сильномъ съ обстоятельнымъ научнымъ изслѣдованіемъ. Въ послѣднемъ авторъ излагаетъ главныя мнѣнія нѣмецкихъ и скандинавскихъ ученыхъ о происхожденіи исландской саги и затѣмъ переходитъ къ разсмотрѣнію переведеннаго имъ произведенія; при этомъ его опять занимаетъ вопросъ историко-литературнаго генезиса. Съ тонкимъ аналитическимъ пониманіемъ авторъ отдѣляетъ историческую подкладку отъ народно-эпическихъ образованій и открываетъ намъ глаза на уже начавшуюся героизацію главнаго лица.

---

[1]) Kunik, Die Berufung d. schwedischen Rodsen, т. I, стр. XVIII.

Въ 1890 году отдѣльнымъ изданіемъ вышелъ переводъ саги объ Эйрикѣ Красномъ, сдѣланный С. Сыромятниковымъ. Въ красиво написанномъ введеніи авторъ рисуетъ жизнь и культуру древней Исландіи, а что касается самихъ сагъ, то и здѣсь сторона внѣшняя, именно бытовая обстановка, занимаетъ болѣе его, чѣмъ сторона внутренняя, психологія творчества. У Батюшкова читатель найдетъ историко-литературное изслѣдованіе, у Сыромятникова культурно-описательный очеркъ.

Послѣдніе по времени переводы древнесѣверныхъ сагъ принадлежатъ перу О. Петерсонъ и Е. Балабановой и вошли во второй томъ ихъ труда: «Западно-европейскій эпосъ и средневѣковой романъ въ пересказахъ и сокращенныхъ переводахъ съ подлинныхъ текстовъ». Весь второй томъ, вышедшій въ 1898 году, посвященъ древне-скандинавской поэзіи и, кромѣ эддическихъ пѣсенъ и отрывковъ изъ прозаической Эдды, содержитъ еще саги о Вельсунгахъ, объ Оддѣ-Стрѣлѣ, о Гунлаугѣ-Змѣиномъ языкѣ, и о Гретти, сынѣ Асмунда. Такъ какъ авторы хотѣли дать только «возможность хотя бы нѣкотораго знакомства съ средневѣковой литературою», то они приводятъ лишь извѣстныя части вышеназванныхъ произведеній въ болѣе или менѣе близкомъ переводѣ, остальныя же въ самомъ свободномъ пересказѣ. Существенный недостатокъ даннаго труда заключается въ томъ, что авторы не сочли нужнымъ строго отдѣлить другъ отъ друга этихъ два пріема передачи чужого памятника на родномъ языкѣ; переводъ и пересказъ переплетаются у нихъ такъ, что нѣтъ никакой возможности отличить одинъ отъ другого: подчасъ переводъ становится хорошимъ пересказомъ, подчасъ пересказъ вызываетъ въ насъ какъ бы предчувствіе хорошаго перевода.

Наконецъ, надо еще упомянуть о XXV выпускѣ «Русской классной библіотеки», издаваемой подъ редакціею Чудинова [1]). Въ немъ перепечатаны вышеназванные пере-

---

[1]) Уже въ 1875 году Чудиновъ издалъ сборникъ подъ заглавіемъ: „Образцовыя произведенія Скандинавской поэзіи", включивъ въ него переводы Сабинина и Сенковскаго.

воды Сабинина, Сенковскаго, Батюшкова и Сыромятникова, а также присоединены и статьи двухъ послѣднихъ авторовъ. Ничего новаго, кромѣ опечатокъ, это изданіе не даетъ.

XIII.

Изученіе саги объ Орвардъ-Оддѣ.

Среди исландскихъ сагъ есть одна, которая какъ будто прямо написана на нашъ сюжетъ, такъ какъ главнымъ подвигомъ ея героя является поѣздка въ Біармаландъ. Кромѣ того, въ этой сагѣ находится еще разсказъ, совпадающій съ древнерусскимъ преданіемъ о смерти князя Олега. Вслѣдствіе этого Орваръ-Оддсага уже давно обратила на себя вниманіе ученыхъ.

Первымъ изданіемъ своимъ она обязана знаменитому Рудбеку. Вмѣстѣ съ другими сагами она вышла въ свѣтъ въ 1697 году маленькимъ сборникомъ. Къ нему приложенъ переводъ на латинскій языкъ, сдѣланный нѣкіимъ Торлавіусомъ. Палуданъ Мюллеръ замѣчаетъ, что это изданіе столь же скверно, сколь рѣдко.

Слѣдующее изданіе Орвардъ-Оддсаги вышло изъ рукъ извѣстнѣйшаго ученаго Раска и напечатано въ 1819 году въ особомъ сборникѣ исландскихъ текстовъ [1]). Наконецъ, наша сага попала въ большіе сборники Рафна [2]). Въ 1885 году появилось въ свѣтъ стереотипное изданіе этихъ же сборниковъ. Первое ихъ изданіе относится къ 1829—1830 годамъ. Ко всѣмъ этимъ изданіямъ привлечены не всѣ, а только нѣкоторыя рукописи, но и эти нѣкоторыя напечатаны не вполнѣ добросовѣстно. Для современной науки эти изданія безусловно устарѣли.

Въ печати только дважды появлялись полные переводы нашей саги: въ 1819 году переводъ Лильегрена [3]) на

---

[1]) Rask, Sýnishorn af fornum og nýjum norrœnum ritum. стр. 33—134.

[2]) Fas. II, стр. 504—559.

[3]) Liljegren, Skandinaviska fornålderns hjeltesagor, т. II.

шведскій языкъ, а въ 1826 году переводъ Рафна [1]) на датскій. Кромѣ этихъ печатныхъ, сохранились еще рукописные переводы, одинъ латинскій, а другой шведскій. Оба хранятся въ королевской библіотекѣ въ Стокгольмѣ.

Въ 1711 году вышелъ многотомный трудъ Торфеуса по исторіи Норвегіи. Первый отдѣлъ VI книги посвященъ Орваръ-Оддсагѣ [2]). Въ общемъ Торфеусъ пересказываетъ содержаніе саги, но останавливается болѣе подробно на нѣкоторыхъ эпизодахъ и даже переводитъ отдѣльныя мѣста.

Въ 1732 году появилось первое изданіе, по которому иностранные ученые могли познакомиться съ содержаніемъ русскихъ лѣтописей, а именно—Traditionum Russicarum Collectio. Насколько мнѣ извѣстно, имъ впервые воспользовался шведскій ученый Біернеръ (Biœrner). Дополнивъ свои свѣдѣнія по древнерусской исторіи изъ сочиненій Герберштейна, Петреуса и другихъ путешественниковъ, Біернеръ думалъ, что нашелъ ключъ къ истолкованію Орваръ-Оддсаги [3]). Его изслѣдованіе озаглавлено: Schediasma historico-geographicum de Varegis; оно вышло въ 1743 году. Въ немъ мы находимъ смѣлую попытку пріурочить Орваръ-Одда къ русской почвѣ. Біернеръ рѣшается дѣлать самыя наивныя отождествленія: Oddus замѣняется имъ черезъ Odderus и далѣе переходитъ въ Odlegus=Олегъ (стр. 58) [4]); Біалькаландъ напоминаетъ Біернеру Bialeozoro (стр. 57); король послѣдней страны Herrauðr понятно самъ Рюрикъ (стр. 88), а Risalandia (страна великановъ) для него внѣ сомнѣнія Ryssalandia (Россія) (стр. 119).

Для своей критической исторіи Даніи, вышедшей въ 1774 году, Сумъ пользуется уже предположеніями своихъ предшественниковъ. У Торфеуса онъ позаимствовалъ раз-

---

[1]) Rafn. Nordiske Kæmpe-Historier, т. IV.

[2]) Torfæus, Historia Norvegica, т. I, стр. 263—274.

[3]) Въ изслѣдованіи Біернера читаемъ: historia de Oddo quae primam nobis in Varegicos Principes inquirendi occasionem auspicato subministravit (стр. 19).

[4]) Еще въ 1892 году послѣдній изслѣдователь Орваръ-Оддсаги, Буръ поддерживаетъ отождествленіе Oddr=Ohthere.

дѣленіе имъ двухъ Оддовъ, у Біернера отождествленіе Одда съ Олегомъ. Одинъ Оддъ относится къ III вѣку, а другой къ VIII. Вообще, Сума больше занимаютъ хронологическія построенія [1]).

Отъ этихъ воздушныхъ замковъ выгодно отличается серьезный трудъ П. Мюллера, вышедшій въ 1818 году. Онъ занимается вопросомъ о соотношеніи Орваръ-Оддсаги съ Герварарсагой и съ сагами объ отцѣ и дѣдѣ Одда, Гримѣ и Кетилѣ. Въ Эгильсагѣ и книгѣ о населеніи Исландіи (Landnámabók) Мюллеръ отыскалъ болѣе точныя свѣдѣнія о родѣ Одда. Но, въ общемъ, онъ не видитъ возможности дѣлать какія либо заключенія. Сопоставленія Одда съ Олегомъ Мюллеръ не одобряетъ [2]).

Менѣе остороженъ въ своихъ сужденіяхъ Рафнъ. Ему приходилось высказаться по поводу изданія Antiquités Russes [3]). Орваръ-Оддсага содержитъ, по его мнѣнію, «квинтэссенцію географическихъ познаній нашихъ [4]) предковъ о Россіи». Правда, въ сагѣ перечисляются русскія княжества: Moramar = Муромъ, Sùrsdal = Суздаль, Raðstofa = Ростовъ, но данный отрывокъ содержится только въ позднихъ рукописяхъ XV вѣка [5]), въ чемъ Рафнъ не далъ себѣ отчета. Восхищаясь, такимъ образомъ, географическими познаніями скандинавовъ, Рафнъ приписываетъ имъ далѣе подробнѣйшее знаніе исторіи русской земли. Но заканчиваетъ онъ довольно неожиданно соображеніемъ, что эти первобытныя сказанія могли быть и общимъ достояніемъ всего германскаго племени [6]).

Остроумное сужденіе Кейсера объ Орваръ-Оддсагѣ напечатано въ лекціяхъ по древненорвежской литературѣ,

---

[1]) Suhm, Critiske Historie af Danmark, т. I, стр. 338 и 439—40.

[2]) P. Müller, Sagabibliothek, II, стр. 531—40.

[3]) Замѣтки на стр. 89—92; выдержки съ латинскимъ переводомъ стр. 93—109.

[4]) То-есть, скандинавскихъ.

[5]) Списки A, B и E.

[6]) Мы ожидаемъ: „германскаго и славянскаго племенъ“. Можетъ быть Рафнъ тутъ причисляетъ русскій народъ къ германскому племени (?).

изданныхъ послѣ его смерти [1]). Остается пожалѣть, что Кейсеръ не развилъ своихъ взглядовъ. По его мнѣнію Орваръ-Оддсага отнюдь не простонародная сказка, но произведеніе какой-то высшей культуры. Хотя сага въ общемъ носитъ отпечатокъ неправдоподобности, тѣмъ не менѣе Кейсеръ признаетъ историчность главнаго лица и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ разсказовъ. Далѣе, Кейсеръ думаетъ, что Орваръ-Оддсага принадлежала къ особой группѣ сагъ, которыя писались съ цѣлью прославить мѣстныхъ героевъ въ Рамстадѣ (Hrafnista).

Въ 1889 году Орваръ-Оддсага подпала подъ всеразлагающую критику Бугге. Орваръ-Оддъ для него Геркулесъ. Hercules дало англосаксонское *Ercol; далѣе каждый слогъ подвергался своей особой судьбѣ: «erc» было понято какъ «стрѣла»=ǫr, родительный падежъ ǫrvar; «ol» должно было превратиться въ Oddr, благодаря переходу англосаксонскаго ll въ древнесѣверное dd. Прозвище viđfǫrull соотвѣтствуетъ эпитету Геркулеса—«vagus». Невинное предложеніе: Hjálmar hafđi herklæđi sín eptir vanda [2]) толкуется у Бугге какъ весьма загадочное искаженіе латинскаго текста: Hercules Hylam secum duxit armigerum. Удивительно, восклицаетъ Бугге, что исландцы иногда не понимаютъ самыхъ простыхъ вещей! [3]).

Наконецъ, голландскій ученый Буръ предпринялъ критическое изданіе нашей саги [4]). Такъ какъ приходится знакомиться съ сагами не по первоначальнымъ записямъ, а по болѣе позднимъ спискамъ, иногда уже своднаго характера, то первая задача издателя состоитъ въ томъ, чтобы выяснить отношеніе отдѣльныхъ списковъ между собою и, по возможности, возстановить типъ первоначальной записи. При этомъ можетъ случиться, что списки никоимъ образомъ не могутъ быть сведены на одинъ первообразъ и остается только предположить, что сага записана нѣсколь-

---

[1]) R. Keyser, Efterladte Skrifter, т. I, стр. 521.

[2]) Буквально: Гіальмаръ имѣлъ вооруженіе по своему обычаю.

[3]) Bugge, Studien, стр. 13, 20, 25 и 575.

[4]) Boer, Orvar-Odds Saga, 1888 года.

ко разъ, въ различныхъ мѣстахъ и, быть можетъ, даже въ различное время. Что касается въ частности до Орваръ-Оддсаги, то до насъ дошли двѣ независимыхъ другъ отъ друга записи. Это обстоятельство было упущено изъ виду прежними изслѣдователями. Буръ же напечаталъ эти двѣ записи en regard. Древнѣйшая рукопись восходитъ къ первой половинѣ XIV века и содержится въ такъ называемой Кожаной Книгѣ (Skinnboken) [1]). Она находится въ Стокгольмѣ, и потому можно обозначить эту запись буквою S. Другая рукопись хранится въ Арнамагнеанской [2]) коллекціи въ Копенгагенѣ и относится ко второй половинѣ XIV вѣка. Ее условимся называть буквою M. Кромѣ этихъ наиболѣе древнихъ списковъ, сохранились еще три рукописи XV вѣка на пергаментѣ (A, B, C) и группа бумажныхъ, относящихся къ еще болѣе позднему времени (E). Согласно добросовѣстнымъ наблюденіямъ Бура, всѣ позднія рукописи, кромѣ нѣкоторыхъ новыхъ интерполяцій, примыкаютъ къ версіи M, въ то время, какъ версія S стоитъ особнякомъ.

Своему критическому изданію Буръ предпослалъ введеніе, въ которомъ были затронуты также вопросы, касающіеся состава саги и ея отношенія къ Герварарсагѣ. Послѣдній вопросъ раньше былъ разсмотрѣнъ Гейнцелемъ въ его разборѣ Герварарсаги [3]). Буръ пришелъ къ другимъ выводамъ, чѣмъ Гейнцель. Желая высказаться подробнѣе, чѣмъ то было возможно во введеніи, посвященномъ сличенію рукописей, а отчасти, вѣроятно, побуждаемый отвѣтомъ Гейнцеля въ критикѣ на изданіе Бура [4]), послѣдній напечаталъ рядъ статеекъ, посвященныхъ разбору нашей саги [5]). Изучивъ, такимъ образомъ, Орваръ-Оддсагу какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны, Буръ былъ болѣе другихъ подготовленъ и потому могъ взять на себя

---

[1]) Описаніе Кожаной Книги можно найти въ запискахъ Лундскаго университета, т. XI.

[2]) Арни Магнуссонъ 1663—1730.

[3]) Записки Вѣнской академіи, т. CXIV, стр. 417—519.

[4]) AfdA. т. XVI, стр. 124—131.

[5]) Afnf., т. VIII, стр. 97—139 и 246—55.

и учебное изданіе нашей саги. Въ 1892 году Буръ составилъ компилятивный текстъ и снабдилъ его необходимымъ комментаріемъ для собранія, издаваемаго Седершельдомъ, Герингомъ и Могкомъ [1]).

Понятно, сага объ Орваръ-Оддѣ разсматривается также во всѣхъ общихъ трудахъ по исландской литературѣ, изъ которыхъ я назову очеркъ Могка [2]), вошедшій въ Grundriss Пауля, и особенно подробный разборъ Іонсона въ его объемистомъ трудѣ [3]).

Буръ былъ совершенно правъ, когда положилъ запись S въ основу своего учебнаго изданія. Это, несомнѣнно, самая цѣльная, тщательно разработанная и послѣдовательно изложенная редакція нашей саги. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что она во всѣхъ случаяхъ придерживается наиболѣе древняго вида саги. Такъ составитель ея стремился къ наибольшей достовѣрности и съ этой цѣлью надѣлилъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ собственными именами тамъ, гдѣ другія записи ихъ не называютъ. Понятно, всѣ эти имена вымышлены.

1) Въ разсказѣ о Рисаландѣ мы находимъ имена: Gneip, Harđhauss, Bjǫlr и Bađi (L 41—7).

2) Въ описаніи борьбы съ Hergautr редакція M вводитъ его безъ имени: jarl sá, er eigi er hér nefndr (L 76^{20}).

3) Что касается Hólmgeirr и Harđvígr редакція M не только умалчиваетъ объ ихъ именахъ, но и не знаетъ, что они владѣли Sjaland'омъ. Несправедливо думать, что редакція M предала забвенію какое нибудь историческое преданіе. Уже форма: Sjaland--поздняя по сравненію съ исконной Sælund; она то и встрѣчается въ другомъ мѣстѣ саги, какъ въ той, такъ и другой редакціяхъ (L 66^7 и 67^7) [4]).

4) Разсказъ о Сколли составляетъ единственное исключеніе: редакція M называетъ короля Játmundr, котораго редакція S уже не знаетъ (L 84—6).

---

[1]) Altnordische Saga-Bibliothek, вып. II.

[2]) II т., стр. 133. Есть уже второе, значительно дополненное изданіе.

[3]) II т., стр. 813—816.

[4]) Сл. изслѣдованіе Бугге объ этомъ имени, Afnf. VI, стр. 237—44.

5) Въ слѣдующемъ разсказѣ редакція S знаетъ Hløđver и J'varr, редакція M только перваго. Вмѣсто J'varr списки A, B и E называютъ Haki, Біернеръ—Harecus (L 86^{16}).

6) Въ разсказѣ о пребываніи Одда на югѣ редакція S знаетъ аббата Hugi, между тѣмъ какъ гораздо болѣе пространная редакція M не называетъ ни одного имени (L 112—117).

7) Въ походѣ на Біалькаландъ въ редакціи S среди враговъ находимъ королеву Gyđa, въ то время какъ въ редакціи M таковой вовсе и нѣтъ, а выводится просто жрица-gyđjan (L 171—181).

Торфеусъ говоритъ, что пользовался двумя версіями нашей саги [1]). Изъ нихъ одна несомнѣнно относилась къ группѣ E, потому что у Торфеуса [2]) буквально переводится предложеніе, которое встрѣчается только въ редакціи E: comes ei datus qui pharetram deferret—setti Ingjaldr til mann at bera þá eptir honum (L 9, примѣчаніе). Другая рукопись Торфеуса, очевидно, не дошла до нашихъ дней. Изъ нея Торфеусъ черпаетъ такія подробности, какія не попадаются ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ списковъ. Такъ, напримѣръ, онъ разсказываетъ, что Силькисифъ родила Одду двухъ сыновей: Асмунда и Геррауда (стр. 273).

Мало вѣроятно, чтобы Біернеръ пользовался рукописями, которыя хранились въ Копенгагенѣ. Въ такомъ случаѣ, остаются только двѣ версіи, доступныя Біернеру: редакція S, которую онъ положилъ въ основу своего изслѣдованія, и списки извода E. Въ Стокгольмѣ сохранилась рукопись, относящаяся именно къ группѣ E, которую Біернеръ списалъ самъ, снабдивъ разночтеніями изъ рукописи S и, наконецъ, перевелъ на шведскій языкъ (L стр. VII). Такъ какъ эта его работа относится къ 1738 году, то на нее нужно смотрѣть, какъ на подготовку къ изслѣдованію, которое появилось въ 1743 году. Что Біернеръ несомнѣнно имѣлъ подъ рукой редакцію S, доказы-

---

1) in editionibus quas sequor duabus, стр. 274.
2) Стр. 265.

вается пропускомъ разсказа о самсейскомъ боѣ. Упомянувъ объ Огмундѣ, Біернеръ отмѣчаетъ, что Оддъ возвратился въ Швецію и тамъ защищалъ границы [1]). Изъ Швеціи Оддъ ѣдетъ въ Гардарики и затѣмъ, минуя Готландъ, возвращается назадъ. Но дѣло въ томъ, что послѣ извѣстной лакуны редакція S начинается со словъ: nú dvelz Oddr nǫkkura hríđ í Garđaríki (L 109[1]). Это явная ошибка. Всѣ другія рукописи имѣютъ въ этомъ мѣстѣ, какъ и слѣдуетъ ожидать: Svíþióđu (L 108[5]). Другая связь между текстомъ Біернера и редакціей S, разсказъ о спорѣ двухъ королевичей въ Венгріи, котораго въ другихъ редакціяхъ опять нѣтъ. Но наряду съ извѣстными изъ редакціи S именами Knútr и Vilhjálmr Біернеръ предлагаетъ еще имена Herolfus и Hroarus. Наряду съ формой Sævidus Біернеръ знаетъ и варіантъ Sæmundus, который извѣстенъ только рукописямъ A и B (L 108, примѣчаніе). И многое другое указываетъ на то, что Біернеръ, кромѣ редакціи S и списка группы E, зналъ рукописи, неизвѣстныя пока намъ.

Буръ (L стр. L) сознается, что не счелъ нужнымъ познакомиться со всѣми рукописями группы E. Можетъ быть, среди списковъ этой группы, не находившихся въ рукахъ у Бура, были и такіе, которые могли пролить свѣтъ на загадочные источники, изъ которыхъ Торфеусъ и Біернеръ черпали свои данныя.

XIV.

Поѣздка Одда въ Біармаландъ.

Оддъ—сынъ зажиточнаго поселенца на островѣ Рафниста (Hrafnista), теперешнемъ Рамстадѣ, недалеко отъ норвежскаго прибрежья. Его отецъ былъ богатъ и пользовался большимъ вліяніемъ во всемъ Галоголандѣ и даже въ мѣстахъ болѣе далекихъ. Услыхавъ о смерти своего тестя, проживающаго въ Викѣ, онъ вмѣстѣ съ женой снаряжается въ путь для того, чтобы охранить богатое на-

---

[1]) limitum ibi peracta custodia... Cp. þeir hafa þar vetrsetu ok landvǫrn... L 59[19].

слѣдство. Когда они остановились въ Беруріодѣ (Berurjóđ) [1]), жена разрѣшилась отъ бремени. Пришлось послать къ жившему тамъ бонду Ингіальду (Ingjaldr). Тотъ самъ пріѣхалъ на берегъ и принялъ ихъ весьма ласково. Тутъ родился Оддъ. Когда Ингіальду предложили вознагражденіе за оказанное гостепріимство, онъ отвѣтилъ: «имущества у меня и безъ того довольно, но могущество твое и дружба твоя нужны мнѣ, и я хочу пріобрѣсти ихъ: оставь здѣсь Одда, сына твоего». По редакціи М. Ингіальдъ просто проситъ, чтобы ему оставили Одда на воспитаніе, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ то же время преслѣдовалъ и своекорыстную цѣль, желая заручиться союзомъ съ вліятельнымъ бондомъ на сѣверѣ. Отдавать дѣтей на воспитаніе въ чужую семью было въ обычаѣ. Богатые пріискивали для своихъ дѣтей болѣе бѣдныхъ воспитателей, желая, чтобы онѣ росли въ скромной обстановкѣ и привыкли къ суровымъ условіямъ жизни. Такой точки зрѣнія держались даже конунги и не гнушались поручать своихъ сыновей подданному. Съ другой стороны, принимающій на себя роль воспитателя, пріобрѣталъ право на извѣстное покровительство со стороны того, который просилъ его объ одолженіи и довѣрялъ его попеченію своихъ дѣтей. Дѣти воспитателя и воспитанникъ вступали въ дружественныя отношенія между собою, которыя скрѣплялись обрядомъ побратимства и упрочивались на всю жизнь. Побратимами стали и Оддъ съ сыномъ Ингіальда Асмундомъ, несмотря на различіе ихъ нрава и на то, что Асмундъ во всемъ слушался Одда [2]).

Когда Одду минуло 12 лѣтъ, приглашенная въ домъ колдунья предсказала, что онъ приметъ смерть отъ своего коня. Оддъ никогда не приносилъ жертвъ, полагаясь на свою силу и считая постыднымъ поклоняться пнямъ и кам-

---

[1]) Мѣстность эта находится между Экерсундомъ и Ставангеромъ и зовется нынѣ Berliud.

[2]) См. Weinhold, Altnordisches Leben, стр. 285 сл. Подобные же обычаи господствовали и въ древней Ирландіи, о чемъ упоминаетъ Thurneisen, Sagen aus d. alten Irland, стр. XI.

нямъ [1]). Таковъ ужъ былъ врожденный складъ Одда, и было бы несправедливо приписывать его неуваженіе къ богамъ недостатку набожности Ингіальда. Въ слова колдуньи Оддъ не вѣритъ; тѣмъ не менѣе, предсказаніе производитъ на него сильное впечатлѣніе. Немедленно убиваетъ онъ своего коня, тѣша себя мыслью, что этимъ онъ поборолъ свою судьбу; онъ хочетъ оставить роковое мѣсто—навсегда.

Сперва посѣщаетъ Оддъ своихъ родителей и узнаетъ, что младшій братъ его Гудмундъ и племянникъ Сигурдъ на двухъ корабляхъ собираются плыть въ Біармаландъ. Тотчасъ Оддъ рѣшаетъ ѣхать вмѣстѣ съ ними, но они отнѣкиваются, ссылаясь на задержки, которыя могутъ произойти, если они станутъ ждать, пока онъ соберется. —«Лѣтомъ ты, братецъ, сможешь поѣхать съ нами, куда пожелаешь», говорятъ ему.—«Лѣтомъ, можетъ быть, я и не стану просить корабля подъ вашимъ предводительствомъ», отвѣчаетъ Оддъ.—«Ну, на этотъ разъ ты съ нами не поѣдешь!» рѣшаетъ Гудмундъ. Тогда Оддъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ отправляется домой. Прошло полмѣсяца, а корабли все не могутъ отплыть. Разъ Гудмунду приснилось, что громадный бѣлый медвѣдь окружилъ своимъ тѣломъ какъ кольцомъ островъ такъ, что голова и хвостъ сошлись на самомъ кораблѣ; шерсть на немъ стояла щетиной, и казалось, что вотъ-вотъ онъ набросится на корабль и потопитъ его. Когда онъ разсказалъ Сигурду объ этомъ снѣ, тотъ замѣтилъ: «Звѣрь этотъ, очевидно, воплощеніе души Одда и волчьей злобы, которую онъ къ намъ питаетъ [2]); мое мнѣніе, что намъ безъ него не уѣхать». Они рѣшили взять съ собой Одда, но теперь Оддъ отказывается.—«Чѣмъ знать, что ты съ нами не поѣдешь, мы дадимъ тебѣ корабль и полное снаряженіе», говорятъ они.

---

[1]) Объ аналогичныхъ примѣрахъ безвѣрья на скандинавскомъ сѣверѣ см. Maurer, Bekehrung, II, стр. 247—53.

[2]) По древнесѣверному повѣрью душа человѣка, находящагося въ возбужденномъ настроеніи, можетъ принять обликъ волка (сл. ulfhugr) или медвѣдя.

—«Въ такомъ случаѣ, я поѣду; вѣдь я готовъ», прибавляетъ Оддъ не безъ ироніи. Тотъ союзъ, который Оддъ заключаетъ съ Гудмундомъ и Сигурдомъ, есть что то въ родѣ товарищества, основаннаго на чисто коммерческихъ началахъ. Въ то время, какъ побратимство (fóstbroedralag) чтилось очень свято и налагало весьма серьезныя обязанности на всю жизнь, товарищескій союзъ (félag) заключали для достиженія взаимныхъ выгодъ лишь на извѣстное, по большей части военное предпріятіе и само собой разумѣется, послѣ дѣлежа добычи онъ прекращался. Начало побратимства, выражающееся обычаемъ смѣшенія крови, коренилось въ языческой древности и выработалось, вѣроятно, въ память разлагающихся условій родоваго быта; товарищество болѣе новая форма отношеній, вытѣснившая побратимство особенно по принятію норманами христіанства. Оно ставитъ на мѣсто прежнихъ религіозно-нравственныхъ побужденій цѣлую систему юридическихъ обязательствъ.

Отецъ провожаетъ Одда на берегъ и при прощаніи даритъ ему три стрѣлы, которыя скованы двергами и обладаютъ чудесными свойствами: онѣ поражаютъ все, во что цѣлятся [1]) и прилетаютъ обратно къ тетивѣ. Оддъ говоритъ, что никогда не получалъ лучшихъ подарковъ [2]).

Затѣмъ они разстаются. Гримъ спѣшитъ домой, а Оддъ отправляется на корабль. Тамъ онъ созываетъ своихъ людей и отдаетъ приказаніе поднять якорь и оттолкнуться отъ острововъ. Такъ они и дѣлаютъ, и затѣмъ онъ приказалъ имъ развернуть паруса. То же самое дѣлаютъ и Сигурдъ и Гудмундъ; тотчасъ же подулъ попутный вѣтеръ [3]), и они ѣхали на сѣверъ уже безостановочно до

---

[1]) Такое искусство приписывается финамъ вообще: hvatki er þeir skjóta til þá hœfa þeir... Hkr., стр. 72.

[2]) Слѣдующій затѣмъ разсказъ о Біармаландѣ я привожу въ близкомъ къ подлиннику переводѣ по редакціи S.

[3]) Это такъ называемый oskabyrr—wunschwint миннезенгеровъ. Какъ только они доѣхали, вѣтеръ пересталъ: þá fell af byrrinn (ред. M., L стр. 24). Такимъ преимуществомъ обладаетъ и миѳическій корабль Фрея: hefir hann byr þegar er segl er upp dregit hvert er fara skal (Sn E, стр. 55). Что упоминаніе чудеснаго вѣтра въ данной связи чистѣйшая при-

самаго Финмарка; тамъ они стали на ночь на якорь. Берегъ тамъ былъ усѣянъ землянками. Подъ утро Гудмундъ со своими людьми сошелъ съ корабля на берегъ; они врываются въ землянки и грабятъ финокъ, такъ какъ финовъ не было дома. Насилуемыя финки поднимаютъ громкій крикъ. Тогда воины на кораблѣ Одда тоже стали проситься на берегъ, но Оддъ не пустилъ ихъ. Когда Гудмундъ къ вечеру возвратился на корабль, то Оддъ спросилъ его: «выходили ли вы сегодня на берегъ, Гудмундъ?» — «Выходили, говоритъ, и мнѣ доставило большое удовольствіе грабить финокъ, не хочешь ли и ты завтра ѣхать вмѣстѣ съ нами?» — «Не хочу, говоритъ Оддъ, не вижу я славы въ насиліи женщинъ, и васъ еще ждетъ расплата за ваши поступки; завтра я непремѣнно отплываю» [1]). Такъ они и дѣлаютъ; затѣмъ объ ихъ поѣздкѣ ничего не говорится, пока они не прибываютъ въ Біармаландъ и направляютъ корабли вверхъ по рѣкѣ Двинѣ [2]). Едва они прибыли туда, какъ туземцы узнали объ ихъ пріѣздѣ; отправили нѣсколько человѣкъ переговорить съ ними и постановили заключить миръ на полтора мѣсяца для торговли; туземцы

краса стиля, видно изъ того, что черезъ нѣсколько строкъ разсказывается, какъ наши путешественники ждутъ попутнаго вѣтра—цѣлыхъ три дня.

[1]) Причиною остановки было, вѣроятно, отсутствіе попутнаго вѣтра; по редакціи М, ждутъ его три дня: þar liggja þeir þrjár nætr; þá gefr þeim byr... (L стр. 26).

[2]) Въ редакціи М еще поясняется, что на Двинѣ много острововъ; они бросили якорь за мысомъ, который отъ материка выдается въ самую рѣку: eyjar liggja margar i áinni; þar kasta þeir akkerum svá sem þeir koma undir nes þat er ofan gekk af meginlandi ok fram i ána (L стр. 26). Такой мысъ имѣется на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь г. Архангельскъ, именно Пур-Наволокъ. Тутъ же Двина дѣлится на три рукава: Березовскій, Мурманскій и Пудожемскій, изъ которыхъ Березовскій образуетъ много острововъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самый глубокій, въ то время какъ другіе доступны лишь для мелкихъ судовъ. Въ Березовскомъ рукавѣ находятся якорныя стоянки у Мудьюгскаго и Соломбольскихъ острововъ. Оддъ поднялся на нѣкоторое разстояніе вверхъ по рѣкѣ: описанное мѣсто стоянки находится приблизительно въ 35 верстахъ отъ впаденія Двины въ море.

тогда пришли на берегъ со всевозможными мѣхами; всѣ кто имѣлъ что нибудь для промѣна, пріобрѣлъ большія богатства. Но, когда условленное время прошло, миръ былъ отмѣненъ, и Оддъ со своими людями отъѣхалъ на середину рѣки, а корабль былъ привязанъ [1]).

Когда наступила ночь, Оддъ сказалъ своимъ людямъ: «Что намъ теперь дѣлать?» Они просили его приказывать. «Такъ мы съ Асмундомъ выйдемъ на берегъ и узнаемъ, что туземцы» [2]). Такъ они и сдѣлали и, причаливъ къ берегу, вошли въ лѣсъ. Въ лѣсу они увидѣли большую избу; тогда уже было очень темно. Подойдя къ дверямъ избы, они увидѣли, что внутри было свѣтло, такъ что не было темнаго мѣста; внутри было много народу, было веселье и пированье. Оддъ спросилъ: «Понимаешь ли ты хоть не-

---

[1]) Послѣдняго разсказа въ редакціи M нѣтъ. Да онъ и прямо противорѣчитъ слѣдующему затѣмъ повѣствованію: 1) о ночномъ приключеніи Одда и Асмунда; 2) о предложеніи виночерпія, идущаго во главѣ біармійцевъ, вступить въ торгъ. Итакъ, здѣсь интерполяція, передающая типичный фактъ: пріѣзжій викингъ сначала сговорился съ туземцами относительно мирнаго размѣна товарами, а потомъ открыто ограбилъ ихъ. Заботясь объ исторической правдоподобности своего разсказа, составитель редакціи S прибѣгалъ къ знаменитымъ образцамъ; особенно нашъ разсказъ близокъ тому мѣсту въ исторіи Снорри, гдѣ повѣствуется о пріѣздѣ Торира и Карла въ Біармаландъ (Hkr. стр. 381), какъ уже замѣтилъ Буръ (L, стр. XXIV). Какъ тщательно при этомъ работалъ составитель, доказывается уже тѣмъ, что онъ не забылъ вставить словечко „enn“ въ заявленіе виночерпія, что біармійцы „еще“ желаютъ вести торговлю (L, стр. 33[21]). Этимъ устраняется одно изъ указанныхъ выше противорѣчій. Кромѣ 1), этой интерполяціи, какъ мы попытаемся доказать въ дальнѣйшемъ нашемъ изслѣдованіи, изъ Hkr. заимствованы еще: 2) имя Гиды для разсказа о Біальдаландѣ; 3) разсказы изъ повѣствованія о королѣ Эйрикѣ Кровавой Сѣкирѣ; 4) рядъ эпизодовъ и подробностей изъ саги о Сигурдѣ Паломникѣ.

[2]) Редакція M мотивируетъ ночное приключеніе Одда иначе: туземцы сами выходятъ изъ лѣсу на берегъ и кружатся на одномъ мѣстѣ; Оддъ высказываетъ предположеніе, что по близости справляютъ либо праздненство либо тризну по знатному человѣку. За краткостью указанія трудно рѣшить, что дѣлали біармійцы, либо они предавались какой нибудь игрѣ, либо совершали религіозный обрядъ. Когда кончилась пляска біармійцевъ, Оддъ вмѣстѣ съ Асмундомъ отправляется за ними въ лѣсъ и находитъ хижину, въ которой происходитъ попойка (L, стр. 26[14—21]).

много ихъ рѣчь?» Асмундъ говоритъ: «Не больше щебетанья птицъ; что-жъ ты понимаешь въ ней?» Оддъ сказалъ: «Видишь-ли ты человѣка, который разливаетъ вино у обѣихъ скамей? Мнѣ кажется, говоритъ Оддъ, что онъ знаетъ по-норвежски. Подожди меня, а я войду». Асмундъ такъ и дѣлаетъ. Оддъ вошелъ и остановился у поставца, который стоялъ за дверьми тамъ, гдѣ было всего темнѣе. Вскорѣ пошелъ туда виночерпій. Оддъ схватилъ его и поднялъ съ земли; виночерпій громко завопилъ и кричалъ, что его тащитъ нечистая сила. Біармійцы вскочили и стали хвататься за виночерпія, но Оддъ отмахивался имъ и ушелъ; на этомъ все и кончилось [1]). Оддъ съ виночерпіемъ и Асмундъ прямо побѣжали къ кораблямъ. Оддъ посадилъ виночерпія рядомъ съ собой и сталъ разспрашивать его о новостяхъ; виночерпій молчалъ. Тогда Оддъ сказалъ: «Я предлагаю тебѣ на выборъ два условія: или ты станешь мнѣ отвѣчать, такъ какъ мнѣ вѣдомо, что ты знаешь норвежскій языкъ, или я тебя закую въ желѣзо». Виночерпій сказалъ: «Что же ты хочешь узнать?» Оддъ сказалъ: «Откуда ты родомъ и какъ долго ты тутъ пробылъ?»

Виночерпій говоритъ: «Я здѣсь пробылъ семь лѣтъ, по происхожденію я норвежецъ» [2]).

Оддъ сказалъ: «Скажи, гдѣ намъ искать добычи?»

Виночерпій говоритъ: «Вверху по рѣкѣ Двинѣ стоитъ курганъ, составленный изъ земли и блестящихъ монетъ; за каждаго, кто умираетъ, и за каждаго, кто рождается, несутъ туда горсть земли и горсть серебра» [3]).

---

[1]) Редакція M сообщаетъ, что біармійцы не рѣшались выйти изъ хижины, чтобы преслѣдовать Одда, боясь, очевидно, нечистой силы (L, стр. 28^{16}).

[2]) Тутъ опущенъ еще вопросъ, сохранившійся въ редакціи M: Оддъ спрашиваетъ виночерпія, какъ ему здѣсь нравится, на что тотъ увѣряетъ, что хуже всего на свѣтѣ. Только послѣ этого отвѣта Оддъ рѣшается открыть виночерпію свое желаніе ограбить біармійцевъ (L, стр. 29^{25}—30).

[3]) Обычай создавать такимъ путемъ кучи земли, камней и др. распространенъ по всему земному шару. Эти кучи, очевидно, самая простая и вмѣстѣ самая древняя форма всѣхъ памятниковъ. Матеріалъ, изъ котораго онѣ сооружаются, мѣняется: чаще всего земля и камушки, а

Оддъ сказалъ: «Тогда, говоритъ, ты братецъ Гудмундъ, долженъ отправиться на берегъ и пробраться ночью съ твоими людьми къ кургану, какъ онъ указалъ; самъ же я со своими людьми останусь стеречь корабли и виночерпія». Такъ они и дѣлаютъ. Они отправляются туда, приходятъ къ кургану и дѣлаютъ даже носилки, потому что денегъ было тамъ вдоволь; когда они были готовы, они возвратились къ кораблямъ. Оддъ похвалилъ ихъ за поѣздку; теперь они берутъ отъ него виночерпія. Оддъ сказалъ: «Слѣдите за нимъ внимательно, такъ какъ его глаза такъ и смотрятъ на берегъ, какъ будто ему тамъ вовсе не такъ скверно, какъ онъ говорилъ» [1]). Оддъ и его люди отправляются на берегъ и идутъ къ кургану. Сигурдъ и Гудмундъ стерегутъ корабли; они усаживаютъ между собой виночерпія и принимаются считать серебро. Но виночерпій, когда меньше всего этого ожидали, вскакиваетъ и бро-

---

то и лоскутокъ, оторванный отъ платья прохожаго, волоса, вырванные изъ гривы лошади, кости убитыхъ звѣрей, и, наконецъ, деньги. (Сл. Andree, Ethnograph. Parallelen., стр. 46 сл. Grimm, Myth. III, стр. 29—30). Такую кучу Іаковъ сооружаетъ въ знакъ дружбы съ Лаваномъ и называетъ ее Гилеадъ (Кн. Бытія, гл. 31, ст. 45—48). У эстовъ такія кучи называются „холмами обѣтовъ"--toutusse. Во время своего скиѳскаго похода Дарій велитъ всему своему войску около рѣки Артискона принести по камню и бросить на заранѣе указанное мѣсто; получились громадныя кучи (χολωνοὺς μεγάλους), которыя, вѣроятно, должны были служить въ видѣ памятниковъ (Геродотъ, IV, гл. 92). Свенъ Гединъ былъ пораженъ громаднымъ количествомъ каменныхъ плитокъ съ молитвенной надписью, найденныхъ имъ въ Тебетѣ (En färd genom Asien, II, гл. 20). Недалеко отъ Кяхты рядомъ съ изображеніемъ Будды найдена была куча, содержащая палки, куски матерій, бумаги, молитвенные свертки, вещи изъ драгоцѣннаго металла и монеты (Andree, стр. 53). Еще до нашихъ дней на русскомъ сѣверѣ принято бросать камни, палки и вѣтки на Аникину могилу и на тѣ мѣста, гдѣ зарыты самоубійцы (Ждановъ, Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи, стр. 74 примѣч.). Бросаніе камней въ одну кучу было извѣстно въ Скандинавіи подъ выраженіемъ hlaþa grjóti, berja grjóti, а сооруженные такимъ образомъ могильные холмы называются—dys, kumbel, hög, bål. Кауфманъ (Balder, стр. 257—260) усматриваетъ въ миѳическомъ преданіи о смерти Бальдера отраженіе даннаго обычая.

[1]) Намекъ на тотъ отвѣтъ виночерпія, который опущенъ въ редакціи S но сохранился въ редакціи M. См. примѣчаніе выше. Стр. 119.

сается за бортъ и плыветъ къ берегу. Гудмундъ встаетъ, хватаетъ копье и мечетъ въ него. Оно попало виночерпію въ ляжку; на этомъ все и кончилось; виночерпій же достигъ берега и скрылся въ лѣсу.

О смѣлости Одда.

Теперь слѣдуетъ говорить о поѣздкѣ Одда; когда они пришли къ кургану, Оддъ сказалъ: «Приготовимъ себѣ ноши, каждый себѣ по силѣ, но никакъ не больше, чтобы можно было двигаться впередъ добрымъ шагомъ». Только на разсвѣтѣ, на зарѣ, они были готовы и пошли внизъ по рѣкѣ; по другую же руку былъ лѣсъ [1]). Когда прошло нѣсколько времени, Оддъ сказалъ: «Видишь-ли ты что-нибудь новое?» — «Я ничего не вижу, говоритъ Асмундъ; что же ты видишь?» — «Я вижу то, говоритъ Оддъ, что быть несчастью; большая толпа народа выступаетъ изъ лѣсу; по моему предположенію, говоритъ Оддъ, у Гудмунда вырвался виночерпій и донесъ біармійцамъ о нашей поѣздкѣ» [2]). Асмундъ сказалъ: «Что-жъ теперь дѣлать?» Оддъ сказалъ: «Спѣшите къ рѣкѣ, и загородите собой мысъ, что входитъ въ рѣку [3]), а деньги пусть будутъ за вами» [4]). Они такъ и дѣлаютъ. Оддъ бѣжитъ въ лѣсъ и вырубаетъ себѣ пребольшую дубину. Затѣмъ онъ возвращается къ своимъ людямъ. Когда толпа повалила на нихъ,

---

[1]) Соотвѣтствующее слово въ рукописи разобрать невозможно; Раскъ читаетъ—eitt nes; Буръ 1888 г.—innan skin; Буръ 1892 г.—markin. Вѣроятнѣе всего—лѣсъ, въ которомъ и находился курганъ.

[2]) Еще разъ редакція M пользуется случаемъ, чтобы заявить, что поступокъ виночерпія объясняется тѣмъ, что ему въ Біармаландѣ очень хорошо жилось (L, стр. 32[16]).

[3]) Можетъ быть это и былъ мысъ Пур-Наволокъ, возлѣ котораго остановились корабли.

[4]) Балобанова (стр. 130) переводитъ: привязавъ напередъ на спину добычу—en láta féit á bak yðr. A bak значитъ не „на спину“, а „за спиной, назади“. Норманамъ приходится защищать свою добычу и вотъ они выносятъ ее на мысокъ, сами становясь поперекъ мыса. То же положеніе встрѣчается и въ Греттисагѣ: hann rak féit i framanvert nesit (LX § 4). Вѣроятно это было общеизвѣстной военной хитростью.

то Оддъ во главѣ враговъ узналъ виночерпія. Оддъ обратился къ нему со словами и сказалъ: «Отчего ты такъ круто измѣнилъ курсъ?» Виночерпій говоритъ: «Я сказалъ біармійцамъ о вашемъ предпріятіи» [1]). Оддъ сказалъ: «Чего же имъ теперь надо?» Виночерпій говоритъ: «Они хотятъ еще разъ вступить съ вами въ торгъ». «Зачѣмъ?» говоритъ Оддъ [2]). Виночерпій сказалъ: «Они хотѣли бы купить у васъ оружія?» Оддъ говоритъ: «На это мы не согласны». Виночерпій сказалъ: «Тогда вамъ придется защищать свою добычу и жизнь, не то мы до нихъ доберемся». «Пусть такъ и будетъ», говоритъ Оддъ. Затѣмъ Оддъ сказалъ своимъ людямъ: «Если кто нибудь изъ насъ падетъ въ бою, немедленно старайтесь захватить трупъ его и бросить въ рѣку, потому что если къ біармійцамъ попадетъ кто нибудь изъ нашихъ мертвыхъ, они насъ заколдуютъ».

Бой съ біармійцами.

Вскорѣ затѣмъ послѣдовало сильное нападеніе біармійцевъ; въ это время Оддъ выбѣгаетъ имъ на встрѣчу съ

---

[1]) По редакціи M виночерпій отвѣчаетъ, что хотѣлъ устроить такъ, чтобы норманамъ же было лучше (ek vilda at þvi hyggja sem yðr gegndi bezt, L, стр. 32[20]). Мысль—купить оружіе могла возникнуть только въ головѣ нормана—виночерпія; можетъ быть, ему грезились какіе нибудь военные походы во главѣ біармійцевъ противъ сосѣднихъ туземныхъ племенъ; воевать же съ Оддомъ, вѣроятно, вовсе не входило въ первоначальный его планъ, и борьба была вызвана только рѣшительнымъ отказомъ Одда продать оружіе. Въ связи съ этимъ я объясняю себѣ и вышеприведенный отвѣтъ виночерпія. Аналогичный случай отмѣчается въ сагѣ объ Эйрикѣ Красномъ. Когда начался обмѣнъ товаровъ между пріѣзжими норманами и эскимосами, то послѣдніе обнаружили большое желаніе вымѣнить себѣ мечи и копья, но предводители нормановъ воспротивились этому (Переводъ, стр. 62). Но и всѣ позднѣйшіе путешественники удивляются той жадности, съ которой эскимосы набрасывались на желѣзныя оружія (Форстеръ, стр. 355, 369, 372, 535).

[2]) Редакція M еще яснѣе подчеркиваетъ то, что Оддъ въ принципѣ противъ торга ничего не имѣетъ. „Весьма охотно, отвѣчаетъ Оддъ, дай намъ только дойти до нашихъ кораблей“—þat viljum vér gjarna þá er vér komum til skipa várra (L, стр. 34[1]).

дубиной и машетъ по обѣимъ сторонамъ съ такой силой, что всѣ разбѣгаются, и много народу пало [1]). Одинъ Асмундъ смѣло слѣдовалъ за нимъ. Жестокъ былъ этотъ бой и длился долго, и кончился онъ тѣмъ, что біармійцы обратились въ бѣгство, потерявъ массу народа. Оддъ еще преслѣдовалъ бѣгущихъ и убивалъ всѣхъ, кого настигалъ; возвратившись къ своимъ, онъ отдалъ приказаніе дѣлить добычу. «Оставьте землю и возьмите съ собой драгоцѣнности и оружіе!» [2]). Они такъ и сдѣлали и возвратились къ кораблямъ, но когда они прибыли туда, то кораблей уже не было. Оддъ сказалъ: «Что дѣлать теперь?» Асмундъ просилъ его приказывать. Оддъ сказалъ: «Поступокъ Гудмунда можно толковать на-двое: либо онъ гдѣ нибудь скрывается, либо предалъ насъ противъ всякаго ожиданія». «Этого не можетъ быть», говоритъ Асмундъ. «Сейчасъ я сдѣлаю провѣрку», говоритъ Оддъ, бѣжитъ въ лѣсъ, взбирается на дерево и разводитъ огонь въ вѣтвяхъ, а затѣмъ возвращается къ своимъ людямъ. Дерево запылало такъ внезапно, что вскорѣ громадное пламя поднялось въ воздухѣ. Тогда они увидѣли, что двѣ лодки причалили къ берегу; они узнали своихъ людей, и радостна была ихъ встрѣча съ товарищами.

Отъѣздъ Одда изъ Біармаланда.

Затѣмъ они всходятъ на корабль и немедленно отплываютъ со своей добычей. Объ ихъ поѣздкѣ ничего не говорится, пока они не прибываютъ въ Финмаркъ, въ ту же самую гавань, въ которой они стояли раньше.

---

[1]) По редакціи М Оддъ проникаетъ даже сквозь строй враговъ— gengr i gegnum fylkingar (L, стр. 34[13]).

[2]) Съ кургана были взяты вмѣстѣ и драгоцѣнности и земля, въ которой онѣ были зарыты. У кургана норманы торопились и не успѣли выбрать деньги изъ земли; теперь же опасаться было нечего и можно было спокойно заняться не только раздѣломъ добычи, но и ея отдѣленіемъ отъ земли.

XV.

Похожденія Одда въ странѣ велнкановъ [1]).

Остановившись въ этой гавани на ночь, наши мореплаватели вдругъ проснулись отъ страшнаго, неслыханнаго грохота. Оддъ спрашиваетъ Гудмунда и Сигурда, что это значитъ, но въ то же время послышался снова грохотъ, сильнѣе прежняго, и только что онъ утихъ, какъ раздался третій самый сильный ударъ. Оддъ припоминаетъ ходячее мнѣніе: два выпущенныхъ въ воздухъ вѣтра мчатся на встрѣчу другъ другу и при столкновеніи ихъ получается грохотъ [2]). «Теперь мы должны приготовиться встрѣтить сильную непогоду, говоритъ Оддъ, можетъ быть, фины наслали эту непогоду за то, что вы ихъ ограбили». Обвязавъ корабль поясомъ и сдѣлавъ по указанію Одда всѣ приготовленія, они подняли якорь. Въ это время разразилась непогода съ такой силой, что они тотчасъ же были унесены въ море и даже не могли пустить въ ходъ веселъ. Имъ только и оставалось, что дрейфовать по вѣтру. Всѣ способные къ работѣ принялись выкачивать воду. Имъ казалось, что корабли непремѣнно потонутъ. Такъ уносило ихъ въ открытое море въ теченіи 20 дней подъ рядъ. Оддъ сталъ просить Гудмунда выбросить отнятое у финовъ добро. «Я полагаю, говоритъ онъ, что буря не уляжется до тѣхъ поръ, пока его не выбросятъ за бортъ». Гудмундъ возражаетъ, что если выбросить его за бортъ, то оно никому ничего не дастъ. «Это мы еще увидимъ, говоритъ Оддъ, пусть объ этомъ позаботятся сами фины». Послушались Одда, собрали имущество финовъ и выбросили за бортъ; упавъ въ море, оно проплыло мимо обоихъ бортовъ, собралось въ одну кучу и быстро понеслось противъ вѣтра,

---

[1]) Такъ какъ въ этой главѣ передается разсказъ Орваръ-Оддсаги, болѣе или менѣе фантастичный, то мы не считаемъ нужнымъ приводить его въ переводѣ, а ограничимся лишь свободнымъ пересказомъ.

[2]) Здѣсь составитель саги выкладываетъ свои познанія по физикѣ и передаетъ тогдашнюю теорію о происхожденіи грома.

и скрылось изъ виду. Итакъ, добыча направилась въ Финмаркъ въ руки законныхъ владѣльцевъ. Слѣдуетъ припомнить общераспространенное повѣрье, что море во время бури требуетъ извѣстныхъ жертвъ, повѣрье, къ которому, между прочимъ, примыкаетъ и былина о Садкѣ. Въ сагѣ мотивировка усиливается еще тѣмъ, что жертвуемое добро добыто грабежомъ и по праву вовсе не принадлежитъ мореплавателямъ.

Въ тотъ же самый день, какъ это произошло, туманъ разошелся, море утихло, и немного спустя они увидѣли землю. Большинство людей уже совершенно выбилось изъ силъ, кромѣ побратимовъ. Асмундъ помогалъ Одду во всемъ и дѣлилъ съ нимъ всѣ опасности. Стараясь опредѣлить, гдѣ они теперь находятся, Оддъ высказалъ мнѣніе, что они, вѣроятно, занесены далеко на сѣверъ; и, судя по разсказамъ мудрыхъ людей [1]), вѣроятнѣе всего къ Рисаланду, странѣ великановъ. Приближаясь къ берегу, они увидѣли, что противъ нихъ возвышается мысъ или большой островъ. Оддъ велѣлъ кораблямъ пристать; нашлась удобная гавань, на берегу же былъ большой лѣсъ. Послѣ того какъ устроились, Оддъ велѣлъ грести вдоль берега, чтобы узнать, каковъ онъ. Тутъ они убѣдились, что пристали къ большому острову, плодородному, но невоздѣланному. Въ лѣсу было много звѣрей, у самаго же острова много китовъ и моржей, а также и птицъ. Оддъ приказываетъ своимъ людямъ, быть на стражѣ: «12 человѣкъ должны бодрствовать каждую ночь на островѣ. Охотою мы будемъ добывать себѣ съѣстные припасы и подкрѣпляться по возможности». Редакція M. прибавляетъ, что они на островѣ выстроили себѣ хижину.

Однажды, отправившись въ лѣсъ, они встрѣтили большого медвѣдя. Оддъ выстрѣлилъ, попалъ въ медвѣдя и убилъ его. Затѣмъ онъ велѣлъ сдѣлать чучело съ раскры-

---

[1]) frasǫgn frođra manna. Frođr означаетъ человѣка, свѣдущаго главнымъ образомъ въ области преданія, миѳологіи, такъ heilug frœđi=познаніе христіанскаго ученія. Итакъ, сама сага указываетъ на миѳологическій источникъ представленія о томъ, что на крайнемъ сѣверѣ расположена страна великановъ.

тымъ ртомъ такъ, чтобы можно было, стоя сзади, стрѣлять [1]). Въ ротъ положили каменную плитку, чтобы тамъ могъ горѣть огонь [2]). Потомъ поставили чучело на скалу, обращенную въ глубь страны.

Обитателей на островѣ оказалось немного, но всѣ они были такого большого роста, что путешественники рѣшили, что это дѣйствительно великаны. Однажды вечеромъ они увидѣли, что толпа великановъ собралась на мысу по другую сторону пролива. Одду захотѣлось узнать, что у нихъ дѣлается, и онъ велѣлъ Асмунду переѣхать черезъ заливъ и грести какъ можно тише. Подъѣхавъ подъ самый мысъ, они подняли весла и стали прислушиваться. Одинъ изъ великановъ говорилъ громкимъ голосомъ: «Вы знаете, что чьи-то дѣти прибыли на нашъ островъ и убиваютъ нашихъ звѣрей и дичь. Я васъ просилъ собраться сюда, чтобы посовѣтоваться съ вами, какъ ихъ истребить. Вотъ это кольцо я дамъ тому, кто ихъ убьетъ». Тутъ выскочила какая то женщина и сказала: «Мы очень падки на украшенія!» Въ редакціи S. говорящій великанъ названъ царемъ Бади; женщина носитъ имя Гнейпы; самъ Бади не можетъ принять участія въ борьбѣ противъ «дѣтей», потому что несогласіе между нимъ и его братомъ Bjǫl'омъ еще не улажено. Но вотъ наиболѣе любопытная подробность: во время совѣщанія великанъ вдругъ останавливается среди разговора со словами: «видите ли вы, какъ двое бородатыхъ дѣтей прислушиваются къ нашему разговору здѣсь подъ горой на лодкѣ? Вотъ я имъ пошлю поклонъ!» Въ ту же

---

[1]) Эта хитрость вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что мы знаемъ объ уловкахъ охотничьихъ народовъ. Обыкновенно охотники сами переодѣваются въ шкуру убитаго звѣря, либо прикрываются вѣткой дерева и подъ такимъ прикрытіемъ приближаются къ своей жертвѣ на очень близкое разстояніе. Бушмены, охотясь за страусами, надѣваютъ на себя шкуру страуса съ перьями, шеей и головой и подходя къ стаѣ, ловко подражаютъ ухваткамъ живой птицы. Сѣверо-американскіе индѣйцы въ шкурѣ оленя незамѣченные проникаютъ въ самое стадо. Древніе египтяне покрывали свою голову пустой тыквой и, плывя по Нилу, ловили руками рѣчныхъ птицъ.

[2]) Помѣщеніе огня въ ротъ медвѣдя находится въ связи съ представленіями объ огнедышащихъ драконахъ, коняхъ и герояхъ.

минуту Оддъ замѣчаетъ, что прямо на нихъ летитъ камень. Онъ велѣлъ отчалить отъ берега, какъ можно скорѣе. Немного спустя полетѣлъ второй камень, но и онъ не попалъ въ нихъ. Третій былъ такъ великъ, что они только диву дались; отъ паденія его получился сильный подъемъ волнъ. Оддъ сказалъ: «Спѣшимъ обратно къ острову!» Тутъ замѣтно желаніе придать всему разсказу достовѣрность, чему должны способствовать и собственныя имена. Кромѣ того, послѣдняя часть напоминаетъ собою какъ бы Полифема. Черты сказанія о Полифемѣ попадаются еще въ сагѣ объ Эгилѣ и Асмундѣ, гдѣ герой ослѣпляетъ великана и убѣгаетъ отъ него, нарядившись въ овечью шкуру [1]), и въ сагѣ о Рольфѣ (Hrolfr), сынѣ Гаутрека, повторяющей мотивъ ослѣпленія [2]). Но напрасно Буръ [3]) предполагалъ близкую связь между сагами и древнегреческимъ сказаніемъ; уже Гриммъ доказалъ, что подобные мотивы искони извѣстны арійскимъ, тюркскимъ и финскимъ народамъ [4]); число параллелей значительно увеличилъ Крекъ [5]). Такимъ образомъ, и повѣствованія сагъ могли сложиться подъ вліяніемъ мѣстныхъ сказокъ.

Немного спустя, они увидѣли, что какая то женщина стала съ материка перебираться на островъ. Она была большого роста, въ кожаной юбкѣ и казалась свирѣпой; незамѣтно Оддъ взобрался на гору, гдѣ стоялъ медвѣдь, развелъ огонь въ его пасти и затѣмъ пустилъ стрѣлу. Услышавъ свистъ и увидавъ стрѣлу, она подставила свою руку, но стрѣла въ нее не проникла, какъ будто рука была сдѣлана изъ камня. Тогда Оддъ вынулъ подарокъ отца. Она снова подставила руку, но стрѣла пролетѣла черезъ кисть, попала въ глазъ, вышла изъ затылка и полетѣла назадъ къ тетивѣ. Она сказала: «Это не хорошо, но тѣмъ не менѣе я должна итти впередъ». Оддъ выстрѣ-

---

[1]) Fas. III, стр. 382—6.
[2]) Fas. III, стр. 120—7.
[3]) Afnf. VIII, стр. 246—255.
[4]) J. Grimm, Die Sage von Polyphem 1857.
[5]) Krek, Einl. in d. slav. Literaturgeschichte, 2 изд., стр. 665—759.

лилъ еще разъ; она подставила другую руку, но и эта стрѣла летѣла какъ первая. Женщина ушла, потерявъ оба глаза. Нечего и говорить, что это была та самая женщина, которая вызвалась убить Одда, и что она съ этимъ намѣреніемъ и переправлялась черезъ проливъ. Редакція М. разсказываетъ сверхъ того, что великанша подошла къ кораблямъ и стала трясти штевни, такъ что чуть ихъ не обломила. Оддъ хочетъ отправиться вслѣдъ за великаншей, чтобы видѣть какъ великаны живутъ. Пришлось переправляться на лодкѣ, потомъ итти долго по горамъ. Наконецъ, онъ увидѣлъ огонь и забрался въ пещеру. Надъ огнемъ висѣлъ большой котелъ. Въ пещерѣ сидѣло много народу, а на почетномъ мѣстѣ—страшное чудовище. Оно было все черное, кромѣ глазъ и зубовъ; носъ его былъ большой съ горбомъ и свѣшивался внизъ надъ ртомъ; губы его походили на куски дерна, нижняя висѣла надъ грудью, а верхняя загибалась вверхъ подъ носъ; волосы жесткіе какъ усъ китовый покрывали всю его грудь, а глаза походили на двѣ кадки. Такого же вида была и жена его. Великану докладываютъ, какое несчастье постигло его дочь, явившуюся домой слѣпой на оба глаза. Великанъ предвидѣлъ это, зная, что пріѣзжій—Оддъ. «Убить его намъ не придется, такъ какъ ему суждено прожить гораздо дольше чѣмъ другимъ людямъ. Я знаю и то, что фины прислали его сюда для того, чтобы мы его убили, но такъ какъ это невозможно, то я, пожалуй, дамъ ему попутный вѣтеръ отсюда, ничуть не меньше того, который дали ему фины. За то, что онъ стрѣлялъ въ мою дочь (редакція S.) или за эти три стрѣлы, я ему дамъ прозвище Орваръ-Оддъ (=Оддъ-Стрѣлы)».

Кончается все тѣмъ, что Оддъ стрѣляетъ въ великана, происходитъ суматоха, чудовища вскакиваютъ съ обѣихъ скамеекъ и начинаютъ убивать другъ друга.

Мы нерѣдко въ сагахъ встрѣчаемъ разсказы, единственная цѣль которыхъ объяснить происхожденіе имени героя; такъ и здѣсь: приключенія Одда въ Рисаландѣ придуманы исключительно для того, чтобы Оддъ съ тѣмъ большимъ правомъ могъ называться Орваръ-Оддомъ. При этомъ ука-

зывается двѣ причины: стрѣляніе въ великаншу и три волшебныхъ стрѣлы. Слѣдовательно, сама сага признаетъ зависимость этихъ мотивовъ отъ имени Одда. Дѣйствительно, поѣздка въ Біармаландъ ничуть не согласовалась съ прозваніемъ Одда—Орваръ-Оддомъ т. е. Оддомъ-Стрѣлы; первой части имени отвѣчаютъ лишь приключенія Одда въ странѣ великановъ. Слова великана относительно возраста Одда почти буквально повторяютъ предсказаніе колдуньи, а то, что фины прислали его,—неправильно, такъ какъ самъ Оддъ никакого зла финамъ не причинялъ. Обѣщаніе попутнаго вѣтра—опять повтореніе. Въ дальнѣйшемъ намъ предстоитъ еще слѣдить за нитями, связавшими разсказъ о Рисаландѣ съ остальной сагой.

Редакція M. расширила нашъ разсказъ въ чисто эпическомъ духѣ. Пріемъ извѣстный въ сказкахъ и въ народномъ эпосѣ, примѣняется онъ и въ художественной поэзіи,—троекратное повтореніе одного и того же дѣйствія. Это такъ называемая тригеминація разсказа. Въ данномъ мѣстѣ редакція M. и дала примѣръ геминаціи. Редакція S. придерживается слѣдующаго плана изложенія:

1. Оддъ подслушиваетъ совѣщаніе великановъ.
2. Великанъ трижды бросаетъ въ него камнемъ.
3. Неудачное нападеніе великанши.
4. Оддъ слѣдуетъ за ней въ горы и попадаетъ въ пещеру.

Редакція M.:

1. =№ 1 редакціи S.
2. =№ 3 редакціи S.
3. —Оддъ вторично подслушиваетъ.
4. —Оддъ въ третій разъ подслушиваетъ великановъ.
5. =№ 2 редакціи S.
6. =№ 4 редакціи S. Слѣдя за великанами, Оддъ находитъ ту же пещеру.

Перескажемъ вкратцѣ пункты 3 и 4 редакціи M.

3) Черезъ нѣкоторое время послѣ неудачной попытки извѣстной намъ женщины, великаны опять собираются на мысу. Оддъ и Асмундъ подъѣзжаютъ на лодкѣ. Предводитель толпы выражаетъ свое удивленіе, что имъ не уда-

лось убить пріѣзжихъ. «У нихъ звѣрь, который выпускаетъ стрѣлы и дышетъ пламенемъ изо рта... Не могу понять, кто подослалъ ихъ къ намъ. Впрочемъ, меня клонитъ ко сну (sic!) и я отправляюсь во свояси».

4) Та же ситуація и опять то же совѣщаніе насчетъ пріѣзжихъ. Какой то черный великанъ, стоя на самой вершинѣ горы, замѣчаетъ Одда и Асмунда въ лодкѣ. Слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ великанъ бросаетъ въ нихъ камнемъ. Убѣдившись, что они все-таки остались невредимы, великанъ заявляетъ о своемъ желаніи спать и распускаетъ собраніе.

Разумѣется, эти повторенія въ редакціи М. имѣютъ исключительно стилистическое значеніе.

Возвратившись къ своимъ, Оддъ разсказыватъ имъ все, что съ нимъ произошло [1]). Мореплаватели снаряжаются въ путь, какъ можно тщательнѣе и ѣдутъ вдоль берега. Сразу задулъ вѣтеръ, быть можетъ еще сильнѣе прежняго. Поднялась страшная непогода, за бурей разгулялась мятель, а морозъ былъ такъ силенъ, что гребень волны поднявшись, тотчасъ и замерзалъ [2]). Они стойко боролись съ бурей и впродолженіи 20 дней не переставая выкачивали изъ корабля воду. Наконецъ, ихъ занесло изъ моря опять въ Финмаркъ и тамъ они нашли гавань и покой. При первомъ попутномъ вѣтрѣ они поѣхали домой, такъ какъ уже было довольно поздно, и время близилось къ зимѣ. Отецъ обрадовался ихъ возвращенію, какъ будто они воскресли изъ мертвыхъ. Онъ пригласилъ ихъ со всѣми людьми къ себѣ на зиму. Благодаря этой поѣздкѣ Оддъ прославился: онъ совершилъ подвигъ, равнаго которому на людской памяти не бывало [3]). Всю добычу отдали отцу. Зима прошла въ попойкахъ и весельи. Отецъ угощалъ ихъ съ большой щедростью. Редакція М. замѣчаетъ: «этимъ кончается пер-

---

[1]) Тутъ вставлены двѣ строфы, которыя стариной не отзываются, а являются поздней поддѣлкой.

[2]) Рѣчь идетъ о большихъ льдинахъ, принесенныхъ съ сѣвера.

[3]) engi þótti slik farin vera i þeira manna minnum, er þá váru uppi L, стр. 51[12]).

вая часть нашей саги; теперь начинается вторая часть Орваръ-Оддсаги».

Итакъ, составитель саги смотрѣлъ на поѣздку Одда въ Біармаландъ и на его приключенія въ странѣ великановъ, какъ на объединенное и даже законченное въ себѣ повѣствованіе. Однако, мы не могли не замѣтить коренной разницы въ изложеніи тѣхъ и другихъ событій. Въ разсказѣ о Біармаландѣ ни одна черта не отзывается фантастичностью, всѣ сообщаемыя подробности не противорѣчатъ дѣйствительнымъ условіямъ жизни, бытовая обстановка сохранена вполнѣ исторически, и поведеніе дѣйствующихъ лицъ вытекаетъ естественно изъ ихъ характера и ситуаціи. Въ слѣдующемъ затѣмъ разсказѣ мы уже указали на противорѣчія и повторенія въ стилѣ и на заимствованіе одного мотива,—черты, указывающія на искусственную спайку, но, кромѣ того, весь сюжетъ видимо переноситъ насъ въ область фантазіи. Въ зависимости отъ той доли скептицизма, съ которой мы подойдемъ къ этому разсказу, намъ представятся слѣдующія гипотезы:

1) Все, что пересказано въ этой главѣ,—выдумка. Такимъ образомъ получился бы слѣдующій планъ путешествія Одда: возвращаясь изъ Бѣлаго моря, онъ остановился на нѣкоторое время въ Финмаркѣ и затѣмъ продолжалъ свой путь домой.

2) Приключенія въ странѣ великановъ—вымыселъ; но внѣ сомнѣнія тотъ фактъ, что отъѣхавъ отъ Финмарка, они пострадали отъ сильной бури и проблуждавъ извѣстное время въ открытомъ морѣ, должны были возвратиться въ прежнюю гавань. Тутъ ничего удивительнаго нѣтъ; такъ какъ часто парусныя суда принуждены итти обратно на прежнюю стоянку.

3) За событіями въ странѣ великановъ могло стоять дѣйствительное происшествіе. Развѣ отбитому бурей нельзя напасть на островъ? При томъ сага даетъ описаніе острова, вполнѣ отвѣчающее характернымъ признакамъ арктической природы. Правда, обитатели впослѣдствіи оказались великанами, но въ этомъ виновата миѳологія; съ другой стороны чудовищное описаніе ихъ вида могло быть вызвано

странной внѣшностью крайнихъ обитателей сѣвера. Римскіе легіонеры Германика, настигнутые бурей у фрисскаго побережья и выброшенные на неизвѣстные имъ острова, видѣли тамъ—ambiguas hominum et belluarum formas: visa sive ex metu credita [1]); но историческая основа этихъ басней не подлежитъ никакому сомнѣнію. Какъ, не имѣющіе ничего общаго съ Біармаландомъ, разсказы проникли въ сагу и заслонили или по крайней мѣрѣ нарушили ея строгую историчность, я попытаюсь объяснить въ другомъ мѣстѣ. Они настолько отвлекли вниманіе составителя саги отъ главной темы, что онъ совершенно забылъ о Сигмундѣ и Гудмундѣ; они ни разу не упоминаются при событіяхъ въ странѣ великановъ.

XVI.

Гипотеза о тождествѣ Одда и Отера.

Личность Отера невольно затрагиваетъ наше любопытство и хотѣлось бы узнать что нибудь подробнѣе о ней. Такъ уже Раскъ [2]) пытался возстановить біографію Отера. По его мнѣнію, Отеру было поручено собрать подать съ финовъ, но когда Гаральдъ Прекрасноволосый покорилъ Норвегію, то онъ вынужденъ былъ выселиться и пріѣхалъ гостить къ королю Альфреду. Противъ такого предположенія Раска, представляющаго собой совершенно фантастическія измышленія, высказался уже Дальманъ [3]). По другой догадкѣ, которая появилась вслѣдъ за гипотезой Раска, Отеръ никто иной, какъ Орваръ-Оддъ. Эта гипотеза, насколько мнѣ извѣстно, принадлежитъ Шегрену [4]). Повторяя ее, Буръ [5]), однако, выражаетъ свою благодарность Сторму за то, что тотъ навелъ его на эту мысль.

---

[1]) Тацитъ, Annales II, гл. 24.

[2]) Skandinaviska Litteratursällskapets Skrifter, т. XI; также Saml. Afhandl.

[3]) Dahlmann, Forschungen I, стр. 403—56.

[4]) Sjögren, Gesamm. Schriften I.

[5]) Afnf. VIII, стр. 139.

Положимъ, что въ именахъ дѣйствительно, есть нѣкоторое созвучіе. Но для этого надо предположить существованіе вокализаціи конечнаго r, такъ какъ Ohthere указываетъ по крайней мѣрѣ на произношеніе OddR. Собственныя имена измѣнены у Альфреда до неузнаваемости. Отчасти король самъ хотѣлъ приспособить чужія названія къ англосаксонской фонетикѣ и поэтому позволялъ себѣ передѣлку именъ на свой ладъ. Главной же причиной орѳографической порчи именъ является, вѣроятно, то обстоятельство, что король диктовалъ свое сочиненіе писцу, а тотъ невѣрно улавливалъ произношеніе имени, а часто, можетъ быть, просто не зналъ, какъ передать услышанное имъ звуковое сочетаніе [1]). Тѣмъ не менѣе, различныя варіаціи: Ohthere, Octher, Othere и Ottar скорѣе указываютъ на скандинавское Ottar, чѣмъ на Oddr. Но зачѣмъ намъ всѣ эти догадки, когда въ англосаксонскомъ языкѣ, начиная уже съ «Беовульфа», встрѣчается имя Ohthere. И мы съ своей стороны обязаны сохранить то имя перваго мореплавателя, открывшаго путь въ Біармаландъ, которое завѣщано намъ королемъ Альфредомъ.

Затѣмъ Буръ отмѣчаетъ, что Оддъ и Отеръ оба были родомъ изъ Галогаланда. Но можно сразу предположить, что пунктомъ отправленія экспедицій въ Біармаландъ непремѣнно долженъ былъ быть сѣверъ Норвегіи, какъ наиболѣе близкое мѣсто. Далѣе, Галогаландъ такъ великъ, что послѣднее соображеніе Бура является аргументомъ почти общаго характера. Наконецъ, наше изслѣдованіе обнаружитъ, что мѣсто рожденія Одда вовсе не Рафниста, а болѣе южная мѣстность; Оддъ выросъ въ области Ядарѣ, теперешнемъ Сокндалѣ, гдѣ и находился Беруріодъ. Отеръ же дважды заявляетъ, что дальше его никто на сѣверѣ не живетъ, а это дѣлаетъ отождествленія его съ Оддомъ совершенно невозможнымъ. Буръ считаетъ невѣроятнымъ, чтобы Отеръ оставался совершенно неизвѣстнымъ исландскимъ сагамъ, а имя Одда не было бы ничѣмъ запечатлѣно

[1]) Schilling, König Ælfreds angelsächsische Bearbeitung der Weltgeschichte des Orosius, стр. 56 сл.

въ исторіи. Разъ исторически вѣрно, что Отеръ ѣздилъ въ Біармаландъ, разъ существуетъ сага, разсказывающая о подобномъ же предпріятіи, то, заключаетъ Буръ, Оддъ и Отеръ должны быть одной и той же личностью. Мы прежде всего попытаемся доказать, что оба путешествія отдѣлены другъ отъ друга по крайней мѣрѣ полувѣкомъ или промежуткомъ времени еще большимъ, и принадлежатъ къ эпохамъ совершенно различнымъ. Затѣмъ замѣтимъ, что Буръ не принялъ во вниманіе того факта, который наблюдается сплошь и рядомъ по отношенію къ народному творчеству: важныя историческія событія проходятъ безслѣдно, маловажныя происшествія становятся содержаніемъ большихъ поэмъ. Ронсевальское побоище, о которомъ въ хроникахъ едва упоминается, послужило толчкомъ къ созданію Пѣсни о Роландѣ, а о многихъ несравненно болѣе кровопролитныхъ пораженіяхъ сарацинами французскихъ войскъ въ Пиренеяхъ въ старофранцузскомъ эпосѣ не встрѣчается ни одного стиха. Обратимъ еще вниманіе на то, что созвучіе именъ и общность родины являются единственными совпаденіями, на которыхъ зиждется предположеніе Бура. Мы не только убѣждаемся въ недоказательности гипотезы Бура, но мы можемъ привести цѣлый рядъ соображеній, прямо его опровергающихъ.

Отеръ пріѣзжалъ въ Англію. Отеръ находился при дворѣ короля Альфреда нѣкоторое время и даже считался у него на службѣ. Орваръ-Оддсага объ этомъ посѣщеніи ничего не говоритъ. Король прямо не высказывается, но изъ его записки явствуетъ, что Отеръ первый открылъ путь въ Біармаландъ. Въ Орваръ-Оддсагѣ представляется извѣстной не только цѣль поѣздки, но она упоминаетъ о норвежцѣ, живущемъ въ Біармаландѣ, о виночерпіи. Да и въ самихъ условіяхъ путешествія мы видимъ разногласіе: Оддъ ѣдетъ въ товариществѣ съ Сигурдомъ и Гудмундомъ, у него нѣтъ даже своего корабля; Отеръ ни о какихъ товарищахъ не упоминаетъ. Впослѣдствіи Отеръ еще разъ отправился въ Біармаландъ; о вторичномъ путешествіи Одда въ сагѣ нѣтъ и намека.

Какъ ни заманчива гипотеза о тождествѣ Одда и Отера,

все-таки отъ нея приходится отказаться, тѣмъ болѣе, что она затемняетъ освѣщеніе болѣе важныхъ сторонъ нашего вопроса. Въ концѣ концовъ, не важно, былъ ли именно Отеръ тѣмъ лицомъ, о которомъ сложилась особая сага. Записка короля Альфреда—историческій документъ, сообщающій намъ строго провѣренныя свѣдѣнія о странахъ и жителяхъ сѣвера. Сага—болѣе или менѣе поэтическое произведеніе, сохранившее намъ память о минувшей жизни, воспроизводящее ее со всѣми подробностями бытовой обстановки. Записка короля устанавливаетъ неоспоримый фактъ: сношеніе нормановъ съ Бѣлымъ моремъ; сага описываетъ, какими приключеніями и настроеніями сопровождалась эта этническая встрѣча. Орваръ-Оддсага иллюстрація къ исторической справкѣ короля Альфреда.

Обратимъ вниманіе на экономическое состояніе страны, какъ рисуетъ его намъ Отеръ и какъ оно проглядываетъ изъ скудныхъ данныхъ саги. Главными доходами жителей Галогаланда были во времена Отера—ловля китовъ и скотоводство. Король пишетъ: «Въ странѣ его всего выгоднѣе ловля китовъ; киты попадаются тамъ въ 48 локтей въ длину, а бываютъ большіе и въ 50; иногда онъ убивалъ самъ шесть такихъ китовъ штукъ 60 въ день». Такой обильный уловъ китовъ не могъ долго продолжаться; онъ типиченъ для перваго времени пріѣзда китолововъ. Уже въ XIII вѣкѣ замѣчалось у сѣвернаго прибрежья Норвегіи почти совершенное отсутствіе китовъ. На Бѣломъ морѣ уже давно не было такого обилія китовъ, а потому можно думать, что туземцы еще задолго до пріѣзда Отера промышляли китоловствомъ. Въ зависимости отъ этого промысла находился другой промыселъ—рыбный. Пока можно было бить китовъ, жители, вѣроятно, и не думали о мелкой рыбѣ. Быть можетъ, такая рыба, запуганная стаями китовъ, и не подходила къ берегу. То же самое мы можемъ сказать и о моржахъ. Отеръ, говоря о Норвегіи, ни словомъ не упоминаетъ ни о рыбной ловлѣ, ни о моржахъ, ни о птицахъ, между тѣмъ какъ все время своего пути по прибрежью Ледовитаго океана онъ то и дѣло натыкается на хижины птицелововъ, рыбаковъ и охотниковъ. За то въ Эгильсагѣ ловля

трески и сельди, собираніе яицъ и охота за моржами считается уже главнымъ занятіемъ галогаландца. Эгильсага описываетъ условія жизни въ Галогаландѣ, установившіяся спустя нѣсколько столѣтій послѣ Отера, когда киты уже перестали подплывать къ норвежскимъ берегамъ. Перемѣна эта объясняетъ намъ и другое интересное обстоятельство. Отеръ довольствуется тѣмъ, что охотится въ окрестностяхъ Біармаланда. Когда въ самой Норвегіи началась охота на моржей, то ѣздить для этого въ Біармаландъ было уже незачѣмъ. Тогда то естественно и должна была выдвинуться новая цѣль такихъ поѣздокъ: теперь въ Біармаландъ ѣздятъ уже не на охоту, а грабить. Такой характеръ носитъ уже поѣздка Одда. О томъ, чтобы Оддъ тамъ охотился, нѣтъ и помину. Ни о какихъ насиліяхъ надъ финами у Отера не сказано ни слова; онъ не вступаетъ во враждебныя отношенія съ біармійцами; онъ не подымается вверхъ по рѣкѣ, потому что боится ихъ нападенія. Когда же мы обращаемся къ Одду, мы видимъ, что спутники его немилосердно грабятъ въ Финмаркѣ, а въ Біармаландѣ уже происходитъ настоящая битва. Теперь возьмемъ еще одну подробность изъ редакціи М. саги. Когда біармійцы съ виночерпіемъ во главѣ нападаютъ на Одда, онъ сперва соглашается вступить въ торгъ съ біармійцами и проситъ ихъ дать имъ только дойти до кораблей, но узнавъ, что они имѣютъ въ виду пріобрѣсти оружіе, рѣшительно отказывается отъ всякихъ сношеній. Очевидно, Одду не хотѣлось продавать біармійцамъ оружія только потому, чтобы они не стали оказывать сопротивленія норманамъ, заходившимъ на берега Двины. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы можемъ предположить, что въ первое время норманы доставляли имъ и оружіе, но что потомъ сказались неудобства этой торговли. Вскорѣ послѣ своего открытія Отеръ опять ѣдетъ въ Біармаландъ—«интересуясь природой этой страны, а также и изъ за моржей» (tóeácan þæs landes sceáwunge for dæm horshwælum). Быть можетъ это выраженіе говоритъ объ интересѣ болѣе реальномъ; быть можетъ Отеръ знакомился съ природой страны какъ охотникъ.

Главнымъ богатствомъ Отера былъ домашній скотъ: у

него было 600 оленей, изъ нихъ 6 служили приманкой для дикихъ и очень высоко цѣнились у финовъ; кромѣ того 20 штукъ рогатаго скота, 20 овецъ и 20 свиней. Чѣмъ дальше подвигалась впередъ норвежская колонизація, тѣмъ дальше на сѣверъ отступали и оленьи стада. Они были какъ бы признакомъ лапландской культуры. Недаромъ Отеръ заявляетъ, что онъ былъ самымъ сѣвернымъ норманомъ изъ жившихъ на сѣверѣ. Поэтому его хозяйство и носило лапландскій характеръ. Мы понимаемъ также, почему въ сагахъ нѣтъ ни слова объ оленяхъ у норманов. Что касается земледѣлія въ Норвегіи, то оно всюду, но въ особенности въ Галогаландѣ не можетъ за отсутствіемъ удобной земли процвѣтать теперь. «Та земля, пишетъ король, которая годится для пастбища и обработки, лежитъ у моря и все-таки она вся въ скалахъ». И Отеръ поэтому пахалъ немного, сколько понадобится, для обихода. Весьма значительный доходъ Отеру давали подати, которыя платили ему лапландцы. Состояли они изъ мѣховъ, изъ пуха, рыбьей кости и канатовъ, сдѣланныхъ изъ китовой и моржевой кожи. Все это на Орваръ-Оддсагѣ не оставило ни слѣда. Мнѣ кажется, что труднѣе всего было бы забыть сборъ дани, если только вообще Оддъ (=Отеръ) этимъ занимался. Отеръ могъ подмѣтить, что фины и біармійцы говорятъ почти на одномъ и томъ же языкѣ; но Оддъ не понимаетъ ни звука изъ разговора біармійцевъ. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что Отеръ вполнѣ владѣлъ «финскимъ» т. е. лапландскимъ языкомъ, такъ какъ получая отъ «финовъ» подати, онъ долженъ былъ, конечно, быть съ ними въ общеніи. Оддъ, выросшій въ Беруріодѣ, почти на югѣ Норвегіи, не имѣлъ случая познакомиться съ «финскимъ» языкомъ, а поэтому не могъ понять и рѣчи біармійцевъ.

Кромѣ того, нѣкоторыя подробности показываютъ, что сага имѣетъ въ виду время, когда земледѣліе получило уже перевѣсъ надъ скотоводствомъ. Ингіальдъ разспрашиваетъ вѣщунью прежде всего о погодѣ, о годовомъ урожаѣ [1]);

---

[1]) Ingjaldr búandi spurđi þá fyrst um veđráttu ok vetr. L, стр. 13^5.

это могло интересовать, конечно, только землепашца. Колдунья предсказываетъ ему, что онъ до старости будетъ жить въ Беруріодѣ, пользуясь общимъ уваженіемъ и въ большемъ почетѣ, и не только онъ самъ, но и его друзья [1]). Это желаніе управлять имѣніемъ до глубокой старости, это стремленіе установить за собой путемъ признанія патріархальныхъ отношеній извѣстный авторитетъ, могло быть идеаломъ только земледѣльческаго общества, оно не могло сложиться у китолововъ или скотоводовъ. Мы читаемъ, что Лоптгена получила въ наслѣдство отъ отца несмѣтныя богатства землями и чистыми деньгами [2]), и далѣе мы читаемъ, что Оддъ передъ смертью распоряжаясь своимъ имуществомъ, говоритъ: «хотя островъ (Рафниста) и малъ, но все же я хочу установить, кто чѣмъ долженъ владѣть» [3]). Отсюда видно, что оставляемое Оддомъ наслѣдство заключалось въ земельныхъ участкахъ. Какъ ни скудны эти указанія, тѣмъ не менѣе, они свидѣтельствуютъ о томъ, что условія жизни, которую изображалъ составитель Орваръ-Оддсаги, расходятся съ той обстановкой, въ которой жилъ Отеръ [4]).

Итакъ, записку короля и историческую основу саги приходится отнести къ различнымъ эпохамъ сношеній нормановъ съ Біармаландомъ. Отеръ—предпріимчивый море-

---

¹) þú skalt búa á Berurjóđri međ mikilli virđingu til elli. Má þér þat vera mikill vegr ok ǫllum þinum vinum. L, стр. 13⁸.

²) úgrynni fjar i jǫrđum ok lausum penningum. L, стр. 3⁹.

³) eyin er litils verđ þó vil ek ráđa hverr hafa skal. L, стр. 191⁹.

⁴) Въ связи съ этимъ я позволю себѣ устранить недоразумѣніе, вкравшееся въ переводъ Балобановой; въ немъ fé и fjár переводятся словомъ „скотъ“. Даже такія выраженія, какъ gripir и lausir penningar, переданы словами: много драгоцѣнностей и скота (стр. 118). Но это невѣрно; въ сагахъ fé означаетъ только богатство въ общемъ смыслѣ этого слова, а связь съ первоначальнымъ значеніемъ здѣсь уже утрачена (сл. перебой значенія того же корня въ латинскомъ языкѣ: pecus > pecunia). Если составитель саги желалъ указать, изъ чего слагалось богатство, то онъ прибавлялъ, какъ мы уже видѣли, i jǫrđum=землями, или же говорилъ о ganganda fé=объ идущемъ на ногахъ богатствѣ, то-есть о скотѣ. Но характерно то, что въ Орваръ-Оддсагѣ не встрѣчается ни разу упоминанія о домашнихъ животныхъ, исключая коня Факси.

плаватель; открывая новые пути, онъ охотится въ окрестностяхъ Біармаланда; онъ посѣщаетъ этотъ край и вторично, но тоже съ мирными намѣреніями. Оддъ же ѣдетъ съ цѣлью грабежа; его экспедиція подготовлена съ большимъ вниманіемъ; у него уже нѣсколько кораблей. Возможно, что Отеръ привозилъ біармійцамъ и оружіе, чего ни въ какомъ случаѣ не сталъ бы дѣлать Оддъ. Стало быть во времена Одда между норманами и біармійцами уже происходили враждебныя столкновенія, а потому намъ нечего удивляться, что Оддъ нашелъ у біармійцевъ плѣннаго норвежца. Оддъ сталъ героемъ послѣдующаго преданія, но уже не въ образѣ мирнаго мореплавателя, а въ видѣ настоящаго викинга. Объ Отерѣ же устныхъ традицій мы не нашли.

XVII.

Пѣсни о самсейскомъ боѣ.

Перейдемъ теперь ко второму главному разсказу Орваръ-Оддсаги—къ повѣствованію о самсейскомъ боѣ. То же событіе описывается и въ Герварарсагѣ и въ хроникѣ Саксона Грамматика. Въ редакціи S. Орваръ-Оддсаги этого разсказа нѣтъ, хотя по нѣкоторымъ признакамъ видно, что соотвѣтствующая часть рукописи затерялась чисто случайно. Въ началѣ XVIII вѣка, когда Біернеръ изучалъ нашу сагу, упомянутыхъ листовъ уже не было [1]). Герварарсага сохранилась въ двухъ редакціяхъ: одна записана въ такъ называемой Hauksbók и поэтому обозначается буквою H., другая содержится въ рукописномъ сборникѣ, извѣстномъ подъ заглавіемъ codex regius, и обозначается буквой R. Въ разсказѣ о самсейскомъ боѣ необходимо отличать прозу отъ многочисленныхъ, относящихся сюда стиховъ, такъ какъ проза и стихи расходятся между собою въ изложеніи самихъ фактовъ. Попытка Бура [2]) показать, что и проза основывается на разложившихся стихахъ, меня не убѣдила, тѣмъ болѣе, что содержаніе прозы, какъ это будетъ ука-

---

[1]) L, стр. I. Выше, стр.

[2]) L, стр. XLV.

зано ниже, во всѣхъ пунктахъ противорѣчитъ содержанію стиховъ. Такъ какъ стихи составляютъ отрывки старинной пѣсни и вслѣдствіе этого гораздо древнѣе прозы, то мы считаемъ наиболѣе правильнымъ начать нашъ разборъ со стиховъ. Редакція H. не сохранила ни одного стиха, а поэтому остаются только редакція R. Герварарсаги и редакція M. Орваръ-Оддсаги.

Уже при бѣгломъ чтеніи обѣихъ сагъ становится яснымъ. что Орваръ-Оддсага сохранила стихи въ болѣе полномъ видѣ: въ ней 20 строфъ, въ Герварарсагѣ всего 12. При томъ нужно замѣтить еще и то, что хотя нѣкоторые стихи Герварарсаги и не совсѣмъ согласуются съ Орваръ-Оддсагой, все же для всѣхъ строфъ первой находятся соотвѣтствія и во второй. Для нашего знакомства со стихами о самсейскомъ боѣ вполнѣ достаточно одной Орваръ-Оддсаги; Герварарсага вноситъ только нѣкоторыя разночтенія. Всматриваясь въ содержаніе этихъ стиховъ, мы замѣтимъ, что они относятся къ двумъ моментамъ боя. Совершенно ясно выдѣляется вторая группа: кромѣ первой вводной строфы сюда относятся стихи, которые вложены въ уста умирающаго Гіальмара и содержатъ предсмертную прощальную пѣснь героя. Примѣры такихъ пѣсенъ неоднократно встрѣчаются въ древнесѣверной литературѣ, вспомнимъ только о Старкадѣ, Рагнарѣ Лодброкѣ, Гудрунѣ и, наконецъ, о героѣ древненѣмецкаго эпоса—Гильдебрандѣ. Первая группа, состоящая всего изъ восьми строфъ, описываетъ положеніе дѣла до единоборства, но не производитъ столь цѣльнаго впечатлѣнія, какъ предсмертная пѣснь Гіальмара. Однако, я полагаю, что и изъ сохранившихся стиховъ можно возстановить пѣснь такъ, что она будетъ вполнѣ понятна сама по себѣ, и что для этого не потребуется никакихъ другихъ объясненій кромѣ тѣхъ прозаическихъ вставокъ, которыя сплошь да рядомъ попадаются въ эддическихъ пѣсняхъ.

Такой опытъ уже былъ предпринятъ Вигфуссономъ [1]).

---

[1]) Corpus poeticum boreale I, стр. 159—163; см. еще вышеназванныя статьи Гейнцеля и Буръ. L, стр. XXXVIII—XLVIII и Afnf. VIII, стр. 112—123.

Онъ вкладываетъ отдѣльныя строфы въ уста Одда, Гіальмара и Ангантира. По моему мнѣнію, необходимо имѣть въ виду, во-первыхъ, что имя Одда въ самыхъ пѣсняхъ не упоминается, во-вторыхъ, что во всемъ этомъ разсказѣ Одду принадлежитъ лишь второстепенная роль. Поэтому можно смѣло предположить, что первичными героями нашего сказанія были Гіальмаръ и Ангантиръ, а не Гіальмаръ и Оддъ. Гейнцель [1]) хочетъ перенести нѣкоторые стихи въ предсмертную пѣснь Одда (ævidrapa), но по только что изложенной причинѣ я считаю и это невозможнымъ. Итакъ, уже самый замыселъ Вигфуссона превратить первую группу стиховъ въ діалогъ между Оддомъ и Гіальмаромъ надо признать вполнѣ неудачнымъ. Для достиженія поставленной цѣли Вигфуссону приходится опустить цѣликомъ строфы 8 и 9, три послѣднихъ стиха строфы 11, первыхъ два стиха строфы 12 и всю строфу 14—Орваръ-Оддсаги. Сохранивъ всѣ отрывки Герварарсаги въ томъ же порядкѣ, какъ и въ сагѣ, Вигфуссонъ изъ Орваръ-Оддсаги вставляетъ одну строфу 10. Мнѣ кажется, что авторъ Герварарсаги нарочно ограничился наименьшимъ количествомъ стиховъ, потому что этотъ разсказъ занималъ въ ней второстепенное мѣсто; въ Орваръ-Оддсагѣ же самсейскій бой считается однимъ изъ главныхъ подвиговъ героя. Желая возстановить первоначальный видъ пѣсни, нельзя оставить безъ вниманія то, чего нѣтъ въ Герварарсагѣ. Съ Вигфуссономъ я согласенъ лишь въ томъ, что въ возстановляемой пѣснѣ обмѣнивались стихами двое, но не Оддъ и Гіальмаръ, какъ думаетъ Вигфуссонъ, а Гіальмаръ и Ангантиръ. Это явствуетъ изъ строфъ 12, 13, 14 и 15. Тутъ врагъ обращается къ врагу, а не товарищъ къ товарищу.

Итакъ, сразу же становится яснымъ слѣдующее:

1) Строфа 15_{3-4} заканчивала пѣснь; за ней могло слѣдовать только описаніе боя, которому не посвящено ни одного стиха. Остается только предположить, что описаніе самаго боя вовсе не входило въ содержаніе старинной пѣсни.

---

[1]) AfdA. XVI, стр. 127.

2) Строфы 12_{3-4} и 13 заключали въ себѣ параллельныя выраженія и должны стоять поэтому вмѣстѣ.

3) Строфы 14_{1-2} и 15_{1-2} также заключали параллельныя выраженія и стояли въ началѣ пѣсни, такъ какъ въ нихъ говорится о приходѣ враговъ на мѣсто встрѣчи; изъ нихъ строфу 14 могъ говорить только Ангантиръ.

4) Строфы 9_{1-2} и 11_{4-5} составляютъ одну строфу: этого требуетъ полнѣйшій параллелизмъ обоихъ двустишій.

5) Строфы 11_{1-3} и 12_{1-2} могли быть антитезой; если первые стихи произноситъ Гіальмаръ, то вторые должны принадлежать врагу—Ангантиру; обозначеніе hjaldrviþom слишкомъ благородно для берсерковъ и можетъ означать только героевъ пѣсни.

6) Строфа 11_{1-3} лишена второго стиха, который составлялъ бы параллель къ первому.

7) Къ строфѣ 13 относится то же замѣчаніе.

Теперь приступимъ къ возстановленію старинной пѣсни на основаніи сдѣланныхъ нами наблюденій. Путаница въ Орваръ-Оддсагѣ возникла, во-первыхъ, потому что составитель ея хотѣлъ отвести главную роль Одду; во-вторыхъ, онъ долженъ былъ и тѣ строфы, которыя носили явно повѣствовательный характеръ, превратить въ разговорныя. Гейнцель совершенно напрасно думаетъ, что наша пѣснь должна была составлять сплошной разговоръ; очень часто въ народной эпикѣ положеніе дѣла намѣчается въ особыхъ повѣствовательныхъ стихахъ.

Первая строфа предполагаемой нами пѣсни естественно должна называть главныхъ дѣйствующихъ лицъ, ихъ родъ и происхожденіе. Этому требованію отвѣчаетъ строфа 8 Орваръ-Оддсаги. Правда, авторы Eddica minora [1]) полагаютъ, что эта строфа не принадлежала первоначально къ разсказу о самсейскомъ боѣ, а представляла собой самостоятельное перечисленіе именъ—Katalogstrophe, такъ часто встрѣчаемое въ древнесѣверной литературѣ. Въ такомъ случаѣ пришлось бы устранить эту, первую, строфу. Положимъ, что самый разсказъ отъ такого сокращенія ничуть

[1]) Стр. XC и стр. 105.

не пострадаетъ. Если необходимо выкинуть что нибудь изъ ея пяти стиховъ, то вопросъ можетъ быть лишь о второмъ стихѣ. Редакція R. въ прозѣ перечисляетъ только: Angantŷr, Hioruarđr, Heruarđr, Hrani, Hađđingjar II и прибавляетъ: ei ero nefndir fleiri (Herv. 300). Отчего же редакція R. не называетъ Tindr и Tyrfingr? Потому что Tyrfingr сдѣлалось названіемъ меча, а вслѣдствіе этого выпала и аллитерація Tindr. Далѣе, въ пѣснѣ Эдды Hyndluljóđ, гдѣ также перечисляются имена 12 берсерковъ, стихи I и III вполнѣ сходятся съ Орваръ-Оддсагой; имѣна же, входящія во второй стихъ, не согласуются между собой:

Орваръ-Оддсага:	Bildr,	Bue [1]),	Barre,	Tóke;
Hyndluljóđ . .	Bue,	Bráme,	Barre,	Reifner [2]);
Саксонъ . . .	Brander,	Biarbi,	Brodder,	Hiarrandi.

Послѣдняя пара стиховъ разбираемой строфы повторяется въ Hyndluljóđ и, слѣдовательно, ихъ подлинность не подлежитъ сомнѣнію.

Вторая строфа, по моему мнѣнію, должна сообщать о томъ, что сдѣлали берсерки. Начало слѣдующей строфы Орваръ-Оддсаги не годится для продолженія, потому что повѣствованіе ведется еще въ третьемъ лицѣ, а тутъ мы имѣемъ: þá frák; эти стихи слѣдуетъ сохранить для діалога. Зато превосходно подходятъ стихи 3 и 4 той же строфы:

þeir berserker bǫls of fylder
tvau skip hruþo tryggra manna.

Сравнивая второй стихъ съ послѣднимъ стихомъ строфъ 10 и 14, мы поймемъ, что это—заключительный стихъ. Главный принципъ построенія эддическихъ пѣсенъ, это параллелизмъ выраженія и симметрія двухъ или нѣсколькихъ строфъ. Только благодаря этому закону мы надѣемся на успѣхъ нашего возстановленія. Гдѣ же теперь найти первые стихи для второй строфы? Сравнивая строфу 15 Орваръ-Оддсаги со строфой 4 Герварарсаги мы увидимъ,

---

[1]) Редакція E: Bragi.

[2]) Редакція H Герварарсаги повторяетъ имена изъ Эдды.

что стихи 1 и 2 первой находятся не на своемъ мѣстѣ [1]). Во-первыхъ, они не связаны общимъ смысломъ, т. е. нисколько не поясняютъ стиховъ 3 и 4; во-вторыхъ, они въ Герварарсагѣ поставлены въ другой связи (сл. строфу 2). Въ Орваръ-Оддсагѣ строфа 15 легко могла находиться подъ воздѣйствіемъ строфы 14. Нужно думать, что и составитель саги стремился къ извѣстному эпическому параллелизму, хотя въ этомъ мѣстѣ онъ постарался некстати:

Строфа 14: it eroþ haler harþer komner,

легко могла вызвать:

Строфу 15: hér ero rekkar reiþer komner,

тѣмъ болѣе, что редакціи М. и В. вмѣсто rekkar имѣютъ halir, а В. вмѣсто reiþer—harđir. Редакція В. даетъ почти полное повтореніе строфы 14:

þit eruđ halir harđir komnir.

Поэтому мы отдаемъ предпочтеніе версіи Герварарсаги:

fara halir hraustir af herskipum.

Этотъ варіантъ навѣрное стоялъ и въ Орваръ-Оддсагѣ, что доказывается замѣткой въ редакціи А.: af tréskipum traustir drengir; эта замѣтка въ испорченномъ видѣ передаетъ стихъ Герварарсаги. Изъ сличенія строфы 2 Герварарсаги со строфой 12 Орваръ-Оддсаги явствуетъ, почему мы считаемъ себя въ правѣ отдѣлять стихи 1 и 2 отъ послѣдующихъ. Vid munum—указываетъ на разговорную часть пѣсни.

Теперь пора вывести на сцену Гіальмара и его товарища. Это и дѣлаетъ строфа 14. Гдѣ теперь она помѣщена, тамъ она является лишь запоздалымъ объясненіемъ. Такъ какъ не только въ прозѣ эта строфа влагается въ уста Ангантира, но и въ самомъ первомъ стихѣ рукописей М. и А. мы читаемъ: segir hann, то я думаю, что именно съ этого мѣста начинается діалогъ между Ангантиромъ и его противникомъ. Послѣднимъ былъ понятно не Оддъ, а Гіальмаръ. O'r hlynviþe (строфа 14_2) только съ точки зрѣ-

[1]) То же самое наблюденіе въ Eddica minora, стр. LVIII: auch ist die Verbindung der beiden Strophenhälften nicht über allen Zweifel erhaben.

нія Бура [1]) можетъ казаться поздней прибавкой. Также слѣдуетъ рѣшительно протестовать противъ исправленія hlynviþe въ hlunnviði = корабль [2]). Тогда приходится приписывать эти слова Гіальмару, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы лишаемъ себя весьма характерной подробности разсказа. Гіальмаръ и Оддъ выходятъ изъ лѣсу, гдѣ они рубили дерево для руля, какъ гласитъ древнее сказаніе у Саксона и проза Орваръ-Оддсаги. O'r hlynviþe—очень важная подробность; она связываетъ только что названныя версіи съ древней пѣсней и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на то, что строфу 14 могъ говорить только Ангантиръ.

Слѣдующія строфы принадлежатъ Гіальмару. Онъ передаетъ впечатлѣніе, произведенное на него берсерками. Сперва онъ описываетъ ихъ внѣшній видъ и констатируетъ фактъ ихъ нападенія на корабли (строфа 10). Затѣмъ онъ высказываетъ свое возмущеніе по поводу этого преступленія. Для этого изъ строфъ 9_{1-2} и 11_{4-5} составляется такое классическое выраженіе, что не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что эти стихи составляютъ одно цѣлое. Теперешнее ихъ размѣщеніе ничѣмъ не обосновано и кромѣ того нисколько не поддерживается Герварарсагой (сл. строфу 11 Орваръ-Оддсаги съ строфой 1 Герварарсаги). Подъ конецъ Гіальмаръ не можетъ не выразить своего ужаса при видѣ этой дикой шайки (строфа 1 Герварарсаги и строфа 11 Орваръ-Оддсаги). Въ первомъ мѣстѣ я нахожу стихъ 4 излишнимъ, во второмъ уже нами использованы стихи 4 и 5.

Издатели Eddica minora [3]) включаютъ строфы 9 и 11 Орваръ-Оддсаги въ посмертную пѣснь Орваръ-Одда; единственнымъ поводомъ для этого являются начальныя стихи—die eigenartige Eingangszeile. Строфу 11 Орваръ-Оддсаги они оставляютъ въ томъ видѣ, какъ въ Герварарсагѣ. Но получается очень некрасивая, если не невозможная строфа;

[1]) Сл. L, стр. XLI.
[2]) Eddica minora, стр. LVIII.
[3]) Ср. стр. XLV и стр. 56.

обыкновенно строфы древнесѣверной поэзіи распадаются на двѣ равныя половины, и параллелизмъ выраженія вводится симметрично, корреспондируютъ стихи 1 и 3, 2 и 4, но отнюдь не 2 и 3, что разбило бы строфу на три неравныя части: стихи 1 и 2+3 и 4.

Изъ настроенія Гіальмара Ангантиръ предвидитъ исходъ боя и вызывающе обращается къ противникамъ въ строфѣ 12 Орваръ-Оддсаги = строфѣ 2 Герварарсаги. Послѣднія слова принадлежатъ Гіальмару: въ духѣ пѣсеннаго склада онъ, прибѣгая къ перестановкѣ словъ, отвергаетъ пожеланіе Ангантира (строфа 13 Орваръ-Оддсаги = строфѣ 3 Герварарсаги) и проситъ только объ одномъ, чтобы не всѣ напали на него разомъ, но чтобы соблюдались правила честнаго боя.

Этимъ заявленіемъ могла окончиться первая пѣснь. Описаніе самаго боя не входило въ составъ пѣсни, эпическая задача которой заключалась лишь въ томъ, чтобы намѣтить ситуацію и разсказать то, что необходимо для пониманія лирико-драматическихъ сценъ.

Изъ возстановленной нами пѣсни выясняется еще то, что составитель Герварарсаги старался приводить не разбросанные отрывки, но нѣчто цѣлое, а именно—конецъ. Составителямъ какъ той такъ и другой саги предстояло согласовать старинную пѣснь съ образовавшейся новой традиціей: составитель Герварарсаги, предвидя всѣ трудности и не имѣя особой надобности настаивать на радикальной переработкѣ, ограничился приведеніемъ конца пѣсни; составитель Орваръ-Оддсаги имѣлъ нѣкоторое основаніе сохранить всю пѣснь, но при этомъ долженъ былъ всячески подчеркивать участіе Одда: для этого ему пришлось сдѣлать не одно измѣненіе въ текстѣ пѣсни, не одну перестановку въ порядкѣ отдѣльныхъ строфъ. Я думаю, что существенныхъ пробѣловъ въ возстановленной мною пѣснѣ нѣтъ; объ отдѣльныхъ же ея мѣстахъ понятно можно спорить. Издатели Eddica minora предполагая, что наши стихи возникли въ концѣ XII вѣка, сочли нужнымъ возстановить и болѣе древнія формы языка; но сперва, кажется мнѣ, слѣдуетъ притти къ соглашенію относительно

самаго вида пѣсни. Выписываю здѣсь первую пѣснь о самсейскомъ боѣ, какъ я ее себѣ представляю [1]):

1. Hervarþr, Hjǫrvarþr, Hrane, Angantýr,
. . . .
Tindr ok Tyrfingr, tveir Haddingjar,
þeir í Bolmr austr borner vǫro
Arngríms syner ok Eyfuro.

2. Fara haler hrauster af herskipom
tolf menn saman tírar lauser,
þeir berserker bǫls of fylder
tvau skip hruþo tryggra manna.

Angantýr kvađ:
3. Hér'ro haler harþer komner
ór hlynviþe . . . .
. . . .
ero fǫronautar fallner ykkrer.

Hjálmarr kvađ:
4. Menn sék ganga frá Munarvǫgom
gunnar gjarna í grǫm serkjom;
þeir hafa reiþer rómo háþa,
ero okkor skip auþ á strǫndo.

5. þá frák manna meinúþgasta
ógjarnasta gótt at vinna;

[1]) 1. Гервардъ, Гіорвардъ, Ране и Ангантиръ... Тиндъ и Тирфингъ, оба Гаддинги, всѣ они родились на востокѣ въ Больмѣ, сыновья Арнгрима и Эйфуры.

2. Идутъ храбрые мужи съ кораблей, всего ихъ двѣнадцать, безчестныхъ; эти-то берсерки, полные злости, лишили оба корабля вѣрныхъ людей.

3. Ангантиръ сказалъ: „Вотъ выходятъ изъ лѣсу сильные воины... Убиты ваши спутники!"

4. Гіальмаръ сказалъ: „Я вижу мужей, поднимающихся съ водъ Мунарвагаръ, жаждущихъ боя, въ сѣрыхъ броняхъ; яростные они взалкали боя; корабли наши опустошены у берега.

5. „Теперь я узналъ людей самыхъ зловредныхъ, всего менѣе склонныхъ дѣлать добро; теперь я узналъ мужей самыхъ злоумышленныхъ, всего болѣе склонныхъ дѣлать вредъ.

þá frák fyrþa fláráþasta
óþrauþasta ilt at vinna.

6. þá vas mér ótte eino sinne
. . . .
es grenjande gengo af ǫskom
ok emjande í ey stigo.

Angantýr kvađ:

7. Hliþom ver fyrer hjaldrviþom
aldre þót okr atalt þykke;
skolo í aptan O'þen gista
tveir fóstbröþr en ver tolf lifa

Hjálmarr kvađ:

8. því munk orđi ansvǫr veita
. . . .
skolo í aptan O'þen gista
tolf berserker, en vit tveir lifa.

9. Einn skal viþ einn orrostu heyja
hvatra drengja nema hugr bile.

Второй пѣснѣ могло предшествовать краткое прозаическое введеніе, какъ это мы видимъ во многихъ мѣстахъ Эдды. Быть можетъ, въ двухъ трехъ предложеніяхъ сообщалось, какъ было убито 11 братьевъ. О томъ и теперь повѣствуется въ Орваръ-Оддсагѣ (L, стр. 101[11]) и въ Герварарсагѣ (стр. 306). Затѣмъ могли стоять вотъ какія слова: «тогда всталъ Ангантиръ и выступилъ въ бой противъ Гіальмара. Борьба ихъ была жестока и продолжительна, и единоборство закончилось тѣмъ, что Ангантиръ

---

6. „Теперь единственный разъ испыталъ я страхъ..., когда они съ воемъ вышли съ кораблей и съ крикомъ вступили на островъ".

7. Ангатиръ сказалъ: „Мы не отступимъ предъ этими древами въ бою, какъ страшны бы они ни казались; къ вечеру оба брата будутъ гостить у Одина, мы же двѣнадцать [останемся] въ живыхъ".

8. Гіальмаръ сказалъ: „Однимъ словомъ я дамъ имъ отвѣтъ...: будутъ къ вечеру двѣнадцать берсерковъ гостить у Одина, мы же оба [останемся] въ живыхъ.

9. „Пусть только выступаютъ въ бой, одинъ на одного, храбрые витязи, пока хватитъ у нихъ духу".

упалъ къ ногамъ Гіальмара. Тогда Гіальмаръ пошелъ къ холму и опустился на землю. Къ нему подходитъ его товарищъ и спрашиваетъ: Что съ тобой, Гіальмаръ? и т. д.» [1]). Со слѣдующей строфы начинается прощальная пѣснь Гіальмара. Своимъ общимъ построеніемъ она напоминаетъ другія, подобныя пѣсенныя жалобы, въ которыхъ герой проводитъ параллель между своимъ собственнымъ горестнымъ положеніемъ и тѣмъ, что происходитъ въ данное время у него на родинѣ, тѣмъ, что дѣлаютъ тамъ любимыя имъ лица. Гіальмаръ вспоминаетъ о красавицахъ, оставленныхъ имъ въ Швеціи, и въ особенности объ одной изъ нихъ, умной и доброй, сидящей въ замкѣ въ Сигтунѣ. Ему чудится пѣніе дѣвицъ, онъ видитъ свой отъѣздъ, онъ видитъ, какъ его провожаетъ дочь короля, слышитъ, какъ она шепчетъ ему на прощаніе роковыя слова: тебѣ не вернуться. На родинѣ у него пять помѣстій, но ихъ онъ не увидитъ. Передъ глазами умирающаго проносится картина королевскихъ палатъ: на скамьяхъ сидитъ множество ярловъ, течетъ медъ, царитъ веселье. Слышится шумъ, то летитъ воронъ; чуя добычу, летятъ орлы...

Что касается отношенія обѣихъ редакцій другъ къ другу, то опять Герварарсага сохранила меньше строфъ т. е. восемь, а Орваръ-Оддсага—двѣнадцать. Разногласій особыхъ нѣтъ, хотя, вѣроятно, порядокъ строфъ въ Орваръ-Оддсагѣ нуждается въ нѣкоторыхъ перестановкахъ [2]). Но и такъ смыслъ и красота этой пѣсни не оставляетъ желать ничего лучшаго.

XVIII.

Прозаическіе разсказы о самсейскомъ боѣ.

Постараемся вкратцѣ опредѣлить содержаніе того сказанія, о которомъ говорятъ наши пѣсни. Гіальмаръ и его спутникъ пристали къ острову и отправились въ лѣсъ.

[1]) Почти буквальный переводъ текста Орваръ-Оддсаги, L, стр. 101—2

[2]) Сл. проектъ Вигфуссона, наблюденія Бура L, стр. XLIII, и, наконецъ, Eddica minora, стр. XXXVII; сл. и стр. 49 сл.

Случайно берсерки находятъ корабли и убиваютъ людей. Бой между берсерками и Гіальмаромъ неминуемъ. Гіальмаръ предлагаетъ, чтобы сражались съ нимъ поодиночкѣ. Бой кончается тѣмъ, что Гіальмара смертельно ранятъ. Изъ послѣдней его пѣсни мы узнаемъ, что у него богатыя помѣстья въ Швеціи, и что онъ помолвленъ съ дочерью тамошняго короля. Пѣсни совершенно не знаютъ о преднамѣренности встрѣчи Гіальмара съ берсерками и о доблестномъ спутникѣ Гіальмара—Оддѣ. Изъ прозы Герварсаги (стр. 303) вытекаетъ, что товарищъ Гіальмара имѣетъ значеніе второстепенное. Онъ предлагаетъ бѣжать въ лѣсъ: немыслимо-де, чтобы двое могли сражаться противъ тѣхъ 12 берсерковъ, которые уже въ Швеціи побѣдили 12 самыхъ сильныхъ мужей. На что намекаетъ тутъ сага, не знаю. Но это упоминаніе предполагаетъ, во-первыхъ, что сыновья Арнгрима дѣйствовали раньше въ Швеціи—они вѣдь и рождены í Bolmr austr, во-вторыхъ, что и товарищъ Гіальмара могъ быть оттуда же родомъ, такъ какъ ему хорошо извѣстны подвиги берсерковъ въ Швеціи. Гіальмаръ самъ называетъ его Соти [1]).

Приблизительно въ томъ же видѣ и Саксонъ передаетъ разсказъ о самсейскомъ боѣ, только съ той разницей, что Оддъ уже сталъ главнымъ лицомъ сказанія. Но и тутъ встрѣча совершенно случайна. Согласно предсказанію, берсерки подобно огню несутся по землямъ и водамъ [2]). Съ дѣтства они ведутъ разбойничью жизнь. Приставъ однажды къ острову, они находятъ два корабля. Они убиваютъ всѣхъ людей, но не знаютъ, остался ли кто нибудь изъ экипажа въ живыхъ. Размѣстивъ трупы по скамьямъ у веселъ, они удостовѣряются, что дѣйствительно недостаетъ рулевыхъ. Тогда они рѣшаются обождать ихъ возвращенія. Между тѣмъ Гіальмаръ и Оддъ отправились въ лѣсъ, чтобы срубить себѣ новый руль. Встрѣтившись съ берсерками, Оддъ

---

[1]) Сл. L, строфу 19:
hvarfk frá fǫgrom fljóþa sǫngve
ótrauþr gamans út meþ Sóta.

[2]) Hyndluljóđ строфа 24: um lǫnd ok um lǫg sem logi fœri.

размахивая полуготовымъ рулемъ, какъ дубиной, убиваетъ всѣхъ двѣнадцать враговъ [1]). Вся слава на сторонѣ Одда, о паденіи Гіальмара упоминается только мимоходомъ. Вѣроятно, Саксонъ зналъ сказаніе о самсейскомъ боѣ только по наслышкѣ, не имѣя понятія о самихъ пѣсняхъ, иначе онъ, какъ восторженный любитель древней поэзіи, не преминулъ бы включить въ свою хронику кое-какіе отрывки. Поэтому онъ не упоминаетъ объ Ингибіоргѣ. Но прозаическое преданіе, знакомое Саксону, перенесло весь интересъ уже на Орваръ-Одда.

Въ прозѣ Орваръ-Оддсаги наше сказаніе въ сущности еще стоитъ на той же ступени развитія, какъ и у Саксона. Встрѣча вполнѣ случайна: Оддъ и Гіальмаръ плывутъ вдоль берега для своего удовольствія [2]). Однажды подулъ свѣжій вѣтеръ и ихъ забросило на островъ Самсей. Они устроились на-ночь, бросивъ якорь и раскинувъ палатки. Но во время послѣдней бури отломилась часть мачты [3]). При восходѣ солнца Оддъ и Гіальмаръ отправляются въ лѣсъ. Ихъ люди продолжаютъ спать. На нихъ нападаютъ берсерки и безъ труда убиваютъ застигнутый врасплохъ экипажъ. Послѣ этой легкой побѣды берсерки выражаютъ свое неудовольствіе; недовольны они тѣмъ, что отецъ ихъ на-

---

[1]) Hi ab adulescencia piratico muneri incumbentes, uno omnes forte nauigio Sampso insulam aduecti, duas in maritimis naves Hialmeri atque Aruaroddi piratarum reperiunt; quas pugna adorti, remigibus vacuefecere atque an gubernatores oppressissent incerti, interfectorum corpora suis queque traustris aptantes quesitos abesse cognoscunt... Quippe Hialmerus atque Aruaroddus, quorum iampridem, abrupto gubernaculo tempestas nauigia nemus ingressi... Quod cum humeris impositum socie cladis ignari deferrent, ab Ofure filiis, recenti oppressorum cruore madentibus, lacessiti, duo cum pluribus ferro decernere coacti sunt. Nec par quidem congressus exstabat, cum geminam bissena manus exciperet. Ceterum victoria numero non respondit. Interfectis enim omnibus Ofure filiis oppressoque ab hisdem Hialmero, victorie Aruaroddum titulus non fefellit quem solum ex tanto sociorum agmine fortuna residuum fecit. Qui informem adhuc gubernaculi truncum incredibili libratum nisu tanta ui hostium adegit corporibus, ut duodecim unico eius impulsu contusos elideret... Saxo, стр. 250—1.

[2]) til skemtunar, L, стр. 94^{21}.

[3]) hnisa=a kind of weathercock on a ship (Vigfusson).

прасно расхваливалъ викинговъ, которые на самомъ дѣлѣ ничего страшнаго изъ себя не представляютъ. Ангантиръ же предостерегаетъ своихъ братьевъ говоря, что начальники сошли на берегъ. Но это мѣсто насъ не должно смущать: оно ничуть не доказываетъ, что берсерки заранѣе знали о пріѣздѣ Гіальмара. Вѣдь далѣе [1]) враги обмѣниваются вопросами объ имени и о родѣ-племени. Значитъ, предостереженіе отца было самаго общаго характера. Можетъ быть, оно было вызвано какимъ нибудь сновидѣніемъ, о чемъ рѣчь ниже. И, по разсказу Саксона, берсерки не знаютъ, убили ли они всѣхъ [2]). Но это не значитъ, чтобы берсерки искали опредѣленныхъ лицъ, заранѣе имъ извѣстныхъ. Происходитъ встрѣча. Въ Орваръ-Оддсагѣ оба побратима замѣчаютъ берсерковъ въ то время, какъ на тѣхъ напало бѣшенство; это вполнѣ согласуется съ пѣсней [3]). Герварарсага особо подчеркиваетъ, что тогда уже бѣшенство берсерковъ прошло [4]). Затѣмъ Орваръ-Оддсага отступаетъ уже отъ разсказа Саксона. У Саксона Оддъ добываетъ себѣ руль = gubernaculum. Понятно, Оддъ могъ пользоваться рулемъ, какъ дубиной. Обломокъ мачты былъ не такъ удобенъ. Поэтому Оддъ еще разъ отправляется въ лѣсъ и добываетъ себѣ дубину; подобный случай былъ уже съ нимъ въ Біармаландѣ. Но это отступленіе не важно. Болѣе страннымъ можетъ показаться то, что Гіальмаръ знаетъ имена берсерковъ (L., стр. 97[15]). Но, съ другой стороны, этому противорѣчитъ то обстоятельство, что Оддъ потомъ узнаетъ отъ самихъ берсерковъ, какъ зовутъ ихъ (L., стр. 100). Страхъ, который нападаетъ на Одда и Гіальмара, также указываетъ на неожиданность ихъ встрѣчи съ берсерками (L., строфы 11 и 12). Затѣмъ обѣ стороны весьма обстоятельно сговариваются объ условіяхъ боя.

Въ Орваръ-Оддсагѣ заключаютъ условія главнымъ образомъ Ангантиръ и Гіальмаръ. Если вспомнить о пѣсняхъ, въ которыхъ Гіальмаръ стоитъ на первомъ планѣ, то мы

---

[1]) L, стр. 100.

[2]) an gubernatores oppressissent incerti...

[3]) es grenjande gengo af ǫskom...

[4]) uar þá genginn af þeim berserks gangrinn (Herv., стр. 302[22]).

найдемъ вполнѣ естественнымъ, что онъ хочетъ взять на себя болѣе тяжелую долю борьбы. Никакого доказательства личнаго соперничества съ Ангантиромъ, какъ это думаетъ Буръ [1]), я въ этой подробности не вижу. Пусть даже Гіальмаръ въ другихъ разсказахъ этой же саги уступаетъ Одду въ готовности къ борьбѣ и въ проявленіи собственной воли: въ первомъ случаѣ составитель саги находится въ зависимости отъ вліянія старинной пѣсни, въ послѣднихъ же разсказахъ онъ придумываетъ новое, а именно—эпизоды, относящіеся къ Одду. Другое дѣло, Герварарсага: тамъ враги не договариваются, потому что между ними поединокъ уже рѣшенъ; словъ терять нечего. Увидя у Ангангантира въ рукахъ чудодѣйственный мечъ Тирфингъ, Оддъ предлагаетъ въ послѣднюю минуту замѣнить собой Гіальмара въ виду того, что онъ больше надѣется на свою сорочку, чѣмъ на броню Гіальмара. Изъ Орваръ-Оддсаги это заявленіе Одда попало въ Герварарсагу (стр. 305), гдѣ оно сохранилось даже въ болѣе цѣльномъ видѣ. Объ этой бронѣ упоминается въ самихъ пѣсняхъ [2]), но въ ней нѣтъ ничего особеннаго: она была сдѣлана изъ нѣсколькихъ рядовъ колецъ, и носившій ее Гіальмаръ никогда не былъ раненъ [3]). Вотъ и все. Понятно, что особенно положиться на нее нельзя, что она уступаетъ въ надежности сорочкѣ Одда. Отсюда новая подробность Орваръ-Оддсаги [4]): Оддъ напередъ знаетъ исходъ борьбы; онъ знаетъ, что Гіальмару не спастись отъ ударовъ меча Тирфинга. Гіальмаръ находится подъ вліяніемъ какого то фаталистическаго предчувствія; оно внушено ему невѣстой при прощаніи [5]). На предостереженіе Одда Гіальмаръ только и можетъ сказать: чтобы ни вышло, пусть будетъ по моему [6]). Когда опасе-

---

1) Afnf. VIII, стр. 118.

2) Строфы 16 и 17.

3) ek hefi brynju þá er ferfǫldum hringum er gör ok hefi ek aldri ordit sárr i henni (L, стр. 101).

4) L, стр. 101³ и 102⁷.

5) saga mon sannask sús hón sagþe mér, at aptr koma eige mundak (L, строфа 20).

6) Hvernig sem ferr, þá skal ek þó ráđa (L, стр. 104⁴).

ніе сбылось, Гіальмаръ говоритъ, что для всякой смерти долженъ быть поводъ [1]). Итакъ, составитель Орваръ-Оддсаги съ удивительной тонкостью провелъ до конца характерную черту, едва намѣченную въ пѣсняхъ. Для составителя Герварарсаги мотивировка въ этомъ мѣстѣ представлялась куда проще: Гіальмаръ наотрѣзъ отказывается отъ предложенія Одда помочь ему противъ Ангантира въ виду того, что онъ борется за свою любовь. Онъ безъ боязни, рѣшительно, вступаетъ въ единоборство съ Ангантиромъ—í þetta einvigi [2]). Этому нисколько не мѣшаетъ то обстоятельство, что Оддъ во время единоборства убиваетъ 11 остальныхъ берсерковъ. Въ Герварарсагѣ описывается дуэль двухъ соперниковъ, происходящая по всѣмъ правиламъ искусства. Въ Орваръ-Оддсагѣ ничего подобнаго нѣтъ. Враги встрѣтились случайно, не зная другъ друга. Силы неравны. Какъ честные викинги, они договариваются, какъ уровнять силы обѣихъ сторонъ. Такъ же совершенно поступилъ и Гіальмаръ, когда въ первый разъ встрѣтился съ Оддомъ: у него 15 кораблей, у Одда всего 5; но Гіальмаръ обѣщаетъ вести борьбу только на 5 корабляхъ [3]). Точно также и теперь берсерки разбиваются на двѣ равныхъ по силамъ группы: Ангантиръ, который борется за двухъ, и четыре берсерка образуютъ одну группу; пять берсерковъ и оба Гаддинги, которые шли за одного—другую [4]). Согласно съ этимъ и самый бой описывается различно въ обѣихъ сагахъ: тамъ сражаются всѣ единовременно, здѣсь сперва Оддъ, потомъ Гіальмаръ. Орваръ-Оддсага болѣе соотвѣтствуетъ пѣсенному содержанію, Герварарсага соблюдаетъ обычаи единоборства.

Послѣдняя часть нашего разсказа передается пространно только въ Орваръ-Оддсагѣ; составитель Герварарсаги сократилъ ее, такъ какъ ни Гіальмаръ, ни Оддъ не входили въ программу его повѣствованія. Послѣ несчастнаго боя

---

1) deyja verðr hverr um sinn sakir (L, стр. 102[10]).

2) Herv., стр. 305.

3) L, стр. 62—3.

4) L, стр. 100.

Оддъ хоронитъ трупы берсерковъ. Трупъ же Гіальмара онъ отвозитъ въ Швецію и кладетъ къ ногамъ короля. Ингибіоргѣ онъ приноситъ кольцо; при видѣ его она падаетъ замертво. Такъ вмѣстѣ ихъ и похоронили. Пусть послѣ смерти нарадуются другъ на друга, если не успѣли нарадоваться при жизни, замѣчаетъ Оддъ [1]). Буръ [2]) видитъ намекъ на мотивъ соревнованія въ одной простой подробности Орваръ-Оддсаги: Ингибіорга шьетъ Гіальмару сорочку [3]). Но самое бо́льшее, о чемъ это упоминаніе можетъ говорить, это то, что Ингибіорга и Гіальмаръ были помолвлены. Предсмертная пѣснь Гіальмара вѣдь и показываетъ именно такое положеніе дѣлъ. Но это, возражаетъ Буръ [4]), не соотвѣтствуетъ прежнему разсказу объ отношеніи шведскаго короля къ Гіальмару. Если это такъ, то составитель саги впалъ въ противорѣчіе, легко, впрочемъ, объяснимое. До разсказа о самсейскомъ боѣ онъ только сочинялъ, выдумывалъ, не руководствуясь никакимъ образцомъ; здѣсь же онъ находился уже подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пѣсеннаго содержанія. По той же причинѣ и характеристика Гіальмара у него раздваивается: въ первыхъ разсказахъ вся инціатива принадлежитъ Одду, въ описаніи самсейскаго боя—рѣшающимъ лицомъ является Гіальмаръ. Но неужели позволеніе короля похоронить трупъ убитаго Гіальмара вмѣстѣ съ трупомъ Ингибіорги является признакомъ особенно дружелюбнаго отношенія къ Гіальмару? Что же ему оставалось дѣлать? Я въ поведеніи короля никакого противорѣчія не вижу: онъ отказался выдать свою дочь за Гіальмара; когда же они умерли, онъ хоронитъ ихъ трупы вмѣстѣ. Что же касается спорнаго мѣста о шитьѣ Ингибіорги, то оно могло быть просто общимъ мотивомъ: въ среднескандинавскихъ балладахъ красавицы постоянно шьютъ своимъ рыцарямъ рубашки.

Хотя въ Орваръ-Оддсагѣ самсейскій бой описывается

---

[1]) L, стр. 94—108.

[2]) Afnf. VIII, стр. 118.

[3]) Ingibjǫrg sat á stóli, hon saumaði Hjalmari skyrtu, L, стр. 107[5].

[4]) L, стр. XLVII.

весьма пространно, равно какъ и все то, что случилось до и послѣ него, но тѣмъ не менѣе единственными источниками для него послужили старыя пѣсни и устное сказаніе подобное тому, которое слышалъ и Саксонъ Грамматикъ. Ни одна черта не указываетъ на соперничество Гіальмара и Ангантира. Развитіемъ этого мотива занялись уже составители Герварарсаги.

Разсказъ Орваръ-Оддсаги въ высшей степени трогателенъ. Особенно трагичной становится смерть Гіальмара въ виду любви къ нему его невѣсты. И старая пѣснь вкладываетъ много чувства въ изображеніе этой именно подробности. Въ составителѣ Герварарсаги естественно могло возникнуть желаніе усилить этотъ моментъ, усилить мотивомъ соревнованія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обострить отношенія между врагами. Какъ то въ праздникъ іола Ангантиръ вечеромъ поклялся, что посватается за дочь шведскаго короля. Лѣтомъ берсерки дѣйствительно отправляются въ Швецію, и Ангантиръ проситъ руки королевской дочери. Слыша это, встаетъ и Гіальмаръ; онъ проситъ о томъ же, выражая надежду, что король отдастъ ему предпочтеніе въ виду его вѣрной службы. Король предоставляетъ рѣшеніе своей дочери [1]). Та, понятно, выбираетъ того, кого любитъ. Ангантиръ тогда вызываетъ Гіальмара на бой. Берсерки навѣщаютъ своего отца; тотъ, однако, за благополучный исходъ поединка не ручается. Ангантиръ за это время успѣваетъ жениться на дочери ярла, отъ которой потомъ рождается Hervǫr, героиня Герварарсаги. Передъ своимъ отъѣздомъ Ангантиръ видитъ сонъ, не предвѣщающій ничего добраго. Тесть его не желаетъ истолковывать сонъ и сухо замѣчаетъ: ты предвидишь паденіе сильныхъ мужей! При такихъ то предзнаменованіяхъ Ангантиръ отправляется на островъ Самсей.

Устранимъ прежде всего одну непослѣдовательность, допущенную составителемъ въ виду необходимой ему по-

---

[1]) Въ Орваръ-Оддсагѣ король не даетъ своего согласія на бракъ въ виду того, что Гіальмаръ не благороднаго происхожденія—útignum manni L, стр. 69.

слѣдующей связи: по новымъ комбинаціямъ, Ангантиръ долженъ стать отцомъ Герварьі. Это, понятно, можетъ случиться только до смерти Ангантира. Поэтому составителю не оставалось ничего другого, какъ помѣстить эту подробность послѣ сватовства въ Швеціи. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Ангантиръ былъ женатъ раньше, то не имѣло бы смысла сватовство въ Швеціи. Но все-таки получилась странная вещь и такъ: Ангантиръ сватался за Ингибіоргу, ему предстоитъ поединокъ, который долженъ рѣшить вопросъ о будущемъ мужѣ Ингибіорги, а между тѣмъ онъ женится на другой. Редакція R. [1]) почувствовала это неудобство и вмѣсто Ангантира заставила посвататься за Ингибіоргу Гіорварда. Однако, въ дальнѣйшемъ разсказѣ составитель этой редакціи забылъ о своей поправкѣ и въ описаніи боя соперникомъ Гіальмара опять является Ангантиръ. Объясненіе [2]), что Ангантиръ на случай смерти хотѣлъ оставить послѣ себя наслѣдника, лишено всякаго основанія. Но выкинувъ женитьбу Ангантира, которая съ разсказомъ о самсейскомъ боѣ ничего общаго не имѣетъ, мы должны предпринять еще нѣсколько другихъ перестановокъ. Если бы Ангантиръ не былъ женатъ, то передъ отъѣздомъ онъ спалъ бы у отца. Увидѣвъ ночью сонъ, онъ обратился бы за разъясненіемъ не къ тестю, а къ родному отцу. Станемъ теперь на точку зрѣнія Орваръ-Оддсаги. Представимъ себѣ, что сватовства въ Швеціи не было, что ни о какомъ поединкѣ не уславливались, но что Ангантиру приснился сонъ. Спросимъ себя теперь, какой отвѣтъ могъ бы дать тогда отецъ: предвидя гибель своихъ дѣтей, онъ предостерегъ бы ихъ отъ угрожающей имъ опасности, отъ викинговъ, съ которыми они могли встрѣтиться, но онъ сдѣлалъ бы это въ общихъ чертахъ, потому что не имѣлъ бы возможности назвать имена будущихъ враговъ. Въ этомъ случаѣ загадочное сѣтованіе берсерковъ на своего отца въ Орваръ-Оддсагѣ объяснилось бы безъ всякихъ натяжекъ. Вспомнимъ, какъ говорили они:

---

[1]) Herv., стр. 300—1.
[2]) Eddica minora, стр. XXXVIII.

«Никогда отецъ не вралъ такъ, какъ этотъ разъ; онъ утверждалъ, что противъ этихъ викинговъ нельзя оборониться, а мы видимъ, что они ничего не стоятъ; поѣдемъ же домой и убьемъ негодяя-отца и накажемъ его за его вранье». На это Ангантиръ возражаетъ: «Но, можетъ быть, тутъ не всѣ викинги; не пошелъ ли кто нибудь изъ нихъ въ лѣсъ?» Такъ кончается ихъ разговоръ [1]). Попробуемъ теперь возстановить лакуну Орваръ-Оддсаги при помощи текста Герварарсаги:

1) Ангантиръ, отправляясь въ обычную разбойничью поѣздку, видитъ сонъ: два орла растерзываютъ берсерковъ.

2) Отецъ предостерегаетъ своихъ сыновей; сонъ предвѣщаетъ гибель.

3) Берсерки случайно находятъ и разграбляютъ корабли Одда и Гіальмара.

4) Они сѣтуютъ на недальновидность отца.

5) Ангантиръ догадывается, что главные викинги еще не убиты.

Эти подробности находились уже въ томъ устномъ сказаніи, которымъ пользовались и составитель Орваръ-Оддсаги и Саксонъ Грамматикъ. У Саксона единственный ихъ слѣдъ заключается въ сомнѣніи берсерковъ, всѣ ли убиты [2]).

Герварарсага прямо ссылается на Орваръ-Оддсагу [3]). Уже редакція M. содержитъ всѣ строфы, которыя попадаются въ Герварарсагѣ. Но отступленія въ нѣкоторыхъ стихахъ, другой распорядокъ строфъ, даже сокращенное ихъ количество указываютъ на то, что у составителя Герварарсаги была въ рукахъ не редакція M., но можетъ быть редакція, ближе стоящая къ рукописи S., въ которой, какъ извѣстно, нашъ разсказъ утерянъ. Разсказъ Герварарсаги распадается на двѣ части. До описанія самаго боя составитель въ виду своего новаго плана совсѣмъ не могъ пользоваться Орваръ-Оддсагой. Эта часть въ обѣихъ редакціяхъ,

---

1) L, стр. 96.
2) an gubernatores oppressissent incerti.
3) Herv., стр. 209^{9} и 302^{11}.

исключая несущественныя измѣненія [1]), передается одинаково. Въ остальной части Герварарсага пользовалась Орваръ-Оддсагой, при чемъ каждая редакція поступала по своему. Редакція H. довольствуется ссылкой на Орваръ-Оддсагу, отмѣчая, однако, что Гіальмаръ боролся съ однимъ Ангантиромъ. Редакція R. даетъ подробное описаніе боя, отличное отъ описанія въ Орваръ-Оддсагѣ, но событія послѣ боя [2]) резюмируетъ въ нѣсколькихъ строкахъ, сохраняя какъ отличительную черту упоминаніе о смерти Ингибіорги. Но и въ редакціи H. осталась черта, независимая отъ Орваръ-Оддсаги: по редакціи M. Оддъ уложилъ берсерковъ въ одну могилу [3]); по редакціи H. они попали въ разныя могилы [4]). Эти могилы видѣли еще въ новѣйшее время разныя лица, но относительно ихъ количества свидѣтельства расходятся, вѣроятно, въ зависимости отъ того источника, изъ котораго они знакомились съ самимъ сказаніемъ о знаменитомъ боѣ. Въ 1671 году Торфеусъ посѣтилъ островъ Самсей и видѣлъ огромный курганъ (ingens tumulus), сооруженный Оддомъ. Генералъ-маіоръ Тура же въ своемъ описаніи острова Самсей, изданномъ въ 1758 году, упоминаетъ о 12 курганахъ, расположенныхъ у самаго берега [5]).

Отношеніе обѣихъ редакцій Герварарсаги къ Орваръ-Оддсагѣ мы понимаемъ такъ:

1) Въ первоначальной композиціи Герварарсаги существовалъ разсказъ о самсейскомъ боѣ, независимый отъ Орваръ-Оддсаги и составленный на основаніи старинныхъ пѣсенъ и устнаго сказанія, послужившаго источникомъ какъ для Орваръ-Оддсаги, такъ и для Саксона.

2) Въ этомъ разсказѣ не было необходимости выдвигать Одда на первый планъ; Гіальмаръ сохранялъ свое

---

[1]) Въ редакціи R Гіорвардъ вмѣсто Ангантира; названія тамъ же только 6 берсерковъ; редакція H: имя короля—Yngvi, редакція R: Ingjaldr.

[2]) Похороны берсерковъ и возвращеніе Одда въ Швецію.

[3]) í eina kǫs alla (L, стр. 106[8]).

[4]) í stora hauga alla (Herv., стр. 209[16]).

[5]) Verlauff, Historisk-antiqvarisk Beskrivelse over Öen Samsöe (Antiqu. Annaler I, стр. 36—7).

преимущественное положеніе, которое осталось за нимъ и въ пѣсняхъ.

3) Самостоятельность Герварарсаги сказалась, главнымъ образомъ, въ изобрѣтеніи мотива соревнованія и въ превращеніи случайнаго враждебнаго столкновенія въ правильный поединокъ.

4) Впослѣдствіе составители какъ редакціи H. такъ и редакціи R. сочли нужнымъ воспользоваться Орваръ-Оддсагой для окончательной переработки своихъ записей, но первоначальная концепція проглядываетъ и здѣсь и тамъ.

Въ Герварарсагѣ наше сказаніе несоразмѣрно выиграло въ эстетическомъ отношеніи: безхитростное преданіе превратилось въ строгую композицію, въ законченную художественную новеллу. Въ этомъ духѣ вполнѣ естественно измѣненіе, касающееся смерти Ингибіорги: она умираетъ не отъ горя, а лишаетъ себя жизни сама [1]).

Изъ вышеизложенныхъ отличій между прозаическими разсказами обѣихъ сагъ на первый взглядъ становится яснымъ, что средневѣковая датская баллада Angelfyr og Helmer Kamp [2]) восходитъ къ версіи Герварарсаги. Ангельфиръ и Гельмеръ родные братья, но тѣмъ не менѣе они становятся смертельными врагами, посватавшись оба за дочь упсальскаго короля. Этотъ мотивъ соперничества и рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи датской баллады. Несмотря на то, что соперники—родные братья, различное ихъ положеніе все же еще проглядываетъ въ балладѣ. Такъ есть указаніе, что Ангельфиръ—берсеркъ, чудовище. На вопросъ короля, кого дочь предпочитаетъ, она выбираетъ Гельмера и заявляетъ:

Jeg will icke haffue Anngelfyr,
och hand er halff en throld;
saa ere hans fader, saa ere hans moeder,
saa ere hans slecttning alle.

---

[1]) en konungs dottir ma eigi lifa eptir hann ok rædr ser sialf bana (Herv., стр. 311).

[2]) Grundtvig, Danmarks gamle Folkeviser, т. I, стр. 250—7.

При сватовствѣ Гіальмаръ ссылается на свои заслуги по защитѣ государства короля [1]), онъ якобы является въ Упсалѣ—landvarnarmađr. Въ балладѣ Ангельфиръ ставитъ королю условіе: выдать ему свою дочь или же оставить свое государство.

Konge, du giffuer mig datter dinn,
och röm sielffuer aff dine land.

Но, несмотря на эти совпаденія, указывающія на зависимость баллады отъ Герварарсаги, сюжетъ нашъ получилъ совсѣмъ другую окраску отъ родства обоихъ соперниковъ. Отецъ, замѣтивъ вражду сыновей, спѣшитъ на мѣсто боя, но уже застаетъ Гельмера смертельно раненымъ. Въ балладахъ у него—8, 15, 18 ранъ; въ сагахъ—16. Положеніе отца возлѣ умирающаго Гельмера соотвѣтствуетъ той же ситуаціи Одда. Но Ангельфиръ еще живъ; поэтому отецъ беретъ на себя роль карателя и убиваетъ своего сына. Очевидно, образъ отца есть видоизмѣненіе личности Одда. Не знаю, можно ли въ названіяхъ отца—Offue i Uthisskier, Alff i Odderskier, Ulff aff Oderskier, усматривать какое нибудь отраженіе имени Одда, но разговоръ отца съ умирающимъ Гельмеромъ и участіе его въ бою сближаетъ его скорѣе съ Оддомъ, чѣмъ съ Арнгримомъ, который въ сагахъ является отцомъ берсерковъ. Переработку нашего сюжета я себѣ представляю такъ: сперва были забыты братья Ангантира, какъ вполнѣ ненужныя лица; участниками боя остались трое—Ангельфиръ, Гельмеръ и Оддъ. Чтобы объяснить вмѣшательство Одда онъ былъ сдѣланъ отцомъ Гельмера. Самое послѣднее, поэтому и поверхностное измѣненіе—превращеніе враговъ въ братьевъ. Это произошло подъ вліяніемъ общаго балладнаго мотива.

---

[1]) i morgvm lifshaska firir yđr veriđ—Herv., стр. 208[2]; huersu margar orrostor ek atta at uinna riki undir ydr ok hefi ek ydr latid heimila mina þionustu. Herv., стр. 301[3, 5].

XIX.

Происхожденіе сказанія о самсейскомъ боѣ.

Для того, чтобы закончить разборъ разсказа о самсейскомъ боѣ, мы должны еще постараться установить, почему онъ пріуроченъ именно къ Орваръ-Одду. Изслѣдователи съ этой цѣлью привлекли сходные разсказы о Старкадѣ (Starkaðr). Честь открытія этого сходства принадлежитъ Торфеусу [1]). Въ новѣйшее время о Старкадѣ писали Грундтвигъ [2]), Уландъ [3]) и Мюлленгофъ [4]). Предполагали между прочимъ, что имя этого героя могло быть понято какъ Sterk+Oddr=Силачъ-Оддъ [5]). Далѣе указывали на то, что Старкадъ въ трехъ разныхъ случаяхъ участвуетъ въ добываніи невѣсты. Менѣе похожи на разсказъ о Гіальмарѣ первыхъ два сказанія. Въ одномъ Старкадъ просто увозитъ себѣ красавицу Альфгильду (Alfhildr), дочь Альфа изъ Альфгейма (Alfheimr) [6]). Уже типичныя собственныя имена этого сказанія заставляютъ насъ признать его позднѣйшей выдумкой. Въ другомъ разсказѣ у самаго Старкада крадутъ его невѣсту: Гергримъ (Hergrimr) похищаетъ Огну (Ogn) въ то время какъ Старкадъ находится на крайнемъ сѣверѣ. Огна лишаетъ себя жизни, не желая выйти за Гергрима. Возвратившись домой, Старкадъ убиваетъ Гергрима въ поединкѣ [7]). Въ этихъ сказаніяхъ при всемъ желаніи нельзя найти ничего общаго съ тѣмъ Оддомъ, который выступаетъ въ самсейскомъ бою. За то въ разсказѣ Саксона о Старкадѣ дѣйствительно можно найти точки соприкосновенія.

У датскаго короля Ингелла (Ingellus) есть сестра

---

1) Historia Norvegiae, I, стр. 263.
2) Udsigt и т. д., стр. 69, сл.
3) Ges. Schriften, VI, стр. 107, сл.
4) D. A., V, стр. 301—356.
5) Afnf. VIII, стр. 123.
6) Herv., стр. 204. Fas. III, стр. 15.
7) Herv., стр. 204.

Гельга (Helga). За нее сватается норвежецъ Гельго (Helgo). Въ это же самое время на островѣ Сіаландѣ прославилось своей силой и храбростью девять братьевъ; старшій изъ нихъ назывался Ангантиромъ. Онъ также просилъ было руки Гельги, но получилъ отказъ. Узнавъ, что она обѣщана Гельго, Ангантиръ вызываетъ его на поединокъ [1]). Бой назначенъ былъ на утро послѣ брачной ночи. Однако условія борьбы не были обозначены точно, и Гельго не на шутку сталъ волноваться, думая, что ему придется итти одному противъ всѣхъ девяти. Тогда невѣста даетъ ему совѣтъ призвать на помощь Старкада [2]). Гельго послушался ея совѣта и снарядился въ путь въ Швецію. Старкада онъ нашелъ въ Упсалѣ. Будучи всей душой преданъ королю Ингеллу, Старкадъ согласился придти на помощь Гельго. Свадьбу справляютъ. Для того, чтобы враги не вздумали чѣмъ-нибудь потревожить молодыхъ, Старкадъ великодушно сторожитъ у дверей спальни [3]). Когда Старкадъ захотѣлъ разбудить своего товарища на разсвѣтѣ, то онъ засталъ его спящимъ въ объятіяхъ жены; у него не хватило духу его будить [4]). И вотъ онъ одинъ отправляется на условленное мѣсто. Подробности боя носятъ характеръ сказочно-эпическій, который насъ въ данномъ случаѣ мало интересуетъ. Спрашиваютъ Старкада, какъ онъ желаетъ сражаться; тотъ отвѣчаетъ, что отъ нападавшихъ на него псовъ онъ всегда избавлялся сразу, а

---

[1]) Per idem tempus apud insulam Sialandiam novem ducis cuiusdam filios inovelisse memoriae proditum est apprime viribus et audacia praeditos quorum maximus Angaterus extabat. Qui cum eiusdem puellae competitorem ageret negatasque sibi nuptias Helgoni promissas videret palæstrica illum provocatione sollicitat ferro molestiam propulsurus... Saxo, стр. 291.

[2]) Siquidem præter commune provocationis ius impari manu se lacessitum credebat quod solus adversum novem pugnam spopondisse videretur. Haec volventem sponsa auxilio opus habiturus docet... Saxo, стр. 291.

[3]) Ut sponsae thalamum attentioribus vallaret excubiis voluntariam vigiliarum curam amplexus... Saxo, стр. 293.

[4]) Quem ut Starcatherus prima luce superveniens dormientem uxoris amplexibus inhaerere cognovit importunae concussionis molestia a quietis otio revocari passus non est... Saxo, стр. 293.

не по очереди [1]). Безъ затрудненія онъ убиваетъ шесть братьевъ; остальные три продолжаютъ бой. Старкаду наносятъ 17 тяжелыхъ ранъ. Тѣмъ не менѣе онъ одолѣваетъ всѣхъ своихъ враговъ [2]). Затѣмъ онъ возвращается къ молодымъ супругамъ, которые проснулись...

Что этотъ разсказъ (въ томъ-ли видѣ, въ какомъ передаетъ его Саксонъ, или какъ-нибудь иначе) отразился на развитіи сказанія о самсейскомъ боѣ становится правдоподобнымъ въ виду слѣдующихъ соображеній:

1) Слѣды такого соединенія сохранились въ Орваръ-Оддсагѣ, въ которой, какъ и у Саксона, находимъ два разсказа о борьбѣ съ берсерками: одинъ на Самсеѣ, другой на Сіаландѣ [3]). Въ послѣднемъ случаѣ участвуютъ только пять берсерковъ, но у Біернера [4]) выступаютъ опять десять. Очевидно, само число ихъ не играло никакой роли; 5, 9 и 10—это только эпическія обозначенія.

2) И въ томъ и въ другомъ случаѣ врагами являются берсерки. У Саксона отмѣчается, что они дѣлали гримасы, рычали, бѣгали взадъ и впередъ, какъ актеры, и все это должно было вести къ одной цѣли: возбудить въ себѣ мужество къ предстоящему бою. На врага они бросались съ лаемъ, какъ бѣшеныя собаки [5]). Недаромъ же и Старкадъ сравниваетъ ихъ со сворой псовъ.

3) Само имя Ангантиръ могло уже стать общимъ именемъ для всѣхъ вождей берсерковъ, для старшаго ихъ

---

[1]) pariterne omnes an singillatim excipere statuisset interrogant. At ille quoties mihi inquit triste canum agmen oblatrat, simul non vicissim eos abigere soleo... Saxo, стр. 294.

[2]) Inito conflicto sex eorum absque mutuo vulnerum receptu prostravit; tres vero residuos quanquam decem ac septem vulneribus ita ab eis affectus esset ut maior viscerum pars ventre elaberetur, nihilominus fratrum exemplo consumpsit... Saxo, стр. 294.

[3]) L. стр. 64—7.

[4]) стр. 88—una cum Thordo & Hialmaro decem berserkos interfecit.

[5]) præmemorati novem plenis deformatis gestibus torros ore fremitus dantes ac more scenico decursantes in pugnam se mutua adhortatione firmabant. Sunt qui eos venienti athletae sævientium canum exemplo oblatrasse perhibeant. Saxo, стр. 292.

брата. У Саксона (какъ и въ Орваръ-Оддсагѣ) берсерки на Сіаландѣ не имѣютъ ничего общаго съ самсейскими.

4) По свидѣтельству Саксона, побѣдитель берсерковъ получаетъ 17 ранъ; въ старинной пѣснѣ [1]) говорится о 16 ранахъ Гіальмара. При перепискѣ сагъ, если число въ нихъ обозначалось римской цифрой, какъ еще въ Герварарсагѣ [2]), легко могла быть опущена черточка.

5) Ingellus у Саксона отвѣчаетъ Ингіальду. Правда, имя короля Ингіальда встрѣчается только въ редакціи R. Герварарсаги и въ редакціи S. Орваръ-Оддсаги. Въ редакціи S. называется даже опредѣленный Ингіальдъ—enn illráđi; но это со стороны составителя пустая догадка. Только Герварарсага могла черпать изъ Орваръ-Оддсаги, а не наоборотъ. Если бы случилось послѣднее, то Ингіальда должна была бы имѣть скорѣе всего редакція H.; въ ней же мы находимъ Ингви (Yngvi). Въ предсмертной пѣснѣ Орваръ-Оддсаги также — Ингви [3]). Далѣе, если бы имя Ингіальда было исконной принадлежностью Орваръ-Оддсаги, то оно повторилось бы и въ редакціи M.; тамъ же мы имѣемъ—Hlǫđver. Имя Ингіальда несомнѣнно вторглось въ сагу, будучи взято изъ сказанія о Старкадѣ. Въ послѣднемъ единственное подлинное имя—Ingellus. Гельго и Гельга явно вымышлены. Helgo Norvagiensis былъ, вѣроятно, изъ Галогаланда. Гельго изъ Галогаланда, который сватается за Гельгу, напоминаетъ намъ изъ другого сказанія о Старкадѣ—красавицу Альфгильду, дочь Альфа изъ Альфгейма. Сказанія о Старкадѣ носили настолько общій характеръ, что къ нимъ приходилось выдумывать имена. Одинъ датскій король Ингіальдъ (=Ingellus) игралъ въ нихъ роль историческаго лица.—Что же касается собственныхъ именъ въ разсказахъ нашихъ сагъ о самсейскомъ боѣ, то необходимо принять во вниманіе общую традицію: невѣста, дочь шведскаго короля, именуется въ сагахъ обыкновенно Ингибіоргой. Еще въ исландскихъ сказкахъ королевская дочь почти

---

1) L. стр. 102, строфа 17.
2) Herv, стр. 307.
3) L. стр. 202, строфа 34.

всегда—Ингибiорга [1]). Въ зависимости отъ ея имени варiируется и имя отца-короля: Ингiальдъ, Ингви и Ингваръ [2]). Такъ я объясняю себѣ колебанiя, наблюдаемыя въ разсказѣ о самсейскомъ боѣ, въ которомъ болѣе существенное значенiе имѣетъ не Ингiальдъ=Ingellus, а Ингибiорга.

Остается невыясненнымъ только то, почему именно эта повѣсть о Старкадѣ сблизилась съ разсказомъ о самсейскомъ боѣ. Должно быть, послѣднiй уже раньше принялъ видъ, который какъ бы шелъ на встрѣчу новымъ измѣненiямъ. На самомъ дѣлѣ вѣдь между разсказами о Старкадѣ и Гельго съ одной стороны и о самсейскомъ боѣ съ другой, поскольку дѣло касается самого сюжета, мало общаго. Но мнѣ кажется, что можно указать на нѣкоторые слѣды историческихъ отношенiй, которыя позволятъ намъ рѣшить этотъ вопросъ. У Саксона находится еще разсказъ о датскомъ королѣ Омундѣ. Едва Омундъ былъ избранъ въ короли, какъ тотчасъ же рѣшаетъ свататься за дочь короля Ринга въ Норвегiи. Рингъ отказываетъ ему въ виду того, что Омундъ ничѣмъ еще не прославился [3]). Въ то время, болѣе или менѣе достойнымъ женихомъ считался только тотъ, кто создалъ себѣ громкую славу доблестными дѣлами [4]). Тогда Омундъ рѣшилъ добиться согласiя отца силой. Кромѣ того у него были кое-какiя наслѣдственныя притязанiя на царство Ринга. Когда Омундъ прiѣхалъ въ Норвегiю, Рингъ находился въ Ирландiи. Омунда очень дружелюбно принялъ Оддъ, конунгъ въ Ядарѣ. Признавъ правоту его притязанiй, Оддъ горько жаловался на несправедливость короля Ринга. Оддъ усилилъ войско Омунда своимъ отрядомъ и принялъ самъ участiе въ борь-

---

1) Rittershaus, стр. 1, 5, 25, 55 и т. д.

2) Послѣднее имя, которое не встрѣчается въ нашихъ сагахъ, находится въ Стурлаугсагѣ Fas III, стр. 633.

3) Verum poscendae eius spem singulare Ringonis studium minuebat. Is quippe solum spectatae fortitudinis generum affectabat. Saxo, стр. 393.

4) Nulli etenim quondam illustrium foeminarum connubiis idonei censebantur nisi qui sibi ingens famæ pretium gestarum insigniter rerum fulgore struxissent. Saxo, стр.

бѣ[1]). Возвратившись, Рингъ немедленно принялъ вызовъ. Онъ думалъ напасть на врага съ тыла; во фронтѣ онъ выставилъ незначительную часть своихъ кораблей. Оддъ однако предостерегъ Омунда[2]). Тѣмъ не менѣе исходъ перваго сраженія былъ неудаченъ. Но благодаря дѣятельной поддержкѣ Одда, Омундъ скоро пополнилъ свои силы[3]). Произошло новое столкновеніе и въ немъ Омундъ одержалъ побѣду. Рингъ былъ смертельно раненъ. Умирая, онъ подозвалъ къ себѣ Омунда и знаками показалъ ему, что благословляетъ его бракъ съ Эсой, своей дочерью. Вотъ разсказъ, отвѣчающій тому, что мы узнаемъ о Гіальмарѣ изъ Орваръ-Оддсаги. Шведскій король не хочетъ выдать дочь свою замужъ за человѣка неблагороднаго происхожденія—útignum manni. Оддъ совѣтуетъ пойти на него войною и заставить отца согласиться на бракъ силой. Правда, Гіальмаръ противъ такого насилія, но все же эти подробности указываютъ на связь съ историческими воспоминаніями, въ Герварарсагѣ совершенно стушевавшимися.

Кромѣ того въ разсказѣ Саксона объ Омундѣ встрѣчаются нѣкоторыя характерныя подробности, которыя въ другой, правда, комбинаціи повторяются и въ Орваръ-Оддсагѣ.

1) Омундъ строитъ очень высокій корабль, чтобы стрѣлять во врага сверху[4]). Такимъ кораблемъ обладаетъ и Гальфданъ. Чтобы взобраться на него, Оддъ выноситъ весь свой грузъ на берегъ; затѣмъ люди его вырубаютъ каждый по дереву и взбираются на бортъ высокаго корабля Гальфдана, пользуясь этими деревьями, какъ лѣстницей[5]).

---

[1]) Excipit amice illum Jathriae regulus Oddo, qui Ringonem certissimum partimonii eius invasorem assereret seque saepius ab eodem iniuriis lacessitum defleret... Nam Oddo quoque Omundo manum iunxerat. Saxo, стр. 393.

[2]) De cuius astutia Omundus per Oddonem certior factus... Saxo, стр. 393.

[3]) Omundus reparatis per Oddonem viribus pugnaturam pelago classem explicat. Saxo, стр. 394.

[4]) prægrande moliri navigium coepit unde tanquam e munimento superne hostem telis appeteret. (Saxo, стр. 394).

[5]) L. стр. 52—5.

2) Рингъ раздѣляетъ свои силы на двѣ части, желая напасть на непріятеля съ двухъ сторонъ [1]). Точно такъ же поступаетъ и Оддъ при первой встрѣчѣ съ Гіальмаромъ и его товарищемъ Тордомъ: Гудмундъ долженъ былъ ударить на врага спереди съ мыса, Оддъ же пробирается въ лѣсъ для того, чтобы напасть съ тыла. Но и тутъ эта хитрость не приводитъ къ желанной цѣли [2]).

3) Наконецъ долженъ разыграться открытый бой. Гіальмаръ, у котораго кораблей больше, не хочетъ допустить неравенства силъ и приказываетъ, чтобы въ предстоящемъ бою участвовало ровно столько же кораблей и народу, сколько у Одда. Его мораль проста: одинъ на одного— skal mađr manni í mót [3]). То же самое говорится и объ Омундѣ: онъ никогда не нападалъ на врага, у котораго было меньше силъ, чѣмъ у него [4]).

Саксонъ, который ничего еще не зналъ о романической подкладкѣ самсейскаго боя, подтвердилъ участіе Орваръ-Одда въ немъ. Теперь вопросъ сводится къ тому, видѣлъ ли Саксонъ въ Орваръ-Оддѣ и въ Оддѣ изъ Ядара одно и то же лицо? Мы должны отвѣтить отрицательно. Перечисляя воиновъ изъ области Ядара, участвовавшихъ въ Бровальскомъ побоищѣ, Саксонъ называетъ Od... multivagus [5]), но не Орваръ-Одда. Значитъ, Саксонъ отождествлялъ съ конунгомъ Ядара только Одда Путешественника. Мѣстность Беруріодъ, гдѣ воспитывался Оддъ, какъ разъ находится въ Ядарѣ. Такимъ образомъ, тождество конунга Одда и путешественника Одда не подлежитъ никакому сомнѣнію [6]). Орваръ-Оддъ остается пока въ сторонѣ, и у Саксона онъ еще не отождествленъ съ путешественникомъ Оддомъ.

---

[1]) Quippe exiguam copiarum partem ostendens a tergo hostem incursandum curavit (Saxo, стр. 394).

[2]) L. стр. 60—1.

[3]) L. стр. 62—3.

[4]) nunquam quibus multitudine copiarum praestaret vim inferre sustinuit (Saxo, стр. 393—4).

[5]) At e Yathrica provincia prodiere Od [Anglus Alf] multivagus... (Saxo стр. 383). Ср. Oddr viđförli Fas I, стр. 381.

[6]) Jonsson, Litteraturhistorie, т. II, стр. 814.

Въ различныхъ грамматическихъ формахъ Od—Oddus—Oddo нельзя найти никакой опоры. Саксонъ совершенно своевольно передаетъ на латинскомъ языкѣ древнесѣверныя имена и такихъ параллелей, какъ выше, можно найти, сколько угодно. Ср. напр.:

Biorn	Biornus	Biorno
Brodder	Broderus	Broddo
—	Helgus	Helgo
—	Lennus	Lenno
Scati	Scatus	Scato
Ulf	—	Ulvo
—	Thorus	Thoro.

Происхожденіе Орваръ-Одда остается загадочнымъ. Въ сагу это имя вторглось вмѣстѣ съ разсказомъ о самсейскомъ боѣ. Но мы теперь знаемъ, что еще до этой контаминаціи въ нашей сагѣ находился разсказъ, представляющій собой параллель тому, что разсказываетъ объ Оддѣ изъ Ядара—Саксонъ.

Итакъ, мы отмѣтили слѣдующія ступени въ развитіи сказанія о самсейскомъ боѣ:

1) Въ старинныхъ пѣсняхъ выступалъ Гіальмаръ и его спутникъ (—Соти?); весь интересъ на сторонѣ Гіальмара.

2) У Саксона на первый планъ уже выдвинулся Орваръ-Оддъ, хотя сказаніе отъ этого по существу не измѣнилось.

3) Сказаніе о Гіальмарѣ и Орваръ-Оддѣ контаминировалось съ однимъ изъ разсказовъ объ Оддѣ изъ Ядара. Отношенія Омунда и Ринга были приписаны Гіальмару и шведскому королю; невѣста получила типичное названіе Ингибіорги, а въ зависимости отъ нея сталъ именоваться и король. Тотъ интересъ, который Орваръ-Оддъ пріобрѣлъ благодаря своему участію въ самсейскомъ боѣ, привелъ къ тому, что его имя стало господствующимъ во всей сагѣ.

4) Благодаря этой сагѣ Оддъ подобно Старкаду сталъ знаменитѣйшимъ героемъ. Сходство ихъ было создано путешествіями ихъ, а это подготовило перенесеніе нѣкото-

рыхъ подробностей со Старкада на Одда. Возрастъ Старкада равнялся тремъ человѣческимъ жизнямъ; Оддъ жилъ 300 лѣтъ. Старкаду приписывалась предсмертная пѣснь; такую пѣснь сочинилъ и Оддъ. Главное же то, что разсказъ о самсейскомъ боѣ подвергся новой переработкѣ. Образцомъ послужилъ, вѣроятно, какой-нибудь разсказъ о Старкадѣ, разсказъ подобный тому, который сообщаетъ намъ Саксонъ, хотя послѣдній уже вошелъ въ обширный кругъ сказаній о Гельги.

5) Послѣднюю переработку нашего сказанія предпринялъ талантливый составитель Герварарсаги. Въ концѣ концовъ получилась новелла, которой восхищались вплоть до нашихъ дней. Норенъ объясняетъ ея популярностью распространенность имени Гіальмара. Сумъ возобновилъ нашъ сюжетъ въ своей повѣсти: «Vännerne». Въ 1737 г. шведскій историкъ Олофъ Цельсіусъ сочинилъ въ ложноклассическомъ стилѣ трагедію: «Ingeborg» [1]).

Въ 1835 г. довольно извѣстный поэтъ Лингъ выпустилъ въ свѣтъ поэму въ десяти пѣсняхъ подъ заглавіемъ «Tirfing» [2]); въ ней замѣтно сильное вліяніе знаменитой поэмы Тегнера; тѣмъ не менѣе она доказываетъ, какой излюбленностью пользовалась наряду съ Фричьофомъ и Ингибіоргой другая пара—Ингибіорга и Гіальмаръ.

XX.

Сага о Гримѣ, отцѣ Одда.

Для пониманія композиціи Орваръ-Оддсаги, необходимо принять во вниманіе и саги, посвященныя жизнеописанію его предковъ. Такъ объ отцѣ Одда существуетъ особая сага: Saga Gríms Loðinkinna [3]). Прозвище loðinkinni=«бородатая щека», дано ему потому, что уже съ рожденія одна щека его была покрыта волосами. Гримъ сватается

---

[1]) Schück, Illustr. sv. litteraturhistoria II, стр. 62.

[2]) Тамъ же, т. III, стр. 632.

[3]) Fas. II, стр. 143—157.

за Лоптгену (Lopthœna), дочь богатаго бонда Гаральда въ Викѣ. Матери Лоптгены уже не было въ живыхъ, а Гаральдъ былъ во второй разъ женатъ на финкѣ Гримгильдѣ [1]). За семь дней до свадьбы Лоптгена исчезла, и ея никакъ не могли найти. Гости уныло допиваютъ свадебное пиво и уѣзжаютъ во-свояси. Гримъ такъ ничего и не узналъ о своей невѣстѣ. Въ это время въ Галогаландѣ случился большой неурожай, и Гримъ вмѣстѣ съ двумя товарищами покидаетъ родину. Сперва онъ держитъ путь на сѣверъ въ Финмаркъ, а оттуда на востокъ въ Гандвикъ. Въ этомъ заливѣ онъ находитъ въ изобиліи рыбу. Гримъ вытащилъ корабль свой на берегъ, отыскалъ хижину [2]) и развелъ огонь. Ночью никто не могъ заснуть: разразилась буря и непогода. На слѣдующее утро, когда норманы вышли на берегъ, они увидѣли, что весь ихъ уловъ исчезъ, и что ничего не осталось. Хотя это и было очень нехорошимъ предзнаменованіемъ, но они всетаки остались на томъ же мѣстѣ, проводя цѣлый день въ хижинѣ. Ночью Гримъ просыпается. Услыхавъ смѣхъ на дворѣ, онъ быстро поднимается и выходитъ, схвативъ топоръ. Тутъ онъ увидѣлъ двухъ вѣдьмъ, которыя потрясали штевни, намѣреваясь разрушить корабль. Онѣ и Гримъ обмѣниваются угрозами; Гримъ вынимаетъ волшебныя стрѣлы Гуси и убиваетъ одну изъ нихъ. Другую онъ ударяетъ топоромъ; топоръ застрѣваетъ у ней въ лопаткѣ; вѣдьма вмѣстѣ съ топоромъ убѣгаетъ. Слѣдуя за ней, Гримъ попадаетъ въ высокія горы. Вѣдьма начинаетъ лазить по горамъ, и топоръ выпадаетъ у ней изъ раны. При помощи топора Гримъ добирается по крутому склону горы до отверстія какой то пещеры: въ ней горитъ яркій костеръ; около него сидѣлъ старикъ со старухой. Узнавъ отъ дочери (?) въ чемъ дѣло, они проклинаютъ Грима и желаютъ ему, чтобы онъ никогда не видѣлъ Лоптгены, несмотря на то, что находится отъ нея весьма близко. Тогда Гримъ врывается и убиваетъ великановъ.

---

[1]) Grimhildr Jǫsursdóttir norđan af Finnmǫrk.

[2]) gekk siđan til skála.

Въ этомъ разсказѣ уже собственныя имена ученаго происхожденія: вѣдьмы зовутся Feima и Kleima, первая въ нѣкоторыхъ спискахъ просто—Finna; отецъ ихъ—Hrímnir, по варіантамъ—Hrungnir, оба имени взяты изъ миѳологіи; мѣсто дѣйствія—Háfjall=«высокія горы». Имя Гримгильды, которая является сестрой Hrímnir'а, придумано въ зависимости отъ Грима, Hrímnir же было привлечено по созвучію съ именемъ Гримгильды. Старуха—великанша называется Hyrja, по варіантамъ Kyrja, послѣднюю форму я считаю первоначальной; это греческое: κυρία—владычица. Это слово могло проникнуть къ исландцамъ изъ легендарной литературы.

На слѣдующій день погода была уже лучше и всѣ вышли на берегъ. Тогда они увидѣли кита, выброшеннаго волнами, и тотчасъ принялись его рѣзать. Вскорѣ пришло 12 войновъ, которые стали утверждать, что все выброшенное моремъ принадлежитъ имъ. Гримъ уже готовъ былъ уступить имъ половину, но они потребовали всего кита. По закону только тотъ, кто кита убилъ и притащилъ безъ чужой помощи къ собственному берегу, считался его полнымъ обладателемъ; если же китъ самъ приплывалъ къ чужой землѣ, то владѣлецъ берега получалъ $^2/_3$, а человѣкъ пригнавшій его $^1/_3$ [1]). Изъ-за найденнаго кита завязывается бой, въ которомъ Гримъ убиваетъ всѣхъ 12 враговъ, но лишается своихъ обоихъ товарищей, а самъ израненный падаетъ на землю въ изнеможеніи. Не имѣя возможности двигаться и ожидая приближенія смерти, Гримъ видитъ, какъ къ нему подходитъ женщина отвратительной наружности: lángleit ok harđleit, bjúgnesjuđ ok þaröklud, svartleit ok svipílkinnuđ, fúlleit ok framsnođin [2]). Она называется Geiriđr Gandvíkrekkja [3]); она предлагаетъ Гриму спасти ему жизнь. Съ этими словами вѣдьма беретъ его

---

[1]) Maurer, Island, стр. 416.

[2]) Слѣдуетъ обратить вниманіе на первыхъ двѣ пары риѳмъ и послѣднихъ три пары аллитерацій. Сл. также слѣдующее предложеніе изъ описанія ея наружности: *h*orđigullinn *h*ékk ofan fyrir *h*röptana.

[3]) Ekkja=„старуха"; Gandvikrekkja—„старуха изъ Гандвика".

какъ ребенка за кожаную куртку и уноситъ въ большую пещеру. Здѣсь подъ угрозой смерти она требуетъ отъ Грима супружеской ласки и заставляетъ его лечь вмѣстѣ съ собой спать. Проснувшись на другое утро, Гримъ видитъ, что на постели рядомъ съ нимъ лежитъ женщина чудной красоты, равной которой онъ никогда не видывалъ. У подножія кровати валялось одѣяніе вѣдьмы. Гримъ вскочилъ, схватилъ одѣяніе и бросилъ въ огонь. Красавица, избавленная такимъ образомъ отъ колдовства, оказалась его невѣстой Лоптгеной. Ее заколдовала и отправила въ Гандвикъ мачиха. Она могла спастись только въ томъ случаѣ, если какой-нибудь мущина добровольно согласится обласкать ее. Лоптгена слѣдуетъ за Гримомъ въ его хижину. Тутъ они встрѣтили и богатый уловъ—по киту въ каждомъ заливѣ. Затѣмъ Гримъ прибѣгъ къ хитрости, которой пользовался и отецъ его и другіе жители Рафниста: онъ поставилъ паруса, несмотря на то, что царилъ штиль, и сразу подулъ попутный вѣтеръ. Сперва онъ достигъ Рафниста, потомъ отправился въ Викъ. Тутъ онъ справилъ свадьбу съ Лоптгеной. Гримгильду же схватили, надѣли ей на голову мѣшокъ и забили каменьями до смерти.

Разсказъ о Лоптгенѣ чистѣйшая сказка. Гримгильда— злая мачиха, колдунья родомъ изъ Финмарка; имя ея, какъ сказано, придумано по отношенію къ Гриму; ея родственники—нечеловѣческія существа: ея братъ великанъ, ея племянницы—вѣдьмы. Ее и наказываютъ какъ въ сказкѣ, въ то время какъ преслѣдуемая падчерица справляетъ свадьбу. Нѣкоторыя выраженія саги примѣнимы только къ сказочной царицѣ. Такъ она заколдовала падчерицу потому, что та стала непослушной и упорной съ тѣхъ поръ, какъ Гримгильда прибыла въ царство: þù hefir synt mer þrjózku ok þverud [1]) síđan er ek kom í rikit. Слово riki не подходитъ къ общественному положенію Гаральда. Удаливъ Лоптгену, Гримгильда стала царствовать почти единовластно: Grímhildr ređ þá náliga öllu ein austr þar. Въ разсказъ о расправѣ Грима съ великанами также проникли сказочныя

[1]) См. аллитерацію.

черты. Отрубивъ Hrímnir'у голову, Гримъ борется съ Киріей; этотъ бой описывается такъ подробно, что поневолѣ вспоминаешь о чортовой бабушкѣ, которая выводится въ сказкахъ и между прочимъ уже отразилась въ описаніи Снорри о томъ, какъ Торъ борется со старухой Elli, т.-е. со старостью. Упоминается также, что Гримъ взялъ съ собой много золота и богатствъ изъ пещеры великановъ; опять это воспоминаніе изъ извѣстнаго типа сказокъ, гдѣ герою необходимо добыть какую-нибудь драгоцѣнность, находящуюся во власти злой вѣдьмы или чортовой бабушки; кромѣ того, по общему представленію, на крайнемъ сѣверѣ хранилось золото. Выше приведены мѣста, гдѣ попадаются и риѳмы и аллитераціи и слышенъ извѣстный ритмъ. Вотъ другое мѣсто,—заклинаніе, произнесенное надъ Лоптгеной: eigist þið við bæði margt ok íllt ok hafi þat verr sem verr herđer sik; þú skalt ok vera hvimleip öllum, bæði tröllum ok mönnum... По моему, это несомнѣнно слогъ сказокъ.

Въ то время, какъ Гримсага сохранила схему сказки цѣликомъ, въ другихъ сагахъ отразился лишь тотъ мотивъ, по которому заколдованная вѣдьма подъ вліяніемъ добровольныхъ ласкъ мущины, вновь становится красавицей. Такъ въ þorsteinssaga Vikingssonar вѣдьма Skellinefja дважды спасаетъ герою жизнь и добываетъ ему потерянный мечъ. Въ видѣ вознагражденія она требуетъ, чтобы онъ провелъ съ ней ночь. Къ утру оказывается, что на самомъ дѣлѣ она заколдованная царская дочь [1]). Совершенно такая же сказка вкралась и въ нѣмецкую поэму о Вольфдитрихѣ. Герою попадается на пути—die rûhe Else, которая впослѣдствіи оказывается красавицей—frou Sigminne. Она—rûh (нѣмецкое: rauh), потому что покрыта корой и травой. Дѣйствіе происходитъ на берегу моря и Эльза сама—merwîp. Она отнимаетъ у спящаго героя мечъ и возвращаетъ его только по его настоянію. Море и мечъ встрѣчаются и въ сѣверныхъ сагахъ. Общая схема нашей сказки намѣчается въ слѣдующей строфѣ:

---

1) Fas. II, стр. 434—9. Ср. также Hjalmters ok Ölverssaga, Fas. III, стр. 473, сл.

Von einer stiefmuter ich verfluchet bin,
daz wisset, tegen guter, bisz daz die sinne sin
an mich wendet der beste, der inder welt hat daz leben;
daz bistu, lieber herre, viltu mir diu hulde geben.

Тотъ же самый мотивъ попадается и въ французскихъ романахъ Артурова цикла [1]). Онъ проникъ также въ итальянскую литературу [2]) и здѣсь послужилъ сюжетомъ драматическаго произведенія Гоцци: La donna serpente. Наконецъ, нашъ мотивъ легъ въ основу баллады: Jomfruen i ormeham, которая распространена по всему скандинавскому сѣверу. Подобнаго содержанія шотландская пѣснь повѣствуетъ о дочери ярла изъ Эстмереланда [3]). Въ ученой литературѣ нашъ мотивъ извѣстенъ подъ названіемъ: Entzauberungskuss. Вѣроятно разсказы исландскихъ сагъ восходятъ къ какой-нибудь сказкѣ, гдѣ мѣстомъ дѣйствія былъ намѣченъ морской берегъ и гдѣ похищеніе меча входило какъ подробность. Только въ Гримсагѣ мечъ замѣненъ топоромъ, застрявшимъ въ ранѣ у вѣдьмы. Въ истинно эпическомъ духѣ Гримсага развила этотъ мотивъ поцѣлуя: герой, избавляющій красавицу отъ наказанія, долженъ, во-первыхъ, просить ее спасти ему жизнь, во-вторыхъ, поцѣловать ее, въ-третьихъ, дѣлить съ ней ложе. Передъ нами обычная тригеминація дѣйствія.

Въ одномъ сборникѣ исландскихъ сказокъ я насчиталъ до пятнадцати случаевъ, когда герой или героиня освобождается отъ заколдованнаго состоянія, добившись ласки другого лица. Полное совпаденіе съ Гримсагой представляетъ собой одна сказка, которая по примѣчанію издателя передаетъ содержаніе старинныхъ стиховъ (Rimur). Король хочетъ вторично жениться и наконецъ, въ пустынѣ находитъ себѣ подходящую, какъ ему кажется, жену. Только дочь короля отъ первой жены противъ этого брака, такъ какъ она видитъ въ своей будущей мачихѣ вѣдьму,

---

1) Lancelot, Guiglain, Tirant le blanc.
2) Ср. Orlando inamorato Боярдо.
3) Nyrop, Kysset og dets Historie, стр. 89, сл.

чудовище. Въ наказаніе мачиха превращаетъ ее въ собаку. Вторая часть сказки повѣствуетъ о томъ, какъ нѣкій царевичъ рѣшается жениться на пастушеской собакѣ крестьянина. Въ день свадьбы собака лаетъ такъ шибко, что мать царевича связываетъ ей морду золотымъ обручемъ. Но ночью съ нея спадаетъ собачья шкура, которую бросаютъ въ огонь, и дѣвица спасена [1]). Въ другой сказкѣ [2]) заколдованное состояніе царской дочери мотивируется иначе. Министръ хочетъ на ней жениться, но она отказываетъ ему въ своемъ согласіи; тогда министръ превращаетъ ее въ лошадь. Впрочемъ, попадаются и болѣе странныя метаморфозы; такъ одна несчастная царевна принимаетъ видъ бычачьяго желудка [3]). Въ новогреческихъ сказкахъ принцъ обыкновенно женится на козѣ, въ одной индійской—на обезьянѣ [4]), но доступнѣе всего была та комбинація, въ которой заколдованное лицо первоначально страдало какой-нибудь уродливостью, но всетаки имѣло человѣческій обликъ. Нужна только снисходительная ласка и старуха превращается въ красавицу [5]), вшивый мальчуганъ (Lúsahöttur) въ красавца [6]), великанъ-чудовище въ добраго молодца [7]). Но иногда даже этой ласки не нужно: достаточно заколдованному поспать у ногъ царской дочери или у подножія новобрачныхъ и вновь онъ пріобрѣтаетъ свой первоначальный видъ [8]). Понятно, этотъ послѣдній способъ былъ особенно удобопримѣняемъ тогда, когда заколдованный былъ превращенъ въ собачку, но сказка не признаетъ никакихъ удобствъ даже для принцессъ и заставляетъ ихъ спать не только съ собачками, но и съ великанами, чудовищами и даже—лошадьми.

Вскорѣ у Грима родилась дочь Брунгильда (Brynhildr).

---

1) Rittershaus, стр. 48.
2) Тамъ же. стр. 44.
3) Тамъ же, стр. 50.
4) Тамъ же, стр. 49.
5) Тамъ же, стр. 92.
6) Тамъ же, стр. 63.
7) Тамъ же, стр. 81 и 262.
8) Тамъ же, стр. 5, 34, 37, 46, 84, 204.

Къ ней сватается нѣкій Серквиръ (Sörkvir), но получаетъ отказъ. Серквиръ вызываетъ Грима на единоборство. Къ условленному времени Серквиръ является вмѣстѣ съ берсерками; всѣхъ ихъ двѣнадцать. Гримъ приходитъ съ Ингіальдомъ изъ Беруріода и съ нѣкоторыми бондами изъ Галогаланда. У Грима былъ мечъ Драгвендиль, который раньше принадлежалъ его отцу. Трестъ (þröstr) держалъ щитъ для Серквира. Но Гримъ при первомъ же ударѣ раздробилъ щитъ, разрубилъ насквозь Треста, а Серквиръ лишился обѣихъ ногъ. Ингіальдъ съ бондами нападаетъ на остальныхъ десять берсерковъ и убиваетъ ихъ. Затѣмъ слѣдуетъ родословная; въ ней мимоходомъ упоминается, что дочь Грима, Брунгильда вышла замужъ за Ведрорма (Veđrormr), сына Вемунда.

XXI.

Сага о Кетилѣ, дѣдѣ Одда.

Теперь познакомимся съ сагою о Кетилѣ Лососѣ, дѣдѣ Одда, отцѣ Грима [1]). Кетиль въ своей юности былъ домосѣдомъ; по цѣлымъ днямъ онъ ничего не дѣлалъ, сидя у очага, подперши одной рукой голову, а другой подбрасывая полѣнья въ огонь. Всѣ смѣялись надъ нимъ. Разъ отецъ его сталъ ругать за это. Ничего не сказавъ, Кетиль всталъ, ушелъ и пропалъ на трое сутокъ. Домой вернулся онъ съ красивымъ стуломъ и подарилъ его матери со словами, что она заслуживаетъ его любовь болѣе, нежели отецъ.

Однажды въ хорошую погоду отецъ приказалъ Кетилю убирать сѣно и далъ ему на подмогу двухъ лошадей и женщину. Кетиль работалъ такъ усердно, что къ вечеру убралъ все сѣно, загнавъ лошадей чуть не до смерти. Видя это, отецъ предложилъ Кетилю взять на себя всѣ заботы по хозяйству: «ты и молодъ, говоритъ онъ, и предпріимчивъ и способенъ; я же старѣю и мнѣ больше ничего

---

[1]) Fas. II, стр. 108—139.

ужъ не надо».—Но Кетиль наотрѣзъ отказывается. Послѣ этого всѣ стали смѣяться надъ нимъ еще больше. Разъ отецъ, подавая ему топоръ, сказалъ: «совѣтую тебѣ не выходить изъ дому послѣ того, какъ стемнѣетъ, и не направляться къ сѣверу отъ жилища!» Одинъ изъ сосѣдей Біернъ прямо называлъ его дурачкомъ изъ Рафниста—Hrafnistufífl. И вотъ какъ-то встрѣтились они—Біернъ и Кетиль, на рыбной ловлѣ. Біернъ со своими товарищами снова сталъ надъ нимъ издѣваться. У нихъ рыба клевала хорошо, а Кетиль за все время вытащилъ только одну рыбу, правда, очень большую. Раздраженный насмѣшками Кетиль швырнулъ рыбой въ Біерна съ такой силой, что тотъ вылетѣлъ изъ лодки и утонулъ.

Какъ то вечеромъ Кетиль все-таки отправился на сѣверъ. Отойдя немного отъ жилья, онъ встрѣтилъ дракона, похожаго не то на рыбу, не то на птицу. Хвостъ у него извивался клубкомъ, какъ у змѣи, а крылья были, какъ у дракона; глаза и пасть метали огонь; никогда Кетиль не видалъ подобной рыбы. Между ними завязалась упорная борьба, но Кетиль убилъ дракона. На разспросы отца Кетиль разсказалъ, что убилъ лосося (hœngr). И удивленный отецъ только и могъ сказать: «Что-жъ для тебя настоящая мелочь, если такое чудище ты считаешь мелкой рыбой? Назову же я тебя еще новымъ именемъ и зовись ты съ этого времени Кетилемъ Лосось!» (Ketill hœngr).

Кетиль по прежнему продолжалъ сидѣть у печи. И вотъ какъ-то, когда отецъ собирался на рыбную ловлю, Кетиль сталъ просить его взять и его, но отецъ замѣтилъ, что такому, какъ онъ, лучше сидѣть у огня, чѣмъ ѣздить по морю [1]) и ушелъ. Но когда онъ пришелъ на берегъ, тамъ уже былъ Кетиль. Чтобы испробовать Кетиля, отецъ подразниваетъ его, говоря, что онъ не въ состояніи столкнуть лодки. Но тотъ двинулъ ее съ такою силой, что отецъ отлетѣлъ на носъ лодки и тамъ растянулся. Они отправились на мѣсто ловли; отецъ зашелъ въ хижину [2]),

---

[1]) Vera í sjóf̨rum...
[2]) gætti skála...

а Кетиль пошелъ ловить рыбу. Онъ успѣлъ наловить уже много рыбы, какъ вдругъ къ нему подъѣхали два человѣка—Hœngr и Hrafn. Они стали требовать, чтобы онъ отдалъ имъ свой уловъ. Въ отвѣтъ на это Кетиль ударомъ дубины выбросилъ Генга изъ лодки, а Рафнъ уѣхалъ. Узнавъ о томъ, что случилось, отецъ сказалъ, что хорошо знаетъ ихъ, какъ задиръ, и что они за свою страсть къ раздорамъ выгнаны изъ общины, а затѣмъ, обратившись къ сыну, сказалъ: «вижу я, что ты созрѣлъ и для крупной рыбы и не напрасно ты получилъ свое прозвище». Съ того времени окрѣпла дружба между отцомъ и сыномъ. Кетилю было тогда 11 лѣтъ.

При чтеніи описанія дѣтства Кетиля, невольно вспоминаются имѣющіяся у всѣхъ народовъ сказки, герой которыхъ также является «запечникомъ»; сюда относятся сказки объ Иванушкѣ дурачкѣ, о Сендрильонѣ и Ашенбределѣ. Этотъ самый мотивъ отразился и въ народномъ эпосѣ, между прочимъ, и въ Ильѣ Муромцѣ, который 30 лѣтъ сидѣлъ сиднемъ. На древнесѣверномъ языкѣ сидень носилъ названіе «углеѣда»—Kolbitr или обозначался какъ человѣкъ, «сидящій у огня»—eldsætr. Несомнѣнно, и Кетиль принадлежитъ къ ихъ числу: онъ вообще находится въ загонѣ, и никто не вѣритъ въ его силу и способность. А между тѣмъ онъ и дѣльный работникъ, ловкій рыбакъ, храбрый и сильный въ борьбѣ противъ враговъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, какъ подвиги Кетиля тѣсно связаны съ насущными потребностями сѣверной жизни. Не Иванушка - дурачекъ добываетъ жаръ - птицу; смѣтливый, хотя не признанный сынишка норвежскаго поселенца дѣлаетъ стулъ, принимаетъ участіе въ уборкѣ сѣна, ловитъ рыбу, дерется съ сосѣдними мальчишками, сопровождаетъ отца въ дальнюю поѣздку за рыбой. Все это реальныя черты, уложившіяся въ сказочную схему о дурачкѣ-сиднѣ.

Нелюдимость и скрытность особенно характерны для Кетиля. Только къ матери онъ проявляетъ нѣжность; мы помнимъ, какъ отецъ растянулся въ лодкѣ отъ его толчка; да и потомъ особеннаго согласія между ними не было. А

вспыльчивость Кетиля, мстящаго Біерну за его насмѣшки! Это человѣкъ, который не тратитъ словъ; это человѣкъ дѣла. Въ немъ нѣтъ и тѣни хвастовства. Онъ совершилъ подвигъ, а говоритъ о немъ шутя. Въ немъ нѣтъ тщеславія; онъ отказывается управлять имѣніемъ, несмотря на то, что предложеніе отца должно было ему льстить. Его тянетъ въ море; тутъ онъ начинаетъ напрашиваться.

Уже въ Орваръ-Оддсагѣ мы отмѣтили тенденцію объяснять прозвища героевъ. Разсказы, вызванные такимъ желаніемъ, едва ли могутъ считаться вполнѣ историческими. Въ Кетильсагѣ такими разсказами будутъ фантастичный разсказъ о драконѣ, прямо не идущій къ дѣлу, такъ какъ Кетиль убиваетъ не лосося (hœngr), какъ слѣдовало ожидать, а дракона, — и разсказъ о встрѣчѣ съ двумя разбойниками, конечно, самъ по себѣ вполнѣ правдоподобный, хотя подлинность именъ, во всякомъ случаѣ, можно заподозрить: Hœngr подобрано нарочно для Кетиля Hœngr, а Hrafn — аллитерація къ имени товарища. Кромѣ того, Hœngr = Лосось и Hrafn = Воронъ вполнѣ отвѣчаютъ неопредѣленному описанію дракона, который похожъ былъ не то на рыбу, не то на птицу. Передъ нами несомнѣнно параллельные разсказы. Ketill = «котелъ» довольно обычное имя на сѣверѣ, и напрасно видѣть въ немъ какое-нибудь указаніе на чудовищность самаго носителя этого имени [1]). Hœngr = «лососемъ» могли прозвать Кетиля по какому-нибудь чисто физическому признаку, по формѣ носа или губъ.

Въ Галогаландѣ наступилъ большой голодъ. Рафниста находилась въ морѣ далеко отъ материка, что еще болѣе ухудшало положеніе жителей. Кетиль собирается на рыбную ловлю и тутъ уже отецъ безуспѣшно проситъ взять его съ собой. Кетиль не соглашается. Они прощаются, и отецъ называетъ ему три фіорда: Næstifjǫrđr [2]) = «сосѣдній», Miđfjǫrđr = «средній» и Vitađsgjafi или Vitaskrapi. Въ двухъ послѣднихъ онъ давно ужъ не бывалъ. Туда то, въ эти

[1]) Annaler f. nord. Oldk. 1863 г., стр. 67.

[2]) Въ варіантахъ Viđfjorđr, что въ сущности одно и то-же.

два фіорда Кетиль и отправляется; Нестифіордъ, судя по имени, лежалъ совсѣмъ близко отъ Рафниста, такъ что о немъ не стоило и говорить. Когда отецъ Кетиля бывалъ въ этихъ фіордахъ, то онъ находилъ огонь въ хижинахъ. Кетиль пріѣзжаетъ въ Мидфіордъ и также находитъ въ хижинѣ огонь. Въ самой глубинѣ фіорда онъ нашелъ уже большое жилье, въ которомъ онъ никого не засталъ. Тамъ онъ увидалъ большія ямы, а въ нихъ куски мяса китовьяго, бѣлаго медвѣдя, тюленей, моржей и другихъ звѣрей, на днѣ же лежало соленое человѣческое мясо. Кетиль разрылъ всѣ ямы и вынулъ все, что въ нихъ было. Къ вечеру причалилъ къ берегу хозяинъ дома Суртъ. Взявъ лодку, онъ понесъ ее къ своей стоянкѣ [1]), и тотчасъ же замѣтилъ, что здѣсь произошло что то неладное. «Если все это надѣлалъ Кетиль—запечникъ-дурачекъ (eldhusfíflit), подумалъ онъ, то зазорно мнѣ связываться съ нимъ, потому что Кетиль выросъ у очага, Кетиль—углеѣдъ!» Суртъ сперва просунулъ голову, но Кетиль, стоявшій за дверьми, въ ту же минуту отрубилъ ее. Великанъ упалъ мертвымъ на полъ. Кетиль нагрузилъ добычей лодку и вернулся домой.

На слѣдующее лѣто Кетиль отправился въ Витаскрапи. Отецъ начинаетъ предостерегать сына, указывая на то, что такая поѣздка страшна. «Ты, видно, хочешь, прибавляетъ онъ, посѣтить всѣ мои очаги (eldstóar) и показать, что ты такой же молодецъ, какъ и я». Въ этомъ фіордѣ Кетиль нашелъ столько рыбы, что ее можно было брать прямо руками. Но утромъ онъ увидалъ, что весь уловъ его исчезъ. Въ слѣдующую ночь Кетиль подстерегъ вора; это опять былъ великанъ. Кетиль ударилъ его топоромъ такъ, что топоръ остался въ ранѣ. И великанъ Кальдрани съ топоромъ бросился въ горы и скрылся тамъ въ пещерѣ. Сидѣвшія въ пещерѣ чудовища издѣвались надъ раненымъ, говоря, что это ему подѣломъ. И вотъ, Кетиль пробирается въ эту пещеру, называетъ себя врачемъ и обѣщаетъ вы-

---

[1]) Обычная черта въ разсказахъ о великанахъ, которая перенесена и на Тора. Ср. Hymiskviđa, строфа 27.

лѣчить великана, но, вмѣсто этого, вырвавъ изъ раны топоръ, окончательно добиваетъ врага. Дома отецъ спрашиваетъ его, не видалъ ли онъ чего-нибудь особеннаго. Кетиль говоритъ, что ѣздилъ онъ далеко. «Ну, и что же тамъ все было спокойно?» И Кетиль коротко отвѣчаетъ: «Да»!

Наступаетъ осень. Снова Кетиль отправляется на ловлю; снова ѣдетъ онъ на сѣверъ; его застигаетъ буря и относитъ въ открытое море. Онъ приплываетъ къ какимъ то горамъ у Финмарка; тамъ находится гавань, гдѣ раздѣлены [1]) горы. Кетиль такъ усталъ, что засыпаетъ. И вотъ, приходитъ великанша и начинаетъ трясти лодку за штевень. Кетиль вскакиваетъ въ лодку, успѣвъ захватить съ собой корзину съ масломъ, и отрубивъ канатъ, отплываетъ отъ берега.

Буря все еще продолжается; къ лодкѣ присталъ китъ и защищая ее своимъ тѣломъ отъ волнъ, смотритъ на Кетиля человѣческими глазами. Такъ въ Лаксделасагѣ [2]) тюлень необыкновенной величины плаваетъ вокругъ корабля Торстейна и всѣмъ видно, что у него человѣческіе глаза. И въ исландскихъ сказкахъ [3]) сохранился слѣдъ стариннаго повѣрья, что всѣхъ заколдованныхъ звѣрей можно узнать по глазамъ. Кого, по представленію составителя саги, могъ изображать китъ, сопровождающій Кетиля, сказать трудно. Лодку прибиваетъ къ шерамъ. Самъ Кетиль былъ выброшенъ на одинъ изъ островковъ. Не въ далекѣ отъ этого острова виднѣлся материкъ. Немного отдохнувъ, Кетиль направляется къ материку и видитъ тамъ хижину; передъ ней какой то мужчина по имени Бруни, кололъ дрова. Бруни принялъ его очень радушно, и между Кетилемъ и дочерью Бруни Рафнгильдой (Hrafnhildr) завязываются близкія отношенія. У Бруни гостятъ фины. Бруни угощаетъ ихъ масломъ, которое привезъ съ собой Кетиль, а молодыхъ покрываетъ бычачей шкурой, чтобъ пріѣзжіе

---

1) er bjǫrgin skildust...
2) Глава XVIII, стр. 42.
3) Rittershaus, стр. 6 и 56.

гости ихъ не увидѣли. Кетиль остается у Бруни на зиму и вмѣстѣ съ нимъ ходитъ на охоту и упражняется въ стрѣльбѣ. Прошелъ праздникъ іола [1]) и Кетиль сталъ собираться въ путь, но Бруни удержалъ его, указывая на зимнее время, плохую погоду и на то, что въ лѣсахъ хозяйничаетъ теперь финскій конунгъ Гуси. Когда же наступила весна, онъ самъ проводилъ Кетиля по направленію къ фіорду, и посовѣтовавъ ему не ѣхать черезъ лѣса, даритъ ему на прощаніе стрѣлы и палку съ желѣзнымъ наконечникомъ [2]). Но, несмотря на всѣ эти предостереженія Бруни, Кетиль все-таки идетъ въ лѣсъ и тутъ встрѣчаетъ упомянутаго Гуси въ саняхъ на двухъ оленяхъ. Обмѣнявшись 12 стрѣлами безъ всякаго вреда, Кетиль сталъ прицѣливаться въ Гуси палкой, а Гуси замахнулся копьемъ. Тогда Бруни сдѣлалъ такъ, что копье показалось Гуси кривымъ. Надо замѣтить, что до сихъ поръ Бруни былъ послѣ Гуси вторымъ лицомъ въ царствѣ [3]). Палка Кетиля попадаетъ Гуси прямо въ грудь. Кетиль отнимаетъ у умирающаго врага его мечъ Драгвендиль и три волшебныхъ стрѣлы: Flǫg=Летунъ, Hremsu=Коготь, Fífi=Пухъ. Кетиль возвращается къ Бруни и разсказываетъ ему, какъ онъ убилъ Гуси. Бруни завладѣваетъ властью, и они съ Кетилемъ разстаются большими друзьями. Пріѣхавъ на родину, Кетиль видитъ какія-то лодки, плывущія по направленію къ острову. Ему говорятъ, что это гости съѣзжаются справить по немъ тризну. И велика была радость отца, увидѣвшаго снова своего сына.

Кетиль пробылъ дома уже три года. Къ нему пріѣзжаетъ Рафнгильда; съ ней сынъ ихъ—Гримъ. Очень она не понравилась отцу Кетиля и онъ сердито спросилъ сына, зачѣмъ здѣсь эта вѣдьма [4]). Тогда Рафнгильда уѣзжаетъ,

---

[1]) По принятіи христіанства этотъ праздникъ зимняго солнцеворота совпалъ съ Рождествомъ.

[2]) Такой палкой пользуются при бѣгѣ на лыжахъ.

[3]) þviat hann var Konungdóminum nærstr.

[4]) Въ сагѣ указано, что лицо у ней было въ аршинъ (álnarbreitt), но эта подробность явилась подъ вліяніемъ многочисленныхъ разсказовъ нашихъ сагъ о великанахъ.

а сына оставляетъ у Кетиля, обѣщая пріѣхать за нимъ черезъ три года. Отецъ совѣтуетъ ему жениться, но тотъ все тужитъ и мечтаетъ о томъ, какъ бы ѣхать къ Рафнгильдѣ на сѣверъ. Отецъ не перестаетъ говорить, что любить поганое чудище стыдно, и отправляется къ помѣщику Барду (Barđr) просить для сына руки его дочери Сигриды. Бардъ замѣчаетъ, что если бы Кетилю ужъ очень хотѣлось жениться, то онъ пріѣхалъ бы самъ, но тѣмъ не менѣе выдать свою дочь соглашается. Въ брачную ночь Кетиль даже не раздѣвается, но жена не обращаетъ на это никакого вниманія и вскорѣ между ними все пошло на ладъ. Прошелъ годъ. У нихъ родилась дочь, которую Кетиль назвалъ Рафнгильдой. Отецъ къ тому времени умеръ и Кетиль, унаслѣдовавъ отъ него все хозяйство и много людей [1]), сталъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ людей на сѣверѣ; всѣ ожидали отъ него помощи [2]).

Черезъ три года согласно обѣщанію къ нему пріѣзжаетъ Рафнгильда. Кетиль предлагаетъ ей остаться, но она не согласилась: помѣхой была жена Кетиля. Рафнгильда уѣзжаетъ на родину, хотя нелегко далась ей эта новая разлука съ Кетилемъ, а Гримъ остался у отца. Разъ лѣтомъ Кетиль вмѣстѣ со своимъ сыномъ отправился въ Финмаркъ, чтобы посѣтить Бруни и его дочь. Остановились они у высокой горы, возлѣ которой протекала рѣка. Кетиль отправилъ Грима за водой. У рѣки къ Гриму подошла вѣдьма, которая хотѣла его схватить. Кетиль сказалъ, что это была не вѣдьма, что это—видѣніе (bysn), которое ничего добраго не предвѣщаетъ [3]). Видѣніе исчезло, но напуганный Кетиль рѣшилъ ѣхать домой. Можетъ быть, находящуюся тутъ же строфу слѣдуетъ понимать такъ, что Кетиль ею заклиналъ видѣніе [4]).

---

[1]) var fjǫlmennt međ honum...

[2]) þotti þeim mikit traust at honum...

[3]) Варіантъ поясняетъ, что это на самомъ дѣлѣ была Рафнгильда; если Кетиль ея не узналъ, то это, вѣроятно, понималось такъ, что являлась не она сама, а душа ея.

[4]) Сл. Eddica minora, стр. LXXXIII и 95.

Передъ нами тотъ же Кетиль, какимъ онъ былъ въ отрочествѣ. Отважный рыболовъ платитъ отцу той же монетой; уже онъ не беретъ отца съ собой; смѣлость его вызываетъ въ отцѣ опасенія. Привольно дышится ему въ пустынныхъ фіордахъ, въ дали отъ людей. И Кетиль который въ своей средѣ дичится всего и всѣхъ, здѣсь, среди финовъ, такъ сказать, на лонѣ природы, находитъ женщину по душѣ. Онъ съ ней живетъ всю зиму и не можетъ ее забыть. Дважды пытается она сдѣлать такъ, чтобы не разставаться съ нимъ на всю жизнь; но первый разъ между ними стоялъ суровый отецъ, опять совершенно не понявшій и не оцѣнившій сына, въ другой разъ—навязанная Кетилю жена. Рафнгильда упрекаетъ Кетиля за то, что онъ согласился на этотъ бракъ, но мы въ правѣ думать, что онъ женился на Сигридѣ только для того, чтобы не огорчать старика отца; мы видимъ, что тутъ же сообщается объ его смерти. Будучи самымъ вліятельнымъ бондомъ на сѣверѣ, онъ вѣроятно, также считалъ для себя неудобнымъ жениться на финкѣ. Но въ любви ей онъ остается вѣрнымъ; онъ хочетъ, чтобы она оставалась жить при немъ; онъ самъ ѣдетъ къ ней, взявъ съ собой сына. Только видѣніе заставляетъ его опомниться. Да и сама Рафнгильда не простой человѣкъ: она гордо отвергаетъ предложеніе Кетиля, какъ это ей ни тяжело. Теперь ей ужъ придется отказаться отъ надежды сочетаться съ Кетилемъ бракомъ. Какъ Кетиль и Рафнгильда переносили разлуку, объ этомъ сага умалчиваетъ. Вѣроятно и они сами не говорили о своихъ страданіяхъ.

Кромѣ замѣчательно выдержанной характеристики дѣйствующихъ лицъ, во всемъ разсказѣ бросаются въ глаза, за исключеніемъ фантастическаго и традиціонно-литературнаго элемента, еще подробности многихъ описаній, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что передъ нами не сказка-складка, а быль. Такъ всѣ поѣздки Кетиля преслѣдуютъ опредѣленную цѣль; онъ ѣдетъ на рыбную ловлю. Заниматься усиленно рыбнымъ промысломъ заставляетъ его голодъ. Земледѣліе и въ наши дни не процвѣтаетъ въ Галогаландѣ, и теперь оно не можетъ прокормить всѣхъ

жителей, а въ то время и подавно. Король Альфредъ пишетъ объ Отерѣ, что онъ обработывалъ небольшую площадь [1]). По свидѣтельству Эгильсаги ловля сельди и трески являются главными промыслами въ Галогаландѣ [2]). Такія поѣздки рыболововъ, разумѣется, не обходились безъ приключеній въ родѣ тѣхъ, которыя отразились въ мелкихъ разсказахъ Кетильсаги. Такъ приходилось постоянно перевѣдываться съ другими рыболовами или мѣстными поселенцами, которые, понятно, должны были недружелюбно относиться къ новымъ пришельцамъ. Таковы и столкновенія Кетиля съ Суртомъ и съ великаномъ Кальдрани. Въ описаніи бури вынести которую пришлось Кетилю, насъ не долженъ смутить китъ, смотрящій человѣческими глазами [3]). Мало ли что въ такую минуту могло показаться Кетилю! За то заслуживаютъ полнаго вниманія характерныя подробности мѣстности, куда присталъ Кетиль: гавань, лежащая между крутыми скалами; шеры недалеко отъ материка; густой лѣсъ, находящійся на извѣстномъ разстояніи отъ берега. Разъ Бруни принялъ его такъ радушно, то можно думать, что Кетиль заѣхалъ далеко на сѣверъ, гдѣ туземцы еще не питали вражды къ норманамъ. Споръ между Бруни и Гуси могъ быть споромъ двухъ соперничающихъ лапландскихъ родоначальниковъ. Вѣроятно Бруни самъ подбивалъ Кетиля убить Гуси. Онъ же проводилъ его до лѣса, гдѣ проѣзжалъ Гуси. Зачѣмъ бы Кетилю, убивъ Гуси, снова возвращаться къ Бруни, еслибъ онъ заранѣе не зналъ, какое значеніе имѣетъ для того извѣстіе о смерти Гуси? Но что всего страннѣе—это поведеніе Гуси: у него чудодѣйственныя стрѣлы и острый мечъ, а между тѣмъ, онъ предпочитаетъ метнуть копьемъ, которое казалось ему кривымъ. Очевидно ни мечъ, ни стрѣлы не упоминались въ первоначальномъ разсказѣ.

Съ этого мѣста мы замѣчаемъ измѣненіе въ стилѣ саги:

---

[1]) þæt lytle þæt hé erede mid horsan.

[2]) Сл. гл. X Эгильсаги.

[3]) Въ гл. VI Фричіофсаги на китѣ сидятъ двѣ вѣдьмы и вызываютъ бурю.

повторяются мотивы, приведенные уже въ первой ея части, а тѣхъ реальныхъ и психологически выдержанныхъ разсказовъ, которые мы видѣли въ первой части, тутъ почти уже нѣтъ.

Какъ то осенью къ Кетилю пріѣзжаютъ два викинга: Гіальмъ (Hjálmr) и Стафнгламъ и остаются у него зимовать. На праздникѣ іола Кетиль даетъ торжественный обѣтъ, что онъ никогда не выдастъ замужъ дочь противъ ея воли. Пріѣзжіе викинги были этимъ очень довольны. Вскорѣ затѣмъ прибылъ просить руки Рафнгильды изъ Упланда [1]) Али. Но Рафнгильда не согласилась выйти за него. Тогда Али вызываетъ Кетиля на поединокъ. Викинги готовы заступиться за Кетиля, но послѣдній отвергаетъ ихъ помощь, прося ихъ оказать ему только одну услугу: держать надъ нимъ щитъ во время боя. Али наноситъ Кетилю тяжелую рану, но Кетиль при первомъ же ударѣ проявляетъ всю свою хитрость: сдѣлавъ видъ, что собирается нанести ударъ въ голову, онъ заставляетъ Али поднять щитъ кверху, ранитъ его снизу и отрубаетъ ему обѣ ноги.

Затѣмъ опять наступила голодовка; рыба не пришла къ берегу; посѣвъ не удался; а у Кетиля было много народу, и Сигрида сказала, что въ домѣ не хватаетъ припасовъ [2]). Кетиль отправляется на рыбную ловлю, опять отказавшись отъ содѣйствія викинговъ. Пріѣхалъ онъ въ мѣстность, которая зовется—«Въ скалахъ» (i Skrofum) [3]). Тамъ онъ увидѣлъ на мысу вѣдьму. Она только что вышла изъ моря, но была черна, какъ смоль. Звали ее Форатъ [4]) и рождена она была на островѣ Рафнъ (Hrafnsey). Они

---

[1]) Upplǫnd, теперь Oplandene — области лежащія внутри страны, въ восточной Норвегіи.

[2]) Litlu síđarr gjörđist hallæri mikit, fyri þvi at fiskrinu firđist landit, en Kornárit brást, en Ketill hafđi fjölmennt ok þóttist Sigriđr þurfa fanga í buit. Fas. II, стр. 126.

[3]) Въ Швейцаріи еще сегодня: schroffe=скала, scraef=пещера; среднѣмецкое: scrof (e)=стѣна горы; англосаксонское: scraef=пещера; древненѣмецкое: screvunga=разрѣзъ. См. Kluge, Etym. Wb., стр. 353.

[4]) Вѣроятно — Forađ=мѣсто, гдѣ подвергаешься опасности жизни; опасное чудовище, страшилище. См. Fritzner, стр. 158.

разговариваютъ другъ съ другомъ стихами, и съ каждой строфой она подвигается все ближе и ближе къ Кетилю. Когда же она приблизилась на достаточно близкое разстояніе, Кетиль вынулъ стрѣлу Гуси. Вѣдьма подставила было руку; но вдругъ превратилась въ кита и бросилась въ море. Въ этотъ моментъ Кетиль услышалъ громкій крикъ. Оказывается, что онъ ее убилъ. Послѣ этой встрѣчи, Кетиль наловилъ рыбы, наполнилъ ею лодку и отъѣхавъ отъ шеръ, присталъ къ какой то скалѣ. Ночью онъ услышалъ страшный шумъ въ лѣсу и увидѣлъ вѣдьму съ длинными волосами. На вопросъ Кетиля, куда она торопится, вѣдьма отвѣтила, что спѣшитъ на большое собраніе. Тамъ будетъ и Скелькинъ изъ Думбсгафа [1]), король всѣхъ чудовищъ, Офоти изъ фіорда того же названія [2]), Торгерда [3]) и много другихъ великихъ чудовищъ съ сѣверной части страны. Всю ночь Кетиль провелъ среди вѣдьмъ (gangreiđir), но никакого вреда онѣ ему не сдѣлали. Онѣ вѣроятно, какъ и первая, спѣшили и не хотѣли терять времени.

Пріѣзжаетъ въ Рафниста конунгъ Фрамаръ [4]). Его владѣніе было въ Гестрекаландѣ въ области находящейся подъ властью гуновъ—í Hùnaveldi [5]). Фрамаръ былъ колдуномъ и заколдовалъ мѣстность Аргаугъ [6]) такъ, что тамъ никогда не падалъ снѣгъ. Сынъ Фрамара—Бедмодъ [7])

---

[1]) Skelkingr отъ skalkr=1) слуга 2) ругательство; нѣмецкое Schalk. О Думбсгафѣ см. выше стр. 78 сл.

[2]) O'fóti=безногая; по общенародному представленію чудища часто являются одноглазыми или безъ головы, чортъ—хромаетъ, животныя о трехъ ногахъ и пр. Ofodenfjord такъ называется и по нынѣ.

[3]) Þorgerđr Hörgatröll или Haurđatröll или Höldatröll, вѣрнѣе всего—Hölgatroll, такъ какъ именно въ Галогаландѣ существовало почитаніе божества, которое называлось Торгердой Hölgabrúđr. См. Golther, Myth., стр. 482—6.

[4]) framar=дальше, впередъ, своего рода—General Vorwärts.

[5]) Загадочное опредѣленіе; можетъ быть, оно находится въ какой-нибудь связи съ мѣстностью Hún въ норвежскомъ Упландѣ; еще теперь существуетъ приходъ Hundsogn.

[6]) 'Arhaugr=рѣчной холмъ, холмъ у рѣки, сл аналогичныя названія 'Ardalr, 'Arfjǫrđr, 'Arey и др.

[7]) böđ=борьба; Böđmođr=военная храбрость.

выстроилъ себѣ большую усадьбу въ Аргаугѣ. Фрамара же Одинъ такъ закалилъ, что его нельзя было ранить желѣзомъ [1]). Вотъ этотъ то Фрамаръ и пріѣхалъ свататься за Рафнгильду, но такъ какъ отецъ предоставилъ рѣшать ей самой свою судьбу, то и онъ получилъ отказъ. «Разъ уже я не согласилась выйти за бонда Али, говоритъ она, то, тѣмъ болѣе, не хочу я быть женой этакого чудовища». Фрамаръ вызываетъ Кетиля на единоборство, въ первый день праздника іола, въ Аргаугѣ. Опять Гіальмъ и Стафнгламъ предлагаютъ свои услуги; опять Кетиль говоритъ, что хочетъ ѣхать одинъ. Передъ праздникомъ іола Кетиль переправился на материкъ въ Наумудаль и пошелъ на лыжахъ вверхъ по долинѣ, черезъ лѣса въ Ямталандъ [2]). Затѣмъ путь его лежалъ черезъ лѣсъ, называемый Skálkskóg [3]), въ Гельсингіаландъ (Helsingjaland), а оттуда черезъ лѣсъ Eyskógamörk [4]), который отдѣляетъ Гестрекаландъ отъ Гельсингіаланда; онъ тянется на 20 верстъ въ длину и 3 версты въ ширину. Этотъ послѣдній переѣздъ былъ весьма затруднителенъ. У лѣса жилъ человѣкъ по имени Ториръ (þorir). Отъ него Кетиль узналъ, что въ лѣсу живетъ разбойникъ Соти. Тѣмъ не менѣе, онъ смѣло забирается въ лѣсъ и наталкивается на хижину самого Соти. Его нѣтъ дома. Кетиль смѣло входитъ въ хижину и разводитъ тамъ огонь. Соти, наконецъ, возвращается и, не считая нужнымъ привѣтствовать гостя, принимается за ѣду. «Ахъ ты сквалыга (matníðingr)!» говоритъ, видя это, Кетиль. Тогда Соти швырнулъ нѣсколько кусковъ въ сторону Кетиля. Наѣвшись, Кетиль легъ возлѣ огня и громко захрапѣлъ. Спустя нѣсколько времени, Соти всталъ, но Кетиль тотчасъ же проснулся и спросилъ его, что онъ ищетъ.

---

[1]) Fas. II, стр. 132, þat hafði O'ðinn skapat Framari at hann bitu eigi jarn; впрочемъ, такимъ закаломъ отличаются и другіе герои. Ср. Fas. III, стр. 606.

[2]) Jámtaland сосѣдитъ непосредственно къ области Намдаля.

[3]) Skálkskóg=Разбойничій лѣсъ; ср. выше троль—Скелькингъ.

[4]) Можетъ быть, это названіе образовалось изъ eyðiskógr=дѣвственный лѣсъ и eyðimörk=пустыня; еще теперь сохранилось названіе Edeskov.

Соти отвѣтилъ, что раздуваетъ огонь, который началъ потухать. Кетиль опять заснулъ. Снова всталъ Соти и схватился уже за топоръ. Кетиль приподнялся и замѣтилъ: «Ты, должно быть, хочешь нарубить полѣньевъ!» Послѣ этого Кетиль уже не спалъ. На утро онъ попросилъ Соти пойти вмѣстѣ съ нимъ въ лѣсъ. На ночь они расположились подъ дубомъ. Кетиль вскорѣ заснулъ и захрапѣлъ. Соти всталъ и ударилъ его по головѣ, но топоръ прошелъ мимо и разрубилъ только шапку. Кетиль вскочилъ и крикнулъ Соти: «Поборемся!» И тутъ же Кетиль свалилъ Соти на землю и отрубилъ ему голову. Затѣмъ Кетиль спокойно продолжалъ свой путь до самаго Аргауга.

Реальная обстановка Кетильсаги выдѣлится особенно тогда, когда мы сравнимъ ее съ болѣе фантастическими сагами. Такъ въ сагѣ о Гальфданѣ, сынѣ Эйстейна, разсказывается [1]) объ аналогичномъ путешествіи Гальфдана изъ Норвегіи въ Kirjálabottn=Финскій заливъ. Моремъ ѣхать приходится пять недѣль, сухимъ путемъ же можно достичь своей цѣли и въ три недѣли. Вѣроятно, составитель саги хотѣлъ сказать, что неблагоразумно огибать моремъ весь Скандинавскій полуостровъ; цѣлесообразнѣе добраться сухимъ путемъ до шведскаго берега, а оттуда уже продолжать путь моремъ. Словомъ, Гальфданъ изъ Норвегіи отправляется на востокъ. По дорогѣ лежатъ три лѣса: Kolskógr, въ которомъ живетъ разбойникъ Kolr; Klifskógr, лѣсъ, находящійся на крутомъ скатѣ горы [2]); въ немъ находится также разбойникъ—Hallgeir; наконецъ, Kálfárskógr съ разбойникомъ Selr=тюлень. Каждый разбойникъ имѣетъ своего помощника: Kolr—дочь Gullkúla, Hallgeir—кабана, Selr—пса. Кабанъ и песъ сильнѣе 12 мужчинъ. Обратите вниманіе: названія лѣсовъ начинаются всѣ съ буквы K; первый изъ нихъ длиною въ 20 миль; второй—4 и 20 миль=fjögra rasta ok 20; третій—16 и 20 миль=sextán rastir ok 20. Такимъ образомъ, повсюду проглядываетъ схематичность, съ которой составитель саги

[1]) Fas. III, 542 сл.
[2]) Klif=крутой холмъ.

сочинялъ, не имѣя за собой твердой исторической традиціи. Въ Кетильсагѣ не только не находимъ никакихъ слѣдовъ подобной конструкціонной работы, но прямо даже видимъ отраженія опредѣленныхъ географическихъ воспоминаній.

Дѣйствительно, разсказъ о путешествіи Кетиля на востокъ черезъ горы въ Швецію имѣетъ извѣстную историческую подкладку. Есть много данныхъ, указывающихъ на то, что норвежское населеніе около Трондгейма и Намдаля еще въ доисторическое время посѣщало прилегающія шведскія провинціи: Härjedalen и Ямталандъ. Въ этихъ краяхъ находятся древнія могилы съ норвежскими вещами; по одному сказанію тамъ даже похороненъ норвежскій конунгъ, который намѣревался ѣхать въ Упсалу, но умеръ по пути. Слѣды норвежскаго вліянія хотѣли видѣть также въ мѣстныхъ говорахъ. По другимъ воспоминаніямъ, колонизація этихъ мѣстностей была дѣломъ норвежскихъ выходцевъ [1]). Словомъ, въ нашей сагѣ могли сохраниться намеки на какое-нибудь дѣйствительное путешествіе Кетиля, имѣвшее цѣлью не непремѣнно Гестрекаландъ, а просто страны, лежащія въ томъ направленіи. Разсказъ о столкновеніи съ разбойникомъ отличается той же мѣткой характеристикой, какъ и первая часть саги. Храбрость Кетиля тутъ подчеркнута его невозмутимымъ спокойствіемъ: онъ готовъ шутить, несмотря на то, что разбойникъ, судя по всѣмъ признакамъ, желаетъ убить его. Но вотъ терпѣніе его изсякло, и онъ уничтожаетъ врага.

Дошедши до Аргауга, Кетиль взошелъ на холмъ и сѣлъ лицомъ къ вѣтру. Кругомъ бушевала мятель, но это мѣсто было заколдовано Фрамаромъ и его людьми на цѣлый годъ. Бедмодъ, сынъ Фрамара, который жилъ возлѣ горы Аргауга, еще раньше приказалъ своимъ людямъ отыскать Кетиля и звать его къ себѣ; но тѣ не могли его найти. Тогда Бедмодъ догадывается, что Кетиль, можетъ быть взобрался на самый холмъ, и самъ отправляется за нимъ. По одному варіанту, Бедмодъ стаскиваетъ Кетиля съ холма за

1) Modin, Härjedalens ortnamn och bygdesägner стр. 8, 121, 135, 143, 174, 184 и др. (Svenska landsmålen, т. 74), 1901 г.

ноги. На другое утро Бедмодъ, несмотря на возраженія Кетиля провожаетъ его въ Аргаугъ. Тамъ они застали Фрамара и много другихъ людей. Во время поединка Бедмодъ держитъ щитъ для Кетиля. Фрамаръ, не боясь ударовъ меча, не нуждается ни въ щитѣ, ни въ товарищѣ; удары Кетиля не оставляютъ на немъ никакого слѣда. А между тѣмъ съ перваго же удара Фрамаръ раскалываетъ щитъ Кетиля. Тогда Кетиль повертываетъ мечъ въ своей рукѣ (по одному варіанту онъ дѣлаетъ это три раза). Фрамаръ по прежнему спокойно ожидаетъ удара; но на этотъ разъ мечъ Драгвендиль оправдалъ свою славу и Фрамаръ былъ сраженъ. Убивъ Фрамара, Кетиль возвращается домой; слава его гремитъ теперь далеко. Потомъ, какъ повѣствуетъ сага, онъ выдаетъ свою дочь Рафнгильду замужъ за Бедмода. Но, прибавляетъ варіантъ, его называютъ также Бедваромъ (Bôđvarr).

Выше мы указали на то, что такія сношенія между норвежскимъ и шведскимъ населеніемъ, которыя описываются здѣсь въ Кетильсагѣ, дѣйствительно происходили. Наряду съ этимъ разсказъ саги сохранилъ еще память о религіозномъ различіи, подчеркнувъ близкую связь Фрамара съ Одиномъ, котораго Кетиль вовсе не признаетъ. Одинъ закалилъ тѣло Фрамара, Одинъ даритъ ему побѣду, Одинъ дѣлаетъ безвредными (deyfđi) удары Драгвендиля. Недаромъ Фрамаръ считается человѣкомъ набожнымъ— blótmađr. Напрасно только Шюкъ [1]) думаетъ, что árhaugr былъ мѣстомъ культа Фрея; сага всячески выдвигаетъ Одина. Узнавъ о томъ покровительствѣ Одина, которымъ пользовался Фрамаръ, Кетиль испугался, потому что онъ никогда не приносилъ жертвы Одину:

O'đni blóta
gjörđa ek aldregi,
hefik þó lengi lifat [2]).

Итакъ, это различіе двухъ религіозныхъ направленій проведено весьма сознательно и послѣдовательно.

---

1) Schück, Studier, т. II. стр. 250.
2) Fas II, стр. 135.

XXII.

Соотношеніе Кетиль-, Грим- и Орваръ-Оддсаги.

Уже при бѣгломъ обзорѣ содержанія этихъ сагъ намъ стало ясно, что между ними должна существовать общая связь и въ композиціи: нѣкоторыя черты одинаково повторяются во всѣхъ трехъ сагахъ. Возникаетъ вопросъ, какой сагѣ слѣдуетъ приписать наибольшую оригинальность. Буръ [1]) думаетъ, что изъ Кетиль- и Гримсаги были перенесены черты въ Орваръ-Оддсагу. Но такое предположеніе уже a priori противорѣчитъ тому, что мы наблюдаемъ относительно древнесѣверныхъ сказаній. Генеалогическій интересъ исландца сказался при слаганіи сагъ въ томъ смыслѣ, что заставлялъ его сообщать намъ свѣдѣнія не столько о потомствѣ, сколько о предкахъ героя. Пространные разсказы составлялись только о предкахъ. Жизнь потомства была всѣмъ извѣстна, присочинять было неудобно. Зато, чѣмъ дальше удалялся разсказчикъ отъ историческихъ воспоминаній, тѣмъ больше было простора для фантазіи. Генеалогія знаменитыхъ героевъ обыкновенно восходила къ сказочному міру, къ великанамъ, оборотнямъ и колдунамъ-финамъ. Такъ и отецъ Кетиля названъ получудовищемъ-halftrǫll. Поэтому, если исландская сага и стала хроникой цѣлаго рода, то все же она отличается тѣмъ, что занимается не столько героемъ и его потомствомъ, сколько героемъ и его предками. Исторія доблестнаго рода прекращается для исландца гибелью самаго яркаго представителя родовыхъ отличій. Появленіе этого героя какъ будто подготавливается поколѣніями. Такъ Сигурдъ является завершителемъ славы рода Вольсунговъ, Рольфъ—рода Шольдунговъ, Ингіальдъ—рода Инглинговъ. Съ перваго взгляда можетъ казаться, что разсказы о предкахъ увеличиваютъ значеніе самого героя, на самомъ же дѣлѣ слава послѣдняго распространяетъ свое сіяніе на первыхъ. По-

---

[1]) Afnf., VIII, стр. 100.

дыскиваются случаи, позволяющіе сплетать дѣянія предковъ съ подвигами главнаго героя. Поэтому естественно предполагать заимствованіе отдѣльныхъ чертъ и подробностей изъ саги о знаменитомъ героѣ для менѣе извѣстнаго предка, а не наоборотъ [1]).

Вотъ— мелкая черта, которая указываетъ на тотъ же путь заимствованій. Въ Кетильсагѣ упоминаются два брата Hjálmr и Stafnglámr. Эти имена несомнѣнно связаны, какъ это указалъ уже Буръ [2]), съ именами Гіальмара и его друга þórđr stafnglama въ Орваръ-Оддсагѣ. Такъ какъ они по разсказу Кетильсаги только присутствуютъ при совершающихся событіяхъ, а сами въ нихъ рѣшительно никакого участія не принимаютъ, то ясно, что первоначальное ихъ мѣсто не Кетильсага, а Орваръ-Оддсага.

Главное подозрѣніе въ фантастичности вызываетъ Гримсага, такъ какъ почти все ея содержаніе исчерпывается сказкой о заколдованной невѣстѣ. Кромѣ того, Гримъ дважды сражается, какъ Орваръ-Оддъ, съ 12 берсерками: разъ изъ за кита, другой съ Серквиромъ. Въ послѣднемъ случаѣ Гримъ выходитъ въ бой съ женихомъ дочери, получившимъ отказъ,—мотивъ, дважды повторяющійся въ Кетильсагѣ. О встрѣчѣ Грима съ двумя вѣдьмами и говорить не стоитъ; этотъ разсказъ ясно напоминаетъ намъ о похожденіяхъ Одда въ Рисаландѣ. Словомъ, ссора изъ за кита—единственная самостоятельная черта Гримсаги, да и тутъ враги Грима—традиціонныхъ 12 берсерковъ—портятъ все впечатлѣніе этого разсказа. Одно упоминаніе кита не можетъ заставить насъ увѣровать въ существованіе какой нибудь оригинальной традиціи о Гримѣ. Если уже придерживаться того взгляда, что Гримсага съ начала до конца — компиляція исландскаго писателя, то позволительно думать, что китъ пришелъ ему въ голову подъ вліяніемъ Кетильсаги, изъ которой почерпнуты всѣ бытовыя подробности относительно рыбной ловли.

---

[1]) Grundtvig, Udsigt, стр. 32; Möbius, Über die ältere isl. Saga, стр. 19; статья Мебіуса въ Zfd Ph. т. I, стр. 428.

[2]) L., стр. XXXVIII, примѣчаніе.

Если не существовало никакого живого преданія о Гримѣ, такъ что составителю пришлось прибѣгнуть къ пріуроченію къ его имени простонародной сказки, разнообразивъ послѣднюю нѣкоторыми грубо заимствованными эпизодами, то какимъ соображеніямъ, спрашивается, обязана своимъ происхожденіемъ Гримсага. Отвѣтъ на этотъ вопросъ дадутъ намъ генеалогическіе списки. Дѣло въ томъ, что между Кетилемъ, Гримомъ и Оддомъ никогда никакого родства и не существовало. И по формѣ своей эти имена нисколько не связаны между собой: обыкновенно аллитерація или часть имени переходила отъ отца къ сыну. Но намъ извѣстны и болѣе вѣскія свидѣтельства. Собственно этотъ вопросъ былъ разработанъ уже Палуданомъ Мюллеромъ [1]).

Во-первыхъ, Оддъ самъ ни въ одной генеалогіи не встрѣчается.

Гримъ Бородатая Щека упоминается дважды въ спискѣ исландскихъ переселенцевъ. Въ первомъ мѣстѣ онъ является отцомъ одного переселенца: An raudfelldr svn Grims lođinkinna or Rafnistu ok sonr Hælgu dottur Anar bogsveigis vard missattr vid Haralld Konung ok for þui or lanndi i vestr viking [2]). Въ другомъ мѣстѣ Гримъ называется предкомъ другого викинга: þorir snepill het mađr s(vn) Ketils brimils Ornolfs s(vnar) Biornolfs s(vnar) Grims s(vnar) lođin kinna [3]). Выходъ изъ этого противорѣчія возможенъ такой: существовало два бонда по имени Grímr lođinkinni, изъ которыхъ только первый былъ изъ Рафниста. Сюда подходилъ бы и галогаландецъ Гримъ: Asa syster Grims hins haleyska [4]). Для насъ теперь важно лишь то, что Оддъ нигдѣ не названъ сыномъ Грима и что о родствѣ Грима съ Кетилемъ тоже нѣтъ ни слова.

Но если Гримъ и не былъ ни сыномъ Кетиля, ни отцомъ Одда, то генеалогіи не позволяютъ намъ причислить

---

1) Sagabibliothek, т. II, стр. 528 сл.
2) Landnámabók, стр. 45^{3}, 168^{32}, 242^{9}.
3) Тамъ же, стр. 80^{5}.
4) Hauksbók, гл. 347, стр. 123.

его къ выдуманнымъ лицамъ исландскихъ сагъ. Онъ, вѣроятно, жилъ когда то въ Рафниста, но или совсѣмъ не отличался никакими подвигами, или память о нихъ успѣла заглохнуть.

Кетиль Лосось въ генеалогіяхъ сдѣланъ дѣдомъ знаменитаго переселенца того же имени: Ketill hængr het agiætr maðr i Navmvdal svn þorkels Navmdœla iarls ok Rafnilldar dottvr Ketils hængs or Rafnistv Hallbiarnar svnar halftrollz [1]). Здѣсь мы уловили тотъ моментъ, гдѣ сталкиваются исторія и сага. Запомнимъ его. Кетильсага [2]) согласуетъ эту генеалогію со своимъ содержаніемъ такъ, что Рафнгильда дважды выходитъ замужъ, первый разъ за Бедмода, затѣмъ за Торкеля. Пока же для насъ ясно то, что и Кетиль не имѣлъ ничего общаго ни съ Гримомъ, ни съ Оддомъ. Впрочемъ, въ этомъ могли мы убѣдиться также, всмотрѣвшись повнимательнѣе въ разсказы самихъ сагъ: въ Кетильсагѣ законное, такъ сказать, признанное дитя Кетиля—Рафнгильда, а не Гримъ; въ Гримсагѣ—Лоптгена рожаетъ не Одда, а дочь Брунгильду. Итакъ, родство нашихъ героевъ слѣдуетъ поставить на счетъ исландскихъ составителей сагъ. Попытаемся теперь выяснить себѣ ходъ этой комбинаціи.

Исландецъ зналъ разсказы о двухъ славныхъ норвежскихъ герояхъ, жизнеописанія которыхъ онъ хотѣлъ связать вмѣстѣ. Но разъ Кетиль нашей саги считался дѣдомъ Кетиля переселенца, то прямое происхожденіе отъ него знаменитаго въ свою очередь Одда не представлялось удобнымъ. Составитель воспользовался личностью Грима, который также, какъ и Кетиль, жилъ въ Рафниста и уже не разъ былъ вплетаемъ въ ту или другую генеалогію. Особенно ловко составитель воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что Кетилю приписывалась связь на сторонѣ съ Рафнгильдой: плодомъ этой любви былъ сдѣланъ Гримъ. Чтобы связать послѣдняго съ Оддомъ въ Гримсагу былъ

---

[1]) Landnámabók, стр. 105^{25} и 217^{17}. Эти слова почти буквально повторяются въ Эгильсагѣ, гл. XXIII, стр. 70.

[2]) Fas., II, стр. 156.

привлеченъ Ингіальдъ, у котораго по традиціи Орваръ-Оддсаги росъ Оддъ. Въ Гримсагѣ они знакомы еще до рожденія Одда, и ихъ союзъ лишенъ бытового интереса, отмѣченнаго нами въ Орваръ-Оддсагѣ. Гримсага идеализируетъ эту дружбу: Ingjaldr... var hin fræknasti maðr ok var laungum með Grími loðinkinna ok var með þeim vinátta mikil [1]). Когда составитель писалъ эти строки, то первой главы Орваръ-Оддсаги еще не было. Вѣдь она объясняетъ, почему Оддъ, сынъ Грима изъ Рафниста, выросталъ въ Беруріодѣ. Но родство Грима и Одда только теперь и создавалось самимъ составителемъ. Такимъ образомъ, разсказъ о рожденіи Одда единственная часть Орваръ-Оддсаги, въ которой могло сказаться вліяніе Гримсаги. Можетъ быть, описанная въ Гримсагѣ дружба отцовъ была для Орваръ-Оддсаги перенесена на сыновей, тогда стало бы само собою понятнымъ, почему Асмундъ не играетъ болѣе выдающейся роли въ Орваръ-Оддсагѣ. Какъ составитель Гримсаги такъ и редакція S. Орваръ-Оддсаги хотѣли придать своему разсказу наибольшую правдоподобность: въ Гримсагѣ мы находимъ самыя точныя свѣдѣнія о роднѣ Ингіальда и его жены Dagný; редакція S. прибѣгла къ новому собственному имени и называетъ жену Ингіальда—A'lof [2]). Такимъ образомъ, получаются трудно объяснимыя противорѣчія.

Другимъ средствомъ связать саги между собою являлись извѣстные талисманы, которые переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такими семейными драгоцѣнностями въ данномъ случаѣ стали стрѣлы Гуси. Другой привилегіей семьи Одда (ættargipt) былъ попутный вѣтеръ, который дулъ даже въ томъ случаѣ, когда подымали паруса при штилѣ. Любопытны противорѣчія между обѣими редакціями Орваръ-Оддсаги. Въ редакціи M. говорится, что стрѣлы взяты Кетилемъ у Гуси. þessar ǫrvar tók Ketill hængr af Gusi Finnakonungi [3]). Редакція S. наперекоръ

---

1) Fas., II, стр. 153.
2) L., стр. 5³.
3) L., стр. 25⁷.

традиціи Кетильсаги заставляетъ Грима утверждать, что онъ самъ раздобылъ стрѣлы: þær vann ek af Gusi Finnakonungi [1]). То же случилось и со вторымъ талисманомъ, съ попутнымъ вѣтромъ. Пользуясь имъ, Оддъ замѣчаетъ въ редакціи М., что попутнымъ вѣтромъ пользовался и Кетиль [2]); въ редакціи S. эта ривилегія приписывается Гриму [3]). На самомъ дѣлѣ эти талисманы первоначально не принадлежали ни Кетилю, ни Гриму. Попутный вѣтеръ могли вызвать и другіе галогаландцы [4]); вѣроятно, имъ приписывался этотъ даръ вслѣдствіе ихъ близости къ финамъ. Стрѣлы же были отняты у Гуси самимъ Оддомъ, какъ это мы попытаемся доказать въ дальнѣйшемъ. Такимъ образомъ, родовые талисманы также поддѣланы, какъ и самое родство. Издатели Eddica minora [5]) объясняютъ противорѣчія между редакціями Орваръ-Оддсаги тѣмъ, что редакція S. возникла самостоятельно и раньше не только другихъ редакцій Орваръ-Оддсаги, но и раньше Кетиль- и Гримсаги; поэтому они называютъ редакцію S. старшей Орваръ-Оддсагой. Я себѣ объясняю эти противорѣчія болѣе тщательной отдѣлкой редакціи S.; для ея составителя важно было отмѣтить, что Орваръ-Оддъ всѣми талисманами былъ обязанъ своему отцу. Редакція М. передаетъ намъ болѣе грубый набросокъ, въ которомъ прежде всего имѣлось въ виду родство съ знаменитымъ Кетилемъ.

Впрочемъ, мы едва не забыли о третьемъ талисманѣ — о мечѣ Драгвендилѣ. Такъ какъ Оддъ нигдѣ не борется мечемъ, а лишь дубиной или стрѣлами, то нельзя было Одду приписать обладаніе знаменитымъ мечемъ. Онъ такъ и застрялъ у Грима—на время. Но въ Эгильсагѣ [6]) говорится, что Гримъ передалъ этотъ мечъ Торольфу, сыну

---

1) L., стр. 24^{13}.

2) þat er mér sagt at Ketill hængr drægi segl upp í logni ok fengi þegar byr, L., стр. 19^{7}.

3) Grímr fađir minn hefir byr hvert er hann vill sigla, L., стр. 18^{9}.

4) listar þeirrar er haft hafđi Ketill hængr, fađir hans, ok ađrir Hrafnistumenn. Fas., II, стр. 152.

5) Стр. LXIX сл.

6) Глава LXI, стр. 205.

Квельдульфа. И тутъ же дается такое объясненіе: þat sverđ hafđi att Ketill hæingr ok haft í hólmgǫngum ok var þat allra sverđa bitrast. Изъ этого прибавленія видно, что достойнымъ владѣльцемъ меча былъ только Кетиль; упоминаніе меча въ Гримсагѣ имѣетъ цѣлью лишь скрѣпить связь съ Кетильсагой. На самомъ же дѣлѣ, благодаря сближенію нашего Кетиля съ историческимъ лицомъ того же имени только и могла произойти передача меча. Историческій Кетиль участвовалъ въ борьбѣ противъ короля Гаральда, будучи лучшимъ другомъ Торольфа, сына Квельдульфа. Гаральдъ, подстрекаемый Гарекомъ и Рёрекомъ, сыновьями Гильдириды, убиваетъ Торольфа. Тогда Кетиль мститъ за своего друга, отправляется въ Торгаръ и убиваетъ сыновей Гильдириды. Это обстоятельство и поставило Кетиля въ необходимость оставить Норвегію и переселиться въ Исландію. Дружба Кетиля съ Торольфомъ вполнѣ объясняетъ намъ, почему мечъ Драгвендиль очутился у послѣдняго. Кстати замѣчу, что пребываніе историческаго Кетиля въ Торгарѣ дало поводъ связать Кетиля саги съ другимъ знаменитымъ родомъ, изъ котораго вышелъ—Barđr hvíti, павшій въ сраженіи при Гафрсфіордѣ [1]). Его дѣдъ—полувеликанъ Біоргольфъ былъ женатъ на Гельгѣ, дочери Кетиля Лосося [2]). Такъ какъ эта дочь Гельга для насъ совершенно новое открытіе, то эта генеалогическая связь вполнѣ своевольная комбинація. Вызвана она могла быть тѣмъ обстоятельствомъ, что историческій Кетиль находился и прославился въ томъ же Торгарѣ, гдѣ жилъ и отецъ Барда [3]).

Итакъ, мы прослѣдили генеалогію нашихъ героевъ и исторію ихъ талисмановъ. Остановимся теперь на столкно-

---

¹) Hkr., стр. 246.

²) Brynjólfr átti Helgu dottur Ketils hæings ór Hrafnistu. Эгильсага, гл. VII, стр. 20.

³) Въ учебное изданіе Эгильсаги вкралась роковая ошибка. Въ самомъ началѣ (гл. I, стр. 1) мы читаемъ: Ulfr hét mađr, son Bjálfa ok Hallberu, dóttur Ulfs ens óarga; hon var *systir* Hallbjarnar hálftrǫlls í Hrafnistu *dóttur* Ketils hœings. Должно быть: fǫđur Ketils hœings, въ чемъ можно убѣдиться, взглянувъ въ критическое изданіе Эгильсаги 1886 г., стр. 3.

веніяхъ нашихъ героевъ съ чудовищами сѣвера. Уже въ Гримсагѣ сказано, что никто не былъ такъ способенъ къ истребленію великановъ, какъ Гримъ и Оддъ [1]). Въ разсказѣ о похожденіяхъ Одда въ Рисаландѣ много несообразностей. Оддъ лишаетъ Гнейпу зрѣнія, а она, несмотря на то, что слѣпа, бѣжитъ въ горы. Въ пещеру она уже не является. Вѣсть объ ея несчастьѣ приноситъ слуга—Harđhauss [2]). Кромѣ того, непонятно, къ чему служатъ совѣщанія, трижды повторенныя въ редакціи M., подслушанныя Оддомъ. На ходъ событій онѣ собственно никакого вліянія не имѣютъ. Разсказъ и безъ нихъ совершенно понятенъ. Вообще же событія въ Рисаландѣ сводятся къ двумъ мотивамъ: къ борьбѣ Одда съ великаншей и къ общему собранію великановъ.

Присмотримся теперь къ великаншамъ Гримсаги:

1) Гримъ выѣхалъ на рыбную ловлю. Ночью—буря. Весь уловъ исчезъ. На слѣдующую ночь повторяется шумъ. Гримъ выходитъ съ топоромъ. Двѣ великанши трясутъ штевни корабля. Гримъ убиваетъ одну изъ нихъ стрѣлой Гуси.

2) Другую великаншу Гримъ ударяетъ топоромъ. Топоръ застряваетъ въ ранѣ и великанша убѣгаетъ въ горы.

3) Слѣдуя за ней, Гримъ попадаетъ въ пещеру. Тамъ сидитъ старикъ со старухой. Они проклинаютъ Грима, но тотъ убиваетъ ихъ.

Этотъ разсказъ совершенно совпадаетъ съ повѣствованіемъ Орваръ-Оддсаги о томъ, какъ Гнейпа переправляется черезъ проливъ, трясетъ штевни, какъ Оддъ въ нее стрѣляетъ и затѣмъ преслѣдуетъ до пещеры. Разница только въ томъ, что Гримсага знаетъ двухъ вѣдьмъ: одну убиваютъ, другая же бѣжитъ въ пещеру.

Въ Кетильсагѣ мы находимъ слѣдующіе разсказы:

1) Въ Мидфіордѣ Кетиль открылъ большіе запасы мяса и рыбы. Большая хижина свидѣтельствуетъ о жительствѣ

---

[1]) eru þeir feđgar meir lagđir til þess enn ađrir menn at drepa niđr röll ok bergbúa. Fas. II, стр. 147.

[2]) L., стр. 47.

здѣсь великана. Когда Суртъ возвращается домой, Кетиль отсѣкаетъ ему голову топоромъ.

2) Въ другомъ фіордѣ кто то воруетъ у Кетиля уловъ. Кетиль подстерегаетъ вора и нападаетъ на него съ топоромъ. Топоръ застрялъ въ ранѣ великана Кальдрани, который съ нимъ и убѣгаетъ.

3) Преслѣдуя великана, Кетиль попадаетъ въ пещеру, гдѣ сидитъ собраніе чудовищъ. Они издѣваются надъ потерпѣвшимъ Кальдрани [1]). Кетиль выхватываетъ топоръ у Кальдрани и добиваетъ его.

Эти разсказы сохранили рядъ бытовыхъ подробностей: ямы съ запасами, которыя находитъ Кетиль; хижина на берегу, сооруженная для временнаго пребыванія здѣсь рыбаковъ; воровство чужого улова. Благодаря стремленію придать разсказу бо̀льшую реальность, нашъ сюжетъ претерпѣлъ различныя измѣненія: великанши замѣнены великанами; дѣйствіе было перенесено въ хижину; Кетиль сражается не лукомъ, а топоромъ. Можетъ быть также, разсказъ о Суртѣ отражаетъ въ себѣ какое нибудь болѣе самостоятельное сказаніе, въ которомъ мѣстомъ дѣйствія была хижина, а орудіемъ расправы—топоръ. Отсюда топоръ перешелъ на Кальдрани и далѣе въ Гримсагу. Несмотря на эти измѣненія, связь съ разсказами Гримсаги и Орваръ-Оддсаги совершенно ясна.

Сличивъ всѣ эти разсказы, мы можемъ возстановить первоначальный видъ этой части Орваръ-Оддсаги. Такъ какъ Гримсага знаетъ двухъ вѣдьмъ, а Кетильсага двухъ великановъ, то, вѣроятно, и въ Орваръ-Оддсагѣ выступало двѣ великанши. Слѣпая Гнейпа не могла добѣжать до пещеры, она, должно быть, была убита, какъ Суртъ Кетильсаги, какъ первая великанша Гримсаги. Но добѣжала вторая и принесла вѣсть о случившемся несчастьѣ. Въ настоящихъ редакціяхъ Орваръ-Оддсаги ее замѣнилъ слуга Harđhauss. Что касается собранія великановъ, то оно имѣло мѣсто лишь къ концу. Ни Кетиль- ни Гримсага не знаютъ совѣщаній, предшествовавшихъ встрѣчѣ съ отдѣльными

---

[1]) þar sátu trǫll viđ eld ok hlógu mjǫk. Fas. II, стр. 115.

чудовищами; поэтому мы въ правѣ думать, что эти совѣщанія развились въ Орваръ-Оддсагѣ лишь впослѣдствіи. Итакъ, для первоначальнаго содержанія Орваръ-Оддсаги мы возстановили слѣдующія подробности относительно приключенія Одда въ Рисаландѣ: нападеніе двухъ вѣдьмъ, трясущихъ штевни; разстрѣлъ одной изъ нихъ, бѣгство другой въ горы; ея разсказъ о случившемся чудовищамъ, собравшимся въ пещерѣ; преслѣдованіе Одда, который врывается въ пещеру и убиваетъ ихъ.

При нѣкоторой критикѣ можно и въ другой части Кетильсаги узнать тотъ же порядокъ приключеній:

1) Прибывъ въ мѣстность í Skrofum Кетиль встрѣчаетъ великаншу Форатъ. Правда, она не трясетъ штевни, но этотъ мотивъ былъ уже раньше исчерпанъ [1]). Кетиль стрѣляетъ въ нее стрѣлами Гуси, но она въ ту же минуту превращается въ кита и бросается въ море. Превращеніе въ кита могло произойти подъ вліяніемъ того кита, который всю ночь провожалъ корабль Кетиля. Ясно, что Кетиль не могъ преслѣдовать ее. Такимъ образомъ, переходъ къ собранію вѣдьмъ тутъ былъ отрѣзанъ.

2) У Форатъ была, вѣроятно, и подруга-помощница, хотя сага какъ то стерла ее. Имя ея—Grídr [2]). Такъ Форатъ говоритъ Кетилю: «я тебѣ покажу, какъ развести костеръ, а тебя самого я потреплю, пока не примется за тебя сама Грида, которая придетъ съ ужасной бранью!» На что Кетиль спокойно возражаетъ: «Этого отъ нея только и можно ждать!» [3]). Когда онъ выстрѣлилъ въ Форатъ, и та громко закричала, то показалась Грида [4]), но объ ея роли мы такъ ничего и не узнаемъ.

---

[1]) Fas. II, стр. 116.

[2]) Eddica minora, стр. LXXIII.

[3]) Fas. II, стр. 130:

Seyđi þinum mun ek snúa,
en sjálfum þér gnúa,
unst þik gríđr grípr,
[ok mun hún koma
međ sínu gjálfri].
þess er nú at henni von, sagđi Ketill.

[4]) þá sá hann gríđi... Fas. II, стр. 131.

3) Но и о собраніи вѣдьмъ сохранилось воспоминаніе какъ разъ въ этомъ мѣстѣ. Ночью Кетиль просыпается отъ страшнаго шума въ лѣсу. Онъ выбѣгаетъ и застаетъ вѣдьму. На его вопросъ, куда она спѣшитъ, та отвѣчаетъ, что торопится на собраніе (trǫllaþingr); вѣдьмы безпокоятъ его всю ночь [1]).

Не даромъ мы, излагая содержаніе Кетильсаги, обратили вниманіе на разницу въ стилѣ послѣ разсказа о Рафнгильдѣ. Повтореніе цѣлой серіи эпизодовъ во второй части нашей саги подтверждаетъ это наблюденіе и наводитъ на мысль о двухъ составителяхъ Кетильсаги. Трудно представить себѣ, чтобы одинъ и тотъ же авторъ дважды подражалъ одному и тому же разсказу. Я готовъ думать, что старшая Кетильсага именно кончалась романомъ Кетиля съ Рафнгильдой и его женитьбой на Сигридѣ. Въ этомъ случаѣ мы съ начала до конца имѣли бы выдержанный разсказъ, въ то время какъ единоборства Кетиля относятся къ совершенно другой области представленій. Тамъ передъ нами Кетиль—рыболовъ, типичный представитель галогаландскаго бонда; здѣсь, Кетиль—holmgǫngumađr.

Можно даже въ главномъ разсказѣ второй части Кетильсаги прослѣдить нѣкоторую зависимость отъ другихъ сагъ. Вполнѣ неудачной я считаю сопоставленіе издателями Eddica minora [2]) единоборства Кетиля съ Фрамаромъ съ походомъ Одда въ Біалкаландъ. Они усматриваютъ главное сходство въ томъ, что христіанскій герой борется съ язычникомъ. Но въ Кетильсагѣ нѣтъ ни одного намека на то, что Кетиль—христіанинъ. Неоднократно подчеркивается, что Кетиль не вѣрилъ въ Одина и никогда не приносилъ жертвы этому богу [3]), но изъ этого слѣдуетъ только то, что Кетиль поклонялся другому, языческому же божеству, можетъ быть, Тору. Уже одно обращеніе Кетиля къ орлу [4]), обнаруживаетъ его языческое міровоззрѣніе. Кромѣ того,

[1]) ekki skorti gandreiđir í eyjunni um nóttina. Fas. II, стр. 131.
[2]) Стр. LXX и LXXIV.
[3]) Fas. II, стр. 135 и 136 примѣчаніе.
[4]) Тамъ же, стр. 136—7.

между этими разсказами Орваръ-Оддсаги съ одной стороны, а Кетильсаги—съ другой, нѣтъ ничего общаго.

Но любопытнѣе взглянуть въ сагу о Стурлаугѣ. Здѣсь выступаетъ витязь Фрамаръ [1]) изъ области Гаутаэльфа чтобы отомстить Стурлаугу за брата Коля. По этому случаю происходитъ единоборство, которое кончается неудачно для Фрамара; если бы колдунья не оживила его вновь, то онъ такъ и остался бы мертвымъ [2]). Какъ Кетиль обязанъ своей побѣдѣ мечу Драгвендилю, такъ Стурлаугъ запасся чудодѣйственнымъ мечемъ Véfreyjunautr. «Если бы я зналъ, что у тебя находится этотъ мечъ, то никогда я не вызывалъ бы тебя въ бой!» восклицаетъ Фрамаръ [3]). Послѣ поединка враги становятся побратимами и Фрамаръ участвуетъ во всѣхъ похожденіяхъ Стурлауга. Однажды, во время праздника іола Фрамаръ клянется, что непремѣнно добудетъ себѣ въ жены Ингибіоргу, дочь короля Ингвара [4]). Но и она, подобно дочери Кетиля, пользуется правомъ сама выбирать себѣ мужа и уже многимъ отказала [5]). Несмотря на то, что Фрамаръ пускается на разныя хитрости, ему подъ конецъ остается только одно средство: съ оружіемъ въ рукахъ завоевать себѣ жену. Это ему и удается [6]). Во всякомъ случаѣ, отмѣченныя здѣсь совпаденія между обѣими сагами указываютъ на тотъ кругъ мотивовъ, въ которомъ вращался авторъ второй части Кетильсаги.

Компиляторъ, соединившій обѣ части Кетильсаги въ одно цѣлое, вставилъ между отдѣльными поединками морскія приключенія съ вѣдьмами, можетъ быть, и не замѣтивъ, что эти разсказы уже отразились въ первой части. Мы убѣждены въ томъ, что именно Орваръ-Оддсага была источникомъ для другихъ сагъ: разсказъ о Рисаландѣ со-

---

[1]) Fas. III, стр. 610.

[2]) Fas. III, стр. 615.

[3]) Fas. III, стр. 614.

[4]) Fas. III, стр. 633. То же самое дѣлалъ и Ангантиръ, см. выше, стр. 156.

[5]) Fas. III, стр. 642.

[6]) Fas. III, стр. 646.

ставлялъ необходимое звено въ рядѣ приключеній путешественника въ Біармаландъ и кромѣ того мотивировалъ происхожденіе имени героя. Названіе Одда Орваръ-Оддомъ оправдывается главнѣйшимъ образомъ настоящимъ разсказомъ. Для Кетильсаги же ни стрѣлы Гуси, ни встрѣчи съ чудовищами существеннаго значенія не имѣютъ.

Кетильсага заимствовала изъ Орваръ-Оддсаги:

1) Разсказы о Суртѣ и Кальдрани.

2) Разсказы о вѣдьмахъ.

3) Hiálmr и Stafnglamr.

4) Стрѣлы Гуси [1]).

Гримсага заимствовала изъ Орваръ-Оддсаги:

1) Разсказы о вѣдьмахъ.

2) 12 берсерковъ—въ двухъ случаяхъ: въ борьбѣ изъ за кита и въ поединкѣ съ Серквиромъ.

Гримсага заимствовала изъ Кетильсаги:

1) Мотивъ о поединкѣ отца съ женихомъ, получившимъ отказъ.

2) Въ разсказахъ о вѣдьмахъ примѣненіе топора вмѣсто стрѣлъ.

3) Бытовыя черты: постоянный голодъ, воровство улова и т. п.

4) Мечъ Драгвендиль.

Въ Орваръ-Оддсагѣ подъ вліяніемъ новой генеалогіи сложилась первая глава о рожденіи Одда.

Что Гримсага принадлежитъ болѣе искусственной формаціи, доказываетъ и слѣдующая подробность. Въ Орваръ-Оддсагѣ нѣтъ и малѣйшаго намека на то, что Оддъ участвовалъ въ Бровальскомъ побоищѣ. Понятно, это пріуроченіе результатъ позднѣйшей ученой комбинаціи. Поэтому оно попало въ предсмертную пѣснь Одда [2]) и — въ Гримсагу [3]).

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ историческомъ времени Кетильсаги. Въ ней дѣйствительность довольно ярко

---

[1]) О нихъ рѣчь впереди.
[2]) Ævidrápa, строфа 63. L., стр. 207.
[3]) Fas. II, стр. 154.

проглядываетъ сквозь кисею сказочныхъ описаній. Условія жизни приблизительно тѣ же, что и по свидѣтельству Отера. Главное занятіе бонда—ловля рыбы и китовъ. По всему прибрежью разбросаны хижины, въ которыхъ укрывались пріѣзжіе рыбаки. Такія общедоступныя хижины существуютъ и въ наши дни и не только на крайнемъ сѣверѣ; они упоминаются въ разсказахъ Ли, Стриндберга и другихъ писателей. Кетильсага не обнаруживаетъ знакомства съ Біармаландомъ. Напротивъ, не разъ въ сагѣ говорится о какомъ то страхѣ передъ сѣверомъ. Когда Кетиля отбросило немного дальше къ неизвѣстному острову, онъ испытываетъ нисколько не скрываемый ужасъ. И поѣздки его простираются не особенно далеко. Обыкновенно довольствовались «сосѣднимъ фіордомъ»—Næstifjǫrđr. Отецъ Кетиля сознается, что въ болѣе отдаленные фіорды онъ долгое время не ѣздилъ. Самый крайній Vitaskrapi, Vitađsgjafi, а также и Vitjađsgjafi [1]), какъ это указываетъ само названіе, образованное изъ gjafi=даритель [2]) и производной формы глаголовъ vita=explorare или vitja=visitare, отличался богатствомъ улова, но между этими фіордами, т. е. ближнимъ и крайнимъ, лежалъ всего одинъ фіордъ, что явствуетъ изъ имени послѣдняго—Miđfjǫrđr. Дальше уже—terra incognita. Богатый ловъ опредѣляется въ Гримсагѣ такъ: въ каждомъ заливчикѣ находится по одному киту [3]). Помня, какой видъ представляютъ собой норвежскіе фіорды и сколько въ нихъ такихъ заливчиковъ, мы легко себѣ представимъ, что въ нихъ безъ труда можно было убить въ одинъ день, какъ увѣрялъ Отеръ, 60 китовъ.

XXIII.

Предсказаніе о смерти Одда.

Еще въ раннемъ дѣтствѣ, едва ему минуло 12 лѣтъ, Оддъ узнаетъ, что причиной его смерти будетъ конь его.

[1]) Fas. II, стр. 115.

[2]) Ср. auđgjafi, lífgjafi, ráđgjafi.

[3]) lá þá hvalr í hverri vik. Fas. II, стр. 152.

Самъ Ингіальдъ вздумалъ пригласить въ домъ колдунью. Приведу этотъ разсказъ въ переводѣ по редакціи S [1]):

«Женщина называлась Гейдой [2]); она была колдуньей и вѣщуньей и съ помощью своего искусства узнавала будущее. Она ѣздила на пиршества по всей странѣ, куда только бонды ее приглашали: она предсказывала судьбу и погоду и разныя другія вещи. При ней было 30 человѣкъ, 15 юношей и 15 дѣвушекъ. Они составляли большой хоръ, потому что куда она приходила, тамъ должно было быть громкое пѣніе. Случилось ей въ одну изъ поѣздокъ быть на пиршествѣ, неподалеку отъ Ингіальда. Какъ то разъ рано утромъ Ингіальдъ всталъ на ноги и пошелъ туда, гдѣ спали побратимы и, поднявъ ихъ на ноги, сказалъ: «Хочу послать кого нибудь изъ васъ сегодня: можетъ быть ты желаешь?» Куда? спрашиваетъ Оддъ. Ингіальдъ сказалъ: «Надо пригласить сюда на пиръ колдунью». «По этому дѣлу я не поѣду, говоритъ Оддъ, и буду очень недоволенъ, если она прибудетъ сюда, а въ другое мѣсто, если пожелаешь послать меня, то я отправлюсь». Ингіальдъ сказалъ: «Тогда поѣдешь ты, Асмундъ! тебѣ я прямо приказываю». Оддъ говоритъ: «Я тебѣ еще другую штуку сдѣлаю; она тебѣ понравится еще больше!».

Поѣхалъ тогда Асмундъ самъ пять и пригласилъ колдунью въ Беруріодъ; она обрадовалась этому и сказала, что пріѣдетъ; въ тотъ же самый вечеръ она пріѣхала туда со своими людьми. Ингіальдъ вышелъ къ ней навстрѣчу съ цѣлою толпою народа и ввелъ ее въ домъ, гдѣ все уже было готово для богатаго угощенія. Оддъ находился въ малой избѣ и не хотѣлъ показываться на глаза Гейдѣ. «Я не хочу имѣть съ ней никакого дѣла». Ингіальдъ и

---

[1]) L., стр. 11—17. Сл. Балабанова II, стр. 119—123.

[2]) Heiðr—такъ называется и колдунья въ Волуспо, космогонической пѣснѣ Эдды. Было бы заманчиво сопоставить это имя съ heiðr=пустыня и переводить heiðr=язычница=pagana, но такое значеніе могло развиться только подъ вліяніемъ христіанскихъ воззрѣній. Изъ сложныхъ именъ, образованныхъ съ heiðr (напримѣръ, Адельгейдъ), видно, что въ старину это имя пользовалось почетомъ. Оно скорѣе относится къ heiðr=честь, слава.

колдунья условились о большомъ гаданіи; когда всѣ легли спать, она вышла изъ дому со своими людьми и свершила гаданіе [1]). На слѣдующее утро Ингіальдъ пошелъ распросить Гейду и освѣдомился, какъ удалось ей волхованіе. «Надѣюсь, говоритъ она, что я узнала все, что тебѣ важно и о чемъ вы просили меня развѣдать». Тогда сядемъ по мѣстамъ, говоритъ Ингіальдъ, и будемъ поочередно подходить и спрашивать». Такъ и дѣлали. Прежде всего бондъ Ингіальдъ спросилъ ее о погодѣ и зимѣ, и она раскрыла предъ нимъ то, о чемъ онъ спрашивалъ. Затѣмъ онъ подошелъ къ ней [2]) и сказалъ: «Теперь я хочу узнать свою судьбу». «Да, говоритъ она, пріятно ее узнать. Ты будешь жить въ Беруріодѣ въ большемъ почетѣ до старости. И будетъ тебѣ честь и слава, тебѣ и всѣмъ твоимъ друзьямъ». Тогда онъ отошелъ отъ нея прочь. Потомъ Асмундъ пошелъ говорить съ нею. Она сказала: «Хорошо, Асмундъ, говоритъ, что ты пришелъ сюда, потому что далекъ твой путь на землѣ; не измучитъ тебя преклонный возрастъ и станешь ты добрымъ молодцомъ». Асмундъ пошелъ на свое мѣсто. Такъ подходили къ ней одинъ за другимъ всѣ люди, и каждому предсказывала она то, что было ему суждено. Всѣ радовались этому. Ингіальдъ поблагодарилъ ее за ея труды; тогда сказала колдунья: «Развѣ уже всѣ люди, сколько васъ здѣсь живетъ, подходили спросить?» Ингіальдъ говоритъ: «Да, я думаю, что всѣ подошли». Колдунья сказала: «А что тамъ лежитъ въ сосѣдней комнатѣ подъ шубами? Мнѣ кажется, что тамъ что то шевелится». Оддъ сбросилъ съ себя шкуры, поднялся и сказалъ: «Такъ оно и есть, какъ тебѣ кажется; тамъ человѣкъ, и такой человѣкъ, который прикажетъ тебѣ сейчасъ замолчать и не думать объ его судьбѣ, потому что не вѣритъ ни одному твоему слову, а иначе я щелкну тебя палкой, что у меня въ рукахъ, по носу». Гейда ска-

---

[1]) Поэтому sitja úti значило колдовать.

[2]) Первый разговоръ происходилъ во всеуслышаніи, теперь же Ингіальдъ подходитъ близко къ колдуньѣ, чтобы бесѣда ихъ осталась въ тайнѣ.

зала: «Не боюсь я твоихъ угрозъ; тебѣ бы спросить меня о своей судьбѣ; скажу тебѣ ее, ты же выслушай», и зазвучала у ней пѣснь на устахъ:

«Широки фіорды, которые ты переѣдешь, далеки волны, тебя уносящія [1]), пусть даже море будетъ стекать съ тебя струями, но сожгутъ тебя въ Беруріодѣ.

«Ужалитъ тебя змѣя снизу въ ногу, пестрая, изъ гнилого черепа Факси... [2]).

«Вотъ что тебѣ можно предсказать, Оддъ! Пріятно тебѣ будетъ узнать это: предназначенъ тебѣ много большій возрастъ, чѣмъ другимъ людямъ. Проживешь ты сто лѣтъ [3]), объѣздишь много земель и станешь величайшимъ и славнѣйшимъ воиномъ; слава твоя пойдетъ по всѣмъ странамъ, куда ты ни придешь; но куда бы ты ни ушелъ, умереть тебѣ въ Беруріодѣ. Здѣсь въ конюшнѣ стоитъ конь сѣрой масти, съ длинной гривой; смерть причинитъ тебѣ черепъ Факси!» [4]). Оддъ сказалъ: «Разсказывай сказки, старая

---

[1]) Второй стихъ: ne lîþr yfer *lâþa vaga, испорченъ. Но Буръ безъ основанія думаетъ, что этотъ второй стихъ противоставляется первому, пути по сушѣ—путямъ по морю. Куда тогда дѣвать третій стихъ, который опять переноситъ насъ на море. Мнѣ кажется, что первые три стиха построены на восходящемъ климаксѣ: первый стихъ упоминаетъ о переѣздѣ фіордовъ, второй—о пути по далекимъ волнамъ, третій—о шквалахъ широкаго моря. Эти стихи имѣютъ прямое отношеніе къ Одду-Путешественнику (viđfǫrli). Смыслъ такой: „ты совершишь далекія путешествія по морю, но погибнешь не на морѣ, а на сушѣ, въ самомъ Беруріодѣ". Для викинга было не особенно лестно слышать, что онъ будетъ сожженъ на родинѣ. Болѣе по сердцу пришлось бы ему быть пущеннымъ въ море на своемъ же кораблѣ. Двоякій родъ похоронныхъ обычаевъ могъ подготовить поэтическую антитезу нашей строфы. Что толкованіе Буромъ второй строки невѣрно, подтверждаетъ переводъ Торфеуса: non transmittes sinus quantumlibet latos vel longa freta, etiamsi fluctus te obruant quin in Beruriodro silicernium cremeris (Op. cit., стр. 266). Торфеусъ зналъ строфу, очевидно, еще въ неиспорченномъ видѣ. Вмѣсто немыслимаго слова *lâþa я сохранилъ бы langa, упоминаемое въ варіантахъ M. и B.; а въ спискахъ A. и E. подъ видомъ laga.

[2]) Названіе коня, означающее—„грива"; оно встрѣчается обыкновенно въ сочетаніяхъ: Skînfaxi, Hrîmfaxi, Gullfaxi и др.

[3]) Въ варіантахъ—300 лѣтъ.

[4]) Указаніе тутъ же, что не самый конь, а лишь черепъ его окажется роковымъ для Одда, весьма неудачно. Еще предупредительнѣе

баба!» Сказавъ это, онъ вскочилъ съ мѣста и ударилъ старуху по носу палкой, такъ что на полъ полилась кровь. Она закричала и велѣла собирать свое платье. «Я хочу уѣхать, какъ можно скорѣе, куда я ни пріѣзжала, нигдѣ со мной такъ не обращались, какъ здѣсь». Ингіальдъ сказалъ: «Побудь на пиру еще три ночи, какъ было условлено, а затѣмъ я тебя одѣлю подарками». Тогда сказала Гейда: «Клади какіе хочешь подарки за этого человѣка, а я со своими людьми сейчасъ уйду». Пришлось сдѣлать такъ, какъ она хотѣла, она приняла подарки отъ бонда Ингіальда и уѣхала тотчасъ же прочь съ пира.

Убитый Факси.

Немного спустя Оддъ позвалъ съ собой Асмунда; они пошли къ Факси, накинули на него узду и повели съ собой въ долину и вырыли тамъ яму глубиною почти въ два человѣческихъ роста. Затѣмъ они надъ этой ямой убиваютъ Факси. Потомъ побратимы завалили эту яму большими камнями, какіе только были подъ силу и между каждымъ камнемъ они насыпали еще осколки и песку; такимъ образомъ соорудили они курганъ. И тогда Оддъ сказалъ: «Ну, ушелъ я отъ своей доли; не причинитъ мнѣ смерть Факси». Послѣ того они вернулись домой.

Отъѣздъ Одда отъ Ингіальда.

Нѣкоторое время спустя Оддъ приходитъ для разговора съ Ингіальдомъ и говоритъ: «Хочу, чтобы ты мнѣ далъ корабль». Ингіальдъ говоритъ: «Что ты намѣренъ дѣлать?» Оддъ говоритъ: «Намѣренъ я уѣхать прочь изъ Беруріода». Ингіальдъ сказалъ: «Кто же съ тобой поѣдетъ?» «Мы вдвоемъ съ Асмундомъ». Ингіальдъ сказалъ: «Я желалъ бы, чтобы вы уѣхали только не надолго». Оддъ говоритъ: «Никогда уже мы не возвратимся». Ингіальдъ сказалъ:

стихи, которыя выдаютъ и тайну о грозящемъ укусѣ змѣи. Торфеусъ этихъ послѣднихъ стиховъ не приводитъ. Зналъ ли онъ ихъ вообще?

«Но этимъ вы причините мнѣ тяжкое горе». Оддъ говоритъ: «Ты вызвалъ это самъ, ты пригласилъ сюда колдунью». Ингіальдъ согласился, чтобы все было такъ, какъ онъ хочетъ. Затѣмъ побратимы стали готовиться въ путь...

Поведеніе Одда въ этомъ разсказѣ требуетъ особаго объясненія. Отчего онъ такъ боится предсказанія колдуньи? Сперва онъ наотрѣзъ отказывается съѣздить за ней. Потомъ онъ прячется отъ нея. Наконецъ, онъ проситъ ее замолчать и грозитъ ей за ослушаніе палкой. Напослѣдокъ онъ увѣряетъ, что ничего худшаго съ нимъ не могло случиться [1]). Чтобы понять это странное поведеніе Одда, необходимо вспомнить религіозное настроеніе викинговъ. Но раньше укажу еще на то, что Оддъ не является чѣмъ либо исключительно рѣдкимъ. И въ другихъ сагахъ передаются подобныя же сцены гаданія и герой ведетъ себя совершенно такъ же, какъ Оддъ. Для примѣра приведу поразительно сходный разсказъ изъ саги о жителяхъ Водяной долины (глава X).

Послѣ побѣды короля Гаральда Прекрасноволосаго при Гафрсфіордѣ началось усиленное выселеніе норвежскихъ герсовъ изъ Норвегіи въ Исландію. Нѣкій Ингимундъ, родоначальникъ жителей Водяной долины, въ этой битвѣ находился на сторонѣ Гаральда и за это пользовался благорасположеніемъ короля. Понятно, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго повода и желанія оставить Норвегію. По случаю его успѣховъ его воспитатель Ингіальдъ—совпаденіе съ Ингіальдомъ Орваръ-Оддсаги простая случайность—устраиваетъ пиръ, на которомъ также участвуетъ вѣщунья-финка. Она сидѣла на возвышенномъ, роскошно убранномъ тронѣ, и по очереди вставая съ своихъ мѣстъ, люди подходили и спрашивали ее о будущемъ [2]). Только Ингимундъ и его молочный братъ не встали съ своего мѣста

---

¹) gerđir þú svá at mér þótti verst er þú bauzt vǫlunni hingat. L., стр. 18.

²) Finnan var sett hátt ok búit um hana vegliga; þangat géngu menn til frétta hverr or sínu rúmi ok spurđu at örlögum sínum, стр. 19.

и вообще не обращали никакого вниманія на предсказанія [1]). На вопросъ вѣщуньи, почему эти молодые люди не спрашиваютъ ее, Ингимундъ отвѣчаетъ, что ему нисколько не важно узнать предсказаніе, которое врядъ ли когда либо исполнится: онъ вообще не вѣритъ въ то что она можетъ знать что либо относительно его будущей жизни [2]). Тогда вѣщунья по собственной иниціативѣ предсказываетъ Ингимунду, что онъ переселится въ Исландію, гдѣ останется жить до самой своей смерти. Эти слова приводятъ Ингимунда въ ярость. «Если мой воспитатель не противился бы этому, то я наградилъ бы тебя ударомъ по головѣ», говоритъ онъ [3]). Она-де принесла съ собой большое несчастье [4]). На другой день Ингіальдъ утѣшаетъ Ингимунда и увѣряетъ его, что онъ ничего худого не имѣлъ въ виду, пригласивъ вѣщунью на пиръ. Но Ингимундъ возражаетъ, что онъ ему за это не можетъ быть благодарнымъ [5]). Не только его приближенные, но и онъ самъ убѣждены, что предсказаніе вѣщуньи должно сбыться. Тѣмъ не менѣе Ингимундъ всѣми силами старается уклониться отъ судьбы, которая его ждетъ, но напрасно. Итакъ, въ этомъ разсказѣ мы встрѣчаемся съ тѣми же психологическими моментами, какъ и въ Орваръ-Оддсагѣ. Поведеніе Одда въ этомъ случаѣ вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что мы знаемъ о религіозныхъ вѣрованіяхъ скандинавовъ вообще.

У нихъ довольно знаменательно переплетается крайній раціонализмъ, доходящій до цинизма, со старыми воззрѣніями язычества. Въ эддической пѣснѣ Локасенна осмѣивается въ самыхъ развязныхъ шуткахъ весь древнесѣверный Олимпъ; въ другой—Hárbarðsljóð пародируется эпи-

---

[1]) þeir fóstbrœðr sátu í rúmum sínum ok géngu eigi til frétta; þeir lögðu ok engan hug á spár hennar. Тамъ же.

[2]) mér er eigi annara at vita mín forlög en fram koma ok ætla ek mitt ráð eigi komit undir þínum tungurótum. Тамъ же.

[3]) ef fóstra minum væri eigi mótgerð í þá mundir þú taka launin í höfði þér. Тамъ же.

[4]) Ingimundr segir hana þar illu heilli hafa komit, стр. 20.

[5]) Ingimundr sagðist honum enga þökk fyrir þetta kunna. Тамъ же.

ческій складъ, встрѣчаемый въ преданіяхъ о богахъ. Такъ и Оддъ отказывался приносить жертвы и вѣрилъ только въ свою силу; постыднымъ казалось ему поклоняться пнямъ и камнямъ [1]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти люди преисполнены страха передъ неизвѣстными силами природы и надъ ихъ умами властвовала не столько вѣра въ боговъ, сколько вѣра въ неизбѣжную судьбу. Въ любой сагѣ этотъ фатализмъ находитъ себѣ выраженіе [2]). Вотъ что говорится: úhægt mun forlögin at flýja, torsótt er at forđast forlögin= отъ судьбы не уйдешь, или eigi má viđ sköpunum sporna= судьбѣ нельзя противиться [3]). Убѣжденіе, что все въ жизни человѣка предназначено заранѣе и неминуемо исполнится, вызывало и поддерживало желаніе узнать впередъ, что сбудется. Этимъ объясняется тотъ почетъ, которымъ пользовались колдуньи. Успѣхъ ихъ дѣятельности былъ обезпеченъ. Въ знаменитѣйшей пѣснѣ Эдды мы видимъ идеализацію такой вѣщуньи: она помнитъ не только все былое со временъ сотворенія міра, но предвидитъ и гибель настоящаго рода и возрожденіе земли. Отъ этой искренней вѣры въ предопредѣленіе жизненныхъ судебъ зависитъ и то значеніе, которое приписывалось сновидѣніямъ. Въ древнесѣверной литературѣ разсказывается не мало сновидѣній и всѣ они сбываются до мельчайшихъ подробностей. Чаще всего въ нихъ предначерталась смерть человѣка. Чуяли даже какую то причинную связь между сновидѣніемъ и послѣдовавшимъ затѣмъ исполненіемъ его. Это можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ, заимствованномъ изъ Ljósvetningasaga. Нѣкій бондъ Торгаль (þórhallr) видитъ сонъ и хочетъ разсказать его другому бонду по имени Финни. Но Финни наотрѣзъ отказывается выслушать его и выталкиваетъ его за дверь со словами: «пойди и скажи о своемъ сновидѣніи Гудмунду, а не то я съ тобой расправ-

---

[1]) aldri vildi Oddr blóta; trúđi hann á mátt sinn ok megin; herfiligt kvez honum þykkja at hokra þar fyrir stokkum eđa steinum. L., стр. 9².

[2]) Сл. многочисленныя свидѣтельства у Маурера, Bekehrung, II т., стр. 162 сл.

[3]) Vatnsdœlasaga, стр. 20, 24 и 26.

люсь съ оружіемъ въ рукахъ». Нужно замѣтить, что Финни и Гудмундъ находились другъ съ другомъ во враждѣ. Торгаль принимаетъ совѣтъ Финни и отправляется къ Гудмунду. Послѣдній, выслушавъ разсказъ, падаетъ на землю и умираетъ. Причина смерти объясняется Эйнаромъ, братомъ умершаго, слѣдующимъ образомъ: «твой сонъ, Торгаль, обладалъ не малой силой; а вѣдь Финни прочелъ на твоемъ лицѣ, что умереть долженъ тотъ, кто выслушаетъ твой разсказъ, и поэтому онъ отправилъ тебя къ Гудмунду» [1]).

На такомъ то основаніи начинаютъ бояться сновидѣній, думая, что они не только предсказываютъ судьбу, но прямо вызываютъ, созидаютъ ее. Стараются увѣрить другъ друга, что сны draumskrǫk, svefnórar=ужасъ призрачный, что толкованіе сновъ одна болтовня=geip. Ссылаются на пословицы въ родѣ той, которую находимъ въ Гунлавгсагѣ [1]): ekki er mark í draumum=нѣтъ силы въ сновидѣніяхъ. Закрываютъ глаза, чтобы не видѣть опасности. Сновидѣнія скрываются. Страдавшее лицо не желаетъ знать, что предвѣщаетъ видѣнный имъ сонъ. Или же лицо, къ которому обращаются за объясненіемъ, предпочитаетъ молчать. Такъ военачальникъ þórir af Steig избѣгаетъ встрѣчи съ королемъ Гаральдомъ Жестокимъ, потому что онъ видѣлъ скверный сонъ, касающійся короля и предстоящаго похода [3]). Это же самое чувство боязни руководитъ и Оддомъ, когда онъ отказывается выслушать предсказанія колдуньи. Ингіальдъ, Асмундъ и другіе покорно подчиняются рѣшенію судьбы и поэтому ея предсказаніе для нихъ не представляетъ собою ничего страшнаго. Оддъ, полагающійся только на свою силу, хочетъ уйти отъ судьбы. Сперва онъ думаетъ достичь этого не выслушавъ вовсе предсказанія. Потомъ, когда это не удалось, онъ хочетъ уничтожить

---

1) Стр. 73—74. eigi hefir draumr þinn, þórhallr, lítinn kraft ok þat hefir Finni sét á þér at sá væri feigr er þú segđir drauminn, en þess unni hann Gudmundi.

2) Gunnlaugssaga, изданіе Могка, стр. 2.

3) FMS. VI т., стр. 404.

свою судьбу убіеніемъ коня. Но Факси вовсе и не принадлежитъ Одду; нигдѣ въ сагѣ не говорится, чтобы Оддъ на немъ ѣздилъ. Наконецъ, Оддъ—мореплаватель, Оддъ—нищій странникъ, врядъ ли имѣлъ случай ѣздить верхомъ; по крайней мѣрѣ, сага объ этомъ весьма резонно умалчиваетъ. Невольно спрашиваешь себя, по какимъ соображеніямъ вообще могло возникнуть предположеніе, что Оддъ погибнетъ отъ коня? Въ сагѣ поражаетъ также то преувеличенное усердіе, съ которымъ Оддъ устраняетъ возможность исполненія предсказанія: онъ не только убиваетъ коня, но и зарываетъ его трупъ въ глубокую яму, покрывая ее пескомъ и камнями и сверху сооружая еще курганъ. Этотъ шаржъ разсказчика былъ понятно вызванъ его первой ошибкой: разъ Оддъ зналъ, что не живой конь, а его гнилой черепъ, да собственно и не черепъ, а змѣя, выползающая изъ него, послужитъ причиной его смерти, то естественно было скрыть остатки коня какъ можно надежнѣе и глубже подъ землею.

Разсказъ о смерти Одда сталъ рамкой для пестраго собранія всевозможныхъ похожденій Одда. Предсказаніе открываетъ собой сагу и знакомитъ насъ съ неизбѣжно предстоящей кончиной героя, совершенно какъ сновидѣнія въ большинствѣ исландскихъ сагъ. Подавляющее большинство сновъ, пишетъ Генценъ [1]) изслѣдовавшій около 250 случаевъ, нужно признать искусственно выдуманнымъ уже потому, что предсказаніе осуществляется до самыхъ ничтожныхъ подробностей: подобное совпаденіе могло бы быть мыслимымъ только подъ воздѣйствіемъ сверхъ естественнаго чуда. Такіе сны, являющіеся лишь художественнымъ пріемомъ, легко возстановляемой формулой, встрѣчаются уже въ самыхъ раннихъ сагахъ. Когда книжникъ сталъ собирать и приводить въ извѣстный порядокъ отдѣльныя части Орваръ-Оддсаги, то разбираемое сказаніе о смерти Одда пришлось ему весьма кстати: оно замѣнило ему обычный вступительный сонъ. Сновидѣніе вѣдь тоже считалось своего рода волшебствомъ. Фины-колдуны являлись вмѣстѣ

---

[1]) Henzen, Über die Träume in der altnordischen Sagalitteratur 1890.

съ тѣмъ и толкователями и прорицателями сновъ. Вообще сновидѣніе непосредственно связывалось съ волшебствомъ. Это видно весьма наглядно изъ одного разсказа Fóstbrœdrasaga [1]). Отправившись на рыбную ловлю, скальдъ Тормодъ (þormóđr) въ одномъ заливѣ познакомился съ красавицей Торбіоргой, которую изъ за темныхъ ея волосъ прозвали Kolbrùn. Тормодъ остается у нея въ то время, какъ товарищи ловятъ рыбу. Онъ сочинилъ похвальную пѣснь въ честь Торбіорги. Но Тормодъ уже раньше обручился съ Тордисой. Она то осыпаетъ его теперь упреками, она говоритъ, что онъ нашелъ себѣ новую любовь и даже сочинилъ о ней пѣснь. Тормодъ весьма находчивъ: онъ возражаетъ, что пѣснь то онъ дѣйствительно сочинилъ, но не въ честь Торбіорги, а наоборотъ въ честь Тордисы, когда при видѣ первой онъ весь проникся воспоминаніемъ о красотѣ своей невѣсты. И вотъ Тормодъ спѣлъ передъ Тордисой пѣснь, измѣнивъ ее такъ, что она подходила именно къ ней. Послѣ этого ночью ему явилась во снѣ Торбіорга и заявила, что если онъ не оставитъ навсегда пѣснь о Тордисѣ и вмѣсто нея будетъ пѣть то, что онъ сложилъ о ней самой, то онъ лишится зрѣнія. Проснувшись онъ дѣйствительно чувствуетъ боль въ глазахъ. Боясь исполненія угрозы, внушенной ему Торбіоргой во время сна, онъ всенародно сознается въ своей винѣ и только такимъ образомъ спасается отъ роковой болѣзни.—Изъ этого разсказа до очевидности явствуетъ, какъ въ представленіяхъ скандинавовъ сновидѣніе близко соприкасалось съ кодловствомъ. Поэтому и не удивительно, что въ Орваръ-Оддсагѣ колдовство заняло мѣсто традиціоннаго сновидѣнія. Мало того, предсказаніе колдуньи побуждаетъ Одда оставить домъ своего воспитателя. Оно какъ будто мотивируетъ его поѣздки въ далекіе края. Связывая отдѣльные разсказы саги въ одно цѣлое, оно выражаетъ какъ бы идейное содержаніе саги. Становится естественнымъ, что Оддъ долженъ скитаться по чужбинѣ, убѣгая отъ судьбы, уклоняясь отъ родины, грозящей ему гнусной смертью.

---

[1]) Стр. 68 сл.

XXIV.

Послѣднія похожденія и смерть Одда.

Между первой и второй частью разсказа о смерти Одда укладывается весь разнообразный составъ саги: тутъ и путешествія Одда, и враждебныя столкновенія его съ викингами, и обширное повѣствованіе о самсейскомъ боѣ. Въ то время какъ древнерусскій лѣтописецъ хотѣлъ лишь передать сказаніе въ его неприкосновенномъ видѣ, составитель саги смотрѣлъ съ другой точки зрѣнія: сказаніе служило ему въ то же время и объединяющей нитью, на которую онъ нанизывалъ отдѣльныя похожденія; благодаря этому конецъ легко могъ быть оторванъ отъ начала.

Возращаясь изъ Св. Земли, Оддъ послѣ немногихъ приключеній прибываетъ въ Гуналандъ (Húnaland). У небольшой избы онъ встрѣчаетъ человѣка, который рубитъ дрова. Имя этого человѣка—Іольфъ (Jólfr); Оддъ называетъ себя—Víđfǫrull. Іольфъ приглашаетъ Одда остаться у него ночевать. За ужиномъ Оддъ разрѣзываетъ ѣду красивымъ ножомъ; рукоятка ножа была вся украшена золотыми кольцами; этотъ ножъ онъ дарить Іольфу. Утромъ, когда Оддъ проснулся, Іольфа уже не было. Онъ возратился только къ полудню и положилъ на столъ три каменныхъ стрѣлы, на изготовленіе которыхъ, какъ тотчасъ увидѣлъ Оддъ, было потрачено немало труда. Принявъ отъ Іольфа этотъ подарокъ, Оддъ направляется ко двору мѣстнаго короля Геррауда (Herrauđr).

При дворѣ Оддъ старается, чтобъ его не узнали, онъ ходитъ закутанный въ большой плащъ, такъ что король прямо его называетъ Koflmađrinn [1]). По редакціи М онъ покрытъ древесной корой и зовется næframađr [2]). Онъ проситъ у короля позволенія остаться на зиму. Къ несчастью, Оддъ, по своему собственному заявленію, ни къ чему не способенъ, такъ какъ долгое время жилъ въ дикомъ лѣсу. Наконецъ, Одду находятъ занятіе; ему предлагаютъ собирать убитыхъ звѣрей на охотѣ. Его усаживаютъ

[1]) Человѣкъ въ плащѣ.
[2]) Человѣкъ въ корѣ.

возлѣ дверей, на самомъ плохомъ, непочетномъ мѣстѣ. Но на первой же охотѣ Оддъ убиваетъ звѣрей больше всѣхъ, такъ что король уже начинаетъ подозрѣвать, что это не тотъ человѣкъ, за котораго онъ себя выдаетъ. Проходитъ нѣсколько времени. И вотъ двое изъ приближенныхъ короля вызываютъ Одда на состязаніе въ плаваніи. И тутъ Оддъ показываетъ свою силу и ловкость. Любопытство короля возбуждено до послѣднихъ предѣловъ. Рѣшаютъ подпоить таинственнаго гостя, надѣясь такимъ образомъ узнать, кто такой онъ. Придворные, побѣжденные Оддомъ въ плаваньѣ, вызываютъ его теперь на своеобразный поединокъ: оба подходятъ они по очереди одинъ за другимъ къ Одду съ рогомъ вина и при этомъ поютъ импровизацію, содержащую какую-нибудь молодецкую похвальбу. Оддъ отвѣчаетъ тѣмъ же, вспоминая различные свои подвиги, каждый разъ осушая рогъ. Такой обычай самохвальства мы находимъ и въ извѣстномъ запѣвѣ нашихъ былинъ; подобныя же сцены встрѣчаются и въ старофранцузскихъ пѣсняхъ, гдѣ рыцари и самъ Карлъ Великій хвастался своими подвигами. Когда послѣ долгаго обмѣна пѣснями Оддъ снова передаетъ слово одному изъ своихъ соперниковъ, то тотъ уже не въ состояніи продолжать споръ. Дочь короля и ея воспитатель слѣдятъ за всѣмъ, что происходитъ, и записываютъ пѣсни на дощечкѣ. Прочитавъ ихъ, король окончательно убѣждается, что гость его никто иной, какъ Орваръ-Оддъ. Изобличенный такимъ путемъ, гость сбрасываетъ съ себя плащъ и предстаетъ предъ удивленнымъ дворомъ, какъ настоящій сказочный царевичъ: онъ весь одѣтъ въ пурпуръ, на челѣ золотой обручъ, а изъ-подъ обруча по плечамъ падаютъ свѣтлыя, шелковистыя кудри. Разумѣется, теперь король приглашаетъ Одда сѣсть рядомъ съ нимъ и быть послѣ него въ государствѣ вторымъ. Теперь Одду остается только одно: посвататься за дочь короля Силькисифъ [1]). Вскорѣ представляется случай и къ этому.

---

[1]) Для меня совершенно непонятно, отчего въ переводѣ Балабановой имя Silkisif передается „Сикильзифъ“; вѣдь оно образовано изъ silki= шелкъ и sif; такъ называется жена Тора, а можетъ быть sif вообще было распространеннымъ женскимъ именемъ.

Король Біалькаланда отказывается платить дань. Тогда Герраудъ обѣщаетъ свою дочь тому, кто покоритъ ему эту страну. Оддъ снаряжается въ походъ. При прощаніи Герраудъ даетъ Одду женщину-оруженосца (skjaldmær). Оддъ весьма неохотно подчиняется желанію короля, но все-таки беретъ ее съ собой. Когда же имъ на лыжахъ приходится спуститься къ болоту, женщина уже не въ состояніи слѣдовать за Оддомъ. Тогда Оддъ, недолго думая, толкаетъ ее въ болото, гдѣ она и завязла. Затѣмъ Оддъ приходитъ въ Біалькаландъ и вступаетъ въ бой съ врагомъ. Сперва Оддъ не понимаетъ, отчего падаетъ столько народу, хотя онъ самъ борется въ первыхъ рядахъ. Но посмотрѣвъ изъ подъ мышки своего сосѣда, онъ видитъ, что королева Гида (Gyđa) размахивала руками, въ рукахъ у ней была кровавая бахрома, и куда она ею ударяла, тамъ падали всѣ до послѣдняго. Все, что могло ее ранить, камни, стрѣлы и другіе предметы, она отражаетъ ладонью и ничто ей не вредитъ. Оддъ начинаетъ стрѣлять въ нее стрѣлами Гуси, но передъ ней онѣ безсильны: не причинивъ ей вреда, онѣ падаютъ въ траву. И вотъ Оддъ вспоминаетъ о подаркѣ Іольфа; онъ соображаетъ, что теперь наступилъ тотъ моментъ, о которомъ говорилъ ему Іольфъ, что помочь ему могутъ только однѣ каменныя стрѣлы. И вотъ онѣ летятъ: первая, пробивъ руку королевы, попала въ глазъ и вылетѣла изъ затылка; отъ второй она ослѣпла на другой глазъ, а третья вонзилась въ туловище и положила ее на мѣстѣ. Замѣтивши ея паденіе сынъ ея Видгрипъ (Víđgrípr) подбѣгаетъ и начинаетъ страшно поражать спутниковъ Одда, но Оддъ выступаетъ къ нему на встрѣчу и наноситъ ему смертельный ударъ. Спустилась ночь и самъ король Альфъ Біальки (ʽAlfr bjálki) отступилъ къ городу. На другое утро Оддъ подошелъ къ городскимъ воротамъ и громаднымъ коломъ раздробилъ ихъ. Тѣмъ же орудіемъ Оддъ наноситъ Альфу по головѣ такой ударъ, что шлемъ разлетается, а самъ король падаетъ безъ чувствъ. Оддъ добиваетъ Альфа, завладѣваетъ страной и привозитъ съ собой въ Гуналандъ несмѣтныя сокровища. Вскорѣ затѣмъ Герраудъ заболѣваетъ и умираетъ. Оддъ справляетъ въ

одно время и тризну по немъ и свою свадьбу съ Силькисифъ. Со всеобщаго согласія Оддъ становится правителемъ страны. Онъ зажилъ въ счастіи и въ покоѣ, и у него было много дѣтей.

На старости Одду захотѣлось поѣхать въ Норвегію, чтобы посмотрѣть, кто владѣетъ островомъ Рафниста. Пробывъ тамъ нѣкоторое время и устроивъ свои дѣла, Оддъ собирается въ обратный путь [1]).

Оддъ ѣдетъ теперь на югъ, пока не пріѣзжаетъ въ Беруріодъ. Тогда сказалъ Оддъ: «у меня большое желаніе посмотрѣть на селеніе моего пріемнаго отца; уберемъ паруса и высадимся на берегъ!» Такъ они и сдѣлали. Оддъ и его люди пошли къ тому мѣсту, гдѣ находилось селеніе и Оддъ имъ разсказывалъ, гдѣ стоялъ каждый домъ; теперь ужъ это было небольшое селеніе. Оддъ проводилъ ихъ на то мѣсто, гдѣ они съ Асмундомъ стрѣляли, и показалъ, какъ это у нихъ дѣлалось. Оддъ проводилъ ихъ и на то мѣсто, гдѣ они плавали и разсказывалъ, какъ все это было. Теперь нанесло вѣтромъ холмы песку туда, гдѣ раньше былъ прекрасный откосъ. Оддъ тогда сказалъ: «отправимся снова въ путь; здѣсь больше нечего смотрѣть; я отъ судьбы ушелъ; мой трупъ не сожгутъ въ Беруріодѣ». Послѣ этого они пошли къ берегу и пришлось имъ пробираться въ мелкомъ кустарникѣ между холмами; они быстро шли впередъ, какъ вдругъ Оддъ ушибъ о что то свою ногу и споткнулся. Онъ сказалъ: «Что это за острая вещь, о которую я ушибъ себѣ ногу?» Онъ пошарилъ рукояткою копья, и всѣ увидали, что это черепъ коня, и къ Одду ползла изъ него змѣя и тутъ же ужалила его въ ногу пониже щиколки, и ядъ сталъ причинять сильную боль; распухла вся нога и бедро. Страданіе такъ одолѣвало Одда, что люди повели его къ берегу, и когда онъ пришелъ туда, онъ сказалъ: «пойдите и вырубите мнѣ въ камнѣ гробницу, а часть пусть посидитъ

---

[1]) Вторую часть сказанія о смерти Одда, которая начинается собственно съ этого мѣста, мы опять приводимъ въ близкомъ къ оригиналу переводѣ.

здѣсь со мною, пусть запишетъ пѣснь, которую я хочу сложить о своихъ подвигахъ и о своей жизни». Тутъ онъ принимается слагать пѣснь, а они вырѣзаютъ ее на дощечкѣ, и чѣмъ ближе былъ конецъ Одду, тѣмъ ближе была къ концу и пѣснь. Вотъ послѣдній стихъ пѣсни Одда: «Можно бы много разсказать о моихъ странствіяхъ разумнымъ людямъ,—это же странствіе мое послѣднее. Вы отправляйтесь здравые и невредимые обратно къ кораблямъ; я же останусь здѣсь; отвезите Силькисифъ и нашимъ сыновьямъ добрый привѣтъ,—я больше уже не вернусь».

И затѣмъ Оддъ умираетъ...

XXV.

Значеніе похода въ Біалькаландъ.

Все, что приведено нами выше въ сокращенномъ изложеніи, представляетъ собою выдумку позднѣйшаго времени, въ которой нѣтъ ни одной самостоятельной реальной черты. Разсказъ о Іольфѣ напоминаетъ намъ о пребываніи Кетиля у Бруни; Кетиль также засталъ Бруни рубящимъ дрова [1]) и потомъ овладѣлъ тремя волшебными стрѣлами Гуси. Мы уже выяснили, что по отношенію къ Кетильсагѣ этотъ разсказъ существеннаго значенія не имѣетъ; стрѣлы Гуси въ ней никакой роли не играютъ. Первостепенное значеніе эти стрѣлы пріобрѣтаютъ въ Орваръ-Оддсагѣ, когда ими объясняютъ прозвище Одда. Поэтому естественно думать, что разсказъ о пріобрѣтеніи стрѣлъ Гуси первоначально связывался непосредственно съ Оддомъ. По пересказу Біернера выходитъ, что Гуси былъ королемъ Финмарка тогда, когда Оддъ ѣздилъ въ Біармаландъ и по дорогѣ останавливался въ заливѣ Финмарка: populando deinde Finmarkiam s. Lapponiam cui rex praeerat nomine Guse, item Biarmalandiam & quæ hanc ut infra dicetur comprehendit,

---

[1]) Впрочемъ, этой подробности нельзя придавать особаго значенія, такъ какъ она попадается и въ другихъ сагахъ, ср. Fas. III, стр. 208.

Risalandiam s. gigantum terram peragravit [1]). Сообразно съ этимъ я возстанавляю повѣствованіе Орваръ-Оддсаги въ сдѣдующемъ видѣ: Оддъ выѣзжаетъ изъ дому, прибываетъ въ Финмаркъ; здѣсь онъ вступаетъ въ борьбу съ Гуси, отнимаетъ у него волшебныя стрѣлы, а затѣмъ уже продолжаетъ свой путь въ Біармаландъ. Когда Оддъ сталъ главнымъ героемъ цѣлаго рода, то волшебныя стрѣлы, равно, какъ и никогда не измѣняющій ему попутный вѣтеръ, стали родовымъ преимуществомъ — ættargipt, и потому неминуемо должны были пройти черезъ руки и отца и дѣда. Понятіе Gusisnautar и столкновеніе Гуси съ Оддомъ послужило образцомъ для послѣдующихъ подражаній. Іольфъ даритъ Одду каменныя стрѣлы на тотъ случай, когда стрѣлы Гуси окажутся непригодными. Поэтому разсказъ о Гуси непремѣнно долженъ предшествовать разсказу о Іольфѣ.

Буръ увѣренъ, что Іольфъ никто иной, какъ самъ Одинъ. На эту мысль его навелъ аналогичный разсказъ о томъ, какъ Hrani (=Одинъ?) предлагаетъ оружіе Рольфу, отправляющемуся въ Швецію [2]), и разсказъ о Кетилѣ. Но я никакой аналогіи тутъ не вижу: въ одномъ случаѣ Бруни (=Одинъ?) самъ своему гостю ничего не даетъ, а въ другомъ гость не беретъ подарка. Затѣмъ можно спорить и противъ отождествленія Бруни и Рани съ Одиномъ. Наконецъ, Буръ вмѣстѣ съ Деттеромъ ссылается на прозвище Одина—Jálfaðr, сближаемое имъ съ именемъ Іольфа. Но это безусловно неправильно, потому-что Іольфъ получилось изъ Jó+ulfr, а прозвище Одина могло восходить къ Jǫlf+uðr [3]). Наконецъ, Буръ придирается къ невинному слову—Karl; если Karl обозначеніе (heiti) Одина, то что же въ такомъ случаѣ дѣлать со встрѣчающимся тутъ словомъ—Kerling=баба. И разъ Гуси слѣдуетъ противопоставлять самому Одду, а не Бруни—Одину, то всѣ разсужденія Деттера и Бура [4]) о выраженномъ здѣсь прево-

---

[1]) Біернеръ, стр. 21.

[2]) Fas I, стр. 77—9.

[3]) Іонсонъ, Исторія литературы II, стр. 815.

[4]) Afnf, VIII, стр. 106 сл.

сходствѣ германскаго божества надъ финскимъ падаютъ сами собой. Всѣ доводы Бура по миѳологіи въ сущности ничего не говорятъ. Напротивъ того, многое противорѣчитъ такаго рода предположенію:

1) Сама жизнь Іольфа; мы читаемъ, что у него крошечная хижина; что жена его недовольна тѣмъ, что тотъ привелъ гостя и извиняется, что въ домѣ мало ѣды. Когда Оддъ разстается съ Іольфомъ, онъ вручаетъ ему золотой перстень съ тѣмъ, чтобы тотъ передалъ его женѣ.

2) Если мы обратимся къ наружности Іольфа, то мы увидимъ, что онъ былъ малъ ростомъ, а волосомъ сѣдъ. Этотъ низкій ростъ и сѣдая борода скорѣе подходятъ къ какому-нибудь двергу, чѣмъ къ Одину.

3) Изъ разсказа явствуетъ, что Іольфъ самъ сковалъ (smíđ) стрѣлы, утромъ, пока Оддъ спалъ. Но кузнецами и изобрѣтателями чудодѣйственныхъ орудій по преимуществу являются фины-дверги.

4) Знаніе тайнъ, свойствъ стрѣлъ Гуси, знаніе будущихъ судебъ вовсе не предполагаетъ непремѣнно бога; ясновидящими также представлялись и фины.

5) Во всемъ послѣдующемъ разсказѣ, главнымъ образомъ, въ походѣ на Біалькаландъ, Оддъ выступаетъ ревностнымъ христіаниномъ; онъ разрушаетъ языческіе храмы и жертвенники. Плохо тому, заявляетъ Оддъ, у кого единственный другъ Одинъ; перестаньте приносить жертвы нечистымъ; вижу я, какъ ваши идолы горятъ въ огнѣ съ вами сатана, я же вѣрю въ единаго Бога [1])! Итакъ сага въ этой части особенно тщательно подчеркиваетъ то обстоятельство, что христіанинъ Оддъ борется съ язычниками, разрушая ихъ ложную вѣру [2]).

Мы помнимъ, что Іольфъ даетъ Одду простыя камен-

[1]) L. стр. 183, строфа 40:

ilt's 'Oþen at eiga at einka vin,
skoloþ ér eige skratta blóta,
veitk í elde ǫ'so brenna,
troll eige þik! trúek goþe einom.

[2]) Сл. L стр. 185, строфу 41; ferþom segge fra svikarǫ'þom. Также отзывъ Бура L стр. XXX.

ныя стрѣлы; стрѣлы Гуси были изящнѣе: онѣ были украшены золотыми обручами или перьями [1]); украшенныя стрѣлы были вообще въ ходу. Но каменнымъ орудіямъ приписывалась всегда сверхъестественная сила. Владѣльцами ихъ по тогдашнему представленію могли быть только фины. Поэтому я думаю, что Іольфа слѣдуетъ отнести къ рязряду дверговъ-кузнецовъ, выдѣлившихся изъ общаго представленія о финахъ [2]).

Итакъ, встрѣча Одда съ Іольфомъ восходитъ къ утраченному разсказу Орваръ-Оддсаги о томъ, какъ получалъ Оддъ стрѣлы отъ Гуси. Затѣмъ начинается сказка: никому невѣдомый человѣкъ является во дворецъ; его встрѣчаютъ съ презрѣніемъ; повидимому онъ ни къ чему не способенъ, потомъ онъ справляется съ тремя необыкновенно трудными задачами и въ концѣ концовъ даже женится на королевской дочери. Обыкновенно согласію на бракъ предшествуетъ война, которая даетъ герою славу и богатую добычу. Стóитъ сличить съ нашимъ разсказомъ исландскую сказку о Торстейнѣ съ золотыми волосами и ея варіанты [3]). И тутъ повторяется охота, на которой мнимый мальчикъ садовника отдаетъ женихамъ часть своей добычи; повторяется также походъ, благополучнымъ исходомъ котораго царь обязанъ непризнанному незнакомцу. Составитель саги вращается въ бытовой обстановкѣ древней Скандинавіи и потому современная намъ сказка естественно должна отличаться отъ реалистической саги, тѣмъ не менѣе между ними должны существовать и точки соприкосновенія. Въ нѣкоторыхъ сказкахъ молодецъ, пришедшій къ королю выкапываетъ ему глубокій колодезъ, рубитъ дубъ неимовѣрной величины и наконецъ, вылѣчиваетъ короля отъ слѣпоты, дочь отъ нѣмоты и въ награду онъ получаетъ ее въ жены [4]). Въ другой сказкѣ молодецъ нарядился въ

---

1) gulli reyrđar (редакція S) или gulli fjađrađar (редакція M).

2) Nilsson, D. Steinalter oder die Ureinwohner des skandinavischen Nordens 1868, стр. 143.

3) Rittershaus, стр. 96—102.

4) Asbjörnsen и Moe, Norske Folkeeventyr, № 48 и 49.

разодранную одежду и покрылъ свою голову парикомъ изъ еловыхъ лишаевъ. Рукописи А, В и Е упоминаютъ, что Оддъ покрылъ свою голову большой шляпой, сдѣланной изъ коры [1]). Въ этомъ нарядѣ герой сказки приходитъ къ садовнику. Разъ утромъ, когда онъ моется, снявъ и парикъ, и лохмотья, королевская дочь видитъ его и, увидавъ, влюбляется. Потомъ ему представляется случай отличиться на войнѣ и такимъ образомъ онъ пріобрѣтаетъ право на ея руку [2]). То же самое разсказывается и въ редакціи M [3]). Утромъ послѣ большой выпивки, Оддъ мылся, снявъ свою кору; придворные подсмотрѣли; они подбѣжали и начали сдирать съ него остальную кору, и когда они оборвали ее, они увидѣли предъ собой Одда въ роскошной одеждѣ.

Кромѣ отголосковъ сказки въ сагѣ чувствуются и другіе болѣе близкіе источники. Отправляясь къ королю Рингу, Фритіофъ выдаетъ себя за солевара [4]). По другому варіанту онъ кутается только въ плащъ солевара [5]). Когда Оддъ показываетъ Іольфу свой ножъ, тотъ спрашиваетъ откуда онъ досталъ его, и Оддъ отвѣчаетъ: когда я занимался на берегу варкой соли [6]), то я увидалъ разбитый корабль; мы отправились на него, взяли всѣ вещи и я оставилъ себѣ этотъ ножъ. Съ одной стороны, это можетъ быть малозначущимъ совпаденіемъ, но съ другой стороны, общее сходство въ положеніи героя заставляетъ насъ думать, что Фритіофсага послужила образцомъ для составителя Орваръ-Оддсаги.

Состязанія, въ которыхъ отличается Оддъ, придуманы въ духѣ древнесѣверныхъ игръ и встрѣчаются и въ другихъ сказаніяхъ. Когда Олафъ приказалъ народу креститься, нѣкто Эйндриди (Einđriđi) не пожелалъ принять новой вѣры. Олафъ предлагаетъ ему состязаніе: если окажется

---

[1]) síđan gerir hann sér næfrahǫtt mikinn á hǫfuđ... Сл. въ сказкахъ— Næfrakolla.

[2]) Тамъ же, № 14.

[3]) L стр. 168.

[4]) An. Sagabibl IX, стр. 41^{16}.

[5]) Fas II, стр. 499: tók hann sér saltkarls kufl einn mikinn...

[6]) L стр. 138^{9}: þá er vér várum at saltbrennu.

искуснѣе Олафъ, то Эйндриди долженъ перейти въ христіанство; если побѣдитъ Эйндриди, онъ можетъ остаться при своемъ невѣріи. И вотъ они плаваютъ на перегонку, стрѣляютъ въ цѣль-дощечку, прикрѣпленную къ головѣ племянника Эйндриди, и, наконецъ, играютъ въ ножи (handsǫxum); побѣдителемъ выходитъ Олафъ [1]). Въ Hemings þattr Aslaksonar соперники состязаются также въ стрѣльбѣ и въ плаваніи, но кромѣ того они еще бѣгаютъ на лыжахъ. Разсказъ обрывается; такъ мы и незнаемъ о результатѣ состязанія [2]) О стрѣльбѣ и плаваніи на перегонки говорится во всѣхъ трехъ сагахъ, но не надо забывать, что и третій родъ состязанія: кто больше выпьетъ, игра въ ножи, бѣгъ на лыжахъ,—относится къ любимѣйшимъ забавамъ скандинавовъ; вотъ почему эти разсказы такъ обстоятельны и такъ жизненны [3]). Составитель Орваръ-Оддсаги, несмотря на то, что долженъ былъ быть вполнѣ знакомъ съ этими распространенными обычаями, нашелъ нужнымъ придерживаться опредѣленнаго образца, какимъ въ данномъ случаѣ явилось повѣствованіе Снорри о королѣ Сигурдѣ. Теперь понятенъ и выборъ эпизодовъ: Оддъ какъ отличный стрѣлокъ, непремѣнно долженъ охотиться; плаваніе же и вино взяты у Сигурда [4]). Буръ подробно остановился на этомъ вопросѣ и показалъ, что какъ проза такъ и стихи Орваръ-Оддсаги указываютъ на несомнѣнную зависимость ихъ отъ Сигурдсаги; но я не рѣшился бы присоединиться къ мнѣнію Бура, что составитель Орваръ-Оддсаги этимъ заимствованіемъ хотѣлъ польстить королю Сигурду [5]).

Не мало затемнилъ изслѣдованіе Бура походъ въ Біалькаландъ. Не найдя объясненія названія этой загадочной страны въ древнесѣверномъ языкѣ, Буръ поставилъ его въ зависимость отъ русскаго слова «бѣлка»: по Буру Біалькаландъ—страна пушныхъ звѣрей, pelzland, которая

---

¹) Formannasǫgur II, стр. 265—274.

²) Flateyjarbok III, стр. 400—10.

³) Weinhold, Altnordisches Leben, стр. 313 сл. Keyser, Nordmændenes private Liv i Oldtiden (Efterladte Skrifter II),

⁴) Hkr. стр. 681—2 и 694—5.

⁵) Afnf. VIII, стр. 131—4.

должна находиться гдѣ нибудь въ Россіи. Но мнѣ кажется, что «страна бѣлокъ» у скандинавовъ должна была бы называться непремѣнно: íkornaland. Невѣрно и фонетическое чередованіе: бѣлка должно было звучать *bjelka, а не *belka, какъ думаетъ Буръ, и стало быть оно должно было остаться безъ измѣненій. Я увѣренъ въ томъ, что Біалькаландъ слѣдуетъ искать совсѣмъ не на картѣ. Королемъ Біалькаланда былъ Альфъ, который носилъ прозвище bjálki [1]). Біальки въ сагѣ понималось какъ собственное имя. Это доказывается также тѣмъ, что оно нѣсколько разъ употребляется самостоятельно, безъ имени Альфъ. Имя это ничто иное какъ существующая еще понынѣ скандинавская фамилія—Bjälke. Въ гербѣ этого рода изображены брусья [2]). Итакъ, Біалькаландъ можетъ быть просто страной Біальки. Если Біалькаландъ понималась бы какъ страна брусьевъ по преимуществу, то въ сагѣ навѣрное сохранилось бы объясненіе, почему эта сказочная страна называлась именно такъ, а не иначе. И далѣе если даже допустить, что страну называли «страной бревенъ», то нельзя же на этомъ основаніи думать, что и самого короля прозвали «бревномъ»! Все дѣло въ томъ, что никогда и не существовало такой страны. И вотъ не зная, куда пріурочить Біалькаландъ, составитель саги въ своей растерянности, а для насъ весьма неожиданно, замѣчаетъ: въ пѣсняхъ говорится, что все это происходило въ Антіохіи [3]). Итакъ, я настаиваю на томъ, что Біалькаландъ не страна бѣлокъ и не страна балокъ, а государство Біальки.

Жена короля въ редакціи S именуется Gyđa. Это имя неоднократно встрѣчается у Снорри, въ нашемъ разсказѣ оно замѣнило обозначеніе жрицы—gyđjan [4]). Послѣднее я связываю со словомъ gođi=жрецъ. Вульфила переводитъ ἱερεύς черезъ gudja. Не надо забывать, что эта основа озна-

---

[1]) því er hann kallaðr 'Alfr bjálki L стр. 170.

[2]) Исландское: bialki; прагермагское: *balkan—тотъ же корень, какъ русское „балка“.

[3]) L стр. 184^{24}.

[4]) Такъ думаетъ и Гейнцель. AfdA. XIV, стр. 126.

чала жрецовъ языческихъ, поэтому подъ перомъ христіанскаго сочинителя она могла еще имѣть другой оттѣнокъ, означать злую колдунью, волшебницу. Есть указанія на то, что сочинитель этой части саги дѣйствительно былъ фанатичнымъ церковникомъ: выше мы отмѣтили, что Оддъ изображенъ ревностнымъ поборникомъ христіанства. Въ редакціи M. gyđjan, первоначально понимаемая лишь какъ колдунья, превратилась въ оффиціальную представительницу языческаго культа—hofgyđjan. Теперь ей отводится мѣсто не во главѣ войска, а въ храмѣ. Она встрѣчаетъ Одда у городскихъ воротъ съ грозными стихами. Но Оддъ замахивается на нее дубиной и она убѣгаетъ отъ него въ храмъ. Гнаться за ней Оддъ не пожелалъ; онъ отыскалъ отверстіе въ крышѣ и бросилъ въ храмъ большой камень, ей на спину; тутъ она и умерла. Біернеръ, согласно версіи S называетъ ее королевой—regina, но приводитъ не заимствованное имя Gyđa, а первоначальную форму—Gydia [1]). Сообразно съ перемѣной, происшедшей съ Гидой, надо было измѣнить и другія подробности разсказа редакціи M. Все, что въ редакціи S. Оддъ дѣлалъ съ королевой, было перенесено на короля: Альфъ былъ тѣмъ, кому пришлось защищаться отъ стрѣлъ Гуси и которому суждено было пасть отъ каменныхъ орудій. Имя его Альфъ также указываетъ на недоброе происхожденіе. Такое прозвище носятъ коварные Локи и Волундъ. Вообще говоря álfr непремѣнно таинственное существо. Правда, народъ зналъ и добрыхъ геніевъ—liosálfar, но преобладали всегда представленія о духахъ страшныхъ, вредныхъ—svartálfar, dǫkkálfar. Сынъ его Видгрипъ ничѣмъ не привлекаетъ нащего вниманія, несмотря на то, что въ редакціи M [2]) о немъ имѣется особый разсказъ. Такимъ образомъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія искать въ повѣствованіи о походѣ въ Біалькаландъ какой-нибудь исторической подкладки. Ни собственныя имена, ни описываемыя событія не содержатъ ни одного намека на факты.

---

[1]) Біернеръ, стр. 30.
[2]) L стр. 178.

Можно однако спросить, какую редакцію саги слѣдуетъ считать первоначальной. Отвѣтить на это нетрудно. Разсказъ о томъ, какъ Оддъ стрѣляетъ въ Гиду, явное подражаніе описанію ослѣпленія Оддомъ Гнейпы. Какъ та такъ и другая—женщина, если только ихъ можно вообще называть женщинами [1]). У нихъ одна и та же манера защищаться отъ выстрѣловъ Одда [2]). Каменнымъ стрѣламъ въ Біалькаландѣ соотвѣтствуютъ стрѣлы Гуси въ Рисаландѣ [3]). Эти дословныя повторенія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что редакція S слѣдуетъ ходу первоначальнаго разсказа и вмѣстѣ съ тѣмъ косвеннымъ образомъ подтверждаетъ наши предположенія о происхожденіи Іольфа. Составитель этой послѣдней части саги повторилъ утраченный теперь (перенесенный въ Кетильсагу) разсказъ о томъ, какъ Оддъ добылъ волшебныя стрѣлы у Гуси, и далѣе разсказъ о томъ, какъ эти стрѣлы пригодились ему при встрѣчѣ со злой колдуньей. Итакъ, у насъ получается рядъ сопоставленій, проливающихъ свѣтъ на загадочный Біалькаландъ: Гуси соотвѣтствуетъ Іольфъ, волшебнымъ стрѣламъ Гуси—каменныя Іольфа, Гнейпѣ—Гида (gyđjan), великанамъ — Альфъ и Видгрипъ, Рисаланду — Біалькаландъ.

Такимъ образомъ, вся послѣдняя часть саги, повѣствующая о посѣщеніи Оддомъ Іольфа, о пребываніи Одда при дворѣ Геррауда, объ его походѣ на Біалькаландъ и женитьбѣ на королевской дочери, не содержитъ ничего такого, что могло бы быть истолковано какъ воспоминаніе о какихъ-нибудь историческихъ фактахъ. Въ изложеніи своемъ составитель саги пользовался готовыми образцами, то были или разсказы самой Орваръ-Оддсаги, или эпизоды, нахо-

---

1) Гнейпа: ef konu skyldi kalla L стр. 43[3]; Гида: ef konu skal kalla L стр. 171[26].

2) Гнейпа: hon heyrđi hvininn ok sá þá ǫrina ok brá viđ lófa sínum ok beit eigi á heldr en steini L ст. 43[21]; Гида: hon heyrđi hvininn ok brá viđ lófanum ok beit eigi heldr en á hellu L стр. 179[20].

3) Стрѣла Гуси: ǫrinn fló í gegnum lófann ok aptr í augat ok út um hnakkann L стр. 45[3]; каменная стрѣла: ǫrinn fly'gr í gegnum lófann ok aptr í augat ok út um hnakkan L стр. 181[6].

дящіеся въ другихъ сагахъ. Тѣмъ не менѣе, взятая цѣликомъ, вся эта послѣдняя часть саги производитъ цѣльное впечатлѣніе. Оддъ изображенъ тутъ во весь ростъ: это герой, достойный власти надъ міромъ. Но къ чему понадобилось все это придумывать? Почему помѣстили эти эпизоды именно здѣсь, почти въ концѣ саги? Я думаю, что происхожденіе ихъ тѣснѣйшимъ образомъ связано съ вопросомъ о присоединеніи сюда сказанія о смерти Одда, которая наступаетъ тотчасъ же послѣ похода въ Біалькаландъ и женитьбы героя.

XXVI.

Лѣтописныя сказанія о вѣщемъ Олегѣ.

Разсказъ о смерти Одда напоминаетъ собой древнерусское сказаніе о вѣщемъ князѣ Олегѣ, вошедшее въ Повѣсть временныхъ лѣтъ. Самъ лѣтописецъ сознается въ томъ, что прислушивался и къ народнымъ сказаніямъ. Подъ 1106 годомъ читаемъ: «въ се же лѣто преставись Янь, старецъ добрый, живъ лѣтъ 90, въ старости маститѣ, по закону Божію, не хужше первыхъ праведникъ; у него же и азъ много словеса слышахъ еже и писахъ въ лѣтописаніи семъ». Преподобный Ѳеодосій требовалъ, чтобы иноки знакомились съ «преданіями отеческими» [1]). Что съ этимъ совѣтомъ считались, видно, напримѣръ, изъ поясненія автора такого произведенія, какъ Память и похвала князю русскому Володимеру: «азъ худый мнихъ Иіаковъ слышавъ отъ многихъ о благовѣрномъ князѣ Володимери всея рускыя земля, о сыну Святославлѣ, и мало събравъ отъ многыхъ я добродѣтели его написахъ» [2]). Кромѣ того, въ языкѣ Нестора чувствуется живая устная рѣчь: полногласіе словъ, повтореніе предлоговъ и многіе другіе обороты, все это указываетъ на народную стихію. Если, согласно мнѣнію Бестужева-Рюмина, Повѣсть временныхъ

[1]) Бутковъ, Оборона лѣтописи русской, стр. 172.
[2]) Христіанское Чтеніе I, ч. 2, стр. 316.

лѣтъ является архивомъ, въ которомъ хранятся слѣды погибшихъ для насъ произведеній первоначальной нашей литературы, то часть ихъ составляютъ преданья старины глубокой [1]).

Лѣтописныя преданія о вѣщемъ Олегѣ обнимаютъ три событія: покореніе славянорусскихъ племенъ, походъ на Византію и смерть князя. Уже изъ первыхъ строкъ лѣтописи объ Олегѣ видно, что мы имѣемъ дѣло съ героемъ народнаго сказанія: въ одинъ годъ (6390), Олегъ покоряетъ не только два могучихъ племени словѣнъ и кривичей, но финскій народъ Меря, беретъ города Смоленскъ и Любечь, овладѣваетъ Кіевомъ и заставляетъ Новгородъ платить дань варягамъ. А дальше мы читаемъ:

Въ лѣто 6391 поча Олегъ воевати Древляны...
» » 6392 иде Олегъ на Сѣверяне...
» » 6393 посла къ Радимичемъ...

Эта схематическая хронологія указываетъ на тщетную попытку лѣтописца придать преувеличеннымъ перечнямъ подвиговъ народнаго сказанія — оттѣнокъ историчности. Описаніе походовъ проведено у лѣтописца съ эпической краткостью. Олегъ прямо приказываетъ сѣверянамъ не платить дани хазарамъ: «азъ имъ противенъ, а вамъ нечему». Съ радимичами Олегъ обращается гораздо рѣзче: «не дайте козаромъ, но мнѣ дайте». Въ этомъ сжатомъ и отрывочномъ повѣствованіи о покореніи Олегомъ русскихъ племенъ проглядываютъ однако три стремленія: во-первыхъ, желаніе сохранить воспоминаніе объ извѣстныхъ историческихъ фактахъ, а именно, о дѣятельномъ княженіи Олега и объ успѣшномъ собираніи имъ дани, ускользнувшей было къ хазарамъ, объ освобожденіи имъ нѣкоторыхъ русскихъ племенъ отъ власти тѣхъ же хазаръ и перенесеніи престола въ Кіевъ [2]); во-вторыхъ, попытка лѣтописца подо-

---

[1]) Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ русскихъ лѣтописей, стр. 41—50; Сухомлиновъ, О древней русской лѣтописи, стр. 51 сл.; Шевыревъ, Исторія русской словесности II, стр. 95 сл., и др.

[2]) Извѣстныя слова: „се буди мати градомъ Русьскимъ“, понятно не принадлежатъ Олегу, но уже одно то, что лѣтописецъ вкладываетъ

гнать эти данныя подъ нѣкоторую предвзятую хронографическую форму; наконецъ, воображеніе будитъ въ немъ представленіе о міровомъ завоевателѣ, о какомъ то Александрѣ Македонскомъ; болѣе или менѣе безобидное собираніе дани превращается въ его умѣ въ потрясающіе всю Русь, опустошительные походы; успѣхъ оружія лѣтописецъ склоненъ даже объяснить однимъ приказаніемъ всемогущаго владыки. Но все же надо думать, что монахъ-лѣтописецъ не подвергъ бы такой идеализаціи этотъ образъ, если бы рѣшительная личность Олега не стала еще много раньше достояніемъ народнаго воображенія. Многіе изслѣдователи готовы видѣть въ Вольгѣ русскихъ былинъ вѣщаго князя: расправа Вольги съ крестьянами въ Орѣховцѣ и другихъ городахъ отвѣчаетъ лѣтописному разсказу о покореніи русскихъ племенъ, а историческому походу въ Царьградъ—былинный разгромъ Вольгой Индіи проклятой. Такимъ образомъ, ореоломъ героичности окружалъ образъ Олега не только лѣтописецъ, но еще до него въ этомъ направленіи работала народная традиція.

Въ лѣтописномъ разсказѣ о походѣ Олега въ Царьградъ также содержатся фантастическія подробности. Костомаровъ видѣлъ въ нихъ слѣды пѣсеннаго склада. Князь Оболенскій [1]) пробовалъ устранить ихъ посредствомъ словотолкованій, надо признаться, весьма наивныхъ. Иловайскій [2]) сближалъ данный разсказъ съ греколатинскими извѣстіями о походѣ скиѳовъ въ Геллеспонтъ во второй половинѣ III вѣка. Хрущовъ [3]) при помощи перестановокъ отдѣльныхъ частей текста думалъ внести большую ясность въ непонятный разсказъ лѣтописи. Эта путаница произошла, по моему, главнымъ образомъ, оттого, что лѣтописцу предстояла непосильная для его пониманія задача: онъ долженъ былъ выдѣлить изъ фантастическаго сказанія тѣ

эту болѣе позднюю народную поговорку въ уста Олега, оправдываетъ высказанную выше догадку.

[1]) Нѣсколько словъ о первоначальной русской лѣтописи, стр. 5—34.

[2]) Разысканія о началѣ Руси, стр. 156 сл.

[3]) О древнерусскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ XI и XII столѣтій.

немногія реальныя черты, которыя не противорѣчили бы серьезному складу его богоугоднаго труда. Таковы, например, слова: «и повѣси щитъ свой въ вратехъ, показуа побѣду...» Насколько нашъ лѣтописецъ заботился о достовѣрности своего сочиненія, видно изъ того, что онъ приводитъ торговый договоръ, приписывая его заключеніе военнымъ успѣхамъ Олега. Никто до сихъ поръ не думалъ сомнѣваться въ его подлинности. Всѣ его подробности подтверждаются Русскою Правдой. То же показываютъ и фактическія отношенія Руси къ Царьграду. Наконецъ, всѣ подобные же договоры согласны между собою. Изслѣдованіе стиля доказало, что оригиналъ договора былъ писанъ на греческомъ языкѣ. Что копія съ такого важнаго документа очутилась въ лѣтописномъ сборникѣ [1]), не должно удивлять насъ; лѣтописи носили до извѣстной степени оффиціальный характеръ, и составители ихъ пользовались, вѣроятно, достаточнымъ довѣріемъ со стороны князей [2]). Но возникаетъ вотъ какой вопросъ: мы не имѣемъ ни одного факта, который говорилъ бы въ пользу того, что заключеніе этого договора было результатомъ похода Олега. Изъ этого договора даже не видно, чтобы ему предшествовала война, напротивъ того, онъ подтверждаетъ «отъ многихъ лѣтъ межи христіаны и Русью бывшюю любовь». Наконецъ, византійскіе хроникеры ничего не знаютъ ни о какомъ разгромѣ Царьграда подъ предводительствомъ Олега. Поэтому мнѣ кажется, что походъ Олега на Царьградъ выдуманъ русскимъ лѣтописцемъ. Но, быть можетъ, народная память заставляла Олега совершить какой нибудь побѣдоносный походъ за тридевять земель—хотя бы и въ Индію. Отдаленность вражеской страны дала случай обставить этотъ походъ самыми фантастическими подробностями: часть ихъ перешла въ позднѣйшую былину, часть лѣтописецъ счелъ себя въ правѣ перенести въ свое историческое по-

---

[1]) Пользуюсь выраженіемъ Сухомлинова.

[2]) Погодинъ, Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи I стр. 115—154; Срезневскій, Договоры съ греками (Извѣстія Императорской Академіи Наукъ Ш, стр. 257—295); Лавровскій, О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками.

вѣствованіе. Но онъ пишетъ исторію, а потому куда же могъ направить свой военный корабль доблестный князь кіевской Руси, какъ не въ Царьградъ. И чтобы придать своему разсказу еще большую правдоподобность, лѣтописецъ приводитъ текстъ дѣйствительно существовавшаго договора. Если этотъ договоръ относится ко времени княженія Олега и явился результатомъ мирныхъ переговоровъ, то мы имѣемъ тутъ любопытный примѣръ того, какъ подъ вліяніемъ опредѣленныхъ героическихъ идеаловъ въ народномъ воображеніи измѣняется историческая истина и даже переходитъ въ утвержденіе противоположнаго тому, что въ дѣйствительности было.

При какихъ обстоятельствахъ произошла смерть Олега, знаютъ, если не изъ лѣтописи, то изъ баллады Пушкина всѣ. Лѣтописецъ, твердо убѣжденный въ правдивости своего разсказа, приводитъ подобный же случай съ Аполлоніемъ Тіяняниномъ: «се же дивно яко отъ волхкованья собывается чародѣйство якоже бысть во царство Доментіаново». Что лѣтописецъ принималъ все сказаніе о смерти Олега на вѣру, подтверждается и неоднократнымъ упоминаніемъ [1]) въ лѣтописи «Ольговой могилы»; никакихъ оговорокъ лѣтописца мы не находимъ. А въ другомъ мѣстѣ подъ 1148 годомъ встрѣчается «Олгове поле». Но въ одномъ отношеніи сказаніе о смерти Олега отличается отъ двухъ первыхъ разсказовъ о покореніи племенъ и о походѣ въ Царьградъ: оно не имѣетъ подъ собой историческаго основанія; оно самымъ нехитрымъ образомъ приложено къ первымъ двумъ «историческимъ» частямъ лѣтописнаго повѣствованія о вѣщемъ князѣ Олегѣ. Только въ концѣ разсказа о византійскомъ походѣ содержится намекъ на разницу между собственнымъ воззрѣніемъ лѣтописца и духомъ народно-эпическихъ сказаній: «прозваша Олега вѣщій, бяху бо люди погани и невѣголоси».

---

[1]) Подъ 1146, 1150 и 1160 годами.

XXVII.

Параллели къ сказанію о смерти Олега.

Подыскивая параллели къ сказанію о смерти князя Олега, нельзя удовольствоваться одной общностью основной идеи. Мысль о непреодолимости судьбы-рока распространена повсюду. Если она и лежитъ въ основѣ многихъ народныхъ сказокъ, то это еще не предполагаетъ сходства ихъ мотивовъ. Правда, если предположить, что наше сказаніе попало въ другую обстановку, то, само собою разумѣется, должны были измѣниться сообразно съ новыми условіями и его подробности. Такъ оно въ Германіи примкнуло къ обширному кругу народныхъ сказаній о дикомъ охотникѣ [1]). Понятно, животнымъ, причиняющимъ смерть, въ этихъ разсказахъ не могъ быть уже конь, который можетъ имѣть значеніе собственно для воина; охотнику слѣдуетъ бояться прежде всего того звѣря, за которымъ онъ охотится. Роковымъ звѣремъ является кабанъ. При введеніи нашего сказанія въ циклъ о дикомъ охотникѣ пришлось отбросить и ту историческую обстановку, въ которой обрѣтался князь Олегъ. Тутъ героемъ могъ быть и любой помѣщикъ, страстно предававшійся охотѣ; здѣсь иногда прямо говорятъ о старомъ лѣсничемъ. Одновременно съ этимъ долженъ былъ исчезнуть и кудесникъ, предсказывавшій смерть; онъ былъ бы рѣзкимъ анахронизмомъ. Поэтому изъ нѣмецкихъ сказаній изгнано предсказаніе профессіональнаго волхва и замѣнено сновидѣніемъ. Дѣйствительно, сновидѣніе вполнѣ можетъ замѣнить собой предсказаніе объ опасности, исходящее отъ другого лица. Это упоминаніе сна указываетъ на то, что я былъ вполнѣ правъ, сближая предсказаніе вѣщуньи въ Орваръ-Оддсагѣ со сновидѣніями въ сагахъ вообще: вѣщунья и вѣщій сонъ преслѣдуютъ одну и ту же цѣль. Но изъ этихъ двухъ пріемовъ сновидѣніе является выдум-

---

[1]) Schwartz, Der heutige Volksglaube u. das alte Heidenthum 1862 г., стр. 52 сл.

кой болѣе поздней. Память о предсказаніи сохранилась даже въ нѣмецкихъ сказаніяхъ; по одному варіанту [1]) въ 12 часовъ ночи раздается таинственный голосъ; это онъ предсказываетъ смерть лѣсничему. И вотъ съ тѣхъ поръ послѣдній или совсѣмъ перестаетъ охотиться или избѣгаетъ встрѣчи съ кабаномъ. Но послѣ охоты онъ осматриваетъ убитыхъ звѣрей и вотъ тутъ то исполняется предсказаніе: голова убитаго кабана падаетъ на лѣсничаго и распарываетъ ему клыкомъ животъ; чаще, впрочемъ, клыкъ вонзается ему въ ногу. Надо думать, что поврежденіе ноги болѣе оригинальная черта. Мало того, въ одномъ изъ варіантовъ [2]) охотникъ наступаетъ ногой на кабана и говоритъ: убей, если можешь! Эта подробность уже совершено сходится съ разсказомъ о смерти Олега, наступившаго на черепъ коня. По варіанту, записанному въ Лаузицѣ [3]), охотникъ кладетъ руку на голову кабана и говоритъ: теперь небось не укусишь! Но при этомъ онъ нечаянно оцарапываетъ себѣ руку объ острый клыкъ и отъ этого умираетъ. Наконецъ, въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи показываютъ могилы, гдѣ будто бы похороненъ умершій такимъ образомъ охотникъ.

Упоминаніе о кабанѣ дало поводъ къ самымъ широкимъ обобщеніямъ. По моему, кабанъ явился вмѣсто коня, потому что сказаніе было пріурочено къ (дикому) охотнику. Миѳологи стали принимать его за солнечнаго кабана Одина (Sonneneber) [4]). Вспомнили о томъ, какъ эллинскій Адонисъ былъ раненъ кабаномъ, какъ египетскій Осирисъ былъ убитъ Тифономъ, принявшимъ обликъ кабана, и, наконецъ, фригійскій Аттисъ погибъ также на охотѣ. Но этимъ совпаденіямъ нельзя придавать значенія, во-первыхъ, потому, что мы имѣемъ дѣло съ бродячимъ сказаніемъ, во-вторыхъ, кабанъ является лишь случайной замѣной коня. Черты первоначальнаго сказанія нѣтъ-нѣтъ да проглянутъ.

---

1) Тамъ же, стр 55.
2) Тамъ же, стр. 53.
3) Haupt, Sagenbuch der Lausitz, стр. 132.
4) Simrock, Handbuch d. deutschen Mythologie, стр. 244 сл.

Такъ, въ самой же Германіи записано сказаніе, въ которомъ еще сохранилось воспоминаніе о конѣ. Одному человѣку предсказали, что онъ умретъ отъ своего коня. Услыхавъ это, онъ тотчасъ же отправилъ коня съ приказаніемъ убить его. Такъ и сдѣлали и освѣжевали его. Шкуру хозяинъ повѣсилъ у себя для сушки на дворѣ. Когда она высохла, онъ ея сдернулъ со словами: «проклятая скотина, вѣдь не убила же ты меня!» Но кожа свалилась ему на голову и такъ ушибла его, что онъ вскорѣ умеръ. Отсюда будто бы ведетъ свое начало пословица: не слѣдуетъ вѣрить коню—даже тогда, когда онъ виситъ на шестѣ—dem Ross soll man nicht trauen, auch wenn es auf der Stange hängt [1]).

Вообще же, коня связывали съ образомъ воина. Когда изъ сказаній исчезъ воинъ, то и конь въ нихъ не могъ долго удержаться. Взамѣнъ его опаснымъ животнымъ стала тогда змѣя. Это именно мы и видимъ въ одной изъ сербскихъ сказокъ [2]). Колдунъ предсказалъ царской дочери смерть отъ змѣи. Царь сдѣлалъ для нея стеклянный домъ, въ который уже не могло пробраться ни одно насѣкомое. Изъ этого дома царевну никогда не выпускали. Въ роковой день она захотѣла винограду. Слуги принесли его ей. Изъ виноградной кисти выползла небольшая змѣя и укусила царевну. Такимъ образомъ, предсказаніе вполнѣ оправдалось. Въ этой сказкѣ слилось три мотива: красавица въ стеклянномъ домѣ, на стеклянной горѣ; боязнь рокового дня и предсказаніе колдуномъ смерти отъ змѣи. Къ нашему сказанію имѣетъ отношеніе только третій мотивъ. Въ Англіи записана сказка, весьма похожая на сербскую. Одна женщина, которой богачъ не хотѣлъ помочь въ бѣдѣ, предсказала ему, что его сынъ не проживетъ больше 21 года. И вотъ богачъ запираетъ его въ башнѣ, куда не было почти никакого доступа. Въ тотъ самый

[1]) Haltrich, Zur deutschen Tiersage (Programm des evang. Gymn. in Schässburg 1854—1855), стр. 73. Пользуюсь указаніями Келера въ его Kleinere Schriften zur Märchenforschung, т. I, стр. 47.

[2]) Сухомлиновъ, О преданіяхъ въ древней русской лѣтописи (Основа 1861 г., іюнь).

день, когда ему исполнился 21 годъ, стало такъ холодно, что необходимо было затопить печь. Юноша взялъ принесенную прислугой вязанку дровъ, но едва онъ до нея дотронулся, какъ изъ нея выползла змѣя и ужалила его [1]). Мы видимъ, что всѣ характерныя черты сербской сказки на лицо. Тутъ есть и башня и предсказанный день и змѣя. Въ дальнѣйшемъ упрощеніи фабулы змѣя могла быть забыта и тогда получается та сказка, которую можно, какъ это ни странно, найти въ Малороссіи. Пану предсказана смерть отъ дерева, растущаго у него въ саду. Понятно, онъ велѣлъ это дерево срубить; его раскололи на полѣнья и стали имъ топить печь. Бросая полѣнья въ огонь, панъ занозилъ себѣ руку и отъ этого умеръ [2]). Тутъ изглажены уже почти всѣ черты первоначальнаго сказанія и осталось только представленіе о неизбѣжности предсказаннаго.

Было бы странно, еслибы такая распространенная сказка не вошла въ знаменитый сборникъ 1001 ночи [3]). Тутъ наша тема сплелась съ другими мотивами. Одной дѣвушкѣ колдунья предсказываетъ, что она будетъ имѣть сношенія со 100 мужчинами, что она послѣ этого выйдетъ замужъ за поденщика и, наконецъ, умретъ отъ паука. Первыя два предсказанія сбываются безъ особаго сопротивленія со стороны дѣвушки, но противъ смерти отъ паука принимаются самыя рѣшительныя мѣры предосторожности. Она живетъ внѣ города, въ каменномъ домѣ, до того крѣпко замуравленномъ, что не было въ стѣнахъ ни одной щели. Тѣмъ не менѣе, въ одинъ прекрасный день паукъ падаетъ къ ея ногамъ. Она хочетъ раздавить его полѣномъ, но заноза попадаетъ ей въ руку, которая тутъ же распухаетъ, и она умираетъ.

Итакъ, идея эта не была чужда и востоку; мы ее встрѣчаемъ и въ другихъ арабскихъ сказаніяхъ. Иногда

---

[1]) Henderson, Notes on the folklore of the northern counties of England and the borders. With an appendix by Baring-Gould, 1866 г., стр. 336.

[2]) Костомаровъ, Преданія первоначальной русской лѣтописи (Вѣстникъ Европы, 1873 г., февраль), стр. 599).

[3]) Я пользовался нѣмецкимъ переводомъ Геннинга изданія Universalbibliothek № 4027—8, стр. 195—7.

главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является поэтъ Шанфари. Въ дѣтствѣ еще Шанфари попалъ въ руки своихъ смертельныхъ враговъ, къ племени Бену-Саламанъ: его отдали взамѣнъ взрослаго араба, попавшаго въ плѣнъ. Однажды утромъ онъ проситъ свою нареченную сестру, съ которой онъ росъ, чтобы она вымыла ему голову. Но та отвѣчаетъ ему пощечиной, напоминая, что онъ ей не братъ, а рабъ. Узнавъ горькую правду, онъ клянется убить 100 воиновъ изъ племени Бену-Саламанъ. Ему удалось уже убить 99 человѣкъ, но тутъ враги его схватываютъ и казнятъ. Спустя нѣсколько времени одинъ изъ нихъ проходя мимо черепа Шанфари, толкнулъ его ногой; осколокъ черепа вонзился въ ногу и отъ этой раны онъ умеръ. Такъ сбылась клятва Шанфари [1]). Нѣмецкій поэтъ Рюккертъ сочинилъ на эту тему балладу, которая, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Пѣснью о вѣщемъ Олегѣ является второй художественной обработкой нашего сказанія, но, конечно, передачѣ Рюккерта далеко до чудной изобразительности Пушкина [2]). Изъ Аравіи до древняго сѣвера скачокъ не малый, а между тѣмъ Снорри разсказываетъ почти то же самое о ярлѣ Сигурдѣ, братѣ извѣстнаго Рогнвальда, любимца Гаральда Прекрасноволосаго. Король назначилъ его ярломъ шетландскихъ и оркадскихъ островōвъ. Вмѣстѣ съ другими викингами Сигурдъ предпринялъ походъ въ Шотландію и убилъ тамъ ярла Мельбригди Зубъ [3]). Отрубивъ своему врагу голову, Сигурдъ привязалъ ее къ стремени. Но бедро его ранилъ торчавшій изъ головы острый зубъ. Отъ этой раны онъ и умеръ [4]). Какъ ни отвратительна послѣдняя картина по сравненію съ другими версіями того же сказанія, однако, она могла вполнѣ естественно развиться изъ нашего первоначальнаго сказанія, что свидѣтельствовало бы объ его большой распространенности. Измѣненія могли явиться результатомъ желанія ускорить ходъ дѣйствія. Вѣдь

---

¹) Silvestre de Sacy, Chrestomathie arabe II, стр. 337 и 403.

²) Стихотвореніе Рюккерта „Schanferi“ появилось впервые въ Morgenblatt. 1824 г., № 46. Сл. Boxberger, Rückert-Studien, стр. 226.

³) Обратите вниманіе на прозвище!

⁴) Hkr. стр. 64—5.

надо долго ждать, пока отъ убитаго врага (человѣка или животнаго, безразлично) останется только черепъ, въ который могла бы спрятаться змѣя. И вотъ вмѣсто змѣи ограничиваются прямо осколкомъ костей или зубомъ убитаго. Но что змѣя входила несомнѣнно въ сказаніе первоначальнаго типа, доказывается существованіемъ древневавилонской легенды Этана: змѣя приноситъ богу солнца Шамашъ, который творитъ судъ надъ всѣмъ міромъ, жалобу на орла. Шамашъ совѣтуетъ змѣѣ спрятаться въ трупъ павшаго быка. И когда на эту падаль слетятся всѣ птицы, змѣя сможетъ расправиться съ врагомъ. Но орла предупреждаютъ, и онъ не прилетаетъ [1]).—Въ Италіи одному человѣку разъ снилось, что ему грозитъ опасность отъ мраморнаго льва, стоящаго у входа въ церковь. Утромъ онъ пошелъ въ эту церковь, всунулъ свою руку въ пасть мраморнаго льва и смѣясь сказалъ: ну, кусай! Но въ пасти льва сидѣлъ скорпіонъ. Обезпокоенный онъ укусилъ его въ руку [2]). Никто не будетъ спорить съ тѣмъ, что змѣя, спрятавшаяся въ трупъ быка, и скорпіонъ, сидѣвшій въ пасти льва, видоизмѣненія стараго сказанія о змѣѣ, выползающей изъ черепа. Тутъ же можно припомнить и разсказъ о томъ, какъ Артемида заставила выйти изъ земли скорпіона. Этотъ скорпіонъ и укусилъ Оріона въ щиколку.

Аналогичнымъ примѣромъ измѣненій, перетерпѣваемыхъ сказаніемъ, когда оно попадаетъ въ другую среду, можетъ служить слѣдующая сербская сказка. Гадалка предсказала одной дѣвушкѣ, что она погибнетъ отъ волка, живущаго близъ села въ сосѣднемъ лѣсу. Дѣвушку выдали замужъ въ другое село, дорога къ которому шла черезъ лѣсъ. По сербскому обычаю сваты верхомъ провожали невѣсту. Въ лѣсу дѣйствительно на нихъ напалъ волкъ, но сваты убили его. Прошло девять лѣтъ. Тогда та же женщина захотѣла посѣтить своихъ родителей. Провожало ее столько же людей, какъ и раньше. Опять напалъ на нее волкъ, и опять

---

[1]) Stucken, Astralmythen der Hebräer, Babylonier und Ägypter. стр. 1.
[2]) Simrock, op. cit., стр. 246.

сопровождавшіе ее люди убили звѣря. Досадуя, она ударила ногою убитаго волка. Зубъ вонзился въ ногу, нога распухла и женщина отъ этого умерла [1]). Въ эту сказку я долженъ внести поправку. Въ началѣ какъ будто говорится объ одномъ опредѣленномъ волкѣ, потомъ ихъ появляется два. Стало быть первый совершенно не нуженъ? Послѣдствіемъ органическаго закона развитія сказки явилась геминація: получилось два волка. Второй волкъ затемняетъ весь ходъ разсказа; выпустите его и разсказъ становится вполнѣ понятнымъ: первый волкъ убитъ и гніетъ въ лѣсу; проходятъ года; женщина, уже успѣвшая забыть о волкѣ, снова идетъ черезъ лѣсъ, спотыкается не о голову только что убитаго звѣря, а объ гнилой черепъ, изъ котораго выползаетъ змѣя и жалитъ ее. Въ такомъ видѣ я представляю себѣ первоначальную схему сказки. Конь имѣетъ смыслъ только въ связи съ разсказомъ о воинственномъ князѣ: разъ главнымъ лицомъ является дѣвица, то вмѣсто коня непремѣнно долженъ былъ явиться другой звѣрь—волкъ, это пугало женщинъ и дѣтей въ безчисленныхъ сказкахъ.

Въ заключеніе обратимся еще къ сербской сказкѣ [2]), которая настолько близко подходитъ къ сказанію объ Олегѣ, что можно было бы подумать, что она является заимствованіемъ. Но если это и дѣйствительно заимствованіе, то не книжное, а устное. Порукой въ этомъ являются нѣкоторыя самостоятельныя подробности. Ввиду того, что эта сербская сказка стоитъ совершенно особнякомъ и въ ней не названо никакихъ именъ, мы не можемъ сказать на этотъ счетъ ничего опредѣленнаго. Замѣчательно только то, что она пріурочена къ властителю, къ султану турецкому. «Докторъ» говоритъ ему про опасность отъ коня. Султану жаль коня, но тѣмъ не менѣе онъ велитъ отвести коня въ поле и оставить его на произволъ судьбы. Наступаетъ зима; конь понятно падаетъ. Спустя пять-шесть лѣтъ султанъ съ пиршества отправляется съ гостями гулять въ поле. Наткнув-

---

[1]) Сухомлиновъ, какъ выше.

[2]) У Сухомлинова, тамъ же.

шись на черепъ коня, онъ вспоминаетъ о предсказаніи «доктора» и наступаетъ на черепъ ногой; а тамъ уже жила змѣя...

Разсмотрѣвъ рядъ варіантовъ нашего сказанія, мы приходимъ къ заключенію, что ни одинъ изъ нихъ, за исключеніемъ сербской сказки о турецкомъ султанѣ, не подходитъ такъ близко къ лѣтописному сказанію, какъ Орваръ-Оддсага. Мнѣ кажется, что мы не ошибемся, признавъ эту близость не случайностью, а поддраженіемъ одного разсказа другому. Но кто же у кого заимствовалъ? Если говорить о происхожденіи самаго сюжета, то какъ мы уже видѣли, онъ принадлежитъ къ числу бродячихъ сказаній. Какъ историческія личности, Олегъ и Оддъ не имѣютъ къ нему никакого отношенія. Разсказавъ о покореніи Олегомъ русскихъ племенъ и о походѣ его на Царьградъ, лѣтописецъ прибавляетъ лишь мимоходомъ сказаніе о смерти: для него первыя двѣ группы событій представлялись несомнѣнно историческими происшествіями, въ послѣднее же сказаніе онъ вѣритъ. Не то мы видимъ у составителя саги: у него главными историческими частями были поѣздка въ Біармаландъ и самсейскій бой, а къ концу саги онъ начинаетъ передавать сказку-складку. Какую же цѣль при этомъ могъ онъ преслѣдовать? Онъ хотѣлъ, думается мнѣ, ввести Одда въ обстановку двора, онъ хотѣлъ сдѣлать его могущественнымъ властелиномъ, какимъ былъ Олегъ. Т. е. заимствуя сказаніе о смерти Олега, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ старается окружить Одда и той обстановкой, въ которой находился князь. По редакціи M и примыкающимъ къ ней спискамъ [1]) возвышеніе Одда происходитъ въ Гардарики. Я предполагаю что Húnaland и Гардарики въ этомъ случаѣ однородныя понятія, но я далекъ отъ смѣлости Бура, которой теперь съ такой же легкостью отожествляетъ Олега и Одда, какъ раньше отожествилъ Одда и Отера.

Можно бы спросить, отчего же нельзя считать сказаніе

---

[1]) L, стр. 186³, 190⁹ и 196⁴. Въ первомъ случаѣ въ спискахъ A и B имѣется названіе Grikkjaríki, что, какъ я думаю, означаетъ то же самое, что и Гардарики.

объ Олегѣ сказаніемъ занесеннымъ норманами на Русь. Вотъ что говоритъ противъ этого: 1) Разсказъ въ Орваръ-Оддсагѣ страдаетъ непослѣдовательностью, которая вполнѣ понятна въ разсказѣ заимствованномъ; въ немъ нѣтъ той ясности, которую мы находимъ въ лѣтописи. Сюда относятся какъ уже указано, сама форма предсказанія, отсутствіе всякаго отношенія Одда къ коню и шаржъ въ описаніи смерти коня. Замѣтимъ, что по сагѣ находка черепа является случайностью; Олегъ же ѣдитъ нарочно смотрѣть на остатки своего любимца. Разумѣется и тутъ разсказъ лѣтописи выдержаннѣе. 2) Въ сагѣ сказаніе превратилось въ художественный пріемъ, связывающій отдѣльныя части между собою, главнымъ же образомъ начало и конецъ ея. Оно было согласовано съ религіозными предразсудками героя. Предсказаніе колдуньи стало проклятіемъ его жизни, не дававшимъ ему покоя; онъ вынужденъ былъ изъѣздить моря и земли. Это предсказаніе было для саги, какъ мы уже разъ выразились, какъ бы идейнымъ ея содержаніемъ. Трудно представить себѣ, чтобы это сложное построеніе могло бы упроститься до степени наивной передачи разсказа лѣтописи. Естественнѣе предположить исходной точкой древнерусское преданіе, которое съ одной стороны дало бы поводъ составителю исландской саги придумать цѣлую вереницу сказокъ, а съ другой стороны было бы внесено въ лѣтопись безъ особыхъ прибавокъ и измѣненій.

Однако намъ необходимо оговориться. Торфеусъ зналъ лучшую версію разсказа о смерти Орваръ-Одда, чѣмъ та, которая заключается въ текстѣ нашей саги. Въ послѣдней Оддъ случайно спотыкается о черепъ коня. Въ разсказѣ Торфеуса Оддъ самъ предлагаетъ отправиться на холмъ, подъ которымъ онъ когда то зарылъ Факси. Онъ обыскалъ все болото, но не нашелъ и слѣда отъ холма. Виденъ былъ только одинъ черепъ [1]). Это видоизмѣненіе прибли-

[1]) Quin ait invisimus tumulum ubi eqvum Faxium immersum paludi sepelivimus... Exaruit inter cætera palus nec vestigia tumuli supererant. Jacebat nudum sed valde putre caput equi... Hist. Norv. 1, стр. 273.

жается къ лѣтописному разсказу, но все же оно въ духѣ саги: у Нестора не могло быть и рѣчи о какомъ-нибудь зарываніи коня и о курганѣ надъ нимъ. Въ остальной части повѣствованія Торфеусъ почти буквально слѣдуетъ сагѣ. Но далѣе Торфеусъ приводитъ очень важные факты. Въ Сокндалѣ—въ этой мѣстности какъ разъ лежитъ Беруріодъ—еще въ его время въ народѣ ходило сказаніе о смерти Одда. Въ народѣ помнили, что Оддъ для того, чтобъ спастись отъ предсказанной смерти, утопилъ своего коня въ болотѣ, но болото это пересохло, и въ концѣ концовъ, правда, спустя много-много лѣтъ, Оддъ все-таки не ушелъ отъ своей судьбы [1]). Далѣе, Торфеусъ слыхалъ разсказъ о томъ, что Оддъ велѣлъ похоронить себя въ такомъ мѣстѣ, откуда онъ могъ бы слышать шумъ поля, прибой моря и крикъ пѣтуха [2]). На лугу недалеко отъ Беруріода, принадлежавшемъ когда-то самому Торфеусу, показывали этотъ курганъ [3]). Наконецъ Торфеусу показывали еще озеро, въ которое былъ брошенъ черепъ Факси, почему и само озеро прозвали Faxetiorn [4]).

Эти традиціи держались въ Сокндалѣ еще до начала XVIII вѣка. Они показываютъ, что въ Норвегіи, въ мѣстности Ядарѣ существовала устная сага, которая могла вести свое начало только отъ конунга Одда, воевавшаго съ Рингомъ. Мы можемъ даже примѣрно намѣтить составъ этой саги. Народъ помнилъ и прозвище Одда: quem multivagi seu peregrinabundi cognomine appellant. Итакъ норвежская сага, лоскутки которой записалъ Торфеусъ, за-

---

1) præmonitumqve eqvum Faxium sibi qvandoqve fatalem futurum sep elusurum vaticium paludi immersisse ex cuius capite siccata palude post longam annorum seriem lacertam exsiliisse lethaliqve morsu eum insecisse tradunt (стр. 274).

2) tumulo se condi iusserit ubi campanae marisqve sonitus galliciniumqve audiri possit. (ibid.).

3) Monstratur tumulus eius supra rupem in parte prædii proximi Berurjodri qvod Immerstein vocatur meæque possessionis aliquando fuerat (ibid.).

4) Lacus etiam ab eqvo Faxetiorn hodieqve conspicuus qvo forte caput postea coniectum est. (ibid.).

ключала въ себѣ: разсказъ о рожденіи Одда въ Беруріодѣ, его воспитаніе тамъ же, предсказаніе колдуньи, поѣздка въ Біармаландъ, разсказъ объ его участіи при добываніи невѣсты товарищемъ и смерть отъ коня. Разсказъ о смерти, заимствованный изъ русскихъ преданій, сопровождался вѣроятно и нѣкоторыми другими воспоминаніями о личности Олега, которыя съ теченіемъ времени переработались въ происшествія въ Гуналандѣ и въ походъ въ Біалькаландъ. «Орваръ»-Оддъ въ норвежскихъ преданіяхъ можетъ быть никогда не существовалъ. Какъ само имя, такъ и разсказы и подробности саги, связанныя съ нимъ, обличаютъ искусственную компановку. Поэтому позволительно думать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ работой исландскаго составителя. Онъ началъ съ того, что къ норвежской сагѣ, слышанной имъ въ Ядарѣ, присоединилъ разсказъ о самсейскомъ боѣ. Это присоединеніе дало толчекъ къ дальнѣйшей переработкѣ и въ результатѣ ея и получилась Орваръ-Оддсага въ теперешнемъ видѣ. Но слѣдовъ устной традиціи о какомъ бы то ни было Оддѣ въ Исландіи еще не найдено.

XXVIII.

Мелкіе разсказы Орваръ-Оддсаги.

Мелкіе разсказы Орваръ-Оддсаги двоякаго рода: они повѣствуютъ либо о столкновеніяхъ Одда съ викингами, либо о путешествіяхъ его по чужимъ краямъ. Иногда мы узнаемъ только, что Оддъ убилъ или побѣдилъ такого то викинга: Hergautr (L, стр. 77), Holmgeirr (L, стр. 79), Harđvígr (L, стр. 79), Hlođvérr и Ivarr (L, стр. 86—7). Самый разсказъ о томъ, какъ это случилось, не выходитъ за предѣлы типичныхъ подробностей. Другіе болѣе пространные разсказы, отличающіеся и нѣкоторой своеобразностью, все же не даютъ никакой опоры для историческаго пріуроченія. Можно однако удивляться разнообразію разсказовъ въ Орваръ-Оддсагѣ: они исчерпываютъ чуть ли не всѣ возможности исхода борьбы между двумя викингами.

Въ борьбѣ съ Гальфданомъ Одду грозитъ опасность отъ высокаго корабля-дракона. Приплывъ къ нему тихо ночью, Оддъ взбирается на него при помощи деревьевъ, которыя служатъ лѣстницами, и за нимъ слѣдуютъ его воины (L, стр. 51—2). Подробность эта, какъ мы указали выше [1]), заимствована изъ сказанія о борьбѣ Омунда съ Рингомъ. Разсказъ о Соти даетъ намъ картину боя двухъ драконовъ; драконъ Одда, только, что отнятый у Гальфдана, налетаетъ на корабль Соти съ боку (L, стр. 54—8). Когда Оддъ встрѣтился со Сколли, послѣдній склоняетъ Одда на свою сторону и уговариваетъ его, итти вмѣстѣ съ нимъ на мѣстнаго конунга, который будто бы обидѣлъ его—Сколли; Оддъ заключаетъ союзъ со Сколли; вдвоемъ они опустошаютъ Norđymbraland—нынѣ Норсемберлендъ (L, стр. 84—87). Мнѣ кажется, что въ этомъ мѣстѣ Орваръ-Оддсага воспользовалась разсказомъ о королѣ Эйрикѣ Кровавой Сѣкирѣ (Hkr., стр. 84—6). Оставленный своимъ народомъ и не рѣшаясь вступить въ борьбу съ Гакономъ, Эйрикъ направился къ оркадскимъ островамъ, а затѣмъ опустошилъ Шотландію и сѣверную часть Англіи, но взялъ подъ свою защиту Норсемберлендъ. Лѣто—время его походовъ: онъ отправляется и въ Ирландію. Прежній король Англіи умеръ; его преемникъ Ятмундъ (Játmundr) хочетъ смѣнить Эйрика. Готовится война. Эйрикъ сзываетъ на помощь изъ разныхъ странъ, въ томъ числѣ изъ Ирландіи, викинговъ. Эйрикъ и вмѣстѣ съ нимъ конунги Иваръ и Гарекъ (Hárekr) были убиты въ страшномъ сраженіи. Мы видимъ, что это маршрутъ путешествій Одда на западъ: оркадскіе острова—Шотландія, Ирландія и Норсемберлендъ. Три года Оддъ владѣетъ Ирландіей, скорѣе Норсемберлендомъ. Одду также приходится итти войною на англійскаго короля Ятмунда; въ Норсемберлендѣ происходитъ сраженіе (L, стр. 85[6]). Затѣмъ, возвратившись въ Норвегію, Оддъ сражается съ двумя конунгами: Ívarr и Hlodverr, только у Біернера послѣдній называется—Harecus, по редакціямъ A, B и E—Haki. Изъ исторіи Эйрика Орваръ-Оддсага заим-

[1]) Сл. стр.

ствовала: 1) маршрутъ; 2) фактъ владѣнія британской страной; 3) фактъ войны съ англійскимъ королемъ; 4) имена: Ятмундъ, Иваръ и Гарекъ.

Любопытна первая встрѣча Одда съ Гіальмаромъ. У послѣдняго было десятью кораблями больше чѣмъ у Одда; но Гіальмаръ не позволилъ имъ участвовать въ бою, желая, чтобы силы были равны [1]). Два дня они уже боролись, а исходъ былъ не рѣшенъ. Тогда они видятъ, что имъ другъ отъ друга взять нечего, и что побѣдителя добыча во всякомъ случаѣ не ждетъ. Тогда они рѣшаютъ перестать враждовать и вступаютъ въ дружбу. «Только глупые сражаются изъ желанія быть выше другого и изъ тщеславія» (L, стр. 60—7). И вотъ они вдвоемъ отправляются въ поиски за добычей. На островѣ Селандѣ они встрѣчаются съ пятью берсерками, которыхъ убиваетъ Оддъ въ то время, какъ Гіальмаръ грабитъ ихъ корабли. Желаніе двухъ викинговъ исполнилось; они добыли несмѣтныя богатства. Послѣдній разсказъ возникъ въ зависимости отъ повѣсти о самсейскомъ боѣ.—Огмундъ отличается отъ другихъ враговъ Одда тѣмъ, что въ его наружности есть что то таинственное. У него чернаго цвѣта не только корабельныя палатки, но и самъ онъ весь черный и на лицо свѣшивается у него густой, черный чубъ (flóki). Несмотря на все ожесточеніе, борьба никакъ не можетъ приблизиться къ концу; уже Оддъ и Огмундъ потеряли всѣхъ своихъ воиновъ, но сами они и приближенные ихъ невредимы. Тутъ они рѣшаютъ разойтись, потому что не побѣдила ни та, ни другая сторона (L, стр. 88—95). Сага е вовсе не стремится къ тому, чтобы выставить героя всегда побѣдителемъ; ему приходится попадать и въ довольно безвыходныя положенія. Севидъ (Sæviđr) [2]) нападаетъ на Одда съ большимъ флотомъ. Оддъ не успѣваетъ оглянуться какъ на кораблѣ его не остается ни одного человѣка какъ только онъ одинъ. Тогда, желая спастись вплавь, онъ бросается за

---

[1]) Сл. выше, стр.

[2]) По редакціи M—Sæundr; вѣрнѣе всего у Біернера—Sæmundus= обычное Sæmundr.

бортъ; его ранятъ въ ляжку, и его нога нѣмѣетъ; враги связываютъ его по рукамъ и ногамъ. Ночью однако ему удается освободиться и убѣжать. Подкравшись къ палаткѣ Севида, Оддъ убиваетъ его и его приближенныхъ и становится начальникомъ (L, стр. 108—112) [1]).

Разсказы, подобные только-что перечисленнымъ, должны повторяться въ каждой сагѣ, героемъ которой былъ викингъ; но особенно посчастливилось въ подборѣ разнообразныхъ приключеній Орваръ-Оддсагѣ. Въ то время какъ духъ предыдущихъ разсказовъ вполнѣ выдержанъ, путешествія Одда пестротой своего содержанія выдаютъ неодинаковое свое происхожденіе. Мы и тутъ можемъ встрѣтить такія упоминанія, изъ которыхъ при всемъ желаніи нельзя сдѣлать никакого вывода. Таковы первыя два посѣщенія Оддомъ Швеціи, по поводу которыхъ мы узнаемъ только одно, врядъ ли это цѣнная догадка,—что въ Швеціи царствовалъ въ то время Ингіальдъ злонравный—Ingjaldr enn illráđi. Описаніе путешествія Одда на западъ представляетъ собой поддражаніе разсказу Снорри объ Эйрикѣ. Особаго вниманія заслуживаютъ только путешествія Одда въ Святую Землю и приключенія его въ Ирландіи. Если мы въ разсказѣ о поѣздкѣ въ Біармаландъ нашли отраженія сказокъ о великанахъ, а въ послѣдней части саги сказочную схему о невзрачномъ юношѣ, женившемся на царской дочери, то въ Ирландіи Оддъ попадаетъ въ руки другихъ духовъ — эльфъ. Въ эту новую сказку-складку весьма искусно вплетенъ разсказъ о смерти Асмунда. Когда Оддъ сталъ грабить страну, жители удалялись въ лѣсныя дебри. Оддъ зашелъ въ глубь страны такъ далеко, что слѣдовать за нимъ могъ только Асмундъ. И вотъ на пути невѣдомая стрѣла пронзаетъ грудь Асмунда и онъ умираетъ. Одду остается только мстить за его смерть. Вскорѣ онъ наталкивается на толпу народа; король, котораго можно было узнать по роскошной одеждѣ, еще держалъ въ рукахъ

---

[1]) Сл. замѣчаніе Бура (L., стр. XXXIV) относительно сходства этого разсказа съ приключеніемъ, описаннымъ въ сагѣ объ Эгилѣ и Асмундѣ (Fas III, стр. 380).

лукъ. И вотъ Оддъ убиваетъ стрѣлой Гуси его и шесть другихъ. Толпа обратилась въ бѣгство. Преслѣдуя ее, Оддъ попадаетъ въ часть лѣса, заросшую густымъ кустарникомъ, такъ что ему приходится, для того, чтобы проложить себѣ дорогу, вырывать кусты съ корнями. Въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что кустъ удалось вырвать безъ особаго труда. Онъ начинаетъ всматриваться и видитъ дверь. Открывъ ее и спустившись внизъ въ подземелье, Оддъ увидалъ семь (или трехъ) прекрасныхъ женщинъ.

Эльфъ представляютъ либо живущими въ холмахъ—alfenbergen, либо подъ камнями—elbenstein, либо въ землѣ; тогда ихъ называютъ — erdfräulein. Такими отверстіями могли быть такъ называемые—zwergslöcher [1]). Въ скандинавскихъ сказкахъ часто упоминается «дверь», черезъ которую горные и подземные духи сообщаются съ міромъ людей. Изъ тѣхъ подземныхъ чертоговъ, въ которыхъ обитали красавицы-эльфы, потомъ воздвигнулись таинственныя хоромы Венеры. Frau Venus казалась покровительницей этихъ женщинъ, которыя такъ охотно завлекали мужчинъ въ свои объятья. Тангейсеръ не можетъ жить внѣ Venusberg'а, Ѳома Эрсильдонскій находитъ полное забвеніе всего земнаго у королевы фей (fairy queen), Ожіэ очарованъ фатой Морганой, другіе рыцари не въ состояніи уйти отъ Фортуны. Къ эльфамъ въ подземные чертоги спускается и Оддъ. Видъ ихъ сразу очаровываетъ его; схвативъ самую красивую изъ эльфъ за руки, онъ хочетъ ее увести. Но она останавливаетъ его; она знаетъ, кто такой Оддъ, она знаетъ, съ кѣмъ онъ ѣздитъ, и потому грозитъ ему пожаловаться Гіальмару; ей извѣстно, что по договору съ Оддомъ запрещено насиловать женщинъ; но грозя возмездіемъ, она обѣщаетъ сшить ему волшебную сорочку. Для насъ имѣетъ значеніе только второе условіе, хотя и первое мѣсто ничуть не противорѣчитъ духу сказки: эльфы, какъ всѣ этого рода существа, обладали даромъ ясновидѣнія. Что касается упомянутой сорочки, то она вполнѣ отвѣчаетъ занятіямъ эльфъ: въ то время какъ духи-мужчины

[1]) Grimm. Myth, стр. 376 слѣд,

куютъ, женщины прядутъ и ткутъ. Съ холма часто раздается жужаніе веретена. Недаромъ паутина, разлетающаяся осенью, называется нитями Маріи (Marienfaden); мы не ошибемся, сказавъ, что имя Маріи стоитъ тутъ вмѣсто какой-нибудь эльфы. Въ среднескандинавской балладѣ объ Олуфѣ эльфы также предлагаютъ ему сорочку, которую сама мать ихъ бѣлила при свѣтѣ луны:

Ein Hemd von Seide so weiss und fein,
Meine Mutter bleicht's mit Mondenschein.

Гете эта баллада въ переводѣ Гердера, по которому мы и цитировали ее, дала поводъ создать «Лѣсного царя». Но у него проскользнулъ одинъ недосмотръ. Въ балладѣ объ Олуфѣ эльфы говорятъ о своей матери. У Гете же выступаетъ ихъ отецъ, царь. Мы ожидаемъ, что онъ будетъ говорить о своей супругѣ, а между тѣмъ мы находимъ у Гете:

Meine Mutter hat manch gülden Gewand.

Сорочка эльфъ обладаетъ слѣдующими качествами: носитель ея никогда не мерзнетъ ни на морѣ, ни на сушѣ; нигдѣ ему не грозитъ опасность; его не беретъ ни вода, ни огонь; его не мучитъ голодъ; желѣзо не наноситъ ему ранъ; только въ одномъ случаѣ сорочка не поможетъ герою, это тогда, когда онъ обратится въ бѣгство. Впрочемъ, объ этихъ сорочкахъ въ сагахъ говорится не разъ [1]). И у Саксона я нашелъ нѣсколько примѣровъ. Такую сорочку даритъ напр. Ульвильда своему брату знаменитому Фротону [2]). Далѣе, Фридлевъ Быстрый обнаруживаетъ большую смѣлость въ бою не только благодаря своей природной храбрости, но и потому, что уповаетъ на сорочку, которой не страшно желѣзо [3]). Но особенно близко подходитъ къ нашему мѣсту отрывочное замѣчаніе о Готерѣ (Hotherus).

---

[1]) См. Sagabibl. Орваръ-Оддсага, стр. 39, примѣчаніе.

[2]) Ferunt quidam Ulvildam tunc ei insecabilem ferro vestem donasse qua circumamictus nullo tellorum acumine laederetur (стр. 79).

[3]) Cui præter insitam animo fortitudinem etiam contemptrix ferri tunica fiduciam ministrabat (стр. 179).

Онъ углубляется въ дебри, уходитъ далеко отъ людскихъ поселеній и наконецъ гдѣ-то въ какой-то рощѣ нападаетъ на пещеру, въ которой живутъ невѣдомыя ему дѣвы. Вскорѣ онъ узнаетъ въ нихъ тѣхъ дѣвъ, которыя когда-то подарили ему волшебную сорочку [1]). Если бы Саксонъ не забылъ разсказать намъ какъ это случилось, то мы имѣли бы въ его хроникѣ близкую къ фантастическому разсказу Орваръ-Оддсаги параллель. Дѣло нисколько не мѣняется оттого, что Шюкъ [2]) приписываетъ эту волшебную сорочку не Готеру, а Бальдеру.

Эльфа обѣщаетъ дать Одду сорочку черезъ годъ. Итакъ Оддъ ѣдетъ обратно на востокъ и возвращается черезъ годъ. Мнѣ кажется, что этотъ перерывъ придуманъ, исключительно для того, чтобы Оддъ имѣлъ возможность похоронить трупъ Асмунда; а потомъ прилѣпились къ нему столкновенія съ разными викингами. Составитель саги не могъ сохранить разсказа о томъ, какъ попалъ къ эльфамъ Оддъ, въ полной его чистотѣ, потому что ему приходилось считаться съ товарищами Одда. Асмундъ былъ убитъ, а отъ Сигурда и Гудмунда онъ отдѣлывается еще проще: они уѣзжаютъ на сѣверъ въ Рафниста и тамъ начинаютъ жить да поживать... [3]). Въ назначенный срокъ эльфа пріѣзжаетъ къ Одду въ каретѣ съ многочисленной свитой. Таинственныя красавицы обыкновенно пріѣзжаютъ верхомъ на конѣ, какъ дверги Лавринъ и Альберихъ; но въ скандинавскихъ повѣрьяхъ чортъ, весьма часто представляется ѣдущимъ въ роскошной каретѣ, запряженной парой вороныхъ, съ блестящей свитой. Эта черта можетъ быть древняго происхожденія, тѣмъ болѣе что карету эту ставили въ связь съ созвѣздіемъ большой медвѣдицы—Karlavagnen. Отъ «брака» Одда съ дочерью короля [4]), которая къ концу

[1]) At Hötherus extrema locorum devia pervagatus insvetumque mortalibus nemus emensus ignotis forte virginibus habitatum reperit specum. Easdem esse constabat quae eum insecabili veste quondam donaverant (стр. 122).

[2]) Schück, Studier, т. II, стр. 76 сл.

[3]) L., стр. 78^{10} и 79^{5}.

[4]) У Біернера: imperantis filiam Alvoram; такъ и въ сказкахъ говорится о владыкахъ лѣса—Waldfürsten.

саги называется просто дѣвицей [1]), рождается дочь Рагнгильда (Ragnhildr). Впослѣдствіи она будто бы пріѣхала въ Рафниста. Но такъ какъ имя Одда ни въ одной исторической генеалогіи не встрѣчается, то мы не можемъ придать значеніе подобнымъ упоминаніямъ.

Болѣе древняя часть саги дала Одду рядъ товарищей; переходя отсюда къ сказкамъ, героемъ которыхъ долженъ быть одинъ Оддъ, составитель саги разумѣется вынужденъ былъ избавиться отъ этихъ лишнихъ сообщниковъ. Правда, возлѣ Одда остался еще Гіальмаръ: судьба его впереди. Но какую жалкую роль отводитъ ему сага, когда Оддъ женится на дочери «ирландскаго короля» и живетъ съ ней въ счастьѣ и довольствѣ—«три года», по типичному выраженію сказки. По этому поводу находимъ въ сагѣ лишь короткое замѣчаніе: Гіальмаръ на это согласился [2]). Я не сомнѣваюсь въ томъ, что народная сказка, которую передавалъ составитель саги, все равно, пріурочена ли она была къ Одду или нѣтъ, не заключала въ себѣ никакихъ упоминаній о товарищахъ Одда и вслѣдствіе этого должна была производить болѣе цѣльное впечатлѣніе. Вмѣстѣ съ Асмундомъ долженъ отпасть и разсказъ объ его убійствѣ и о мести Одда. Тогда останется вотъ что: странствуя по лѣсу Оддъ попадаетъ въ подземелье къ эльфамъ и тамъ остается много лѣтъ; на прощанье онъ получаетъ волшебную сорочку. Кстати, какъ могло сложиться представленіе о томъ, что жизнь Одда тянулась дольше обыкновенной человѣческой? Редакція S прямо говоритъ, что Оддъ жилъ 300 лѣтъ [3]). Я не нахожу въ сагѣ ни одного разсказа, которымъ можно было бы объяснить этотъ долгій вѣкъ Одда, кромѣ развѣ пребыванія Одда у эльфъ. Правда, по сагѣ Оддъ остается въ «Ирландіи» всего «три» года, но вѣдь его ждетъ Гіальмаръ, ждетъ самсейскій бой. Представимъ себѣ это похожденіе Одда самостоятельнымъ разсказомъ, безъ Гіальмара, внѣ связи

---

[1]) mær sú er Oddr átti vestr á Irlandi. L., стр. 196^{10}.

[2]) því játar Hjálmarr honum L., стр. 82^{14} и 83^{13}.

[3]) L., стр. 14^{9} и 197^{13}.

съ остальными подвигами Одда, и ничто не помѣшаетъ нашему герою остаться у эльфъ вмѣсто «трехъ» лѣтъ— «одну ночь», т. е. «сто лѣтъ» [1]) или триста. Эта послѣдняя догадка сблизитъ разсказъ саги съ многочисленными разсказами объ эльфахъ до мельчайшей подробности.

Путешествія Одда въ Святую Землю ни въ какомъ отношеніи нельзя связать съ народнымъ преданіемъ. Церковно-фанатическій характеръ явно наложилъ свою печать не только на этотъ разсказъ, но и на другія мѣста послѣдней части саги. Объ этомъ мы уже имѣли случай говорить [2]). Мы видимъ, что книжникъ позволилъ себѣ здѣсь не только переработку отдѣльныхъ приключеній, но и изобрѣтеніе новыхъ.—Древнимъ норманамъ было извѣстно два пути въ Святую Землю: сухопутный, черезъ Германію и Грецію, и морской, черезъ Гибралтарскій проливъ и Средиземное море. Первый описывается въ небольшой статьѣ—Historia de profectione Danorum in terram sanctam [3]); тутъ паломники ѣдутъ въ Іерусалимъ черезъ Венецію и Константинополь. Въ описаніи путешествія Орваръ-Одда сага слѣдуетъ разсказу Снорри о путешествіи короля Сигурда (Hkr. стр. 662 слѣд.). Тамъ использованы оба этихъ пути. Какъ Сигурдъ, такъ и Оддъ ѣдутъ на кораблѣ мимо Франціи=Akvitánaland; затѣмъ Оддъ пристаетъ къ Сициліи, гдѣ въ то время уже властвовали норманы; этимъ объясняется тотъ радушный пріемъ и вниманіе, которое было оказано королю Сигурду Ротгейромъ, а Одду аббатомъ мѣстнаго монастыря. Въ награду за пріемъ игуменъ проситъ Одда наказать разбойниковъ этихъ водъ. Оддъ берется за это, онъ преслѣдуетъ ихъ до греческихъ острововъ (Grikklands eyjar), гдѣ не только въ то время, но и гораздо позже скрывались корсары. Возвратившись въ Сицилію, Оддъ со всѣми своими воинами принимаетъ крещеніе. Во время переѣзда въ Іерусалимъ буря разбиваетъ его корабль, но держась за обломокъ, Оддъ достигаетъ берега.

---

[1]) L стр. 15[12].
[2]) См. выше стр. 227 сл.
[3]) Сл. Іонсонъ, т. II, стр. 610—1.

Такъ какъ составитель саги не имѣлъ яснаго представленія о картѣ Европы, то онъ помѣстилъ Аквитанію возлѣ греческихъ острововъ. Равнымъ образомъ онъ думалъ, что изъ Іерусалима можно по морю попасть въ Сирію [1]).

Редакція M совершенно расходится съ редакціею S. Во-первыхъ, ошибка относительно положенія Франціи какъ-будто исправлена: сперва Оддъ пріѣзжаетъ въ Valland и Frakkland и только потомъ ѣдетъ на югъ (suđr í land). Но далѣе всѣ подробности редакціи S опущены и замѣнены совершенно неинтересными вставками богобоязненнаго писца. Напримѣръ, одинъ изъ мѣстныхъ жителей говоритъ Одду, что зданіе возлѣ котораго они находятся,—церковь и что христіане вѣруютъ въ того Бога, который создалъ солнце и небо, и землю. Но спокойное житье пришлось Одду такъ не по душѣ, что онъ тайно ушелъ отъ всѣхъ своихъ спутниковъ. И вотъ по дорогѣ на встрѣчу ему попадается процессія. Какихъ-то четыре злоумышленника нападаютъ на епископа и смертельно ранятъ его. Оддъ пускается за ними въ погоню, догоняетъ и убиваетъ ихъ. Когда, вернувшись назадъ, онъ приноситъ съ собой четыре отрѣзанныхъ головы, въ которыхъ всѣ узнаютъ убійцъ, Одда начинаютъ просить не уходить и остаться съ ними. Тогда онъ убѣгаетъ снова ночью и, переходя изъ страны въ страну, прибываетъ въ Іерусалимъ. И вотъ онъ купается уже въ Іорданѣ и углубляется затѣмъ въ чащу какого-то лѣса... Потомъ вдругъ слѣдуетъ его встрѣча съ Іольфомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что слѣдуетъ отдать предпочтеніе редакціи S, хотя въ ней и содержится разсказъ, котораго мы въ другихъ спискахъ не встрѣчаемъ. Состоитъ этотъ разсказъ въ томъ, что, возвращаясь изъ Святой Земли, Оддъ попадаетъ въ Венгрію въ то время, когда короли Вильгельмъ (Vilhjálmr) и Кнутъ (Knútr), только-что унаслѣдовавшіе власть, вступили въ распрю. Вильгельмъ изгналъ

[1]) Буръ значительно сокращаетъ путь Одда, думая, что онъ изъ Аквитаніи сухимъ путемъ прошелъ въ Гуналандъ (=среднюю Германію?) Afnf VIII, стр. 252.

Кнута изъ страны. Оддъ беретъ сторону послѣдняго. Послѣ напрасныхъ переговоровъ съ братомъ, начинается война, изъ которой Оддъ и Кнутъ выходятъ побѣдителями. У Біернера (стр. 25) дѣйствіе переносится въ Галицію—Gallicia. Въ интерполяціи редакціи Е находится повтореніе нашего разсказа (L, стр. 189[11]). Тамъ мѣстомъ дѣйствія является—Gallia. Уже одно созвучіе въ двухъ послѣднихъ названіяхъ страны должно навести насъ на мысль, что Венгрія не первоначальное пріуроченіе. Я думаю, что всю путаницу надѣлала непонятная страна Сигурдсаги: Galizuland (Hkr., стр. 662)=Галиція въ Испаніи. Въ этой странѣ Сигурдъ ссорится съ мѣстнымъ ярломъ, идетъ на него войною и прогоняетъ его. Такъ же Оддъ поступаетъ и съ Вильгельмомъ. Въ первоначальныхъ версіяхъ Орваръ-Оддсаги вѣроятно стояла—Галиція. Въ томъ свидѣтели—Біернеръ и интерполяторъ редакціи Е. Составитель редакціи S понялъ Галицію въ смыслѣ Галича и замѣнилъ это непонятное обозначеніе болѣе понятнымъ—Венгріей. Вотъ почему я считаю себя въ правѣ отказаться отъ поправки, предлагаемой Буромъ для строфы 64 посмертной пѣсни Одда: hugsnara онъ хочетъ замѣнить черезъ Ungara. По моему ævidrápa также доказываетъ, что дѣйствіе не было пріурочено къ Венгріи. Вмѣстѣ съ этимъ и другія разсужденія Бура по этому поводу лишены основанія (L, стр. XXII). Измѣненіе Галиціи въ Венгрію и упоминаніе двухъ королевичей Кнута и Вильгельма я считаю лишь одной изъ попытокъ составителя редакціи S придать сагѣ бо́льшую степень исторической правдоподобности.

Редакція М передаетъ сагу, не задаваясь никакими намѣреніями: въ ней не видно ни особенной отдѣлки изложенія, ни интереса къ исторіи. Но къ концу саги сказывается фанатикъ-монахъ. Несмотря на скудость, на неуклюжесть своей фантазіи, онъ выдумываетъ новые разсказы, которые должны были показать набожность Одда. Нечего говорить, что защита погребальнаго шествія несомнѣнно болѣе благочестивое дѣло, чѣмъ истребленіе греческихъ корсаровъ. Въ разсказѣ о походѣ на Біалькаландъ авторъ измѣняетъ весь ходъ событій только для того, чтобы силь-

нѣе подчеркнуть торжество христіанства надъ язычествомъ. Стоитъ лишь сравнить заключительныя слова обѣихъ редакцій, и мы поймемъ разницу характеровъ обоихъ авторовъ. Церковникъ пишетъ такъ: еслибъ я высказалъ въ этой сагѣ что-нибудь такое, чего не слѣдовало бы мнѣ говорить, потому что я не знаю, что правда, что ложь, то я прошу всемогущаго Бога не преслѣдовать того, кто прочтетъ, услышитъ или перепишетъ это; слѣдуетъ еще нѣсколько такихъ же благочестивыхъ пожеланій и—Аминь! Составитель же редакціи S вмѣсто этого приводитъ точныя хронологическія данныя; затѣмъ онъ также не забылъ упомянуть, что Viđkunnr Jónsson, къ которому король Сигурдъ былъ особенно привязанъ (Hkr., стр. 681) и который жилъ въ Галогаландѣ, былъ прямымъ потомкомъ Одда. Конечно, это только догадка; но за то достигнута цѣль: непосредственная связь съ исторіей. Послѣднія слова редакціи S обычное въ сагахъ заключеніе: lykr hér Orvar-Odds sǫgu (L, стр. 196—7).

XXIX.

Композиція Орваръ-Оддсаги.

Мы окончили разсмотрѣніе отдѣльныхъ разсказовъ. Теперь намъ необходимо бросить взглядъ на построеніе саги; при этомъ намъ придется отчасти повторять и собирать то, что уже было сказано, отчасти касаться вопросовъ новыхъ. Прежде всего мы видимъ, что въ сагѣ выдѣляются три большихъ разсказа: поѣздка въ Біармаландъ, самсейскій бой и предсказаніе смерти Одда. Что эти разсказы составляютъ древнѣйшую часть саги, видно, въ первомъ случаѣ, изъ историчности самаго описанія, во второмъ, о томъ свидѣтельствуютъ Саксонъ и Герварарсага, въ третьемъ разсказѣ мы находимъ прямое совпаденіе со сказаніемъ о смерти вѣщаго Олега. Къ каждому изъ этихъ разсказовъ прилѣпились потомъ легенды уже несомнѣнно сказочнаго характера. Таковы напримѣръ, въ описаніи поѣздки въ Біармаландъ приключенія Одда въ странѣ великановъ; та-

кого, именно, разсказа мы и должны были ожидать, сообразуясь съ представленіями норманов о сѣверѣ вообще. Въ разсказъ о смерти Одда введена цѣлая сказочная эпопея, цѣль которой уподобить простого викинга могучему князю Олегу. Предъ самсейскимъ боемъ безъ видимой необходимости въ сагѣ помѣщено посѣщеніе Оддомъ подземнаго царства эльфъ, которое переноситъ насъ въ Ирландію, гдѣ норманамъ вѣроятно приходилось слыхать не мало сказокъ въ этомъ духѣ. Наконецъ, къ послѣдней формаціи нашей саги относятся мелкія похожденія Одда, его встрѣчи съ разными викингами, его путешестія взадъ и впередъ по морямъ, его поѣздка на югъ и въ Святую Землю. Послѣдними больше заниматься уже не будемъ.

Однако мы еще ни разу не затрогивали вопроса о значеніи самаго названія—Орваръ-Оддъ. Балабанова переводитъ Орваръ-Оддъ выраженіемъ «Оддъ Стрѣла». Но Оддъ Стрѣла было бы Oddr Qr, что само по себѣ вполнѣ возможно, ср. напр. Eirikr blóðöx, Haraldr gráfeld и др. Норманы нерѣдко называли другъ друга по какимъ-нибудь частямъ одежды или по какому-нибудь оружію, ср. также Geiroddr. Но здѣсь Qrvar поставлено въ родительномъ падежѣ и потому это Орваръ-Оддъ слѣдуетъ понимать такъ: Оддъ-Стрѣлы или же Оддъ со стрѣлой, т. е. Оддъ, стяжавшій себѣ славу, ставшій извѣстнымъ такъ или иначе благодаря стрѣлѣ. Такъ въ старину это прозвище и понималось. Вѣдь для этого толкованія и придумано въ сагѣ нѣсколько разсказовъ; къ нимъ прежде всего относятся приключенія Одда въ странѣ великановъ. Правда, Буръ [1]) думаетъ, что это прозвище было дано Одду въ видѣ указанія на волшебныя стрѣлы Кетиля; но стрѣлы эти, какъ я пытался раньше доказать, вовсе и не принадлежали Кетилю. Наше разногласіе съ Буромъ состоитъ въ томъ, что по его мнѣнію прозвище Одда порождено его подвигомъ, по моему—наоборотъ. Сказка о Рисаландѣ несомнѣнно моложе сказанія о самсейскомъ боѣ. Какимъ же образомъ могло очутиться у Саксона имя—Aruaroddus?—Далѣе, на-

[1]) Afnf. VIII, стр. 112.

блюденія, хотя бы надъ одной Кетильсагой, показываютъ намъ, что обыкновенно имена вызываютъ разсказы, а не наоборотъ. Имя Орваръ-Оддъ не могло возникнуть по поводу стрѣлъ Гуси уже потому, что ихъ три, между тѣмъ какъ само оно указываетъ лишь на одну стрѣлу, такъ какъ Qrvar—единственное число [1]). Что касается моего толкованія (Орваръ-Оддъ=Оддъ со стрѣлой), то мнѣ невольно припоминается шведскій анекдотъ о нѣкоемъ крестьянинѣ Матти, который въ деревнѣ прослылъ за Tjufmatti, потому что у него совершена была кража. Очевидно tjufmatti слѣдуетъ переводить не Матти-воръ, а обворованный Матти. Въ разсказѣ Югани Аго (Juhani Aho) «Какъ отецъ купилъ лампу» мы читаемъ, что крестьянинъ, купившій первую въ деревнѣ лампу, получилъ прозвище Lampmatti=Матти съ лампой, а мѣстность, гдѣ онъ жилъ Lampbakka=холмъ съ лампой. Такъ вѣрнѣе всего мнѣ кажется переводить Орваръ-Оддъ=Оддъ со стрѣлой или Оддъ Стрѣлокъ, Oddus iaculator, какъ пишетъ Біернеръ.

Въ виду заглавія составитель саги постоянно старался подчеркивать эту отличительную черту Одда, что̀ дѣлалъ кстати и некстати. Оддъ само по себѣ имя настолько обычное, что не можетъ служить указаніемъ на опредѣленное лицо. Явившись инкогнито во дворецъ Геррауда, Оддъ не считаетъ нужнымъ скрывать своего имени [2]) Только послѣ выпивки, во время которой Оддъ неречисляетъ свои подвиги, король догадывается, что гость его не только просто Оддъ, но Орваръ-Оддъ (L, стр. 169). И на эту первую часть имени сага упираетъ на каждомъ шагу:

1) Находясь еще у своего воспитателя Ингіальда, Оддъ выпрашиваетъ себѣ шкуру чернаго барана. Онъ ее носитъ постоянно; въ ней у него стрѣлы; эти стрѣлы больше стрѣлъ другихъ людей; соотвѣтственной величины былъ у него и лукъ. Другого оружія у него не было (L, стр. 8—9). Торфеусъ говоритъ еще о томъ, что Оддъ самъ приготовлялъ стрѣлы съ большимъ искусствомъ: sagittarum comp-

---

[1]) Іонсонъ, II, стр. 814, примѣчаніе 2.

[2]) ek heiti Oddr. L, стр. 159[13].

lures qvotidie Oddus fabricavit (стр. 265); puer enim telis fabricandis delectabatur (стр. 268)—повторяется на томъ мѣстѣ, гдѣ Оддъ получаетъ свое прозвище отъ великана.

2) Въ такомъ вооруженіи Оддъ пріѣзжаетъ къ отцу: колчанъ на спинѣ, а въ рукахъ—лукъ [1]). Гриму разсказываютъ, что пришелъ воинъ съ большимъ мѣшкомъ за спиной (L, стр. 20^{2}).

3) При разставаніи съ отцомъ Оддъ получаетъ отъ него знаменитыя стрѣлы Гуси (L, стр. 24—5). Такъ какъ въ Біармаландѣ лукъ и стрѣлы не были нужны Одду, то я думаю, что ихъ въ первоначальномъ разсказѣ о путешествіи Одда вовсе и не было.

4) За то, попавъ къ великанамъ, Оддъ сперва убиваетъ медвѣдя, изъ котораго онъ дѣлаетъ охотничье чучело (L, стр. 40—1).

5) Стрѣлами Гуси, Оддъ ослѣпляетъ Гнейпу (L, стр. 42—5).

6) Финъ-великанъ даетъ Одду прозвище Орваръ-Одда за совершенный Оддомъ подвигъ (L, стр. 46—7).

7) Своимъ выстрѣломъ Оддъ вызываетъ переполохъ въ пещерѣ великановъ; они съ перепуга бросаются другъ на друга (L, стр. 48—9).

8) Оддъ прибѣгаетъ къ луку, мстя за смерть Асмунда. Въ началѣ этого разсказа мы опять находимъ обычное упоминаніе, что при Оддѣ были только лукъ да стрѣлы (L, стр. 70—3).

9) Во введеніи въ разсказъ о самсейскомъ боѣ говорится, что Оддъ на сей разъ забылъ свой лукъ и стрѣлы (L, стр. 96^{4} и 98^{11}). Этимъ составитель саги хотѣлъ объяснить, почему Оддъ въ этомъ знаменитомъ бою не пользуется своимъ любимымъ оружіемъ. Впослѣдствіи онъ однако забылъ о своемъ пріемѣ; и вотъ, когда договариваются объ условіяхъ боя, Ангантиръ обѣщаетъ Одду похоронить его, если тотъ падетъ въ единоборствѣ, въ волшебной сорочкѣ и съ волшебными стрѣлами (L, стр. 101^{8}).

10) Встрѣча съ Іольфомъ. Для перехода опять встав-

---

[1]) ǫrvamal sinn á baki en boga í hendi (L, стр. 18^{15} и 19^{11}.

*

лена типичная замѣтка: «Оддъ оставляетъ Святую Землю; на спинѣ висѣлъ колчанъ» (L, стр. 118—9).

11) Охота короля Геррауда.

12) Походъ въ Біалькаландъ.

Получаются слѣдующіе поучительные выводы: лукъ и стрѣлы упоминаются только въ тѣхъ разсказахъ, которые мы отнесли ко второй полосѣ сказочныхъ наслоеній, а именно въ описаніи столкновеній Одда съ великанами, въ описаніи посѣщенія имъ Ирландіи и во всей заключительной части саги, исключая понятно разсказъ о самой смерти. Изъ болѣе новыхъ разсказовъ, отнесенныхъ нами къ третьей стадіи образованія саги, ни въ одномъ не говорится объ Оддѣ-Стрѣлкѣ. Въ нихъ Оддъ просто викингъ, сражающійся какъ и всѣ—мечомъ [1]) или сѣкирой, да и вообще о вооруженіи Одда ничего не говорится, потому что по представленіямъ тѣхъ, которые слагали и передавали эти новѣйшіе разсказы, оно не представляло собой ничего особеннаго. Древнѣйшія части саги не только ничего не знаютъ о чудесныхъ стрѣлахъ Одда, но они прямо сохранили намъ реальную подробность убора нашего героя: его оружіе—дубина, Kylfa. Обыкновенно, когда ему надо сражаться, онъ отправляется за ней въ лѣсъ. Отмѣтимъ слѣдующіе случаи:

1) Когда біармійцы нападаютъ на нормановъ многочисленной толпою, Оддъ бѣжитъ въ лѣсъ и при помощи плотничьяго топора вырубаетъ себѣ огромную дубину. Размахивая ею, онъ пробивается сквозь строй враговъ и его никто не можетъ удержать (L, стр. 32—5).

2) Въ Біалькаландѣ, гдѣ приходится осаждать городъ, Оддъ просто хватаетъ колъ (tré eitt mikit) и нѣсколькими сильными ударами разбиваетъ ворота. Встрѣтившись съ Альфомъ, онъ пускаетъ противъ него въ ходъ мечъ, но безъ результата. Понявъ, что Альфъ заговоренъ и что удары меча противъ него безсильны, Оддъ хватаетъ дубину

---

[1]) Единственное мѣсто въ Орваръ-Оддсагѣ, гдѣ Одду приписывается мечъ, я нашелъ въ строфѣ, вложенной въ уста Альфа Біальки:
hverr jarls megen eggjom beiter? (L, стр. 181).

(eikikylfa) и ударяетъ ею врага по головѣ: шлемъ разлетается, и Альфъ падаетъ безъ чувствъ (L, стр. 184—5).

3) Самсейскій бой для насъ особенно важенъ, потому что не только въ Орваръ-Оддсагѣ (L, стр. 98), но и у Саксона уцѣлѣлъ образъ Одда, сражающагося дубиной. По разсказу Саксона, Оддъ отправился въ лѣсъ, чтобы вырубить дерево для корабельнаго руля. Подойдя къ берегу, Оддъ встрѣчаетъ тамъ враговъ и убиваетъ ихъ вырубленной дубиной [1]). Дубина Одда даже дала поводъ Бугге сопоставить его съ Геркулесомъ [2]). Правда въ Герварарсагѣ Оддъ сражается не дубиной, а мечомъ [3]), но мы должны помнить, что образъ Одда въ этой сагѣ уже достаточно поблекъ.

Итакъ, передъ нами два Одда: Оддъ со стрѣлой и Оддъ съ дубиной; изъ нихъ первый почти вполнѣ заслоняетъ втораго. Это соображеніе заставляетъ насъ поставить и дальнѣйшій вопросъ: не сохранилось ли для этихъ разныхъ героевъ и различныхъ именъ?

1) Въ Гримсагѣ читаемъ: hann (т. е. Гримъ) átti son viđ Konu siđalla er Oddr hét, hann var fóstrađr hjá Ingjaldi á Berurjođri, hann var síđan Kallađr ymist Orvar-Oddr eđr Oddr hin viđfǫrla [4]).

2) Въ той же сагѣ говорится объ Ингіальдѣ: viđ henni átti hann þann son er 'Asmundr hét er síđan var fóstbróđir Odds hin viđfǫrla er var međ Sigurđi hríng á Brávelli er ǫđru nafni Orvar-Oddr [5]).

3) Въ пѣснѣ о Бровальскомъ побоищѣ мы находимъ между сражающимися и слѣдующихъ витязей: EinaR egđski, Oddr uiđfǫrlî, EinaR þrivgr. У Саксона этимъ именамъ соотвѣтствуетъ: Od Anglus, Alf multivagus, Enar protube-

---

[1]) Qui informem adhuc gubernaculi truncum incredibili libratum nisu tanta ui hostium adegit corporibus ut duodecim unico eius impulsu contusos elideret. Saxo, стр. 251.

[2]) Bugge, Studien, стр. 13.

[3]) hann hafđi suerd suo gott at suo beit bryniu sem Klæđi. Herv., стр. 306[7].

[4]) Fas. II, стр. 157.

[5]) Fas. II, стр. 154.

rans. Вѣроятно, въ оригиналѣ не повторялось два раза почти подъ рядъ имя EinaR, а должно быть на первомъ мѣстѣ стояло Alfr. Тогда понятно, почему Саксомъ смѣшалъ Одда съ Альфомъ [1]).

4) Наконецъ, мы находимъ еще въ Герварарсагѣ: Oddr inn uiđfaurli er Kalladr uar auruar-Oddr [2]).

Послѣдняя выписка прямо говоритъ о томъ, что Oddr hin viđfǫrli только впослѣдствіи былъ прозванъ Орваръ-Оддомъ; въ пѣснѣ о Бровальскомъ побоищѣ указано только первоначальное имя, а въ Гримсагѣ отмѣченъ уже тотъ фактъ, что чаще всего (y′mist) его называли Орваръ-Оддомъ. Дѣйствительно, обращаясь къ Орваръ-Оддсагѣ, мы находимъ первоначальное прозвище (viđfǫrli) только въ редакціи S да и то лишь тамъ, гдѣ Оддъ захотѣлъ скрыть свое происхожденіе, т. е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы и безъ того не ждемъ, что Оддъ назоветъ свое настоящее имя. Другими словами, составители Орваръ-Оддсаги рѣшили, что единственнымъ возможнымъ прозвищемъ нашего героя слѣдуетъ признать имя Орваръ-Оддъ. Исходя изъ этого взгляда, они всюду, гдѣ могли, вставляли упоминанія о лукѣ, стрѣлахъ и колчанѣ. Въ началѣ, въ заглавіяхъ (L, стр. 2—3), въ тѣхъ заголовкахъ, которыя въ редакціи M встрѣчаются посреди саги (L, стр. 50^{12} и 82^{15}), наконецъ въ заключительныхъ словахъ (L, стр. 196^{14} и 197^{20}) мы находимъ уже только одно наименованіе нашей саги: Orvar-Odds sǫgu. Въ виду связи между Грим=, Кетиль=и Орваръ-Оддсагой, связи, установившейся гораздо позже, первыя двѣ саги заключительными словами своими [3]) указываютъ также только на Орваръ-Одда. Но въ самой Орваръ-Оддсагѣ прозвище это встрѣчается лишь въ двухъ мѣстахъ, да и то въ тѣхъ, гдѣ упоминаніе объ «Орваръ»-Оддѣ необходимо для смысла.

---

[1]) Статья Ольрика въ Afnf. X.

[2]) Herv., стр. 302^{11}. Такъ какъ имена, образованныя при помощи родительнаго падежа, попадаются довольно рѣдко, то переписчикъ не причислялъ первую часть Orvar къ имени и поставилъ прописную букву лишь во второй части.

[3]) Fas. II, стр. 139 и 157.

Въ одномъ изъ такихъ мѣстъ великанъ объясняетъ, почему Одда именно такъ называютъ [1]), въ другомъ король Герраудъ убѣждается, что его гость Оддъ есть именно Орваръ-Оддъ [2]). Въ виду всего сказаннаго, мы позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующее заключеніе: въ разсказѣ, въ сагѣ герой называется всегда просто Оддомъ; только-что указанныхъ два мѣста по вполнѣ понятнымъ причинамъ можно въ разсчетъ не принимать. Составителямъ только надо было выбрать общее названіе саги и тутъ они остановились на «Орваръ»-Оддѣ. Также и Герварарсага постоянно называетъ его Оддомъ, исключая одно уже приведенное мѣсто въ редакціи R.

Второе прозвище совершенно затерялось бы въ сагѣ, еслибъ составитель редакціи S не постарался усѣять своей записи собственными именами [3]): вмѣсто прилагательнаго viđfǫrli онъ поставилъ существительное Viđfǫrull. Viđfǫrli было даже не прозвищемъ, а скорѣе эпитетомъ, который легко могъ быть примѣненъ къ любому герою; для этого достаточно было того, чтобы онъ много путешествовалъ; такъ мы имѣемъ Ingvarssaga viđfǫrla, Eiríkssaga víđfǫrla, Herbandr въ Тидрексагѣ называется такъ и др. Vidfǫrull напоминаетъ намъ цѣлый рядъ миѳическихъ масокъ, подъ которыми обыкновенно скрывается Одинъ. Такимъ образомъ, разойтись съ Буромъ насъ заставляютъ не только эти соображенія; для насъ въ этомъ смыслѣ особенно цѣненъ тотъ фактъ, что Viđfǫrull встрѣчается только въ извѣстной намъ съ этой стороны редакціи S. Буръ напротивъ охотно выводитъ связь: Оддъ—Одинъ—Viđfǫrull, а отсюда уже вытекаетъ у него hinn viđfǫrli и сходство съ Магуссагой [4]).

Независимо отъ самой Орваръ-Оддсаги мы нашли, что Oddr hin viđfǫrli было прозвищемъ первоначальнымъ. Къ

---

[1]) L, стр. 46—9.

[2]) L, стр. 169.

[3]) Объ этомъ мы уже говорили стр. 111 сл.

[4]) См. Cederschiöld, Fornsǫgur Suđrlanda, стр. XCIV; Boer. Afnf. VIII, стр. 252 сл.; Cederschiöld. Afnf. IX, стр. 22 сл.; Boer, тамъ же, стр. 304 сл. и заключительная замѣтка Седершельда, стр. 308—9.

какому же разсказу саги можно скорѣе всего пріурочить это названіе? По моему, только къ разсказу о поѣздкѣ въ Біармаландъ, къ событію, которое разъ на всегда тѣсно связано съ именемъ Одда. Всюду, гдѣ Оддъ называетъ себя просто по имени, его тотчасъ начинаютъ разспрашивать, не тотъ ли онъ Оддъ, который совершилъ путешествіе въ Біармаландъ—ertu sá Oddr er fór till Bjarmalands? Въ такой формѣ ставитъ вопросъ Гальфданъ (L, стр. 52^{12} и 53^{14}); вопросъ этотъ повторяется и у Сколли (L, стр. 84^{14} и 85^{9}); затѣмъ у Огмунда (L, стр. 89^{20} и 90^{6}); наконецъ, у венгерскаго короля Кнута (L, стр. 125^{4}); тотъ же вопросъ задаетъ въ редакціи M и король Герраудъ (L, стр. 168^{20}). Это вопросъ неизмѣнный; онъ говоритъ намъ о томъ, что сами составители саги смотрѣли на поѣздку Одда въ Біармаландъ, какъ на самый славный и общеизвѣстный подвигъ нашего героя. Нигдѣ никто ни разу не спрашиваетъ Одда, участвовалъ ли онъ въ самсейскомъ бою? Прозвище Оддъ hinn viđfǫrli=Оддъ, совершившій далекій путь, Оддъ путешественникъ, какъ разъ подходитъ къ этому первому подвигу.

Уже раньше [1]) мы указали, что въ нашемъ Оддѣ слились двѣ личности. Впрочемъ, эта мысль не новая. Такого мнѣнія держался уже Торфеусъ; ему нужно было это для того, чтобы согласовать свои предположенія съ хронологическими данными; самсейскій бой онъ относилъ къ Ш в., а жизнь Грима и Кетиля къ VIII в., а потому понятно ему приходилось признавать и двойственность Odda: duorum Oddorum gesta hic confusa agnoscam [2]). Равнымъ образомъ мы видимъ и у Сума, что вездѣ, гдѣ говорится объ Оддѣ, онъ считаетъ необходимымъ различать двѣ личности. Мы отличаемся отъ этихъ старыхъ историковъ въ томъ отношеніи, что къ этому выводу приводятъ насъ не хронологическія соображенія, а вопросы композиціи [3]).

---

[1]) См. в. стр. 168—9 и 245.

[2]) Torfæi Hist. Norv. I, стр. 264.

[3]) Сл. замѣтку Норена въ шведскомъ энциклопедическомъ словарѣ: Nordisk familjebok XVIII, стр. 691.

Оцѣнимъ теперь заключительную замѣтку редакціи S (L, стр. 197). Согласно ей Оддъ родился за 50 лѣтъ до Гаральда Прекрасноволосаго, а умеръ на четвертомъ году царствованія Олафа Тригвасона. Въ томъ же году, а именно въ 998 г., Олафъ принялъ крещеніе; годомъ позже перешли въ христіанство и жители Галогаланда. Итакъ, годъ смерти Одда опредѣляется такими событіями, которыя должны были глубоко врѣзаться въ память народа и оставить въ ней прочныя ассоціаціи. Если бы Оддъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, то путешествіе его надо отнести къ серединѣ X вѣка [1]). Какъ же теперь понимать указываемый сагой годъ его рожденія? Я думаю, что сверхчеловѣческій возрастъ Одда тутъ не при чемъ; онъ можетъ быть такимъ же общимъ эпическимъ мѣстомъ, какъ чудовищный ростъ Одда [2]). Можетъ быть, дѣло обстоитъ такъ: съ одной стороны помнили время кончины Одда, но все преданіе о немъ отзывалось глубокой стариной, отзывалось тѣмъ эпическимъ временемъ, когда еще не сложился новый порядокъ единодержавія Гаральда. Дѣйствительно, если углубиться въ тѣ общественныя условія, которыя предполагаетъ, а отчасти и изображаетъ наша сага, то мы увидимъ, что бытовая обстановка, психологія дѣйствующихъ лицъ зиждется на героическомъ времени норвежскаго народа. Вѣдь эти составители сагъ были исландцы; они дорожили памятью о своей старой Норвегіи, быть можетъ, такъ, какъ мы дорожимъ воспоминаніями о золотыхъ дняхъ дѣтства. Прежніе норвежскіе порядки были для исландца тѣмъ образцомъ, по которому онъ создавалъ свое новое государство. И эти то порядки онъ противопоставлялъ тѣмъ нововведеніямъ, которые приносилъ съ собою неутомимый потокъ времени. Дѣянія отцевъ раскрыли уста внукамъ: þá varđ þeim ljóđ á munni.

---

1) Сл. Afnf. IX, стр. 26—7.
2) Сл. Afnf. VIII, стр. 97.

XXX.

Историческое время Орваръ-Оддсаги.

Мимолетный взглядъ на карту убѣждаетъ насъ, что въ Норвегіи должны были сложиться вполнѣ своеобразныя, общественныя условія. Горы отдѣляли землевладѣльцевъ другъ отъ друга трудно переходимой гранью, такъ что могли образовываться только небольшія поселенія, да и тѣ должны были быть очень разбросаны [1]). Долины, скорѣе похожія на трещины въ скалахъ, не были тѣми широкими полями, которыхъ могло бы хватить на пропитаніе большихъ племенъ. Фіорды, врѣзывающіеся глубоко въ страну, острова, тянущіеся широкой безпрерывной цѣпью вдоль берега отъ устья Гаута-эльфа до самаго сѣвера, пріучили поселенцевъ этихъ мѣстъ къ мореплаванію. Стоило только пуститься въ плаваніе и тотчасъ же предъ пытливымъ взоромъ растилался открытый океанъ и манилъ смѣлыхъ въ невѣдомую даль. Желаніе добыть себѣ богатство [2]), пріобрѣсти извѣстность [3]), тѣснота на родинѣ и вынужденное бездѣйствіе, бьющая ключемъ молодецкая отвага, вызвали поѣздки викинговъ, и они какъ волны, одна за другой набѣгаютъ на западные берега Европы, на Британскіе острова, подымаются по рѣкамъ Темсѣ и Сенѣ, довелось узнать ихъ арабамъ и финамъ, славянамъ и грекамъ. Въ общественномъ устройствѣ Норвегіи эти условія жизни сказались въ томъ, что землевладѣніе приняло формы, исключающія возможность какой бы то ни было общественности, каждая усадьба стала здѣсь самостоятельнымъ государствомъ, а собственники полновластными владѣльцами. Тутъ то и должны были выдвинуться родоначальники, principes Тацита, или герсы=hersir, какъ они назывались въ Норвегіи.

---

1) lítil bygđ ok þó sundrlauss.
2) afla sér fjár.
3) leita sér sæmđar.

Въ древнегерманскомъ быту эти начальники были единственными должностными лицами. Они избирались на народныхъ собраніяхъ [1]). Затѣмъ имѣется еще указаніе на то, что эти выборные лица играли нѣкоторую руководящую роль на народныхъ собраніяхъ: de minoribus rebus principes consultant, de maioribus omnes [2]). Отсюда, по моему, слѣдуетъ, что каждому народному собранію предшествовало совѣщаніе старѣйшинъ, на которомъ рѣшалось, какія дѣла они возьмутъ на свою отвѣтственность, какія предложатъ на усмотрѣніе общаго собранія. Въ какой мѣрѣ старѣйшины могли оказать вліяніе на исходъ голосованія—неизвѣстно. Первоначально они даже не составляли особаго дворянскаго сословія, но исключительность ихъ положенія несомнѣнно содержала въ себѣ зачатки дальнѣйшаго расширенія ихъ правъ и преимуществъ. У южныхъ германцевъ королевская власть не только поставила предѣлъ указанному развитію значенія отдѣльныхъ лицъ, но совершенно устранила старѣйшинъ отъ общественныхъ дѣлъ. Вмѣсто этихъ выборныхъ людей, опирающихся на сочувствіе народа, короли ставили государственныхъ чиновниковъ, зависящихъ отъ королевской воли. Надо признаться, что то же самое случилось и въ Норвегіи, но только гораздо позже, на глазахъ исторіи, послѣ того, какъ герсы уже добились блестящаго развитія своей власти. На югѣ же еще въ эпоху переселенія народовъ королевская власть могла проявлять свою уравнивающую силу. Во франкскихъ законахъ, напримѣръ, мы не видимъ никакихъ различій между свободными людьми, кромѣ того, что нѣкоторые лица состоятъ in hoste или in truste, что указываетъ лишь на служебныя отношенія къ королю. Только у саксовъ, не знавшихъ королей и отстоявшихъ свой старинный племенной бытъ, дворяне отличены отъ простыхъ смертныхъ: за нихъ взымается въ шесть разъ большая вира. Начало саксонскаго дворянства, исчезнувшаго при покореніи на-

[1]) eliguntur in iisdem conciliis et principes qui jura per pagos vicosque reddant. Germ., гл. XII, стр. 296.

[2]) Тацитъ, Germ., гл. XI, стр. 295.

рода саксовъ Карломъ Великимъ, сохранилось въ общественныхъ условіяхъ населенной саксами Англіи. Англосаксонскій языкъ отличаетъ два класса свободнаго населенія: ceorl=скандинавское karl отъ eorl=скандинавскаго jarl. Но впослѣдствіи ярловъ вытѣснили æþelingi=благородные т. е. приближенные короля.

Въ Даніи единовластіе совершенно искоренило слѣды древняго самоуправленія. Въ Швеціи король принималъ въ разсчетъ притязанія народа. Такъ, послѣдній сохранилъ за собой выборныхъ судей. Изъ каждой области король приглашалъ 12 бондовъ выбрать себѣ судью. Этотъ «мужъ закона»=lagmann довольно близко подходитъ къ тому представленію, которое можемъ составить себѣ по даннымъ Тацита о принцепсѣ [1]). Въ то время, какъ въ Швеціи и Даніи, отдѣльные роды, постепенно заселяя Скандинавскій полуостровъ, должны были рано или поздно сплотиться и образовать болѣе или менѣе крупныя единицы, жители Норвегіи, какъ пріѣхали, такъ и продолжали жить: каждый родъ самъ по себѣ. Въ эпосѣ Беовульфѣ, относящемся къ VI вѣку, уже встрѣчаются общія названія дановъ, свеевъ и гаутовъ, между тѣмъ какъ норвежцы еще въ болѣе позднія времена именуются по отдѣльнымъ племенамъ и мѣстностямъ. Даже понятіе конунга не получаетъ болѣе широкаго значенія, а напротивъ съуживается до смѣшнаго. Въ источникахъ упоминаются обѣднѣвшіе конунги, всѣ владѣнія которыхъ состоятъ изъ какого нибудь одного мыска [2]), и даже такіе конунги, у которыхъ вовсе не было земли, такъ что они, не имѣя пристанища, вынуждены были скитаться по морямъ [3]). Идея единовластія до извѣстнаго времени оставалась совершенно чуждой норвежцамъ. Конунгъ утратилъ даже то преимущественное положеніе, которое принадлежало ему на войнѣ и въ походахъ; когда въ чужой странѣ спрашивали викинговъ, кто ими

---

[1]) Сл. цитату выше: principes qui iura per pagos vicosque reddant. Germ., гл. XII. Стр. 296.

[2]) neskonungr.

[3]) sækonungr.

повелѣваетъ, они отвѣчали: у насъ нѣтъ господина, мы всѣ равны!

Тщетно искать у Тацита описанія повседневныхъ религіозныхъ обрядовъ. Между тѣмъ, можно думать, что принцепсъ распоряжался и жертвоприношеніями. По крайней мѣрѣ въ Норвегіи герсъ былъ хранителемъ храма, который онъ воздвигалъ на своей же землѣ. Въ силу этого онъ становился главнымъ лицомъ и долженъ былъ слѣдить за строгимъ, добросовѣстнымъ соблюденіемъ культа. Приходъ слагался изъ его семейства, служилыхъ людей и тѣхъ сосѣдей, которые не могли построить себѣ собственнаго храма, не обладая для этого нужными средствами, почетомъ или вліяніемъ. Въ прежнее время само судопроизводство сопровождалось разнаго рода религіозными символами. Такимъ образомъ обязанности судьи и жреца соприкасались. Самый судъ легко могъ соединиться съ религіознымъ празднествомъ въ одно торжество. Вспомнимъ еще, что и народныя собранія не лишены были своего культоваго церемоніала и мы поймемъ, что выдвинуть герса могла прежде всего религіозная сторона его дѣятельности. Весь языческій культъ съ его ежегодно повторяющимися праздниками не могъ пустить корней у безпокойныхъ, часто перекочевывавшихъ съ мѣста на мѣсто южногерманскихъ народовъ, но онъ могъ привиться у скандинавовъ, которые рано отдались правильному земледѣлію и мирно живя среди смѣнъ года, круговорота времени,—я говорю о массѣ населенія—настроились на серьезный ладъ, привыкли къ внутреннему созерцанію. Въ Швеціи и Даніи единовластіе опиралось на тотъ престижъ, который могъ ему дать древній культъ въ Упсалѣ и Лейдрѣ, и на божественное происхожденіе королевскихъ родовъ Инглинговъ и Шельдунговъ. Въ Норвегіи герсъ выстроилъ храмъ и имъ владѣетъ, и было бы безцѣльно выбирать другого жреца, выбирать человѣка, у котораго нѣтъ даже храма. Такимъ образомъ, въ Норвегіи и помину нѣтъ о томъ, чтобы выбирать герсовъ, какъ это дѣлалось у германцевъ еще во времена Тацита. Герсы смотрѣли на свой санъ, какъ на привилегію, которой они обязаны своему рожденію.

Но какъ только нравственная власть герсовъ стала властью наслѣдственной, то уже не трудно было подкрѣпить ее и силой матеріальной. Были ли норвежцы при первоначальномъ населеніи Скандинавіи скотоводами или земледѣльцами, все равно, но ясно одно, что подъ плуги отошло вначалѣ ничтожное количество земли. Впослѣдствіи герсъ сталъ расчищать лѣса и сушить болота въ неизмѣримо болѣе широкихъ размѣрахъ чѣмъ кто либо другой. Случалась ли тяжба, размежеваніе или раздѣлъ между наслѣдниками, прежде всего предоставлялся удобный случай округлить свое имѣніе—герсу. Богатая добыча, плоды иноземной культуры, все это доставалось главнымъ образомъ тому же герсу. Только онъ могъ снаряжать корабли, только онъ могъ снабдить ихъ необходимымъ экипажемъ и провіантомъ. Вѣдь герсъ былъ въ то же время и купцомъ. Его набѣгъ иногда кончался тѣмъ, что завязывались прочныя торговыя сношенія. Разбогатѣвъ, прославившись, онъ устраивался домомъ, и живя въ довольствѣ, среди непрекращающихся пиршествъ, творилъ судъ—прежній разбойникъ!—придавая вѣсъ и блескъ религіозному культу.

Въ концѣ концовъ герсы, каждый въ своей области, начали чувствовать себя вполнѣ независимыми царьками. Они ведутъ между собою войны, заключаютъ союзы, подчиняютъ одинъ другого, заставляютъ цѣлыя земли платить себѣ подати, отправляютъ военныя экспедиціи. Такъ ими были основаны колоніи на Шетландскихъ [1]), Оркадскихъ, Ферейскихъ и Гебридскихъ [2]) островахъ, на берегахъ Шотландіи, Англіи и Ирландіи. Постепенно возрастающая власть герсовъ внесла различныя измѣненія въ походы викинговъ. Вначалѣ викинги были почти тѣмъ же, что морскіе разбойники. Какой нибудь корабль случайно приставалъ къ невѣдомому берегу, тутъ грабили первыхъ попавшихся жителей и затѣмъ быстро скрывались. Въ дальнѣе плаваніе они пускались въ видѣ исключенія. Впослѣдствіе грабежъ приводится въ систему: напередъ намѣчаютъ

---

[1]) Hjaltland.
[2]) Suđreyjar.

особые пункты, они являются цѣлью поѣздки и служатъ исходной точкой дальнѣйшихъ предпріятій. Нѣсколько викинговъ соединяютъ свои силы, сообща вырабатываютъ опредѣленный планъ дѣйствія. Иногда они рѣшаются даже перезимовать на чужбинѣ. Послѣдняя фаза походовъ викинговъ ознаменовалась прочными завоеваніями, занятіемъ пустовавшихъ мѣстностей, установленіемъ постоянныхъ международныхъ сношеній и торговыхъ договоровъ.

Единовластіе въ Норвегіи было не слѣдствіемъ общественнаго развитія, а узурпаціей властолюбиваго и тщеславнаго рода. Когда Гаральду Прекрасноволосому вздумалось покорить себѣ страну, гордые герсы ни за что не покорялись и предпочитали переселяться въ родственныя имъ колоніи. Когда же Гаральдъ предпринялъ морской походъ между 880—884 годами, тогда они покинули и эти убѣжища и нашли себѣ второе отечество на почти пустынной Исландіи. Въ теченіе 14 лѣтъ сюда переѣхало до 400 переселенцевъ=landnámsmenn съ многочисленной родней и прислугой. Тамъ герсы основали новое государство, по строю своему вполнѣ отвѣчающее ихъ аристократическому самосознанію. Если они въ Норвегіи властвовали на дѣлѣ, то въ Исландіи ихъ власть поддерживалась уже закономъ. И потому не безъ основанія уподобляютъ исландское государственное устройство конфедераціи немногихъ владѣтельныхъ семействъ [1]).

Только при широкомъ развитіи аристократизма стало возможнымъ возникновеніе такого рода литературныхъ произведеній, какъ исландская сага. Она отвѣчала историческому интересу исландцевъ. Въ Исландіи почти не было событій, которыя могли бы возвыситься надъ обыденными интересами каждой семьи. До начала XIV вѣка въ Исландіи мы не находимъ даже слѣдовъ какихъ нибудь общихъ лѣтописей. За то мелкія семейныя происшествія пріобрѣли

---

[1]) Относительно всего вышеизложеннаго сл. Dahn, Könige d. Germanen; Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte; Munch, Nordens ældste Historie и его же Norske Folkets Historie; Sars, Udsigt over den norske Historie; Steenstrup, Normannerne и друг.

значеніе историческихъ событій; на нихъ сосредоточилась вся любознательность исландца. Важно было также сохранить память о предкахъ, жившихъ въ Норвегіи; этимъ поддерживалась слава рода и стародавность его происхожденія. Этой цѣли отвѣчали многочисленные генеалогическіе списки, которые составлялись съ точностью и обстоятельностью. Наука этихъ записей называлась ættvísi или mannfroeđi. Жители, оставшіеся въ Норвегіи, въ такой генеалогіи не нуждались. За то исландецъ часто еще въ наше время можетъ доказать свое происхожденіе отъ того или другаго знаменитаго норвежскаго рода, переселившагося въ IX вѣкѣ изъ Норвегіи въ Исландію. Но лучшимъ средствомъ увѣковѣчить дѣянія предковъ и повѣдать міру о славныхъ рода была сага, которая не безъ основанія заслужила названіе передаваемой изъ устъ въ уста семейной хроники. Поэтому въ сагахъ каждый отдѣльный подвигъ героя подвергается особой оцѣнкѣ: вотъ это доставило ему почетъ, отъ этого-де идетъ его слава, то-то не особенно послужило ему въ пользу; упоминались и такія дѣла, отъ которыхъ ничего кромѣ стыда и срама выйти не могло. Но чѣмъ больше льстилъ какой-нибудь образъ самолюбію рода, чѣмъ большую извѣстность пріобрѣли подвиги этого лица, тѣмъ дороже становилась каждая черта, свидѣтельствовавшая объ его силѣ, храбрости, великодушіи, тѣмъ добросовѣстнѣе запоминалось каждое его слово, каждое его изреченіе. Такъ говоритъ и слово «Всевышняго»: все гибнетъ, остается лишь слава по умершемъ [1]). Эта жажда славы во имя чести всего рода вызывала накопленіе самыхъ разнообразныхъ разсказовъ о людяхъ и приключеніяхъ, которыя къ данному герою не имѣли никакого отношенія. Недочеты, изобличавшіе скачки народнаго воображенія, составитель записи стиралъ, но часто вносилъ еще придуманныя имъ самимъ соображенія. Не въ малой мѣрѣ его побуждало къ такому мудрствованію же-

---

[1]) Deyr fé, deyja frændr, deyr siálfr it sama; ek veit einn at aldri deyr dómr um dauđan hvern (Hávamál, строфа 76).

ланіе съ своей стороны принести дань славѣ великаго героя [1]).

Разобранныя нами саги должны были прославить одинъ изъ извѣстныхъ родовъ въ Рафниста. Историческая личность путешественника Одда, его смѣлая поѣздка въ Біармаландъ были основой главной саги. Другимъ историческимъ лицомъ, какъ мы это пытались доказать, былъ Кетиль. Объ Оддѣ и Кетилѣ еще въ Норвегіи сложилось устное преданіе. Но что могло заставить литератора-исландца заняться именно этими занесенными изъ за моря разсказами? Среди исландскихъ переселенцевъ, находился также одинъ Кетиль Лосось, но онъ не имѣлъ ничего общаго съ героями нашихъ сагъ. Однако потомки его въ Исландіи могли быть на этотъ счетъ другаго мнѣнія. Въ прежнія времена имени человѣка придавали гораздо больше значенія, чѣмъ теперь. Имя человѣка было неразрывно связано съ его душой. Называя имя, тѣмъ самымъ призывали и само существо. Поэтому было запрещено произносить вслухъ имя умершаго, имя божества и даже звѣря; обычай, который отчасти сохранился до нашихъ дней: считается неприличнымъ божиться, упоминать чорта и т. п. Перенося какое нибудь имя на человѣка, скандинавъ думалъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ переноситъ на него и душевныя качества прежняго обладателя этого имени. Вспомнимъ, какъ Финбогъ получилъ имя отъ пріѣзжаго чужеземца. Тутъ слѣды какой то вѣры въ переселеніе душъ. Такое представленіе проскальзываетъ и въ пѣсняхъ Эдды о Гельги (Helgi). Скандинавы давали своимъ дѣтямъ имена умершихъ родственниковъ, выдающіяся качества которыхъ они хотѣли воскресить въ родѣ. Они были увѣрены, что названный именемъ своего предшественника ребенокъ дѣйствительно будетъ похожъ на этого предшественника. Умершій благодаря этому воскресалъ въ ребенкѣ, становился aptr- или endrborin. При такомъ взглядѣ на имя, какъ на носителя душевныхъ качествъ, для исландцевъ не могло

[1]) Вышеизложенные вопросы объ исландской сагѣ затронули: Maurer, Über die Ausdrücke etc.; Hauch, Forelæsninger over Njalssaga и др.

представляться безразличнымъ, будетъ ли родоначальникъ ихъ называться именемъ героя далекаго прошлаго или нѣтъ. По моей догадкѣ имя Кетиля Лосося, принадлежавшее двумъ разнымъ лицамъ, послужило внѣшнимъ толчкомъ для воспринятія и дальнѣйшаго развитія нашихъ сагъ исландской традиціей. Послѣдняя начиналась отъ Кетиля, того, который жилъ въ Рафниста, и создавъ Гримсагу, связала Кетиля съ Оддомъ, родившимся въ Беруріодѣ [1]).

Покидая Норвегію, исландскіе переселенцы увозили съ собой нѣсколько брусьевъ изъ стѣнъ стараго храма и горсть земли, взятую съ того мѣста, гдѣ стоялъ истуканъ Тора. Точно также поэзія, выросшая на новой родинѣ, корнями своими, представленіями и образами была связана съ старой почвой. Въ X вѣкѣ, когда общественный строй Норвегіи уже окончательно измѣнился, въ Исландіи еще норвежскіе порядки изображались по старымъ воспоминаніямъ. Время викинговъ (VIII и IX вѣка) явилось той героической эпохой, которая своимъ бытомъ и нравами сдѣлалась по преимуществу достояніемъ эпическихъ описаній. Русскія былины, поютъ ли онѣ объ Ильѣ Муромцѣ или объ Иванѣ Грозномъ, неизмѣнно воспроизводятъ картину древнестольнаго Кіева съ его пированьицемъ у ласковаго князя у Владиміра. Только въ самыхъ древнихъ французскихъ chansons de geste поется о событіяхъ, относящихся ко времени Карла Великаго, въ большинствѣ же случаевъ позднѣйшія предпріятія, походы въ Апулію и Кастилію, наѣзды въ Англію, даже разсказы о крестовыхъ походахъ связываются съ именами паладиновъ Карла Великаго. Точно также относится исландская сага и къ своимъ сюжетамъ. Мы установили, что Оддъ жилъ въ X вѣкѣ. Могутъ возразить, что это невѣрно. Въ нашихъ сагахъ не говорится ни слова о короляхъ, объ ихъ единовластіи. Съ другой же стороны Кетиль, Гримъ, Ингіальдъ и др.

---

[1]) Высказанныя выше общія соображенія встрѣчаются и въ статьяхъ Сторма въ Afnf. IX и Норена въ его сборникѣ Spridda studier II, стр. 4 сл.

ведутъ себя, какъ будто надъ ними нѣтъ суда. Орваръ-Оддсага въ своихъ разсказахъ о постоянныхъ столкновеніяхъ съ врагами, объ опустошеніи береговъ, о скитальчествѣ Одда по разнымъ морямъ, объ его неутолимомъ исканіи добычи—изображаетъ нагляднѣйшимъ образомъ время викинговъ. Наконецъ, во всѣхъ повѣствованіяхъ ни слова не упоминается о христіанствѣ: въ Норвегіи царитъ полное язычество. Замѣчательно также то, что ни Оддъ, ни другіе лица не знаютъ о существованіи Исландіи. Въ этомъ отношеніи сага похожа на произведеніе всякаго другаго народнаго эпоса. Изображая общественную среду, сага описываетъ всегда одну и ту же эпоху, эпоху разцвѣта героевъ, героическую пору викинговъ. Чтобы познакомиться съ измѣненіями, внесенными въ разсказы саги благодаря такому пріуроченію героевъ къ эпохѣ болѣе древней, достаточно вглядѣться въ характеристику Кетиля. По всѣмъ признакамъ это былъ дѣятельный землепашецъ, рыболовъ и охотникъ, между тѣмъ какъ въ сагѣ благодаря ея идеализаціи онъ представленъ витяземъ—hólmgǫngumaðr; такимъ его считаетъ и Буръ [1]). Если сравнить общую культурную подкладку Орваръ-Оддсаги съ тѣми условіями, въ которыхъ жилъ Отеръ, то мы увидимъ, что наиболѣе важнымъ отличіемъ Орваръ-Оддсаги является то обстоятельство, что въ ней еще сохранились воспоминанія объ особомъ военномъ сословіи викинговъ.

При первоначальномъ заселеніи Норвегіи весь народъ, какъ и всѣ остальныя германскія племена, находился на походной ногѣ. Но вотъ норвежецъ нашелъ себѣ постоянное мѣстожительство и сталъ осѣдлымъ жителемъ, тѣмъ, что называется búmaðr. Тѣ, которые берутся за воздѣлываніе земли, прикрѣпляются къ почвѣ. Рыбаки и охотники ведутъ болѣе свободную жизнь, но такъ какъ и они не могутъ обойтись безъ произведеній земли, то и имъ приходится примкнуть къ земледѣльцамъ. Вырабатывается понятіе собственности; для защиты ея устанавливается законъ. И по сей день капиталистическій классъ хорошо

[1]) Afnf. VIII, стр. 98.

уживается съ чиновнымъ міромъ. Протестуетъ одна молодежь. Новый строй предъявлялъ меньшія требованія къ индивидууму, беря его какъ бы подъ свою защиту. Когда народъ переходитъ отъ кочевого къ осѣдлому образу жизни, то населеніе быстро возрастаетъ. Это объясняется между прочимъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе индивидуумы, которые неминуемо должны были бы погибнуть въ болѣе суровыхъ походахъ и переходахъ, при болѣе благопріятномъ житьѣ спасаются. Въ физическомъ отношеніи раса дѣлаетъ шагъ назадъ. Но это дѣлается не сразу. Время отъ времени по прежнему рождаются богатыри. Они смотрятъ на землепашество и другіе промыслы съ презрѣніемъ; содержаніемъ ихъ жизни можетъ быть лишь ǫrlǫg=борьба [1]), судьба и orrosta=борьба, усердіе [2]). Вмѣсто того, чтобы добывать свое пропитаніе тяжелымъ трудомъ, они отнимаютъ его силой у другихъ [3]). Между этими викингами и главной массой населенія мы не замѣчаемъ никакого отчужденія; напротивъ, очень часто бываетъ такъ, что бондъ и викингъ одно и то же лицо. Иногда изъ многочисленной толпы дѣтей за море отправляется одинъ; тогда этотъ сынъ становится гордостью семьи. Уже при рожденіи его мать съ горестью чувствуетъ, что онъ не будетъ привязанъ къ дому: «я смотрѣла ему въ глаза, жалуется мать Одда, и мало открыла въ нихъ любви къ намъ, жителямъ Рафниста» [4]). Однимъ словомъ, викинги были для Норвегіи людьми исключительными.

И какъ преобразилась эта дѣйствительность въ изображеніи исландскихъ сагъ! Время викинговъ стало порой героической. Все, что не подходитъ подъ этотъ героическій идеалъ, въ сагахъ забыто, стерто. Забыты нужды дня,

---

[1]) Сл. новошведское: örlog=война.

[2]) Сл. нѣмецкое: Ernst=древненѣмецкому er-n-ust. Kluge Etym. Wb. стр. 98.

[3]) Нѣмецкое Krieg значитъ собственно „трудъ“, Anstrengung; затѣмъ „стремленіе добыть себѣ“ (ср. глаголъ Kriegen=получать) и вмѣстѣ съ тѣмъ—„война“. Kluge, Etym. Wb. стр. 227.

[4]) leit ek hann áđr vér skilđum ok þotti mér sem hann rendi lítt ástar augum til vár Hrafnistumanna (L, стр. 7^{10}).

почти забыты наши обыденныя потребности. Забытъ тотъ сѣрый народъ, благодаря труду котораго викинги могли пировать всю зиму, когда леденящій морозъ сковывалъ ихъ море. Зато викинги и стали истыми героями: ростомъ, силой, выносливостью, богатырствомъ и владычествомъ, всѣмъ этимъ они переросли обыкновенныхъ людей. Можетъ быть послѣ своего знаменитаго путешествія Оддъ сдѣлалъ то, что сдѣлали Гудмундъ и Сигурдъ, которые, кончивъ воевать, отправились въ Рафниста и предались тамъ спокойной жизни [1]). Быть можетъ, занятіемъ Одда съ этого времени становится управленіе землями [2]) и, быть можетъ, онъ начинаетъ заниматься хозяйствомъ, подобно Одиссею, который, вернувшись изъ царства фэаковъ, приглашаетъ жениховъ пахать поле, косить траву, Одиссею, который, только что покинувъ объятія завлекшихъ его богинь, предается доброй бесѣдѣ съ пастухомъ овецъ.

На личность Одда наложила руку творческая фантазія и настоящій его обликъ исчезъ. Но не будемъ сѣтовать. Безъ этой героизаціи, безъ этихъ грезъ о власти надъ землей, безъ этихъ откровеній о таинственныхъ странахъ сказки, имя Одда было бы забыто. Оно перестало бы звучать въ людской молвѣ; никто изъ трудолюбивыхъ исландцевъ не вспомнилъ бы о немъ въ своей рукописи, не занесъ бы его на скрижали исторіи. Вѣдь Оддъ былъ не единственнымъ человѣкомъ, ѣздившимъ въ Біармаландъ; но онъ былъ однимъ изъ немногихъ. Туда попалъ и виночерпій; съ Біармаландомъ вели довольно оживленную торговлю, о чемъ свидѣтельствуютъ археологическія находки. Но кто же были они, эти отважные мореплаватели? Свершили ли они свой путь въ Біармаландъ съ той же удачей, какъ и Оддъ? Отвѣта на это искать напрасно. Въ Орваръ-Оддсагѣ мы имѣемъ подробное описаніе одной изъ такихъ поѣздокъ; оно можетъ служить типичной картиной похода нормановъ въ Біармаландъ. По бытовой своей об-

---

[1]) hætta hernaði, sigla þeir norðr til Hrafnistu ok setjaz um Kyrt (L. 79[4]).

[2]) О нихъ была рѣчь выше, стр. 138.

становкѣ эта поѣздка рѣзко отличается отъ перваго путешествія Отера и отъ болѣе поздней королевской экспедиціи Карла и Торира. Съ описаніемъ послѣдней мы уже вступаемъ на твердую почву исторіи.

XXXI.

Путешествіе Гіерлейфа изъ Гальфсаги.

Орваръ-Оддсага единственная сага, въ которой путешествіе героя въ Біармаландъ выдѣляется какъ несомнѣнная историческая основа традиціи. Вообще же въ сагахъ мѣстомъ дѣйствія нерѣдко является Біармаландъ. Обыкновенно такое пріуроченіе уже есть результатъ болѣе поздней комбинаціи. Любопытно сличить различныя записи сагъ между собою. Такъ въ Ансагѣ [1]) выступаетъ нѣкій Торирѣ, о которомъ говорится, что онъ былъ отважнымъ и смѣлымъ викингомъ; другая же версія той же саги прибавляетъ, гдѣ и какъ онъ отличился. Оказывается, что Торирѣ грабилъ въ Галогаландѣ и въ Біармаландѣ, а осенью возвратился въ Наумудаль. Это обычный маршрутъ, но прибавка тѣмъ не менѣе чувствуется какъ простая интерполяція. Такое же, еще болѣе краткое замѣчаніе мы находимъ въ редакціи H Герварарсаги [2]), о которомъ редакція R ничего не знаетъ. Объ отцѣ берсерковъ Арнгримѣ упоминается мимоходомъ, что онъ совершилъ набѣгъ на Біармаландъ (var þa i viking i avstrveg vm Biarmaland).

Болѣе пространный разсказъ о Біармаландѣ мы находимъ уже въ Гальфсагѣ [3]). Эта сага одна изъ самыхъ интересныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самыхъ трудныхъ для изслѣдованія сагъ. Изъ нея выдѣляется рядъ самостоятельныхъ разсказовъ объ отцѣ Гальфа—Гіерлейфѣ (Hjörleifr). Впрочемъ, родство послѣдняго съ Гальфомъ болѣе чѣмъ сомнительно. Во-первыхъ, онъ въ жизни своего сына не

[1]) Ans saga bogsveigis, Fas. II, стр. 360.
[2]) Herv. стр. 205.
[3]) Saga af Halfi ok Halfsrekkum, Fas. II, стр. 25—60.

играетъ никакой роли, такъ какъ умираетъ еще во время малолѣтства своихъ дѣтей. Даже объ его смерти почти ничего не извѣстно; въ сагѣ упоминается только, что онъ погибъ въ бою [1]). Во-вторыхъ, Гіерлейфъ одновременно женатъ на Эсѣ и на Гильдѣ. У Эсы сынъ O'blödr = не трусливый, храбрый; сынъ O'blöð'a—O'tryggr = собственно ненадежный, но можетъ быть и неувѣренный, трусливый. Черезъ это потомство—Храбреца и Труса—Гіерлейфъ сталъ родоначальникомъ жителей Рейкнеса въ Исландіи—Reyknesíngar. Въ сагѣ имѣются и другія указанія на ея связи съ западной частью Исландіи. Въ одномъ мѣстѣ составитель саги ссылается на свидѣтельство переселенца Finnr enn auðgi, жившаго въ Акранесѣ [2]). Въ концѣ саги [3]) потомки Гамунда и Гейрмунда пріурочиваются къ той же мѣстности, а именно къ Брейдафіорду. Но эти комбинаціи указываютъ только на мѣсто происхожденія или, вѣрнѣе, составленія нашей саги. Понятно, генеалогія потомства Эсы и Гіерлейфа вымышлена. Но неосновательность генеалогіи по отношенію къ одной женѣ, заставляетъ насъ сомнѣваться и въ историчности другой генеалогіи, тѣмъ болѣе, что Гильда является не столько его женой, сколько наложницей. Та же обособленность Гіерлейфа, которая наблюдается по отношенію къ названному въ сагѣ потомству, обнаруживается и при разсмотрѣніи именъ его предковъ. Отецъ Hjörleif'a, понятно, Hjörr. О немъ сага знаетъ собственно только то, что онъ былъ могущественнымъ королемъ, умеръ отъ болѣзни и похороненъ въ Рогаландѣ [4]). Дѣдъ Гіерлейфа—Jösurr. Это имя произведено отъ мѣстности Jösurheiðr, которая расположена между Рогаландомъ и Теламаркомъ [5]); мать будто бы родила его во время охоты въ этомъ лѣсу. Но въ этой сагѣ мы имѣемъ и другія, подобныя же сопоставленія: король A'lrekr живетъ въ

---

1) Hjörleifr konúngr féll í víkíngu, стр. 35.
2) Стр. 26.
3) Стр. 60.
4) Стр. 28.
5) Стр. 26.

A'lrekstađar, Koll на островѣ Kollsey и т. д. Jösurheiđr напоминаетъ намъ Jösurfjall въ Герварарсагѣ [1]). Вѣроятно, Jösurr извлечено изъ названія мѣстности, а не наоборотъ. Во всякомъ случаѣ, Jösurr такое имя, которое скорѣе примѣнялось къ великанамъ, чѣмъ къ людямъ. Такъ Гримгильда въ Гримсагѣ называется Jösursdóttir [2]). Итакъ настоящія имена предковъ Гіерлейфа тоже неизвѣстны намъ; вмѣсто нихъ составитель саги придумалъ Hjörr и Jösurr. Доказавъ, что Гіерлейфъ не находится въ дѣйствительномъ родствѣ ни съ одной изъ главныхъ личностей Гальфсаги, мы въ правѣ разсматривать его приключенія отдѣльно.

Гіерлейфъ недаромъ называется женолюбцемъ—enn Kvennsami. Несмотря на то, что онъ женатъ на красавицѣ Эсѣ—Æsa en liósa, онъ соблазняетъ (gekk at ega) Гильду—Hildr en mióva. Отецъ Гильды предлагаетъ дочери остаться у него дома, но Гіерлейфъ воспротивился этому, и она поѣхала вмѣстѣ съ нимъ [3]). Со свойственнымъ ей юморомъ сага замѣчаетъ, что Эса обрадовалась всѣмъ, только не королю и его спутникамъ [4]). Очевидно, теперь же въ ней зарождается желаніе отомстить супругу за его невѣрность. Удобный случай для мести представляется Эсѣ во время вражды Гіерлейфа съ Рейдаромъ, королемъ Сіаланда. Это несомнѣнно новый, самостоятельный разсказъ. Причиной вражды опять служитъ женщина, дочь Рейдара—Рингія (Hríngja). Гіерлейфъ съумѣлъ расположить въ свою пользу Héri, сына Рейдара, и тотъ становится виновникомъ всего несчастья. Онъ побуждаетъ отца пригласить на пиръ Гіерлейфа; онъ же провожаетъ свою сестру до корабля [5]). Не успѣлъ и Гіерлейфъ уплыть изъ водъ Ютланда (Jótlandshaf), какъ его настигаетъ штиль, корабль стоитъ неподвижно, хотя король велитъ взяться за весла. При восходѣ солнца съ сѣверной стороны изъ воды поднялась гора, съ

---

[1]) Herv. стр. 282.

[2]) Fas. II, стр. 144.

[3]) Стр. 29.

[4]) Æsa varđ ófegin konúngi ok hans föruneyti, en allir ađrir fegnir. Стр. 30.

[5]) Héri fýsti þess ráđs ok fylgdi henni skipshöfn manna. Стр. 30.

виду похожая на человѣка. Скала-человѣкъ предсказываетъ всѣмъ гибель и исчезаетъ. Въ это время Рингія почувствовала себя больной и вскорѣ скончалась. Трупъ ея положили въ гробъ и бросили въ море. Но гробъ не потонулъ, а понесся по направленію къ югу, т.-е. къ Сіаланду [1]). У пристани Гери нашелъ гробъ и сообщилъ отцу, что Гіерлейфъ убилъ Рингію. Отсюда возникаетъ вражда между Рейдаромъ и Гіерлейфомъ. При нападеніи Рейдара погибаетъ Гери, но онъ самъ опустошаетъ страну своего врага и вывозитъ много добычи. Вѣроятно, и Эса и Гильда попали въ плѣнъ, потому, что мы вслѣдъ затѣмъ застаемъ ихъ у Рейдара. Въ ту же осень Гіерлейфъ съ однимъ кораблемъ отправился къ Рейдару и незамѣтно проникъ въ спальню. Всѣ женщины убѣжали оттуда, осталась одна только Эса. Король просилъ ее, чтобы она повела его къ Рейдару. Эса же рѣшила, что наступилъ желанный часъ мести, и заперла Гіерлейфа въ кадку [2]). Тогда только она позвала Рейдара. По ея совѣту Гіерлейфа повѣсили за ноги между двумя огнями. Но въ то время, какъ всѣ предались веселому пированію, Гильда отыскала Гіерлейфа, потушила огни пивомъ и сняла его, перерѣзавъ ему ремни башмаковъ. Рейдаръ тогда уже спалъ на своемъ креслѣ, а на колѣняхъ у него сидѣла Эса. Гіерлейфъ убилъ Рейдара и повѣсилъ трупъ его на то же мѣсто, гдѣ онъ самъ висѣлъ. Эсу же онъ повезъ въ Норвегію и предалъ ее суду народа. Согласно старинному обычаю ее потопили въ болотѣ [3]).

Вотъ содержаніе вполнѣ законченной въ себѣ новеллы. Издатели Eddica minora [4]) сопоставляютъ ее съ польскимъ разсказомъ о Вальтерѣ; вообще же параллелей существуетъ безчисленное множество. Соблазнительно сопоставить имя

---

[1]) Также несется и имущество финовъ, выброшенное за бортъ Сигурдомъ и Гудмундомъ. См. выше, стр. 124—5.

[2]) Vaðker, вѣроятно, вмѣсто vazker; lysti не даетъ никакого смысла; слѣдуетъ предпочесть варіантъ læsti. Итакъ, я читаю: hun læsti hann í vazkeri sinu. Стр. 34.

[3]) þat dæmdi landsfolkit, at Æsu væri drekkt í mýri. Стр. 35.

[4]) Стр. LXXIX.

Hringja съ Рынгой изъ польскаго разсказа, хотя эпизодъ о Рингіи стоитъ совсѣмъ особнякомъ. Кромѣ того, въ нашъ разсказъ втерлась еще сказка о морскомъ чудовищѣ Мармендилѣ, котораго отпускаютъ въ воду только послѣ того, какъ онъ предсказываетъ будущее [1]). Для насъ же выяснилось, что поѣздка Гіерлейфа въ Біармаландъ не связана органически съ первоначальнымъ разсказомъ, а пристала со стороны. Странно уже то, что Гіерлейфъ везетъ съ собой Гильду и ея брата. Послѣ приключеній въ Біармаландѣ, только одинъ варіантъ упоминаетъ объ обратной поѣздкѣ Гіерлейфа: síđan sigldi Hjörleifr suđr til Njarđeyjar [2]). Это одно предложеніе возстановляетъ связь разсказа, прерваннаго вставкой о Біармаландѣ; но оно встрѣчается только въ одномъ варіантѣ. Только теперь Гегни проситъ Гильду не уѣзжать. Но отчего онъ позволилъ ей тогда ѣхать въ Біармаландъ? Вѣдь это путешествіе было несравненно болѣе опаснымъ. Дѣло въ томъ, что въ первоначальномъ разсказѣ никакой поѣздки въ Біармаландъ не было.

Разсказъ о путешествіи Гіерлейфа въ Біармаландъ. кромѣ одного фантастическаго мотива, состоитъ изъ подробностей, которыя согласуются со всѣмъ, что намъ извѣстно о Біармаландѣ изъ болѣе надежныхъ источниковъ. Цѣлью поѣздки является добываніе денегъ. Благодаря своей щедрости Гіерлейфъ ощущалъ сильный недостатокъ въ деньгахъ [3]). Гіерлейфъ, какъ и всѣ другіе путешественники, въѣзжаетъ въ устье Двины—í Vínumynni, но онъ уже лучше освѣдомленъ, чѣмъ Орваръ-Оддъ. Онъ сразу дѣлитъ свой экипажъ, состоящій изъ 90 человѣкъ, на три равныхъ отряда; одинъ ведетъ бой съ туземцами, другой сторожитъ корабль, а третій грабитъ курганъ—braut haug. Послѣднее занятіе считалось очевидно самымъ простымъ дѣломъ, потому что этими людьми командовалъ боцманъ — stafnbúi, въ то время, какъ предводителемъ перваго отряда былъ самъ Гіерлейфъ, а второго — рулевой. Разумѣется, они

---

1) Fas. II, 31 сл.

2) Fas. II, стр. 29, примѣчаніе.

3) Hjörleifi brustu lausafé fyrir örleika. Fas. II, стр. 28.

уѣхали съ богатой добычей—fengu þeir mikit fé. На обратномъ пути они остановились, какъ и слѣдовало ожидать, въ Финмаркѣ въ Gjarđeyjargeimr (варіантъ: Gjarđeyjarhólmr). Можетъ быть Gjarđey получилось черезъ посредствующую форму *Garđey изъ Varđey. Послѣднее названіе я уже выше [1]) производилъ отъ основы глагола varđa=«сторожить». Пожалуй, что geimr находится въ связи съ глаголомъ geyma=«наблюдать», откуда существительное geymari=«сторожъ». Если согласиться съ моими предположеніями, то Gjarđeyjargeimr былъ бы «наблюдательнымъ пунктомъ сторожеваго острова». Этими данными исчерпывается историческая часть даннаго разсказа.

Слѣдуетъ еще эпизодъ съ водянымъ духомъ—brunnmiga, brunnúnga, который напоминаетъ собой подобную же встрѣчу маленькаго Грима въ Кетильсагѣ [2]). Водяной духъ хочетъ помѣшать норманамъ брать воду, но Гіерлейфъ метаетъ въ него копьемъ и духъ удаляется въ горы. Впрочемъ, духъ является еще разъ, и получаетъ то же угощеніе [3]).—Вотъ весь матеріалъ на основаніи котораго, понятно, нѣтъ возможности рѣшить, кѣмъ былъ тотъ Гіерлейфъ, который ѣздилъ въ Біармаландъ, и былъ ли онъ тотъ же женолюбецъ Гіерлейфъ, къ которому пріурочилась вышеизложенная новелла.

XXXII.

Сага о Гальфданѣ, сынѣ Эйстейна.

Эта сага открывается подробной родословной героя, которая возводитъ его родъ къ самому Сигурду и Одину. Настоящее его царство въ Норвегіи, въ Трондгеймѣ; мало того, одинъ изъ его предковъ былъ самъ þrándr. Несмотря на эту фантастическую генеалогію, наша сага по общему своему содержанію производитъ болѣе серьезное впечатлѣ-

[1]) Стр. 81.
[2]) См. выше, стр. 184.
[3]) О стихахъ см. Eddica minora, стр. LXXXIII.

ніе, чѣмъ большинство сагъ данной категоріи. Во-первыхъ, столь излюбленныя въ сагахъ чудовища встрѣчаются здѣсь только въ одной части саги — въ описаніи путешествія Гальфдана въ Киріалаботнъ и послѣдующаго затѣмъ сраженія [1]). Во-вторыхъ, преобладаютъ разсказы о набѣгахъ, битвахъ и завоеваніяхъ, придающіе сагѣ подчасъ видъ историческаго повѣствованія. Такъ въ самомъ началѣ саги описывается походъ Эйстейна вмѣстѣ съ сыномъ Гальфданомъ и Ульфкелемъ на востокъ противъ короля Hergeir'а. Послѣдній властвуетъ надъ городами Альдейгіюборгъ и Алаборгъ и прилегающими землями. Прежніе изслѣдователи отождествляли первый городъ съ Ладогой; очевидно и второй городъ находится гдѣ-нибудь въ Россіи. Этому опредѣленію противорѣчитъ только одно мѣсто саги: въ одну зиму въ Альдейгіюборгъ прибываютъ два незнакомца и. говорятъ, что они пріѣхали изъ Россіи—utan of Rússía [2]) Сама форма—Rússía—указываетъ на то, что передъ нами очень свѣжая комбинація. Составитель саги несомнѣнно былъ увѣренъ въ томъ, что царство Гергейра расположено на сѣверѣ Россіи:

1) Гальфданъ изъ Альдейгіюборга отправляется на востокъ—í Austrveginn; немного позже мы узнаемъ, что онъ попалъ въ Біармаландъ [3]). Также просто совершаетъ Гальфданъ и обратный путь: непосредственно изъ Біармаланда онъ возвращается въ Альдейгіюборгъ [4]). Въ дальнѣйшемъ мнѣ неоднократно придется указывать на подобныя путешествія, свидѣтельствующія о прямомъ сношеніи скандинавовъ съ Бѣлымъ моремъ черезъ Финскій заливъ.

2) Ульфкель также направляется изъ Біармаланда прямо въ Киріалаботнъ, т.-е. Финскій заливъ [5]).

3) Ульфкель предлагаетъ королю Біармаланда выдать свою дочь за брата; онъ съ своей стороны дастъ имъ вла-

---

[1]) Главы 16, 17, 18 и 20.
[2]) Fas. III. стр. 528—9.
[3]) Fas. III, стр. 533 и 535.
[4]) Стр. 552.
[5]) Стр. 540—1.

дѣнія—Альдейгіюборгъ и Алаборгъ [1]). Очевидно Ульфкель разсчитываетъ, что всѣ эти области сосѣдятъ другъ съ другомъ и, соединенныя вмѣстѣ, образуютъ одно громадное цѣлое.

4) Когда Гальфданъ послѣ всѣхъ своихъ походовъ уже удалился въ Норвегію, къ нему доносится вѣсть, что на сѣверо-востокѣ полная анархія: викинги-де опустошаютъ Біармаландъ и Новгородъ=Nógarđr и покорили себѣ Киріалаботнъ и большую часть Россіи=Rússaland [2]). Чтобы возстановить порядокъ, Гальфданъ отправляется не въ Россію, какъ мы этого ожидаемъ, а въ Біармаландъ.

Дѣйствіе переносится въ Біармаландъ изъ-за Ульфкеля, который здѣсь уже застаетъ своего брата Ульфа [3]). Собственно ихъ три брата: Ulfkell, Ulfar и Ulfr но если ближе присмотрѣться къ плану саги, то окажется, что только старшій братъ необходимое и важное для дѣйствія лицо. Кромѣ того, уже названія этихъ трехъ братьевъ свидѣтельствуютъ о скудной изобрѣтательности составителя саги. Если первая часть саги состояла изъ разсказовъ о завоеваніяхъ Эйстейна на востокѣ, то вторая часть—настоящая, собственно, сага о Гальфданѣ—повѣствуетъ о враждѣ Ульфкеля и Гальфдана послѣ того, какъ Эйстейнъ былъ убитъ. Роль Ульфкеля въ сагѣ не совсѣмъ ясна. Съ одной стороны онъ является вѣрнымъ помощникомъ Эйстейна; братъ его даже правитъ царствомъ Эйстейна, когда послѣдній бываетъ въ походахъ [4]). Но какъ только распространяется слухъ объ убійствѣ Эйстейна, Ульфкель собираетъ войско и подчиняетъ себѣ Альдейгіюборгъ, управляемый дядей Гальфдана—Сигмундомъ [5]). Мнѣ кажется, что эта непослѣдовательность въ поведеніи Ульфкеля объясняется тѣмъ, что произошла компиляція двухъ разныхъ разсказовъ: воспоминаній о походахъ Эйстейна и новеллы о двухъ со-

[1]) ef þú vilt gipta Ulfi dóttur þína, þa vil ek leggja til međ Alaborg ok Aldeigjuborg. Стр. 539.

[2]) Стр. 555—6.

[3]) Стр. 520 и 539.

[4]) Стр. 520.

[5]) Стр. 533.

перникахъ. Первая часть опредѣлила всю географію саги, въ которой, очевидно, романтическая новелла вовсе не нуждалась. Послѣднюю можно узнать по слѣдующимъ, не совсѣмъ оригинальнымъ мотивамъ.

Царевичъ Гальфданъ сватается за царевну Ингигерду. Этой парѣ соотвѣтствуетъ дружинникъ Ульфкель и дочь простого подданнаго. Ее также зовутъ Ингигердой и кромѣ того, она очень похожа на царевну. Въ виду предстоящаго сватовства обѣ дѣвушки мѣняются ролями: царевна неизвѣстно куда исчезаетъ, а подруга ея, которую всѣ принимаютъ за царевну, отказываетъ Гальфдану и выбираетъ себѣ въ мужья Ульфкеля [1]). Отсюда непримиримая вражда между соперниками. Разсказъ объ убійствѣ Эйстейна [2]) не принадлежалъ новеллѣ и поэтому участіе царевны въ этомъ происшествіи должно быть придумано позже, уже послѣ контаминаціи. Вражескія столкновенія между соперниками пріурочены къ тѣмъ географическимъ условіямъ, которыя были созданы разсказомъ объ Эйстейнѣ. Поэтому всѣ походы въ Біармаландъ, напримѣръ, главу 15, слѣдуетъ отбросить: врядъ ли они могли принадлежать къ первоначальной новеллѣ. За то, если согласиться съ тѣмъ, что наша новелла уже сплелась со сказочными мотивами, то путешествіе Гальфдана въ Киріалаботнъ [3]) вполнѣ подходило бы къ развитію дѣйствія. Послѣ поисковъ Гальфданъ находитъ царевну и вскорѣ же побѣждаетъ Ульфкеля [4]). На этомъ, кажется мнѣ, и должна была закончиться новелла, общій планъ которой замѣчательно простъ. Что касается выдержки тона, то, можетъ быть, въ послѣдней части, напримѣръ, въ описаніи сраженія между Гальфданомъ и Ульфкелемъ [5]) сказалось уже вліяніе стиля фантастической сказки.

Къ концу саги приложенъ разсказъ, въ которомъ уже

---

[1]) Главы 4—6.
[2]) Главы 7—9.
[3]) Главы 14, 16—18.
[4]) Главы 19—21.
[5]) Глава 20.

Іонсонъ [1]) видѣлъ позднѣйшую прибавку. Внуки короля Біармаланда ѣздятъ по Думбсгафу и воюютъ съ великанами [2]). У старшаго изъ нихъ чуть ли не самый большой корабль, который когда-либо строился въ Норвегіи. Ракнаръ подчинилъ себѣ пустынныя мѣстности Helluland'а; его братъ Валь отличался въ Киріалаботнѣ. О связи Думбсгафа съ Helluland'омъ съ одной стороны и съ Финскимъ заливомъ съ другой, мы уже говорили раньше [3]). Собственныя имена другихъ лицъ придуманы безъ особыхъ усилій. Валь поборолъ двухъ великановъ—Sviđi и Svađi; послѣдній даже сынъ самаго Тора. Составитель саги очевидно забылъ о томъ, что Торъ — истребитель великановъ. У Валя два сына—Köttr и Kisi; у противниковъ два витязя—Haukr и Gaukr. Итакъ, въ именахъ уже намѣченъ исходъ боя: оба Кота побѣждаютъ Ястреба и Кукушку. Правда и въ этомъ разсказѣ имѣется ссылка на историческую личность — Gullþórír [4]), но подобныя указанія разсѣяны по всей сагѣ и только свидѣтельствуютъ о рвеніи составителя придать своему разсказу историческую достовѣрность. Нельзя сказать, чтобы это ему удалось. Безъ особыхъ трудностей мы разобрали составъ саги. Хотя дѣйствіе почти все время вращается кругомъ да около Біармаланда, мы тѣмъ не менѣе не нашли ни одной характерной подробности.

XXXIII.

Сага о Гальфданѣ, воспитанникѣ Браны [5]).

По мнѣнію Іонсона [6]) эта сага болѣе другихъ сагъ подверглась вліянію романтическихъ мотивовъ. Это замѣчаніе относится во всякомъ случаѣ къ разсказу о сватовствѣ Гальфдана къ дочери англійскаго короля Massibil или

---

[1]) T. II, стр. 823.

[2]) herjuđu á jötna, стр. 556.

[3]) См. выше, стр. 73 и 97.

[4]) Fas. III, стр. 558.

[5]) Halfdanarsaga Brönufostra, Fas. III, стр. 559—591.

[6]) T. II, стр. 828.

Marsibil [1]). Гальфданъ прiѣзжаетъ въ Англiю и выдаетъ себя за купца. Король разрѣшаетъ ему остаться въ Англiи на зиму. Однажды Гальфданъ, прогуливаясь, приходитъ къ высокому забору королевскаго парка. Проникнувъ въ паркъ, Гальфданъ встрѣчаетъ тамъ Альфифу, тетю Массибилiи, играющую золотымъ кольцомъ. Когда она роняетъ кольцо, Гальфданъ поднимаетъ его, но подаетъ ей другое кольцо, болѣе крупное и драгоцѣнное. Альфифа потомъ разсказываетъ Массибилiи, что никогда она еще не видала болѣе изящнаго мужчины—Kurteisara. Въ другой разъ Гальфданъ видитъ въ паркѣ уже самую Массибилiю, расчесывающую свои волосы золотымъ гребнемъ. Несмотря на угрозы Массибилiи, что его убьютъ, если онъ не удалится немедленно, Гальфданъ кладетъ ей на колѣна узелъ съ заколдованной травой. Ночью она прячетъ узелъ подъ свою подушку, этого Гальфдану только и нужно было: трава оказываетъ свое дѣйствiе. Уже на другое утро Массибилiя посылаетъ Альфифу за Гальфданомъ и сознается ему въ любви. Такимъ образомъ, казалось бы, все у нихъ пошло на ладъ.

Ко двору возвращается Аки, военачальникъ короля—landvarnarmaðr. Онъ привыкъ считать себя самымъ приближеннымъ короля; поэтому, когда онъ увидѣлъ на своемъ мѣстѣ Гальфдана, его беретъ зависть и онъ рѣшаетъ устранить счастливаго соперника. Сперва онъ предлагаетъ Гальфдану плавать въ перегонку въ присутствiи всего двора. Описанiе этого состязанiя напоминаетъ намъ разсказъ Орваръ-Оддсаги о похожденiяхъ Одда при дворѣ Герраудa [2]). Гальфданъ оказывается болѣе искуснымъ пловцомъ, чѣмъ Аки. Тогда Аки вызываетъ своего соперника на турниръ—burtreið. У Аки былъ чудный конь—ess Lóngant; лучше его былъ только конь Массибилiи—Spóliant или Spólent. Разумѣется Массибилiя готова помочь своему возлюбленному и тайно посылаетъ ему своего коня. Встрѣтившись съ Аки въ лѣсу, Гальфданъ сбиваетъ своего противника съ лошади. Аки падаетъ въ канаву и до того завязаетъ

[1]) Главы 9—13, 15 и 17.

[2]) См. выше, стр. 225—6.

въ грязи, что не можетъ выбраться оттуда безъ чужой помощи. Послѣ этихъ неудачъ Аки прибѣгаетъ уже къ менѣе благороднымъ средствамъ. Во-первыхъ, онъ намѣревается соблазнить сестру Гальфдана. При помощи колдовства та заставляетъ Аки остановиться въ открытыхъ дверяхъ, такъ что онъ не можетъ двигаться ни взадъ ни впередъ. Аки стоитъ и мерзнетъ до самаго утра. Во-вторыхъ, Аки хочетъ поджечь домъ—Kastalinn, въ которомъ послѣ сильной выпивки спитъ Гальфданъ. Но и это намѣреніе не удается, благодаря вмѣшательству колдуньи Браны, благопріятствующей Гальфдану. Наконецъ, Аки нападаетъ на Гальфдана въ открытомъ бою, но всѣ его воины погибаютъ, а онъ становится плѣннымъ. Гальфданъ отрѣзаетъ ему носъ и уши, выкалываетъ ему глаза, перебиваетъ ему ноги и пр. Когда король увидѣлъ Аки такимъ изувѣченнымъ, онъ прогналъ его.

Гальфданъ въ концѣ концовъ женится, несмотря на то, что въ послѣднюю миниту пріѣзжаетъ король Эйрекъ изъ Миклагарда, чтобы просить руки Массибиліи. Узнавъ въ чемъ дѣло, Эйрекъ довольствуется сестрой Гальфдана—Ингибіоргой. Альфифа выходитъ за шотландскаго короля; ихъ сынъ—Ангантиръ. Гальфданъ же сталъ царствовать надъ Даніей и Англіей; сыномъ его былъ Рикардъ.

Я нарочно привелъ всѣ имена упоминаемыхъ мимоходомъ лицъ, чтобы читатель могъ видѣть, съ какой смѣлостью комбинировалъ составитель саги. Кромѣ тѣхъ двухъ эпизодовъ, въ которыхъ Аки становится жертвой вмѣшательства колдуньи, весь этотъ разсказъ объ Аки и Массибиліи не имѣетъ ничего общаго съ остальной сагой. Даже стиль его рѣзко разнится отъ фантастическихъ подробностей разсказа о Бранѣ. Поскольку послѣдній является наборомъ типичнѣйшихъ чертъ древнесѣверной фантастической саги, постольку разсказы объ Аки и Массибиліи во всемъ своемъ складѣ, съ отдѣльными выраженіями и съ упоминаніемъ турнира напоминаютъ намъ мотивы рыцарскихъ романовъ.

Начало нашей саги носитъ почти историческій отпечатокъ. Викинги Соти и Снеколь (Snækollr) нападаютъ на

датскаго короля Ринга. Еще ночью Ингибіорга видитъ страшный сонъ: къ родному ей берегу приплываетъ корабль и съ него бѣжитъ къ замку безчисленное множество волковъ, впереди же ихъ два чудовища—melrakkar [1]); они уничтожали все, что попадалось имъ на встрѣчу. Вскорѣ затѣмъ этотъ сонъ сбывается. Соти требуетъ руки Ингибіорги, но король Рингъ предпочитаетъ сражаться съ нимъ. Въ бою падаютъ Рингъ и его старшій сынъ. Тогда нѣкій Торфидъ (þórfiðr или þórviðr), воспитавшій королевскихъ дѣтей, отводитъ оставшихся въ живыхъ Ингибіоргу и Гальфдана въ лѣсъ, гдѣ они прячутся у старухи. Соти подчиняетъ себѣ Данію, но царевны не находитъ. Она вмѣстѣ съ братомъ уплыла на кораблѣ и нашла пріютъ у Оттара въ Біармаландѣ [2]). Послѣ многихъ приключеній Гальфданъ возвращается въ Данію съ большимъ флотомъ и вновь завоевываетъ отцовское царство [3]).

Этотъ разсказъ всецѣло составленъ изъ такихъ мотивовъ, которые должны были выработаться какъ воспоминанія объ эпохѣ викинговъ, и если бы не дальнѣйшія прибавленія, онъ могъ бы стоять въ любой исторической сагѣ. Но для подобныхъ серьезныхъ, псевдо-историческихъ вступленій всегда роковымъ оказывается отъѣздъ героя въ Біармаландъ. Тогда неминуемо вплетаются разсказы о великанахъ и вѣдьмахъ, причемъ фантазіи данъ неограниченный просторъ. Нашъ составитель однако не довольствуется Біармаландомъ, а относитъ дѣйствіе еще дальше, за тридевять земель,— въ Helluland. Разъ сага приняла подобныя выдумки, не знающія никакого предѣла въ смыслѣ разнузданности фантазіи, то къ ней могли уже присоединиться какіе угодно разсказы, даже вовсе не подходящіе къ первоначальному ея замыслу.

Нельзя сказать, чтобы разсказы о Геллуландѣ отличались оригинальностью. Гальфданъ по горамъ и глетшерамъ добирается до пещеры. Въ ней сидятъ великанъ и вели-

---

[1]) Canis lagopus (Фрицнеръ).
[2]) Главы 1—3.
[3]) Глава 16.

канша и варятъ себѣ пищу изъ человѣческаго мяса. Убивъ этихъ чудовищъ послѣ упорной борьбы, Гальфданъ находитъ въ пещерѣ плѣнныхъ—дочь шотландскаго короля и двухъ ея братьевъ. Освобожденіемъ ихъ, казалось бы, и должно было закончиться это приключеніе Гальфдана [1]). Но еще разъ буря относитъ его къ неизвѣстному берегу. Тутъ на Гальфдана и двухъ освобожденныхъ братьевъ нападаютъ три вѣдьмы: одна изъ нихъ Брана; другая подъ риѳму съ Brana зовется Mána; но разъ вторая была Mána= луна, то третья стала уже Molda=земля [2]). Итакъ, имена Mána и Molda придуманы въ зависимости отъ имени Браны, а это обстоятельство въ свою очередь даетъ намъ право думать, что обѣ вѣдьмы и оба брата явились въ сагѣ лишь впослѣдствіи. Можетъ быть, весь эпизодъ объ освобожденіи дѣтей шотландскаго короля слѣдуетъ исключить изъ первоначальнаго разсказа о Геллуландѣ, тѣмъ болѣе, что онъ могъ относиться къ рыцарскому роману. Послѣ этого сокращенія нашъ разсказъ значительно упростится, и мы безъ труда узнаемъ разобранную по поводу Орваръ-Оддсаги [3]) схему приключеній въ Рисаландѣ: сперва встрѣча съ отдѣльной вѣдьмой, а потомъ проникновеніе героя въ пещеру. Въ сагѣ, дѣйствительно, есть указаніе на то, что Гальфданъ сперва встрѣтилъ Брану, а потомъ только попалъ въ пещеру. Брана сама сознается въ томъ, что она помогала Гальфдану въ борьбѣ съ великаншей. Изъ этого становится вѣроятнымъ, что она уже раньше видѣлась съ Гальфданомъ, если не сама привела его въ пещеру.

Однако въ сагѣ имѣются слѣдующія повторенія:

1) Гальфданъ убиваетъ въ пещерѣ великана Járnnefr= желѣзный клювъ и великаншу Sleggja=молотъ; ему помогаетъ Брана.

2) Гальфданъ встрѣчаетъ Брану (и двухъ ея сестеръ).

---

[1]) Главы 4 и 5.

[2]) Имена вѣдьмъ, понятно, должны быть женскаго рода. Между тѣмъ луна=máni мужскаго; а земля=mold уже по аналогіи съ другими именами приняла окончаніе „а“--molda.

[3]) См. выше, стр. 200—202.

3) Гальфданъ убиваетъ въ пещерѣ великана Járnhaus = желѣзная башка (и многихъ другихъ чудовищъ); самымъ основательнымъ образомъ ему опять содѣйствуетъ Брана.

Если выбирать между разсказами 1 и 3, то слѣдуетъ остановиться на послѣднемъ; первый уже по мѣсту не подходитъ. Разсказъ о Бранѣ развился, понятно, уже вполнѣ самостоятельно. На прощаніи она даетъ Гальфдану — заколдованную траву, чудодѣйственную рубашку, волшебное кольцо, наконецъ, корабль, сопровождаемый постояннымъ попутнымъ вѣтромъ. Изъ этихъ подарковъ волшебное кольцо совершенно не использовано; если кольцо становится краснымъ, какъ кровь, то это значитъ, что враги хотятъ убить обладателя кольца оружіемъ, а если кольцо сдѣлается чернымъ, какъ смола, то обладатель долженъ остерегаться отравленія. Но мы такъ и не слышимъ о томъ, чтобы Гальфданъ былъ поставленъ въ необходимость прибѣгать къ оракулу кольца. Можетъ быть, изъ разсказовъ о преслѣдованіяхъ Аки Гальфдана утраченъ какой нибудь эпизодъ. Весьма вѣроятно, что въ разсказахъ о Массибиліи и Аки уже существовала какая нибудь вѣдьма или фея, охраняющая Гальфдана. Ея роль переняла Брана, когда отрывокъ рыцарскаго романа былъ контаминированъ съ древнесѣверной сагой; тогда и разсказы о Біармаландѣ и Геллуландѣ подверглись коренной переработкѣ: Брана, которая первоначально отличалась, выроятно, ничуть не больше, чѣмъ, напримѣръ, Гнейпа въ Орваръ-Оддсагѣ, стала главнымъ послѣ героя лицомъ, и вся сага приняла другой обликъ. Мотивъ поѣздки въ Біармаландъ подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ измѣненій, а затѣмъ и вслѣдствіе шаржа составителя сдѣлался почти неузнаваемымъ.

XXXIV.

Босасага.

Относительно этой саги можно сдѣлать то же самое наблюденіе, которое мы высказали уже выше, говоря о Гальфданѣ: поѣздка въ Біармаландъ открыла двери, черезъ

которыя вторглись новые и неожиданные мотивы, нарушающіе стройность и законченность первоначальной концепціи. Предположимъ, что Босасага заканчивалась девятой главой, и ни одинъ изъ упрековъ, сдѣланныхъ ея составителю, не окажется справедливымъ. Вигфуссонъ [1]) считаетъ ее одной изъ самыхъ послѣднихъ и скверныхъ миѳическихъ сагъ, а Іонсонъ [2]) говоритъ, что она производитъ крайне грубое, мужиковатое впечатлѣніе. Но тогда и знаменитая поэма Виланда должна казаться крайне грубой, хотя Гете думалъ, что «Оберонъ» навсегда останется образцомъ повѣствовательнаго искусства. Дѣло въ томъ, что «Оберонъ» и первая часть Босасаги построены на одной и той же сказочной схемѣ: герой провинился передъ своимъ царемъ, а тотъ вмѣсто наказанія даетъ ему порученіе, подвергающее героя большимъ опасностямъ и являющееся равносильнымъ пожизненному изгнанію. Гюонъ убиваетъ племянника Карла Великаго; Боси—незаконнаго сына царя; Гюонъ предпринимаетъ поѣздку въ Вавилонъ; Боси—въ Біармаландъ. Такимъ образомъ, этотъ разсказъ саги состоитъ изъ двухъ частей: ссоры Боси съ сыномъ царя и его изгнанія, во-первыхъ, и поѣздки Боси въ Біармаландъ, во-вторыхъ.

И въ той, и въ другой частяхъ мы находимъ самостоятельные мотивы, изъ которыхъ главные—заклинаніе Буслы [3]) и скабрезный разсказъ о Боси и дочери бонда [4]), напоминающій собой французское фабліо. Заклинаніе Буслы, по свидѣтельсству издателей Eddica minora [5]), несомнѣнно развилось на почвѣ народныхъ заговоровъ и является, такъ сказать, плодомъ практическаго суевѣрія. Іонсонъ [6]), такъ строго осудившій Босасагу, дѣлаетъ однако оговорку касательно этого эпизода: только онъ придаетъ сагѣ нѣ-

---

[1]) one ofe the latest and worst of the mythical Sagas. CPB. I, стр. LXXX.

[2]) II, стр. 826.

[3]) Глава V.

[4]) Глава VII.

[5]) Стр. C.

[6]) II т., стр. 825.

которую цѣнность. Фабліо уже своимъ тономъ не подходитъ къ остальному разсказу, что̀ почувствовалъ даже какой то читатель рукописи А: онъ стеръ соотвѣтствующія мѣста, такъ что остались одни отрывочные слѣды, разбираться въ которыхъ можно только при помощи лупы и воды [1]). Послѣ выдѣленія этихъ двухъ главныхъ самостоятельныхъ эпизодовъ остается замѣчательный по простотѣ плана разсказъ.

1) Изгнаніе Боси [2]). Король Рингъ не любилъ своего законнаго сына Геррауда, потому что у него на сторонѣ отъ наложнипы (frilluborinn) былъ сынъ Сіодъ (Sjóđr). Сага [3]) весьма обстоятельно описываетъ, какъ Сіодъ пользовался полнымъ довѣріемъ короля и управлялъ всей страной, злоупотребляя своей властью. Герраудъ чувствовалъ себя отвергнутымъ и забитымъ и поэтому привязался къ смѣлому Боси, сыну Брунгильды. Разумѣется, эта женщина—skjaldmey, которая даже, будучи невѣстой, не снимаетъ шлема и брони, есть воспоминаніе о знаменитой валькиріи. Уже въ самыхъ безобидныхъ играхъ сказывается сила и буйство Боси: одному онъ свернулъ руку, другому ногу, третьему выбилъ глазъ мячомъ, четвертому сломалъ шею. Тогда придворные хватаются за оружіе и начинается форменное сраженіе, пока не приходитъ король. По совѣту Сіода король изгоняетъ Боси изъ страны. Герраудъ тогда выпрашиваетъ себѣ у отца корабли, по дорогѣ встрѣчается съ Боси и вмѣстѣ съ нимъ разъѣзжаетъ по берегамъ Даніи и Германіи. Во время ихъ отсутствія Сіодъ, собирая подати, требуетъ отъ отца Боси возмездіе за вредъ, причиненный его сыномъ, и когда тотъ отказываетъ ему въ этомъ, Сіодъ разграбляетъ его имущество. Возвратившись на родину и узнавъ о поступкѣ Сіода, Боси вступаетъ въ бой съ Сіодомъ и убиваетъ его. Король Рингъ крайне возмущенъ этимъ происшествіемъ и собираетъ людей, чтобы взять Боси въ плѣнъ. На сторону Боси ста-

---

1) Босасага, стр. XXXV сл.
2) Главы 1—5.
3) Стр. 4—5.

новится Герраудъ, несмотря на то, что ему приходится сражаться противъ своего отца. Но у Ринга, понятно, больше силъ; оба побратима принуждены были сдаться. Напрасно Рингъ предлагаетъ сыну миръ. Видя его упорное поведеніе, Рингъ приговариваетъ обоихъ къ смертной казни. Но вечеромъ къ нему приходитъ старуха Бусла, воспитавшая Боси, и произноситъ столь страшныя заклинанія, что король уступаетъ ея просьбамъ и смертную казнь замѣняетъ отсылкой обоихъ побратимовъ въ Біармаландъ. Они оттуда должны привести—яйцо жаръ-птицы [1]), покрытое снаружи золотыми письменами.

2) Приключенія въ Біармаландѣ [2]). Весною побратимы отправляются на востокъ—í Austrveg. У нихъ всего одинъ корабль и экипажъ въ 24 человѣка. Прибывши къ берегамъ Біармаланда — undir Biarmaland, они останавливаются у пустыннаго лѣса, называемаго Двинскимъ лѣсомъ—Vínuskógr. Побратимы идутъ въ лѣсъ, приказавъ своимъ людямъ ждать ихъ цѣлый мѣсяцъ. Блуждая по лѣсу, они стрѣляютъ разныхъ животныхъ и птицъ, но иногда единственной пищей имъ служатъ ягоды и сокъ деревьевъ. Вслѣдствіе густоты лѣса сильно рвется ихъ платье. Однажды они приходятъ къ хижинѣ. Передъ ней стоялъ мужчина и кололъ дрова. Уже эта типичная черта, которая повторяется и въ Кетильсагѣ [3]) и въ Орваръ-Оддсагѣ [4]) указываетъ на то, что на этомъ мѣстѣ начинается компиляція. Три ночи побратимы проводятъ у этого бонда. Боси соблазняетъ его дочь, и отъ нея узнаетъ о существованіи и устройствѣ храма Іомалы. Словомъ, дочь бонда въ этой сагѣ играетъ извѣстнымъ образомъ ту же роль, какъ плѣнный норвежецъ въ Орваръ-Оддсагѣ. Узнавъ, что имъ нужно было, побратимы отправляются къ храму. Сперва они встрѣчаютъ человѣка чрезвычайно высокаго роста въ сѣромъ плащѣ; онъ гналъ передъ собою теленка. Это па-

[1]) Gammr или gambr не поддается никакому объясненію.
[2]) Главы 6—8.
[3]) См. выше, стр. 182.
[4]) См. выше, стр. 217 и 221.

стухъ везъ жрицѣ пищу: она каждый разъ съѣдала двухлѣтняго теленка. Однимъ ударомъ дубины Боси убиваетъ пастуха; убивъ также теленка, они сдираютъ съ него шкуру и дѣлаютъ чучело, набивъ его мхомъ и верескомъ. Герраудъ надѣваетъ плащъ пастуха и въ такой маскѣ приходитъ въ храмъ, ведя съ собой чучело. Теленка убивали совсѣмъ особымъ способомъ: быкъ долженъ былъ забодать его; отъ этого мясо его становилось ядовитымъ и пріобрѣтало особую чудодѣйственную силу. Какъ только Герраудъ вошелъ во дворъ храма, быкъ напалъ на теленка, но не разсчитавъ удара, вслѣдствіе мягкости чучела ударяется головой въ стѣну и отламываетъ себѣ оба рога. Герраудъ хватаетъ быка за уши и за челюсть и сворачиваетъ ему шею.

Въ храмѣ находится еще другое чудовище—птица gammr. Съ ней уже справляется Боси. Онъ продѣваетъ копье сквозь трупъ пастуха, такъ что остріе выглядывало изъ-за плечъ. Неся такимъ образомъ передъ собою трупъ, онъ входитъ во дворъ храма. Птица набрасывается на Боси и съ перваго же раза откусываетъ половину трупа. Такимъ образомъ удалось Боси ткнуть копье въ самое сердце птицы. Наконецъ, побратимы преодолѣваютъ жрицу. Она причиняетъ большой вредъ своими ногтями, но подскользнулась въ лужѣ крови, образовавшейся отъ убитой птицы. Тогда Боси хватаетъ голову быка и бросаетъ ее ей въ лицо. Когда она умирала, тряслась вся земля. Избавившись отъ всѣхъ этихъ чудовищъ, побратимы обошли храмъ. Въ гнѣздѣ птицы они нашли яйцо, исписанное золотыми буквами, и столько золота, сколько они могли нести. Съ истукана Іомалы они сняли разныя вещи: золотую корону съ 12 драгоцѣнными камнями; монисто, стоющее 300 марокъ [1]) золота; серебряную чашу такой величины, что четыре человѣка не могли бы осушить ее; эта чаша была полна краснымъ золотомъ—rauđagulli; мѣхъ, которымъ былъ покрытъ истуканъ: онъ стоилъ больше, чѣмъ три нагруженныхъ корабля такого типа, какъ лучшіе изъ тѣхъ, которые ѣздятъ по Греческому

---

[1]) Mörk означаетъ также вѣсъ.

морю [1]). Затѣмъ они нашли потаенную комнату, закрытую желѣзной дверью. Цѣлый день они употребили на то, чтобы открыть эту дверь. Въ самой комнатѣ они нашли красавицу, которая за волосы была привязана къ стулу. Въ такомъ же положенiи и Гальфданъ находитъ дочь шотландскаго короля. Красавицу эту похитила жрица, которая предвидѣла свою близкую кончину и хотѣла сдѣлать ее своей преемницей, abbadís=игуменьей. Но лучше чѣмъ приносить жертвы въ храмѣ, она предпочла бы быть сожженой. Ее зовутъ Лейдой—Hleiðr; она сестра короля Годмунда, о которомъ рѣчь будетъ впереди. Она соглашается уѣхать вмѣстѣ съ Герраудомъ. Раньше чѣмъ уйти, побратимы подожгли храмъ и превратили его въ пепелъ. На обратномъ пути къ кораблю они еще разъ заходятъ къ бонду и дарятъ ему часть добычи. На многихъ лошадяхъ потомъ золото и драгоцѣнности были отправлены къ кораблю. Затѣмъ они благополучно возвращаются на родину. Два года длилось ихъ путешествiе. Боси вручилъ королю чудесное яйцо и серебрянную чашу, и на этомъ они помирились.

На этомъ и должна была закончиться сага, такъ какъ планъ той сказки, которая легла въ основу всего разсказа, выполненъ. Но поѣздка въ Бiармаландъ была слишкомъ благодарнымъ мотивомъ, чтобы можно было исчерпать его въ одинъ разъ. Создалось продолженiе саги такимъ путемъ, что поѣздка побратимовъ въ Бiармаландъ была повторена. Дѣло въ томъ, что у короля Бiармаланда два сына: Ререкъ—Hrærekr и Сиггейръ. Ихъ то Годмундъ упрашиваетъ найти похищенную Лейду. Отъ бонда, у котораго жили Боси и Герраудъ, они узнаютъ объ ихъ прiѣздѣ. Тогда они снаряжаются въ путь-дорогу, нападаютъ на Гаутландъ, убиваютъ короля Ринга и везутъ обратно Лейду. Въ это время Боси и Герраудъ вмѣстѣ со своими дядями Dagfari и Náttfari [2]) участвовали въ Бровальскомъ побоищѣ. Хотя до насъ дошли длинные списки участниковъ этого боя, но

---

[1]) Такой корабль называется drómundr=δρόμων

[2]) Явно вымышленныя имена!

нигдѣ не упоминается ни о нашихъ побратимахъ, ни объ ихъ дядяхъ. Вотъ первая выдумка составителя, подрывающая довѣріе къ этой части саги. Затѣмъ повторяется разсказъ о галантномъ приключеніи Боси. Пріѣхавъ въ страну Годмунда, которая называется Glæsisvellir, и остановившись около пустыннаго лѣса, Боси и Герраудъ идутъ въ этотъ лѣсъ, находятъ хижину и Боси опять спитъ съ дочерью бонда. Какъ видимъ, полное повтореніе перваго разсказа. Отъ дочери бонда Боси получаетъ необходимыя ему свѣдѣнія. Оказывается, что свадьба между Сиггейромъ и Лейдой уже назначена. Къ ней особенно готовится главный совѣтникъ короля Годмунда—Сигурдъ: онъ живетъ въ лѣсу у своей любовницы, которая шьетъ ему свадебный костюмъ. Его подстерегаютъ побратимы и убиваютъ какъ Сигурда, такъ и слугу его. Снявъ съ обоихъ труповъ платье и кожу, побратимы возвращаются къ кораблямъ. Такъ вѣдь они раньше поступили и съ пастухомъ и теленкомъ; только о томъ, что они сняли кожу съ пастуха, раньше не было рѣчи. При помощи чужой кожи и добытаго платья, Боси переодѣвается такъ, что становится вполнѣ похожимъ на Сигурда, а старшій братъ его Смидъ дѣлается его слугой. Переодѣвшись они отправляются на свадьбу. Всѣ принимаютъ Боси за Сигурда. У Боси съ собой большая арфа, въ которой можно запрятать человѣка. Такая арфа упоминается и въ Вельсунгасагѣ [1]; ею владѣетъ Heimir, въ нее прячется дочь Сигурда и Брунгильды—Аслауга.—Когда начинаютъ пить въ честь боговъ, Боси берется за арфу. Онъ играетъ такъ чудно, что всѣ свободныя вещи приходятъ въ движеніе. Застучали ножи, зазвенѣли тарелки. Разъ уже его игра такъ дѣйствуетъ на неопредѣленные предметы, то тѣмъ паче ему поддаются присутствующіе гости. Танцуютъ рѣшительно всѣ, танцуютъ безъ устали. Незамѣтно къ танцующимъ присоединяется незнакомецъ. Не Герраудъ ли это? Незнакомецъ набрасывается на короля, Боси на жениха, а Смидъ запираетъ невѣсту въ арфу и увозитъ ее. Когда спохватились, викинги уже уѣхали съ

[1] Глава 43, стр. 230 сл.

похищенной невѣстой. О преслѣдованіи ихъ и думать нечего: корабли всѣ продырявлены.

Передъ нами разсказъ о похищенной красавицѣ—столь распространенный мотивъ въ средневѣковой эпикѣ. Вспомнимъ только о средненѣмецкомъ эпосѣ «Гудруна», съ которымъ наша сага, кромѣ общаго мотива, еще имѣетъ одну общую подробность: порча кораблей. Вообще нашъ разсказъ составленъ исключительно изъ заимствованныхъ чертъ: 1) сказаніе о Бровальскомъ побоищѣ; 2) фабліо о Боси и дочери бонда; 3) подражаніе повѣствованію о первой поѣздкѣ Боси въ Біармаландъ; 4) арфа, въ которой прячется человѣкъ; 5) игра, при которой всѣ начинаютъ плясать; помимо общераспространеннаго мотива въ этомъ мѣстѣ несомнѣнно сохранились и слѣды подлинной традиціи; 6) порча кораблей.

Если принять во вниманіе планъ нѣмецкаго эпоса, то за похищеніемъ красавицы еще слѣдовало большое сраженіе. Исправивъ корабли, король, потерявшій свою дочь, пускается въ догоню за врагами; тогда происходитъ кровопролитный бой. Вѣроятно, составитель, присочинившій вторую часть нашей саги, придерживался такого же плана. Въ концѣ саги мы дѣйствительно находимъ генеральное сраженіе, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ лица. Сраженіе происходитъ на морѣ, какъ и слѣдовало ожидать. Но плодовитая фантазія исландскаго разсказчика пользовалась каждымъ поводомъ для изобрѣтенія новыхъ приключеній. Все время шла рѣчь о сестрѣ короля Годмунда; но по типичной генеалогіи древнесѣверныхъ сагъ король Біармаланда Гарекъ имѣлъ дочь-красавицу. Ея судьбѣ посвященъ уже новый разсказъ. Уѣзжая отъ Годмунда, Боси проѣзжаетъ мимо Біармаланда. Отмѣтимъ ту важную черту, что страна Годмунда расположена за Біармаландомъ, если ѣхать изъ Норвегіи [1]). Боси и Герраудъ выходятъ на берегъ и опять проводятъ ночь въ хижинѣ бонда. Боси забавляется съ дочерью послѣдняго и сговаривается съ ней,

---

[1]) Ср. Босасагу, стр. 62. Боси, сдѣлавшись королемъ Біармаланда, ѣдетъ—austr á Glæsisvöllu.

какъ увести дочь короля. Онъ даетъ ей три золотыхъ орѣха для того, чтобы она ими могла заманить въ лѣсъ царевну, говоря ей, что въ лѣсу есть цѣлая роща съ золотыми орѣхами. Когда царевна приходитъ въ лѣсъ въ сопровожденіи одного слуги Скалька [1]), то побратимы увозятъ ее на корабль, убивъ предварительно Скалька. Сага упоминаетъ еще о томъ, что Скалькъ былъ кастратомъ— geldingr. Отсутствіе другихъ подробностей и нѣкоторая скудость разсказа указываетъ на позднее его происхожденіе въ сравненіи съ другими частями саги. Не будемъ останавливаться на подробностяхъ боя, происходившаго въ Гаутландѣ. Понятно, Боси и Герраудъ остаются побѣдителями, а король Біармаланда падаетъ. Боси, женившись на его дочери, становится его преемникомъ. Сага заканчивается совершенно неожиданной прибавкой о змѣѣ, который вышелъ изъ яйца, привезеннаго Боси изъ Біармаланда, и котораго поборолъ впослѣдствіи Рагнаръ Лодброкъ. Такъ какъ въ интерполяціи о Бровальскомъ побоищѣ имѣется ссылка на сагу о Сигурдѣ Рингѣ, отцѣ Рагнара, то вѣроятно эти комбинаціи были сдѣланы одновременно или по крайней мѣрѣ въ зависимости другъ отъ друга.

Для меня стало совершенно яснымъ, что Босасага состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ вторая является подражаніемъ первой. Чтобы не возвращаться больше къ общему плану саги, остановимся только на двухъ отдѣльныхъ мѣстахъ. Сличая всѣ три повторенія извѣстнаго фабліо между собой, можно притти къ заключенію, что первоначально это фабліо разсказывалось только одинъ разъ. Второе повтореніе само по себѣ уже неумѣстно. Когда Боси отправляется разыскивать Лейду, то отецъ его и Бусла снабжаютъ его всѣми необходимыми совѣтами [2]). Такимъ образомъ вмѣшательство дочери бонда является вполнѣ излишней. Іиришекъ [3]) не считаетъ возможнымъ признать въ этомъ троекратномъ повтореніи обычную тригеминацію

---

[1]) См. выше стр. 188, примѣчаніе 1.

[2]) Стр. 37—8.

[3]) Стр. LIII—LV.

дѣйствія, но видитъ въ немъ подражаніе одному первообразу—Parallelnachbildung einer ursprünglich nur einmal erzählten Scene.—Въ первоначальномъ составѣ нашей саги, т.-е. въ первыхъ ея девяти главахъ, не нужны были—Годмундъ, Ререкъ, Сиггейръ и Эдда. Эти лица выступаютъ только въ тѣхъ частяхъ саги, которыя возникли позже. Однако редакторъ саги позаботился о томъ, чтобы ввести ихъ уже раньше. Получилась интерполяція [1]). Боси пріѣзжаетъ въ Біармаландъ: Kvómu undir Bjarmaland ok lögđu undir einn eyđiskóg. Затѣмъ перечисляются необходимые персонажи и разсказъ возвращается къ уже отмѣченному моменту: þeir vóru komnir undir Bjarmaland ok þann skóg, er Vínuskógr heiter.

Древнѣйшій видъ нашей саги нуждался только въ королѣ Біармаланда и его дочери. Гарекъ встрѣчается въ сагѣ о Гальфданѣ, сынѣ Эйстейна и въ интерполяціи Орваръ-Оддсаги [2]); дочь его Эдда въ сагѣ о Гальфданѣ называется Eđny. Но вотъ къ первымъ девяти главамъ нашей саги присоединяется второй разсказъ о похищеніи невѣсты со свадебнаго пира. Для устройства свадьбы нужны двѣ семьи; тогда въ сагу былъ привлеченъ Годмундъ, сосѣдъ Гарека. Кто долженъ былъ преслѣдовать Боси—Годмундъ или Гарекъ? По моему мнѣнію, только Гарекъ. Годмундъ всегда ощущался, какъ миѳическое лицо, какъ властелинъ такого царства, которое лежитъ въ сторонѣ отъ земель, обитаемыхъ простыми смертными, и потому было бы странно, если бы Годмундъ пріѣхалъ въ Гаутландъ сражаться съ Боси. Итакъ, только Гарекъ могъ пріѣхать въ Гаутландъ. Вообще съ Годмундомъ, миѳическимъ лицомъ, нельзя было такъ свободно обращаться, какъ съ Гарекомъ. Вѣроятно, составитель саги стѣснялся также приписать ему особую родню: онъ далъ ему только сестру—Лейду, о которой, кстати сказать, нигдѣ нѣтъ упоминанія. Но разъ составитель саги не осмѣливался выдумать для Годмунда

[1]) Стр. 21.
[2]) L., стр. 126.

семью и дѣтей, то роль жениха перешла опять же къ сосѣду, т.-е. къ сыну Гарека. Такимъ образомъ создались лица, участвовавшие во второй части саги. Они явились результатомъ свободной комбинацiи исландскаго разсказчика. Послѣ этой комбинацiи Эдда, дочь Гарека, осталась внѣ всѣхъ приключенiй. Это обстоятельство дало толчекъ къ послѣднему распространенiю нашей саги, къ разсказу о похищенiи Эдды. Въ этомъ разсказѣ нѣтъ никакихъ древнихъ чертъ, какъ заклинанiе Буслы или игра Боси; вмѣстѣ съ тѣмъ упоминанiе золотыхъ орѣховъ и слуги-евнуха указываетъ на романтическiе мотивы, занесенные съ юга.

Кромѣ этого древняго вида Босасаги имѣются еще рукописи XVII и XVIII вв., которыя передаютъ болѣе новую, значительно измѣненную версiю нашей саги. Передѣлка эта врядъ ли старше XVII в. Передѣлыватель не только отъ себя прибавлялъ новыя приключенiя, онъ вычеркивалъ и то, что ему казалось лишнимъ. Такъ я объясняю себѣ то обстоятельство, что въ этой болѣе молодой версiи только одинъ разъ разсказывается о приключенiи Боси съ дочерью бонда, и отсутствiе разсказа о похищенiи Эдды. Что касается Бiармаланда, то передѣлыватель внесъ свои догадки: двинскiй лѣсъ замѣненъ миѳическимъ Myrkviskógr; къ чудовищамъ, стерегущимъ храмъ, онъ прибавилъ еще 12 великановъ и 12 вѣдьмъ; а яйцо имъ было понято какъ символъ жизни главной жрицы. Итакъ, эта послѣдняя переработка Босасаги столь же мало даетъ для нашего сюжета, какъ и болѣе раннiя, т.-е. ровно ничего. Для насъ же важно было доказать, что уже за древней Босасагой кроется еще болѣе простая версiя.

XXXV.

Стурлаугсага [1]).

Эта сага принадлежитъ къ тѣмъ произведенiямъ исландской литературы, которыя болѣе чѣмъ другiя саги того же

---

[1]) Sturlaugssaga starfsama. Fas. III, стр. 592—647.

рода приблизились къ типу сказокъ. Стоитъ только присмотрѣться къ тѣмъ многочисленнымъ и пространнымъ повтореніямъ, которыя являются отличительнымъ признакомъ и общепринятымъ пріемомъ сказокъ. Такъ въ самомъ началѣ саги три молодца сватаются за красавицу Асу: Стурлаугъ, король Гаральдъ и витязь Коль; въ результатѣ получилось три почти однородныхъ главы [1]). Соперничанье этихъ трехъ жениховъ ведетъ къ единоборству съ послѣднимъ, т.-е. съ Колемъ: сперва борется мужъ короля Гаральда, но погибаетъ; потомъ Стурлаугъ, который и побѣждаетъ Коля. Мало того, братъ Коля Фрамаръ хочетъ отомстить за своего родственника. Такимъ образомъ описывается поединокъ, изъ котораго Стурлаугъ тоже выходитъ побѣдителемъ. Такое превосходство Стурлауга объясняется содѣйствіемъ и совѣтами Вефрейи, которая въ этой сагѣ играетъ роль доброжелательной колдуньи. У ней въ молодые годы выросла Аса и поэтому она благоволитъ къ ея супругу Стурлаугу [2]). Для борьбы съ Колемъ она даритъ Стурлаугу особенный чудодѣйственный мечъ [3]). Противъ Фрамара она высылаетъ своего воспитанника—Svipuđr [4]), Еще въ третій разъ ей приходится помочь Стурлаугу. Правда, только указаніемъ, какъ и гдѣ узнать о чудесномъ рогѣ, за которымъ его послалъ король Гаральдъ [5]). Во время этой поѣздки происходитъ между прочимъ слѣдующее: ставъ на ночь на якорь въ какомъ то заливѣ [6]) на сѣверѣ за Финмаркомъ, витязи условливаются сторожить поочередно: сперва Аки, потомъ Фрамаръ, наконецъ Стурлаугъ. Когда всѣ заснули, Аки на лодкѣ подъѣзжаетъ къ берегу. Тамъ онъ встрѣчается съ вѣдьмой Torfa=торфяная глыба. Она проситъ его перевести ее на ближайшій островъ, гдѣ

---

[1]) Главы 3, 5 и 6.

[2]) Глава II, стр. 594.

[3]) Глава IX.

[4]) Глава XI.

[5]) Глава XV.

[6]) Сага знаетъ два названія, но оба одинаково неопредѣленны: Austrvik = восточный заливъ и Vazvik (Vastuvik) у Vaznes = водяной заливъ у водянаго мыса (vaz вмѣсто vatns родительный падежъ отъ vatn = вода).

отецъ ея оставилъ много богатства, которое должно быть раздѣлено между тремя сестрами. Она же хочетъ прибыть на островъ раньше своихъ сестеръ и за это обѣщаетъ доставить Аки попутный вѣтеръ въ теченіи двухъ дней. Аки соглашается на это условіе и перевозитъ вѣдьму на островъ. То же самое случается и съ Фрамаромъ: къ нему приходитъ вторая сестра Гильда [1]). Повторяется слово въ слово разсказъ о встрѣчѣ Аки съ Торфой. Только третья встрѣча представляетъ нѣкоторое разнообразіе. Вѣдьма Hornnefja= рогоносая или Hrútnefja=бараній носъ, хочетъ видѣть его товарища Рольфа, но устроивъ имъ свиданіе, Стурлаугъ замѣчаетъ, что вѣдьма собирается причинить ему вредъ, и поэтому спѣшитъ обезвредить, т.-е. убить ее. Въ виду этого неожиданнаго и непонятнаго оборота разсказа островъ и отцовское наслѣдіе забыто, и объ участи послѣдняго мы такъ ничего и не узнаемъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе на созвучіе именъ: Hornnefja, Hrútnefja и даже Hrónefja ищетъ свиданія съ Hrólfr nefja [2]).

Характеръ нашей саги, надѣюсь, уже достаточно выяснился. Къ тому же взгляду приводятъ насъ и наблюденія надъ собственными именами. Поэтому, искать какой-нибудь исторической основы за разсказомъ о Біармаландѣ, было бы вполнѣ празднымъ трудомъ. Два раза Стурлаугъ отправляется въ Біармаландъ, но собственно только первая поѣздка органически связана съ планомъ саги. Какъ уже сказано, Стурлаугъ и король были соперниками. Но король былъ вдовцомъ и при томъ уже немолодымъ [3]). Его сватовство вѣнчается успѣхомъ лишь благодаря тѣмъ жестокимъ условіямъ, которыя ставитъ король Гаральдъ: либо отецъ Асы выдастъ за него свою дочь, либо онъ будетъ убитъ на мѣстѣ [4]). Но вотъ Коль вызываетъ короля на

---

[1]) Стр. 630 она же подразумѣвается подъ названіемъ Grímhildr или Hrímhildr.

[2]) Глава XVI, стр. 618—622.

[3]) hann gerđist nú svá mjök gamall ok varđ hann hryggr viđ líflát hennar, т.-е. первой жены, стр. 596.

[4]) Kónungr gerđi tvo Kosti, at festa honum dóttur sína elligar mundi hann þar drepinn í stađ, стр. 596—7.

единоборство, и послѣдній ввиду своего преклоннаго возраста обращается за помощью къ Стурлаугу. «Откажись въ мою пользу отъ обѣщанія, которое ты получилъ отъ отца Асы, потому что даромъ я не намѣренъ оказать тебѣ такую услугу», говоритъ тогда Стурлаугъ [1]). Устранивъ такимъ образомъ короля и убивъ второго соперника Коля, Стурлаугъ женится на Асѣ, которая была очень довольна своей судьбой [2]).

Итакъ, точкой отправленія нашей саги является сватовство къ Асѣ; отсюда ведется и нить послѣдующаго разсказа. Король, понятно, золъ на Стурлауга, хотя послѣдній и спасъ его честь. Потеря обѣщанной ему невѣсты побуждаетъ короля къ коварной мести. Когда Стурлаугъ возвращается со своего второго поединка съ Фрамаромъ, то король уже привелъ свою месть въ исполненіе: пламя охватило все жилище Ринга [3]). Къ счастью дочери Ринга и всѣмъ его людямъ удалось спастись черезъ подземный ходъ въ лѣсъ [4]). Стурлаугъ называетъ короля и жестокимъ, и коварнымъ [5]), но король отвѣчаетъ, что ему нечего бояться его гнѣва [6]). Онъ грозитъ преслѣдовать Стурлауга до тѣхъ поръ, пока онъ не принесетъ ему рогъ Urarhorn. «Хотя мнѣ вовсе не слѣдовало бы предпринимать эту поѣздку, тѣмъ не менѣе я рискну даже своей жизнью, чтобы исполнить ту трудную задачу, которую ты на меня возложилъ» [7]). Когда Стурлаугъ достаетъ рогъ изъ Біармаланда, то король не только не обрадовался его успѣху, но напротивъ, такъ надулся отъ злости, что не могъ выговорить ни одного слова [8]). Очевидно онъ разсчитывалъ

[1]) sel mér í hendr festar þær, er þú tókst af Hringi jarli, þvì þat mun eigi Kauplaust, стр. 603.

[2]) þá fagnar 'Asa þeim vel, стр. 604.

[3]) logi leikr um allt.

[4]) menn gánga neđan or jörđu í rjóđri einu, стр. 616.

[5]) þú ert bæđi huglaus ok lymskr...

[6]) eigi hirđí ek um illmæli þín...

[7]) ófallit er at ek fari sendiför þína, segir hann, en allt hvat þú þikkist þungt fyrir mik leggja, þá skal ek lífinu voga, стр. 616.

[8]) Konúngr sat í hásæti sínu, bólginn af reiđi, svá hann mátti eigi orđ mæla, стр. 630.

на то, что Стурлаугъ погибнетъ при розыскахъ рога. Стурлаугъ же, не слыша привѣтствія отъ короля, бросилъ ему рогъ въ лицо, такъ что кровь брызнула у короля изъ носу и четыре зуба вылетѣло изо рта. Затѣмъ Стурлаугъ уже переселяется въ Швецію и больше уже никогда не встрѣчается съ королемъ Гаральдомъ. Здѣсь уже начинается не только новая эпоха въ жизни героя, но и совсѣмъ другой строй саги.

Только что изложенный разсказъ представляетъ собой настолько цѣльную и послѣдовательную композицію, что не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что передъ нами первоначальныя основныя черты оригинальной саги. Къ этой основѣ принадлежитъ и поѣздка въ Біармаландъ за чудеснымъ рогомъ. Разсказъ о ней впослѣдствіи былъ разукрашенъ самыми причудливыми подробностями, но съ самаго начала входилъ въ планъ саги. Этотъ планъ на первый же взглядъ напоминаетъ намъ обычную сказочную схему: король разгнѣванъ молодцомъ и отправляетъ его для искупленія своей вины за тридевять земель для добыванія какой-нибудь единственной въ мірѣ вещи. Такъ Боси отправлялся въ Біармаландъ за чудеснымъ яйцомъ. Сынъ императора въ Конрадсагѣ [1]) ѣдетъ къ островамъ мавровъ— Blalandz eyiar и далѣе въ змѣинное царство за драгоцѣннымъ смарагдомъ. Исландецъ Торстейнъ, живя у короля Гаральда Жестокаго, за свое любопытство подвергается наказанію; онъ также долженъ отправиться въ змѣиное царство — ormabæli, чтобы тамъ достать рукоятку для кинжала [2]). Но эти саги имѣютъ только общій планъ; во всѣхъ подробностяхъ онѣ расходятся между собой. Даже Босасага и Стурлаугсага, обѣ пріурочившія дѣйствіе къ Біармаланду, въ деталяхъ вполнѣ независимы другъ отъ друга.

Посмотримъ теперь, какъ Стурлаугъ справился со своей задачей. Сперва необходимо узнать, гдѣ находится этотъ самый рогъ. Стурлаугъ по очереди спрашиваетъ близкихъ

---

[1]) FSS, стр. 68 сл., главы 9 и 10.

[2]) Flateyjarbok III, стр. 431—2.

ему женщинъ, но Аса отсылаетъ его къ Вейфрейи, послѣдняя къ своей сестрѣ Ярнгердѣ, та же опять къ Снелаугѣ, женѣ короля Гундингаланда Гундольфа [1]). Эта страна не нашла себѣ мѣста на картѣ: по описанію саги она расположена между Финмаркомъ и Біармаландомъ; на самомъ же дѣлѣ она просто выдумана и прозвана въ память эддическаго Гундинга, который понятно былъ извѣстенъ любому сказителю сагъ. Имя Snælaugr разумѣется подражаніе имени Sturlaugr. Первая часть snæ=снѣгъ возникла подъ вліяніемъ представленія о мѣстѣ жительства Снелауги на крайнемъ сѣверѣ.

Стурлаугъ бросаетъ якорь въ потаенномъ заливѣ— leynivog, расположенномъ въ свою очередь въ отдаленномъ фіордѣ—leynifjörðr. Втроемъ съ Аки и Фрамаромъ онъ выходитъ на берегъ и пробирается черезъ густой лѣсъ. Затѣмъ они видятъ большое поселеніе, замокъ и укрѣпленіе [2]). У входа въ замокъ стояло два сторожа: щеки ихъ срослись съ грудью, и кромѣ того, они лаяли по собачьи [3]). Эта подробность такъ близко подходитъ къ одному мѣсту у Адама Бременскаго, что несомнѣнно предполагаетъ какую-нибудь связь съ его исторіей [4]).—Убивъ сторожей, мужи проникаютъ въ замокъ, и въ одномъ изъ помѣщеній застаютъ много женщинъ, среди которыхъ своей красотой выдается царица. Послѣ нѣкотораго препирательства она разсказываетъ имъ, гдѣ они могутъ найти чудесный рогъ. Пусть только Стурлаугъ одинъ войдетъ тамъ во дворъ и пусть хватаетъ рогъ не голыми руками, такъ какъ онъ весь полонъ ядовитымъ и заколдованнымъ веществомъ [5]). Еще она предсказываетъ имъ, что имъ всѣмъ грозитъ неминуемая гибель. Дѣйствительно, въ зало врываются гундинги и берутъ ихъ въ плѣнъ послѣ отчаяннаго сопротивленія. Ихъ раздѣваютъ и истязаютъ, а затѣмъ

---

1) Стр. 617 король по ошибкѣ названъ Рольфомъ.

2) mörg ok stór hérud, borgir ok kastala...

3) var haka þeirra gróin í bringuna, þeir gjölltu sem hundar. Стр. 623.

4) См. выше стр. 47.

5) þat er fullt af eitri ok fjölkyngi...

уводятъ въ лѣсъ и запираютъ въ пещеру. Тамъ они должны умереть съ голоду. Вражда гундинговъ объясняется вѣроятно тѣмъ, что Аки, входя въ зало, ни съ того ни съ сего обнялъ и поцѣловалъ царицу. Хотя они были лишены всего, но Стурлаугу удалось сохранить при себѣ иглу — dragnál, которую подарила ему вѣдьма Hornnefja; игла эта увеличивалась по желанію владѣльца. Такъ Стурлаугъ и теперь приказалъ иглѣ увеличиться до чудовищныхъ размѣровъ и раздробилъ ею камень, наваленный гундингами противъ выхода изъ пещеры. Стурлаугъ такимъ образомъ освободился изъ плѣна гундинговъ. Теперь онъ зналъ, куда ѣхать.

Стурлаугъ направляется прямо къ цѣли своей поѣздки, т.-е. въ Біармаландъ и вверхъ по рѣкѣ Двинѣ [1]). На западномъ берегу рѣки они увидѣли плоскую равнину, а на ней храмъ — hof — такой блестящій, что свѣтъ сіялъ по всей равнинѣ; храмъ былъ сооруженъ изъ золота и камня [2]). Если обратить вниманіе на выраженія vellir и allglæsiligt, встрѣчающіяся въ этомъ описаніи, то намъ станетъ ясно, что здѣсь имѣется въ виду мѣстность Glæsisvellir. Въ самомъ храмѣ передъ истуканомъ Тора Стурлаугъ увидѣлъ—рогъ. Въ храмѣ находилось 60 женщинъ; одна изъ нихъ была главной жрицей—hofgyđja—и даже своей внѣшностью и ростомъ отличалась отъ другихъ. Стурлаугъ преодолѣлъ всѣ препятствія: перепрыгнувъ черезъ рвы, наполненные ядомъ, перелѣзши черезъ камни, загораживающіе дорогу, схватилъ рогъ и тотчасъ же удалился. Жрица едва успѣла опомниться: она взмахнула было обоюдоострымъ мечемъ, изъ острія котораго исходилъ какъ бы огонь и злостно оскалила на него зубы. Но когда Стурлаугъ уже возвращался, то Рольфъ (Hrólfr nefja) вдругъ вбѣжалъ въ храмъ и хотѣлъ стащить золотую дощечку—tafl [3]). Жрица,

---

[1]) framan at ánni Vínu... стр. 626.

[2]) þeir sjá á landit upp fyrir vestan ána, at þar voru sléttir vellir ok þar var hof allglæsiligt, svá at ljóma þótti um alla völluna, þvíat þat var með gúlli buit ok steinum. Тамъ же.

[3]) Эта дощечка очевидно служила для игры, которая соотвѣтствовала нашимъ шахматамъ. Эта игра упоминается уже въ пѣснѣ Волуспо: въ

схвативъ его за куртку, подбросила его на воздухъ такъ сильно, что онъ испустилъ духъ, сломавъ при паденіи себѣ спину. Затѣмъ жрица пускается вслѣдъ за Стурлаугомъ. При этомъ на ея крикъ со всѣхъ сторонъ изъ лѣсу выбѣгаютъ біармійцы. Между жрицей и Стурлаугомъ начинается бой, въ которомъ послѣдній убиваетъ жрицу. Біармійцы преслѣдуютъ Стурлауга до самаго корабля и затѣмъ еще собираются слѣдовать за норманами по морю. Но Стурлауга спасаетъ попутный вѣтеръ, который обѣщалась прислать вѣдьма Гильда. Такъ кончается первая поѣздка Стурлауга въ Біармаландъ.

На разсказъ о второй поѣздкѣ я не могу смотрѣть иначе, чѣмъ какъ на слабое отраженіе предыдущаго. Тѣмъ не менѣе дѣло представляется такъ, какъ будто Стурлаугу дѣйствительно необходимо было повторить свою поѣздку. Во-первыхъ, гундинги остались ненаказанными за свое дерзкое нападеніе; равно и съ біармійцами еще не совсѣмъ расплатились; наконецъ, Стурлаугъ оставилъ въ Біармаландѣ свое копье, подарокъ вѣдьмы Hornnefja, которое застряло въ тѣлѣ убитой имъ жрицы. Вотъ на этихъ то предположеніяхъ составитель нашей саги и построилъ второй эпизодъ о Біармаландѣ. Когда Стурлаугъ уже поселился въ Швеціи, онъ предпринялъ второй свой походъ, взявъ съ собой много народу. Въ Біармаландѣ они все сжигаютъ и грабятъ, и совершаютъ тамъ полное опусто-

---

началѣ міра боги забавлялись этой невинной игрой—teflþo í túni, teitir uóro (строфа 8); затѣмъ когда послѣ свѣтопреставленія начинается новая, вѣчно блаженная жизнь, боги находятъ въ травѣ свои доски и вновь принимаются за игру:

> þar muno eptir
> undrsamligar
> gullnar tǫflor
> í grasi finnaz,
> þa érs í árdaga
> áttar hǫfþo (строфа 58).

Немудренно, что доски попали и въ сагу. Популярность этой игры подтверждается и археологическими находками; даже въ могилахъ были найдены доски.

шеніе [1]). Затѣмъ происходитъ большое сраженіе. Біармійцами предводительствуетъ ихъ король Рудольфъ—Röndólfr или Roðólfr. Сама битва описывается весьма наглядно: много толстыхъ щитовъ тамъ было раздроблено, много броней разбито, много копій сломано, много мечей разлетѣлось въ куски, и многіе обезглавленные упали на земь [2]). Битва кончается тѣмъ, что Рудольфъ убитъ, и весь Біармаландъ становится подвластнымъ Стурлаугу. Затѣмъ онъ находитъ и подарокъ вѣдьмы Hornnefja и вообще беретъ съ собой много драгоцѣнностей.

Такъ же Стурлаугъ поступаетъ и въ странѣ гундинговъ. Всѣ селенія опустошаются до тѣхъ поръ, пока король Гундольфъ не выступаетъ ему на встрѣчу съ большимъ войскомъ. Разсказъ теперь останавливается на богатырскихъ подвигахъ самаго Стурлауга. Онъ по нѣсколько разъ проходитъ сквозъ строй враговъ, раздавая удары направо и налѣво; обѣ руки у него были въ крови по самыя плечи. Наконецъ, онъ набрасывается на самого короля и разсѣкаетъ его вмѣстѣ съ конемъ на двѣ части, такъ что мечъ вонзился въ самую землю. Послѣ блестящей побѣды Стурлаугъ возвращается въ Швецію, взявъ съ собой и жену Гундольфа—Снелаугу.

Въ разсказѣ о второй поѣздкѣ совсѣмъ отсутствуетъ фантастическій элементъ, за то слогъ напоминаетъ воинственныя повѣствованія историческихъ сагъ. Мнѣ кажется, что составитель саги, не чувствуя за собой основы сказки, намѣренно сталъ придерживаться такого историзирующаго слога. Одной явной выдумки онъ однако никакъ не могъ скрыть: Рудольфъ=Röndólfr придумано въ зависимости отъ Hundólfr.

Разсказъ саги еще разъ возвращается къ Біармаланду, и опять мы чувствуемъ, какъ скудная фантазія составителя

---

[1]) brenna þar allt ok bræla sem þeir mega; þeir gerðu hvert illvirki at öðru. Стр. 631.

[2]) þar mátti sjá marga þykkva skildi klofna, en brynjur höggnar, höggspjót af sköptum brotin, ok sundr sverðin, en margan höfuðlausan til jarðar hníga. Стр. 631—2.

только повторяетъ уже исчерпанные мотивы. Въ праздникъ іола Стурлаугъ даетъ странный обѣтъ: ему хочется во что бы то ни стало узнать, откуда произошелъ чудесный рогъ. Возникаетъ такимъ образомъ вторая задача, весьма сходная съ той, которую предложилъ Стурлаугу король Гаральдъ. Вотъ какъ Стурлаугъ добивается желанныхъ свѣдѣній. Какъ во всѣхъ затрудненіяхъ онъ и тутъ обращается къ Вейфрейѣ. По ея указанію Стурлаугъ отправляетъ Фрости = морозъ въ Финмаркъ. Тамъ царствуетъ король Snær = снѣгъ; его дочь зовется Mjöll = свѣжій, только что выпавшій снѣгъ. Фрости вручаетъ Міоллѣ дощечку — Kefli, на которой Стурлаугъ вырѣзалъ письмо: онъ проситъ Міоллу пріѣхать въ Швецію и стать его женой. Послѣдняя дѣйствительно соглашается уѣхать вмѣстѣ съ Фрости въ Швецію. Тутъ однако Стурлаугъ уговариваетъ самого Фрости жениться на Міоллѣ. Бъ брачную ночь онъ долженъ спросить ее о происхожденіи рога. Она такимъ образомъ разсказываетъ о большой голодовкѣ, господствовавшей когда то въ Біармаландѣ. Тогда приносили жертву звѣрю 'Urr: ему бросали въ пасть золото и серебро и этимъ вскормили его такъ, что этотъ звѣрь сталъ злѣйшимъ и страшнѣйшимъ изъ всѣхъ звѣрей. Онъ пожиралъ и людей, и скотъ и опустошилъ всю область къ западу отъ Двины [1]). Король Гаральдъ прибылъ въ это время въ Біармаландъ съ намѣреніемъ убить это чудовище. При этомъ ему помогаетъ женщина Goðríðr. Она является къ Гаральду ночью и даетъ ему совѣтъ гнать чудовище къ берегу и въ море; въ водѣ же она сама расправится съ нимъ. Въ награду за свое содѣйствіе она требуетъ рогъ — horn er stendr fram or höfðinu. Таковъ разсказъ Міоллы о происхожденіи рога. Какъ только Стурлаугъ успѣлъ подслушать этотъ разсказъ, онъ велѣлъ тотчасъ же поджечь ихъ спальню. Такъ Фрости и Міолла сгорѣли; остались одни холодные угли. Эта внезапная, ничѣмъ не мотивированная расправа могла притти

---

[1]) eyddi allt fyrir vestan ána Vinu. (Стр. 637). Эта подробность подтверждаетъ наше предположеніе о томъ, что только восточный берегъ Двины былъ населенъ. См. выше, стр. 55, примѣчаніе 5.

въ голову разсказчика уже благодаря именамъ пострадавшихъ: «Морозъ» и «Снѣгъ» не могли умирать ествественной смертью; ихъ уничтожало пламя. Это стихійное значеніе обоихъ лицъ проглядываетъ и въ другомъ мѣстѣ разсказа: когда Фрости и Міолла бѣгутъ изъ Финмарка, то «Морозу» приходится держаться за кушакъ «Снѣга»; она неслась такъ быстро, что онъ весь былъ охваченъ вѣтромъ [1]). Кромѣ прозрачности этихъ олицетвореній въ этомъ разсказѣ насъ поражаетъ непослѣдовательность въ поведеніи Стурлауга: сперва онъ выписываетъ Міоллу, а затѣмъ заставляетъ Фрости жениться на ней. И многое еще остается неяснымъ. Откуда то вдругъ берется Годрида; въ другомъ мѣстѣ, насколько мнѣ извѣстно, она не встрѣчается. Можетъ быть, имя Годриды придумано въ зависимости отъ Годмунда, который жилъ по сосѣдству съ Финмаркомъ. Что касается чудеснаго звѣря, то также трудно опредѣлить его видъ. Древнесѣверное úrr и древненѣмецкое ûr очевидно находится въ связи съ санскритскимъ usrá=бықъ. По описанію однако выходитъ такъ, что этотъ быкъ обладалъ только однимъ рогомъ. Не отразился ли въ этомъ представленіи образъ единорога, столь популярнаго въ средневѣковыхъ легендахъ? Впрочемъ, разобранный только что разсказъ навѣрно не принадлежалъ къ первоначальному составу саги: онъ отсутствуетъ въ главной рукописи и въ стихотворномъ пересказѣ, который во всемъ остальномъ совпадаетъ съ планомъ саги [2]).

Остаются два разсказа о Біармаландѣ, изъ которыхъ опять, какъ и въ Босасагѣ только первый оказался оригинальнымъ. Но въ немъ мы находимъ только отголосокъ историческаго Біармаланда. Такія сказки повсюду слагались подъ вліяніемъ воспоминаній о реальныхъ отношеніяхъ прошлыхъ временъ. Кто не знаетъ тѣхъ многочисленныхъ средневѣковыхъ поэмъ, повѣствующихъ о поѣздкахъ въ Константинополь, Св. Землю и на востокъ вообще и отразившихъ въ себѣ крестовые походы? Кто не вспоминаетъ

---

[1]) hann þottist vindfullr verđa svá fór hún hart. Стр. 639.

[2]) Іонсонъ, II т., стр. 823.

о нашихъ южнорусскихъ былинахъ съ ихъ походами на Царьградъ, основанныхъ также на преданіяхъ глубокой старины? Принимая во вниманіе эту связь сказки съ исторіей, кто станетъ отрицать значеніе фантастическаго Біармаланда, служащаго существеннымъ дополненіемъ къ фактическимъ разсказамъ [1])?

---

[1]) Въ рукописи А. Орваръ-Оддсаги, относящейся къ XV вѣку, находится интерполяція, въ которой сдѣлана попытка еще разъ возвратиться къ разсказу о Біармаландѣ. Біармійцы вздумали отомстить Одду за его первую поѣздку. Они заставляютъ своего короля Гарека прижить сына съ великаншей и высылаютъ его противъ Одда (L., стр. 126). Если бы болѣе древніе списки Орваръ-Оддсаги были утрачены, то мы объ этой интерполяціи могли бы судить только путемъ критическаго разбора, также какъ намъ пришлось сдѣлать съ другими сагами, списки которыхъ значительно моложе рукописей Орваръ-Оддсаги. Такъ рукопись S Орваръ-Оддсаги относится къ началу XIV вѣка, а рукопись M ко второй половинѣ того же вѣка, но древнѣйшіе списки, напримѣръ, Босасаги никакъ не могутъ быть древнѣе XV вѣка. Относительно рукописей другихъ разобранныхъ нами сагъ еще не было произведено точныхъ изслѣдованій.

Изъ Исторіи Саксона Грамматика.

XXXVI.

Объ источникахъ Саксона.

Саксонъ Грамматикъ (т. е. ученый) родился въ 1140 г. и служилъ секретаремъ у епископа въ Роскильде Абсалона. Послѣ смерти послѣдняго онъ сталъ пробстомъ въ той же мѣстности и умеръ въ этомъ санѣ въ 1206 г. Вышеназванный епископъ всячески заботился о просвѣщеніи своего народа [1]) и между прочимъ лелѣялъ мысль о собраніи всѣхъ датскихъ преданій въ одну связную исторію. Всѣ, къ которымъ онъ обращался за помощью, отказывались оказать ее ему изъ-за трудности этой задачи. Тогда выборъ его палъ на Саксона, который скромно называетъ себя послѣднимъ изъ его сотрудниковъ [2]). Эта литературная попытка казалась трудно выполнимой, такъ какъ латинскій языкъ былъ весьма мало извѣстенъ, потому что сравнительно недавно въ Даніи стали исповѣдывать христіанскую вѣру. Когда же по мѣрѣ успѣховъ новаго ученія упрочился латинскій языкъ, то лѣность оказалась столь же роковой какъ прежнее невѣжество [3]).

Саксонъ самъ даетъ отчетъ о своихъ источникахъ. Они двоякаго происхожденія: датскіе и исландскіе. Каждая группа

---

[1]) Краснорѣчиво объ этомъ свидѣтельствуетъ Саксонъ въ своемъ предисловіи, стр. 3—6.

[2]) Mihi comitum suorum extremo, cæteris operam abnuentibus, res Danicas in historiam conferendi negotium intorsit. Стр. 1—2.

[3]) Quæ (i. e. Daniae) nuper publicis initiata sacris, ut religionis ita Latinæ quoque vocis aliena torpebat. At ubi cum sacrorum ritu Latialis etiam facultas accessit, segnities par imperitiæ fuit... стр. 2.

въ свою очередь располагается на письменные и устные. Изъ устныхъ свидѣтелей Саксонъ по имени называетъ только одного—своего покровителя епископа. Саксонъ сознается, что онъ отъ епископа узналъ какъ и о собственныхъ его дѣлахъ, такъ и то, что епископу извѣстно было о жизни другихъ дѣятелей [1]). Мнѣ кажется, что эти другіе дѣятели могли быть только современники или близкіе предшественники епископа. Его свидѣтельство поэтому врядъ ли слѣдуетъ принимать въ разсчетъ при разборѣ содержанія первыхъ девяти книгъ исторіи Саксона. За то для этихъ доисторическихъ временъ несомнѣнно самымъ важнымъ источникомъ являются древнія народныя пѣсни о дѣяніяхъ предковъ. Саксонъ переводилъ ихъ—строка за строкой и клалъ ихъ въ основу своего повѣствованія. Такимъ образомъ онъ увѣренъ, что его исторія отнюдь не какая нибудь свѣжая выдумка, но, наоборотъ, является какъ бы продуктомъ далекаго прошлаго [2]). Что касается письменныхъ свидѣтельствъ, то Саксонъ упоминаетъ о надписяхъ, вырѣзанныхъ на камняхъ и скалахъ датскимъ алфавитомъ—linguæ suæ litteris. Саксонъ несомнѣнно зналъ о существованіи руническихъ надписей, но очевидно преувеличилъ ихъ значеніе, а также и выдалъ малое свое знакомство съ ними. Такое впечатлѣніе мы выносимъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Саксонъ говоритъ о надписяхъ. Весьма сомнительно, чтобы Саксонъ изъ руническихъ надписей извлекъ что нибудь существенное для своего труда. Затѣмъ Саксонъ упоминаетъ о томъ, что датчане составляли также разсказы о подвигахъ предковъ, и хвалитъ изысканное ихъ изложеніе, которое сравниваетъ съ поэтическимъ произведеніемъ [3]). Что Сак-

---

¹) Nec minus Absalonis asserta sectando, quæ vel ipse gessit vel ab aliis gesta perdidicit, docili animo styloque complecti curæ habui... стр. 8.

²) Metra metris reddenda curavi, quibus scribendorum series subnixa non tam recenter conflata, quam antiquitus edita cognoscatur... стр. 7.

³) Nec ignotum volo Danorum antiquiores conspicuis fortitudinis operibus editis, gloriæ æmulatione suffusos, Romani styli imitatione, non solum rerum a se magnifice gestarum titulos exquisito contextus genere, veluti poetico quodam opere, perstrinxisse, verum etiam majorum acta patrii sermonis carminibus vulgata lingvæ suæ literis saxis ac rupibus insculpenda curasse. Стр. 6—7.

сонъ подъ этими разсказами понимаетъ существовавшія еще въ его время сказанія о древнихъ короляхъ и витязяхъ, объ этомъ не приходится спорить. Другой вопросъ, въ какомъ видѣ Саксонъ знакомился съ этими сказаніями. Несомнѣнно тогда уже составлялись генеалогическіе списки королей и, можетъ быть, къ имени каждаго короля прибавлялась и краткая запись его дѣяній. Но врядъ ли къ этимъ спискамъ подходитъ характеристика, сдѣланная Саксономъ. Съ другой стороны, у Саксона какъ будто имѣются указанія на то, что эти разсказы были написаны на латинскомъ языкѣ. Я не придаю значенія выраженію—Romani styli imitatione; оно могло относиться и къ произведеніямъ на датскомъ языкѣ. Болѣе важно противопоставленіе этимъ разсказамъ пѣсенъ на отечественномъ нарѣчіи—patrii sermonis carminibus. Не предрѣшая такимъ образомъ вопроса, состоялъ ли этотъ источникъ Саксона изъ латинскихъ или датскихъ записей, относился ли онъ вообще къ письменной литературѣ, или принадлежалъ къ той же устной традиціи, какъ и пѣсни, мы можемъ быть увѣрены въ томъ, что въ Даніи совершенно такъ же, какъ и въ Норвегіи, сложились свои мѣстныя сказанія; норвежскія были перенесены въ Исландію и тутъ въ духѣ домашнихъ родовыхъ сагъ получили литературную обработку; датскія сказанія такъ или иначе отразились въ исторіи Саксона.

Въ то время, какъ датскіе источники сообщали Саксону, понятно, лишь свѣдѣнія объ отечественныхъ дѣлахъ, то тамъ, гдѣ рѣчь его касалась международныхъ отношеній, ему пришлось прибѣгнуть къ свидѣтельству исландцевъ. Такъ какъ онъ намекаетъ на ихъ трудолюбіе—Tylensium industria, то очевидно онъ зналъ и ихъ письменныя сочиненія. Они де изучили исторію почти всѣхъ народовъ, и имъ доставляло ничуть не меньшее удовольствіе излагать разсказы о чужихъ доблестяхъ, чѣмъ о своихъ собственныхъ; и въ этомъ, по ихъ мнѣнію, заключается отнюдь не меньшая слава. Съ большимъ любопытствомъ Саксонъ углублялся въ ихъ сокровищницы историческихъ свѣдѣній. Поэтому не малая часть его труда непосредственно при-

мыкаетъ къ исландскимъ разсказамъ [1]). Вѣроятно Саксонъ былъ обязанъ исландцамъ и устными сообщеніями, хотя не считаетъ нужнымъ объ этомъ упоминуть. Всѣ писатели, собиравшіе свѣдѣнія объ отдаленныхъ отъ ихъ мѣстожительства краяхъ, ссылаются на такіе устные источники. Вспомнимъ короля Альфреда и Адама Бременскаго. Что въ Данію заѣзжали исландцы, мы узнаемъ отъ самаго Саксона. Подробности описанія пути на крайній сѣверъ Саксонъ приписываетъ слухамъ, распространеннымъ исландцами — acceptam a Thylensibus famam.

Сомнѣваться въ правдивости признанія Саксона нѣтъ основанія. Трудно только понять, что собственно онъ разумѣетъ подъ вычурнымъ слогомъ замысловатой среднелатинской рѣчи и очевидно не всегда точными выраженіями. Поэтому уже давно замѣчено, что переводъ Саксона вмѣстѣ съ тѣмъ является и его толкованіемъ. Но относительно только-что разобраннаго мѣста его придисловія не можетъ быть спора о томъ, что Саксонъ пользовался не только датскими, но и исландскими источниками. Если въ былыя времена, когда націонализмъ являлся святой обязанностью каждаго ученаго, все содержаніе исторіи Саксона считалось исконне датскимъ народнымъ преданіемъ, если это мнѣніе еще господствуетъ въ широкой публикѣ, благодаря ея умственной инерціи, то это и объяснимо и простительно. Но тѣмъ болѣе достойно удивленія, что даже видные представители скандинавистики не освободились отъ этого предвзятаго мнѣнія. Такъ, между прочимъ Стенструпъ и Стормъ то и дѣло противоставляютъ Саксона исландцамъ, совершенно упуская изъ виду, что и Саксонъ могъ передавать чисто исландскій разсказъ. Другіе ученые, какъ, напримѣръ, Бугге, дѣлали обыкновенно ту уступку, что открывали у Саксона намеки на норвежское преданіе. А между тѣмъ вопросъ о двойственности источниковъ Саксона вовсе

[1]) Cunctarum quippe nationum res gestas cognosse memoriæque mandare voluptatis loco reputant, non minoris gloriæ judicantes alienas virtutes disserere, quam proprias exhibere. Quorum thesauros historicarum rerum pignoribus refertos curiosius consulens, haud parvam præsentis operis partem ex eorum relationis imitatione contexui... Стр. 7—8.

не новъ въ нашей наукѣ. Уже Палуданъ Мюллеръ старался въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ установить принадлежность даннаго сказанія къ датской или норвежско-исландской традиціямъ. Въ новѣйшее время этимъ вопросомъ спеціально занимался Ольрикъ [1]). Кромѣ собственныхъ именъ и мѣстныхъ названій, кромѣ сходства мотивовъ между исторіей Саксона и исландскими сагами, Ольрикъ нашелъ еще другой критерій для рѣшенія этого спора. По его мнѣнію въ норвежско-исландскихъ сказаніяхъ еще сохранились религіозныя понятія и культурныя черты языческаго быта; изъ датскихъ сказаній старая вѣра и древнія отношенія уже исчезли. Но несмотря на тщательныя и остроумныя изслѣдованія Ольрика, вопросъ о родинѣ того или другого сказанія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ остается еще открытымъ.

Остается еще вопросъ хронологіи; онъ рѣшается просто. Епископъ Абсалонъ умеръ раньше, чѣмъ Саксонъ успѣлъ окончить свой трудъ. Такъ какъ онъ умеръ въ 1201 г., а самъ Саксонъ скончался въ 1206 г., то къ этому промежутку времени и относится окончаніе его сочиненія. Historia rerum Danicarum заслужила Саксону названіе отца датской исторіи.

XXXVII.

Этнографическія свѣдѣнія Саксона о крайнемъ сѣверѣ.

Въ исторіи Саксона мы находимъ самыя точныя свѣдѣнія о крайнемъ сѣверѣ и его жителяхъ, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что между этими краями и Даніей поддерживались непосредственныя сношенія.

Фины—крайніе обитатели сѣвера. Саксонъ считаетъ ихъ страну еле пригодной для поселенія, тѣмъ не менѣе они нашли тамъ свое мѣстожительство и свою культуру [2]). Жи-

---

[1]) Kilderne til Sakses Oldhistorie, т. I—1892 г., т. II—1894 г.

[2]) Sunt autem Finni ultimi Septentrionis populi, vix quidem habitabilem orbis terrarum partem cultura ac mansione complexi. Стр. 248.

вутъ они охотой, но то и дѣло мѣняютъ свое мѣстопребываніе и не имѣютъ постояннаго жилища. Гдѣ они находятъ звѣрей, тамъ они и останавливаются [1]). Въ этихъ краяхъ нѣтъ солнца, нѣтъ звѣздъ, и такъ какъ отсутствуетъ дневной свѣтъ, то все погружено какъ бы въ вѣчную ночь [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ царитъ никогда не смягчающійся морозъ. Земля покрыта высокимъ слоемъ снѣга и никогда не согрѣвается лѣтней жарой. Страна богата непроходимыми дебрями, но почва безплодна. За то тамъ много звѣрей и даже такихъ, которыхъ не видать въ другихъ мѣстахъ. Черезъ страну протекаютъ многочисленныя рѣки, образуя благодаря разсѣяннымъ по ихъ русламъ скаламъ шумящее отъ водоворотовъ теченіе [3]). Въ такой рѣкѣ погибаетъ одинъ изъ воиновъ короля Горма, собираясь переѣхать рѣку въ бродъ въ коляскѣ; колеса погрузились въ глубину ила, и сильный водоворотъ унесъ его [4]).

Приходится сознаться, что ни у Альфреда, ни у Снорри, ни въ сагахъ мы не находимъ столько характерныхъ примѣтъ арктической природы, какъ въ вышеприведенныхъ мѣстахъ у Саксона. Даже и тогда когда сѣверъ представляется въ самомъ общемъ смыслѣ, передается вѣрная по подробностямъ картина. Такъ Геваръ описываетъ путь къ Мимингу, чудесному двергу, въ такихъ выраженіяхъ, которыя примѣнимы только къ крайнему сѣверу: Большая часть дороги круглый годъ находится подъ воздѣйствіемъ неимовѣрнаго мороза. Слѣдуетъ однако запречь въ карету оленей, благодаря замѣчательной быстротѣ которыхъ только и можно перебраться черезъ охваченные леденящимъ мо-

---

[1]) Venationibus callent. Incerta illis habitatio est, vagaque domus, ubicunque feram occupaverint, locantibus sedes. Стр. 248.

[2]) regio solis inops, ignara siderum, nec diurni luminis capax, perpetuæ noctis specie caligabat. Стр. 429.

[3]) Regio est perpetui frigoris capax, præaltisque offusa nivibus, ne vim quidem fervoris persentiscit æstivi, inviorum abundans nemorum, frugum haud ferax, inusitatisque alibi bestiis frequens. Crebri in ea fluvii ob insitas alveis cautes stridulo spumantique volumine perferuntur. Стр. 422—3.

[4]) vadum curriculo transiturus, altius desidentibus rotis, vi vorticum implicatus absumitur. Стр. 428.

розомъ хребты[1]). Если здѣсь упомянуты олени, то въ другомъ мѣстѣ Саксонъ называетъ особыя сани лапландцевъ, такъ наз. керисы, которые выдолблены изъ одного дерева[2]). Такъ, по крайней мѣрѣ, я понимаю выраженіе: pandis trabibus, хотя коментаторы склонны думать, что trabes—лыжи. Но trabs скорѣе означаетъ цѣлый стволъ, бревно, балка, въ переносномъ смыслѣ даже корабль. Германъ переводитъ: auf gekrümmten Kufen[3]).—Читая такія точныя опредѣленія, можно думать, что ихъ писалъ Кастренъ или кто-нибудь другой изъ болѣе новыхъ путешественниковъ.

Саксонъ знаетъ также земли, лежащія еще дальше на сѣверъ отъ прибрежья Европы. Прибывъ въ Финмаркъ, Торкиль спрашиваетъ мѣстнаго жителя (великана), куда ѣхать. Тотъ ему отвѣчаетъ, что отъѣхавъ отъ ихъ берега (т.-е. Финмарка), можно достичь страны, гдѣ прекращается всякая растительность; нѣтъ даже травы; господствуетъ глубокій мракъ. Чтобы попасть въ эту мѣстность, приходится безъ устали грести четыре дня[4]). Торкиль на самомъ дѣлѣ совершаетъ эту поѣздку. Въ этой странѣ длилась вѣчная ночь; не было никакой смѣны между мракомъ и свѣтомъ; едва глазъ могъ пронизать мглу. Но Торкиль различилъ скалы неимовѣрной величины[5]). Гористая мѣстность и отсутствіе растительности—примѣты, подходящія скорѣе всего къ Новой Землѣ.

Перейдемъ теперь къ характеристикѣ Саксономъ самихъ финовъ. Во-первыхъ, они отличаются своимъ рѣд-

---

[1]) Majorem siquidem itineris partem inusita frigoris vi perenniter obsideri. Jubet itaque cervis jugalibus currum instruat, cujus celeritate eximio gelu rigentia juga trascendat. Стр. 114.

[2]) Pandis trabibus vecti conferta nivibus juga percurrunt. Стр. 248, сличи примѣч.

[3]) Herrmann, Erläuterungen, стр. 221.

[4]) ad inops graminis solum altisque obfusum tenebris inprimis esse migrandum. Ante autem quam destinatus possit locus accipi, navigationem quatriduo pertinaci remigio pertrahendam. Стр. 431.

[5]) aggressusque cum sociis terram, apud quam continuæ noctis facies alterni luminis vicissitudinem frustrabatur, ægre prospectum capientibus oculis inusitatae molis scopulum conspicit. Стр. 431.

кимъ искусствомъ въ стрѣльбѣ. Въ этой области ни одинъ народъ не достигъ подобнаго рода совершенства. Они сражаются большими, широкими стрѣлами [1]). Когда военачальникъ біармійцевъ воюетъ съ Регнеромъ, онъ одерживаетъ верхъ благодаря ловкой поддержкѣ со стороны союзныхъ лапландскихъ стрѣлковъ [2]). Регнеру казалось легче противостоять тяжело вооруженнымъ римскимъ легіонерамъ, чѣмъ летучимъ стрѣламъ нищенскаго народа [3]). Фины нападали обыкновенно на врага неожиданно, съ разбѣга, пользуясь лыжами. Одинаково быстро они являлись и вновь исчезали. Приходъ и уходъ совершался съ равной скоростью. Достигши такого преимущества, благодаря своимъ приспособленіямъ (т.-е. лыжамъ) и ловкости тѣла, фины представляли собой весьма грозную силу [4]). Если обратить вниманіе на стиль Саксона въ этомъ мѣстѣ, то легко замѣтить, какъ самъ авторъ былъ пораженъ этой тактикой лапландцевъ и какъ старательно онъ заботится о томъ, чтобы читатель проникся тѣмъ же чувствомъ удивленія. И въ другихъ мѣстахъ Саксонъ съ большимъ удовольствіемъ описываетъ катаніе на лыжахъ; такъ по поводу Скритфиновъ въ предисловіи [5]), затѣмъ въ разсказѣ о Токо [6]). Послѣдній хвастается своимъ искусствомъ, но при первомъ опытѣ слетаетъ впередъ головой внизъ съ крутой горы и только благодаря счастливой случайности спасается отъ гибели.

Несмотря на тотъ страхъ, который испытывали датчане

---

1) Acer iisdem telorum est usus. Non alia gens promptiore jaculandi peritia fruitur. Grandibus et latis sagittis dimicant. Стр. 248.

2) peritissima sagittariorum opera fretus... Стр. 453.

3) gravissimam Romanorum armaturam quam levia pannosæ gentis spicula tolerabilius ferre potuit. Стр. 454.

4) Quippe Finni, lubricorum stipitum celeri allapsu cursum intendere soliti, arbitraria velocitatis potentia rapiuntur, promptissimamque propinquitatis vel absentiæ facultatem obtinere creduntur. Mox enim, ut hostem læserint, eadem celeritate, qua subeunt, avolant, nec procursu languidius reditum tentant. Itaque et vehiculorum et corporum agilitate instandi fugiendique expertissimam obtinent potestatem. Стр. 453.

5) Стр. 18—19.

6) Стр. 487—8.

передъ финами, Саксонъ говоритъ объ ихъ военномъ искусствѣ съ полнымъ презрѣніемъ. Правда, это мѣсто [1]) отзывается напыщенной риторикой, но все же въ немъ остается доля правды. Ихъ войско представляетъ собой безоружную, безпорядочную толпу [2]). Первое выраженіе приходится понимать не въ смыслѣ полной невооруженности, а лишь какъ примитивное и крайне скудное вооруженіе [3]). Въ сущности фины являлись не только презрѣннымъ, но и жалкимъ врагомъ [4]). Наконецъ, Саксонъ указываетъ на ихъ грубость и невѣжество [5]).

Датчанамъ, совершенно не привыкшимъ къ суровому климату сѣвера, не мало приходилось страдать отъ страшныхъ тамошнихъ непогодъ. Осенніе снѣга, падающіе въ обильномъ количествѣ, таящіе при первомъ соприкосновеніи съ твердымъ предметомъ, гонимые свирѣпымъ ураганомъ и сопровождаемые иногда тяжелымъ градомъ,— необычайное это явленіе могло казаться датчанину какимъ-то сверхъестественнымъ гоненіемъ. То духи преслѣдуютъ мореплавателя и съ высоты неба плюютъ на него ядомъ. Застращенные моряки укрывались подъ звѣриныя шкуры, чтобы уйти отъ ядовитыхъ плевковъ. Тѣмъ не менѣе разсказывали впослѣдствіе, что кто-то хотѣлъ посмотрѣть, что̀ собственно творится, и высунулся изъ-подъ шкуръ, но ему выбило оба глаза; другому оторвало руку и т. д. [6]). Естественно было думать, что такія приключенія не обходились безъ вины мѣстныхъ жителей. Эти бури служили главнымъ препятствіемъ для проникновенія въ ихъ страну. Очевидно, думали, что сѣверные жители защищаются, посылая на непріятелей непогоду. Тѣмъ болѣе довѣрія встрѣтило это мнѣніе, что фины и у Саксона считались колду-

---

[1]) Стр. 453.

[2]) ab inermi inconditoque agmine...

[3]) sordidissimo atque tenuissimo apparatui...

[4]) despicabilis populi parvulam manum...

[5]) vilem obscuramque plebeculam..., agrestis et ignobilis vulgi...

[6]) Imminent efferi dæmones et in subjectos venenata passim sputa conjiciunt. At nautæ, prætentis coriorum umbraculis, illapsum respuere virus. Стр. 432.

нами [1]). Колдовство ихъ совершается посредствомъ пѣнія. Когда непріятель начинаетъ одолѣвать, то они прибѣгаютъ къ своему искусству. Сразу измѣняется ясная синева неба, надвигаются тучи, льются потоки дождя [2]).—Этотъ мотивъ еще былъ распространенъ чисто логичнымъ путемъ, вопреки климатическимъ условіямъ. Кто можетъ вызывать стужу и ливень, тому очевидно дана и сила привлечь солнечные лучи и устраивать пекло. Такъ біармійцы, узнавъ, что Регнеръ идетъ на нихъ войною, сперва прибѣгли къ старому средству, вызвавъ непогоду и усиливъ ее до крайнихъ предѣловъ, но когда эта мѣра не оказала достаточно разрушительнаго дѣйствія, то они перемѣнили свою тактику, въ одинъ мигъ отослали тучи и стали печь врага палящимъ лѣтнимъ зноемъ. Сравнивая эту новую муку съ вредомъ прежнихъ морозовъ, пишетъ Саксонъ, нельзя было рѣшить, что было легче переносить [2]).

Колдовство сѣверныхъ жителей простиралось разумѣется не только на погоду, но могло сказаться и въ любой другой формѣ. Это дало поводъ связать съ описаніемъ одного похода—оно само по себѣ обнаруживаетъ фантастическое происхожденіе — нѣкоторые мотивы, отложившіеся въ извѣстной сказочной схемѣ, гдѣ герою приходится бѣжать отъ преслѣдующаго его злого существа.—Когда біармійцы были побиты и бѣжали, то они бросили за собой три камешка. Врагамъ показалось, что передъ ними выросли три высокія горы, и они прекращаютъ свое преслѣдованіе. На слѣдующее утро не видать никакихъ горъ, за то біармійцы тутъ какъ тутъ, и завязывается новое сраженіе.

---

[1]) Incantationum studiis incumbunt. Стр. 248.

[2]) Tunc Biarmenses arma artibus permutantes, carminibus in nimbos solvere coelum lætamque aeris faciem tristi imbrium aspergine confuderunt. Стр. 53. Сл. также выше стр. 88.

[3]) Qui quum adventum ejus compertum haberent, carminibus aggressi coelum, sollicitatas nubes ad summam usque nimborum violentiam impulerent. Quæ res Danos aliquamdiu navigatione prohibitos alimentorum facultate defecit. Eosdem quoque, subito remissa tempestate, æstuosissimi fervoris flagrantia torruit. Nec ea quidem pestis concitati frigoris magnitudine tolerabilior extitit. Стр. 452—3.

Но и на этотъ разъ біармійцы принуждены отступить. Тогда они при помощи снѣга вызываютъ миражъ большущей рѣки, черезъ которую враги не рѣшаются переправиться. Когда на третій день возобновляется бой, ихъ хитрости исчерпаны и они принуждены сдаться [1]).

Путешествіе изъ Даніи въ Бѣлое Море должно было длиться чуть ли не вдвое дольше, чѣмъ изъ Галогаланда туда же. Не только бури и дожди были главными препятствіями. Тутъ присоединилось и другое обстоятельство, о которомъ въ норвежскихъ разсказахъ нѣтъ ни слова. Трудно было на столь продолжительное время разсчитать провіантъ. Можетъ быть датчане даже представляли себѣ путь болѣе близкимъ, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ былъ. Кромѣ того, путешествіе вслѣдствіе постоянныхъ бурь могло затянуться противъ всякаго ожиданія. Прекращеніе провіанта упоминается обыкновенно въ связи съ задерживающими поѣздку бурями. Тогда моряки начинаютъ ѣсть, что попало, и заболѣваютъ. Голодъ и болѣзнь — вотъ тѣ новые ужасы, которые датчане испытали во время своихъ поѣздокъ на крайній сѣверъ. Отчего норвежцы не знали этихъ затрудненій? Во-первыхъ, какъ мы уже указали, путь ихъ былъ гораздо короче; во-вторыхъ, они не только болѣе привыкли къ сѣверному климату, чѣмъ датчане, но они и лучше были знакомы съ мѣстными условіями. Они постепенно двигались все дальше и дальше на сѣверъ и упражнялись въ этомъ, быть можетъ, вѣками. Датчане же совершали свои поѣздки въ Біармаландъ при полной неопытности и при болѣе тяжелыхъ условіяхъ.

Когда перестаютъ дуть попутные вѣтры, то корабли ихъ становятся игрой волнъ. Недостаетъ съѣстныхъ припасовъ; нѣтъ даже хлѣба. Экипажъ начинаетъ питаться кашей изъ сырой муки, чтобъ только утолить голодъ [2]). При такихъ условіяхъ немудрено, что умираетъ много народу, и что ничтожное количество возвращается здоро-

---

[1]) Стр. 249. Сл. у Rittershaus'а сказки № 26 и № 45.

[2]) Tandem per summam alimentorum inopiam etiam pane defecti exiguæ pultis usu traxere famam. Стр. 421.

вымъ домой [1]). Нужно имѣть ввиду, что только что упомянутое несчастье случилось съ экспедиціей, снаряженной самымъ тщательнымъ образомъ, на средства самого короля Горма. Что же тогда должно было статься съ поѣздками тѣхъ мореплавателей, которые не располагали одинаковыми средствами и не соблюдали равной осмотрительности? Уже съ Регнеромъ случилось нѣчто ужасное. Бури задержали его, провіантъ весь вышелъ, моряки заболѣли поносомъ, который оканчивался истощеніемъ и смертью. Большая часть экипажа такимъ образомъ погибла [2]). Еще менѣе утѣшительно было состояніе Торкиля и его товарищей. Долго они плаваютъ при необыкновенно пасмурномъ небѣ; нужно думать, что они потеряли изъ вида берега и острова, словомъ, всѣ тѣ признаки, по которымъ они устанавливали свой курсъ, и при такихъ условіяхъ, не зная компаса, просто блуждали по-морю. Дрова на исходѣ. Нечѣмъ варить или согрѣвать пищу. Проголодавшіеся моряки съѣдаютъ, что у нихъ есть, въ сыромъ видѣ и наполнивъ свои желудки неудобоваримыми веществами, впадаютъ въ смертельную болѣзнь. Саксонъ съ видимымъ участіемъ описываетъ симптомы этого недуга. Подъ вліяніемъ необычной пищи желудокъ постепенно перестаетъ дѣйствовать; затѣмъ то же истощеніе передается и на другіе органы тѣла. Тогда моряки начинаютъ колебаться, что имъ дѣлать: совершенно ли воздержаться отъ всякаго питанія или довольствоваться хоть тѣмъ, что осталось; и въ томъ и въ другомъ случаѣ ихъ ожидала вѣрная гибель [3]).—По Сак-

---

[1]) periclitatis inedia sociis paucisque adhuc superstitibus, religionem animo intulit... Стр. 428.

[2]) Cæterum laxi ventris profluvium complurimos exanimavit. Ita Danorum plerique, dubia cœli qualitate conclusi, passim oborta corporum pestilentia decesserunt. Стр. 453.

[3]) Cumque diu sub inusitata cœli facie navigassent, tandem incidente lignorum inopia, foculi nutrimentis defecti, nec suppetente decoctionis officina, crudis famem obsoniis propulerunt. Verum complures vescentium ultimam pestem ab indigestæ dapis satietate traxerunt. Primum enim paulatim stomachis inusitato partus edulio languor irrepsit, deinde, latius manante contagio, vitalia morbus appetiit. Sicque anceps utriusque intemperantiæ malum ut inediam gravem ita gulam quoque suspectam effecerat, cum nec vesci tutum nec abstinere commodum nosceretur. Стр. 429—430.

сону выходитъ, что датчане являлись первыми мучениками арктическаго мореплаванія; эти бѣдствія не прекратились вплоть до нашихъ дней, вспомнимъ лишь о гибели экипажа «Jeannette» или о несчастной экспедиціи капитана Greely.

Ввиду этихъ затрудненій датчане принимали извѣстныя мѣры предосторожности, въ которыхъ вовсе не нуждались норвежскіе мореплаватели. Когда Гормъ собирается въ Біармаландъ, то Торкиль, которому уже были извѣстны опасности этого пути, совѣтуетъ королю строить новаго рода корабли, которые легче могли бы противостоять необыкновенной свирѣпости тамошнихъ бурь. Онъ совѣтуетъ ихъ снабдить бо̀льшимъ количествомъ поперечныхъ поясовъ и затѣмъ не щадить гвоздей при заколачиваніи отдѣльныхъ досокъ; трюмы ихъ должны были вмѣщать самые большіе запасы провіанта, а сверху ихъ слѣдуетъ покрывать бычачьими шкурами, чтобы защитить внутреннія помѣщенія корабля отъ набѣгающихъ шкваловъ. Вся экспедиція состояла изъ трехъ кораблей, по сто человѣкъ на каждомъ [1]). Въ Орваръ-Оддсагѣ тоже упоминаются поперечные пояса, которыя прикрѣпляются къ кораблямъ на случай бури [2]).—Эта мѣра, значитъ, не заключала въ себѣ ничего особеннаго, но здѣсь, кромѣ того, строются совсѣмъ новые корабли болѣе крѣпкой конструкціи, съ наивозможно бо̀льшей вмѣстимостью и съ закрытой палубой. Мысль, что для арктическаго плаванія необходимо строить особые корабли, поддерживалась до нашихъ дней и наилучшимъ доказательствомъ ея справедливости является успѣхъ «Фрама», на которомъ Нансенъ и Свердрупъ совершили свои смѣлыя поѣздки.

Находя у Саксона такое обиліе вполнѣ точныхъ под-

---

[1]) adversum inusitatam navigandi maris sævitiam firmiore structuræ genere nodisque crebrioribus ac consertioribus clavis præparanda jubet navigia solidari, eademque magnis repleri commeatibus, ac bovinis superne tergoribus claudi, quæ intrinseca navium spatia ab incursantium undarum aspergine tuerentur. Inde tribus duntaxat liburnis navigatio tenditur, unaquaque centenos capiente delectos. Стр. 421.

[2]) Nú foera þeir á þvergyrđing á skipi. L., стр. 37[22].

робностей, нельзя не думать, что онъ и въ полумиѳическихъ разсказахъ воспользовался извѣстными ему реальными чертами о житьѣ-бытьѣ крайняго сѣвера. Поэтому мы позволимъ себѣ указать еще на нѣкоторыя мѣста изъ фантастическихъ описаній путешествій Торкиля и Горма.— Приставъ послѣ тяжелаго плаванія къ берегу, Торкиль открылъ въ скалахъ небольшое отверстіе и узкій проходъ, ведущій въ пещеру. Онъ приказалъ товарищамъ ждать его у выхода. Въ пещерѣ онъ увидѣлъ двухъ великановъ съ роговыми носами, которые, какъ попало, бросали дрова на горящій передъ ними костеръ. Въ общемъ уже входъ былъ непривлекателенъ, подставки дверей сгнили, стѣна отъ плѣсени вся почернѣла, потолокъ былъ весь въ дыму, по полу ползали змѣи, и все это внушало отвращеніе не только глазу, но и душѣ [1]).—Это описаніе внутренняго жилища въ другомъ мѣстѣ еще дополняется такими чертами: во всемъ видно было, что дома были совершенно безъ ухода и наполнялись самымъ ужаснымъ дымомъ; балки такъ и были пропитаны многолѣтней копотью; стѣны запачканы нечистотами; крыша поддерживалась шестами; по полу ползали гадины среди накопившейся всевозможной грязи. При этомъ необычайномъ видѣ пришелецъ невольно отшатывался. Надъ всѣми этими кучами вѣчнаго смрада царилъ возмутительный запахъ [2]).

При такой нечистоплотности въ жильяхъ понятно и

---

[1]) Litore deinde potitus subjicit oculis angusti aditus arctarumque faucium specum. Quem, comitibus foris præstolari jussis, ingressus duos eximiæ granditatis aquilos conspicatur corneis naribus contracta, quæ fors obtulerat, igni nutrimenta præstantes. Cæterum deformis introitus, obsoleti postes, ater situ paries, sordidum tectum, frequens anguibus pavimentum non oculum magis quam animum offendebant. Стр. 430. Великаны обыкновенно представлялись съ безформенными носами,—nefljótr говоритъ Орваръ-Оддсага, L., стр. 46^{10}.

[2]) Ædes deintus obsoleta per totum ac vi teterrimi vaporis offusa cunctorum, quibus oculus aut mens offendi poterat, uberrima cernebatur. Postes longæva fuligine illiti, obductus illuvie paries, compactum e spiculis tectum, instratum colubris pavimentum atque omni sordium genere respersum, inusitato advenas spectaculo terruerunt. Super omnia perpetui fœtoris asperitas tristes lacessebat olfactus. Стр. 426.

сами обитатели не могли отличаться привлекательнымъ внѣшнимъ видомъ. Черныя, отвратительныя пугала шмыгали по городу; такъ и нельзя было разобрать, что̀ непріятнѣе—видѣть или слышать ихъ. Нечистоты же и гнилые отбросы распространяли нестерпимое зловоніе [1]). При болѣе близкомъ соприкосновеніи съ кѣмъ-нибудь изъ туземцевъ, необходимо было заткнуть ноздри плащемъ, иначе невозможно было дышать [2]). Волоса Утгардалоки не только издавали соотвѣтствующій запахъ, но какъ своей толщиной такъ и затвердѣлостью напоминали роговыя копья [3]). Въ Орваръ-Оддсагѣ волоса великана сравниваются съ костями кита [4]). Немудрено, если Торкиль изъ такой страны возвратился въ отчаянномъ видѣ: грязь, покрывавшая его тѣло, до того измѣнила его внѣшній обликъ и стерла первоначальныя черты его лица, что даже близкіе друзья не могли узнать его [5]). Невольно вспоминаемъ о томъ мало человѣкообразномъ зрѣлищѣ, которое представилось Джексону, когда онъ впервые увидѣлъ Нансена и его товарища. Послѣдніе казались дикарями, одѣтыми въ грязныя лохмотья, черными отъ ворвани и копоти, съ длинными нерасчесанными волосами и взъерошенной бородой. Хотя Нансенъ отъ роду былъ блондиномъ, теперь же онъ казался самымъ сильнымъ брюнетомъ [6]).

Вообще, если сравнить эти общія описанія съ путевыми замѣтками болѣе новыхъ путешественниковъ, то мы увидимъ, что за всѣми этими преувеличеніями кроется реальная подкладка. Такъ, напримѣръ, Кастренъ [7]) описы-

---

[1]) T. I, стр. 39.

[2]) Atræ deintus informesque larvæ conferserant urbem, quarum perstrepentes imagines aspicere horridius an audire fuerit, nescias; fœda omnia, putidumque cœnum adeuntium nares intolerabili halitu fatigabat. Стр. 425.

[3]) tanta fœtoris vis ad circumstantes manavit, ut, nisi repressis amiculo naribus, respirare nequirent. Стр. 432.

[4]) olentes pili tam magnitudine quam rigore corneas æquaverant hastas. Стр. 431—2.

[5]) hár hans stórt sem tálkfanar... L. стр. 47[9].

[6]) Verum illitus ori marcor ita habitum corporis ac pristina formæ lineamenta confudit, ut ne ab amicis quidem potuisset agnosci. Стр. 432.

[7]) Fram over Polhavet, II т. стр. 347 сл.

ваетъ видъ лапландской деревни: «Кругомъ по землѣ валяются рыбьи кишки, чешуя, гнилая рыба и всевозможныя нечистоты, заражающія воздухъ противнымъ запахомъ. Выдержавъ искусъ тошноты и отвращенія, мы подвергаемся испытанію еще болѣе трудному. Изъ низкаго входа палатки выползаетъ толпа людей до того покрытая грязью и насѣкомыми, что невольно начинаешь отворачиваться отъ одного ихъ вида. Сами они весьма равнодушны къ своему состоянію...». Увѣрившись въ томъ, что Саксонъ даже въ фантастическихъ разсказахъ передаетъ вполнѣ вѣрныя впечатлѣнія, мы привлечемъ еще двѣ подробности, которыя при всей своей загадочности не лишены бытового значенія. Во-первыхъ, сторожа въ царствѣ Герута забавляются различными играми: одни ударяютъ палками другъ о друга, отчего получается извѣстный шумъ; другіе трясутъ или тянутъ другъ къ другу козью шкуру [1]). Въ первой игрѣ можно пожалуй усмотрѣть какую-нибудь подробность религіознаго обряда лапландцевъ; о другой Саксонъ говоритъ слишкомъ неопредѣленно, можетъ быть потому, что онъ считаетъ эту игру некрасивой—deformem.—Затѣмъ среди драгоцѣнностей, которыя показывались у Герута, находится зубъ неизвѣстнаго звѣря съ позолоченными концами [2]). Мюллеръ думаетъ, что это зубъ—моржа. Но неужели моржовый зубъ бываетъ такой неимовѣрной величины, что взрослому человѣку, пожелавшему нести его, необходимо взвалить его на плечо? [3]). Притомъ сомнительно, чтобы моржъ былъ неизвѣстенъ датчанамъ. Мнѣ кажется, что рѣдкость, которую приходилось видать Горму и его людямъ, былъ клыкъ мамонта. Можетъ быть, подобныя находки послужили и поводомъ къ пріуроченію сказки объ единорогѣ къ Біармаланду [4]).

---

[1]) Quorum alii consertis fustibus obstrepentes, alii mutua caprigeni tergoris agitatione deformem edidere lusum... Стр. 426.

[2]) iuxta quæ inusitatæ belluæ dens extremitates auro præditus reperitur... Стр. 427.

[3]) osse humeros onerari sustinuit...

[4]) См. выше стр. 312.

XXXVIII.

Случайные разсказы Саксона о біармійцахъ.

1) Первая книга исторіи Саксона вся почти посвящена жизнеописанію Гадинга и между прочимъ также упоминаетъ объ его столкновеніи съ біармійцами. Случилось такъ, что Гадингъ отправился въ Норвегію. Здѣсь нѣкій великанъ долженъ былъ жениться на Регнильдѣ, дочери короля Гаки. По догадкѣ Деттера [1]) Гаки царствовалъ въ Трондгеймѣ. Гадингъ вызывается освободить Регнильду отъ чудовищнаго жениха и убиваетъ великана. Но и онъ получаетъ тяжелыя раны. Когда Регнильда ухаживала за нимъ, то она тайкомъ запрятала кольцо въ одной изъ ранъ, чтобы легче потомъ узнать неизвѣстнаго ей молодца. Вскорѣ отецъ разрѣшилъ ей самой выбрать себѣ жениха. Она ощупываетъ всѣхъ воиновъ, собравшихся на пиръ, и благодаря своему кольцу узнаетъ Гадинга. Во время столованья свершается чудо: около очага изъ-подъ земли появилась женщина, держа въ передникѣ омегъ. Гадингъ полюбопытствовалъ, гдѣ въ такое зимнее время можетъ рости трава. Тогда она окутала его своимъ плащемъ, и оба скрылись подъ землей. Все, что Гадингъ видитъ здѣсь, напоминаетъ намъ обстановку царства мертвыхъ. Потомъ Гадингъ ѣдетъ со своей супругой домой въ свое отечество, значитъ, въ Данію. Тутъ на него нападаютъ біармійцы [2]).

Мнѣ кажется, что первоначальный смыслъ сказанія для Саксона уже затемнился. Какъ во многихъ другихъ разсказахъ біармійцы связаны съ царствомъ мертвыхъ. Поэтому возвращеніе Гадинга въ Данію и пожалуй также подробность о преслѣдовавшихъ его викингахъ слѣдуетъ отложить, возстановляя такую послѣдовательность событій: до или послѣ женитьбы въ Норвегіи, Гадингъ ѣдетъ въ Біар-

---

[1]) У Саксона Гаки опредѣляется какъ Nitherorum rex, что Деттеръ связываетъ съ древнимъ названіемъ Трондгейма — Niđaróss. Р. В. В., т. XVIII, стр. 37.

[2]) Saxo, стр. 50 сл.

маландъ; при этомъ онъ видитъ также чудесное царство мертвыхъ, и тутъ же ему приходится бороться съ біармійцами. Во главѣ ихъ находится нѣкій Тунингъ (Thuningus), вѣроятно шведъ, подстрекавшій и подкупившій біармійцевъ [1]). Дѣло въ томъ, что Гадингъ враждовалъ со шведскимъ королемъ Уффо и убилъ его отца. Узнавъ, что Гадингъ въ Біармаландѣ, и разсчитавъ, вѣроятно, что его тамъ легко будетъ убить, Уффо обѣщаетъ свою дочь тому, кто убьетъ Гадинга. Это порученіе беретъ на себя Тунингъ. Когда Гадингъ ѣхалъ мимо норвежскаго берега [2]), то со скалы его сталъ звать старикъ, прося взять его съ собой. Этотъ старикъ то и научаетъ его, какъ разставить войско клинообразнымъ порядкомъ, и благодаря его содѣйствію онъ одерживаетъ побѣду надъ біармійцами. Впослѣдствіе Гадингъ убилъ и Уффо и поставилъ во главѣ Швеціи его брата Гундинга.

Жизнь и приключенія Гадинга имѣютъ столь случайное отношеніе къ Даніи, что это пріуроченіе могло быть и чистѣйшей выдумкой самаго Саксона. По мнѣнію Ольрика [3]) его разсказъ восходитъ къ какой-нибудь затерянной исландской сагѣ. Не такъ думали прежніе изслѣдователи, которые даже въ второстепенныхъ дѣйствующихъ лицахъ искали отклики и воспоминанія объ историческихъ дѣятеляхъ. Сумъ [4]) передѣлываетъ Thuningus въ Thuringus и производитъ этого героя изъ Тюрингіи. Такъ какъ Гадингъ по его мнѣнію только случайно попалъ въ Норвегію, а первоначальное сказаніе ничего не могло знать о біармійцахъ. то естественно перенести это событіе въ болѣе южную мѣстность. На мѣсто Biarmenses онъ поставилъ Varmenses, Varnenses, народъ варновъ, воспоминаніе о которыхъ еще сохранилось въ названіи Warnemünde, Varinsfjǫrðr, sinus Varinus. Варны, враждующіе съ датскимъ королемъ подъ предводительствомъ нѣмецкаго витязя, во всякомъ случаѣ

---

[1]) adscita Biarmensium manu...
[2]) dum classe Norvagiam præteriret...
[3]) Olrik, Sakses oldhistorie, т. II, стр. 1 сл.
[4]) Suhm, Critiske Historie, т. II, стр. 134 и 189.

болѣе правдоподобны въ глазахъ историка, чѣмъ шведъ Тунингъ, идущій во главѣ біармійцевъ. Но къ сожалѣнію Гадингъ въ самомъ сказаніи уже вовсе не является датскимъ національнымъ героемъ, съ другой стороны, фантастическая обстановка, а равно и царство мертвыхъ, и біармійцы вполнѣ подходятъ къ духу всего разсказа. Поэтому остроумныя догадки Сума являются вполнѣ излишними.

Въ нашемъ разсказѣ врядъ ли есть историческая основа. Всѣ подробности указываютъ на связь съ миѳическимъ преданіемъ. Посѣщеніе Гадингомъ царства мертвыхъ сравнительно древній мотивъ. На это указываетъ, можетъ быть, одно мѣсто въ эддической пѣснѣ о Гудрунѣ. Описывается тотъ напитокъ, который долженъ доставить Гудрунѣ забвеніе всего пережитаго. На рогѣ вырѣзано много всевозможныхъ знаковъ, всѣхъ нельзя было и разобрать, и между прочимъ:

lyngfiskr langr
landz Hadingia
ax óskorit
innleiþ dýra [1]),

Интересующее насъ «landz Hadingia» можно отнести какъ къ «lyngfiskr», такъ и къ «ax», смотря по тому, гдѣ поставить запятую, но ни то ни другое сочетаніе не даетъ намъ яснаго смысла. Ольрикъ переводитъ land Hadingia= Hels egne, царство Гела, царство мертвыхъ; но другіе коментаторы [2]) думаютъ, что страна Гадинга, викинга, естественно—море.

Старикъ, который съ берега входитъ на корабль и потомъ принимаетъ столь успѣшное участіе въ бою, тоже исконная черта. Въ Эддѣ находится вполнѣ аналогичный разсказъ [3]). Когда Сигурдъ ѣдетъ отомстить за своего отца, то поднимается страшная буря; огибая какой-то мысъ они увидѣли на горѣ человѣка, который просилъ, чтобы они

---

[1]) Edda, стр. 135, строфа 23.

[2]) Edda, Anmerkungen, стр. 500.

[3]) Edda, стр. 105—6.

взяли его съ собой. Какъ только они исполнили его просьбу, погода утихла. Понятно, Сигурду хочется знать, каковъ будетъ исходъ ожидаемаго боя и поэтому онъ обращается къ гостю съ вопросомъ, какіе ему извѣстны предзнаменованія. Между прочими признаками гость говоритъ Сигурду, что побѣду обрѣтаютъ и тѣ, которые храбро смотрятъ въ бою и разставляютъ народъ въ клинообразномъ порядкѣ:

þeir sigr hafa
er siá kunno
hiǫrleiks huatir
eþa hamalt fylkia [1]).

Неизвѣстный гость называетъ себя Hnikarr, но приписываетъ себѣ и другія имена:

Nú mátta kalla
Karl af bergí,
Feng eþa Fiǫlni
far uil ek þiggia [2]).

Изъ сопоставленій всѣхъ этихъ свидѣтельствъ, становится яснымъ, что этотъ таинственный пришелецъ самъ Одинъ. Уже Ольрикъ обратилъ вниманіе на ту важную роль, которую Одинъ исполняетъ по отношенію къ Гадингу въ разсказѣ Саксона. Поэтому весьма вѣроятно, что и старикъ помогающій Гадингу противъ біармійцевъ, былъ самъ Одинъ.

Таинственная женщина, которая является Гадингу, выходитъ непосредственно изъ земли. Такая черта встрѣчается и въ исландскихъ сказкахъ; иногда великанша или колдунья выходитъ изъ земли только по колѣна [3]).

Несмотря на всѣ эти миѳологическія комбинаціи одна черта нашего эпизода является любопытной исторической справкой. Это—союзъ между шведскимъ воиномъ и біармійцами. Нигдѣ не говорится, чтобы Тунингъ проѣхалъ

---

[1]) Строфа 25.
[2]) Строфа 20.
[3]) Rittershaus, стр. 156 и 189.

моремъ въ Біармаландъ. Да это было бы и неосторожно; какъ разъ тогда онъ могъ натолкнуться на Гадинга. Саксонъ очевидно предполагаетъ, что Тунингъ непосредственно изъ Швеціи отправился на востокъ, что было гораздо ближе. Вотъ это то обстоятельство для насъ крайне любопытно. Пока же перейдемъ къ слѣдующему разсказу Саксона о біармійцахъ.

2) Онъ [1]) составленъ въ томъ же духѣ, какъ и предыдущій, и пріуроченъ къ шведскому королю Готеру, созданному Саксономъ изъ миѳическаго лица Hǫðr, который, хотя самъ слѣпой, сталъ виновникомъ смерти Бальдера. Вотъ жилъ въ «Галогаландѣ» король «Гельго» — въ высшей степени подозрительное совпаденіе! Онъ вздумалъ посвататься за Тору, дочь военачальника финовъ и біармійцевъ, по имени Кусо [2]). Гельго былъ косноязычнымъ, такъ что стѣснялся говорить не только передъ чужими, но и передъ своими домашними людьми. Поэтому онъ не самъ обращается къ желанной дѣвицѣ, но отправляетъ къ ней пословъ. Тѣ же возвращаются съ гнуснымъ отказомъ. Тутъ Гельго прибѣгаетъ къ содѣйствію Готера, который славился своимъ краснорѣчіемъ [3]). Готеръ отправился въ Норвегію съ вооруженнымъ флотомъ, намѣреваясь хотя бы оружіемъ добиться того, чего нельзя было достичь словами [4]). Такимъ образомъ успѣхъ былъ обезпеченъ.

Гельго затерялся среди многочисленныхъ героевъ того же имени, если онъ вообще назывался такъ. Вспомнимъ, что уже раньше [5]) намъ встрѣтилась такая же загадка: Гельго изъ Норвегіи (Галогаланда?) сватается за Гельгу! Деттеръ [6]) во всѣхъ герояхъ по имени Гельго склоненъ видѣть одно и то же лицо, отраженіе одного и того же сказанія; но при столь частыхъ повтореніяхъ возникаетъ

---

[1]) Saxo, стр. 116 сл.

[2]) Cusonis Finnorum Biarmorumque principis...

[3]) quem politioris facundiæ noverat...

[4]) armata classe Norvagiam petit quod verbis non posset viribus peracturus.

[5]) Выше, стр. 163.

[6]) P. B. B. т. XVIII.

вопросъ о типичности самого имени и связаннаго съ нимъ мотива. Тогда интересъ переносится на невѣсту и ея происхожденіе. Но Саксонъ почти и не упоминаетъ болѣе о Торѣ, такъ что мы остаемся въ невѣдѣніи дѣйствительно ли она была иноземкой, и кто собственно ея отецъ. Нѣкоторые ученые склонны отождествить его съ Гуси, нашимъ старымъ знакомымъ изъ Кетильсаги. Можетъ быть, Гуси сталъ такимъ же типичнымъ названіемъ короля финовъ, какъ Гельго сдѣлался традиціоннымъ женихомъ. Біармійцы же попали въ нашъ разсказъ ужъ совсѣмъ случайно, вмѣстѣ съ финами. Ольрикъ полагаетъ, что весь разсказъ заимствованъ изъ какой-нибудь затерянной саги [1]), во всякомъ случаѣ, нѣкоторыя черты, а равно и собственныя имена указываютъ на подобную связь. Но рѣшительно слѣдуетъ протестовать противъ голословнаго отождествленія Шюккомъ [2]) этого разсказа съ содержаніемъ эддической пѣсни о Скирнирѣ. Почему Тора и Герда одно и то же лицо, почему Фрей у Саксона выступаетъ подъ маской косноязычнаго Гельго, Шюккъ такъ и не берется объяснить, очевидно предчувствуя всю тщетность такой попытки.

3) Героемъ слѣдующаго разсказа о біармійцахъ [3]) выступаетъ отецъ двѣнадцати берсерковъ, которые намъ извѣстны изъ Орваръ-Оддсаги. Здѣсь его родина Швеція, какъ мы того и ожидаемъ. Арнгримъ называется — pugil Sueticus, шведскимъ витяземъ. Онъ хотѣлъ бы свататься за дочь знаменитаго датскаго короля Фрото. Чтобы пріобрѣсти расположеніе короля и славу, Эрикъ, управляющій въ то время Швеціей, совѣтуетъ Арнгриму итти войною на обитателей крайняго сѣвера; они одни еще не покорены датскому владычеству [4]). Противъ него выступили Эгтеръ, король Біармаланда, и Тенгиль, король Финмарка. Въ концѣ концовъ послѣ долгаго сопротивленія, покорился Тенгиль; Эгтеръ

---

[1]) Olrik, т. II, стр. 24—5.

[2]) Schück, Studier, т. II, стр. 57.

[3]) Saxo, стр. 248 сл.

[4]) ii soli cæteris obsequentibus Danicum detrectare viderentur imperium.

также вступилъ въ единоборство съ Арнгримомъ, но тоже былъ побѣжденъ. Впослѣдствіи самъ Эрикъ проводилъ Арнгрима къ датскому королю, расхвалилъ чрезмѣрно подвиги юноши и спросилъ, кто болѣе достоинъ руки царской дочери, если не тотъ, кто наложилъ дань на крайнихъ обитателей свѣта [1]).

Этотъ разсказъ опять важенъ. Въ сагахъ мы видѣли, какъ воинственные набѣги на Біармаландъ исходили изъ Норвегіи и даже сѣверной ея части—Галогаланда; теперь же мы второй разъ уже находимъ, что отправной точкой такой экспедиціи служитъ Швеція. Что Арнгримъ по представленію Саксона шелъ сухимъ путемъ, видно изъ словъ: nec mora eo exercitum egit. Вопросъ тутъ не въ самомъ фактѣ, который въ этой по крайней мѣрѣ связи относится къ области фантазіи, но въ тѣхъ понятіяхъ, которыя совершенно опредѣленно составились у Саксона.

Что касается самого разсказа, то схема его намъ извѣстна. Вопросъ идетъ опять о сватовствѣ, но согласіе на бракъ является лишь наградой за воинскій подвигъ. Весьма возможно, что передъ нами либо выдумка, либо заимствованіе изъ области сагъ [2]). Thengillus восходитъ къ слову þengill=«король». Какъ собственное имя это слово употреблялось уже въ сагахъ [3]). Egtherus—миѳическое лицо, встрѣчающееся уже въ Эддѣ. Тамъ про него говорится, что онъ сидѣлъ на холмѣ и игралъ на арфѣ, будучи сторожемъ великанши [4]). Мюлленгофъ [5]) возстановляетъ англосаксонское: Ecgþéov и древненѣмецкое: Eckideo и толкуетъ какъ Schwertknecht, меченосецъ, воинъ. Но на сѣверѣ образовалась традиція, по которой Эгтеръ уже сдѣланъ вели-

[1]) qui imperio ipsius ultimos humanarum rerum terminos adjecisset.

[2]) Olrik, II т., стр. 54.

[3]) Fas. II т., стр. 9.

[4]) Волуспо, строфа 41:

sat þar á haugi
ok sló hǫrpo
gýgiar hirþir
glaþr Eggþér.

[5]) D. A. V т., стр. 128—137.

каномъ-царемъ, сторожащимъ границы своего государства. Въ другомъ мѣстѣ у Саксона [1]) Эгтеръ выступаетъ въ той же роли. Правда, Эгтеръ здѣсь король финовъ, а не біармійцевъ. За то оба разсказа во всѣхъ другихъ чертахъ сходятся. Эгтеръ съ тремя кораблями совершаетъ разбойничьи набѣги на шведскіе берега. Столкновеніе съ Галданомъ не приводитъ ни къ какому результату, хотя сраженіе продолжается до глубокой ночи. На другой же день происходитъ поединокъ между военачальниками, при чемъ Эгтеръ былъ убитъ. Разсказъ объ единоборствѣ Эгтера былъ однимъ изъ тѣхъ мелкихъ эпизодовъ, которые могли быть вставлены въ любую сагу, въ любой связи, и потому по недосмотру Саксона онъ два раза повторился въ его исторіи.

4) Всѣ любимцы Саксона—Гадингъ, Готеръ, Фрото, такъ или иначе связаны съ Біармаландомъ; недостаетъ еще Старкада. Послѣдній, благодаря своей доблести, былъ призванъ біармійцами и много совершилъ тамъ достойныхъ памяти подвиговъ [2]). Чѣмъ Старкадъ отличился, Саксонъ не говоритъ. Въ посмертной пѣснѣ Старкадъ хвастается тѣмъ, что убилъ біармійцевъ [3]). Значитъ онъ былъ призванъ одной партіей на помощь противъ другой? Такія догадки понятно напрасны. Насъ скорѣе долженъ поражать маршрутъ Старкада: изъ Россіи онъ попадаетъ въ Біармаландъ, а затѣмъ уже ѣдетъ въ Швецію. По Саксону выходитъ, что кромѣ морского пути, вдоль береговъ Норвегіи и мимо Нордкапа, были еще двѣ возможности попасть къ Бѣлому морю: во-первыхъ, изъ Швеціи черезъ Лапмаркъ и Финмаркъ, сухимъ путемъ; для сокращенія пути можно было на первыхъ попавшихся подъ руку судахъ переѣхать черезъ Ботническій заливъ; во-вторыхъ, изъ русскихъ областей, лежащихъ недалеко отъ Финскаго залива, пере-

---

[1]) Saxo, стр. 328.

[2]) Saxo, стр. 278. Starcatherus ab athletis Biarmensibus ob virtutem adscitus, cum plurima apud eos memoratu digna edidisset facinora, Sveonum fines ingreditur.

[3]) pugilesque peremi Biarmenses... Стр. 404.

правлялись, вѣроятно, черезъ Ладогу, Свирь и Онегу къ самой уже Двинѣ. Выходцы изъ Швеціи приходили сперва къ Кандалакской губѣ. Обо всемъ этомъ намъ приходилось говорить выше [1]).

Хотя изъ Россіи переѣздъ въ Біармаландъ не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, но тѣмъ не менѣе меня останавливаетъ слѣдующее сомнѣніе. На Руси Старкадъ воюетъ съ царемъ Floccus, который, очевидно, одно и то же лицо съ упоминаемымъ въ сагахъ [2]) царемъ финовъ Flóki. Спрашивается лишь, какому свидѣтельству слѣдуетъ отдать предпочтеніе, Саксону или сагѣ? Если Флоки былъ финомъ, то вполнѣ понятно, почему біармійцы узнали о доблести Старкада и призвали его къ себѣ.

5) Такой походъ, то-есть, непосредственно изъ Даніи, Саксонъ приписываетъ знаменитому Регнеру [3]). Узнавъ, что недавно побѣжденные біармійцы нарушили свою подданническую вѣрность и открыто возстали противъ датскаго владычества, Регнеръ рѣшилъ покорить ихъ заново [4]). Его войско задерживаютъ то страшныя непогоды, то невыносимые морозы, то палящіе жары, голодъ и болѣзни истощаютъ его силы. Регнеръ видитъ себя принужденнымъ возвратиться и отступаетъ въ землю куровъ и сембовъ. Мѣстные жители встрѣтили его съ такими почестями, какъ будто онъ возвратился изъ побѣдоноснаго похода. Это разсердило Регнера еще больше и онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, отомстить біармійцамъ за оказанное ему неповиновеніе. Набравшись свѣжихъ силъ, Регнеръ возобновляетъ походъ. Король біармійцевъ обращается за помощью къ Матуллу, военачальнику (dux) Финмарка. Примкнувшіе къ біармійцамъ финны, наносятъ войску Регнера не малый ущербъ. Въ особенности послѣднему приходится страдать

---

[1]) Стр. 77.

[2]) Fas. III т., стр. 540 сл.

[3]) Saxo, стр. 452—4.

[4]) At Regnerus... Bjarmos nuper devictos invalida subjectionis fide palam imperium detrectantes invenit.

при зимовкѣ въ Біармаландѣ. Чтобъ положить предѣлъ этимъ постояннымъ тревогамъ, Регнеръ рѣшилъ прибѣгнуть къ хитрости. Хотя такой способъ веденія войны не особенно славный, но зато ведетъ скоро къ цѣли. Король біармійцевъ былъ убитъ, а фины обращены въ бѣгство. Регнеръ увѣковѣчилъ свою побѣду, поставивъ высокіе камни и вырѣзавъ на нихъ соотвѣтствующія надписи.

Стенструпъ [1]) указывалъ на то, что въ 845 г. норманскій викингъ Рагнаръ принужденъ былъ уѣхать изъ Франціи, гонимый такой же неблагопріятной погодой, то слишкомъ холодной, то слишкомъ жаркой, которую въ разсказѣ Саксона вызываютъ біармійцы. Во Франціи эту непогоду готовитъ св. Германъ, защищая покровительствуемую имъ страну отъ непріятелей. Положимъ, что колдовство и какъ разъ вызываніе бури столь характерно для жителей сѣвера, что не приходится искать чужихъ источниковъ для подобныхъ разсказовъ. Если же дѣйствительно состоялось заимствованіе, то очевидно норвежскій разсказъ слился съ чужимъ; я говорю — норвежскій, потому что имя Matullus = Möttull, а датская форма была бы Mantul. Вѣроятно, норвежскій разсказъ только и зналъ объ одномъ, послѣднемъ походѣ. Кромѣ этихъ двухъ составныхъ частей разсказъ о Регнерѣ содержитъ еще другія, болѣе самостоятельныя черты.

Во-первыхъ, въ немъ ни словомъ не упоминается море, флотъ или буря. Регнеръ ведетъ свое войско, которое страдаетъ отъ холода и голода. Прерывая свой походъ, Регнеръ непосредственно отступаетъ къ курамъ и отъ нихъ опять возвращается къ біармійцамъ, минуя Данію, свою родину. Все это ясно доказываетъ, что, по представленію Саксона, Регнеръ ѣхалъ въ Біармаландъ не черезъ Ледовитый океанъ, а черезъ Балтійское море. Такія сношенія нами были отмѣчены въ разсказахъ о Гадингѣ, Арнгримѣ и Старкадѣ. Такъ какъ всѣ эти разсказы норвежскаго происхожденія, то маршрутъ придуманъ самимъ Саксономъ,

---

[1]) Normannerne, т. I, стр. 97 сл., см. также Storm, Krit. Bidrag, стр. 108—9.

потому что норвежцы знали болѣе короткій путь въ Біармаландъ черезъ Ледовитый океанъ. Впрочемъ, мы и въ сагахъ [1]) встрѣчали слѣды другихъ сношеній — черезъ Балтійское море. Что датчане были знакомы съ крайнимъ сѣверомъ и доставляли Саксону болѣе богатыя свѣдѣнія, нежели исландцы, на эту мысль меня наводитъ еще вотъ какое соображеніе. Кромѣ Орваръ-Оддсаги разсказы сагъ о Біармаландѣ либо очень скудны по содержанію, либо даютъ полный просторъ фантазіи. Разобранные выше разсказы относились вѣроятно къ первой категоріи и врядъ ли содержали какія нибудь подробности, кромѣ упоминанія, что такой-то отправился туда то и воевалъ съ тѣмъ-то и тѣмъ-то. Но у Саксона мы нашли обстоятельный и точнѣйшій матеріалъ по этнографіи сѣвера. Изъ краткихъ упоминаній сагъ онъ не могъ почерпать эти свѣдѣнія. Остается только предположить, что Саксонъ пользовался еще другимъ источникомъ—мѣстными разсказами.

Нужно думать, что Швеція служила посредницей между Даніей и крайнимъ сѣверомъ. Швеція владѣла издавна областями, прилегающими къ Ботническому заливу. Фрото раздаетъ провинціи—обѣ Лапландіи какому-то Димару [2]). Подразумѣваются конечно области по обѣимъ сторонамъ Ботническаго залива. Отсюда не далеко было до Бѣлаго моря, но еще ближе до Финмарка или до полуострова Колы, который у норманновъ сталъ называться Trennäs, образованное вѣроятно изъ *Ternäs, какъ терфины и терскій берегъ [3]). Зависимость этихъ областей отъ шведскаго владычества могла сказаться только въ уплатѣ извѣстной дани. Такое собираніе дани съ лапландцевъ — finnskattr введено у норвежцевъ уже въ IX вѣкѣ. Подробныя цифровыя данныя объ ея величинѣ мы находимъ уже въ отчетѣ Отера у Альфреда. Въ Эгильсагѣ разсказывается, какъ норвежскій сборщикъ податей Торольфъ наталкивается на

---

[1]) См. выше, стр. 284—5.

[2]) Provincias Helsingorum, Janberorum et Jamtorum cum utraque Lappia Dimaro cuidam procurandas attribuit. Стр. 240—1.

[3]) См. выше, стр. 57.

чужой отрядъ, занимающійся тѣмъ же дѣломъ. Можно смѣло сказать, что въ Швеціи ничуть не позже, чѣмъ въ Норвегіи, началось собираніе дани съ лапландцевъ. Вѣдь норвежцы должны были итти въ горы и вѣроятно очень рѣдко переступали ихъ; шведамъ стоило только переправиться на ту сторону Ботническаго залива. Еще въ XVI в. Весайненъ во главѣ небольшой шайки нападаетъ на мѣстности, расположенныя у Бѣлаго моря [1]). Но если онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ бирккарловъ, какъ въ Швеціи было принято называть этихъ сборщиковъ податей, то первымъ по мнѣнію Саксона, былъ Арнгримъ. Когда датскіе короли ставили своихъ намѣстниковъ въ Швеціи, то естественно и дань, собранная отъ лапландцевъ, должна была поступать въ ихъ казну. Возможно, что потеря ея казалась очень чувствительной. Фины - лапландцы доставляли каждыхъ три года по одному возу звѣриныхъ шкуръ съ десяти семействъ; біармійцы же платили поголовно по шкурѣ съ человѣка [2]). Неповиновеніе, оказанное Регнеру, заключалось вѣроятно въ томъ, что біармійцы отказались платить дань и убили сборщиковъ, пріѣхавшихъ за ней. Это обычный поводъ къ отправленію въ походъ противъ народовъ, живущихъ далеко отъ Даніи [3]). Но что нѣтъ у Саксона подробныхъ описаній подобныхъ походовъ въ Біармаландъ, тому нечего удивляться. Датскимъ королямъ незачѣмъ было отправляться въ столь далекія края. Данія получала эту дань черезъ Швецію. И Саксонъ неоднократно намекаетъ на сношенія между Швеціей, Финмаркомъ и Біармаландомъ. Такъ Арнгримъ, которому приписывается первое наложеніе дани на финовъ и біармійцевъ, самъ шведъ и дѣйствуетъ по порученію Эрика, шведскаго намѣстника короля Фрото. Арнгримъ, положимъ, миѳическая личность, но предполагаемыя Саксономъ отношенія вслѣд-

---

[1]) См. выше, стр. 77.

[2]) Quibus Arngrimus hanc tributi legem instituit, ut recensito Finnorum numero rheda ferinis pellibus conferta ab unaquaque decade loco census exacto triennio penderetur... indiditque conditionem Biarmis viritim pellem pro capite persolvendi... Стр. 249.

[3]) Saxo, стр. 396.

ствіе этого ничуть не теряютъ въ правдоподобности. Понятно также, что Данія никогда не могла бы поддерживать прочныя сношенія съ Біармаландомъ ни тѣмъ ни другимъ путемъ: путь черезъ Ледовитый океанъ естественно принадлежалъ норвежцамъ, движеніе черезъ Ботническій заливъ и далѣе на востокъ—шведамъ. Но отъ шведовъ не осталось никакихъ древнихъ записей. Если бы до насъ дошла исторія шведскихъ событій подобная той, какую Саксонъ сочинилъ о датскихъ, то она сообщила бы несравненно больше о Финмаркѣ и Біармаландѣ, чѣмъ исторія Саксона. Можетъ быть въ ней говорилось бы и о третьемъ пути—изъ Финскаго залива въ Біармаландъ. Отсутствіе на шведской почвѣ историка въ родѣ Саксона, не говоря уже о Снорри, составляетъ величайшее горе изслѣдователя, коль скоро рѣчь заходитъ о древнерусскихъ сношеніяхъ съ норманами.

Итакъ, ни одинъ изъ разобранныхъ разсказовъ не обладаетъ историческимъ основаніемъ. Когда Гормъ отправляется въ путешествіе, онъ льститъ себя мыслью, что предпринимаетъ нѣчто такое, чего не посмѣлъ еще никто до него—rem admodum intentatam auderet.

XXXIX.

Экспедиція короля Горма.

Среди древнихъ датскихъ королей у Саксона Гормъ занимаетъ совершенно особое, по славѣ своей ничуть не послѣднее мѣсто. Онъ направилъ врожденную энергію своего духа на непочатую до сихъ поръ область. Вмѣсто военныхъ подвиговъ Гормъ сталъ изслѣдовать законы природы. Какъ другіе короли сгорали отъ жажды воинственнаго тщеславія, такъ Горма одолѣло желаніе проникнуть въ тайны вселенной и узнать все, что было открыто опытомъ или же поддерживалось народной молвой. Для этой цѣли Гормъ хотѣлъ посѣтить отдаленныя, мало извѣстныя страны [1]).—Эти

[1]) Hic enim novum audaciæ genus complexus, hæreditarium fortitudinis

вводныя строки въ достаточной для насъ мѣрѣ характеризуютъ какъ самого короля, такъ и цѣль его поѣздки. Гормъ дѣйствительно особый типъ скандинавскихъ королей. Въ немъ можно найти нѣкоторое умственное родство съ Альфредомъ. У нихъ воинственные инстинкты отступаютъ на заднiй планъ передъ научными интересами. Правда, печать вѣка не совсѣмъ отпала. Гормъ ѣдетъ на сѣверъ не за добычей, какъ норвежцы, но также и не съ чисто научной цѣлью; имъ руководитъ честолюбiе. Онъ соображаетъ, сколь громкую извѣстность онъ прiобрѣтетъ, если предприметъ поѣздку, до сихъ поръ никѣмъ (изъ датчанъ) не совершенную [1]).

Путь на дальнiй сѣверъ считался для простыхъ смертныхъ почти недоступнымъ: столько на немъ встрѣчалось опасностей. Нужно выѣхать на край океана, обнимающаго всѣ земли, нужно оставить за собой солнце и звѣзды, и тогда прибудешь къ самому концу свѣта, гдѣ царитъ вѣчный мракъ, гдѣ все погружено въ непрерывную ночь [2]). Все это разсказывалъ королю исландецъ Торкиль; онъ и значится распространителемъ всѣхъ слуховъ. Поэтому его и ставятъ во главѣ экспедицiи: онъ слѣдитъ за снаряженiемъ кораблей; онъ же руководитъ поведенiемъ моряковъ и указываетъ Горму, какъ вести себя. Ему извѣстно не только расположенiе самихъ мѣстностей, но онъ обладаетъ и опытомъ относительно ихъ доступности [3]).

---

spiritum scrutandæ rerum naturæ vestigiis quam armis excolere maluit; utque alios regum ardor bellicus, ita ipsum cognoscendorum mirabilium, quæcunque vel experimento deprehensa vel rumore vulgata fuerant, præcordialis stimulabat aviditas. Стр. 420.

[1]) Sed in juvenili animo circumstantis periculi metum non tam prædæ quam gloriæ cupido calcabat, multum sibi claritatis accessurum sperante, si rem admodum intentatam auderet. Стр. 421.

[2]) iter omni refertum periculo ac pæne mortalibus invium ferebatur. Ambitorem namque terrarum Oceanum navigandum, solem postponendum ac sidera, sub Chao peregrinandum, ac demum in loca lucis expertia jugibusque tenebris obnoxia transeundum, expertorum assertione constabat. Стр. 421.

[3]) auctorem famæ Thorkillum itineris ducem assumi placuit, utpote locorum gnarum peritumque adeundæ regionis ejus. Стр. 421.

Перескажемъ сперва подробности путешествія Горма. Около Галогаланда прекращается попутный вѣтеръ. Это, вѣроятно, то мѣсто, гдѣ и Отеръ, и Орваръ-Оддъ ждутъ перемѣны вѣтра. Флотъ Горма безъ опредѣленнаго курса скитается по морю; матросы терпятъ голодъ. Черезъ нѣсколько дней слышенъ прибой волнъ. Одинъ изъ матросовъ взлѣзъ на мачту и сообщилъ, что видитъ островъ съ крутыми берегами [1]). Причаливъ, наконецъ, къ этому острову, моряки стали взбираться на его вершину, съ трудомъ поднимаясь по крутымъ тропинкамъ на отвѣсные холмы [2]). Тамъ они увидѣли цѣлыя стада рогатаго скота—armenta. Торкиль запретилъ матросамъ брать больше того, чѣмъ имъ нужно было для утоленія голода въ данный моментъ. Но они ослушались его приказанія: массами убивали животныхъ и скрывали добытое мясо въ опустѣлыхъ трюмахъ кораблей. Скотъ легко попадался имъ въ руки, такъ какъ сбѣгался безъ всякой боязни, чтобъ полюбоваться непривычнымъ ему видомъ людей [3]). За это отомстили мѣстные духи, которымъ надлежала защита страны [4]). Ночью эти духи спустились на берегъ, подняли страшный шумъ и со всѣхъ сторонъ налетѣли на корабли. Самое большое чудовище, вооруженное громадной дубиной, вошло прямо въ море и кричало, что никогда имъ не уѣхать отсюда, если духи не получатъ возмездія за нанесенный имъ черезъ убіеніе животныхъ ущербъ. Пришлось бросить жребій. Съ каждаго корабля было пожертвовано по одному человѣку. Тогда только подулъ попутный вѣтеръ.

Повѣріе о мѣстныхъ божествахъ—landvættir пріурочено и къ датскому королю Гаральду, сыну Горма стараго. Тотъ вздумалъ было напасть на Исландію, но всѣ горы и пещеры были наполнены мѣстными духами, большими и

---

[1]) prærupti situs insulam in conspectu esse...

[2]) cuius tandem aditum nacti in editiorem soli partem per obstantes clivos præaltis callibus enituntur. Стр. 421—2.

[3]) Qui ideo captu perfaciles exstitere quod ad inusitatos virorum aspectus firmato pavore mirabundi convenerant. Стр. 422.

[4]) a diis loci præsidibus...

малыми [1]). Въ одномъ фіордѣ ему вышла навстрѣчу толпа великановъ, среди нихъ самый большой, выше горы, съ желѣзной дубиной въ рукахъ [2]). Животныя, которыхъ застаютъ моряки Горма, были, очевидно, олени. Существуетъ общее повѣріе у мореплавателей, что изъ чужого края можно брать безнаказанно ровно столько, сколько необходимо на первый случай. Въ Одиссеѣ часто разсказывается о томъ, какъ спутники Одиссея, приставъ къ чужому берегу, сейчасъ же принимаются убивать скотъ. Такъ они поступаютъ въ странѣ киконовъ и киклоповъ (IX пѣснь). Въ наказаніе за то, что они рѣзали святыя стада Геліоса, Зевсъ посылаетъ на нихъ бурю, отъ которой имъ приходится сильно страдать (XII пѣснь).

Насколько путешествія въ Біармаландъ сопровождались почти однѣми и тѣми же событіями, доказывается близкимъ сходствомъ нашего разсказа съ Орваръ-Оддсагой:

1) Тамъ и здѣсь происходитъ задержка изъ-за попутнаго вѣтра, какъ кажется, при сворачиваніи на востокъ.

2) Здѣсь грабежъ направленъ противъ животныхъ, тамъ противъ людей-финокъ.

3) Буря приноситъ къ неизвѣстному острову.

4) Этотъ островъ населенъ великанами.

5) Буря и попутный вѣтеръ въ рукахъ у обиженныхъ туземцевъ.

Съ таинственнаго острова Гормъ прибылъ—in ulteriorem Biarmiam, т.-е. въ царство мертвыхъ, которое лежало по ту сторону Біармаланда [3]). Вытащивъ корабли на берегъ, путешественники располагаются лагеремъ, такъ какъ оттуда-де уже недалеко до сѣдалища Герута. Тогда Торкиль запрещаетъ имъ говорить: не зная мѣстнаго языка и условій жизни, они легко могутъ промолвить непривѣтливое словечко и обидѣть туземцевъ. Въ сумеркахъ явился человѣкъ необычайной величины и поздоровался съ ними, называя

---

[1]) hann sá at fjöll öll ok hólar váru full af landvættum sumt stórt en sumt smátt. Hkr., стр. 151.

[2]) Hkr., стр. 152.

[3]) ultra terras cognitas sitam, объясняетъ Мюллеръ.

всѣхъ по имени [1]). Точно такъ же и великаны въ Орваръ-Оддсагѣ и въ другихъ сагахъ знаютъ заранѣе имена тѣхъ, кто къ нимъ пріѣхалъ. Всѣ удивлены, но Торкиль поясняетъ, что пришлецъ братъ Герута, Годмундъ (Guthmundus), который покровительствуетъ всѣмъ, стремящимся въ царство мертвыхъ [2]). Годмундъ дѣйствительно приглашаетъ ихъ къ себѣ въ гости и отвозитъ ихъ въ каретахъ. По дорогѣ они видятъ рѣку, черезъ которую ведетъ золотой мостъ. Годмундъ объясняетъ имъ, что эта рѣка отдѣляетъ людской міръ отъ обиталища духовъ [3]).

Раньше, чѣмъ войти въ домъ Годмунда, Торкиль выступаетъ съ новыми предостереженіями: нельзя прикасаться до чужой пищи и вступать въ близкія сношенія съ туземцами; въ противномъ случаѣ у виновнаго помрачится память, онъ забудетъ о своей прежней жизни и обреченъ будетъ остаться среди чудовищъ навсегда [4]). И правда, Годмундъ питаетъ злое намѣреніе завлечь своихъ гостей въ западню. Но несмотря на богатое угощеніе, Гормъ пользуется только своимъ собственнымъ провіантомъ. Тогда Годмундъ предлагаетъ Горму для развлеченія одну изъ своихъ дочерей, остальнымъ же морякамъ — по одной прислужницѣ Несмотря на старанія Торкиля предотвратить несчастье, четыре матроса попались на удочку. Они лишились не только памяти, но и здраваго разсудка. Потомъ Годмундъ повелъ Горма въ садъ и предложилъ ему отвѣдать сочныхъ плодовъ. Гормъ отказался, извиняясь тѣмъ, что ему необходимо немедленно отправиться въ путь. Убѣдившись, что

---

[1]) inusitatæ magnitudinis vir nominatim salutatis nauticis intervenit. Стр. 428.

[2]) cunctorum illic applicantium piissimum inter pericula protectorem...

[3]) eo alveo humana a monstrosis rerum secrevisse naturam... Ср. выше, стр. 9.

[4]) Аналогичный эпизодъ находится въ сказкѣ о Данибертѣ. Путешественниковъ, приставшихъ къ неизвѣстному берегу, туземцы угощаютъ кашей. Данибертъ проситъ своихъ спутниковъ ничего не ѣсть; они же его не слушаются. Отвѣдавъ каши, они пьянѣютъ и впадаютъ въ безпомощное состояніе. Туземцы уже начинаютъ убивать ихъ, но Данибертъ, воздержавшійся отъ всякой пищи, мѣшаетъ ихъ злому замыслу. Rittershaus, стр. 250—1.

коварныя его попытки не удаются, Годмундъ переправилъ путешественниковъ на другую сторону рѣки [1]).

Прошедши немного впередъ, наши путешественники увидѣли въ недалекомъ отъ себя разстояніи темное безобразное поселеніе, похожее болѣе на дымное облако. На отдѣльныхъ колахъ забора торчали отрубленныя людскія головы. У воротъ лежали псы и съ свирѣпымъ видомъ сторожили входъ. Но Торкиль унялъ ихъ злость, бросивъ имъ рогатину, смазанную жиромъ. При помощи достаточно высокихъ лѣстницъ, они перелѣзли черезъ стѣну [2]). Опять Торкиль упрашиваетъ спутниковъ не дотрогиваться ни до одной вещи, сколь драгоцѣнной она не казалась бы. Только при соблюденіи этой предосторожности имъ нечего будетъ бояться тѣхъ страшилищъ, съ которыми имъ предстоитъ встрѣтиться. Они входятъ по четыре человѣка въ рядъ, сперва Broderus и Букки, Гормъ и Торкиль; остальные слѣдуютъ за ними.

Тамъ на желѣзныхъ скамьяхъ сидѣли безжизненные образы чудовищъ; свинцовые простѣнки отдѣляли ихъ другъ отъ друга; у пороговъ стояли внушающіе ужасъ сторожа [3]). Дальше они увидѣли трещину въ скалѣ; подъ ней на какомъ то возвышеніи сидѣлъ старикъ; тѣло его было пробито какъ разъ противъ трещины. Рядомъ съ нимъ сидѣли три женщины; на тѣлѣ у нихъ торчали уродливые зобы; сломанныя ихъ спины не обладали необходимой крѣпостью, и поэтому онѣ упирались другъ о друга, ежась на одномъ и томъ же мѣстѣ [4]).

---

[1]) cunctos in ulteriorem fluminis ripam transvectos iter exequi passus est. Стр. 425.

[2]) Progressi atrum incultumque oppidum vaporanti maxime nubi simile, haud procul abesse prospectant. Pali propugnaculis intersiti desecta virorum capita præferebant. Eximiæ ferocitatis canes tuentes aditum præ foribus excubare conspecti. Quibus Thorkillus cornu abdomino illitum collambendum objiciens, incitatissimam rabiem parvula mitigavit impensa. Superne portarum introitus patuit. Quem scalis æquantes arduo potiuntur ingressu. Стр. 425.

[3]) Exanguia quoque monstrorum simulacra ferreas oneraverant sedes; denique concessuum loca plumbeæ crates secreverant; liminibus horrendæ janitorum excubiæ præerant. Стр. 426.

[4]) Procedentes perfractam scopuli partem nec procul in editiore quodam

Далѣе они удивлялись обильнымъ сокровищамъ и разнымъ драгоцѣнностямъ. Между прочимъ они увидѣли семь бочекъ, опоясанныхъ семью золотыми обручами и увѣшанныхъ серебряными цѣпями изъ многочисленныхъ колецъ [1]); зубъ, о которомъ уже была рѣчь [2]); необыкновенной величины бычачій рогъ, отдѣланный драгоцѣнными камнями и покрытый художественной гравировкой [3]); наконецъ, брослетъ основательнаго вѣса [4]). Тогда матросы не утерпѣли: одинъ изъ нихъ взялъ зубъ, другой—рогъ, третій—брослетъ. Но въ тотъ моментъ, когда они дотронулись до этихъ вещей, зубъ превратился въ острый мечъ и вонзился въ плечо похитителя; рогъ обернулся въ дракона, а брослетъ сдѣлался змѣемъ. Разумѣется, что эти трое погибли.

Остальные спутники идутъ дальше и проникаютъ въ особое, болѣе узкое и потаенное помѣщеніе. Здѣсь они видятъ рѣдкія драгоцѣнности, въ особенности вооруженія, предназначенныя по своей величинѣ какимъ то сверхчеловѣческимъ существамъ. Среди нихъ бросалась въ глаза королевская мантія, роскошная шляпа и поясъ удивительной работы [5]). Даже самъ Торкиль не утерпѣлъ и протянулъ къ нимъ руки. Вся палата затряслась до осно-

---

suggestu senem pertuso corpore discissæ rupis plagæ adversum residere conspicuunt. Præterea foeminas tres corporeis oneratas strumis ac veluti dorsi firmitate defectas junctos occupasse discubitus...

[1]) dolia septem zonis aureis circumligata panduntur, quibus pensiles ex argento circuli crebros inseruerant nexus... Стр. 427. Впрочемъ, это мѣсто очень трудно поддается точному переводу. Рюдбергъ (т. I, стр. 242 и 252), со свойственной ему смѣлостью, объясняетъ dolia, какъ колодцы, цистерны, и думаетъ, что въ нихъ хранился медъ боговъ; пожалуй, онъ готовъ даже отождествить эти цистерны съ источниками Мимира и Урда.

[2]) См. выше, стр.

[3]) ingens bucali cornu exquisito gemmarum fulgore operosius cultum nec cælaturæ artificio vacuum. Стр. 427.

[4]) eximii ponderis armilla.

[5]) regium paludamentum cultiori coniunctum pileo ac mirifici operis cingulum visebantur. Стр. 427. Можетъ быть, въ упоминаніи этихъ вещей сохранилась память о восточныхъ товарахъ, привозимыхъ по Волгѣ и Двинѣ въ Біармаландъ.

ванія, женщины закричали, существа, казавшіяся до сихъ поръ полумертвыми и лишенными всякой возможности движенія, вдругъ вскочили со своихъ мѣстъ и набросились на пріѣзжихъ. Бродъ и Букки метали въ нихъ цѣлыя тучи стрѣлъ, но все-таки только двадцати человѣкамъ удалось спастись, остальные же были растерзаны чудовищами.

Обратный путь проходится такъ же, какъ и когда они шли туда. Только Букки прельстился дочерью Годмунда. Но Саксонъ сохранилъ намъ еще другую версію, по которой Букки погибъ отъ несчастнаго случая. Такъ завершилось пребываніе Горма въ царствѣ мертвыхъ.

Непосредственно къ разсказу о путешествіи Горма примыкаетъ повѣствованіе о поѣздкѣ Торкиля. Послѣдній предпринимаетъ свое путешествіе по слѣдующему поводу. Когда Горму на возвратномъ пути приходится страдать отъ бури и неизбѣжныхъ голодовокъ, то король обратилъ свою душу къ религіи, давалъ всевозможные обѣты богамъ, сознавая, что въ крайней нуждѣ слѣдуетъ ожидать помощи только отъ однихъ боговъ. Въ то время, какъ другіе молились то тому, то другому божеству, Гормъ обратился къ Утгардалоки съ обѣщаніями и задобриваніями; тогда наступила благопріятная погода подъ желаннымъ созвѣздіемъ [1]). Дома Гормъ отдыхаетъ на лаврахъ. Когда онъ достигъ преклоннаго возраста и смерть его уже не могла быть столь далека, то сталъ онъ размышлять о томъ, куда можетъ направиться душа послѣ смерти, освободившись изъ темницы тѣла, и какая на томъ свѣтѣ ожидаетъ его награда за рьяное поклоненіе здѣсь богамъ. Тогда люди, враждебно настроенные противъ Торкиля, уговариваютъ Горма, чтобы чѣмъ-нибудь умилостивить Утгардалоки, отправить къ нему Торкиля. Тогда послѣдній вторично предпринимаетъ опасное путешествіе въ царство мертвыхъ. Но вмѣсто того, чтобы

---

[1]) Denique aliis varias deorum potentias exorantibus ac diversæ numinum majestati rem divinam fieri oportere censentibus, ipse Ugarthilocum votis pariter ac propitiamentis aggressus, prosperam exoptati sideris temperiem assecutus est. Стр. 428—9.

поклоняться Утгардалоки, Торкиль убѣждается въ его безсиліи и даже издѣвается надъ нимъ. На обратномъ пути опять—ужасы. Но въ то время, какъ другіе моряки по обыкновенію обращаются къ различнымъ языческимъ божествамъ, Торкиль на сей разъ сталъ молиться Богу вселенной [1]). Вскорѣ прояснилось небо, отчетливо обозначились контуры береговъ, и можно было безъ опасности продолжать путь. Послѣ этого они прибыли въ Германію, гдѣ незадолго передъ тѣмъ было принято христіанство. Тамъ Торкиль узналъ основныя положенія новаго ученія [2]). Прибывъ въ Данію, Торкиль встрѣтилъ не особенно радушный пріемъ. Враги его внушили Горму, что если онъ выслушаетъ отчетъ Торкиля объ его путешествіи, то непремѣнно умретъ. Гормъ разрѣшаетъ имъ убить Торкиля. Заранѣе предостереженный, послѣдній не ложится въ условленную ночь, за то кладетъ въ постель деревянный чурбанъ. Убійцы разрубаютъ своими мечами чурбанъ, думая при этомъ, что разрубаютъ тѣло Торкиля. На другое утро Торкиль представляется королю и жалуется на коварное съ нимъ обращеніе. Внѣ себя отъ любопытства и забывая всѣ предосторожности, Гормъ заставляетъ Торкиля разсказать о своемъ путешествіи. Когда Торкиль сталъ излагать впечатлѣнія, произведенныя на него краями сѣвера, и сталъ доказывать ничтожность Утгардалоки, Гормъ отъ испуга испустилъ духъ.

Во-первыхъ, укажемъ на главное противорѣчіе: Гормъ самъ былъ въ царствѣ мертвыхъ, къ чему ему было посылать туда еще Торкиля? Кромѣ того, послѣдній ничего новаго тамъ не видитъ. Во-вторыхъ, въ этомъ разсказѣ подчеркнуты черты, которыя противорѣчатъ научному настроенію короля и ничего общаго не имѣютъ съ условіями самой поѣздки. Гормъ представленъ рьянымъ поклонникомъ языческихъ боговъ, въ частности—Утгардалоки, и заду-

---

[1]) Igitur cæteris propensiora sibi numina nequicquam deprecantibus Thorkillus Universitatis Deum votis aggressus... Стр. 432.

[2]) Tandem ad Germaniam Christianis tunc sacris initiatam appulsus apud eius populum divini cultus rudimenta percepit. Стр. 432.

мывается надъ вопросомъ о загробной жизни. Когда Гормъ узнаетъ, что его богъ безсиленъ и никакихъ почестей недостоинъ, онъ умираетъ въ отчаяніи. Зато Торкиль спасается: онъ увѣровалъ въ единаго Бога. Между обоими путешествіями устанавливается полная параллельность: у Горма—посѣщеніе Герута, на возвратномъ пути страданія и подъемъ религіознаго чувства, вѣра въ Утгардалоки; у Торкиля—посѣщеніе Утгардалоки, на пути домой тѣ же бѣдствія и обращеніе къ Богу вселенной. Въ этомъ противопоставленіи ясно сказывается желаніе доказать превосходство христіанскаго Бога передъ языческимъ, который заклепанъ въ аду и проживаетъ тамъ среди разныхъ гадовъ. Эта идея могла зародиться у Саксона сама собой, когда ему пришлось связать два однородныхъ разсказа: сказаніе о посѣщеніе Торкилемъ царства мертвыхъ и воспоминанія о путешествіи короля Горма на крайній сѣверъ. Изъ короля Горма Саксонъ создалъ ревностнаго язычника; какъ pendant къ нему, необходимъ христіанинъ, который показалъ бы превосходство новаго ученія надъ старымъ. Для этой цѣли Саксонъ счелъ себя въ правѣ выдвинуть разсказъ о Торкилѣ, несмотря на то, что подробности сказанія о немъ уже отразились въ разсказѣ о Гормѣ.

Въ то время, какъ сказаніе о Торкилѣ несомнѣнно исландскаго или по крайней мѣрѣ, норвежскаго происхожденія (Саксонъ даже самого Торкиля считаетъ исландцемъ), вопросъ о королѣ Гормѣ разрѣшается далеко не такъ просто. Среди датскихъ королей мы находимъ нѣсколько лицъ съ этимъ именемъ. Вѣроятно, въ представленіи Саксона слилась память какъ о той, такъ и о другой личностяхъ. Извѣстный Гормъ Старый былъ послѣдній языческій король въ Даніи; но и нашъ путешественникъ Гормъ умираетъ, узнавъ о превосходствѣ христіанскаго Бога надъ языческими. Другой Гормъ умираетъ съ горя, скорбя о гибели Кнуда Данааста; но и нашъ Гормъ умираетъ отъ психическаго волненія. Я считаю возможнымъ признать и путешествіе Горма историческимъ фактомъ. На это указываетъ: 1) характеристика самого Горма; 2) тѣ приготовленія, о которыхъ ничего не знаютъ исландскіе

источники; 3) многочисленныя реальныя подробности путешествія; 4) и то замѣчаніе Саксона, что эта поѣздка была единственной въ своемъ родѣ—rem admodum intentatam. Но при такомъ объясненіи необходимо выдѣлить всѣ миѳическія черты, которыя могли имѣть отношеніе къ одному лишь Торкилю, но отнюдь не къ Горму. Въ то время, какъ большинство извѣстій о бѣломорскомъ краѣ проникло въ Данію, очевидно, изъ Швеціи, Гормъ явился бы единственнымъ, извѣстнымъ намъ, датчаниномъ, который въ эти доисторическія времена снарядилъ морскую экспедицію въ Ледовитый океанъ и Бѣлое море.

XL.

Сказаніе о Торкилѣ Адальфари.

Изъ разсказа о путешествіи короля Горма исландскому преданію слѣдуетъ приписать слѣдующія черты въ описаніи царства мертвыхъ:

1) Рѣка, отдѣляющая царство мертвыхъ отъ міра живыхъ; золотой мостъ, ведущій черезъ эту рѣку; перевозчикъ—Годмундъ.

2) Опасныя яства и плоды Годмунда; дочери его и ихъ роковыя ласки.

3) Городъ Герута, окруженный высокой стѣной; у воротъ—псы.

4) Чудовища, сперва неподвижныя, потомъ оживающія.

5) Старикъ и три женщины.

6) Драгоцѣнности.

Особый разсказъ о Торкилѣ отчасти прибавляетъ новыя черты къ этому описанію, отчасти повторяетъ старыя. Гормъ былъ заброшенъ бурей къ неизвѣстному берегу; оттуда великаны даруютъ ему попутный вѣтеръ. Такъ же и Торкиль попадаетъ сперва въ неизвѣстный край и тутъ онъ распрашиваетъ двухъ великановъ, которые указываютъ, куда ему ѣхать. Прибывъ къ мѣсту назначенія, Торкиль находитъ отверстіе въ скалѣ, разводитъ огонь—opportunum contra dæmones tutamentum, и проситъ часть товарищей

сторожить входъ. Нагибаясь, онъ съ остальными пробирается черезъ узкій ходъ. Въ одномъ помѣщеніи они видятъ духовъ, сидящихъ на желѣзныхъ скамьяхъ,—повтореніе черты изъ разсказа о Гормѣ. Далѣе, рѣка, текущая тихо и спокойно по чистому песочному руслу. Спустившись дальше въ пещеру, они попадаютъ въ черный, грязный чертогъ. Здѣсь находился Локи; онъ былъ скованъ тяжелыми цѣпями по рукамъ и ногамъ. Общими силами они вырываютъ у него волосъ со щеки. Локи самъ не обращаетъ никакого вниманія на это, но вокругъ него все зашевелилось—это были змѣи, ползающіе вездѣ. Змѣи преслѣдовали ихъ до самаго выхода, оплевывая ихъ своимъ смертельнымъ ядомъ. Только пять человѣкъ спаслось; остальные погибли. Теперь ясно, что и въ разсказѣ о Гормѣ змѣи, ползающія по полу, не только должны служить признакомъ господствующей тамъ нечистоты, но представляютъ собой остатки болѣе существенной черты. Уже раньше [1]) намъ приходилось ссылаться на Конрадсагу, которая построена на излюбленномъ легендарномъ мотивѣ о добываніи драгоцѣнностей изъ вавилонскаго царства. И тутъ весь городъ наполненъ змѣями; но они лежатъ совершенно тихо, пока никто не трогаетъ драгоцѣнностей. При первой же попыткѣ присвоить себѣ какую-нибудь вещь, раздается страшный шумъ, распространяется невыносимое зловоніе и змѣи всѣ набрасываются на грабителя.

Передъ нами двѣ версіи: по одной путешественники хотятъ похитить драгоцѣнности; по другой они вытаскиваютъ волосъ изъ бороды Локи. Не только аналогія съ Конрадсагой, Стурлаугсагой и Босасагой доказываетъ, что первая версія—первоначальная. Вторая версія кромѣ того указываетъ на типъ сказокъ, въ которыхъ герой отправляется въ адъ за волоскомъ чорта. Но какъ разъ въ разсказѣ о Торкилѣ, Саксону было важно подчеркнуть аналогію Локи съ чортомъ. Что касается Локи, то его положеніе у Саксона вполнѣ отвѣчаетъ исландскимъ источни-

---

[1]) См. выше, стр. 306.

камъ. Въ пѣснѣ Волуспо есть намекъ на то, что онъ гдѣ то находится связаннымъ:

Hapt sá hón liggia
undir Hueralundi
lǽgiarns líki
Loka áþekkian (строфа 35).

Снорри [1]) разсказываетъ намъ подробно о томъ, какъ асы ловили Локи и посадили его въ пещеру между камнями; они связали его кишками его сына, кишки же вскорѣ превратились въ желѣзныя. Въ исландскомъ разсказѣ Саксонъ нашелъ и упоминаніе о змѣѣ, который сидѣлъ надъ самой головой Локи, такъ что ядъ изъ его пасти капалъ тому прямо въ лицо. Вѣроятно этотъ миѳъ является уже отголоскомъ христіанскихъ ученій о дьяволѣ и адѣ. Во всякомъ случаѣ Саксонъ въ данномъ мѣстѣ смотрѣлъ на Локи какъ на антихриста и поэтому воспользовался вышеприведеннымъ миѳомъ. Но кромѣ того Локи несомнѣнно былъ связанъ съ отдаленнѣйшимъ сѣверомъ. Здѣсь скандинавъ помѣщалъ царство мертвыхъ—útgarđr; а властелиномъ этого царства впослѣдствіи сталъ Локи, получившій по этому прозвище Утгардалоки. Когда я излагалъ эти взгляды въ первой главѣ [2]), я упустилъ наиболѣе подходящую для нашего толкованія этимологію отъ глагола lúka=«закрывать», по которой Локи былъ бы олицетвореніемъ смерти, закрывателемъ жизни. Но, понятно, Локи въ Утгардѣ не могъ быть связаннымъ. Это—комбинація Саксона, которой противорѣчитъ свидѣтельство Волуспо; тутъ связанный Локи находится въ лѣсу—Hueralundr. Въ Утгардѣ же Локи былъ царемъ, какимъ онъ и является въ другомъ разсказѣ Снорри, къ которому мы еще вернемся.

Разъ поѣздка Торкиля была направлена въ царство мертвыхъ, то и другія подробности пріобрѣтаютъ для насъ особый интересъ. Когда Гормъ спрашиваетъ Торкиля, кто

---

1) Стр. 79—80.
2) См. выше, стр. 3—4.

этотъ старикъ и три женщины, то исландецъ объясняетъ ему, что Торъ, раздраженный грубостью великана, запустилъ въ грудь Герута раскаленнымъ желѣзнымъ клиномъ. Пройдя черезъ тѣло, этотъ клинъ разсѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ и стѣну горы, которая вся задрожала. Женщины же пытавшіяся нанести Тору вредъ, были поражены сверкающей молніей и тѣло ихъ изувѣчено переломомъ спиннаго хребта [1]). Саксонъ тутъ передаетъ миѳъ о Герутѣ=Geirrǫđr съ тѣми же подробностями, какъ и Снорри. Нисколько не противорѣча Мейеру [2]), который придаетъ этому миѳу метеорологическое значеніе, мы тѣмъ не менѣе считаемъ нужнымъ отмѣтить фактъ пріуроченія его къ царству мертвыхъ. У Саксона въ плѣну два миѳическихъ существа: Локи и Герутъ; изъ нихъ только послѣдній находился въ оригинальномъ исландскомъ разсказѣ.

Въ то время какъ описаніе города Герута и той обстановки, въ которой находятъ Локи, а равно и разсказы о великанахъ вполнѣ подходятъ къ общимъ понятіямъ скандинава о сѣверѣ, характеристика Годмунда и его владѣній представляетъ собой рѣзкій контрастъ ко всей арктической природѣ. Неоднократно Саксонъ указываетъ на отсутствіе здѣсь всякой растительности, между тѣмъ у Годмунда роскошный садъ съ вкусными плодами. Ни Саксонъ, ни саги не щадятъ красокъ при описаніи безобразнаго вида туземцевъ, дочери Годмунда — писанныя красавицы. Наконецъ, Годмундъ самъ отличается привѣтливостью и предупредительностью. Его владѣніе называется Glæsisvellir; это выраженіе я сопоставляю съ «стеклянной» горой—Glasberg нѣмецкихъ сказокъ. Несомнѣнно, «стеклянный» здѣсь означаетъ блестящій, какъ стекло, красивый, очаровательный. Я позволю себѣ слѣдующее сравненіе: въ нѣмецкихъ сказкахъ чередуются понятія Glasberg и Rosenberg; да не бу-

---

[1]) Thorkillus qui probe rerum causas noverat docet Thor divum gigantea quondam insolentia lacessitum per obluctantis Geruthi præcordia torridam egisse chalybem eademque ulterius lapsa convulsi montis latera pertudisse fœminas vero vi fulminum tactas infracti corporis damno eiusdem niminis attentati pœnas pependisse firmabat. Стр. 426.

[2]) Myth. d. Germ., стр. 232.

детъ рискованно связать Glæsisvellir съ Rosengarten'омъ средненѣмецкаго эпоса!

Особое мѣсто занимаетъ разсказъ Саксона о посѣщеніи Гаддингомъ царства мертвыхъ въ томъ отношеніи, что онъ спускается внизъ подъ землю. Рюдбергъ [1]) пытается даже доказать, что о странѣ великановъ вообще существовало два мнѣнія: по одному она помѣщалась на сѣверѣ, по другому подъ землею. Но выше [2]) мы высказали мысль, что разсказъ этотъ у Саксона перепутанъ: посѣщеніе царства мертвыхъ несомнѣнно связано съ походомъ Гаддинга въ Біармаландъ. Мысль же о томъ, что Гаддингъ спускается внизъ подъ землю, могла зародиться подъ вліяніемъ мотива о женщинѣ, появляющейся неожиданно изъ земли. Въ остальномъ же разсказъ о Гаддингѣ вполнѣ подтверждаетъ всѣ представленія о царствѣ мертвыхъ. Сперва имъ пришлось проникнуть черезъ облако густого пара [3]). Городъ Герута также сравнивается съ облакомъ дыма — vaporanti maxime nubi simile. Отсюда названіе — Niflhel и Niflheimr, образованное изъ nifl = туманъ. Далѣе они спускаются по ступенямъ, разрушеннымъ отъ постоянной по нимъ ходьбы. Въ помѣщеніи, въ которое они входятъ, сидятъ почтенные люди въ пурпуровыхъ мантіяхъ. Это вѣроятно варіантъ къ чудовищамъ, прикованнымъ къ желѣзнымъ скамьямъ. Затѣмъ они выходятъ на поле, согрѣваемое солнцемъ, гдѣ старуха посреди зимы собрала омегъ [4]). Эти солнечныя поля — loca aprica вполнѣ соотвѣтствуютъ «стекляннымъ» полямъ Годмунда; здѣсь продолжается безпрерывное лѣто; здѣсь цвѣтетъ ядовитый омегъ, дарующій людямъ забвеніе и смерть. Вѣдь и спутники Торкиля не должны ѣсть ничего у Годмунда, иначе они могутъ потерять разсудокъ. Далѣе слѣдуетъ рѣка, быстро катящая свои свинцово-грязныя воды; въ ней неслись по теченію оружія различ-

[1]) Undersökningar, т. I, стр. 249.

[2]) Стр.

[3]) Primum igitur vapidæ cuiusdam caliginis nubilum penetrantes... Saxo, стр. 51.

[4]) loca demum aprica subeunt quæ delata a fœmina gramina protulerunt.

наго рода: черезъ самую рѣку же велъ мостъ [1]). На оружія имѣется указаніе въ 36-ой строфѣ Волуспо:

A' fell austan
um eitrdala
sǫxom ok suerþom,
Slíþr heitir sú.

Комментаторы Эдды [2]) думаютъ, что «ядовитыя» долины—eitrdala—слѣдуетъ понимать какъ «холодныя» долины, такъ какъ морозъ можетъ причинить боль не хуже яда. Но это объясненіе кажется мнѣ натянутымъ, тѣмъ болѣе что я могу предложить болѣе простое толкованіе: въ долинахъ царства мертвыхъ растетъ омегъ и вообще растенія и плоды, причиняющіе людямъ вредъ, и поэтому эти долины могли называться ядовитыми. Вмѣстѣ съ тѣмъ устраняется и та догадка, что мечи, плавающіе въ рѣкѣ, указываютъ на «рѣжущій» холодъ ея водъ [3]). Но даже для Волуспо такая образность явилась бы слишкомъ смѣлой аллегоріей. Оружія я понимаю въ буквальномъ смыслѣ и думаю, что онѣ должны были мѣшать переходу рѣки въ бродъ.

Перешедши черезъ мостъ, они увидѣли, какъ два войска сражались другъ съ другомъ. На вопросъ Гаддинга женщина пояснила ему, что воины суть павшіе въ бою герои, которые и послѣ своей смерти продолжаютъ то дѣло, изъ-за котораго лишились жизни на землѣ [4]). И эта подробность заимствована Саксономъ изъ Исландіи. Только въ исландской миѳологіи павшіе въ бою—einherjar становятся подъ особое покровительство Одина и попадаютъ въ Вал-

---

[1]) Progressique præcipitis lapsus ac liventis aquæ fluvium diversi generis tela rapido volumine detorquentem eundemque ponte meabilem factum offendunt.

[2]) Edda, т. II, стр. 49.

[3]) Тамъ же, стр. 50.

[4]) Quo pertransito binas acies mutuis viribus concurrere contemplantur; quarum conditionem a fœmina percontænte Hadingo, ii sunt, inquit, qui ferro in necem acti, cladis suæ speciem continuo protestantur exemplo præsentique spectaculo præteritæ vitæ facinus æmulantur.

галлу [1]). Въ одной эддической пѣснѣ [2]) описывается также, какъ они каждый день выходятъ на бой, ищутъ поводъ къ сраженію, а затѣмъ уѣзжаютъ съ поля брани и примиренные сидятъ весело вмѣстѣ.

Наконецъ они дошли до забора, который преграждалъ имъ дальнѣйшій путь. Женщина попробовала перепрыгнуть черезъ него, но несмотря на легкость и сухость ея тѣла, эта попытка ей не удалась [3]). Тогда она взяла пѣтуха, свернула ему голову и бросила ее черезъ ограду. Вскорѣ оттуда послышалось пѣніе пѣтуха въ знакъ того, что оторванная голова ожила. Заборъ, окружавшій царство мертвыхъ, попадается и въ разсказѣ о Гормѣ, гдѣ моряки при помощи лѣстницъ перелѣзаютъ черезъ него. Въ позднѣйшихъ средневѣковыхъ, нѣмецкихъ и другихъ разсказахъ рай отдѣленъ отъ остальнаго міра высокой горой и стѣной [4]), Но это представленіе о «райской» стѣнѣ могло восходить къ глубокой древности. Она упоминается уже у Прокопія, который, какъ мы уже указывали [5]), пріурочивалъ царство мертвыхъ къ Британіи. Тамъ будто бы уже издревле выстроена стѣна, которая отдѣляетъ большую часть острова. По ту сторону стѣны такъ и кишитъ змѣями. Если бы человѣкъ перелѣзъ эту стѣну, то онъ не могъ бы жить тамъ и получаса; онъ вскорѣ умеръ бы отъ смраднаго воздуха; то же самое случилось бы съ живот-

---

[1]) hann (т.-е. Odinn) heitir ok Valfǫdr, því at hans óskasynir eru allir, þeir er í val falla; þeim skipar hann Valhǫll ok Vingólf ok heita þeir þá einherjar.—Snorre, стр. 28 и 86. Сл. также Grímnismál, строфу 24.

[2]) Vafþrúþnismál, строфа 41:

Allir einheriar
Oþins túnom í
hǫgguaz huerian dag.
ual þeir Kiósa
ok riþa uégi frá,
sitia meirr um sáttir saman.

[3]) Prodeuntibus murus aditu transcensuque difficilis obsistebat; quem fœmina nequicquam transilire conata, cum ne corrugati quidem corporis exilitate profueret.

[4]) Сл. Веселовскій, Разысканія, выпускъ VI, стр. 95.

[5]) Стр. 13.

ными [1]). Правда, тутъ за стѣной помѣщается отнюдь не рай, а какой то адъ, но развѣ эта картина не вполнѣ схожа съ описаніемъ Саксона?

Такимъ образомъ мы доказали, какъ разсказъ Саксона и въ подробностяхъ зависитъ отъ исландской традиціи. Вниманіе заслуживаетъ также прозвище Торкиля—ađalfari, которое сохранилось даже въ средневѣковой норвежской балладѣ, въ которой выступаетъ Torkild Adelfar. Въ производныхъ словахъ ađal усиливаетъ значеніе главной части, такъ ađalskali=главная комната, а ađalfari=знаменитѣйшій путешественникъ. Невольно при этомъ припоминается прозвище Одда—viđfôrli.

XLI.

Сага о Торстейнѣ Беармагнъ [2]).

Свое прозвище bæarmagn [3]) Торстейнъ пріобрѣлъ потому, что былъ выше ростомъ большинства людей; въ этомъ отношеніи не было равнаго ему въ Норвегіи [4]). Когда Олафъ, сынъ Тригви, вступилъ на престолъ, Торстейнъ сдѣлался его дружинникомъ — hirđmađr. Однажды Торстейнъ находился на востокѣ въ области Balagarđssíđa [5]). Такъ какъ

---

[1]) 'Εν ταύτῃ δη τὴ Βριττίᾳ νήσῳ τεῖχος ἐδείμαντο μακρὸν οἱ πάλαι ἄνθρωποι, δίχα τέμνον αὐτῆς πολλήν τινα. μοῖραν, ὅτι ἡ γῆ καὶ ὁ ἀὴρ καὶ τἄλλα πάντα οὐχ ὁμοίως ἐφ' ἑκατερά ἐστι... πρὸς δύοντα δὲ πᾶν τοὐναντίον ὥστε ἀμέλει ἀνθρώπῳ μὲν οὐδὲ ἡμιώριον δυνατόν ἐστιν ἐνταῦθα βιῶναι, ἔχις δὲ καὶ ὄφεις ἀναρίθμητοι καὶ ἄλλωι θηρίων παντο δαπὰ γένη διακεκλήρωται τὸν χῶρον ἐκεῖνον. Καὶ τὸ δὴ παραλογώτατον οἱ ἐπιχώριοι λέγουσιν ὡς εἴ τίς ἄνθρωπος τὸ τεῖχος ἀμείψας ἐπὶ θάτερα ἴοι, εὐθυωρὸν θνήσκει, τὸ λοιμῶδες τῶν ἐκείνῃ ἀέρων ὡς ἥκιστα φέρων, τοῖς τε θηρίοις ἐνθάδε ἰοῦσιν ὁ θάρατος εὐθὺς ὑπαντιάξων ἐκδέχεται. Изданіе Компаретти, т. Ш, стр. 155—6.

[2]) Fms. т. Ш, стр. 175—198.

[3]) Magn=сила, но первая часть неясна. Можетъ быть, слѣдуетъ связать ее съ bœr=домъ, жилище, городъ; родительный падежъ былъ бы bœjar.

[4]) Engi var jafnstór í Noregi;... hann þótti ofmagni bera flestum húsum.

[5]) Опредѣленіе это остается загадочнымъ; одни думаютъ, что это берегъ Помераніи между устьями Одера и Вислы, другіе ищутъ эту мѣстность въ Финляндіи.

не было вѣтра, Торстейнъ вышелъ на берегъ и пошелъ въ лѣсъ. Здѣсь у холма онъ увидѣлъ мальчика, который кричалъ: «матушка, выбрось мнѣ палку и перчатки, я хочу поскакать съ вѣдьмами—ek vil á gandreið fara. Получивъ требуемыя вещи, мальчикъ садится верхомъ на палку и убѣгаетъ; словомъ, онъ велъ себя такъ, какъ дѣти, когда онѣ играютъ. Тогда Торстейнъ выкрикиваетъ тѣ же слова надъ холмомъ и на вопросъ вѣдьмы поясняетъ, что онъ ея сынъ Біальби. Получивъ палку; онъ убѣгаетъ вслѣдъ за мальчикомъ. Они подошли къ широкой рѣкѣ и поплыли черезъ нее; но имъ казалось, что она дымилась какъ паръ [1]). Затѣмъ они очутились въ мѣстности, гдѣ рѣка падала внизъ со скалъ. Торстейнъ увидѣлъ много поселковъ и большой дворецъ. Внутри—пиршество; вездѣ золото и серебро. Вино такъ и льется; царитъ общее веселье. Мальчикъ, никѣмъ не замѣченный, сталъ собирать все, что падало со стола. Королю представляется посольство изъ Индіи и преподноситъ ему перстень. Еще другую драгоцѣнность примѣтилъ Торстейнъ—скатерть на столѣ короля. У ней бортъ весь изъ золота, а кромѣ того еще пришито 12 драгоцѣнныхъ камней. Въ тотъ моментъ, когда король хотѣлъ надѣть перстень, Торстейнъ выхватилъ его у короля одной рукой, а другой сорвалъ скатерть со стола, такъ что всѣ яства и вина очутились на полу. Но при этомъ онъ выронилъ палку, которая дѣлала его невидимымъ для окружающихъ. Тотчасъ всѣ погнались за нимъ, но онъ благополучно достигъ рѣки и здѣсь сталъ отбиваться отъ своихъ преслѣдователей. Тутъ его настигъ уже мальчикъ и вручилъ ему потерянную палку. Тогда они скрываются отъ враговъ и возвращаются къ холму. На сей разъ мальчикъ входитъ въ холмъ. Въ немъ сидѣло двѣ вѣдьмы: одна ткала, другая качала ребенка. Имъ мальчикъ разсказываетъ о случившемся. Торстейнъ же возвращается къ своему кораблю и ѣдетъ въ Норвегію. Здѣсь

---

[1]) þeir komu at einni móðu ok steyptu sér ofan í hana ok var því ¡kast sem þeir væði reyk... О дымѣ и парѣ упоминаетъ и Саксонъ, ср. выше, стр. 356.

онъ передаетъ королю Олафу похищенныя драгоцѣнности. Король хочетъ вознаградить его большимъ помѣстьемъ, но Торстейнъ заявляетъ о своемъ желаніи еще разъ отправиться на востокъ.

Весною Торстейнъ отправился на одномъ кораблѣ въ путь-дорогу, имѣя съ собой 24 человѣка. Въ Ямталандѣ онъ вышелъ на берегъ. Тамъ онъ увидѣлъ карлика, который плакалъ изъ-за того, что орелъ унесъ его ребенка. Торстейнъ прицѣливается и убиваетъ орла наповалъ, а самъ ловитъ падающаго ребенка. Карликъ такъ обрадовался спасенію своего сына, что надѣлилъ Торстейна чудесными подарками: спасательной сорочкой, кольцомъ, гарантирующимъ постоянное богатство, и камнемъ, нося который дѣлаешься невидимымъ. Но самыми чудесными подарками являются трехугольный камень и стальной прутъ. Камень былъ бѣлъ въ серединѣ, на обратной сторонѣ красенъ, края же его были желтаго цвѣта. Если ударить прутомъ по бѣлому мѣсту камня, то пойдетъ градъ. Ударивъ желтое мѣсто, можно вызвать солнечную погоду, такъ что весь снѣгъ растаетъ. Красное мѣсто же возбуждаетъ огонь, пепелъ и искры—eldr ok eimyrja með gneistaflavg. Если же бросить прутъ и камень во что нибудь, то они полетятъ обратно въ руку, если позвать ихъ. Хотя и стрѣлы Орваръ-Одда обладали этимъ послѣднимъ свойствомъ, тѣмъ не менѣе не мѣшаетъ намъ вспомнить, что то же самое говорится и о молотѣ Тора [1]). Теперь принято производить названіе молота—Mjǫllnir отъ того же корня, отъ котораго образовано и русское слово «молнія». Итакъ, этотъ молотъ принадлежитъ къ обширному кругу сказаній о заклинаніи погоды (Wetterzauber). Сближеніе съ нашимъ разсказомъ сводится и къ тому, что молотъ искусно скованъ двергами [2]). Но съ другой стороны слово hamarr означаетъ не только «молотъ», но и «камень». Камень-молотъ несомнѣнно

[1]) ef hann yrpi hánum til, þá mundi hann aldri missa, ok fljúga svá langt, at eigi mundi hanu sækja heim hǫnd. Sn. Edda, стр. 112. Skáldskaparmal. гл. XXXVII.

[2]) А именно—Ivaldasynir. Тамъ же.

болѣе древній видъ аттрибута Тора, чѣмъ работа дверговъ. Можетъ быть, на это указываетъ и такая подробность, что у молота слишкомъ короткая рукоятка [1]). На основаніи вотъ этихъ то совпаденій я думаю, что смѣло можно отождествить камень Торстейна съ молотомъ Тора, хотя составитель саги снабдилъ его описаніе разными причудливыми подробностями. Прутъ, который Торстейнъ еще получаетъ въ добавокъ, вѣроятно палка, которую держали въ рукахъ при колдовствѣ.

Затѣмъ Торстейнъ поѣхалъ дальше на востокъ. Вдругъ ихъ объялъ мракъ, на пути же встрѣчались чудовища; полутора мѣсяца они блуждали по морю, не зная куда они держатъ путь [2]). Это краткое описаніе ихъ путешествія содержитъ всѣ тѣ характерныя подробности, которыя намъ приходилось отмѣчать уже раньше. Они стали на якорь въ длинномъ фіордѣ. Съ берега видны были живописныя горы и лѣса—hlíđir fagrar ok skóga Но не было тамъ ни туземцевъ, ни звѣрей, ни дичи. Они соорудили палатку на берегу. Торстейнъ же отправляется на развѣдки, приказавъ своимъ людямъ ждать его семь дней. Цѣлый день Торстейнъ пробирался черезъ лѣсъ, только на слѣдующій онъ нашелъ широкую дорогу, вечеромъ же онъ ее потерялъ изъ виду. Тогда онъ взобрался спать на большой дубъ. Рано утромъ мимо него проѣзжаютъ 22 великана, но не замѣчаютъ его. Вскорѣ за ними ѣдутъ еще три; съ ними Торстейнъ вступаетъ въ разговоръ. Онъ имъ кажется столь маленькимъ, что по ихъ мнѣнію ему слѣдуетъ называться не bæarmagn, а bæarbarn=ребенокъ. Его собесѣдники Годмундъ, Fullsterkr=полносильный и Allsterkr=всесильный. Далѣе мы узнаемъ, что владѣніе Годмунда Glæsisvellir подчинено государству великановъ — Rísaland или Jötunheimar, королемъ котораго является Герраудъ. Отецъ Годмунда былъ убитъ, когда онъ приносилъ дань Геррауду; теперь же послѣдній устраиваетъ по немъ поминки. Пер-

---

[1]) en þat var lýti á hamrinum at forskeptit var skamt. Тамъ же.

[2]) Koma nú á fyrir þeim myrkr ok hafvillur, ok vita þeir ekki hvar þeir fara ok var þat hálfan mánuđ at þessi villa hélzt.

выхъ 22 великана также принадлежатъ къ свитѣ Годмунда, и имъ нужно переправиться черезъ большую рѣку, которая отдѣляетъ ихъ владѣнія. Обыкновенныя лошади не могутъ переплыть ее; поэтому эти 22 отправились вверхъ по теченію, чтобы перейти рѣку тамъ гдѣ она мельче. Торстейнъ хотѣлъ ѣхать вмѣстѣ съ Годмундомъ, но послѣдній не соглашается на это ввиду того, что Торстейнъ христіанинъ. Торстейнъ однако беретъ всю отвѣтственность на себя. Возлѣ рѣки они надѣваютъ на себя и на лошадей непромокаемое платье. Вода въ рѣкѣ была такъ холодна, что Торстейнъ отморозилъ себѣ палецъ ноги, такъ что ему пришлось отрубить его.

Послѣднее происшествіе напоминаетъ подобный же случай съ Торомъ [1]). Правда, не самъ Торъ пострадалъ отъ холода, а Орвандиль, но параллель тѣмъ не менѣе поразительная. Мѣстомъ дѣйствія въ обоихъ разсказахъ является страна великановъ. Торстейнъ весь закутался въ непромокаемое платье; Орвандиль съежился въ корзинѣ. Но у обоихъ высунулся палецъ ноги. Торстейнъ отрубаетъ свой палецъ; Торъ отламываетъ отмороженный палецъ Орвандиля и бросаетъ его на небо. Что касается послѣдней черты, то она принадлежитъ уже къ другому кругу сказаній.

Сравнимъ теперь встрѣчу Торстейна съ Годмундомъ и разсказомъ о Скримнирѣ [2]). Подобно Торстейну и Торъ со своими спутниками цѣлый день бродитъ по лѣсу [3]). Ночь они проводятъ въ перчаткѣ великана, въ то время какъ Торстейнъ спитъ на дубу. Но мнѣ кажется, что въ первоначальномъ разсказѣ, по которому Торъ, вѣроятно, странствовалъ одинъ, безъ Локи и другихъ спутниковъ, онъ также спалъ на деревѣ. Вслѣдъ за этой ночью описывается другая, когда Торъ хочетъ убить Скримнира и трижды ударяетъ его молотомъ по головѣ. Каждый разъ Скримниръ

---

[1]) Эдда Снорри, стр. 105.

[2]) Эдда Снорри, стр. 58 сл.

[3]) þá er þau hǫfðu litla hríð gengit, þá varð fyrir þeim mǫrk stór; gengu þau þann dag allan til myrkrs.

просыпается, но думаетъ, что листъ или желудь упали ему на голову или что птицы сидятъ надъ нимъ въ вѣтвяхъ. Это извѣстная сказочная шутка. Но въ сказкахъ этого типа герой (портной или Иванушка-дурачекъ) всегда сидитъ на деревѣ и бросаетъ камни въ великана, отчего тотъ и просыпается. Основываясь на этихъ сказкахъ и на сагѣ о Торстейнѣ, слѣдуетъ думать, что существовалъ разсказъ о Торѣ, въ которомъ описывалась только одна ночь, та, въ которую онъ пытался убить великана. Но откуда взялся этотъ Скримниръ? По мнѣнію Уланда [1]) Скримниръ замаскированный Утгардалоки, шутникъ, хвастунъ—Possentreiber, Praler. Это названіе будто бы указываетъ на тѣ состязанія, которыя Утгардалоки устраиваетъ съ Торомъ. Но мнѣ кажется, что имя Skrŷmnir слѣдуетъ толковать иначе: skrum = болтовня, skrumari = болтунъ, а Skrŷmnir такое же названіе великана, какъ Πολύφημος. Оба—болтуны, оба—великаны вѣтра. Такія названія ничего общаго не имѣютъ съ разсказами, въ которыхъ они теперь выступаютъ дѣйствующими лицами; онѣ возникли еще въ то время, когда демонологія народа находилась въ первичной стадіи своего развитія. Итакъ, Скримниръ ничего общаго съ Утгардалоки имѣть не можетъ; разсказъ же этотъ былъ очевидно вполнѣ самостоятельнымъ сказаніемъ о Торѣ, развившимся на почвѣ сказокъ. По Саксону Торкиль тоже встрѣчаетъ сперва Годмунда, и вообще есть намеки на то, что Годмундъ былъ якобы оффиціальнымъ проводникомъ всѣхъ, кто посѣщалъ царство Герраудa.

По прибытіи во дворецъ Герраудa Торстейнъ дѣлается невидимымъ. Въ первый вечеръ происходитъ обычное угощеніе. На другой день Герраудъ производитъ Годмунда въ короли—gaf honum konúngsnafn, облекаетъ его въ золотую мантію и принимаетъ отъ него клятву вѣрности. Но въ залѣ находилось два мужа, которые завидовали Годмунду: Jökull = ледяная гора и Frosti = морозъ. Ёкуль схватилъ бычачью кость и швырнулъ ее въ Годмунда, но никѣмъ не видимый Торстейнъ поймалъ ее на лету и, бросивъ

[1]) Ges. Schriften, т. VI, стр. 43.

обратно, попалъ въ мужа по имени Gustr=дуновеніе вѣтра, такъ что у него сломался носъ, и вылетѣли всѣ зубы. Тогда Герраудъ разсердился и велѣлъ устроить состязаніе, кто ловчѣе и сильнѣе въ метаніи. Для этого приносятъ черепъ моржа вѣсомъ въ 100 фунтовъ; онъ весь горѣлъ, такъ что искры отъ него летѣли, какъ изъ очага; жиръ же капалъ на полъ, какъ расплавленная смола. Король велитъ бросать другъ въ друга этимъ черепомъ; кто упадетъ, будетъ изгнанъ и его имущество отобрано; кто боится взять его въ руки, будетъ считаться трусомъ—níđíngr. И вотъ начинается страшная игра: одному разбиваютъ щеку, другому спаливаютъ бороду, двое убито. Наконецъ, черепъ вылетаетъ въ отверстіе въ стѣнѣ, и игра кончается. Торстейнъ также принималъ участіе въ этой игрѣ, хотя никто не замѣчалъ его присутствія. Только благодаря его вмѣшательству Годмундъ и его люди спаслись отъ гибели.

Снорри [1]) разсказываетъ то же самое про Тора, который также посѣтилъ дворецъ Геррауда—Geirrǫđargarđr. Когда Торъ вошелъ въ залъ, Герраудъ клещами схватилъ раскаленный кусокъ желѣза и бросилъ въ гостя, но Торъ поймалъ желѣзо своими рукавицами. Герраудъ, правда, успѣлъ спрятаться за колонной, но ударъ Тора былъ такъ силенъ, что желѣзо пробило колонну, Геррауда, стѣну и застряло въ стѣнѣ. Мы можемъ предполагать еще другой варіантъ этого сказанія о Торѣ. Въ сагѣ о королѣ Гаральдѣ Жестокомъ [2]) разсказывается, какъ король при видѣ кузнеца, дерущагося съ кожевникомъ, приказываетъ скальду Тіодольфу сочинить пѣснь объ этомъ происшествіи, но такъ, чтобы кузнецъ явился бы въ роли Тора, а кожевникъ въ роли Геррауда. Въ строфѣ, сочиненной Тіодольфомъ, говорится, что Торъ изъ кузницы бросалъ въ великана горячіе куски мяса барановъ [3]). Хотя переводъ

---

[1]) Sn. Edda, стр. 108. Skáldskaparmál, гл. XVIII.

[2]) Fms. т. IV, стр. 361—2.

[3]) Varp ör þrætu þorpi
þórr smiđbelgja stórra
hvatt eldíngum höldnum
hafra kjöts at jötni.

этой строфы не вполнѣ ясенъ, но важно то, что въ ней упоминаются бараны Тора. Правда, только по одному разсказу эти бараны употребляются въ пищу; но такъ какъ и въ сагѣ о Торстейнѣ сперва бросаютъ кость, а потомъ только раскаленный черепъ, то весьма возможно, что кость-мясо принадлежали къ первоначальному составу сказанія. Сюда же слѣдуетъ отнести еще эпизодъ изъ эддической пѣсни о великанѣ Гимирѣ [1]). Послѣдній предлагаетъ Тору доказать свою силу, утверждая, что онъ не способенъ даже разбить опредѣленный кубокъ. Торъ бросилъ кубокъ съ такой силой, что раздробилъ каменныя колонны, но кубокъ не разбился, а возвратился обратно къ Гимиру. По совѣту жены великана Торъ бросаетъ кубокъ вторично уже въ голову Гимира; тогда кубокъ разбивается, а великанъ остается невредимымъ.

На слѣдующій день устраивается другое состязаніе: борьба. Очередь доходитъ до Годмунда, но опять Торстейнъ помогаетъ ему, благодаря чему онъ и выходитъ побѣдителемъ. Такъ же рѣшается и борьба между Ёкулемъ и Всесильнымъ. Послѣдняя борьба происходитъ между Годмундомъ и Агди, ярломъ Геррауда. Когда послѣдній раздѣлся, всѣ увидѣли, что онъ былъ теменъ, какъ чортъ. Но и тутъ получается тотъ же исходъ. Слѣдуетъ пиръ, во время котораго приносятъ два громадныхъ золотыхъ кубка въ 2 локтя въ вышину; они называются «бѣлыми» — Hvítingar. Кубки эти ходятъ по рукамъ. Каждый долженъ осушить его однимъ пріемомъ; кто же окажется не въ состояніи этого сдѣлать, тотъ долженъ платить виночерпію штрафъ. Благодаря содѣйствію Торстейна никто изъ мужей Годмунда не терпитъ пораженія.

Посѣщая Утгардалоки, Торъ также выказываетъ свою силу, но менѣе удачно, чѣмъ Торстейнъ. Сперва ему предлагаютъ осушить большой рогъ за разъ. Торъ три раза пьетъ изъ рога, но несмотря на это напитка убавилось очень мало. Впослѣдствіи онъ узнаетъ, что конецъ рога опускался въ море, и чтобы осушить рогъ, ему пришлось

[1]) Hymiskviþa, строфы 28—31.

бы выпить все море. Но и то, что онъ теперь выпилъ, представляетъ собой порядочное количество; люди прозвали это явленіе отливомъ. Послѣднее испытаніе Тора заключается въ борьбѣ со старухой Элли. Какъ онъ ни старался, а старуха все не поддавалась. Наконецъ, она подставила Тору ногу и повалила его. Немудрено, потому что Элли не простая старуха, а сама старость [1]). Врядъ ли разсказъ Снорри когда-нибудь былъ распространенъ въ народѣ; очевидно онъ передаетъ сказаніе о Торѣ уже въ той передѣлкѣ, которую оно получило у скальдовъ. Послѣдніе придали состязаніямъ Тора аллегорическій смыслъ; но тогда долженъ былъ измѣниться и самый результатъ ихъ.

На слѣдующій день приносятъ уже другой кубокъ— Grímr hinn góđi. На немъ изображена человѣческая голова, которая предсказываетъ будущее, въ особенности же грозящія опасности. Тогда Годмундъ припоминаетъ, что если король узнаетъ, что среди нихъ находится христіанинъ, то они всѣ погибнутъ. Но Торстейнъ и въ этомъ случаѣ находитъ исходъ. Когда Годмунду предлагаютъ пить изъ рога, онъ по совѣту Торстейна снимаетъ съ себя корону и надѣваетъ ее на голову Грима, шепча ему на ухо, что онъ ему будетъ оказывать гораздо больше почету, чѣмъ Герраудъ. Поднося кубокъ къ губамъ, Годмундъ однако не пилъ, боясь отравы, и вылилъ весь напитокъ за пазуху. Послѣ него пьютъ еще другіе, Герраудъ, ярлъ Агди, Ёкуль и Полносильный, и каждый даритъ что нибудь Гриму. Послѣ этого въ залъ входитъ Торстейнъ. Герраудъ видитъ его въ первый разъ. Годмундъ поясняетъ, что это его слуга, знающій много фокусовъ—smáleika. Торстейнъ теперь показываетъ свое искусство съ помощью камня и прута, вызывая сперва градъ и мятель, затѣмъ палящій зной, наконецъ, огненныя искры. При послѣднемъ явленіи всѣмъ придворнымъ приходится защищать свои глаза. Воспользовавшись ихъ замѣшательствомъ, Годмундъ убѣгаетъ. Находясь уже въ самыхъ дверяхъ, Торстейнъ бросаетъ камень и прутъ въ Герpауда и попадаетъ ему въ оба глаза.

[1]) Sn. Edda, стр. 65—7, Gylfaginning, гл. XLVI.

Герраудъ падаетъ мертвымъ на полъ. Что Торъ убиваетъ Геррауда, явствуетъ также изъ разсказа Снорри.

Торстейнъ и Годмундъ уѣзжаютъ домой. На томъ же мѣстѣ, гдѣ они раньше встрѣтились, они и разстаются. Годмундъ посылаетъ королю Олафу поклонъ и подарки: золотую чашу, серебряное блюдо и вышитое золотомъ полотенце. Раньше чѣмъ отправиться въ Норвегію, Торстейнъ встрѣчается еще съ Гудруной (Gođrún), дочерью ярла Агди, и увозитъ ее съ собой. При дворѣ Олафа всѣ удивляются подаркамъ Годмунда: полотенце, напримѣръ, не горитъ, когда его бросаютъ въ огонь. Торстейнъ женится на Гудрунѣ. Въ брачную ночь внезапно является Агди, но король поражаетъ его такъ, что Агди предпочитаетъ скрыться подъ землю, захвативъ, однако, съ собой кубки Hvítingar.

Спустя нѣкоторое время Торстейнъ еще въ третій разъ ѣдетъ на востокъ и заявляетъ свои права на имущество Агди, такъ какъ онъ женатъ на его дочери. Вступивъ во владѣніе наслѣдствомъ, Торстейнъ вмѣстѣ съ тѣмъ становится подданнымъ Годмунда. Еще разъ его безпокоитъ Агди. Оказывается онъ поселился въ курганѣ, откуда и совершаетъ свои внезапные выходы. На сей разъ Агди не можетъ проникнуть въ домъ Торстейна, потому что на каждой двери виднѣется крестъ. За то Торстейнъ улучаетъ моментъ, когда доступъ къ кургану открытъ, и выноситъ оттуда два кубка, похищенные Агди еще въ Норвегіи. Выходя изъ кургана, Торстейнъ дѣлаетъ крестное знаменіе надъ дверьми (setti kross í dyrnar) и съ тѣхъ поръ уже Агди не показывался никому.

Согласно сдѣланному нами уже раньше наблюденію, когда въ одной и той же сагѣ разсказывается о нѣсколькихъ однородныхъ событіяхъ, непремѣнно одинъ разсказъ болѣе поздняя прибавка и подражаніе другому. Въ сагѣ о Торстейнѣ разсказъ о первой его поѣздкѣ на востокъ придуманъ позднѣе: въ немъ почти ни одно лицо не называется по имени. Далѣе на позднее происхожденіе указываетъ сказочно наивный тонъ. Разсказчикъ понялъ выраженіе á gandreiđ fara буквально: ѣхать верхомъ на палкѣ. Такъ какъ только дѣти предаются подобной забавѣ, то

дѣйствующимъ лицомъ стало дитя. Въ обоихъ разсказахъ Торстейнъ невидимъ; здѣсь онъ приноситъ королю скатерть, тамъ—полотенце. Если бы оба разсказа возникли одновременно, между ними была бы какая нибудь связь. Другое дѣло—третья поѣздка; она органически связана съ предыдущимъ путешествіемъ Торстейна, хотя эпизодъ объ Агди и развитъ въ религіозномъ духѣ. Итакъ, первый разсказъ мы считаемъ возникшимъ уже въ зависимости отъ второго; единственная самостоятельная въ немъ черта—дымящаяся рѣка. Но и ее легко было найти, разъ дорога вела въ царство мертвыхъ.

Въ слѣдующемъ изложеніи я считаю возможнымъ сдѣлать нѣкоторыя сокращенія:

1) Среди подарковъ карлика мы находимъ и сорочку и перстень, которые никакого значенія для Торстейна не имѣютъ. Слѣдуетъ думать, что они попали въ разсказъ какъ общее мѣсто.

2) Излишними кажутся мнѣ и великаны, которыхъ Торстейнъ видитъ сперва. Опять разсказъ обходится совершенно безъ нихъ; вѣдь при дворѣ Герраулда упоминаются только Всесильный и Полносильный. Лошади остальныхъ не могутъ плыть даже черезъ пограничную рѣку. Не знаю, съ какой стати они вообще введены въ разсказъ.

3) При дворѣ Герраулда два раза устраивается особая выпивка; сперва изъ кубковъ Hvítingar, потомъ изъ кубка Grimr hinn gódi. Такъ какъ послѣдній эпизодъ обставленъ причудливыми, иногда прямо непонятными подробностями, то я считаю его болѣе позднимъ изобрѣтеніемъ. Отмѣтимъ также, что Торстейнъ увозитъ съ собой только два первыхъ кубка, а не болѣе драгоцѣнный кубокъ—«Добрый Гримъ». Наконецъ, «бѣлые» кубки встрѣчаются и въ послѣдней части.

Упрощенная такимъ способомъ, сага о Торстейнѣ сводится къ тремъ моментамъ: 1) къ встрѣчѣ съ Годмундомъ, 2) къ состязаніямъ при дворѣ Герраулда, 3) къ убіенію Герраулда.

Кромѣ вышеуказаннаго сходства съ сказаніями о Торѣ, сага о Торстейнѣ не лишена точекъ соприкосновенія и съ разсказомъ Саксона о Торкилѣ:

1) Поѣздки обоихъ направлены въ царство Годмунда.

2) Съ обоими разсказами тѣсно связано сказаніе объ убіеніи Герраудa.

3) Обоихъ героевъ поражаютъ рѣдкія драгоцѣнности; они похищаютъ ихъ и подвергаются за это преслѣдованію.

4) И здѣсь и тамъ подчеркивается разница въ религіяхъ, при чемъ Годмундъ и его народъ—язычники.

Не оправдывается традиціей о Торѣ женитьба Торстейна на Гудрунѣ. Эта черта навѣяна тѣми разсказами о Біармаландѣ, въ которыхъ герой кромѣ несчетныхъ богатствъ привозитъ изъ чужбины еще невѣсту [1]). Ярлъ Агди можетъ быть заимствованнымъ прямо изъ саги объ Эйстейнѣ, тѣмъ болѣе, что роль его въ обѣихъ сагахъ какъ будто сходится.

XLII.

Разсказъ о Гельги, сынѣ Торира [2]).

Недалеко отъ Вика жилъ нѣкій Торpръ; у него было два сына — Гельги и Торстейнъ. Торpръ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ королемъ Олафомъ. Лѣтомъ братья отправились къ финамъ продавать масло и сало. Послѣ прибыльной торговли они къ концу лѣта возвращались домой изъ Финмарка. Однажды они остановились у мыса Vímund, который покрытъ былъ весьма хорошимъ лѣсомъ. Всѣ вышли на берегъ, но Гельги углубился дальше другихъ въ чащу лѣса; спустилась такая тьма, что онъ не находилъ дороги обратно къ кораблямъ. Когда спустилась ночь, Гельги увидѣлъ 12 женщинъ, ѣдущихъ верхомъ на красныхъ коняхъ и въ красной одеждѣ. Сбруя блистала золотомъ. Среди нихъ одна выдавалась замѣчательной красотой, а другія, казалось, прислуживали ей. Онѣ соскочили съ коней и разложили богатый шатеръ. Затѣмъ они принялись пировать. Вдругъ главная изъ нихъ подозвала Гельги и пригласила его принять участіе въ ихъ веселья. Она

---

1) Напримѣръ, Боси въ Босасагѣ.

2) Fms. т. III, стр. 135—141.

представила себя, какъ Ингибіоргу, дочь Годмунда изъ Glæsisvellir. Гельги проводитъ съ ней три ночи. При разставаніи Ингибіорга даритъ ему два ларца, одинъ наполненъ серебромъ, другой—золотомъ; при этомъ она проситъ его никому ничего не говорить. Затѣмъ женщины уѣзжаютъ, а Гельги возвращается къ кораблямъ. Радостно встрѣченный своими товарищами, Гельги счастливо пріѣзжаетъ домой къ отцу, но относительно происхожденія своихъ богатствъ хранитъ упорное молчаніе. Во время праздника іола разражается сильная буря. Оба брата отправляются къ кораблю, но вдругъ при сильномъ раскатѣ грома подъѣзжаютъ два всадника и увозятъ Гельги. Отецъ его отправился къ королю Олафу и разсказавъ ему о случившемся, попросилъ его навести справки о пропавшемъ сынѣ. Черезъ годъ опять во время іола во дворецъ Олафа входятъ три мужа; въ одномъ изъ нихъ узнаютъ Гельги, двое остальныхъ никому не извѣстны. На вопросъ короля они оба называютъ себя Гримомъ [1]). Они передаютъ отъ имени Годмунда привѣтъ и два рога, оправленныхъ въ золото, въ видѣ подарка. Король велѣлъ наполнить рога хорошимъ напиткомъ и поднести обоимъ Гримамъ послѣ того, какъ епископъ благословилъ питье. Гримы же были обижены благословеніемъ. Они вылили питье на полъ и потушили огонь. Король велѣлъ своимъ мужьямъ встать и возстановить порядокъ. Когда вновь освѣтили палату, то незнакомцевъ и Гельги уже больше не оказалось, на полу же лежало трое убитыхъ и рога. Мѣстность, по которой таинственные гости удалились на востокъ, была прозвана «Ущельемъ Гримовъ»— Grímaskarđ. Проходитъ годъ. Наступаетъ обычный праздникъ іола. Король со своимъ дворомъ молится въ церкви. Тогда въ дверяхъ церкви показываются три мужа. Двое изъ нихъ тотчасъ же скрываются, крикнувъ слѣдующее: «Вотъ мы тебѣ привезли Gretti [2]), король! Никому неизвѣстно, когда тебѣ придется умереть». Третій мужъ, оставшійся на мѣстѣ оказался Гельги, но онъ былъ слѣпымъ на оба глаза. Тутъ

[1]) hvortveggi Kveđst Grímr heita...

[2]) При чемъ тутъ это названіе, осталось для меня загадкой.

только Гельги разсказываетъ о своемъ приключеніи въ лѣсу. Всадники, увезшіе его, были тѣ же незнакомцы, съ которыми онъ впослѣдствіи являлся къ Олафу. Молитвы Олафа тронули Годмунда такъ, что онъ рѣшилъ отпустить Гельги [1]). При прощаніи Ингибіорга вырвала ему оба глаза.

Не одно имя Годмунда и мѣстонахожденіе его царства по сосѣдству съ Финмаркомъ связываетъ этотъ разсказъ съ сагой о Торстейнѣ. Какъ во всѣхъ преданіяхъ о крайнемъ сѣверѣ, Гельги и здѣсь добываетъ несмѣтныя богатства. Уже Адамъ Бременскій засвидѣтельствовалъ намъ древность этой черты. Его фрисскіе мореплаватели увидѣли на неизвѣстномъ имъ островѣ множество золотыхъ сосудовъ и издѣлія изъ тѣхъ металловъ, которые среди людей считаются весьма рѣдкими и дорогими [2]). Они взяли съ собой, сколько могли, но раньше, чѣмъ они достигли кораблей ихъ нагнали великаны и чудовищныя собаки, которыя растерзали одного моряка. Рѣдко какой разсказъ о сѣверныхъ краяхъ забываетъ упомянуть объ этихъ баснословныхъ богатствахъ. Иногда сокровища добываются изъ пещеры великана; иногда ихъ находятъ въ храмѣ или у истукана Іомалы, какъ, напримѣръ, въ Босасагѣ. Когда скандинавы открыли курганъ, который описывается въ Орваръ-Оддсагѣ [3]), то традиціонная черта была оправдана обстановкой. Въ связи съ этими представленіями о сокровищахъ сѣвера находится и описаніе тѣхъ роскошныхъ условій жизни, въ которыхъ пребываетъ Годмундъ и его ближніе. Его и его дочь сопровождаетъ многочисленная свита; всѣ одѣты замѣчательно богато, даже сбруя лошадей блистаетъ золотомъ. При такихъ средствахъ и жизнь должна протекать беззаботно, весело. Когда спрашиваютъ Гельги, какъ ему жилось у Годмунда, онъ отвѣчаетъ, что нигдѣ онъ не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ тамъ [4]).

---

[1]) fyrir bœnir yđrar lét hann mik lausan...

[2]) pro quorum foribus infinita iacebat copia vasorum aureorum et eiusmodi metallorum, quae rara mortalibus et preciosa putantur. Кн. IV, гл. 40, стр. 188.

[3]) См. выше, стр. 119 сл.

[4]) allgott ok hvergi hefir mér betra þott. Fms. т. III, стр. 140.

Нахожденіе красавицы на далекомъ сѣверѣ также входило въ планъ сказаній о Біармаландѣ. Правда, Лейда, сестра Годмунда, должна стать женой Боси и онъ дважды увозитъ ее въ Норвегію. Также и Эдда и Еđnу, дочери Гарека, короля Біармаланда, становятся добродѣтельными супругами. Но Ингибіорга, дочь Годмунда, держитъ Гельги, какъ бы въ плѣну у себя, и когда онъ рѣшилъ покинуть ее, она выкалываетъ ему оба глаза. Эти отношенія напоминаютъ намъ разсказъ Саксона о дочеряхъ Годмунда, которыхъ Торкиль совѣтуетъ остерегаться. Букки, который рѣшился жениться на одной изъ дочерей Годмунда, тотчасъ же былъ охваченъ какимъ то недугомъ и потерялъ всякую память о прошломъ; лишившись самообладанія, онъ подпалъ подъ гнусное иго своей чувствительности [1]). Матросы, пустившіеся на ухаживаніе за прислужницами, тотчасъ же сошли съ ума [2]).

Торкиль, возвратившись въ Данію, становится вѣрующимъ христіаниномъ и полнымъ презрѣнія къ языческимъ богамъ. Это пріуроченіе къ моменту введенія христіанства является характерной чертой разбираемаго типа сказаній о крайнемъ сѣверѣ. Такъ и Торстейнъ, и Гельги состоятъ на службѣ у короля Олафа, съ воцареніемъ котораго христіанство становится государственной религіей въ Норвегіи. Когда Торстейнъ переселяется окончательно на сѣверъ, король неоднократно увѣщеваетъ его, остаться преданнымъ своей вѣрѣ [3]). Очевидно, страны сѣвера считались чисто языческими, почему трудно было сохранить въ нихъ чистоту своей вѣры. Вспомнимъ также, какъ Торстейнъ избавился отъ Агди, защищаясь крестнымъ знаменемъ. Эта разница религій подчеркивается и въ разсказѣ о Гельги, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ посланники Годмунда отка-

---

[1]) unam e filiabus ejus irrevocabili amore complexus, exitii sui connubium impetravit, moxque repentino verticis circuitu actus pristinum memoriæ habitum perdidit. Saxo, стр. 428.

[2]) Quippe post id factum parum animo constitisse traduntur. Saxo стр. 424.

[3]) Konúngr bađ hann halda trú sina vel. Fms. III, стр. 196 и 198.

зываются пить изъ освященаго рога [1]). Несмотря на хорошій отзывъ, который Гельги даетъ о житьѣ-бытьѣ Годмунда, всетаки всѣ рады, что онъ освободился изъ рукъ чудовищъ [2]).

Итакъ, разсказъ о Гельги, сынѣ Торира, не случайная выдумка, а принадлежитъ къ совершенно опредѣленному кругу сказаній, наравнѣ съ разсказами о Торкилѣ и Торстейнѣ. Благодаря этому внутреннему родству, вѣроятно, и состоялось вторженіе одного мотива въ сагу о Торстейнѣ. Уже выше мы отмѣтили параллелизмъ между «бѣлыми» кубками и «добрымъ Гримомъ» въ сагѣ. Этотъ «добрый Гримъ» то служитъ кубкомъ, то обладаетъ человѣческими способностями. Но эту непонятную двойственность мотива мы еще ярче наблюдаемъ въ разсказѣ о Гельги. Тутъ не только посланники Годмунда, но и сами кубки, которые они приносятъ въ подарокъ Олафу, называются Гримами. Когда король спросилъ, какъ ихъ зовутъ, они назвались Гримами [3]). Когда они выпиваютъ, то прямо говорится— þá taka Grímar við hornunum [4]). Наряду съ этими выраженіями, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что посланники назывались Гримами, это же самое наименованіе приписывается рогамъ-кубкамъ: Ср. konúngr lætr fylla hornin Gríma af góðum drykk; þar liggja hornin Grímar á gólfina...; konúngr lèt varðveita hornin Gríma ok af drekka ok dugir þat vel [5]). Тѣмъ не менѣе, рога въ разсказѣ о Гельги всегда остаются рогами, а посланники— посланниками. Правильность нашего наблюденія подтверждается еще слѣдующимъ мѣстомъ изъ разсказа о Норнагестѣ: Svá segja menn, at Gestr þessi kæmi á þriðja ári ríkis O'lafs konúngs; á því ári komu ok til hans tveir menn er

---

1) þeir Grímar höfðu eigi náttúru til at drekka þann drykk, er þér létut signa. Fms. III, стр. 138 и 140.

2) þakkaði.. hann honum vel, er sonr hans var aptr Kominn or trölla höndum. Fms. III, стр. 141.

3) Konúngr spurði þá at nafni, en hvortveggi Kveðst Grímr heita. Стр. 138.

4) Стр. 138.

5) Стр. 138 и 139.

Grímar hétu, ok voru sendir af Godmundi af Glæsisvöllum; þeir færðu konúngi horn tvö, er Godmundr gaf honum; þau kölludu þeir ok Gríma [1]). Такимъ образомъ, пріѣздъ обоихъ Гримовъ къ королю Олаѳу относился бы къ 998 году, но понятно, это пріуроченіе лишено всякаго значенія. Въ сагѣ о Торстейнѣ оба понятія—рогъ Гримъ и посланникъ Гримъ—уже спутались и получился прямо непонятный образъ. Въ сагѣ этому кубку оказываютъ религіозныя почести и падаютъ предъ нимъ на колѣни [2]). Я думаю, что кубки, которые окружаются какимъ то культомъ, понимаются какъ символы христіанской вѣры и присущи поэтому разсказамъ объ Олаѳѣ. Кромѣ уже извѣстныхъ намъ роговъ, Олаѳъ обладалъ еще другими [3]). Въ преданія о крайнемъ сѣверѣ они, можетъ быть, и попали только благодаря пріуроченію этихъ разсказовъ къ королю Олаѳу.

XLIII.

Миѳы о царствѣ мертвыхъ.

Между разсказами о Торкилѣ и Торстейнѣ и миѳами о Торѣ мы нашли тѣснѣйшую связь. Это наблюденіе приводитъ насъ къ заключенію, что Торкиль=Торстейнъ=Торъ одно и тоже лицо, хотя и подъ разными, но похожими именами. Когда кореннымъ образомъ измѣнился характеръ миѳа, въ данномъ случаѣ, когда Торъ былъ пріуроченъ къ Олаѳу resp. Горму и сталъ какъ бы представителемъ христіанства, то естественно было назвать его какъ нибудь иначе для отличія отъ тѣхъ миѳовъ, въ которыхъ Торъ все еще оставался языческимъ божествомъ. Такъ какъ этимъ послѣднимъ миѳамъ грозила другая опасность—переработка со стороны скальдовъ, то мы иногда въ разсказахъ о Торкилѣ и Торстейнѣ находили черты болѣе древнія, чѣмъ въ миѳахъ о Торѣ. Даже Гельги какъ будто

---

[1]) Fas. т. I, стр. 315.
[2]) Allir stóðu upp ok féllu á kné fyrir honum. Стр. 191.
[3]) Напримѣръ—Hýrníngar, Fas. III, стр. 138.

выдаетъ свое родство съ Торомъ: его братъ—Торстейнъ, а отецъ—Торирь; послѣднее имя Норенъ [1]) производитъ отъ þorgeirr.

Такимъ образомъ, мы пріобрѣли право выдѣлить рядъ миѳовъ о Торѣ, въ которыхъ богъ этотъ совершаетъ поѣздку въ царство мертвыхъ. Правда, основной смыслъ многихъ миѳовъ затемнился, потому что духи мертвыхъ были замѣнены другими жителями крайняго сѣвера—великанами. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей, Скoнингъ [2]) прямо склоненъ отождествить тѣхъ и другихъ, считая великановъ первоначально демонами смерти, которые истребляютъ, съѣдаютъ трупы. Такъ онъ объясняетъ происхожденіе названія jǫtunn отъ глагола eta—ѣсть. Во всякомъ случаѣ многіе скандинавскіе миѳы еще сохранили слѣды посѣщенія царства мертвыхъ. Кромѣ разобранныхъ выше миѳовъ о Герутѣ=Geirröðr и Годмундѣ я укажу еще на нѣкоторыя подробности, которыя при помощи новаго освѣщенія могутъ быть истолкованы совсѣмъ иначе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ.

Въ эддической пѣснѣ Hárbarðsljóð таинственный перевозчикъ, въ которомъ одни ученые видятъ Локи, другіе—Одина, сообщаетъ Тору, что скончалась его мать—dauþ hygg ek at þín móþir sé. Комментаторы [3]) объясняютъ это мѣсто, какъ риторическую фразу въ томъ смыслѣ, что у Тора такой несчастный видъ, какъ будто бы скончалась его мать. Правда, нигдѣ въ другомъ миѳѣ не упоминается о смерти Фіоргины, но такихъ пробѣловъ въ нашихъ миѳологическихъ источникахъ безчисленное множество. Уландъ [4]) видитъ здѣсь аллегорію: мать Тора=земля—скончалась, т.-е. опустошена войной, олицетвореніемъ которой является Одинъ=Hárbarðr. Въ концѣ пѣсни перевозчикъ, отказавшись переправить Тора, совѣтуетъ ему итти пѣшкомъ до самого uerland. Это опредѣленіе для насъ совершенно загадочно; ни одно изъ предложенныхъ толкованій не даетъ

[1]) Altisl. Gramm, стр. 75, § 122.
[2]) Schoning, Dödsriger i nordisk Hedentro, стр. 11 сл.
[3]) Edda, Anmerkungen, стр. 213.
[4]) Schriften VI, стр. 52—3.

намъ опредѣленія, ни verland=Männerland, ни Virland=Эстляндія. «Тамъ, продолжаетъ Гарбардъ, Фіоргина встрѣтитъ своего сына и укажетъ ему дорогу въ страну Одина» [1]). Изъ другого мѣста нашей пѣсни явствуетъ, что намъ слѣдуетъ понимать подъ «страной Одина». «Одинъ, говорится тамъ, владѣетъ всѣми ярлами, павшими на полѣ брани, Торъ же рабами» [2]), которые не носятъ оружія, не участвуютъ въ бою и вслѣдствіе этого умираютъ естественной смертью. Итакъ, страна Одина—царство мертвыхъ. Тогда для насъ ясна вся ситуація. Торъ хочетъ пробраться въ царство мертвыхъ и доходитъ уже до рѣки, отдѣляющей эту область отъ обитаемой простыми смертными земли. Перевозчикъ отказывается перевести Тора на лодкѣ и совѣтуетъ ему итти до извѣстнаго мѣста, гдѣ онъ встрѣтитъ свою умершую мать, проживающую въ царствѣ мертвыхъ. Она же укажетъ ему дальнѣйшій путь—въ страну Одина. Въ другомъ миѳѣ разсказывается, какъ Торъ пытался перейти названную рѣку (или проливъ) въ бродъ. При этомъ онъ чуть не утонулъ и только съ трудомъ выбрался на берегъ, схватившись за кустъ [3]). Наученный горькимъ опытомъ, Торъ отказывается отъ перехожденія рѣки въ бродъ. На это намекаетъ строфа 14 нашей пѣсни [4]):

Harm liótan mér þikkir í þuí at uaþa
um uáginn til þín
ok uáeta ǫgur mínn.

Перехожу къ другому примѣру. Когда Гормъ пожелалъ перейти по золотому мосту, ведущему черезъ рѣку

---

1) Строфа 57, стр. 50:
þar mun Fiǫrgyn
hitta þórr, son sinn,
ok mun hón kenna hánom áttųnga brautir
til O'þins landa.

2) Строфа 25, стр. 46:
O'þin á iarla,
þá er í ual falla,
enn þórr á þræla kyn.

3) Sn. Edda, стр. 107.

4) Стр. 44.

въ царство мертвыхъ, Годмундъ останавливаетъ его съ объясненіемъ, что до сихъ поръ ни одна человѣческая нога не была на этомъ мосту [1]). Когда послѣ смерти Бальдера Гермодъ ѣдетъ въ царство мертвыхъ, то сторожащая на мосту женщина замѣчаетъ: «вчера тутъ проѣхало пять тысячъ мертвецовъ, но мостъ тогда менѣе дрожалъ, чѣмъ теперь подъ тобою; очевидно, ты не умершій; что же ты стремишься въ царство мертвыхъ?» [2]). Думаю, что живымъ вообще запрещено было ѣздить по мосту; если же кто-нибудь рѣшался на этотъ поступокъ, то сейчасъ же сторожа узнавали его по тому шуму, который поднимался отъ живого существа, въ то время какъ мертвые шли по мосту неслышно. И вотъ эта черта отразилась страннымъ образомъ въ пѣснѣ о Скирнирѣ. Когда послѣдній пріѣхалъ въ страну великановъ, Герда спрашиваетъ: «что это за шумъ, раздающійся по всему дому? Дрожитъ земля, и трясется весь дворъ Гимира» [3]). Мнѣ кажется, что въ этомъ шумѣ она видитъ характерный признакъ, по которому живыхъ отличали отъ мертвыхъ. Въ связи съ этимъ ставится вопросъ: hvárt ert þú feigr eþa ertu fram genginn? [4]) Деттеръ и Гейнцель [5]) объясняютъ это мѣсто такъ: du hast wol kein Leben mehr zu verlieren? Іонсонъ переводитъ: er du dödsens eller mâske en genganger? Точнѣе всего толкованіе Сконинга [6]): er du bestæmt til döden eller er du (allerede)

---

[1]) Cuius transeundi cupidos a proposito revocavit, docens, eo alveo humana a monstrosis rerum secrevisse naturam, nec mortalibus ultra fas esse vestigiis. Saxo, стр. 423.

[2]) sagđi, at inn fyrra dag riđu um brúna fimm fylki dauđra manna: en eigi dynr brúin minnr undir einum þér ok eigi hefir þú lit dauđra manna; hví ríđr þú hér á Helveg?—Sn. Edda, стр. 76.

[3]) Edda, стр. 39, строфа 14:

Huat er þat hlym hlymia,
er ek hlymia heyri nu til
ossom rǫnnom í?
iǫrþ bifaz,
enn allir fyr
skiálfa garþar Gymis.

[4]) Строфа 12.

[5]) Edda, Anmerkungen, стр. 196.

[6]) Стр. 23.

dӧd? Итакъ, миѳъ о сватовствѣ Скирнира попалъ въ неподходящую для сюжета обстановку царства мертвыхъ, и, можетъ быть, сюда относятся еще и другія подробности, какъ, напримѣръ, заколдованный огонь = vafrlogi и злые псы [1]).

По мѣрѣ того, какъ христіанскія легендарныя представленія стали проникать на сѣверъ, миѳы о царствѣ мертвыхъ подвергались коренному измѣненію. Уже выше мы отмѣтили нѣкоторую параллель между Герраудомъ и Утгардалоки, во-первыхъ, у Саксона [2]), во-вторыхъ, въ сагѣ о Торстейнѣ и у Снорри [3]). Мнѣ кажется, что Геррауда слѣдуетъ признать первоначальнымъ героемъ этого сказанія, главнымъ эпизодомъ котораго является бросаніе другъ въ друга (раскаленнымъ) желѣзомъ. Вѣдь на это указываетъ имя его Geirrӧđr = Geermann, какъ переводитъ Элардъ Мейеръ, словомъ—метатель, стрѣлокъ. Значеніе это нисколько не мѣняется, если принять даже этимологію Норена [4]) отъ *Geirfrӧđr. Далѣе, если Локи и имѣлъ извѣстную связь съ lúka = закончивать, то эта связь ощущалась лишь смутно и во всякомъ случаѣ образъ его никогда не обличалъ въ немъ демона смерти. Подъ вліяніемъ же христіанскихъ представленій создается типъ Утгардалоки, который начинаетъ вытѣснять Геррауда. Съ другой стороны, ужасы царства мертвыхъ блѣднѣютъ, отчасти же переносятся въ страну великановъ, какъ мы это замѣтили въ пѣснѣ о Скирнирѣ. Загробный міръ превращается все болѣе въ христіанскій рай, loca aprica, Glæsisvellir, гдѣ царствуетъ Godmundr, божественный — какъ гласитъ его имя, piissimus protector—какъ называетъ его Саксонъ. И теперь мы также поняли, почему разсказы о Годмундѣ пріурочены ко времени введенія христіанства. Утгардалоки и Годмундъ, а съ ними и Torкиль, Торстейнъ и Гельги, сынъ Торира, представители болѣе поздней миѳогоніи, образовавшейся подъ вліяніемъ христіанскихъ представленій. Въ этомъ на-

[1]) См. Сконингъ, стр. 22—24.
[2]) См. выше стр.
[3]) См. выше стр.
[4]) Altisl. Gramm, стр. 137, § 245.

правленіи можно было итти гораздо дальше, пока не терялась всякая связь со старинной миѳологической традиціей. Разсказъ о Гельги еще вращался около мотивовъ, намъ хорошо извѣстныхъ изъ другихъ вполнѣ языческихъ преданій. Но можно указать и на разсказы, въ которыхъ отъ древней традиціи не осталось почти ни слѣда. Таковъ, напримѣръ, þáttr þorsteins skelks [1]).

Исландецъ Торстейнъ, сынъ Торкиля, пріѣзжаетъ въ гости къ королю Олафу. Ночью послѣ пиршества ему захотѣлось выйти и здѣсь онъ встрѣтился съ чортомъ—púki. Онъ спрашиваетъ его, кто лучше всѣхъ и кто хуже всѣхъ переноситъ страданія въ аду. Узнавъ, что Старкадъ громко вопитъ въ аду, онъ проситъ чорта закричать такъ, какъ кричитъ Старкадъ. Крики чорта все усиливаются; наконецъ Торстейнъ падаетъ безъ памяти. Но чортъ не причиняетъ ему никакого вреда. На другое утро король награждаетъ Торстейна за его храбрость. Если бы не имена, обнаруживающія явную связь съ Торомъ, если бы не пріуроченіе ко двору Олафа и противопоставленіе Торстейна чорту, напоминающее намъ Торкиля и Утгардалоки и пр., этотъ разсказъ совершенно висѣлъ бы въ воздухѣ? Теперь мы обязаны видѣть въ немъ весьма смутное отраженіе древней темы, встрѣчи живого существа съ представителемъ царства мертвыхъ.

Годмундъ упоминается еще въ Герварарсагѣ (ред Н.). Въ вступленіи опредѣляется миѳологическое его значеніе, какъ властителя рая, какъ божества, которому люди приносятъ жертвы. Но въ дальнѣйшемъ эта роль совсѣмъ забыта. Мы узнаемъ только, что онъ игралъ въ шахматы [2]). Намъ уже приходилось говорить о томъ, что возможность безъ помѣхи отдаться этому невинному развлеченію служитъ признакомъ блаженнаго состоянія [3]) Но этимъ исчерпывается все, что составитель саги счелъ возможнымъ вплести въ свой разсказъ изъ миѳологіи.

---

[1]) Fms. т. III, стр. 199—203.

[2]) Herv. стр. 222.

[3]) См. выше стр. 308, примѣч. 3.

Самую позднюю формацію сказанія о царствѣ мертвыхъ мы видимъ въ сагѣ о путешественникѣ Эйрикѣ — saga Ereks vídförla [1]). Здѣсь не только сильнѣе подчеркивается христіанское вліяніе, но и само царство мертвыхъ переносится на югъ. Къ уже извѣстнымъ намъ областямъ присоединяется новое понятіе, обнаруживающее самымъ нагляднымъ образомъ свое христіанское происхожденіе, а именно, «поле безсмертія» — O'dáinsakur. Оно упоминается и въ Герварарсагѣ и доказываетъ, сколь поздняго происхожденія эпизодъ о Годмундѣ въ этой сагѣ. «Кто туда попадетъ, объясняетъ составитель саги, тотъ избавится отъ болѣзни и старости, и смерти» [2]). Греческій король думаетъ, что поле безсмертія безусловно то же самое, что христіанскій рай [3]), но ангелъ потомъ объясняетъ Эйрику, что въ рай могутъ попасть только духи и что поле безсмертія въ сравненіи съ раемъ настоящая пустыня [4]). Тѣмъ не менѣе, рай и поле безсмертія сосѣдятъ другъ съ другомъ. Поле безсмертія еще называется jörđ lifandi manna, или, какъ читаетъ Рюдбергъ, jörđ lifanda manna, т.-е. область живущихъ, безсмертныхъ людей. Въ то время, какъ въ сѣверное царство мертвыхъ попадали язычники, Эйрикъ передъ своей поѣздкой посвящается въ ученіе христіанской вѣры и принимаетъ крещеніе. Потомъ оказывается, что ангелъ-хранитель побуждалъ его къ этому [5]). Любопытно также то, что Эйрикъ крестится въ Константинополѣ.

Сага объ Эйрикѣ вмѣстѣ съ тѣмъ является отголоскомъ сношеній скандинавовъ съ Греціей. Недаромъ говорится, что Эйрикъ сперва прибылъ въ Гáрдарики [6]); значитъ, онъ слѣдовалъ по великому водному пути, по которому и рюриковичи добрались до Царьграда. Эйрикъ ѣдетъ не одинъ; съ нимъ датскій королевичъ; всего ихъ 24 человѣка. Очень

---

1) Fas. т. III, стр. 661—674.

2) hverr er þar kemr hverfr af sott ok elli ok ma eigi deyia. Herv. стр. 203.

3) er vér köllum Paradís, Fas. III, стр. 666.

4) Fas. III, стр. 671.

5) međ minni forsjá tóktu skirn ok trú rétta... Стр. 671.

6) sigla til Garđaríkis ok þvínæst til Miklagarđs... Стр. 661.

важной подробностью кажется мнѣ то обстоятельство, что Эйрикъ набираетъ своихъ людей именно въ Даніи, а не въ Норвегіи. Въ послѣдней странѣ ему трудно было найти людей, владѣющихъ русской рѣчью. Текстъ саги прямо указываетъ на то, что его спутники должны были служить и толмачами: valdi sér únga menn ok væna til farar ok tolka. Эйрикъ пріѣзжаетъ въ Константинополь какъ разъ въ то время, когда греческій король собирался въ походъ [1]). Скандинавы, понятно, участвуютъ въ войнѣ и обнаруживаютъ рѣдкую храбрость и преданность. По силѣ одинъ изъ нихъ равнялся двумъ или тремъ греческимъ воинамъ [2]). Видя такое ихъ превосходство, греческій король даетъ имъ наибольшее жалованье. Вообще они стали любимѣйшими его воинами [3]). Итакъ, въ этой сагѣ на первый взглядъ поражаютъ насъ слѣдующія черты: христіанскій легендарный элементъ и историческія воспоминанія о службѣ скандинавовъ въ Константинополѣ.

При болѣе внимательномъ разборѣ мы кромѣ этихъ чертъ встрѣтимся еще съ обычными мотивами входящими въ сѣверные миѳы о царствѣ мертвыхъ. Правда, поле безсмертія находится на востокѣ недалеко отъ Индіи [4]). Но это какое нибудь отраженіе средневѣковыхъ легендъ, можетъ быть, тѣхъ фантастическихъ разсказовъ, которые пріурочивались къ описанію похода Александра въ Индію. Далѣе, слѣдуютъ знакомыя намъ подробности. Поле безсмертія отдѣлено отъ остальнаго міра огненной стѣной, простирающейся отъ земли до самыхъ небесъ. Огонь, это— vafrlogi; о стѣнѣ намъ уже приходилось говорить [5]). Оставивъ Индію, Эйрикъ попадаетъ въ темную страну; звѣзды свѣтятъ тамъ цѣлый день [6]). Никто не станетъ отрицать

---

[1]) Ok í þann tíma hafđi Girkjakonúngr bođit út her sínum í móti óvinum... Стр. 661.

[2]) styrkri var einn af þeim enn tveir eđaþ rír Girkir í orrostu... Стр. 662.

[3]) gerđi hann þá sína þjónustumenn kærasta ok gaf þeim mestan męla allra sinna manna. Стр. 662.

[4]) austr eigi lángt frá Indialandi. Стр. 666.

[5]) Выше стр.

[6]) þar sá þeir stjörnur of alla daga. Стр. 667.

того, что здѣсь передъ нами природа крайняго сѣвера. Не забыты также густые лѣса и крутыя горы [1]), которыя встрѣчаются почти во всѣхъ разсказахъ о Біармаландѣ. Наконецъ, Эйрикъ подходитъ къ рѣкѣ, черезъ которую ведетъ мостъ. Рѣка мертвыхъ здѣсь отождествилась съ райской рѣкой Phison. На мосту сторожитъ драконъ; обыкновенно дорога въ царство мертвыхъ охраняется псами, которые упоминаются уже Адамомъ Бременскимъ [2]). Эйрикъ, пытавшійся пронзить дракона мечомъ, исчезаетъ въ его пасти, гдѣ онъ былъ нѣкоторое время окруженъ густымъ облакомъ [3]). Облако, туманъ, паръ — встрѣчались также раньше [4]). По другую сторону рѣки Эйрикъ увидѣлъ поля, покрытыя чудной, какъ пурпуръ, травой и всевозможными цвѣтами, поля, орошенныя медовыми ручейками [5]). Но вѣдь эти поля — Glæsisvellir, loca aprica Саксона. Наконецъ, Эйрикъ входитъ во дворецъ и находитъ здѣсь традиціонныя драгоцѣнности: столъ, блюда и чаши изъ золота и серебра и роскошно убранныя постели [6]). Такимъ образомъ, всѣ характерныя подробности въ описаніи арктическаго царства мертвыхъ повторяются и въ этой сагѣ. Отмѣтимъ и то, что Эйрикъ получилъ то же прозвище, что Орваръ-Оддъ [7]).

Въ сагѣ объ Эйрикѣ Годмундъ не встрѣчается; за то въ Герварарсагѣ [8]) прямо говорится, что поле безсмертія находится въ его царствѣ. Я считалъ бы эту комбинацію выдумкой составителя, если бы не ссылка на какое то народное преданіе, которое мотивировало свое предположеніе тѣмъ, что Годмундъ и его люди жили дольше обыкновен-

---

[1]) þeir höfðu marga daga villzt á skógum ok undarliga háfum fjöllum. Стр. 668.

[2]) canes magnitudinem solitam excedentes. Стр. 188.

[3]) þá þóttust þeir fara ígegnum myrkva mikinn. Стр. 669.

[4]) Выше стр.

[5]) grösin voru svá fögur sem purpuri ok gróin með öllum blóma ok flutu hunángs lækir um alla teigu. Стр. 669.

[6]) Стр. 670.

[7]) Торкиль прозванъ aðalfari. Выше стр.

[8]) Herv. стр. 203.

ныхъ людей. Но вообще это мѣсто Герварарсаги не можетъ считаться надежнымъ миѳологическимъ источникомъ. Такъ составитель придумалъ слѣдующія тонкости: Jǫtunheimar=государство Годмунда, Grund=его городъ (bœr), Glæsisvellir—страна (heraðit) въ противоположность къ городу. Но мы выяснили, что эти обозначенія получились независимо другъ отъ друга.

Изъ лѣтописи Норвегіи.

XLIV.

Объ источникахъ.

Древняя исландская сага посвящена исторіи отдѣльныхъ исландскихъ родовъ и повѣствуетъ собственно только о домашнихъ дѣлахъ исландцевъ. Возникшая позже фантастическая сага—lygisaga—относится большей частью къ области народно-эпическаго вымысла, въ то время какъ историческій моментъ въ ней отступилъ на задній планъ. Но наряду съ этими сагами слагались и разсказы, захватывающіе болѣе широкій кругъ историческихъ воспоминаній и касающіеся событій, происходившихъ въ тѣхъ странахъ, съ которыми исландцы поддерживали болѣе или менѣе оживленныя сношенія: прежде всего въ Норвегіи, потомъ въ Даніи, Гренландіи, на Ферейскихъ и Оркадскихъ островахъ. Саги о норвежскихъ событіяхъ естественно сводились къ повѣствованіямъ объ отдѣльныхъ короляхъ. Нѣкоторыя такія саги были записаны довольно рано: такъ мы имѣемъ двѣ обработки саги о королѣ Олафѣ, сынѣ Тригви, изъ которыхъ одна вышла изъ подъ пера Одда, жившаго во второй половинѣ XII вѣка, другая принадлежитъ Гунлаугу, умершему въ 1218 г. Сагой о Гаральдѣ Прекрасноволосомъ пользовался и ученый Ари, когда составлялъ исторію Исландіи. Впрочемъ, уже Семундъ Сигфуссонъ (1056—1133) составилъ обзоръ всѣхъ норвежскихъ королей, который однако до насъ не дошелъ. Кромѣ этихъ извѣстныхъ записей въ исландскихъ сагахъ нерѣдко встрѣчаются ссылки и на другіе разсказы о норвежскихъ короляхъ, о происхожденіи и судьбѣ которыхъ никакихъ свѣдѣній до насъ не дошло. На основаніи вышеупомяну-

тыхъ данныхъ мы можемъ заключить, что къ XIII вѣку уже существовали саги о всѣхъ выдающихся норвежскихъ короляхъ.

Тогда возникаетъ мысль собрать многочисленные разсказы въ одно цѣлое, расположивъ отдѣльные эпизоды въ хронологическомъ порядкѣ. Подобныя попытки поддерживались и тѣми генеалогическими списками, по которымъ родословная норвежскихъ королей возводилась до самаго Одина. Но еще до возникновенія такихъ сборниковъ, обнимающихъ царствованіе нѣкоторыхъ королей, уже сага о каждомъ отдѣльномъ королѣ носила сводный характеръ. Въ особенности въ этомъ отношеніи посчастливилось Олафу Святому. Вскорѣ послѣ его смерти о немъ стали разсказывать разныя чудеса, а впослѣдствіе монахи не преминули увеличить число легендъ о немъ. Около 1160 г. объ этомъ королѣ была составлена большая сага, являющаяся собраніемъ популярныхъ о немъ разсказовъ. Изъ рукописей, которыя содержатъ саги о норвежскихъ короляхъ, самыя главныя — A'grip af Nóregs Konungasǫgum, Fagrskinna и Morkinskinna. Первое заглавіе придумано издателями, при чемъ ágrip переводъ латинскаго слова compendium; послѣднія названія указываютъ на внѣшнее состояніе, въ которомъ находились эти рукописи, когда Торфеусъ пользовался ими: Fagrskinna красовалась въ роскошномъ переплетѣ, въ то время какъ пергаментные листы Morkinskinna уже сильно пострадали отъ разрушительнаго дѣйствія времени. Всѣ эти сборники представляютъ собой сплошную компиляцію безъ проявленія какой бы то ни было самостоятельности по отношенію къ обработанному матеріалу. Даже слогъ ихъ неровенъ; изложеніе то подробно, то сжато въ зависимости отъ разнообразія использованныхъ сагъ. Нельзя даже сказать, чтобы составители старались связать отдѣльные разсказы между собою. Отъ одного царствованія къ другому не дѣлается никакого перехода, кромѣ пустого упоминанія того, что послѣ такого то сталъ управлять государствомъ такой то; такъ перечисляется одно событіе за другимъ, нанизывается одинъ разсказъ къ другому. О художественныхъ достоинствахъ не можетъ быть и рѣчи.

Вотъ въ какомъ положеніи находилась исландская исторіографія, когда Снорри предпринялъ свой замѣчательный трудъ — исторію норвежскихъ королей, начиная отъ Одина и кончая, какъ и всѣ сборники до него, 1177 годомъ. Heimskringla—«Кругъ міра» сочиненъ между 1220 и 1230 годами. Прежде всего предстояло сдѣлать осмысленный выборъ между различными ходячими тогда версіями, т.-е. произвести работу, которую современный изслѣдователь называетъ критикой источниковъ. Затѣмъ не только нужно было установить хронологическій порядокъ событій, но и найти причинную ихъ связь, разобраться въ многочисленныхъ подробностяхъ, выяснить себѣ общій характеръ народныхъ движеній. Тогда только сборище отдѣльныхъ разсказовъ утратило свой хаотическій видъ и превратилось въ прагматическую исторію Норвегіи. Понятно, Снорри врядъ ли справился бы съ этой задачей, если бы кромѣ сагъ не пришли бы ему на помощь такія пособія, какъ пѣсни скальдовъ, генеалогическіе списки и труды предшественниковъ, на которые онъ самъ указываетъ въ своемъ предисловіи. Однако главное достоинство труда Снорри вовсе не заключается въ этихъ подготовительныхъ работахъ. Снорри—художникъ. Изъ пергаментной пыли сухихъ записей и анекдотическихъ отрывковъ его воображеніе создаетъ живую картину прошлаго. Снорри обладаетъ рѣдкимъ даромъ оживлять давно умершихъ историческихъ лицъ и заставить ихъ говорить свойственнымъ имъ языкомъ. Смѣлой, но твердой рукой Снорри рисуетъ контуры изображаемой имъ личности. Поэтому его исторія отличается сильнымъ драматическимъ напряженіемъ разсказа. Описанныя имъ катастрофы рушатся на читателя съ силой шекспировской трагедіи. Снорри сравнивали съ Ѳукидидомъ. Только новѣйшее время, пишетъ Іонсонъ, опять произвело подобныхъ Снорри изобразителей историческихъ событій.

Отъ прежнихъ бездушныхъ сборниковъ исторія Снорри отличается не въ меньшей мѣрѣ и тѣмъ, что въ каждой сртокѣ проглядываетъ личность автора. На наше счастье онъ не былъ ревностнымъ христіаниномъ. Это обстоятель-

ство спасло объективность его труда. Христіанство благодаря своей побѣдѣ говорило за себя. Искренне оцѣнить язычество, изобразить приверженцевъ старой вѣры въ ихъ гордомъ самосознаніи, въ ихъ субъективной правотѣ, могъ только человѣкъ, въ душѣ еще таившій горячее къ нимъ сочувствіе. Таковъ и былъ Снорри. Онъ настоящій норвежецъ древнѣйшаго покроя. Онъ раздѣляетъ всѣ хорошія и всѣ худыя качества своего народа. Онъ замѣчательно хорошо умѣлъ устроить свои дѣла и послѣ смерти оказался богатѣйшимъ человѣкомъ Исландіи. Мы застаемъ его въ постоянныхъ раздорахъ съ сосѣдями и родственниками, причемъ онъ вмѣсто утомительнаго судебнаго процесса иногда прибѣгалъ и къ болѣе рѣшительной расправѣ. Его враги убили его въ концѣ концовъ. Онъ былъ падокъ до женщинъ; много у него было дѣтей, но далеко не всѣ отъ одной жены. Одновременно онъ вступаетъ въ сношенія съ норвежскимъ королемъ Гакономъ и съ его ярломъ Скули. Когда король довѣрилъ ему свои властолюбивые замыслы насчетъ Исландіи, то Снорри одинъ рѣшается спасти свою родину. Желая предотвратить опасность личнаго вмѣшательства короля въ исландскія дѣла, Снорри становится его уполномоченнымъ, его ярломъ, и берется устроить подчиненіе Исландіи мирнымъ путемъ. Въ залогъ своей вѣрности онъ даже отдаетъ своего сына. Тѣмъ не менѣе онъ сближается и дружится также со Скули, который тайно задумалъ возстать и ниспровергнуть короля. На родинѣ же Снорри только и старается объ упроченіи старыхъ порядковъ, о воскресеніи и поддержаніи прежняго духа. Для молодыхъ скальдовъ онъ пишетъ руководство— свою Эдду, чтобы оживить пониманіе національной поэзіи. Во время языческаго праздника іола онъ устраиваетъ большія пиршества по обычаю старины. Его домъ зовется Валгаллою и окруженъ земляными валами, какъ крѣпость. Когда онъ отправляется на народныя собранія, его сопровождаетъ внушительный отрядъ въ 900 всадниковъ. Снорри мнитъ себя могучимъ родоначальникомъ временъ племеннаго быта. Его идеалъ въ прошедшемъ. Это-то и отразилось въ его историческомъ трудѣ. Его любимѣйшіе герои—

борцы за старую вѣру, самостоятельныя могучія личности— въ родѣ него самого.

При такихъ данныхъ легко могло случиться, что идеализація получилась бы односторонняя, въ пользу языческихъ симпатій автора. Но этому поставилъ предѣлъ самый фактъ безусловнаго признанія христіанства. Насколько однако вопросъ объ этой коренной культурной перемѣнѣ былъ дорогъ Снорри, доказывается не только самимъ изложеніемъ, но и тѣмъ обширнымъ мѣстомъ, которое авторъ отводитъ на изображеніе борьбы язычества съ христіанствомъ. Одна сага объ Олафѣ Святомъ занимаетъ добрую треть всего труда. Этимъ мы вовсе не упрекаемъ Снорри въ неправильномъ пониманіи своей задачи. Мы думаемъ, что и современный историкъ усматриваетъ въ этой смѣнѣ двухъ міросозерцаній главное значеніе даннаго времени.

Наряду съ религіозной борьбой шло еще подчиненіе единовластному королю старыхъ родоначальниковъ. И этому признаку времени Снорри отдаетъ должное вниманіе. Опять его сочувствіе на сторонѣ побѣжденныхъ. Несомнѣнно его изображеніе отъ этого выиграло только въ полнотѣ и цѣльности. Подъ перомъ фанатика-христіанина или придворнаго лѣтописца сторонники язычества и старой независимости или совсѣмъ затерялись бы, или же представлялись бы въ чудовищно страшномъ видѣ для вящаго прославленія побѣдителя. Въ этомъ отношеніи мы должны признать, что исторія Снорри отличается объективностью, которую врядъ ли можно найти у другихъ писателей среднихъ вѣковъ.

XLV.

Поѣздки норвежскихъ королей.

Поѣздки въ Біармаландъ не принадлежали собственно къ тѣмъ первостепеннымъ историческимъ явленіямъ, изображать которыя Снорри поставилъ себѣ цѣлью. Поэтому мы и не вправѣ ожидать отъ него подробнаго описанія подобныхъ предпріятій. Мнѣ кажется, что въ разсчеты Снорри входило говорить о Біармаландѣ только тамъ, гдѣ

поѣздка совершалась самимъ королемъ или касалась общегосударственной политики.

Такой походъ предпринялъ Эйрикъ, сынъ и наслѣдникъ Гаральда Прекрасноволосаго. Его мать, будучи родомъ изъ Даніи (af Jótlandi), называлась Рагнгильдой Великой — Ragnhildr hin ríka. Свое прозвище она оправдала уже тѣмъ, что заставила Гаральда устранить другихъ женъ, числомъ девять [1]). Самъ Эйрикъ заслужилъ названіе blođöx = кровавая сѣкира, за ту жестокость, съ которой онъ убивалъ своихъ братьевъ и враговъ, чтобъ добиться единовластія надъ Норвегіей. Его потомство въ свою очередь отличалось воинственностью и неусыпной дѣятельностью. Поэтому становится весьма вѣроятнымъ то, что Снорри разсказываетъ о многихъ поѣздкахъ Эйрика. Едва ему исполнилось двѣнадцать лѣтъ, какъ отецъ даритъ ему пять военныхъ кораблей. На нихъ онъ объѣзжаетъ берега Балтійскаго и Сѣвернаго морей, огибаетъ Шотландію, заворачиваетъ на югъ мимо Ирландіи и пристаетъ къ берегамъ Франціи. Послѣ такого всеобъемлющаго путешествія, продолжавшагося цѣлыхъ восемь лѣтъ, программа казалась исчерпанной. Тогда Эйрикъ собирается въ Біармаландъ. Тамъ онъ одерживаетъ большую побѣду. Находясь же на возвратномъ пути онъ остановился въ Финмаркѣ, гдѣ люди его увидѣли въ одной изъ хижинъ красивую дѣвицу. Она назвала себя Гунгильдой (Gunnhildr) и увѣряла, что отецъ ея жилъ въ Галогаландѣ, по имени Özurr Toti. Она де пріѣхала въ Финмаркъ въ дебри (á mörkinni), чтобы учиться у финовъ колдовству. Два фина стерегутъ ее ревниво; оба въ нее влюблены. Гунгильда предлагаетъ норманамъ убить обоихъ финовъ и поэтому прячетъ ихъ въ хижинѣ. Когда фины, возвратившись съ охоты, погрѣлись у костра и насытились, Гунгильда собирается спать вмѣстѣ съ ними. Сама она ложится по серединѣ и руками обхватываетъ каждаго изъ финовъ. Послѣдніе вскорѣ засыпаютъ. Тогда она встаетъ и надѣваетъ имъ на головы по самыя руки мѣшки изъ моржовой шкуры. По-

---

[1]) Hkr., стр. 63.

томъ она зоветъ спрятанныхъ нормановъ, чтобы они покончили съ финами. Утромъ норманы возвратились къ кораблямъ, взявъ съ собой Гунгильду. Эйрику она очень понравилась, и онъ направилъ свои корабли въ Галогаландъ къ ея отцу. У него онъ формально просилъ руки дочери и справивъ свадьбу, уѣхалъ далѣе на югъ [1]).

Въ Эгильсагѣ [2]) упоминается о той же самой поѣздкѣ, потому что въ ней участвуетъ и Торольфъ, сынъ Скаллагрима. Онъ помѣщался на носу корабля и держалъ знамя [3]). Этотъ разсказъ ничего не знаетъ о пребываніи Гунгильды въ Финмаркѣ, за то просто въ ней говорится, что Эйрикъ во время этой поѣздки женился на ней [4]). Такъ оно вѣроятно и было. Эйрикъ на возвратномъ пути изъ Біармаланда заѣхалъ погостить къ Озура и увидѣвъ его дочь, недолго думая, взялъ ее въ жены. Злые языки впослѣдствіе обозвали ее колдуньей. Fjölkunnig mjǫk—такъ характеризуетъ ее и Эгильсага.

Если исходить изъ хронологіи Эгильсаги, то поѣздку въ Біармаландъ приходится отнести къ 913—4 гг. Но это противорѣчило бы даннымъ королевскихъ сагъ, которыя заставляютъ насъ помѣщать это событіе уже въ болѣе позднее время. Мункъ остановился на 919 г., а Вигфуссонъ на 922 г. Іонсонъ въ своемъ критическомъ изданіи Эгильсаги [5]) высказываетъ предположеніе, что Торольфъ вовсе не участвовалъ въ походѣ Эйрика; упоминаніе его въ этой связи могло явиться повтореніемъ разсказа о Торольфѣ, сынѣ Квельдульфа, который сражался въ войскѣ Гаральда при Гафрсфіордѣ. О немъ также говорится, что онъ находился на носу корабля [6]). Такое объясненіе вполнѣ оправдало бы хронологическую ошибку Эгильсаги и дало бы намъ право всецѣло положиться на опредѣленія королевскихъ сагъ. Мнѣ кажется, что Эйрикъ былъ слишкомъ

---

[1]) Hkr., стр. 72—3.
[2]) Глава XXXVII, стр. 109.
[3]) var í stafni à skipi hans ok bar merki hans.
[4]) í þeiri ferđ fekk han Gunnhildar, dóttur Ǫzurar Tota.
[5]) Стр. XLIII.
[6]) þar var í stafni þórólfr Kuelldúlfsson...

занятъ норвежскими дѣлами, чтобы отлучаться въ столь далекое путешествіе съ тѣхъ поръ, какъ отецъ передалъ ему одному власть надъ всей страной. А послѣ смерти Гаральда, которая послѣдовала три года спустя, Эйрикъ сталъ ссориться со своими братьями и вскорѣ ему совсѣмъ пришлось уѣхать изъ Норвегіи. Поэтому начало единовластія Эйрика (930 г.) или во всякомъ случаѣ годъ смерти Гаральда (933 г.) даетъ намъ вѣрный предѣлъ ad hoc для поѣздки Эйрика въ Біармаландъ. Какъ уже выше сказано, ученые склонны относить ее ко времени около 920 г. Когда Гаральду минуло 50 лѣтъ, то онъ раздѣлилъ царство между своими сыновьями. Тогда Эйрику достался въ удѣлъ между прочимъ и Галогаландъ. Послѣдняя страна уже своимъ географическимъ положеніемъ вызывала смѣлыхъ людей на поѣздки на сѣверъ и далѣе. А тутъ еще Снорри поясняетъ, что вслѣдствіе раздѣла Норвегія была разбита на небольшія области, и братья, недовольные этимъ, стали совершать разбойничьи походы въ чужіе края [1]). Раздѣлъ Норвегіи произошелъ въ 920 г.; поэтому походъ Эйрика въ Біармаландъ могъ состояться только между 920 и 930 гг. [2]).

Понятно, при этомъ опредѣленіи совершенно упущено изъ виду свидѣтельство Эгильсаги объ участіи Торольфа. Но если это пріуроченіе и явная ошибка, то нечего пренебрегать нѣкоторыми другими подробностями, сохраненными Эгильсагой. Такъ, напримѣръ, Эгильсага ссылается еще на старинныя пѣсни объ Эйрикѣ, которыя служили источникомъ для составителя саги. Далѣе говорится, что въ этой поѣздкѣ случилось много происшествій. Эйрикъ имѣлъ большое сраженіе на берегахъ Двины и одержалъ побѣду [3]). Вообще, эта поѣздка пользовалась извѣстностью. Снорри знаетъ только одну поѣздку; Эгильсага утверждаетъ,

---

[1]) en með því at þeir þóttust hafa lítit ríki þá fóru þeir í hernað. Hkr., стр. 74.

[2]) Относительно хронологическихъ данныхъ слѣдуетъ справиться у Вигфуссона, Um tímatal...

[3]) i ferð þeiri var mart til tíðenda. Eiríkr átti orrostu mikla á Bjarmalandi við Vinu. fekk Eiríkr þar sigr, sva sem segir í kveðum hans.

что Эйрикъ каждую весну предпринималъ «свои» поѣздки въ Біармаландъ, — «свои», т.-е. знаменитыя поѣздки [1]). Ему сопутствовало много народу [2]). И въ пѣсняхъ, въ которыхъ говорится о дѣяніяхъ Эйрика и которыя приписываются скальду Glúmr Geirason, упоминается о нѣсколькихъ поѣздкахъ Эйрика. Поэтому весьма возможно, что Эйрикъ удовольствовался не однимъ походомъ, а поддерживалъ болѣе частыя сношенія съ Біармаландомъ.

Послѣ того, какъ Эйрикъ палъ въ бою въ Англіи, Гунгильда начинаетъ проявлять жажду дѣятельности и власти. Вмѣстѣ со своими сыновьями она переселяется въ Данію и начинаетъ интриговать противъ норвежскаго короля Гакона [3]). Послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ она своимъ подстрекательствомъ все-таки достигаетъ намѣченной цѣли. Неожиданно на Гакона нападаетъ большой датскій флотъ подъ предводительствомъ сыновей Эйрика. Самъ прислужникъ Гунгильды—skósveinn—какъ думаютъ, убилъ Гакона [4]). Послѣ этой побѣды королемъ становится старшій изъ сыновей Эйрика— Гаральдъ заячій мѣхъ—Haraldr gráfeld. Прозвище указываетъ на то, что Гаральдъ велъ усердную торговлю мѣхами, при чемъ не стѣснялся скупать даже самые дешевые мѣха—заячьи [5]). Снорри неоднократно подчеркиваетъ алчность и скопидомство семьи Эйрика. Его сыновей называли эгоистами=sínkir и даже ходили слухи о томъ, что они закапывали драгоцѣнности въ землю [6]). Братъ Эйрика Біернъ до того дѣятельно предавался торговлѣ, что заслужилъ презрительное названіе шкипера и купца—farmann eđa kaupmann. Онъ сидѣлъ въ главномъ тогда торговомъ городѣ Норвегіи—Тунсбергѣ и снаряжалъ товарныя корабли (kaupskip) въ разные края [7]). За такое корыстолюбіе народъ возненавидѣлъ весь родъ Эйрика,

---

[1]) eitt hvert vár bjó Eiríkr blóđöx fǫr sína til Bjarmaland.
[2]) vandađi mjǫk liđ til þeirar ferđar.
[3]) Hkr., стр. 89.
[4]) Hkr., стр. 106.
[5]) Hkr., стр. 116—7.
[6]) Hkr., стр. 111.
[7]) Hkr., стр. 76.

тѣмъ болѣе, что въ царствованіи Гаральца наступили голодовки [1]). Больше всѣхъ винили Гунгильду, потому что она управляла собственно всѣмъ и принимала участіе во всѣхъ совѣщаніяхъ, если не руководила дѣлами [2]). Когда Снорри говоритъ о какомъ нибудь правительственномъ предпріятіи, то дѣйствуетъ не король, а Гунгильда и ея сыновья—Gunnhildr ok synir или Gunnhildar synir. На ея полновластное положеніе какъ нельзя лучше указываетъ прозвище, данное ей народомъ: konungamóđir=мать королей [3]). Вся отвѣтственность за благосостояніе страны, за кровавыя расправы съ внутренними врагами, за смерть любимаго Гакона Добраго и другихъ родственниковъ Эйрика—взваливалась, и конечно не безъ основанія, на Гунгильду. Поэтому о ней стали ходить въ народѣ разныя сплетни. Говорили, что она колдунья. Сложился разсказъ, что она училась у самихъ финовъ, что Эйрикъ вывезъ ее изъ Финмарка, когда ѣздилъ въ Біармаландъ.

Гаральдъ, старшій сынъ Эйрика и Гунгильды, не даромъ носилъ свое прозвище—заячій мѣхъ. Кому, если не ему, необходимо было ѣздить въ Біармаландъ. Очевидно, Снорри не зналъ, къ какому времени пріурочить это событіе, и весьма неловко, внѣ всякой связи, отодвинулъ его упоминаніе къ концу царствованія Гаральда. На этомъ основаніи Вигфуссонъ относитъ этотъ походъ Гаральда къ 965 г. за четыре года до его смерти. Отъ Снорри мы узнаемъ только то, что произошло большое сраженіе съ біармійцами на прибрежныхъ холмахъ Двины—á Vínubakka. Норманы, понятно, одержали вверхъ и убили много народу [4]) Гаральдъ затѣмъ опустошилъ страну и добылъ себѣ много добра [5]). На этотъ разъ Снорри цѣликомъ приводитъ стихъ Глума, того же скальда, который воспѣлъ и поѣздку Эйрика. «На востокѣ я видѣлъ, какъ краснорѣчивѣйшій изъ князей опустошалъ пламенемъ деревни,

---

[1]) Hkr., стр. 123.

[2]) Hkr., стр. 110 и 113.

[3]) Hkr., стр. 110.

[4]) Haraldr... drap mart fólk. Hkr., стр. 121.

[5]) herjađi þá viđa um landit ok fékk ofa mikit fé.

напавъ съ сѣверной стороны, и видѣлъ, какъ бѣжали ополченія біармійцевъ; громкую славу пріобрѣлъ на берегахъ Двины міротворецъ народовъ; воинская похвала досталась въ этой поѣздкѣ юному королю».

Слова ǫ̈đlingi ungum указываютъ, что поѣздка была предпринята королемъ въ молодые годы. Итакъ время этой поѣздки зависитъ отъ того, къ какому году мы отнесемъ поѣздку Эйрика и связанную съ ней женитьбу его. Правда, это соображеніе имѣетъ значеніе лишь въ томъ случаѣ, если Эйрикъ женился на возвратномъ пути изъ Біармаланда. Если поѣздку Эйрика отнести къ 920 годамъ, то Гаральду, старшему сыну Эйрика, къ 965 г., было бы больше 40 лѣтъ и его нельзя было бы считать молодымъ. Предполагая болѣе позднее время для похода Эйрика, въ связи съ моими соображеніями выше, все же возрастъ Гаральда не подходилъ бы подъ опредѣленіе скальда. Восможно также, что эпитетъ скальда лишь поэтическая прикраса, которая не должна быть понимаема, какъ историческое свидѣтельство. Если же вѣрить скальду то болѣе правильно отнести поѣздку Гаральда къ первой половинѣ X вѣка [1]).

Стихотвореніе, а равно и общія соображенія наводятъ насъ на мысль, что эти экспедиціи должны были быть весьма опустошительными. Отеръ не поднимался еще по Двинѣ и вѣроятно съ туземцами не враждовалъ. Орваръ-Оддъ только ночью выходитъ на берегъ и лишь случайно сталкивается съ болѣе многочисленной толпой народа. Эйрикъ и Гаральдъ идутъ прямо войной на Біармаландъ, собравъ войско, неся впереди знамя. Они не только сражаются на берегахъ Двины, но опустошаютъ страну на большомъ разстояніи — herjađi þá víđa um landit. Эйрикъ и Гаральдъ—единственные короли Норвегіи, которые сами предпринимали поѣздки въ Біармаландъ. За то они при-

[1]) Незадолго передъ своимъ паденіемъ (въ 969 г.) Гаральдъ называется старикомъ: Haraldr konungr er nu gamall mjök (Hkr., стр. 132); слѣдовательно, Гаральдъ и въ 965 г. былъ старымъ. Опредѣленіе Вигфуссона во всякомъ случаѣ находится въ противорѣчіи съ пѣсней скальда.

надлежали къ особенно алчному роду. Они, если можно такъ выразиться, еще не созрѣли для занятія трона единовластнаго короля Норвегіи. Въ нихъ еще кроется старый викингъ, который главнымъ образомъ заботится объ умноженіи своего богатства. Только этимъ объясняется, что они рѣшались отлучаться изъ своего государства въ столь далекую поѣздку. Слѣдующіе короли не могутъ дозволить себѣ подобныя развлеченія. Они заняты устройствомъ своей страны, упроченіемъ своей власти. Врядъ ли Снорри пришлось бы еще разъ упомянуть о Біармаландѣ, если бы не внутренніе раздоры. Старая вражда герсовъ къ королю еще разъ вспыхнула яркимъ пламенемъ и вызвала на борьбу всѣхъ, въ томъ числѣ и послѣдній оплотъ старины—могучіе роды отдаленнаго Галогаланда. Предпринимается послѣдняя, отчаянная попытка свергнуть съ себя ненавистное иго. Мѣсто дѣйствія переносится на далекій сѣверъ, и на арену великихъ историческихъ событій выступаютъ путешественники въ Біармаландъ.

XLVI.

Ториръ Собака.

Первыхъ полтораста лѣтъ норвежской исторіи обнимаютъ борьбу королевской власти съ независимыми герсами. У южныхъ германцевъ короли были необходимы въ качествѣ вождей и военачальниковъ; они олицетворяли національное единство; имъ на встрѣчу шло римское понятіе государственности. Выступая на арену исторіи, германскія народности уже вполнѣ примирились съ монархической властью и видѣли въ своемъ королѣ не столько своего владыку, сколько источникъ собственнаго благоденствія. Въ Швеціи и Даніи единовластіе упрочилось при другихъ условіяхъ. Здѣсь его установленіе стало дѣломъ семейнымъ. Внутреннее развитіе подготовило единеніе. Закономѣрный земледѣльческій трудъ вызывалъ желаніе мира и притуплялъ страсть къ племенной враждѣ. Въ Норвегіи же вся общественная жизнь сводилась къ непримиримому эгоизму герсовъ; между ними господствовало самое ожесточенное со-

ревнованіе. Здѣсь единовластіе явилось отнюдь не потребностью общественнаго развитія, а стало наслѣдственной грезой одной семьи, со временемъ созрѣвшей въ опредѣленный планъ. Среди герсовъ эта идея не встрѣчала никакого сочувствія. Поэтому ея представителямъ пришлось съ ней вступить въ борьбу, въ борьбу ожесточенную и неумолимую.

До Гальфдана Чернаго, отца Гаральда Прекрасноволосаго, усиленіе Инглинговъ происходило такимъ же путемъ, какъ и въ семьѣ любого норвежскаго герса. Первымъ конунгомъ этого рода былъ Гальфданъ hvítbein, а отца его Олафа прозвали дровосѣкомъ = trételgja. Это прозвище указываетъ на то, что послѣдній жилъ въ такое время, когда только-что стали рубить дѣвственные лѣса и открывать такимъ образомъ новыя мѣстожительства. Прадѣдъ Гальфдана очистилъ мѣстность около Sóleyjar. Тутъ же и выросъ Гальфданъ подъ надзоромъ своего дяди. Въ это время сдѣлали въ Швеціи грустное открытіе, что не хватало земли для прокормленія многочисленнаго населенія. Тогда часть народа отправилась на западъ и попала въ область Sóleyjar. Дядя, оказавшій, вѣроятно, сопротивленіе, былъ убитъ; Гальфдану же предложили стать во главѣ народа, принявъ званіе конунга [1]). Увеличеніе этой первоначальной области совершается само собой черезъ выгодныя бракозаключенія: Гальфданъ женится на дочери конунга Гейдмарка; сынъ его Эйстейнъ на королевской дочери въ Вестфольдѣ; внукъ послѣдняго Гудредъ (Guđröđr) такимъ же путемъ пріобрѣтаетъ половину Вингульмарка. Обычное выраженіе таково: онъ получилъ за ней такую то область — ok hafđi međ henni... Упоминаются также отдѣльные походы, напримѣръ, Гальфдана въ Раумарики, Эйстейна въ Варнаръ, Гудреда въ Агдиръ; но они повели не къ завоеванію данныхъ областей, а служили единичными набѣгами, чтобы получить возможно бóльшую добычу. Никакой опредѣленной политики мы у этихъ конунговъ не видимъ. Они ничѣмъ не отличаются отъ своихъ собратьевъ.

Совершенно другое впечатлѣніе производятъ Гальфданъ

---

[1]) Hkr., стр. 37—8.

Черный и въ особенности сынъ его Гаральдъ. Преобладающими чертами ихъ характера слѣдуетъ признать—властолюбіе и тщеславіе. Они систематически завоевываютъ сосѣднія области. Такъ Гальфданъ прямо силой подчинилъ себѣ Раумарики, весь Вингульмаркъ и Рингарики.

Гальфданъ уже не совершаетъ разбойничьихъ набѣговъ, онъ подчиняетъ и владѣетъ. Присвоивъ себѣ черезъ первую женитьбу область Согнъ, онъ назначаетъ тамъ ярла. чтобы судить и собирать подати [1]). Но покоренныя области подчинялись только грубой силѣ. Когда умеръ Гальфданъ, то во всѣ области возвратились старые конунги. Поэтому царствованіе Гаральда началось съ того, что ему пришлось вновь итти войною на всѣ области, которыя находились уже во власти отца. Затѣмъ Гаральдъ уже приступаетъ къ новымъ завоеваніямъ. Онъ проникаетъ во внутрь страны (Upplönd) и обходитъ горы (Dofrafjall) съ сѣвера. Народъ передъ нимъ бѣжитъ, кто въ лѣсъ, кто въ сосѣднія долины. Гаральдъ же продолжаетъ преслѣдовать. Идя побѣдоносно впередъ, Гаральдъ достигъ Трондгейма. Въ послѣдней области ему пришлось выдержать восемь сраженій. Этотъ походъ свидѣтельствуетъ о стратегическомъ искусствѣ Гаральда: теперь вся южная часть Норвегіи была отрѣзана отъ сѣвера. Что Гаральдъ придавалъ особое значеніе послѣднему обстоятельству, доказывается уже тѣмъ, что онъ четыре года оставался въ Трондгеймѣ, желая, очевидно, укрѣпить тамъ свою власть, какъ можно прочнѣе. Трондгеймъ послужилъ ему операціоннымъ базисомъ для покоренія юга и вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ защитить его отъ нападенія съ сѣвера.

Такая дальнозоркая политика, которая сверхъ того не останавливалась ни передъ какимъ кровопролитіемъ [2]), не могла не открыть глаза герсамъ. Правда, относительно каждой битвы мы узнаемъ, что пало столько то конунговъ. Но единодушному ихъ противодѣйствію мѣшало ихъ лич-

---

[1]) at dœma þar landslög ok heimta saman skatta. Hkr., стр. 44.

[2]) er hann Kom ofan i bygđina, þá lét hann đrepa menn alla ok brenna bygđina. Hkr., стр. 51.

ное соперничанье между собой. Съ другой стороны не было у нихъ главаря, который могъ бы сравниться съ Гаральдомъ авторитетомъ и властью. Такой появился въ лицѣ Сельви. Онъ увѣщевалъ герсовъ возстать всѣмъ народомъ противъ Гаральда [1]); онъ предпочиталъ умереть самостоятельнымъ господиномъ, чѣмъ сдѣлаться рабомъ Гаральда [2]). Но не всѣ герсы послѣдовали его увѣщаніямъ. Ему удалось собрать лишь немного союзниковъ, и потому онъ естественно потерпѣлъ пораженіе. Когда Гаральдъ изъ Трондгейма сталъ двигаться на югъ, то всѣмъ стало ясно его намѣреніе. Всѣ южныя племена соединились вмѣстѣ. Въ Гафрсфіордѣ состоялось рѣшительное сраженіе. Послѣ упорной борьбы Гаральдъ одержалъ побѣду. Это случилось въ 872 году. Съ этихъ поръ Гаральдъ сталъ считаться единовластнымъ королемъ Норвегіи.

Достигнута была цѣль, о которой давно мечтали. Уже мать Гаральда видѣла сонъ, что она вынула терній изъ своего платья; въ ея рукахъ этотъ терній сталъ рости, пустилъ корни въ землю и сдѣлался громаднымъ деревомъ, затѣнившимъ всю Норвегію. Отцу приснилось, что все его тѣло покрылось локонами, но одинъ изъ нихъ былъ красивѣе и свѣтлѣе другихъ. Подобные разсказы понятно поздняго происхожденія, но они свидѣтельствуютъ о настроеніи въ королевской средѣ: она стала сознательно поддерживать не только личность того или другого короля, но самую идею единовластія. Послѣдняя создавалась не только алчными притязаніями самихъ королей, но могла быть также навѣяна извнѣ: Швеція и Данія давно находились подъ властью одного короля. На это указываетъ разсказъ о сватовствѣ Гаральда. Гида (Gyða) ему отвѣчаетъ, что не хочетъ выйти за простого конунга, который владѣетъ всего нѣсколькими народностями, а согласится на бракъ лишь съ единовластнымъ королемъ, каковъ, напримѣръ, Гормъ въ Даніи и Эйрикъ въ Швеціи. Получивъ такой отвѣтъ,

[1]) at vér rísim allir upp i móti Haraldi Konungi. Hkr., стр., 55.

[2]) sá Kostr betri at falla í bardaga í Konungdómi sínum, en gerast undirmaðr Haralds Konungs. Hkr., стр. 55.

Гаральдъ произноситъ клятву, не стричь своихъ волосъ, пока не овладѣетъ всей Норвегіей съ податями, налогами и запасами [1]). Отсюда и прозвище его—прекрасноволосый.

Будучи не въ состояніи мириться съ новымъ порядкомъ вещей, герсы быстро стали выселяться изъ Норвегіи, при чемъ они не только открывали новыя земли въ Атлантическомъ океанѣ, но также переходили черезъ горы по направленію къ востоку и проникали въ Ямталандъ и Гельсингіаландъ [2]). Чтобы запугать герсовъ, оставшихся на островахъ, лежащихъ по пути въ Исландію, и чтобы разъ на всегда отнять у нихъ охоту возвратиться въ Норвегію, Гаральдъ предпринялъ противъ нихъ особый походъ, но, понятно, никогда не думалъ о полномъ ихъ подчиненіи. Намъ же болѣе важно узнать о тѣхъ герсахъ, которые сочли возможнымъ остаться въ Норвегіи. Изъ нихъ, несомнѣнно, многимъ показалось выгоднымъ перейти на службу къ королю и вообще содѣйствовать его политикѣ [3]). Король разными мѣрами старался переманить ихъ на свою сторону. Такъ онъ увеличилъ налоги и подати (álög ok landskyldir) настолько, что его намѣстники стали получать больше доходу, чѣмъ раньше самостоятельные конунги [4]). Намѣстнику на содержаніе полагалась третья часть доходовъ. За ярловъ король сталъ выдавать своихъ дочерей, и эти браки положили начало многимъ знатнымъ родамъ [5]). Лѣтопись сохранила намъ рядъ именъ такихъ герсовъ, которые изъ личной выгоды перешли на сторону короля. Чуть ли не самый извѣстный изъ нихъ Регнвальдъ, получившій прозвище «богатый» и «хитроумный» (hinn ríki eđa hin ráđsvinni) [6]), очевидно, за ту сообразительность, которую онъ проявилъ, подчинившись во время волѣ короля, и за пріобрѣтенныя имъ такимъ же путемъ богатства. Болѣе же честныя натуры, если по какой нибудь причинѣ оставались

---

1) allan Noreg međ sköttum ok skyldum ok forráđi. Hkr., стр. 51.

2) Hkr., стр. 62—3.

3) Hkr., стр. 63.

4) Hkr., стр. 52.

5) Hkr., стр. 81.

6) Hkr., стр. 55.

въ Норвегіи, покорялись королю нехотя, скрѣпя сердце. Они признавали власть короля какъ какой то фатумъ, которому нельзя уже противиться. Въ Наумудалѣ было два брата—Герлаугъ и Роллаугъ. Первый велѣлъ выкопать себѣ могилу и сошелъ въ нее живымъ съ 12 воинами; второй не нашелъ въ себѣ мужества, обречь себя на такую же смерть, но тѣмъ не менѣе показалъ, что и онъ сознаетъ весь тотъ несмываемый позоръ, который кроется въ подчиненіи королевской власти. Усѣвшись на тронѣ, который онъ занималъ въ качествѣ конунга, Роллаугъ всѣмъ своимъ тѣломъ ринулся на болѣе низкое мѣсто ярла. Этимъ дѣйствіемъ онъ самъ разжаловалъ себя въ ярлы [1]). Вообще, скоро установился презрительный взглядъ на ярловъ; герсы считали ихъ ниже себя родомъ [2]).

Понятно, что герсы, которые подчинились только грубой силѣ короля, а сами считали свое подданство постыднымъ положеніемъ, должны были пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы вновь избавиться отъ наложенной на нихъ опеки. Эта вспыхивающая отъ времени до времени вражда между герсами и королевской властью получила еще особую окраску тогда, когда короли въ христіанскомъ ученіи нашли себѣ какъ бы нравственную опору. Въ одной изъ предыдущихъ главъ [3]) мы указывали на то, что преимущественное положеніе герсовъ тѣсно было связано съ языческимъ богослуженіемъ. Христіанство, разрушавшее основы древняго быта, вмѣстѣ съ тѣмъ подрывало въ народѣ и довѣріе къ герсу. Первый норвежскій король, принявшій христіанство,—Гаконъ Добрый. Не политическій разсчетъ, а просто воспитаніе въ Англіи привели его къ этому рѣшенію. Въ Норвегіи же онъ сперва только тайно исповѣдуетъ новую вѣру, побуждаетъ къ переходу только самыхъ близкихъ себѣ людей, и только постепенно расширяетъ кругъ своей пропаганды. Герсы сразу поняли, какая имъ грозитъ опасность, если утвердится новая вѣра.

---

1) Hkr., стр. 52—3.
2) þótti þeim jarlar vera smábornari en þeir váru. Стр. 70.
3) См. выше стр. 269 сл.

Въ противовѣсъ ея проповѣди они всячески старались оживить языческій культъ. Наиболѣе упорное сопротивленіе оказывалъ Гакону нѣкій Сигурдъ. Онъ демонстративно устраивалъ чуть ли не въ присутствіи короля большія жертвоприношенія и празднества. Послѣдствія не заставили себя ждать. Когда король на народномъ собраніи предложилъ бондамъ креститься, они отвѣтили, что если онъ будетъ настаивать на этихъ новшествахъ, то они выберутъ себѣ новаго короля. И народъ сталъ внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы Гаконъ соблюдалъ языческіе обряды. Разъ король чуть не имѣлъ непріятности за то, что надъ кубкомъ сотворилъ крестное знаменіе [1]), но оправдался тѣмъ, что онъ сдѣлалъ «знакъ молота»—hamarsmark. Въ другой разъ его заставляютъ ѣсть конину [2]). Также и ярлъ Гаконъ, рѣшившійся даже призвать въ Норвегію чужихъ королей, особенно Гаральда изъ Даніи, для борьбы съ своимъ собственнымъ, норвежскимъ королемъ, приглашалъ народъ поддержать и храмы, и жертвоприношенія [3]). Но ничто уже не могло удержать наступленія новой эры. Настало такое время, что все язычество и всѣ язычники должны были погибнуть, а на ихъ мѣсто водворилась новая вѣра и правовые обычаи [4]). Такимъ быстрымъ успѣхомъ христіанство обязано было энергичной дѣятельности короля Олафа, сына Тригви. Онъ не останавливался ни передъ какой жестокостью. «Когда онъ былъ золъ, онъ мучилъ своихъ недруговъ, однихъ сжигалъ на кострѣ, другихъ отдавалъ на растерзаніе бѣшенымъ собакамъ, третьихъ калѣчилъ и бросалъ съ высокой горы въ пропасть» [5]). Когда народное собраніе въ Трондгеймѣ заявило ему, что оно нисколько не ставитъ его выше Гакона Добраго и что оно и отъ него потребуетъ языческаго жертвоприношенія,

---

[1]) См. выше стр. 371.

[2]) Hkr., стр. 92—6.

[3]) þá bauđ hann þat um ríki sitt alt, at menn skyldu halda upp hofum ok blótum. Hkr., стр. 136.

[4]) þá var sú tíđ komin, at firirdœmast skyldi blótskaprinn ok blótmenninir, en í stađ kom heilög trúa ok réttir siđir. Hkr., стр. 170.

[5]) Hkr., стр. 196.

то Олафъ согласился, но только съ тѣмъ условіемъ, что онъ принесетъ въ жертву людей—представителей самыхъ знатныхъ родовъ [1]). Колдуновъ и знахарей онъ изгонялъ изъ страны, иногда же сжигалъ ихъ [2]). Такимъ образомъ Олафу удалось крестить всю Норвегію, не исключая и Галогаланда.

Тѣмъ не менѣе власть Олафа, сына Тригви, не оказалась прочной. Наибольшая опасность заключалась въ томъ, что датскіе короли издавна привыкли вмѣшиваться въ норвежскія распри. Такъ уже Гунгильда пользовалась поддержкой датчанъ изъ личной мести къ Гакону Доброму. Въ особенности же датскій король Гаральдъ распоряжался въ Норвегіи, какъ у себя дома. Онъ пріѣхалъ туда съ 600 кораблями и раздѣлилъ всю страну между тѣми герсами, которые были враждебно настроены противъ норвежской династіи. При этомъ львиная доля досталась упомянутому выше ярлу Гакону [3]) Но герсы и тутъ оставались вѣрны своему стремленію къ независимости. Получивши свои надѣлы изъ рукъ датскаго короля, они все же отказывались платить ему дань, подобно тому какъ они уклонялись отъ подчиненія норвежскому королю [4]). Герсы нуждались въ датчанахъ лишь постольку, поскольку тѣ помогали имъ въ борьбѣ противъ единовластія. Въ Данію въ концѣ концовъ обратились и герсы сѣверной Норвегіи, когда до нихъ дошла очередь стать лицомъ къ лицу съ королевской властью.

Когда Олафъ святой продолжалъ огнемъ и мечомъ крестить Норвегію, то раньше, чѣмъ созвать народное собраніе въ Гулатингѣ, король посовѣтовался съ главарями народа. Они предложили королю войти съ ними въ мирное соглашеніе: не нарушать ихъ законовъ и не подчинять ихъ грубой силѣ; что касается какихъ нибудь полезныхъ нововведеній, то они всѣ готовы ему содѣйствовать. Въ знакъ

---

[1]) Hkr., стр. 181—3.
[2]) Hkr., стр. 178—9.
[3]) Hkr., стр. 135.
[4]) Hkr., стр. 142.

такого уговора король долженъ былъ выдать свою сестру за Эрлинга, сына Скіальга, который тогда считался самымъ виднымъ изъ всѣхъ молодыхъ людей Норвегіи [1]. Король не только согласился на этотъ бракъ, но также предложилъ Эрлингу званіе ярла. Но Эрлингъ отказался, оставаясь вѣрнымъ преданіямъ старины: «мои родственники всѣ были герсами; не хочу я имѣть болѣе высокого званія, чѣмъ они» [2]. Со временемъ Эрлингъ сталъ главнымъ врагомъ короля и его политики. Не даромъ онъ считался самымъ могущественнымъ (göfgastr) герсомъ Норвегіи. Снорри подробно описываетъ его богатство [3]. Когда король Олафъ подчинилъ себѣ всю Норвегію, ярлъ Гаконъ вынужденъ былъ бѣжать, но раньше онъ заключилъ тайный договоръ съ Эрлингомъ и его сыномъ. Затѣмъ Гаконъ направился къ Кнуту, который одновременно былъ королемъ Даніи и Англіи, и оставался при его дворѣ, подстрекая его къ вражескому нападенію на Норвегію [4]. Уступая могуществу Эрлинга, Олафъ счелъ необходимымъ вступить съ нимъ въ переговоры и заключить перемиріе [5]. Тѣмъ не менѣе онъ не могъ быть увѣреннымъ въ его послушаніи. Открытое возстаніе разразилось вотъ по какому поводу.

Когда Олафъ святой объѣзжалъ берега Галогаланда съ цѣлью подчинить и эту часть Норвегіи своей власти и обратить жителей въ христіанскую вѣру, многіе герсы, боясь его мести, шли ему навстрѣчу, устроивали въ его честь пиршества и вступали даже къ нему на службу — ređust til fylgđar. Среди нихъ находился и одинъ изъ богатѣйшихъ жителей сѣвера — Торирь Собака съ острова Біаркей [6]. Братъ его Сигурдъ былъ женатъ на сестрѣ Эрлинга, и уже это одно обстоятельство объясняетъ намъ,

[1]) Hkr., стр. 175.

[2]) Hersar hafa verit frændr mínir, vil ek ekki hafa nafn hæra en þeir... Hkr., стр. 176.

[3]) Hkr., стр. 231.

[4]) Hkr., стр. 236.

[5]) Hkr., стр. 263 и 350.

[6]) Hkr., стр. 337.

почему онъ не представился королю. Въ языческія времена онъ трижды въ годъ приносилъ жертвы; по принятію христіанства онъ все-таки продолжалъ пировать осенью, въ рождество и въ пасху. Когда онъ умеръ отъ болѣзни, то сынъ его Асбіернъ сталъ придерживаться того же обычая. Но вотъ годъ за годомъ слѣдуютъ неурожаи и голодухи. Не хватаетъ солода и ячменя на напитки. Все съ большими трудностями сопряжено устройство обычныхъ пиршествъ. Король Олафъ даже запретилъ перевозъ хлѣба съ юга на сѣверъ. Тогда Асбіернъ съ 20 мужами отправляется на югъ за необходимыми товарами. Сперва онъ останавливается у острова Körmt, гдѣ находилось королевское помѣстье. Управляющій Ториръ Моржъ отказываетъ Асбіерну въ просьбѣ продать ему ячмень и солодъ, ссылаясь на приказъ короля. Тогда Асбіернъ направляется къ своему дядѣ въ Рогаландъ. Эрлингъ совѣтуетъ ему купить нужное у подчиненныхъ ему людей, такъ какъ они дескать не связаны никакими законами и положеніями [1]). Нагрузивъ корабль купленнымъ такимъ образомъ товаромъ, Асбіернъ ѣдетъ домой. Но Ториръ Моржъ узналъ объ его продѣлкѣ и на всякій случай собралъ около себя 60 человѣкъ. Когда Асбіернъ присталъ къ Кермту, Ториръ Моржъ отнимаетъ у него весь грузъ и даже паруса. Такъ что Асбіернъ возвращается домой, ограбленный въ пухъ и прахъ. Въ первый разъ въ его жизни онъ не могъ справить обычный праздникъ іола. Всю зиму его не покидаетъ мысль о мести.

Въ слѣдущее лѣто Асбіернъ ѣдетъ къ Кермту и незамѣченнымъ подходитъ къ усадьбѣ. Въ это время тамъ гоститъ самъ Олафъ. Асбіернъ подслушиваетъ, какъ Торирь Моржъ разсказываетъ королю о прошлогоднихъ событіяхъ. «Когда мы отняли у него паруса, то онъ заплакалъ», говоритъ Ториръ. Тогда Асбіернъ уже не владѣетъ собой, врывается въ залъ и отрубаетъ Ториру голову, такъ что голова падаетъ на столъ короля, а трупъ къ его ногамъ,

---

[1]) þeir eru ekki i lögum eđa landsrétt međ öđrum mönnum. Hkr. стр. 354

кровь же хлынула на скатерть. Олафъ собирается немедленно казнить Асбіерна, но за него заступается его двоюродный братъ Скіальгъ, сынъ Эрлинга. Прибываетъ и самъ Эрлингъ, сопровождаемый 1500 мужьями. Подъ этимъ давленіемъ смягчается гнѣвъ короля. Проводя законъ, что если кто убьетъ состоящаго на королевской службѣ, то онъ обязанъ, по требованію короля, самъ замѣстить его, Олафъ назначаетъ Асбіерна въ пріемники убитому Ториру. Асбіернъ уѣзжаетъ домой, очень довольный такимъ исходомъ дѣла. Но дядя его Торирь Собака другаго мнѣнія. «Это позоритъ не только тебя, но всю твою родню, говоритъ онъ, если ты дѣйствительно сдѣлаешься слугой короля и уподобишь себя самому послѣднему человѣку, какимъ былъ Торирь Моржъ. Теперь же поступай, какъ приличествуетъ мужчинѣ, оставайся пока въ твоемъ имѣніи, мы же поддержимъ тебя, такъ что ты уже больше не очутишься въ такомъ затрудненіи». Асбіернъ послушался его совѣта и больше уже не показывался королю на глаза [1]).

Намѣстникомъ надъ Галогаландомъ Олафъ поставилъ Асмунда, сына одного изъ герсовъ, которые добровольно и съ корыстной цѣлью перешли на сторону короля. На островѣ Лангей, лежащемъ также на сѣверѣ Норвегіи, жило два брата—Гунстейнъ и Карли. Послѣдній хотѣлъ поступить на службу короля и съ этимъ намѣреніемъ обратился къ Асмунду. Направляясь вдвоемъ къ королю, они встрѣтились съ Асбіерномъ. «Вотъ онъ въ синей курткѣ у руля!» говоритъ Асмундъ. «Такъ я ему сдѣлаю ее красной», отвѣчаетъ Карли. Метнувъ копьемъ, онъ попалъ Асбіерну въ грудь и убилъ его. Мать Асбіерна посылаетъ за Торированъ Собакой. Вручая ему копье, которымъ былъ убитъ ея сынъ, она упрекаетъ Торира въ томъ, что онъ виновникъ убіенія сына, и требуетъ, чтобы онъ отомстилъ за его смерть. Торирь глубоко взволнованъ ея рѣчью, такъ что, идя на корабль, онъ чуть не свалился въ воду, если бы мужи не подхватили его. При дворѣ Карли хвастается

[1]) Hkr., стр. 351—362.

своимъ поступкомъ и подробно разсказываетъ, какъ онъ убилъ Асбіерна. Нѣкоторые запомнили его слова и наконецъ слухъ объ этомъ дошелъ и до Торира Собаки [1]).

Тѣмъ временемъ подстрекательство норвежскихъ перебѣжчиковъ оказало свое дѣйствіе на короля Кнута. Они убѣдили его, что легко будетъ захватить вновь Норвегію, которой владѣли его предки, въ особенности же дѣдъ его Гаральдъ. Когда же сыновья Эрлинга пріѣхали къ нему въ гости, то Кнутъ не устоялъ противъ искушенія, тѣмъ болѣе что завоеваніе Англіи, которое до сихъ поръ отвлекало его вниманіе, могло считаться оконченнымъ. Когда послы, явившіеся къ Олафу съ требованіемъ подчиниться Кнуту и принять изъ его рукъ Норвегію въ качествѣ леннаго владѣнія, возвратились съ отказомъ, Кнутъ сталъ готовиться къ войнѣ. И Олафъ съ своей стороны принялъ мѣры: во-первыхъ, онъ заключилъ союзъ съ шведскимъ королемъ Önund'омъ, во-вторыхъ, онъ отправилъ Карли въ Біармаландъ—очевидно, за деньгами [2]).

Изъ Сарпсборга, гдѣ зимовалъ Олафъ, Карли поѣхалъ въ Упландъ, потомъ пошелъ черезъ горы и прибылъ въ Нидаросъ. Тамъ онъ взялъ согласно приказу короля казенныя деньги и хорошій, удобный корабль. Рѣшено было такъ, что Карли будетъ находиться въ товариществѣ съ королемъ и каждый изъ нихъ будетъ имѣть поровну денегъ [3]). Вмѣстѣ съ Карли поѣхалъ и братъ его Гунстейнъ, только на свои собственныя деньги. Всего ихъ было 25 человѣкъ на кораблѣ. Рано весною они направились къ сѣверу вдоль Галогаланда. Объ ихъ поѣздкѣ узналъ и Ториръ Собака и послалъ спросить, не желаютъ ли они ѣздить вмѣстѣ съ нимъ и дѣлить пополамъ добычу. Карли соглашается съ условіемъ, чтобы у него было не болѣе 25 человѣкъ съ собой и чтобы добыча дѣлилась поровну между кораблями, исключая того, что будетъ

---

[1]) Hkr., стр. 366—8.

[2]) Hkr., стр. 374—9.

[3]) var svá ætlat, at Karli skyldi hafa félag Konúngs ok eiga hálft fe hvárr vid annan. Hkr., стр. 380.

пріобрѣтено куплей [1]). Торирь снаряжаетъ военный корабль съ 80 мужами и настигаетъ Карли около Сандвери. Съ этого мѣста они поплыли вмѣстѣ. Гунстейнъ обращаетъ вниманіе Карли на то, что у Торира уже больно много народу. «Не возвратиться ли намъ обратно? Не стоитъ ѣхать, разъ мы въ рукахъ у Торира! Я ему не довѣряю». Карли отказывается воротиться обратно, но спрашиваетъ Торира, отчего у него больше людей, чѣмъ было условлено. Торирь извиняется тѣмъ, что корабль у него великъ и требуетъ многочисленную прислугу. «Для такой опасной поѣздки я взялъ, кажется, не слишкомъ много молодцевъ». Они плыли такъ скоро, какъ только могли. Когда дулъ слабый вѣтеръ, корабль Карли шелъ впереди; когда же дуло сильнѣе, то Карли отставалъ.

Прибывши въ Біармаландъ, они выбрали себѣ мѣсто для торговли. Тотчасъ же начались торговыя сношенія. Они выручили весьма крупныя суммы денегъ, получая деньгами [2]). Торирь же кромѣ того бралъ бѣличьи, бобровые и собольи мѣха. У Карли также было много денегъ, и онъ также купилъ большое количество мѣховъ. Но когда прекратилась торговля, то они поплыли внизъ по рѣкѣ Двинѣ. Миръ съ туземцами прекратился. Но когда они снова очутились въ морѣ, они стали совѣщаться, и Торирь спросилъ, не намѣренъ ли кто выйти на берегъ искать добычи. Всѣ были готовы итти за нимъ, какъ только являлась надежда на добычу. Торирь сообщаетъ имъ о странномъ обычаѣ туземцевъ: когда у нихъ умираетъ богатый человѣкъ, то деньги его дѣлятся такъ, что наслѣдникамъ достается только часть, а мертвому приходится половина или третья часть, иногда, правда, и меньше; доля мертваго выносится въ лѣсъ, иногда она прячется въ курганѣ или засыпается землей; иногда же устраиваются и особыя хранилища [3]).

---

[1]) vilja þeir þá, at af fé því er fæst, sé skipt at jafnaði milli skipanna fyrir utan Kaupeyri þann, er menn höfðu. Hkr., стр. 380.

[2]) fengu þeir menn allir fullræði fjár, er fé höfðu til at verja. Hkr., стр. 381.

[3]) Þórir sagði, at þannug væri þat háttat, þá er auðgir menn öndudust, at lausafé skyldi skipta með hinum dauða ok örfum hans; skyldi hann hafa

Вечеромъ они съѣзжаютъ на берегъ, оставивъ стражу на корабляхъ. Сперва они идутъ по пустой равнинѣ, а затѣмъ вступаютъ въ густой лѣсъ [1]). Впереди идетъ Торирь; послѣдними Карли и Гунстейнъ. Торирь просилъ ихъ итти какъ можно тише и по дорогѣ сдиралъ кору съ деревьевъ, для того чтобы можно было отличить одно дерево отъ другого [2]). Потомъ они вышли на вычищенное мѣсто, гдѣ былъ высокій заборъ; ворота же были заперты. Шесть человѣкъ должно было сторожить у забора каждую ночь, по два въ каждую треть. Норманы пришли какъ разъ во время смѣны, когда отслужившіе свои часы сторожа ушли, а новые еще не явились. При помощи топора Торирь и Карли перелѣзаютъ черезъ заборъ и отпираютъ ворота. Тогда Торирь отдаетъ приказаніе: посреди двора стоитъ курганъ, гдѣ вмѣстѣ съ землей смѣшано золото и серебро, къ нему пусть подойдутъ мужи; но чтобы никто не смѣлъ трогать идола Іомалы. Воины подходятъ къ кургану и набираютъ себѣ въ платье, сколько могутъ, денегъ, хотя и вмѣстѣ съ землей, какъ и слѣдовало ожидать. Затѣмъ Торирь приказываетъ всѣмъ уйти и распоряжается, чтобы Карли и Гунстейнъ теперь шли впереди, а самъ онъ идетъ сзади. Всѣ поспѣшили вонъ изъ ограды. Только Торирь остался, подошелъ къ истукану и взялъ серебрянную чашу, лежащую у идола на колѣняхъ; она вся была полна серебряными монетами. Серебро онъ высыпалъ себѣ въ платье, а ушки чаши онъ надѣлъ себѣ на руки [3]). Сдѣлавъ это, онъ пошелъ къ выходу. Товарищи тѣмъ временемъ уже вышли изъ за ограды и замѣтили, что Торирь замѣшкался.

---

hálft eđa þridjung, en stundum minna; þat fé skyldi bera út í skóga, stundum í hauga, ok ausa víđ moldu; stundum váru hus at ger. Hkr., стр. 381.

[1]) Váru fyrst vellir sléttir, en þar næst mörk mikil. Hkr., стр. 381.

[2]) hleypit af trjánum berki svá at hvert tré sé frá öđru. Hkr., стр. 381. Эту хитрость Торирь придумалъ для того, чтобы не заблудиться на обратномъ пути.

[3]) þórir veik aptr til Jómala ok tók silfrbolla, er stóđ í Knjám honum; hann var fullr af silfrpenningum; steypti hann silfrinu í Kilting sína, en dró a hönd ser höddu, er yfir var bollanum. Hkr., стр. 382.

Карли пошелъ за нимъ обратно и увидѣлъ у него въ рукахъ серебряную чашу. Тогда Карли въ свою очередь подбѣжалъ къ идолу и замѣтивъ у него на шеѣ драгоцѣнное монисто, топоромъ прорубилъ цѣпь, на которой держалось украшеніе. Но ударъ оказался такимъ сильнымъ, что у идола слетѣла голова. Раздался трескъ, — всѣ только диву дались. Карли однако прибралъ монисто, и они вышли. Въ это время какъ разъ пришли сторожа и тотчасъ же затрубили въ рогъ. Сейчасъ же по всѣмъ дорогамъ отвѣтили рога. Норманы поспѣшили въ лѣсъ, біармійцы же собрались около храма. Торирь шелъ сзади. Передъ нимъ два человѣка несло мѣшокъ, въ которомъ было нѣчто въ родѣ золы. Торирь сыпалъ эту золу то на дорогу то на шедшихъ впереди людей. Когда норманы изъ лѣсу выступили на равнину, то они услышали какъ біармійцы гнались за ними съ яростнымъ воемъ, окружая ихъ съ двухъ сторонъ. Но такъ какъ біармійцы ихъ не видѣли [1]), то не произошло никакого столкновенія. Карли и его воины первые взошли на корабль, сняли палатки, подняли паруса и быстро вышли въ море. Торирь, будучи послѣднимъ, значительно запоздалъ. Такъ они отдѣльно поѣхали черезъ Гандвикъ.

Ночи тогда были совсѣмъ свѣтлыя [2]), такъ что они плыли днемъ и ночью, пока Карли не остановился у какого то острова. Тутъ его настигаетъ Торирь и бросивъ якорь, на лодкѣ отправился къ Карли просить его продать ему монисто, указывая ему на то, что ему они обязаны тѣмъ, что не потеряли ни одного человѣка. Карли же говоритъ, что такъ какъ королю Олафу принадлежитъ половина добычи, то ему онъ передастъ и монисто. «Поѣзжай къ королю, быть можетъ онъ тебѣ и уступитъ монисто, если оно ему не понравится». Тогда Торирь предлагаетъ выйти на берегъ и приняться за дѣлежъ добычи. Но Гунстейнъ отвѣчаетъ, что пора ѣхать. Они немедленно сни-

---

[1]) Потому, что Торирь колдовалъ, какъ описано выше.

[2]) Вѣроятно отъ полнолунія или звѣздъ, потому что норманы возвращались уже во вторую половину лѣта.

маются съ якоря. Торирь спѣшитъ къ своему кораблю, но пока онъ поднималъ паруса, Карли былъ уже далеко. Догналъ онъ его только при Гейрсверъ—первой пристани, когда ѣдешь съ сѣвера [1]). Торирь въѣхалъ въ самую гавань, Карли остановился снаружи. Потомъ Торирь вышелъ на берегъ и сталъ звать вождей другаго корабля. Оба брата явились. Торирь повторяетъ свое требованіе, но получая уклончивые отвѣты, подзываетъ Карли и пронизываетъ его копьемъ со словами: «Узнай теперь, Карли, жителя острова Біаркей! Надѣюсь, что ты не забылъ копья!» [2]). Карли умеръ на мѣстѣ. Гунстейнъ и его мужи взяли трупъ и уѣхали какъ можно скорѣе. Торирь хотѣлъ ихъ преслѣдовать, но его задержало маленькое несчастье: когда стали поднимать паруса, оборвался канатъ, и пока они вторично прикрѣпили парусъ, ушло уже много времени. Тогда Торирь пошелъ подъ парусомъ и подъ веслами: Гунстейнъ тоже. Плыли день и ночь. Наконецъ, при Lengjuvík Гунстейну пришлось пристать къ берегу и бѣжать во внутрь страны. Очевидно, онъ больше не могъ надѣяться на скорость своего корабля. Гунстейнъ спрятался у какой то женщины. Торирь тщетно разыскиваетъ его, грабитъ корабль, вмѣсто драгоцѣнностей нагружаетъ его камнями, выводитъ въ середину фіорда и топитъ его. Послѣ этого Торирь возвращается домой въ Біаркей. Гунстейнъ же со своими людьми ѣдетъ дальше на маленькихъ лодкахъ, и при томъ они плывутъ только ночью; днемъ же они прячутся и соблюдаютъ такія предосторожности, пока не проѣхали Біаркей. Тогда Гунстейнъ уже безъ дальнѣйшихъ приключеній пріѣзжаетъ въ Трондгеймъ, гдѣ и находится король Олафъ.

Олафъ уже серьезно приготовлялся къ войнѣ. Финнъ Арнасонъ былъ отправленъ въ Галогаландъ сзывать мужей

---

[1]) Это, очевидно, была первая пристань въ Норвегіи; въ Финмаркѣ, они уже раньше останавливались. Но названіе Geirser образовано ad hoc. Ver=мѣсто на берегу моря (ср. eggver, fiskiver, selver); geirr=копье. Geirsver—мѣсто, на которомъ было пущено въ ходъ копье.

[2]) Это то же копье, которымъ Карли убилъ Асбіерна.

въ походъ. Между прочими пріѣзжаетъ и Ториръ Собака на томъ кораблѣ, на которомъ ѣздилъ въ Біармаландъ. На тингѣ Финнъ спрашиваетъ Торира, какую виру онъ намѣренъ платить королю за убійство Карли и за грабежъ королевскаго имущества. Такъ какъ Ториръ видѣлъ вокругъ себя рослыхъ мужей въ полномъ вооруженіи и среди нихъ Гунстейна и другихъ родственниковъ Карли, то онъ отдался на милость короля, обѣщая покориться его волѣ. Финнъ приговариваетъ его къ уплатѣ 10 марокъ [1]) золота—королю, столько же — Гунстейну и другимъ родственникамъ, и такая же сумма взимается за грабежъ имущества. Ториръ возражаетъ, что это крупная сумма, но Финнъ отказывается мириться съ нимъ иначе. Кромѣ того Финнъ еще требуетъ отъ него монисто. Напрасно Ториръ отрицаетъ, что взялъ у мертваго Карли монисто, напрасно онъ увѣряетъ, что всѣ деньги и драгоцѣнности дома въ Біаркей и проситъ отсрочки. Финнъ прикладываетъ копье къ его груди. Тогда только Ториръ снимаетъ съ шеи монисто. Всѣ отправляются на корабль Торира, вѣроятно, съ цѣлью произвести обыскъ. Тутъ они удивляются двумъ большимъ бочкамъ. Что въ нихъ можетъ быть? Ториръ увѣряетъ, что въ нихъ только питье, и угощаетъ присутствующихъ. Финнъ настаиваетъ на томъ, чтобы Ториръ выложилъ деньги. Тогда Ториръ начинаетъ считать деньги мелкой монетой, чтобъ затянуть дѣло. Онъ вынулъ много узловъ; въ однихъ было по маркѣ серебра, въ другихъ по полъ марки, въ третьихъ лишь нѣсколько эре (eyrir). Проходитъ день. Мужи собираются домой. Ториръ, отсчитывая все серебромъ, уплатилъ едва третью часть виры. Тогда Финнъ изъ за поздняго времени разрѣшаетъ ему доплатить оставшіяся деньги въ другой разъ. «Я вижу, что тебѣ очень нравится считать деньги», говоритъ онъ и отправляется въ путь съ остальными. Ториръ же очень поздно вышелъ и направился на югъ въ Англійское море [2]). Когда Олафъ узналъ, что Ториръ убѣжалъ къ Кнуту, онъ сказалъ только: «пусть То-

---

[1]) Марка здѣсь означаетъ опредѣленный вѣсъ.

[2]) Englandshaf = Сѣверное море.

риръ лучше будетъ подальше отъ меня, чѣмъ поближе». Вмѣстѣ съ тѣмъ Ториръ увезъ и все добро, которое онъ отнялъ у біармійцевъ и у своихъ спутниковъ. Но въ бочкахъ было двойное дно, и главное ихъ содержаніе состояло изъ заячьихъ, бобровыхъ и собольихъ мѣховъ [1]).

Нужно думать, что Ториръ не преминулъ уговорить всѣхъ своихъ родственниковъ перейти на сторону Кнута. Такъ въ одно лѣто къ нему пріѣзжаютъ Эрлингъ и его сыновья [2]). Тутъ то и рѣшается самый походъ противъ Норвегіи и составляется планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Вмѣстѣ съ Эрлингомъ пріѣзжаютъ въ Норвегію и послы короля Кнута съ цѣлью вербовать приверженцевъ. При этомъ они прямо прибѣгали къ подкупу. Намѣреніе ихъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: весьма много норвежцевъ предложило Кнуту свои услуги. Понятно, король Олафъ не могъ равнодушно смотрѣть на эту дерзкую пропаганду. Началось жестокое преслѣдованіе родственниковъ Торира. Однажды, когда Олафъ увидѣлъ на рукѣ у племянника Торира тяжелый золотой браслетъ, которой какъ сообщили королю, тотъ получилъ въ подарокъ отъ Кнута, онъ немедленно велитъ казнить его [3]). Но такая жестокость вызываетъ только недовольство всей страны [4]) и только ускоряетъ надвигавшуюся катастрофу.

Когда Кнутъ въ сопровожденіи перебѣжчиковъ, въ ихъ числѣ и Торира, напалъ на Норвегію, Олафу ничего не оставалось, какъ бѣжать. Кнутъ же направился прямо къ сѣверу и остановился въ Эйкасундѣ. Здѣсь къ нему присталъ Эрлингъ съ большимъ отрядомъ. Тогда безъ всякихъ затрудненій Кнутъ былъ выбранъ королемъ всей Норвегіи. Повсюду онъ назначалъ своихъ намѣстниковъ, снабжалъ ихъ деньгами, раздавалъ подарки и угощалъ всѣхъ щедро. Ториру онъ поручилъ собираніе дани съ финовъ [5]). Двѣ

---

1) Hkr., стр. 398—401.
2) Hkr., стр. 430.
3) Hkr., стр. 435.
4) En verk þat varđ at hinni mestu öfund...
5) Hkr., стр. 438 -9.

зимы подъ рядъ Торiръ исполнялъ эту обязанность. Онъ долго оставался въ горахъ и раздобылъ много денегъ. Кромѣ того онъ входилъ во всевозможныя торговыя сдѣлки съ финами. Между прочимъ онъ заказалъ себѣ 12 оленьихъ шубъ, которыя были заколдованы, такъ что ни одно оружiе не могло пробить ихъ. Узнавъ, что Олафъ возвращается, онъ снарядилъ военный корабль, пригласивъ съ сѣвера всѣхъ воиновъ въ походъ и направился къ югу на встрѣчу Олафу [1]). Но разсчеты его оказались не совсѣмъ вѣрными. Олафъ возвращается въ Норвегiю не моремъ, но черезъ Ямталандъ, Кiель и Верадаль. Тогда намѣстники Кнута собираются у Трондгейма. На военномъ совѣтѣ Торiръ отказывается отъ главнаго начальства, говоря, что у него личные счеты съ королемъ Олафомъ, которыхъ нельзя оставить [2]). Битва происходитъ въ Стикластадѣ. Тутъ Торiру представляется случай убить короля Олафа, его самого защищаетъ заколдованная куртка. Нѣкiй Торстейнъ ранилъ короля въ лѣвую ногу. Король свалился на камень, отбросилъ отъ себя мечъ и сталъ молиться. Тогда Торiръ прокололъ его копьемъ въ животъ подъ самой броней [3]). Впослѣдствiе мы узнаемъ о Торiрѣ, что онъ отправился въ Iерусалимъ и изъ этого путешествiя уже не возвращался [4]). Вѣроятно, онъ счелъ нужнымъ скрыться безслѣдно, когда послѣ смерти Кнута Норвегiя перешла во владѣнiе Магнуса, сына Олафа.

Убiйство Торiра Моржа Вигфуссонъ относитъ къ 1023 году; поэтому слѣдуетъ отнести поѣздку Торiра въ Бiармаландъ къ 1026 году. Въ 1028 году Кнутъ напалъ на Норвегiю, а въ 1030 году произошло роковое сраженiе подъ Стикластадомъ.

Вотъ какъ закончилось это послѣднее возстанiе герсовъ противъ единовластiя короля въ Норвегiи. И впослѣдствiи были случаи неповиновенiя и возмущенiя, но только отдѣль-

---

[1]) Hkr., стр. 464.
[2]) Hkr., стр. 485.
[3]) Hkr., стр. 492—3.
[4]) Hkr., стр. 523.

ныхъ личностей, не цѣлаго сословія воодушевленнаго вѣковыми традиціями. Только среда, нравственныя понятія которой коренились въ глубокомъ язычествѣ, могла выдвинуть рельефную личность Торира Собаки. Это—типичный викингъ. Его алчность не знаетъ предѣла; для добыванія денегъ онъ прилагаетъ смѣкалку купца и храбрость воина, хитрость вора и дерзость разбойника. Столь же ненасытной кажется и его мстительность; даже лестное предложеніе взять на себя начальство надъ всѣмъ войскомъ не могло заглушить въ немъ память о личныхъ счетахъ. Но въ преслѣдованіи своихъ цѣлей Торирь выказываетъ такую силу воли, такую находчивость и, прибавимъ, такую жестокость, что читая захватывающій разсказъ Снорри, мы невольно начинаемъ ощущать въ немъ героя. Основныя черты его характера встрѣчаются и у Орваръ-Одда, но Торирь сталъ болѣе мощнымъ представителемъ своей среды, будучи выдвинутъ на болѣе отвѣтственный постъ. Въ то время какъ Орваръ-Оддъ живетъ вольной жизнью викинга, безъ высшей цѣли, безъ общаго интереса, Торирь участвуетъ въ важномъ историческомъ событіи: ему приходится отстаивать старый общественной строй противъ притязаній представителей новой власти, новой вѣры и новой морали. Но со старой культурой неразрывно были связаны и такія смѣлыя предпріятія, какъ поѣздки въ Біармаландъ. Поэтому гибель той среды, изъ которой выходили Отеръ, Орваръ-Оддъ и Торирь Собака, должна была вызвать и пріостановку такихъ путешествій.

XLVII.

Храмъ Іомалы.

О храмѣ Іомалы въ древнесѣверной литературѣ имѣются три подробныхъ разсказа—въ Орваръ-Оддсагѣ, въ Босасагѣ и въ повѣствованіи о поѣздкѣ Торира. Но изъ нихъ Босасага является продуктомъ вольной фантазіи, такъ что можетъ быть принято во вниманіе только два остальныхъ источника. Какъ мы выше [1]) указали, въ редакцію S.

[1]) Стр. 118.

Орваръ-Оддсаги вкралось цѣликомъ нѣсколько предложеній изъ разсказа Снорри. Теперь вопросъ въ томъ, поскольку остальное описаніе въ сагѣ и у Снорри независимо другъ отъ друга. Въ обоихъ разсказахъ мы находимъ только одну общую черту—курганъ въ густомъ лѣсу въ нѣкоторомъ разстояніи отъ устьевъ Двины, состоящій изъ земли и цѣнныхъ монетъ. Но текстъ обоихъ разсказовъ совершенно самостоятеленъ и въ этомъ мѣстѣ:

Редакція M. Орваръ-Оддсаги [1]).

haugr stendr upp með áinni Vínu, hann er af tveim hlutum görr, af silfri ok moldu; þar skal bera gaupnir silfrs eptir hverjum manni, ef hann ferr af heiminum, ok svá, er hann kemr í heiminn.

Редакція S. Орваръ-Оддсаги [2]):

haugr stendr upp með ánni Vínu, borinn saman af moldu ok skírum penningum; þangat skal bera gaupnir silfrs ok gaupnir moldar eptir hvern mann er andaz ok svá fyrir þeim er í koma heiminn.

Heimskringla [3]):

þórir sagði at þannug væri þat háttat, þá er auðgir menn öndudust, at lausafé skyldi skipta með hinum dauða ok örfum hans; skyldi hann hafa hálft eða þriðjung en stundum minna; þat fé skyldi bera út í skóga, stundum í hauga ok ausa við moldu; stundum váru hus at ger.

Какъ видимъ, о заимствованіи не можетъ быть и рѣчи; оба разсказа превосходно дополняютъ другъ друга: Орваръ-Оддсага упоминаетъ о необходимости даннаго жертвопри-

---

[1]) L., стр. 30.
[2]) L., стр. 29 и 31.
[3]) Hkr., стр. 381.

ношенія не только по случаю смерти, но и по поводу рожденія ребенка; Торирѣ точнѣе опредѣляетъ размѣръ жертвуемой суммы. Кромѣ того, въ Орваръ-Оддсагѣ разсказъ о разграбленіи кургана состоитъ изъ цѣлаго ряда самостоятельныхъ эпизодовъ, которыхъ нѣтъ у Снорри. Начиная съ того, что въ Орваръ-Оддсагѣ норманы дважды идутъ къ кургану, сперва Гудмундъ и Сигурдъ, потомъ Орваръ-Оддъ. Плѣнный виночерпій указываетъ норманамъ дорогу къ кургану и тутъ же выдаетъ ихъ біармійцамъ. У Снорри такъ и не выяснено, откуда Торирѣ зналъ о существованіи кургана [1]); нападеніе біармійцевъ мотивируется тѣмъ, что сторожа затрубили въ рогъ. Въ Орваръ-Оддсагѣ происходитъ форменная битва; весьма наглядно описано расположеніе нормановъ поперекъ мыса и образъ Одда, сражающагося только-что вырубленной дубиной. У Снорри же ни о какомъ столкновеніи не упоминается, такъ какъ біармійцы вслѣдствіе колдовства Торира вовсе не видятъ нормановъ. Въ Орваръ-Оддсагѣ норманы дѣлаютъ себѣ особые носилки; спутники Торира собираютъ деньги въ свое платье. Наконецъ, Орваръ-Оддъ зажигая дерево, даетъ сигналъ кораблямъ подъѣхать къ берегу; отъ Торира, напротивъ, его спутники бѣгутъ.

Съ другой стороны, разсказъ Снорри содержитъ такія подробности, которыя совершенно отсутствуютъ въ Орваръ-Оддсагѣ: курганъ окруженъ высокимъ заборомъ съ воротами; курганъ сторожатъ шесть человѣкъ, смѣняя другъ друга; рядомъ съ курганомъ стоитъ истуканъ Іомалы; у него чаша съ монетами на колѣняхъ и на шеѣ дорогое монисто. Такъ какъ Орваръ-Оддсага не знаетъ ни о заборѣ, ни о сторожахъ, то я дѣлаю такой выводъ, что эти мѣры предосторожности приняты біармійцами только впослѣдствіи, когда обнаружилась та опасность, которая грозила ихъ сокровищамъ отъ нападенія со стороны пріѣзжихъ нормановъ. Этнографическія параллели, приведенныя мною [2]),

[1]) Дорога къ кургану была Ториру, очевидно, также неизвѣстна, иначе ему не пришлось бы дѣлать знаки на деревьяхъ, чтобы не заблудиться.

[2]) Сл. выше, стр. 120, примѣчаніе.

также указываютъ на то, что курганы такого рода первоначально не охранялись. Но вблизи такихъ кургановъ естественно могли стоять изображенія языческихъ божковъ, въ данномъ случаѣ бога Іомалы. Если Орваръ-Оддсага не упоминаетъ объ этомъ истуканѣ, то потому что деревянный Іомала самъ по себѣ не представлялъ никакой цѣнности. Можетъ быть, норманы во мракѣ ночи даже не замѣтили истукана и приняли его за какой-нибудь старый стволъ или пень. Другое дѣло съ Ториромъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Біармаландъ, курганъ былъ не только окруженъ заборомъ, къ послѣднему не только были приставлены сторожа, но и самый истуканъ уже былъ украшенъ драгоцѣннымъ монистомъ и на его колѣняхъ лежала чаша со щедрыми жертвоприношеніями.

Разсказъ Босасаги примыкаетъ уже къ описанію Снорри. И здѣсь упоминаются заборъ и сторожа; истуканъ украшенъ золотой короной и мѣховой мантіей; на колѣняхъ серебряная чаша съ золотыми монетами. Послѣднія отступленія—золотая корона и золотыя монеты вмѣсто серебряныхъ — объясняются сами собой, какъ преувеличенія разсказчика. Жаръ-птица необходима была для Боси, который вѣдь пріѣхалъ въ Біармаландъ за чудеснымъ яйцомъ. Затѣмъ въ Босасагѣ выводится еще жрица. Въ принципѣ противъ присутствія жрицы возлѣ истукана нельзя ничего возразить. Но вмѣстѣ съ жрицей живетъ и красавица Лейда, преслѣдуемая старой жрицей, сидящая въ запертой комнатѣ, привязанная за волосы къ стулу. Но чудесное яйцо жаръ-птицы, красавица и истязающая ее вѣдьма—общераспространенный сказочный мотивъ; нельзя одну часть этого мотива отдѣлять отъ другой. Такимъ образомъ, жрица въ Босасагѣ уже превратилась въ злую вѣдьму сказокъ. Разъ при истуканѣ жила жрица, то она должна была и чѣмъ-нибудь питаться. Проще всего было держать себѣ корову. Но изъ этой простой бытовой подробности разсказчикъ придумалъ самую причудливую исторію, на свой собственный рискъ или подъ вліяніемъ какого-нибудь посторонняго разсказа, не знаю. Итакъ, въ Босасагѣ мы нашли двѣ новыхъ подробности, которыя,

какъ казалось бы, не должны быть плодомъ чистѣйшей фантазіи: жрица и корова, молокомъ которой она питалась. Выше [1]) мы не нашли возможнымъ признать за поѣздками Боси какой-нибудь исторической подкладки. Если жрица и корова дѣйствительно реальныя черты, то онѣ почерпнуты изъ не дошедшаго до насъ устнаго или письменнаго источника. Не слѣдуетъ забывать, что Босасага значительно моложе исторіи Снорри. Чего не видѣлъ Торирь, о томъ уже могли дойти слухи до разсказчика Босасаги [2]).

Разсказы Саксона о Гормѣ и Торкилѣ, а равно и разобранныя въ связи съ ними саги также содержатъ нѣкоторыя подробности, которыя совпадаютъ съ описаніемъ храма Іомалы. Городъ Герута или, скажемъ проще, царство мертвыхъ окружено высокой оградой, черезъ которую приходится перелѣзать съ трудомъ. Затѣмъ во всѣхъ разсказахъ упоминаются несмѣтныя богатства и разныя драгоцѣнности, добываемыя изъ Біармаланда. Но какъ ограда еще до пріуроченія къ Біармаланду связывалась съ представленіемъ о царствѣ мертвыхъ [3]), такъ и богатства всегда являлись характерной примѣтой малоизвѣстныхъ странъ [4]). Такъ какъ ни въ одномъ изъ этихъ разсказовъ не встрѣчается ни курганъ, ни истуканъ, то нѣтъ основанія искать въ нихъ матеріала для описанія храма Іомалы.

Финскій ученый Шегренъ [5]) высказалъ предположеніе, что храмъ Іомалы стоялъ на мѣстѣ теперешняго города Холмогоры. Это мнѣніе онъ основываетъ на этимологическомъ толкованіи названія Холмогоры. Правда А. Н. Сергѣевъ въ «Опытѣ объясненія названій русскихъ городовъ», помѣщенномъ въ сборникѣ въ память перваго русскаго статистическаго съѣзда въ 1870 году [6]), производитъ названіе Холмогоры, очевидно, отъ русскихъ словъ «холмъ»

---

[1]) Стр. 292—302.

[2]) Ср. Босасага, стр. 25 сл.

[3]) См. выше, стр. 358—9.

[4]) См. выше, стр. 372.

[5]) Ges. Schriften, т. I, стр. 395 сл.

[6]) Самый сборникъ вышелъ въ 1875 г. См. стр. 603—635.

и «гора», сопоставляя ихъ съ городами Холмъ въ Псковской и Люблинской, Горбатовъ въ Нижегородской и Горки въ Могилевской губерніяхъ. Эти города, поясняетъ авторъ [1]), получили свое названіе отъ возвышенностей, на которыхъ они построены. Но по увѣренію Крестинина [2]) можно искать Холмогоры скорѣе лежащимъ въ долинѣ, чѣмъ на горѣ, потому что кругомъ съ разныхъ сторонъ возвышенности. Кромѣ того, Холмогоры вовсе не было исконнымъ названіемъ этого города. Форма Холмогоры впервые появляется только во время царствованія Петра Великаго, но на ряду съ ней въ теченіе XVIII вѣка еще удерживается и старое названіе, которое, правда, постепенно вытѣсняется. Болѣе древняя форма попадается во всевозможныхъ памятникахъ предыдущихъ вѣковъ. Въ книгѣ Большой Чертежъ (1627 г.) и въ Двинской Лѣтописи пишется: Колмогоры. Въ актахъ 1328 г. то же. Въ царской грамотѣ 7058 г. (1550 г.), говорится о Колмогорцахъ и Колмогоры. На картѣ Герберштейна (1549 г.) читаемъ Colmogor. Аленіусъ [3]) приводитъ еще варіантъ—Colmogro. Учитель Густава Адольфа Johan Thomasson Bureus (1568—1652) въ своихъ запискахъ (collectaneer) дѣлаетъ такую замѣтку [4]): «Въ Kolmegorådh, лежащій въ Россіи у Бѣлаго моря, ѣздятъ англичане, голландцы, французы съ всевозможнымъ сукномъ и вымѣниваютъ на дорогіе мѣха». Наконецъ, въ Русскомъ Архивѣ за 1865 г. [5]) напечатанъ памфлетъ на Ломоносова, сочиненный въ 1754 г. кѣмъ то изъ его враговъ нѣмцевъ-академиковъ. Это стихотвореніе начинается строками:

Es war einst einer aus Kolmgorod,
Wo alle grosse Boven herkommen,
Der war als Bauer-jung ums Brod
Im Kloster aufgenommen.

---

[1]) Стр. 614.
[2]) Начертаніе исторіи города Холмогоръ 1790 г.
[3]) Стр. 48 и 90—3.
[4]) Sv. landsm, № 24, 1886 г.
[5]) Стр. 475—8.

Всѣ эти варіанты сходятся въ томъ, что первая часть названія—Kolm, а вторая могла быть тождественной съ русскимъ словомъ «городъ». Холмогоры же не встрѣчается ни въ одномъ болѣе древнемъ начертаніи. Это обстоятельство и запрещаетъ намъ довольствоваться созвучіемъ названія Холмогоры съ русскими словами «холмъ» и «гора», указывая на холмистую мѣстность, въ которой якобы расположенъ этотъ городъ. Поэтому Шегренъ пытался найти искомыя основы въ зырянскомъ языкѣ. Такъ онъ думалъ, что зыряне прозвали впервые нашу мѣстность Kolѐmgort= «оставленный дворъ», и что посредствомъ народной этимологіи изъ зырянской формы Kolemgort получилась русская Колмогоры и затѣмъ уже Холмогоры. Народная этимологія, превращающая Kolemgort въ Колмогоры вразумительна только въ томъ случаѣ, если въ русскомъ языкѣ существуетъ какое нибудь слово, производимое отъ корня *колм—, и если это слово имѣетъ какое нибудь отношеніе къ нашей мѣстности. Если же Kolem—ассоціировалось съ «холмъ», то спрашивается, отчего не сразу получилась форма Холмогоры, а посредствующая ступень Колмогоры. Я понимаю, что могъ получиться такой переходъ: Kolemgort=Kolemgory=Холмогоры, т.-е. что сперва передѣлалась вторая часть, потомъ первая часть названія. Переходъ же Kolem—подъ вліяніемъ «холмъ» сперва въ Колмо—, а черезъ нѣсколько столѣтій въ Холмо—, для меня остается подъ сомнѣніемъ. Кромѣ того, толкованіе «Kolemgort = оставленный дворъ» поставило бы на очередь вопросъ, къ какой народности принадлежали поселенцы, оставившіе этотъ «gort». Итакъ, эта гипотеза не выясняла бы происхожденія этого города и первоначальнаго его прозванія.

Производили Колмогоры также отъ финскаго числительнаго три=kolme. Объясняли такъ, что на мѣстѣ Холмогоры раньше существовали три деревни: теперь—Курцево, Карповка и Падрокурье. Но эти селенія врядъ ли восходятъ къ очень отдаленнымъ вѣкамъ. Не только нѣтъ о нихъ письменнаго свидѣтельства, но и народная память не сохранила намъ слѣда о троичности первобытнаго населенія

Холмогоры. Да и мало вѣроятно, чтобы первые обитатели сѣвера сгущались въ одной мѣстности и образовали три селенія въ одномъ пунктѣ. Во-первыхъ, Двинская земля была раньше далеко не такъ многолюдна, какъ теперь, а далѣе, само Холмогоры, чѣмъ дальше удаляемся отъ нашего времени, представляется все незначительнѣе. До XVII в. Холмогоры не почиталось городомъ. Крестининъ отмѣчаетъ, что «Холмогоры въ первомъ-надесять вѣкѣ первымъ селеніемъ или посадомъ на Двинѣ не были». Новгородскіе начальники жили въ деревняхъ Матигорѣ и Ухтостровѣ, а въ Холмогоры расположились лишь заволоцкіе купцы. Всѣ эти обстоятельства указываютъ на то, что Холмогоры только въ послѣдніе вѣка, стали болѣе населенной мѣстностью, и гипотезу о существованіи здѣсь издревле трехъ деревень приходится отнести къ области миѳа.

На берегу рѣки Волхова сохранилось до нашихъ дней преданіе о нѣкоемъ городищѣ; какъ думаютъ, здѣсь нѣкогда жилъ Рюрикъ. Но и у Холмогоры упоминается городище; такъ мы читаемъ въ лѣтописи подъ 1504 г.: «жалованныя грамоты и всякіе указы и судебники съ Москвы присыланы на ихъ имя и положены въ Городищѣ въ Спасскомъ большомъ соборѣ». Такъ какъ городище на Волховѣ въ исландскихъ сагахъ называется Holmgarđr, то невольно приходитъ на умъ пріурочить то же названіе и къ городищу на берегу Двины. Шегренъ пытался доказать, что Двина на томъ мѣстѣ, гдѣ могъ находиться древній Holmgarđr, перемѣнила свое теченіе, превращая большое поле въ островъ. Но мы вовсе не нуждаемся въ такой тяжеловѣсной аргументаціи. Holmgarđr на Двинѣ могъ указывать на любой островокъ въ рѣкѣ, а ихъ около Холмогоры цѣлое множество, и вовсе мы для этого не принуждены предполагать радикальныя измѣненія въ природѣ самой мѣстности.

Когда были прерваны сношенія съ скандинавами, то Holmgarđr перешло въ распоряженіе мѣстныхъ жителей, самоѣдовъ или зырянъ. Такъ какъ ни тѣ, ни другіе не знаютъ придыхательныхъ гортанныхъ звуковъ, то Holmgarđr должно было подвергнуться измѣненію. Тутъ то

Holm— перешло въ Kolm— и ассоціировалось съ kolme= три. Не три деревни вызвали народную этимологію, а фонетическая необходимость замѣнить звукъ h звукомъ k и возникшее отсюда совпаденіе съ kolme=три [1]). Эта ассоціація произошла вѣроятно тогда, когда почувствовался болѣе сильный наплывъ жителей въ эту мѣстность. На счетъ этой ассоціаціи нужно отнести и вставку звука «е» въ Kolmegorod. Перешедши на русскую почву, это «е» было понято какъ соединительная гласная и замѣнено болѣе обычнымъ «о». Что касается второй части въ названіи Holmgarđr, то можно представить себѣ, что скандинавы не долго сохраняли трудную для произношенія комбинацію rđr послѣ того, какъ послѣднее «r» утратило свое вокальное значеніе. Кромѣ того, это «r» отбрасывалось во всѣхъ косвенныхъ падежахъ. Если же предположить, что «r» затеривалось въ живой рѣчи, то и đ не могло сохранить свой первичный характеръ. Звукъ «а» въ словѣ garđr звучало довольно закрыто и приближалось къ произношенію «о». Впослѣдствіи произошло полное совпаденіе. Восточноскандинавскіе языки выразили это начертаніемъ å у шведовъ и аа у датчанъ, новоисландскій черезъ au. Итакъ, мы прослѣдили развитіе нашего имени отъ Holmgarđr= *Kolmgord=*Kolmegord=Kolmegorod=Kolmogorod.

Третій фазисъ въ исторіи города Холмогоры наступилъ тогда, когда онъ въ 1471 г. подпалъ подъ власть московскихъ царей. Тутъ, вѣроятно, понадобилось переименованіе нашей мѣстности на русскій ладъ. Какъ и слѣдовало ожидать, раньше всего подверглась руссификаціи вторая часть: garđr=*gord=городъ. Получились формы Колмегородъ и Колмгородъ (Колмогородъ), засвидѣтельствованныя Буреусомъ и памфлетомъ на Ломоносова. Но такъ какъ Холмогоры не отличалось богатствомъ и многочисленностью населенія, то названіе его городомъ могло казаться страннымъ и во всякомъ случаѣ не соотвѣтствовало дѣйствительному

---

[1]) Приведу аналогичный случай изъ Финляндіи; тутъ усадьба Kaghsgerdi стала называться у финовъ kakskerta=„два раза“. Сл. Finsk Tidskrift, т. XLVIII, стр. 257—280.

представленію о немъ. Съ другой стороны по берегамъ Двины то и дѣло попадаются холмы, которые русскими обозначались «горами». Такимъ образомъ, получился цѣлый рядъ мѣстныхъ названій, оканчивающихся на «—горы»: Ровдогоры, Матигоры, Пильегоры, Хаврогоры, Моржегоры, Кирьигоры и т. д. Немудрено, что и Колмогородъ подвергся измѣненію и ассимилировался съ названіями только что перечисленными. Въ результатѣ получилась форма Колмогоры, которая употреблялась еще въ XVIII в. Вначалѣ того же вѣка рядомъ съ ней водворяется новая этимологизація—Холмогоры.

Непосредственно русское слово «холмъ» не могло примкнуть къ древнесѣверному holm уже потому, что оба слова различнаго значенія: holmr=островъ, холмъ=возвышенность. Кромѣ того, нельзя обходить молчаніемъ формы Колмогоры и др., такъ что Холмогоры съ Holmgarđr прямой связи не имѣютъ. Въ XVIII вѣкѣ Колмогоры стало извѣстной мѣстностью уже благодаря тому, что отсюда вышелъ Ломоносовъ. Не только первая часть Колмо— оказалась совершенно непонятной, но и обозначеніе «горы» звучало какъ то странно относительно мѣстности, которая уже вовсе не была такъ гориста. На островѣ находятся только низкіе холмы. Отсюда могло явиться новое осмысленіе загадочнаго и неточнаго названія Колмогоры. Замѣна Холмогоры указываетъ на холмы, и первая часть этого названія какъ будто поясняетъ вторую. Нѣмецкія грамматики называютъ такія сочетанія словъ—erläuternde Zusammensetzungen.

Послѣдняя перемѣна, происшедшая въ названіи, занимающемъ насъ, принадлежитъ уже нашему времени. Въ школьной терминологіи и въ обществѣ принято произносить Холмогóры съ удареніемъ на второй составной части слова. На мѣстѣ же, какъ мнѣ любезно сообщилъ проф. И. А. Шляпкинъ, говорятъ Хóлмогоры; холмогóры же обозначаетъ жителей этой мѣстности. Быть можетъ, удареніе на первомъ слогѣ ведетъ свое начало еще отъ древнескандинавскаго Holmgarđr, держалось еще въ переходныхъ формахъ Kólmegorod и Кóлмогоры и теперь мало

по малу уступаетъ мѣсто новому преобразованію въ Холмогóры.

Если дѣйствительно Холмогоры восходятъ къ древне-скандинавскому Holmgarđr, то ясно, что на этомъ мѣстѣ не могъ находиться храмъ Іомалы. Эта мѣстность вѣдь должна была носить біармійское названіе, а отнюдь не скандинавское. Кромѣ того, Holmgarđr должно было находиться на островѣ, но ни въ одномъ изъ исландскихъ разсказовъ не упоминается о томъ, что норманы подъѣзжали къ храму на лодкахъ. Всѣми свидѣтельствами единодушно подчеркивается фактъ. что храмъ находился въ большомъ лѣсу и на извѣстномъ разстояніи отъ берега; всѣ же саги умалчиваютъ о какомъ бы то ни было островѣ. Въ Босасагѣ на многихъ лошадяхъ увозятъ похищенное золото и драгоцѣнности [1]). Возвращеніе Орваръ-Одда съ кургана также наглядно опровергаетъ предположеніе о нахожденіи храма на островѣ. «Они возвращаются внизъ по теченію вдоль рѣки и лѣсъ остается по другой рукѣ» [2]). Когда на нихъ нападаютъ біармійцы, то нигдѣ не говорится о томъ, какъ они перебрались на островъ. Наконецъ, мы имѣемъ еще очень вѣское доказательство въ пользу того, что Holmgarđr=Холмогоры ничего общаго съ біармійцами не имѣлъ. По свидѣтельству Отера, что только одинъ берегъ Двины былъ заселенъ, мы пытались уже выяснить выше [3]), что біармійцы жили только на правомъ берегу Двины. И изъ этого обстоятельства вытекаетъ, что храмъ Іомалы могъ стоять только на правомъ берегу, между тѣмъ какъ Холмогоры расположено на лѣвомъ.

Если на одномъ изъ острововъ у лѣваго берега Двины было поселеніе, весьма древнее и чѣмъ то замѣчательное, то оно не принадлежало біармійцамъ, а самимъ скандинавамъ. Отсюда и объясняется скандинавское названіе— Holmgarđr. Принимая въ соображеніе центральное поло-

---

[1]) báru á mörgum hestum gull ok gersemar til skips.., Босасага, стр. 33.

[2]) fara þeir nú ofan með ánni; var þar mörkin til annarrar handar. L., стр. 33. Сл. выше, стр. 121, примѣчаніе 1.

[3]) Стр. 55, примѣчаніе 5.

женіе этой мѣстности, глубину двинскихъ водъ и то обстоятельство, что соединеніе Пинеги открываетъ путь въ отдаленныя страны Мезени и Печоры, легко убѣдиться въ важности этого пункта въ торговомъ отношеніи. Итакъ, Holmgarđr былъ скандинавской торговой колоніей, пристанищемъ для скандинавовъ, пріѣзжавшихъ къ низовьямъ Двины съ цѣлью торговли. То же мнѣніе высказалъ уже Эгли [1]), назвавъ Холмогоры—der grosse Stapelplatz der durch Chazaren, Bulgaren und Biarmier vermittelten Waaren des Binnenlandes. У Снорри [2]) имѣется совершенно опредѣленное указаніе на такое мѣсто торговли: En er þeir kómu til Bjarmalands, þá lögđu þeir til kaupstađar. Если древнесѣверные источники не называютъ эту факторію по имени, то это не должно смущать насъ: съ Holmgard'омъ не было связано воспоминаніе о славныхъ подвигахъ викинговъ. Напротивъ, этотъ скандинавскій поселокъ на островкѣ Двины обязанъ своимъ происхожденіемъ тому мирному обмѣну товаровъ и цѣнностей по взаимному соглашенію, который не всегда же смѣнялся враждебными столкновеніями между скандинавами и біармійцами.

XLVIII.

Разсказъ о Гаукѣ Ястребѣ [3]).

Haukr hábrókr былъ любимѣйшимъ мужемъ Гаральда Прекрасноволосаго [4]). Когда прекратились распри и раздоры въ странѣ, то Гаральду захотѣлось жить въ роскоши и весельи. Поэтому онъ отправилъ Гаука на востокъ (í Austrríki), т. е. въ Россію, чтобы послѣдній купилъ ему разныя дорогія вещи, которыхъ въ Норвегіи нельзя было получить [5]). Гаукъ на одномъ кораблѣ, но въ сопровожденіи храбрыхъ

---

1) I. I. Egli, Nomina geographica, 1872 г.

2) Hkr., стр. 381.

3) Fms., т. X, стр. 198—208. Ср. также, Flateyjarbók, т. I, стр. 579—81.

4) Eitt sumar var þat er Haraldr Konúngr Kallar til sín hinn Kærasta mann sinn Hauk hábrók.

5) at kaupa mér nokkura ágæta gripi ok fáséna í vorum löndum.

спутниковъ пріѣзжаетъ въ Hólmgarðr [1]). Такъ какъ онъ пріѣхалъ осенью, то ему приходится перезимовать въ Россіи.

Вотъ Гаукъ поѣхалъ на ярмарку [2]). Тамъ собралось много народу изъ разныхъ странъ, между прочимъ также изъ Швеціи явились Біернъ чернобокій—Beörn blásíða и Сальгардъ куртка—Salgarðr serkr. Нужно сказать, что въ то время изъ за семейныхъ недоразумѣній господствовали непріязненныя отношенія между Эйрикомъ, королемъ Швеціи, и Гаральдомъ. Разыскивая, что бы купить Гаральду, Гаукъ подошелъ къ греку (girðskr maðr) и сталъ разсматривать плащъ, весь обшитый золотомъ. Уже раньше Біернъ прицѣнился къ тому же плащу и далъ продавцу задатокъ. Тѣмъ не менѣе грекъ беретъ задатокъ и отъ Гаука и, когда тотъ приноситъ всю остальную сумму, отдаетъ ему плащъ, несмотря на то, что Біернъ, замѣтивъ его намѣреніе, просилъ его не дѣлать этого. Отсюда возникаетъ споръ, для рѣшенія котораго назначается борьба. Правда, Сальгардъ желаетъ, чтобы они сражались не только изъ за плаща, но и каждый изъ за превосходства своего короля, но Гаукъ не хочетъ ставить честь своего господина въ зависимость отъ успѣха оружія. Передъ боемъ нѣкій Буи предлагаетъ Гауку особый мечъ, но тотъ отказывается отъ этого подарка, утверждая, что у него самого достаточно хорошее оружіе. Происходитъ борьба. Послѣ того какъ нѣсколько человѣкъ пало и многіе были ранены, вмѣшались мѣстные жители и разняли ихъ. Побѣда же осталась за Гаукомъ. Возвратившись во свояси, каждый получилъ по заслугамъ: Гаукъ—почести, Біернъ и Сальгардъ—немилость.

Однажды Гаральдъ вздумалъ отправить Гаука въ Біармаландъ за мѣхами. У Гандвика живетъ нянька Гаральда Гейда; ей онъ посылаетъ въ подарокъ золотое кольцо, два

---

[1]) Haukr ferr nú með einu skipi ok góðri fylgð.

[2]) Kemr hann þar er markaðr er settr. Это очень важное указаніе, что ярмарка происходила не въ Hólmgarð'ѣ, а въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ.

куска кабаньяго мяса и два боченка масла [1]). При этомъ Гаральдъ предостерегаетъ Гаука, что Эйрикъ, узнавъ объ ихъ поѣздкѣ, непремѣнно воспользуется этимъ случаемъ, чтобы отмстить за ту обиду, которую онъ нанесъ его воинамъ въ Россіи. Вмѣстѣ съ Гаукомъ отправляется и Виггардъ (Vighardr), уроженецъ Галогаланда. Онъ сперва предлагалъ свои услуги королю Эйрику. Какъ разъ въ праздникъ іола, когда все было готово къ пиршеству, онъ прибѣжалъ на лыжахъ, одѣтый въ волчій тулупъ, и просилъ Эйрика взять его на службу на одинаковыхъ съ Біерномъ и Сальгардомъ условіяхъ, но король отвѣтилъ, что онъ раньше долженъ испытать его. Тогда Виггардъ сразу же уходитъ и направляется прямо къ Гаральду, который принимаетъ его съ радостью, восхищаясь его смѣлымъ бѣгомъ на лыжахъ [2]). Гауку король предложилъ всять себѣ въ товарищи пришельца [3]). Вотъ съ этимъ то Виггардомъ Гаукъ поѣхалъ въ Біармаландъ.

Эйрикъ дѣйствительно рѣшилъ, что его воины также должны отправиться въ Біармаландъ. Но раньше онъ хотѣлъ заручиться содѣйствіемъ божества Lytir. Въ Упсалѣ устроивается пиршество. Къ мѣсту жертвоприношенія король поѣхалъ въ двухъ коляскахъ. Одна коляска была предназначена для самого бога, но несмотря на то, что она простояла всю ночь, Lytir не явился. Тогда король усилилъ жертвы; на третье утро Lytir пришелъ. Кони сразу же понесли и привезли бога къ королевскимъ хоромамъ. Коляску ввезли въ середину зала; король подошелъ къ богу съ рогомъ и привѣтствовавъ его, просилъ его покровительства на предстоящую поѣздку. Божество разсказываетъ, что оно уже разъ было на сѣверѣ, но встрѣтило

---

[1]) Масло было, очевидно, большей рѣдкостью на сѣверѣ. Сл. напримѣръ, выше стр. 182 разсказъ о томъ, какъ Кетиль бережетъ масло и какъ имъ потомъ угощаются гости Бруни.

[2]) Пріѣздъ Виггарда описывается весьма картинно: hvat er nú sjá i fjallit sem hvirfilvindr sé eđr mun mađr renna á skíđum? en mjöllin var laus, ok rauk honum, en hvorki vex vindrinn né þverrar ok því sá þeir at mađrinn mundi vera ok þó var fárra manna þar ofan at renna.

[3]) taka til lags viđ sik ok félagskapar.

тамъ такое чудовище, что ни за что больше не хотѣло бы имѣть съ нимъ дѣло; правда, оно тогда было очень старымъ и теперь небось уже скончалось, все же ему не хочется ѣхать на сѣверъ. Король успокоиваетъ бога тѣмъ, что этого чудовища навѣрно уже больше нѣтъ въ живыхъ. Тогда Lytir соглашается ѣхать. Когда Біернъ и Сальгардъ вышли въ Балтійское море, передъ ними шелъ большой корабль (dreki), на которомъ была черная палатка, и никто, казалось, не управлялъ имъ.

Когда Гаукъ пріѣхалъ въ Гандвикъ, онъ тотчасъ же отправился къ Гейдѣ. Но Гейда сперва предсказываетъ несчастный исходъ его поѣздки. Тогда Гаукъ передаетъ ей подарки короля, отъ которыхъ она приходитъ въ такой восторгъ, что рѣшается во что бы то ни стало помочь Гауку. «Если не отблагодарить за такіе подарки, то вообще не стоитъ питать благодарности». Когда она развела огонь и они усѣлись, она попросила Гаука, чтобы онъ поцѣловалъ ее. Онъ исполнилъ ея желаніе, хотя она была очень некрасива: одна губа висѣла внизъ, чуть ли не до самой груди, а другая вскрючивалась вверхъ подъ самый носъ [1]). Удовлетворенная Гаукомъ, Гейда обратилась тоже къ Виггарду съ тѣмъ же предложеніемъ, но тотъ отказался цѣловать ее. Тогда она сулитъ ему несчастье, Гауку же вручаетъ два шарика.

Изъ Гандвика Гаукъ ѣдетъ въ Біармаландъ и встрѣчается съ Біерномъ и Сальгардомъ. Происходитъ сраженіе. Въ сторонѣ Гаукъ видитъ неизвѣстный ему корабль, отъ котораго летятъ стрѣлы и всегда убиваютъ кого-нибудь изъ воиновъ Гаука. Наконецъ, держатся на ногахъ только четыре начальника. Виггардъ однако скоро падаетъ, пораженный стрѣлой таинственнаго корабля. Видя смерть своего товарища, Гаукъ вспоминаетъ о шарикахъ Гейды и бросаетъ ихъ по направленію къ вредоносному кораблю. Тотчасъ же на немъ вспыхиваетъ пожаръ. Гаукъ же убиваетъ Біерна и Сальгарда, потерявъ при этомъ одинъ

[1]) Такъ обыкновенно описывались вѣдьмы. См. напримѣръ, выше стр. 128.

глазъ. Затѣмъ Гаукъ совершенно одинъ на лодкѣ ѣдетъ къ Гейдѣ. Послѣдняя провожаетъ его до того мѣста, гдѣ стояли купцы [1]). Послѣдніе берутъ Гаука съ собой въ Норвегію. Lytir также возвращается къ Эйрику и жалуется на тѣ повреждения, которыя онъ получилъ отъ большого чудовища на сѣверѣ [2]).

Гаукъ извѣстенъ намъ еще изъ другого разсказа [3]). Однажды англійскій король Адальстейнъ отправилъ къ Гаральду посольство съ подарками. Между послѣдними находился особенно драгоцѣнный мечъ. Когда посолъ вручилъ Гаральду мечъ и тотъ взялся за рукоятку, то посолъ воскликнулъ: «теперь ты сталъ слугой (þegn) нашего короля, разъ ты взялъ въ руки его мечъ». Послѣ этого Гаральдъ отправляетъ Гаука въ Англію вмѣстѣ со своимъ сыномъ Гакономъ, впослѣдствіи прозваннымъ Гакономъ Добрымъ. Представъ передъ королемъ, Гаукъ сажаетъ маленькаго Гакона Адальстейну на колѣни со словами: «Гаральдъ просилъ тебя воспитать его сына». Смыслъ этого пріема заключается въ томъ, что воспитатель чужихъ дѣтей считался менѣе благороднымъ, чѣмъ тотъ, кто отдавалъ своихъ дѣтей на воспитаніе [4]). Послѣ этого короли помирились. Каждый изъ нихъ оставался самовластнымъ королемъ въ своемъ государствѣ.

Понятно, этотъ послѣдній разсказъ есть ничто иное, какъ остроумный анекдотъ, приспособленный къ церемоніалу и обычаямъ того времени. Но остается историческій фактъ, что Гаконъ воспитывался у Адальстейна и принялъ въ Англіи христіанство, и что такому сближенію между англійскимъ и норвежскимъ королями должны были предшествовать переговоры. Нельзя отрицать и того, что во главѣ одного такого посольства стоялъ нашъ Гаукъ Ястребъ [5]).

Вглядываясь теперь въ самостоятельный разсказъ о Гаукѣ,

---

1) fylgir hún honum þar til er Kaupmenn eru.

2) sakir örkumbla þeirra er hann Kvezt fengit hafa af hinu mikla trölli í Noregi.

3) Hkr., стр. 78—80.

4) þat er mál manna, at sá væri útignari er öðrum fóstraði barn.

5) Упоминаніе объ этомъ порученіи. Fms., т. X, стр. 200.

мы находимъ столько любопытныхъ, реальныхъ чертъ и такое правдоподобное воспроизведеніе скандинаво-русскихъ сношеній, что не имѣемъ никакого права сомнѣваться въ историчности всего преданія изъ за фантастическихъ добавленій, которыя такъ легко приставали къ повѣствованіямъ о Біармаландѣ. Нечестное поведеніе греческаго купца, споръ скандинавовъ изъ за плаща, вмѣшательство мѣстныхъ жителей для возстановленія мира—все это схвачено непосредственно живо. Но и въ описаніи поѣздки въ Біармаландъ встрѣчаются поразительныя подробности. Какъ строго, напримѣръ, отдѣляется Гандвикъ отъ Біармаланда. Или возмемъ хотя бы обратный путь Гаука: сперва онъ ѣдетъ одинъ на маленькой лодкѣ, потомъ туземцы (въ разсказѣ—Гейда) везутъ его къ норвежскимъ купцамъ, и съ ними онъ уже попадаетъ въ Норвегію. Но есть и неточности: такъ Эйрикъ отправляетъ Біерна на сѣверъ въ Суздаль и Біармаландъ [1]). Упоминаніе о такомъ близкомъ сосѣдствѣ русскихъ областей съ Біармаландомъ мы наблюдали уже раньше [2]). Еще болѣе поражаетъ насъ маршрутъ Біерна: вышедши изъ озера Меларнъ (or Leginum) въ Балтійское море, онъ поворачиваетъ прямо на сѣверъ и пріѣзжаетъ въ Біармаландъ. Хотя и для этого пути у насъ имѣлись аналогичные случаи [3]), но я думаю, что эта несообразность здѣсь указываетъ на искусственную скомпановку разсказа. Если бы Біернъ черезъ Ботническій заливъ ѣхалъ въ Біармаландъ, то онъ прибылъ бы туда не на кораблѣ. Объѣхать же скандинавскій полуостровъ при враждебномъ настроеніи норвежцевъ къ шведамъ было дѣломъ столь рискованнымъ, что Эйрикъ никакъ не могъ разсчитывать на успѣхъ. Поэтому поѣздка Біерна въ Біармаландъ и вторая его встрѣча съ Гаукомъ являются весьма неправдоподобными частями разсказа. Это уже распространенія, повѣдшія потомъ ко вторженію и другихъ, еще менѣе вѣроятныхъ подробностей. Историческіе факты, ко-

---

1) hann vill at þeir fari norðr til Surtzdala ok Biarmalands.

2) Стр. 284—5 и 334—341.

3) Стр. 284 и 334—341.

торые могутъ быть извлекаемы изъ разсказовъ о Гаукѣ, слѣдующіе:

1) Гаукъ отвозилъ Гакона, сына Гаральда, въ Англію.

2) Гаукъ ѣздилъ въ Россію и здѣсь на ярмаркѣ изъ за покупки плаща имѣлъ столкновеніе съ Біерномъ и Сальгардомъ.

3) Гаукъ въ сопровожденіи Виггарда предпринялъ также поѣздку въ Біармаландъ, которая по неизвѣстнымъ намъ причинамъ окончилась такъ неблагополучно, что Гаукъ еле еле добрался домой.

Патріотическая лѣтопись Норвегіи сохранила, очевидно, только разсказы о славныхъ подвигахъ ея сыновъ. О неудачныхъ предпріятіяхъ умалчивалось, поскольку это было возможно, или причины несчастья объяснялись менѣе обиднымъ для національнаго самолюбія образомъ. Въ данномъ случаѣ, старые враги Гаука еще разъ были выведены на сцену вопреки всѣмъ географическимъ условіямъ.

Адальстейнъ вступилъ на престолъ въ 925 г. Переговоры съ Гаральдомъ относятся къ началу его царствованія [1]). Поѣздки Гаука въ Россію и въ Біармаландъ были совершены послѣ его посольства въ Англію [2]), но еще при жизни Гаральда, значитъ до 933 г. Итакъ, путешествіе Гаука совершено почти въ одно и тоже время, какъ и поѣздка Эйрика Кровавая Сѣкира, можетъ быть, нѣсколькими годами позже.

Что касается фантастическихъ подробностей этой поѣздки, то онѣ примыкаютъ къ уже готовымъ представленіямъ. Гейда — одна изъ тѣхъ великаншъ и колдуній, которыя обязательно жили на крайнемъ сѣверѣ. Въ ея требованіяхъ ласки отъ пріѣзжихъ витязей мы узнаемъ упоминаемый выше [3]) мотивъ—Entzauberungskuss. Впрочемъ, пріѣхавшіе на сѣверъ постоянно вступали въ супружескія сношенія съ туземками, какъ видно, напримѣръ, изъ Кетильсаги.

---

[1]) Aðalstein hét þá Konúngr í Englandi, er þá hafði nýtekit við Konungdómi. Hkr., стр. 78.

[2]) Fms., т. X, стр. 200.

[3]) Стр. 174—6.

Болѣе загадочнымъ является божество Lytir, о которомъ рѣшительно нѣтъ никакихъ другихъ указаній. Но и въ пріуроченіи его культа къ Упсалѣ и въ пріѣздѣ его въ каретѣ сказывается желаніе оставаться въ предѣлахъ исторической традиціи. Такъ, по свидѣтельству Тацита [1]), богиня Hertha разъѣзжала по странѣ въ каретѣ, запряженной коровами. И вообще нужно думать, что поѣздки божества принадлежали къ языческому богослуженію. Но помимо этихъ чертъ божество Lytir совершенно обезличено. Столкновеніе его съ Гейдой описано въ такихъ туманныхъ образахъ, что дѣйствія божества совсѣмъ не выясняются. Но разсказчикъ достигъ своей цѣли: онъ связалъ поѣздку Гаука въ Біармаландъ съ приключеніями Гаука въ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ намъ несчастный исходъ этой поѣздки вмѣшательствомъ божества. Намъ же, понятно, было бы интереснѣе узнать истинныя причины этой неудачи. Но о нихъ краснорѣчиво умолчиваетъ сага.

XLIX.

Послѣднія поѣздки въ Біармаландъ.

О нѣсколькихъ поѣздкахъ въ Біармаландъ упоминается также и въ сагѣ о королѣ Гаконѣ старомъ, который былъ сыномъ Гакона, сына Сверри. На двухъ корабляхъ отправились: Andres af Sjömælíngum (Smælingum, Sannmelingum), Sveinn Sigurđarson, Ögmundr (или Sigmundr) af Spanheimi (Spángheimi) и многіе другіе. Андресъ и Свейнъ возвратились осенью домой, но Огмундъ и остальные остались съ другимъ кораблемъ въ Біармаландѣ. Среди послѣднихъ по имени называется еще Helgi Bográngsson. Такъ какъ всѣ эти скандинавы въ сагѣ называются Háleygir, то мы въ правѣ заключить, что всѣ они были родомъ изъ Галога-

[1]) Est in insula Oceani castum nemus, dicatumque in eo vehiculum veste contectum: attingere uni sacerdoti concessum. Is adesse penetrali deam intelligit, vectamque bubus feminis multa cum veneratione prosequitur. Læti tunc dies, festa loca, quæcunque adventu hospitioque dignatur. Germania, глава XL, стр. 312.

ланда. Огмундъ со своей дружиной еще осенью отправился въ Суздаль=Suđrdalaríki, гдѣ и остался. Другіе же поссорились съ королемъ біармійцевъ, который съ дружиной напалъ на нихъ зимой и перебилъ всѣхъ скандинавовъ. Узнавъ объ этомъ, Огмундъ отправился на востокъ въ Hólmgarđr, а оттуда все дальше на востокъ до самаго моря. По нашимъ географическимъ понятіямъ слѣдовало ожидать, что Огмундъ попалъ въ Балтійское море и такимъ путемъ возвратился въ Норвегію. Но разсказчикъ поясняетъ, что Огмундъ не успокоился, пока не достигъ Іерусалима. Во всякомъ случаѣ, путешествіе Огмунда пользовалось большой извѣстностью— varđ hans ferđ allfræg. Въ высшей степени для насъ любопытенъ маршрутъ Огмунда изъ Біармаланда въ Суздаль и Гольмгордъ, и обратно въ Норвегію, маршрутъ, о которомъ мы до сихъ поръ рѣшались высказаться только гипотетично [1]). Но перечисленіе всѣхъ главныхъ участниковъ этого предпріятія и вообще точная освѣдомленность автора не позволяетъ намъ сомнѣваться въ историчности самихъ фактовъ. Кромѣ того, съ этой не совсѣмъ удачной экспедиціей связано воспоминаніе о другой болѣе славной поѣздкѣ [2]).

Выдающійся дружинникъ короля Гакона Андресъ по прозванію ремень щита=Andres skjaldarband, принимавшій дѣятельное участіе въ конфликтѣ короля съ биркибейнами, и Иваръ съ Залива=I'varr útvik (или í Vík) предприняли новую поѣздку въ Біармаландъ съ цѣлью отомстить за совершенное на участниковъ предыдущей поѣздки нападеніе. Такъ какъ цѣль этой поѣздки была карательная, то норманы не стѣснялись ни въ кровопролитіи, ни въ грабежѣ: gerđu þar hit mesta hervirki í manndrápum ok ránum. Ихъ чрезвычайно богатая добыча (stórfé) состояла изъ мѣховъ и чистаго серебра (brenndu silfri). Но несчастье преслѣдовало и эту экспедицію. Возвращаясь съ сѣвера, они попали въ сильное морское теченіе около мѣстности Straumneskinnum. Три корабля спаслось, но тотъ корабль, на кото-

[1]) См. выше, стр. 284—5, 334—41 и 431.

[2]) Fms., т. IX, стр. 319—320. Flateyjarbók, т. III, стр. 49—50.

ромъ находился Иваръ, такъ накренился, что перевернулся. Изъ экипажа этого корабля трое спаслись на киль: Иваръ, Іогримъ и Гельги. Съ другого корабля, которымъ управлялъ нѣкій Торбергъ, спустили лодку, у которой тотчасъ же разбился носъ. Тѣмъ не менѣе Иваръ и Гельги благодаря этой помощи спаслись. Іогримъ въ послѣднюю минуту вспомнилъ о своемъ товарищѣ Торстейнѣ, бросился въ водоворотъ и погибъ. Вмѣстѣ съ кораблемъ погибла и богатая добыча. Разсказавъ событія этой поѣздки, лѣтописецъ прибавляетъ, что послѣ этого путешествія никто уже больше не ѣздилъ изъ Норвегіи въ Біармаландъ: hefir ekki verit farit siđan af Noregi til Bjarmalands.

За свою неудачу Ивару приходится слышать не мало насмѣшекъ [1]) и нужно думать, что общественная роль его вскорѣ стушевалась, разъ мы о немъ больше ничего и не слышимъ. Андресъ же предпринялъ поѣздку въ Св. Землю и тамъ пропалъ безъ вѣсти. Такъ какъ король его очень любилъ, то онъ написалъ письмо императору Фридриху II и другимъ заграничнымъ друзьямъ, чтобы они навели справки о томъ, что стало съ Андресомъ, но отвѣта не получилъ [2]). Поѣздка Ивара и Андреса относится къ 1222 году [3]).

Этими данными мы могли бы собственно покончить нашу исторію путешествій въ Біармаландъ, если бы не два краткихъ упоминанія, съ которыми необходимо считаться.

Послѣ паденія Олафа Святаго жители Залива выбрали королемъ сына Олафа Магнуса, жители Упланда—Гакона, двоюроднаго брата Магнуса. Въ то время, какъ соперничество между этими двумя кандидатами не привело еще ни къ какому результату, Гаконъ простудился во время охоты въ горахъ Doffafjall, послѣ чего вскорѣ и умеръ. Ему всего было 35 лѣтъ. О немъ лѣтописецъ дѣлаетъ краткую замѣтку, что онъ ѣздилъ въ Біармаландъ и одержалъ тамъ большую побѣду [4]). Краткость этой замѣтки

---

[1]) Flateyjarbók, т. III, стр. 79.

[2]) Тамъ же, стр. 100—1.

[3]) Тамъ же, стр. 526.

[4]) Hkr., стр. 638. Hann hafđi farit norđr til Bjarmalands, átti þar orrostu ok fekk sigr.

не позволяетъ намъ дѣлать никакихъ заключеній. Кромѣ того, мы и о самомъ Гаконѣ узнаемъ слишкомъ мало, чтобы хоть косвеннымъ путемъ составить себѣ какое-нибудь мнѣніе объ этой поѣздкѣ.

Другое подобное же упоминаніе мимоходомъ встрѣчается въ сагѣ объ Эймундѣ. Главнымъ содержаніемъ ея служитъ вражда двухъ братьевъ Ярослава (Jarisleifr) и Бориславa (Burisleifr). Въ первомъ сраженіи Ярославъ одержалъ полную побѣду и разсѣялъ все войско своего брата. Распространился слухъ, что Бориславъ погибъ. На самомъ же дѣлѣ онъ бѣжалъ и сталъ зимой собирать новое войско. Эймундъ увѣряетъ, что, насколько ему извѣстно, Бориславъ удалился въ Біармаландъ [1]). На сей разъ Эймундъ совѣтуетъ Ярославу не выходить на встрѣчу врагу, но, напротивъ, ждать его въ укрѣпленномъ мѣстѣ. Когда Бориславъ со своимъ войскомъ началъ осаждать стоянку Ярослава, Эймундъ прибѣгъ къ слѣдующей хитрости: онъ просилъ женщинъ одѣться, какъ можно богаче и украситься всѣми драгоцѣнностями, и затѣмъ выйти погулять въ такомъ нарядѣ, разсчитывая, что біармійцы при видѣ разодѣтыхъ женщинъ будутъ неосторожно приближаться къ лагерю. Они вѣдь такъ жадны до всѣхъ драгоцѣнностей [2]). Этотъ планъ вполнѣ удается. Бориславъ проигрываетъ и второе сраженіе и опять принужденъ бѣжать. Теперь всѣ его силы исчерпаны, и онъ скрывается въ лѣсу, пока его не находятъ и не убиваютъ Эймундъ и его мужи. Намъ уже нѣсколько разъ приходилось говорить о томъ, что скандинавы знали путь въ Біармаландъ черезъ Россію. Сосѣдство Россіи и Біармаланда—обычный мотивъ въ фантастическихъ сагахъ. Но не забудемъ, что здѣсь идетъ рѣчь о приведеніи цѣлаго біармійскаго войска въ Россію подъ начальствомъ русскаго князя. Въ правдоподобности такой черты у насъ есть полное основаніе сомнѣваться. Вѣроятнѣе всего, что Бориславъ сталъ во главѣ какой-нибудь другой, болѣе

---

[1]) svá er mér sagt, at Burisleifr Konúngr lifi í Bjarmalandi í vetr. Fms. т. V, стр. 279.

[2]) þeir Bjarmar muni gjarnir til gersimanna. Тамъ же, стр. 280.

близкой къ Новгороду финской народности, которую скандинавы запросто прозвали біармійской. Составитель саги же, кромѣ того, основывался еще на готовой традиціи.

L.

Забвеніе Біармаланда.

Между послѣдними походами и поѣздкой Торира прошелъ промежутокъ времени въ два столѣтія. Этотъ пробѣлъ указываетъ на то, что сношенія съ Біармаландомъ стали крайне вялы. Затѣмъ послѣднія поѣздки уже не увѣнчивались тѣмъ успѣхомъ, какъ предпріятія Отера, Одда, Эйрика, Гаральда и Торира. Въ малочисленности и неуспѣшности послѣднихъ путешествій слѣдуетъ видѣть симптомы, ведущіе къ полному прекращенію этихъ сношеній. Поѣздки въ Біармаландъ были не единичнымъ явленіемъ въ исторіи Норвегіи, а какъ бы продолженіемъ эпохи викинговъ, которая въ свою очередь была тѣсно связана съ общественнымъ порядкомъ скандинавовъ. Но систематическое выселеніе изъ Норвегіи лучшихъ и наиболѣе предпріимчивыхъ людей не могло не подорвать жизненной энергіи всей націи. Кромѣ того, единовластіе подавляло тѣхъ немногихъ самостоятельныхъ герсовъ, которые не хотѣли оставить свою родину. Наступило время личныхъ счетовъ, мелкихъ интересовъ и мелкихъ людей; захватывающая сила широкой иниціативы исчезла. Сношенія съ отдаленными краями прекращаются какъ бы самимъ собою. Большія колоніи, какъ, напримѣръ, Нормандія, теряютъ всякую связь съ метрополіей. Паломничество въ Св. Землю, которое всячески поощрялось церковью и духовенствомъ, направляется теперь по другому пути—черезъ среднюю Европу, въ то время какъ норвежцы раньше всегда шли моремъ. Изъ русской исторіи мы знаемъ, какъ къ тому же времени рѣдѣютъ ряды варяжской дружины и какъ вскорѣ память объ этихъ заморскихъ гостяхъ ограничивается лишь туманными о нихъ преданіями. Но самая обширная потеря—забвеніе тѣхъ

открытій, которыя были сдѣланы по ту сторону Атлантическаго океана. Такимъ образомъ, прекращеніе сношеній съ Біармаландомъ лежало, такъ сказать, въ порядкѣ вещей и обусловливалось прежде всего общественнымъ настроеніемъ норвежскаго народа.

Кромѣ того, и въ самомъ Біармаландѣ произошли перемѣны, которыя должны были неблагопріятно отозваться на поѣздки скандинавовъ. Русскіе купцы изъ Новгорода не могли, понятно, равнодушно смотрѣть, какъ скандинавы изъ двинскаго края вывозили мѣха и другія драгоцѣнности. Около 1200 года основывается и укрѣпляется Устюгъ; отсюда уже возможенъ строгій надзоръ надъ бѣломорской торговлей. Но русское вліяніе началось гораздо раньше. Само названіе Двины можетъ быть только русскаго происхожденія. Какъ извѣстно, финскія народности не признаютъ двухъ согласныхъ въ началѣ слова. Такъ какъ скандинавы переняли названіе Двины у финовъ-біармійцевъ, то у нихъ получилась форма Vina. Я думаю, что Dvina=Düna образовано изъ корня, который скрывается и въ обозначеніяхъ южнорусскихъ рѣкъ: Донъ, Днѣпръ=*Danaper, Днѣстръ=*Danaster; сюда же относится и Дунай=Danubius. Если, такимъ образомъ, русское вліяніе на сѣверѣ несомнѣнно могло сказаться уже до пріѣзда сюда скандинавовъ вообще, то болѣе острую форму это русское вмѣшательство приняло лишь впослѣдствіи. Дѣйствительно, ни въ одномъ разсказѣ о Біармаландѣ не упоминается о столкновеніи съ русскими. Но что таковыя происходили, о томъ можно заключить по названію берега Ледовитаго океана—мурманскимъ. Уже первоначальная лѣтопись упоминаетъ намъ о Мурманахъ и Урманахъ. Мурманъ русское образованіе отъ скандинавскаго nordmand и соотвѣтствовало бы нашему слову «норманъ». Звукъ д и въ томъ и въ другомъ случаяхъ едва ли произносился, а о слышалось какъ русское у. Что касается замѣны первоначальнаго н черезъ м, то она вызвана редупликаціей и кромѣ того находитъ себѣ оправданіе въ чередованіи тѣхъ же звуковъ въ названіяхъ русскихъ мѣстностей. Ср. Нерль и Мерлино, Нерехта и Мереховица, Нерская и Мерская рѣка

и другія [1]). Если бы русскіе не встрѣчали на сѣверѣ скандинавовъ, имъ никогда не пришло бы въ голову назвать сѣверный берегъ Колы — мурманскимъ. Мало того, на картѣ Меркатора, относящейся къ XVI вѣку, часть Ледовитаго океана къ сѣверу отъ Колы называется «мурманскимъ моремъ» и кромѣ того читаемъ тамъ такое примѣчаніе: Myrmanskoi more hoc est Norvegicum et Danicum mare quia Norvegos et Danos Russi Mowremans vocant [1]).

Немного заставляетъ насъ задуматься замѣтка норвежскаго лѣтописца о томъ, что во время царствованія короля Гакона, т.-е. въ первой половинѣ XIII вѣка въ Норвегію прибыли біармійцы, бѣжавшіе отъ татарскаго нашествія. Король крестилъ ихъ и далъ имъ для мѣстожительства фіордъ Малангръ [3]). Въ самомъ фактѣ сомнѣваться нельзя, но врядъ ли объясненіе мотива бѣгства правильно. Татары, насколько намъ извѣстно, не доходили до береговъ Бѣлаго моря. Гораздо вѣроятнѣе, что новгородскія дружины прогнали біармійцевъ. Норвежскій лѣтописецъ совершенно неумѣстно блеснулъ своей освѣдомленностью и замѣнилъ новгородцевъ татарами. Если уже біармійцы бѣжали въ Норвегію, то ясно, что ихъ господству на Двинѣ пришелъ конецъ. Но этому исчезновенію біармійцевъ способствовало не только распространеніе власти великаго Новгорода. Наряду съ подчиненіемъ бѣломорскаго края русской политикѣ шло также этническое передвиженіе. Въ краѣ водворяется новое племя зырянъ, которое во всякомъ случаѣ не состояло въ близкомъ родствѣ съ біармійцами. Въ то время, какъ послѣдніе поклонялись божеству Іомалѣ, зыряне не знаютъ вовсе такого имени [4]). Подъ вліяніемъ этого двойного натиска со стороны русскихъ и зырянъ біармійцы исчезли съ лица исторіи. Можетъ быть они удалились на западъ и тутъ слились съ другими, болѣе близкими, чѣмъ

---

[1]) Барсовъ, Очерки русской исторической географіи, стр. 52—4.

[2]) Аленіусъ, стр. 131.

[3]) Fms., т. X, стр. 152.

[4]) См. статью Setälä въ запискахъ упсальскаго университета за 1887 г. стр. 95.

зыряне, финскими народностями. Странно то, что восточные фины, такъ называемые карелы, преимущественно коммерческій народъ. Издревле они ведутъ оживленную торговлю по всей Финляндіи. Въ нихъ мы узнаемъ тотъ этническій типъ, который такъ ярко представленъ біармійцами. Поэтому въ поискахъ слѣдовъ біармійцевъ прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на кареловъ.

Итакъ, настало время, когда Біармаландъ былъ преданъ полному забвенію. Но увлекаясь вѣрой въ постоянное расширеніе нашего умственнаго кругозора, мы не смѣемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы такіе важные результаты ознакомленія людей съ земнымъ шаромъ, какими несомнѣнно являются открытія нормановъ, могли бы погибнуть безвозвратно. Какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и весь людской родъ нуждается въ отдыхѣ, въ извѣстномъ перерывѣ въ своихъ стремленіяхъ. Тогда забываются интересы, которые до того волновали широкіе круги общества, и меркнутъ истины, которыя долгое время служили путеводными звѣздами. Такъ цѣлые народы впадаютъ въ тупую апатію, такъ длинныя эпохи погружаются въ безпросвѣтную мглу неподвижной ночи. И сонъ человѣчества иногда тянется вѣками...

Но за каждой ночью загорается утро, каждая спячка прерывается пробужденіемъ.

Почти пять столѣтій послѣ того, какъ норманы блуждали вдоль береговъ Сѣверной Америки, Колумбъ посѣщаетъ Исландію и слушаетъ здѣсь разсказы о первыхъ открывателяхъ новаго континента. Тогда то и планы, и вычисленія флорентинца Тосканелли стали казаться ему вполнѣ выполнимыми, и никакія сомнѣнія не могли разрушить его фанатическую вѣру въ успѣхъ предпріятія. И Америка была вновь открыта и на сей разъ вступила въ постоянныя сношенія съ Европой.

Въ 1553 году, т.-е. семь почти столѣтій послѣ того, какъ Отеръ огибалъ Нордкапъ, англійское правительство снарядило экспедицію изъ трехъ кораблей съ цѣлью найти путь черезъ Ледовитый океанъ въ Китай. Но буря разсѣяла корабли, два изъ нихъ погибло и только одинъ достигъ

берега Бѣлаго моря. Капитанъ Ченселеръ (Chancelor) вошелъ въ Двинскій заливъ, на берегу котораго находился одинъ только монастырь Св. Николая. Разсказываютъ, что мѣстные жители до того были поражены появленіемъ большаго корабля, что бросились бѣжать, но англичанамъ удалось нагнать ихъ. Узнавъ о пріѣздѣ чужестранцевъ, Іоаннъ Грозный пригласилъ ихъ въ Москву и оказалъ имъ самый радушный пріемъ. Такимъ образомъ, завязались дружественныя отношенія съ англійскими купцами. Вскорѣ за ними стали наѣзжать и голландцы. Главнымъ мѣстомъ торговли служило опять, какъ и въ старину, Колмогоры. Прошло немного времени, и въ той мѣстности, гдѣ былъ расположенъ вышеназванный монастырь, возникъ городъ Архангельскъ.

Эти факты относятся уже ко второму фазису сношеній западной Европы съ сѣверной Россіей. Двинскій край подвергается эксплуатаціи большихъ торговыхъ націй новаго времени, и движеніе это организуется согласно прогрессу нашей техники. Передъ гигантскими пароходами, регулярно посѣщающими не только Бѣлое море, но и Новую Землю, и Шпицбергенъ, передъ лѣсопилками, дымящимися уже на берегу Колы и южнѣе, понятно, блѣднѣютъ тѣ экспедиціи, которыми мы занимались въ предыдущихъ главахъ. Но не забудемъ, что и эти поѣздки въ концѣ концовъ служили той же культурной цѣли, о которой говоритъ Эдуардъ VI въ письмѣ своемъ къ Іоанну Грозному:

«Господь вселенныя разсѣялъ дары Его благости, чтобы народы имѣли нужду другъ въ другѣ, и чтобы взаимными услугами утверждалась пріязнь между людьми».

Дополненія и поправки.

Стр. 8.—Новѣйшее изслѣдованіе о погребальныхъ обычаяхъ скандинавовъ принадлежитъ извѣстному археологу Альмгрену и напечатано въ сборникѣ Nordiska Studier, посвященномъ профессору Норену его учениками. Стр. 315 сл. Альмгренъ говоритъ о „корабельныхъ могилахъ“—båtgrafvar. Впослѣдствіи, когда считали лишнимъ зарывать цѣлый корабль, то ограничивались тѣмъ, что клали въ могилу нѣсколько корабельныхъ гвоздей. Послѣдняя часть статьи Альмгрена посвящена разсмотрѣнію литературныхъ источниковъ. И Альмгренъ считаетъ наиболѣе древнимъ обычаемъ—дѣйствительное отплытіе мертвеца на кораблѣ въ море, въ невѣдомое царство=ett verkligt den dödes seglande bort till det okända landet.

Стр. 10.—Нѣмецкій поэтъ Граббе въ своей комедіи Aschenbrödel передаетъ сказаніе о томъ, что источники извѣстнаго вина Liebfrauenmilch находятся на кладбищѣ въ Вормсѣ. Прежде чѣмъ переправиться черезъ Рейнъ, духи умершихъ пьютъ это вино (Grabbes sämmtliche Werke, изданіе Reclam, т. II, стр. 285).

Стр. 20.—Аналогичное образованіе, хотя, можетъ быть, и съ различнымъ значеніемъ, мы имѣемъ въ прозвищѣ askmaðr, которое встрѣчается, напримѣръ, у Снорри (Hkr., стр. 104—6).

Стр. 21, строка 18.—Вмѣсто: направленіе къ подземному царству,—читай: направленіе къ царству мертвыхъ.

Стр. 34, строка 2.—Вмѣсто: kvân—читай: kván

Стр. 48.—Я все не рѣшался сопоставить Alaborg съ Олонецъ, объяснивъ послѣднее названіе при помощи финскаго ala=нижній. Тѣмъ болѣе я былъ пораженъ, узнавъ, что это предположеніе высказано Погодинымъ въ Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ (1905 г., т. X, кн. 3. стр. 10); по его мнѣнію изъ Agnismaa получилось—оньсь (съ выпаденіемъ g передъ n) и съ приставкой al' (изъ ala=нижній, ниже) Оль-оньсь.

Стр. 81, строка 2.—Вмѣсто: собст- венно, слѣдуетъ перенести собственно.

Стр. 87, строка 11.—Послѣ слова „толкуютъ“ слѣдуетъ вставить: его.

Стр. 98, строка 15.—Читай: XIV вѣка.

Стр. 106, примѣчаніе 1.—Читай: ritum.

Стр. 120, строка 12 перваго примѣчанія.—Читай: Тибета.

Стр. 132.—Во второмъ примѣчаніи вмѣсто буквы t вкрался знакъ ŧ.

Стр. 133, примѣчаніе.—Знакъ ŧ слѣдуетъ замѣнить буквой t.

Стр. 138, примѣчаніе 1.—Читай: Выше, стр. 112—3.

Стр. 161, строка 4.—Вмѣсто: или же,—читай: и.

Стр. 170, примѣчаніе 1.—Читай: Schück.

Стр. 186, примѣчаніе 3.—Вмѣсто: Фричіофсаги—читай: Фритіофсаги.
Стр. 188, строка 13.—Читай: Скелькингъ.
Стр. 191, примѣчаніе 1.—Читай: landsmålen.
Стр. 192, примѣчаніе 1.—Читай: Schück.
Стр. 198, строка 13.—Читай: привилегія.
Стр. 216, строка 10 снизу.—Читай: колдовствомъ.

Стр. 221.—Понятно, въ этой послѣдней части Орваръ-Оддсаги легко найти и мотивы, встрѣчаемые въ средневѣковой эпикѣ вообще. Выводить же на этомъ основаніи непосредственную связь съ какимъ нибудь заграничнымъ источникомъ никакъ нельзя. Тѣмъ не менѣе Benezé привлекаетъ Орваръ-Оддсагу для сравненія съ такими отдаленными источниками, какъ Orendel, Wilhelm von Orense и Робертъ дьяволъ (Sagen-und literarhistorische Untersuchungen, выпускъ II).

Стр. 224, примѣчаніе 2.—Читай: skandinavischen.
Стр. 246, примѣчаніе.—Читай: Сл. стр. 167.
Стр. 247, строка 7 снизу.—Читай: Сага вовсе не...
Стр. 247, примѣчаніе 1.—Читай: Сл. выше, стр. 168.
Стр. 257, строка 11.—Читай: путешествія.
Стр. 271, примѣчаніе.—Читай: Steenstrup.
Стр. 274, примѣчаніе.—Читай: Spridda studier.
Стр. 278, строка 3.—Читай: Карли.
Стр. 304, примѣчаніе 4.—Читай: tvo.
Стр. 323, строка 16.—Читай: [3]).
Стр. 328.—Нумерація примѣчаній перепутана.

Вмѣсто: [1]) читай: [7]).
„ [2]) „ [1]).
„ [3]) „ [2]).
„ [4]) „ [3]).
„ [5]) „ [4]).
„ [6]) „ [5]).
„ [7]) „ [6]).

Стр. 339, строка 4.—Вмѣсто: славный—читай: славенъ.
Стр. 348, строки 8, 10 и 13.—Читай повсюду: браслетъ.
Стр. 348, примѣчаніе 2.—Читай: см. выше стр. 329.
Стр. 355, строка 4 и 5 снизу.—Читай повсюду: стекляный.
Стр. 356, строка 7 снизу.—Читай: стекляный.
Стр. 356, примѣчаніе 2.—Читай: стр. 330 сл.
Стр. 373, строка 14.—Вмѣсто: чувствительности—читай: чувственности.
Стр. 389, строка 2.—Читай: вродѣ.
Стр. 389, строка 3 снизу.—Читай: въ правѣ.
Стр. 417, строка 19.—Читай: особыя носилки.

Списокъ цитатъ и сокращеній.

Адамъ Бременскій—Adami gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum (Изданіе: Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum).

Afdt—Anzeiger für deutsches Alterthum und deutsche Litteratur.

Afnf—Arkiv för nordisk filologi.

Аленіусъ—Ahlenius, Till kännedomen om Skandinaviens geografi och kartografi under 1500—talets senare hälft (Skrifter utgifna af kongl. humanistiska vetenskaps—samfundet i Upsala) 1897—1900.

Annaler f. nord. Oldk.—Annaler för nordisk Oldkyndighed.

An. Sagabibl.—Altnordische Sagabibliothek, herausgegeben von Cederschiöld Gering und Mogk.

Arwidsson—Handlingar till upplysning af Finlands häfder, 1846—54.

Біернеръ—Biœrner, Schediasma historico-geographicum de Varegis, 1734.

Босасага—Die Bosa-saga, herausgegeben von Jiriczek, 1893.

Браунъ—Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній. 1899.

Бугге—Bugge, Studien über die Entstehung der nordischen Götter-und Heldensagen. 1889.

Vatnsdælasaga—изданіе Vigfússon & Möbius 1860 (Fornsögur).

Weinhold—Die Polargegenden Europas nach den Vorstellungen des deutschen Mittelalters (Sitzungsberichte der kais. Akademie d. Wissenschaften. Philosophisch-historische classe, т. LXVIII, 1871. Wien).

Вельсунгасага—Wilken, Die prosaische Edda im Auszuge nebst Volsungasaga und Nornagests-þáttr, 1877.

Вигфуссонъ С. Р. В.—Corpus poeticum boreale, Vigfússon & Powell.

— —Um tímatal í íslendínga sögum (Safn til sögu Islands og islenzkra bókmenta 1856).

Werlauff—Symbolae ad geographiam medii ævi ex monumentis islandicis, 1821.

Geijer—Svea rikes häfder (Samlade skrifter, т. IV).

Herv.—Hervarar saga ok Heidreks, изд. Bugge (Det norske oldskriftselskabs samlinger), 1873.

Геродотъ—Herodoti historiarum libri IX, recognovit... Dindorfius, Parisiis, 1858.

Hkr.—Heimskringla, изд. Unger (Det norske oldskriftselskabs samlinger).

Гольтеръ—Golther, Handbuch der germanischen Mythologie, 1895.

Греттисага—Grettis saga A'smundarsonar, изданіе Boer, 1900 (An. Saga-bibl.).
Grimm—Deutsche Mythologie, 1835.
Grundtvig—Udsigt over den nordiske Oldtids heroiske Digtning, 1867.
D. A.—Müllenhoff, Deutsche Alterthumskunde.
Іонсонъ—Jónsson, Den oldnordiske og oldislandske Litteraturs Historie.
Іорданъ—Monumenta Germaniae historica, т. V.
Кастренъ—Castrén, Nordische Reisen und Forschungen, 1853—62.
Kluge—Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 1899.
Конрадсага—Cederschiöld, Fornsögur Suđrlanda, 1884.
Kunik—Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven, 1844—5.
L—Qrvar-Odds Saga, изданіе Boer'a, 1888.
Landnámabók—изданіе Kgl. Nordiske Oldskrift Selskab., 1900.
Лаксделасага—изданіе Kålund'a, An. Sagabibl., т. IV.
Лербергъ—Lehrberg, Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands, 1816.
Ljósvetningasaga—изданіе Asmundarson'a, 1896.
Мангардтъ—Mannhardt, Germanische Mythen, 1858.
Maurer- Bekehrung des norwegischen Stammes zum Christenthume, 1855.
— —Island von seiner ersten Entdeckung bis zum Untergange des Freistaats, 1874.
— —Über die Ausdrücke: Altnordische, altnorwegische und isländische Sprache, 1867.
Meyer — Germanische Mythologie, 1891.
— — Mythologie der Germanen, 1903.
Munch—Symbolae ad historiam antiquiorem rerum Norvegicarum, 1850.
Nordenskjöld—Periplus, 1887.
— —Die Umsegelung Asiens und Europas auf der Vega, 1882.
Нореnъ—Noreen, Altisländische nnd altnorwegische Grammatik, 1892.
— —Spridda Studier, 1903.
— —Abriss der urgermanischen Lautlehre, 1894.
Nyland—Samlingar utgifna af Nyländska afdelningen, Helsingfors.
Ольрикъ—Olrik, Kilderne til Sakses Oldhistorie.
Пауль—Paul, Grundriss der germanischen Philologie.
P. B. B.—Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Litteratur, издатели: Paul & Braune.
Петерсенъ — N. M. Petersen, Haandbog i den gammelnordiske Geografi, 1834.
Плиній—C. Plinii secundi Naturalis historia, изданіе Detlefsen, 1866.
Прокопій—La guerra gotica di Procopio di Cesarea, изданіе Comparetti (Fonti per la storia d'Italia).
Птолемей—Claudii Ptolemaei Geographia, изданіе Карла Мюллера, 1883.
Rask—Samlede tildels forhen utrykte Afhandlinger, 1834.
Rittershaus—Die neuisländischen Volksmärchen, 1902.

Рюдбергъ—Rydberg, Undersökningar i germanisk mythologi, 1886.
Saxo—Saxonis grammatici Historia Danica, издатель—Petrus Erasmus Müller, 1839.
Sv. landsm.—Nyare bidrag iill Kännedom, om de svenska landsmålen och svenskt folklif.
Schück—Illustrerad svensk litteraturhistoria, 1897.
— —Studier i nordisk litteratur och religions-historia, 1904.
Сибель—Historische Zeitschrift, издатель—Sybel.
Скониигъ—Schoning, Dödsriger i nordisk Hedentro, 1903 (Studier fra Sprog- og Oldtidsforskning, выпускъ 57).
Sn. Edda—Wilken, Die prosaische Edda im Auszuge nebst Volsunga-saga und Nornagests-thåttr, 1877.
Стенструпъ—Steenstrup, Normannerne, 1876—79.
Стормъ—Storm, Kritiske Bidrag til Vikingetidens Historie, 1878.
Страбонъ—Strabonis Geographica, издатели—C. Müller & Dübner, 1853.
Тацитъ—Oeuvres complètes de Tacite (Collection des auteurs latins de M. Nisard) 1845.
Торфеусъ—Thormod Torfaeus, Historia rerum Norvegicarum, 1711.
Уландъ—Uhlands Schriften zur Geschichte der Dichtung und Sage.
Fas.—Rafn, Fornaldarsögur norđrlanda, 1829—30.
Flateyjarbók—Christiania, 1862.
Fms.—Fornmanna sögur, 10 томовъ, 1825—35.
Förteckning öfver svenska ortnamn i Finland—Svenska Litteratursällskapets i Finland skrifter, т. XXXIV, 1897.
Форстеръ—Forster, Allgemeine Geschichte der Entdeckungen und Schiffahrten im Norden, 1782.
F. S. S.—Cederschiöld, Fornsögur Suđrlanda, 1884.
Fóstbrœdrasaga—Kjobenhavn, 1822.
Фритіофсага—Friđþjófs saga ins frœkna, изданіе Larsson'а (An. Sagabibl.). 1901.
Фрицнеръ—Fritzner, Ordbog over det gamle norske Sprog, 1867.
Zf. d. A.—Zeitschrift für deutsches Altertum.
Zf. d. Ph.—Zeitschrift für deutsche Philologie,
Шегренъ—Sjögren, Gesammelte Schriften.
Шюккъ—см. Schück.
Эгильсага—Egils saga Skallagrímssonar, изданіе Jónsson'а (An. Sagabibl.), 1894.
Edda—Sæmundar Edda, изданіе Detter'а и Heinzel'а, 1903.
Edda, Anmerkungen—второй томъ вышеназваннаго изданія.
Eddica minora—изданіе Heusler'а и Ranisch'а, 1903.
Эйрикъ Красный—Сыромятниковъ, Сага объ Эйрикѣ Красномъ, 1890.
Эратосѳенъ—Berger, Die geographischen Fragmente des Eratosthenes, 1880.

Алфавитный указатель.